

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

25
р. 98

60
15186.

НОЯБРЬ.

1903.

РУССКОЕ БОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.

1903.

AP50
CR94

Exchange

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28-го ноября 1903 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	ОТРАН.
1. Конокрады. <i>А. Куприна</i>	5— 28
2. Великая хартія вольностей. Историческій очеркъ. <i>Дмитрія Петрушевскаго</i>	29— 63
3. Пѣсня швей. Стихотвореніе <i>Л. Андрусона</i>	64
4. Корея и корейцы. <i>П. Ю. Шмидта</i>	65— 94
5. Бабы. <i>Ек. Лятковской</i>	95—109
6. * * Стихотвореніе <i>В. Баикина</i>	109
7. Земельныя нужды деревни (По работамъ сельско- хозяйственныхъ комитетовъ). <i>А. В. Пышехо-</i> <i>нова</i> . Продолженіе.	110—130
8. * * Стихотвореніе <i>Г. Е. Чернобаева</i>	130
9. Безъ иллюзій. <i>О. Н. Ольнемъ</i> . I—IV.	131—163
10. Пепелище. Романъ <i>Ст. Жеромскаго</i> . Переводъ съ польскаго <i>Н. Ю. Татарова</i> . Продолженіе.	164—188
11. Земля обѣтованная. Романъ <i>В. С. Реймонта</i> . Пе- реводъ съ польскаго <i>Н. Ю. Татарова</i> . Продол- женіе (Въ приложеніи).	401—448
12. Границы анализа въ литературной критикѣ. <i>Ал. Гу-</i> <i>ковскаго</i>	I— 22
13. Новыя книги: Изабелла Гриневская. Бабъ. Драматическая поэма.—Д. Ве- дребисели (Д. К. Маліева). «Нетронутый уголокъ». Грузин- скіе рассказы.—На страшный бой или геніи и паразиты.— Г. Е. Косткина.—Шекспиръ (Библіотека великихъ писате- лей подъ ред. С. А. Венгерова).—П. Коганъ. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ.—В. Н. Перець. Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго.—Очерки русской исторіи. М. Помяловскаго.—Е. Щейкина. Краткій очеркъ русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до 1881 г.—Проф. С. Ѳ. Платоновъ. Статьи по русской исто- ріи.—С. Н. Шубинскій. Историческіе очерки и рассказы.— Аксель Арсталь. Семья и ея задачи.—І. А. Литинскій,	

(См. на оборотѣ).

Общераспространенныя болѣзни.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.	22— 24
14. Еще о школѣ и жизни. <i>В. Эвальда.</i>	45— 85
15. Литература и жизнь: Гр. Л. Н. Толстой о ежемѣсячныхъ журналахъ.—Г. Буренинъ о нихъ же. — «Текущiе», «мнимые» и истекшіе.—О г. Меньшиковѣ.—О Накрохинѣ и о томъ, кто виноватъ въ его несчастной судьбѣ. — Книга Спенсера «Факты и комментарий».—О любви къ отечеству и народной гордости. <i>Ник. Михайловскаго.</i> . . .	85—101
16. Наша текущая жизнь («Вѣстникъ Европы», «Миръ Божій», «Русская Мысль», «Образованіе»). <i>В. Г. Подарскаго.</i>	102—133
17. Политика: Дѣла Дальняго Востока.—Еще къ еврейскому вопросу. <i>С. Н. Южакова.</i>	134—145
18. Михель подъ ружьемъ (Письмо изъ Германіи). <i>Реуса.</i>	145—181
19. Хроника внутренней жизни: I. Проекты измѣненій въ центральныхъ и мѣстныхъ органахъ министерства внутреннихъ дѣлъ. — Коммиссія объ «оскудѣніи центра», ея занятія и исходъ ихъ.— II. По поводу «говорящихъ куколъ» и ихъ рѣчей.—Проекты военного суда надъ оскорбителями офицеровъ. — Что такое военная честь?— III. Правительственныя распоряженія и сообщенія.—Правительственныя распоряженія въ Финляндіи.—Административныя распоряженія по дѣламъ печати. <i>В. А. Мякотина.</i>	182—227
20. М. А. Плотниковъ (Памяти честнаго работника, <i>Вл. Короленко.</i>	227—230
21. Письмо въ редакцію.	230—237
22. Отчетъ конторы редакціи.	
23. Объявленія.	

(XII-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО.

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

Подписная цена:

На годъ съ доставкой и пересылкой . . . . . **9 р.**

Безъ доставки въ Петербургъ и въ Москвѣ . . 8 » *)

За границу . . . . . **12 »**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ журнала — *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія вор., д. Газарина.*

Желающие воспользоваться разсрочкой подписной платы (за исключеніем книжныхъ магазиновъ и др. коммисіонеровъ по приему подписки, отъ которыхъ подписка въ разсрочку не принимается) должны обращаться **непосредственно** въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗСРОЧКУ:

При подпискѣ. . . . . 5 р.	или	{	при подпискѣ . . . . . 3 р.
и къ 1-му юля . . . . . 4 »			къ 1-му апрѣля. . . . . 3 »
			и къ 1-му юля . . . . . 3 »

**Не приславшим доплатить в означенные сроки высылка
журнала прекращается.**

Доставляющие подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКИЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ БИБЛИОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЕ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРИЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНИЯХЪ могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто 9 рублей, 8 руб. 60 коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка в рассрочку или не вполне оплаченная 8 р. 60 к.
отъ них НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до получения недостающихъ денегъ, какъ
бы ни была мала удержанная сумма.

*) Для городских подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки (за исключеніемъ книжныхъ магазиновъ и библиотекъ) допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ, съ платежомъ впередъ: въ декабрѣ за январь, въ январѣ за февраль и т. д. по июль включительно.

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“:

(С.-Петербургъ — Контора редакціи, Васкова ул., 9; Москва —
Отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

А. С. Ан—скій. Очерки народной литературы. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. Разказы. Ц. 1 р. 50 к.

Діонео. Очерки современной Англіи. Ц. 1 р. 50 к.

С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири. Изд. *третье*. Ц. 1 р.

» » Очерки и разказы. Ц. 1 р. 50 к.

Вл. Короленко. Очерки и разказы. Книга 1-ая. Изданіе *десятое*.
Ц. 1 р. 50 к.

» » Очерки и разказы. Книга 2-ая. Изданіе *шестое*.
Ц. 1 р. 50 к.

» » Очерки и разказы. Книга 3-ья. Изданіе *второе*.
Ц. 1 р. 25 к.

» » Слѣпой музыкантъ. Изданіе *десятое*. Ц. 75 к.

» » Въ голодный годъ. Изданіе *четвертое*. Ц. 1 р.

» » Безъ языка. Разказъ. Изд. *второе*. Ц. 75 к.

Н. Нудринъ. Очерки современной Франціи. Изд. *второе*. Ц. 1 р. 50 к.

Ек. Лѣткова. Мертвая зыбь. Разказы. Изд. *второе*. Ц. 1 р.

» » Отдыхъ. Разказы. Изд. *второе*. Ц. 1 р.

» » Рабъ. Разказы. Ц. 1 р.

Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ. Томъ I. Изданіе *третье*.
Ц. 1 р. 50 к.

» » Томъ II. Изданіе *второе*. Ц. 1 р. 50 к.

» » Пасынки жизни. Разказы. Изданіе *второе*. Ц. 1 р.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Гриневичъ). Очерки русской поэзіи. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Н. Михайловскій. Сочиненія. Томъ I. Ц. 2 р.

» » » II. » 2 »

» » » III. » 2 »

» » » IV. » 2 »

» » » V. » 2 »

» » » VI. » 2 »

» » Литературныя воспоминанія и современная смута.
Томъ I. Ц. 2 р.

» » Литературныя воспоминанія и современная смута.
Томъ II. Ц. 2 р.

В. А. Мякотинъ. Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и очерки.
Ц. 2 р.

А. О. Немировскій. Напастъ. Повѣсть. Ц. 1 р.

Сборникъ «Русскаго Богатства» (1899 г.). Беллетристика. Ц. 2 р.

» » Публицистика. » 1 »

С. Н. Юмановъ. Дважды вокругъ Азіи. Ц. 1 р. 50 к.

П. Я. Стихотворенія. Томъ I. Изд. *пятое*. Ц. 1 р.

» » II. Изд. *второе*. Ц. 1 р.

Подписчики „Русскаго Богатства“, приобрѣтающіе эти книги,
пользуются даровой пересылкой.

Шесть томовъ Соч. Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. Ц. 12 р.

СОДЕРЖАНИЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1878 гг.

СОДЕРЖАНИЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНИЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНИЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идеолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Маркъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНИЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицензіяхъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и варенныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Цюна, яреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНИЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Для подписчиковъ „Русскаго Богатства“, за исключеніемъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ, вмѣсто 12 р., цѣна 9 руб. безъ пересылки. Пересылка за ихъ счетъ *наложеннымъ платежомъ*—товаромъ большой скорости, посылкой или заказной бандеролью.

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ. Литературныя воспоминанія и современная смута. Два тома, по 2 рубля каждый.

Подписчики «Русскаго Богатства», выписывающіе эти два тома, за пересылку ихъ не платятъ.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Васковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) Непринятые рукописи, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1901 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1902 г., уничтожены.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія уничтожаются.

К О Н О К Р А Д Ы.

I.

Вечеромъ, въ срединѣ іюля, на берегу полѣсской рѣченки Зульни, лежали въ густомъ лознякѣ два человѣка: нищій изъ села Казимирки, Онисимъ Козель, и его внукъ, Василь, мальчишка лѣтъ 13-ти. Старикъ дремалъ, прикрывъ лицо отъ мухъ рваной бараньей шапкой, а Василь, подперевъ подбородокъ ладонями и сощутивъ глаза, разсѣянно смотрѣлъ на рѣку, на теплое, безоблачное небо, на дальній сосновый лѣсъ, рѣзко чернѣвшій среди пожара зари

Тихая рѣка, неподвижная, какъ болото, вся была скрыта подъ сплошной твердой зеленью кувшинокъ, которыя томно выставляли наружу свои прелестные, бѣлые, непорочные вѣнчики. Лишь на той сторонѣ, у самаго берега, оставалась чистая, гладкая, не застланная листьями полоса воды, и въ ней мальчикъ видѣлъ отраженные съ необыкновенной отчетливостью—и прибрежную осоку, и черный зубчатый лѣсъ, и горѣвшее за нимъ зарево. А на этой сторонѣ, у самой рѣки, въ равномъ разстояніи другъ отъ друга стояли древнія, дуплистыя ветлы. Короткія прямыя вѣтки топорщились у нихъ кверху, и сами онѣ—низкія, корявыя, толстыя—походили на приземистыхъ старцевъ, воздѣвшихъ къ небу тощія руки.

Тонкимъ, печальнымъ свистомъ перекликались кулички. Изрѣдка въ водѣ тяжело бултыхалась крупная рыба. Мошкара дрожала надъ водой прозрачнымъ, тонкимъ столбомъ.

Козель вдругъ приподнялъ голову съ земли и устался на Василя оторопѣлымъ, бессмысленнымъ взглядомъ.

— Ты что сказалъ?—спросилъ онъ невнятно, хриплымъ голосомъ.

Мальчикъ ничего не отвѣтилъ. Онъ даже не обернулся на старика, а только медленно, съ упрямымъ, скучающимъ выраженіемъ опустилъ и поднялъ свои длинныя рѣсницы.

— Скоро придутъ,—продолжалъ старикъ, точно разговаривая самъ съ собой.—Треба, пока что, покурить.

Онъ вяло перевалился на бокъ и сѣлъ на корточки, по

турецки. На обѣихъ рукахъ у него были отрублены всѣ пальцы, за исключеніемъ большого на лѣвой рукѣ, но этимъ единственнымъ пальцемъ онъ ловко и быстро набилъ трубку, придерживая ее культипкой правой руки о колѣно, досталъ изъ шапки спички и закурилъ. Сладковатый, похожій сначала запахомъ на резеду, дымокъ махорки поплылъ синими струйками въ воздухъ.

— Что же, ты самъ видѣлъ Бузыгу?—какъ будто нехотя спросилъ Василь, не отводя глазъ отъ зарѣчной дали.

Козель вынулъ трубку изъ рта и, нагнувшись на сторону, звучно сплюнулъ.

— А какже? Извѣстно самъ... Ухъ, отчаянный человѣка. Совсѣмъ, какъ я въ старые годы. Гуляетъ по цѣлому селу, пья-а-ный-распьяный... какъ ночь!.. Жидковъ-музыкантовъ нанялъ, тѣ попереди его зажариваютъ, а онъ себѣ никакихъ. Въ правой рукѣ платокъ, сапоги въ новыхъ калошахъ, на жилеткѣ серебряная чѣпка. Пришелъ до Грипы Ковалевой: „Гей, курва, горилки!“ въ стаканъ бросилъ серебряного рубля, горилку выпилъ, а деньги музыкантамъ кинулъ. Хлопцы за нимъ такъ чередой и ходятъ, такъ и ходятъ.. Косятся, какъ тѣ собаки на волка, но а ни-ни! ничего не могутъ, только зубами на него клямкаютъ.

— О?—воскликнулъ съ восторженнымъ недоумѣніемъ мальчикъ.

— Обыкновенно... А ему что? О-го-го!.. Ему плевать на нихъ. Я твоихъ коней не крадъ?—значить, и ты до меня не цѣпляйся. Отъ, если бы я твои кони укралъ, да ты бы словилъ меня,—ну, тогда твой верхъ: имѣешь полное право бить. А то—нѣ-ѣтъ, шалишь... Это не проходитъ...

Мальчикъ молча глядѣлъ на рѣку. На ней уже начали покрикивать, сперва изрѣдка, точно лѣнливо, звонкіе лягушачьи голоса. Вечерній туманъ дымился въ камышѣ и легкимъ, какъ кисея, паромъ вился надъ водой. Небо потемнѣло и позеленѣло, и на немъ яснѣе выступилъ, незамѣтный до сихъ поръ, узкій серпъ молодого мѣсяца.

— Козель, а правду говорятъ, что у Бузыги ребра двойныя?—спросилъ задумчиво Василь.—Что будто его никогда убить нельзя? Правда тому?

— Истинная правда. Какже иначе? у него всѣ ребра срослись, до самого пупа. Такого, какъ Бузыга, хоть чѣмъ хочешь бей, а ужъ печенокъ ты ему, братъ, нѣ-ѣтъ... не отобьешь. Потому что у него печонки къ ребрамъ приросли. А у человѣка печонки—это первая штука. Если у человѣка отбиты печени, то тому человѣку больше не жить. Заслабнетъ, начнетъ харкать кровью, ни ѣсть, ни пить не можетъ, а тамъ и дуба дастъ...

Мальчикъ пощупалъ свою грудь, тонкіе бока, впалый животъ и протяжно вздохнулъ.

— А то еще, вотъ, говорятъ, что двойная спина бываетъ... какъ у лошадей,—сказалъ онъ печально.—Правда это, Козель?

— Это тоже правда. Бываетъ.

— А у Бузыги?

— Что у Бузыги?

— У него тоже двойная спина?

— Ну, ужъ этого я не знаю. Не могу сказать.

— Я думаю, у него тоже двойная...

— Все можетъ быть,—покачалъ головой старикъ.—Все можетъ быть... Главное, Бузыга—онъ хитрый на голову. О-го-го. Это такой человѣкъ! Въ Шепелевкѣ онъ разъ попался... Хотя, скажемъ, и не попался, а выдалъ его одинъ хлопецъ. Изъ-за бабы у нихъ зашло. Накрыли его съ конями въ полѣ... Было это вечеромъ. Ну, обыкновенно, привезли въ хату, зажгли огня и стали бить. Всю ночь били на смерть, чѣмъ попало. Мужики, если бьютъ, такъ ужъ у нихъ, извѣстно, такой законъ—чтобы каждый билъ Дѣтей, бабъ приводятъ, чтобы били. Чтобы, значить, потомъ всей громадѣ за-разъ отвѣчать. Вотъ, бьютъ они его, бьютъ,—устанутъ, давай горилку возлѣ него пить, отдышутся трошки—опять бьютъ. А Митро Гундосый видитъ, что Бузыга ужъ ледве дышаетъ, и говоритъ: „почекайте, хлопцы, какъ бы злодѣй у насъ не кончился. Заждите, я ему воды дамъ“. Но Бузыга—онъ хитрый—онъ знаетъ, что если человѣку послѣ такого боя дать воды напиться, то тутъ ему и смерть. Справился онъ какъ то и проситъ: „православные хрестьяне, господа громада, какъ бы вы мнѣ поднесли одну пляшечку горилки, а тамъ хоть снова бейте. Чую я, что конецъ мой подходитъ, и хочется мнѣ передъ смертью въ опушный разъ попробовать вина“. Тѣ засмѣялись, дали ему склянку. Потомъ уже больше не мучили—все равно, видятъ, человѣкъ и самъ помираетъ,—а отвезли его въ Баовъ Куть и бросили, какъ то стерво. Думали, тамъ и кончится. Однако ничего, не подался Левонтій, выдыхалъ... Черезъ два мѣсяца у Митра Гундосаго пара коней сгинула. Добрые были кони...

— О!—Это Бузыга?—радостно вскрикнулъ мальчикъ.

— Кто бы ни былъ, не наше дѣло, —значительно и злобно возразилъ Козель.—Приходилъ послѣ того Гундосый до Бузыги, въ ногахъ у него валялся, сапоги ему цѣловалъ. „Возьми гроши, только укажи, гдѣ кони. Ты знаешь!“ А тотъ ему отвѣчаетъ: „ты бы, Митро, воды пошелъ напился“ Вотъ онъ какой Бузыга!..

Старый нищій замолчалъ и сталъ съ ожесточеніемъ насасывать трубку. Она сочно хрипѣла, но не давала уже больше

дыму. Козель вздохнулъ, выколотилъ трубку о свою босую подошву и спряталъ ее за пазуху.

Лягушки заливались теперь со всѣхъ сторонъ. Казалось, что весь воздухъ дрожалъ отъ ихъ страстныхъ, звенящихъ криковъ, которымъ вторили глухіе, болѣе рѣдкіе, протяжные стоны большихъ жабъ. Небо изъ зеленаго сдѣлалось темно-синимъ, и серпъ луны сіялъ на немъ, какъ кривое лезвіе серебрянаго ятагана. Заря погасла. Только у того берега, въ чистой рѣчной заводи, рдѣли двѣ длинныя кровавыя полосы.

— Козель, я, когда вырасту, тоже буду коней красть!— произнесъ вдругъ тихимъ горячимъ шепотомъ мальчикъ.— Не хочу милостыню собирать. Я буду, какъ Бузыга.

— Тсс... постой... — встрепенулся старикъ.— Онъ поднялъ вверхъ свой страшный палецъ и, наклонивъ голову на бокъ, внимательно прислушался.— Идутъ!

Василь быстро вскочилъ на ноги. Въ густой заросли ивняка чуть слышно шлепала вода подъ чьими-то шагами. Мужскіе голоса говорили глухо и монотонно.

— Гукни, Василь, — приказалъ старикъ. — Только не швидко.

— Гопъ-гопъ!—крикнулъ мальчикъ сдавленнымъ отъ волненія голосомъ.

— Гопъ!—коротко отозвался издали сдержанный, спокойный басъ.

II.

Кудрявыя верхушки лозняка закачались, раздвигаемыя осторожной рукой. Изъ кустовъ на притоптанное, сухое мѣстечко, гдѣ дожидались нищій и мальчикъ, безшумно вынырнулъ, согнувшись вдвое, коротконогій, бородастый, неуклюжій съ виду мужиченко въ рваной коричневой свиткѣ. Прямые, жесткіе волосы падали у него изъ-подъ капелюха на брови, почти закрывая черные косые глаза, глядѣвшіе мрачно и недовѣрчиво исподлобья. Голову онъ держалъ наклоненной внизъ и немного на бокъ, по медвѣжьи, и когда ему приходилось посмотрѣть въ сторону, то онъ не поворачивалъ туда шею, а медленно и неловко поворачивался всѣмъ тѣломъ, какъ это дѣлаютъ люди кривошеіе или больные горломъ. Это былъ Акимъ Шпакъ, извѣстный пристанодержатель и укрыватель краденаго. Онъ же указывалъ вѣрные мѣста для дѣла и „подводилъ“ конокрадамъ лошадей.

Шпакъ пристально, съ враждебнымъ видомъ оглядѣлъ старика и мальчика и, затоптавшись на мѣстѣ, повернулъ назадъ свое несуразное тѣло съ неподвижной шеей.

— Бузыга, сюда!—сказалъ онъ сипло.

— Здѣсь!—весело, по солдатски отвѣтилъ низкій самоувѣренный голосъ.—Бывайте здоровенькіе, панове злѣдѣи.

На прогалину вышелъ рослый рыжій человѣкъ въ городскомъ платьѣ и высокихъ, щегольскихъ сапогахъ. Онъ протянулъ было руку Козлу, но, замѣтивъ свою ошибку, тотчасъ же спохватился.

— А, чортъ... Я забылъ, что тебѣ нечѣмъ здороваться,—сказалъ онъ небрежно.—Ну, здравствуй такъ. А это тотъ самый хлопецъ, про котораго говорили? — показалъ онъ на Василя.

— Тотъ, тотъ, — поспѣшно закивалъ головой старый нищій.—О, это такой проворный хлопецъ... все равно, какъ пуля. Что-жъ, сѣдай, Левонтій?

— Сяду — гостемъ буду; угощу горилкой — хозяиномъ буду,—равнодушно пошутилъ Бузыга, опускаясь на землю.—Акимъ, достань тамъ, что есть.

Акимъ вынулъ изъ холщевой торбы полштофъ водки, нѣсколько каленыхъ темныхъ яицъ, половину большого хлѣба и положилъ все это на траву, подлѣ Бузыги. Козель жадно слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ и своимъ единственнымъ пальцемъ нервно теребилъ сѣдой подстриженный усъ.

— А я ужъ думалъ, что не придешь ты,—сказалъ старый нищій, обративъ лицо къ Бузыгѣ, но не отрывая глазъ отъ рукъ Акима.—Видѣлъ я тебя днемъ въ Березной... пьянѣй вина... Ну, думаю, не придетъ вечеромъ Бузыга. Куда ему... Х-ха! А по тебѣ и не видно.

— Меня горилка не беретъ, — вяло уронилъ Бузыга. — Прикидывался я. Да и спалъ до вечера.

— У Грипы спалъ?

— А тебѣ что? Ну, у Грипы.

— Нѣтъ я такъ... ничего... Любятъ тебя бабы.

— А чортъ ихъ дери. Пускай любятъ, — равнодушно пожалъ плечами Бузыга.—Или тебѣ завидно?

— Гдѣ ужъ мнѣ! Я забылъ, какъ и думаютъ про это... Небось, не пускала она тебя?

— Еще бы! Меня не пустишь!.. — Бузыга прищурился и самоувѣренно мотнулъ подбородкомъ вверхъ. — Пей лучше горилку, старый. Ты, я вижу—все около чего-то крутишься. Спросилъ бы прямо.

— Чего мнѣ спрашивать? Мнѣ нечего спрашивать. Я просто такъ... Пью до васъ, пане Бузыга. Бывайте здоровенькіе, пошли вамъ Богъ успѣха во всѣхъ дѣлахъ вашихъ. — Старикъ ухватилъ своимъ пальцемъ, какъ подвижнымъ крючкомъ, горлышко бутылки и дрожащей рукой поднесъ его ко рту. Долго цѣдилъ онъ по каплямъ сквозь зубы водку, по-

томъ передалъ бутылку Бузыгѣ, утерся рукавомъ и спросилъ съ дѣланной развязностью:

— Пытала она тебя, куда собрался?

— Кто?

— Да Грипа же.

Бузыга внимательно и серьезно поглядѣлъ старику въ переносѣе.

— Спрашивала. Ну? — протяжно произнесъ онъ, сдвигая брови.

— Да я же... Да, Господи... я просто такъ себѣ... Я же знаю, что ты все равно не скажешь...

— Вы бы заткнулись лучше, дядько Козель, — вѣско посоветовалъ, глядя куда-то въ бокъ, молчаливый Акимъ.

— Ой, хитришь ты, старая собака, — сказалъ Бузыга, и въ его сильномъ голосѣ дрогнули, неожиданно прорвавшись, какія-то звѣриныя ноты. — Смотри, братъ, — тебѣ Бузыгу не учить. Когда Бузыга сказалъ, что онъ въ Крешевѣ, то значить его будутъ шукать въ Филипповичахъ, а Бузыга тѣмъ часомъ въ Степани на ярмаркѣ копей продаетъ. Тебѣ Шпакъ правду говорить: лучше молчи.

Во все время, пока Бузыга говорилъ, Василь не сводилъ съ него пристального и тревожнаго взгляда. Въ наружности конокрада не было ничего необыкновеннаго. Его большое, изрытое оспой лицо, съ крутыми, рыжими солдатскими усами, было неподвижно и казалось скучающимъ. Маленькіе голубые глаза, окруженные бѣлыми рѣсницами, смотрѣли сонно, и только въ самую послѣднюю минуту въ нихъ зажглось странное — острое и жестокое — выраженіе. Движенія у него были медленныя, лѣнныя и какъ будто рассчитанныя на то, чтобы тратить на нихъ наименьшія усилія, но его могучая, круглая шея, выступавшая изъ косого ворота рубашки, длинныя руки съ огромными рыжеволосыми кистями, наконецъ, широкая, свободно согнувшаяся спина — говорили о тѣлесной силѣ необычайныхъ размѣровъ.

Подъ вліяніемъ упорнаго взгляда мальчика, Бузыга невольно повернулъ къ нему голову. Глаза его сразу погасли, и лицо сдѣлалось равнодушнымъ.

— Ты что на меня задивился, хлопчикъ? — спросилъ онъ спокойно. — Какъ тебя зовутъ?

— Василь, — отвѣтилъ мальчикъ и тотчасъ же откашлялся: такимъ слабымъ и свистящимъ показался ему собственный голосъ.

Козель угодливо хихикнулъ.

— Х-хе-е! Ты его, Бузыга, спроси, что онъ будетъ дѣлать, когда подрастетъ. Передъ тобой мы съ нимъ балакали. Не хочу, говорить, Христа ради просить, какъ ты. А я, гово-

рить, буду, какъ Бузыга... Я ужъ съ него смѣялся, ажъ боки рвали!—совралъ для чего-то Козель.

Мальчикъ быстро повернулся къ дѣду. Его большіе сѣрые глаза потемнѣли, расширились и загорѣлись гнѣвомъ.

— Ахъ ты, подсвинокъ!—воскликнулъ съ удивленіемъ и съ неожиданной лаской въ голосѣ Бузыга.—А ну-ка, ходи ко мнѣ. Горилку пьешь?

Онъ поставилъ Василя между своими колѣнами и большими, сильными руками плотно обнялъ его тонкое тѣло.

— Пью!—храбро отвѣтилъ мальчикъ.

— Эге, съ тебя добрый воряга будетъ. Ну-ка, тяпни.

— Какъ бы не завредило?—съ лицемѣрной заботливостью замѣтилъ Козель, жадно глядя на бутылку.

— Молчи, старый лисъ. Останется и тебѣ, — успокоилъ его Бузыга.

Василь сдѣлалъ большой глотокъ и закашлялся. Что-то отвратительное на вкусъ, горячее, какъ огонь, обожгло ему горло и захватило дыханіе. Нѣсколько минутъ онъ, какъ рыба, вытащенная изъ воды, ловилъ открытымъ ртомъ воздухъ и страшно хрипѣлъ. Изъ глазъ у него покатались слезы.

— Отъ такъ. Теперь садись, козакъ, промежь козаками,—сказалъ Бузыга и легонько оттолкнулъ отъ себя Василя. И, точно сразу забывъ о мальчикѣ, онъ равнодушно заговорилъ съ Козломъ.

— Давно я собираюсь тебя спросить, гдѣ ты свои пальцы загубилъ?—медленно ронялъ Бузыга низкіе, лѣнивые звуки.

— Случай былъ такой, — съ притворной неохотой отвѣтилъ нищій.—Вышла гисторія изъ-за коней.

— Слыхалъ, что изъ-за коней... Ну?

— Ну, вотъ... Да, тутъ нема ничего интереснаго,—мямлилъ Козель, протягивая слова. Ему чрезвычайно хотѣлось подробно и долго поговорить объ этомъ страшномъ случаѣ, разрѣзавшемъ пополамъ всю его жизнь, и онъ нарочно настраивалъ вниманіе слушателей.—Тридцать лѣтъ назадъ это было. Можетъ быть, теперь нема и на свѣтѣ того человѣка, который мнѣ это сдѣлалъ. Былъ онъ нѣмецъ. Колонистъ...

Василь лежалъ на спинѣ. Всему его тѣлу становилось тепло и какъ-то необыкновенно, до смѣшного легко, а передъ глазами заройлось безчисленное множество крошечныхъ свѣтлыхъ точекъ. Около него что-то говорили, двигались чьи-то руки и головы, надъ нимъ тихо колебались низкія, черныя вѣтви какихъ-то кустовъ, и простиралось темное небо, но онъ видѣлъ и слышалъ все это, не понимая, какъ будто не онъ, а кто-то чужой ему лежалъ здѣсь, на травѣ, въ густомъ лознякѣ. Потомъ онъ вдругъ съ удивительной ясностью услы-

шалъ голосъ стараго нищаго, и сознаніе вернулось къ нему съ новой обостренной силой и съ неожиданнымъ, глубокимъ вниманіемъ къ окружающему. И разсказъ, который онъ слышалъ отъ Козла, по крайней мѣрѣ, разъ тридцать, снова наполнилъ его душу любопытствомъ, волненіемъ и ужасомъ.

III.

— ...Гляжу у корчмы привязана до столба пара коней,— разсказывалъ Козель глѣбучимъ, жалобнымъ голосомъ.—Сразу я по хургону призналъ, что кони нѣмецкіе: колонисты за- всегда въ такихъ хургонахъ ѣздютъ. Ну-жъ, и кони были! Сердце у меня въ грудяхъ заходило... О-го-го! я толкъ понимаю въ коняхъ. Стоять оба два, какъ тѣ лялечки, ножки въ землю вросли, ушки маленькія, торчкомъ, глазомъ косятъ на меня, какъ звѣрюки... И не то, чтобы очень изъ себя видные, нѣтъ—не панскіе кони, но ужъ мнѣ то отъ разу видно, что они за два. Такіе кони тебѣ пробѣгутъ хоть сто верстовъ — и ничего имъ не станетъ. Вытри имъ только морду сѣномъ, да дай воды по корцу и ѣзжай опять дальше. Ну, что тамъ толковать! Я скажу одно: вотъ, нехай сейчасъ придетъ ко мнѣ Господь Богъ, альбо самъ святой Юрко, и нехай онъ скажетъ мнѣ: „слухай, Онисиме, нѣ тебѣ назадъ твои пальцы, но чтобы ты больше никогда не смѣлъ коней красть“... Такъ что ты думаешь, Бузыга? Вѣдь я бы тѣхъ коней опять увелъ. Накажи меня Богъ, увелъ бы...

— Что же дальше?—перебилъ его Бузыга.

— Сейчасъ будетъ дальше. Акимъ сверни-ка мнѣ покурить. Да... ходилъ я, ходилъ округъ того хургона, мабуть цѣлую половину часа ходилъ. Главное я тебѣ скажу—что? Главное, что человѣкъ никогда своего времени не знаетъ. Коли бы я ихъ сразу отвязалъ, да поѣхалъ—все бы у меня сошлось ладно. Дорога все время лѣсомъ, ночь темная, грязюка, вѣтеръ... чего бы лучше. А я заработъ. Толкусь возлѣ коней, какъ дурень, а самъ все думаю: „эхъ, упустилъ я свой часъ! Выйдетъ нѣмецъ изъ корчмы и всему конецъ“. Потомъ снова похожу, похожу и снова думаю: „эхъ, и опять потерялъ я время задаромъ!—теперь ужъ и совсѣмъ нельзя“. И все чего-то я робѣю, и самъ не знаю, съ чего...

— Надо сразу,—рѣшительно молвилъ Бузыга.

— Ахъ, Левонтій, Левонтій, отчего тебя тогда со мной не было?—со страстной укоризной воскликнулъ Козель.—Ну, да что тамъ!.. тебя еще и на свѣтѣ тогда не было... Да. Такъ я, значить, и ходилъ округъ тѣхъ лошадей и того хургона, и все боялся. Можетъ быть, оттого это такъ вышло, что былъ

я тогда трезвый и голодный... развѣ я знаю? Сначала все марудился безъ толку, а потомъ — точно меня по тылицѣ ударили сзади — кинулся я до коней, распуталъ возжи, сталъ колокольцы подвязывать... Только вдругъ — хлопъ! — выходитъ изъ корчмы той самый нѣмецъ, въ шапкѣ, съ кнутомъ. Увидѣлъ меня и кричитъ съ лѣстницы: „эй, ты, сукинъ котъ, что ты тамъ около коней околачиваешься? Украсть хочешь?“ Я ему отвѣчаю: „зачѣмъ же мнѣ твою худобу красть? Своей у меня, что ли, нѣтъ? Ты меня поблагодари, говорю, что я твоихъ коней до столба привязалъ, а то утекли бы“. — „Ладно, говоритъ, знаемъ мы, какъ вы привязываете. Пошолъ вонъ, свинья!“ Ну я, конечно, отошелъ въ сторону, спрятался по-за корчму и стою. Зло меня взяло, ажъ трясусь весь. Нѣтъ, думаю, этого я тебѣ такъ не оставлю.

— Понятно. Развѣ же можно простить? — увѣренно подтвердилъ Бузыга. — Я бы, хоть черезъ годъ, а увелъ у него коней.

— Нѣтъ, Бузыга, не увелъ бы! — съ глубокимъ убѣжденіемъ возразилъ Козель. — У этого нѣмца и ты бы не увелъ. Ты постой, не сердись... Ты послушай, что дальше было. Сховался я за корчмой и смотрю. Вотъ нѣмецъ покрутился, покрутился возлѣ хургона и кричитъ: „Лейба, неси сюда овесъ!“ Лейба, корчмарь, вынесъ ему четверть и спрашиваетъ: „а отчего бы вамъ у меня въ корчмѣ не заночевать? Коней бы покормили.“ А тотъ говоритъ: „нѣтъ, спасибо вамъ, мнѣ нема часу, дуже далеко ѣхать. А коней, говоритъ, я въ лѣсу покормлю, у Волчяго Разлога. До свиданья вамъ“. — „До свиданья“. — Сѣлъ колонистъ въ хургонъ и поѣхалъ.

— Я за нимъ. До Мысловой онъ шибко гналъ рысью, но я дорогу зналъ добре, пустился тропкой черезъ казенный лѣсъ напрямки. Вышелъ на шляхъ, сѣлъ въ канаву, гляжу, ѣдетъ нѣмецъ шагомъ. Далъ я ему проѣхать впередъ — пошелъ за нимъ слѣдомъ. Онъ коней въ бѣгу пустить — и я бѣгу, онъ шагомъ — и я шагомъ. О-го-го! Двадцать пять лѣтъ тогда мнѣ было. Былъ я хлопецъ крѣпкій, не хуже тебя, Бузыга. Что ты думаешь: тридцать верстовъ я за нимъ отдралъ — до самаго Волчяго Разлога. По правдѣ сказать, не надѣялся я, что онъ станетъ на ночь въ лѣсу, какъ говорилъ. Думалъ: нарочно это онъ мнѣ баки забиваетъ, чтобы сбить меня. Но гляжу — нѣтъ, — и въ самдѣлѣ свертаетъ со шляха въ лѣсъ, на поляну. Разнуздалъ коней, все какъ слѣдуетъ быть, оглобли у хургона кверху поднялъ. А я пролѣзъ на животъ, какъ та гадюка, легъ за кустомъ и все вижу. Потому что ночью, если съ горы смотрѣть, то ничего не увидишь, а въ гору все видно...

— Знаемъ,—нетерпѣливо сказалъ Бузыга.—Ну?..

— Потомъ, гляжу, онъ надѣлъ конямъ на ноги путы. Путы желѣзныя, я ужъ издали слышу, какъ ляскаютъ. Эге-ге, думаю,—значить, ты тутъ и вправду заночуешь. Лежу... А холодно! вѣтеръ!.. Зубы у меня такъ и стучатъ. Но ничего, скрѣпился я, жду. Вижу, полѣзъ нѣмецъ въ хургонъ, поворошился тамъ трошки и затихъ. Много времени прошло, можетъ часъ, а можетъ два, развѣ я знаю? Сталъ я понемногу подниматься. Думаю: спать нѣмецъ, или только такъ, дурака валяетъ? Взялъ грудку земли, бросилъ впередъ. Нѣмецъ—а ни муръ-муръ. А у меня на него злоба такъ и кипитъ. Вспомню, какъ онъ меня обругалъ—ажъ зубами заскриплю. Поднялся я, сѣлъ на карячки, гляжу, а оба кони прямо на меня шкандыбаютъ, одинъ попереди, другой сзади. Остановятся, пощиплютъ траву, скубнутъ съ куста сухой листикъ, и снова—трюхъ-трюхъ—и все на меня. А меня, я тебѣ скажу, Бузыга, никакой конь ночью не испугается. Потому что есть такое слово...

— Знаю. Враки!—сердито возразилъ конокрадъ.—Говори дальше.

— Ну все равно. Какъ хочешь... Подошли ко мнѣ кони такъ близко, что до морды только руку протянуть. Я имъ сейчасъ: пш... о-о! милый. Огладилъ одного конька—ничего... дается... Сталъ я ему желѣзку распиливать. Напилокъ всегда при мнѣ былъ. Пилю, пилю, а самъ все поглядываю: что нѣмецъ? Рѣшилъ я тогда второго коня не брать: дуже тяжело пилить приходилось, желѣзки были новыя, толстыя, да и думаю: все равно—онъ меня на одномъ конѣ не догонитъ.

Перепилилъ я одинъ пруть до середины. Сталъ пробовать, могу ли разломать. Напружился я, стараюсь со всѣхъ силъ... вдругъ кто-то меня сзади торкъ въ плечо. Обернулся я, а около меня—нѣмецъ. Какъ онъ ко мнѣ подобрался?—чортъ его вѣдаетъ. Стоить и зубы оскалилъ, точно смѣется. „А ну-ка, говоритъ, пойдемъ со мной. Я тебя научу, какъ коней воруютъ“. У меня отъ страха ноги отнялись, и языкъ въ ротъ какъ присохъ. А онъ взялъ меня подъ мышку и поднималъ съ земли.

— А ты что же?—со злобой крикнулъ Бузыга.

Старикъ скорбно развелъ своими изуродованными руками.

— Не знаю,—сказалъ онъ тихо.—Вотъ пускай меня Богъ на этомъ мѣстѣ покараетъ,—до сего часу не знаю, что онъ со мной сдѣлалъ. Маленькій былъ такой нѣмчикъ, ледащій, всего мнѣ по плечо, а взялъ меня, какъ дитину малую, и ведетъ. И я, братъ, иду. Чую, что не только утечь отъ него—куда тамъ утечь!—поворохнуться не могу. Зажалъ онъ меня,

какъ коваль въ тиски, и тащить. Почему я знаю, можетъ, это совсѣмъ и не человѣкъ былъ?

Дошли мы до хургона. Одной рукой онъ меня держать, а самъ нагнулся надъ хургономъ и что-то лапаетъ. Думаю я: что онъ будетъ дѣлать? А онъ искалъ и говорить: „нѣтъ, должно быть, не здѣсь“. Опять за руку повелъ меня вокругъ хургона. Зашелъ съ другой стороны, полапалъ-полапалъ и вытаскиваетъ топоръ. „Вотъ онъ, говоритъ. Нашелъ. Ну, теперь, говоритъ, положи руку на драбину“. Тихо такъ говорить, безъ гнѣва. Понялъ я тогда, что онъ хочетъ мнѣ руку рубить. Затрясся я весь, заплакалъ... А онъ мнѣ говорить: „не плачь, это не долго“...

Стою я, какъ тотъ быкъ подъ обухомъ, сказать ничего не могу, а только дрожу. Взялъ онъ мою руку, положилъ на полудрабокъ—хрюсь! „Не воруй, говоритъ, коней, коли не умѣешь“. Три пальца сразу отсѣкъ. Одинъ отскочилъ, въ лицо мнѣ ударился. А онъ опять—хрюсь! хрюсь!—и самъ все приговариваетъ: „не воруй, коли не умѣешь, не воруй чужихъ коней“... Потомъ велитъ онъ мнѣ дать другую руку. Я его, какъ малое дитя, слушаюсь, ложу и лѣвую руку. И снова онъ мнѣ говоритъ: „не воруй коней“, и хрюсь топоромъ!.. Отсѣкъ онъ мнѣ всѣ пальцы, оставилъ только одинъ, вотъ этотъ,—Козель протянулъ впередъ свою изуродованную руку съ торчащимъ вверхъ большимъ пальцемъ.—Посмотрѣлъ на него, посмотрѣлъ и говоритъ: — „Ну, говоритъ, все равно ты этимъ пальцемъ лошадей красть не будешь, развѣ что другому вору поможешь. Дарю его тебѣ, чтобы ты имъ пилъ, ѣлъ, трубку раскуривалъ, и чтобы обо мнѣ всегда помнилъ“.

Кровь такъ и хлестала изъ меня... жжжи!.. въ девять ручьевъ бѣгла. Не выдержалъ я. Стало мнѣ такъ тошно, такъ скверно... А онъ взялъ меня, какъ котенка, за воротъ, сгребъ и понесъ. Стояла тутъ большая калюжа. Ночь была холодная—страсть! ажъ воду сверху затащило льдомъ. Притащилъ меня нѣмецъ къ той калюжѣ, разбилъ сапогомъ ледъ и велитъ мнѣ сунуть руки въ воду. Послушался я его—сразу мнѣ стало легче. А онъ мнѣ говоритъ: „такъ и сиди, говоритъ, до утра. Вынешь руки—тебѣ же хуже будетъ“. Съ этими словами отошелъ отъ меня, словилъ коней, запрягъ и уѣхалъ. Тогда я себѣ думаю: пойду до фершала... Вынулъ руки—да какъ закричу на весь лѣсъ! Больно въ пальцахъ, будто ихъ огнемъ пекутъ, а руки такъ и сводить въ суставахъ. Я опять ихъ въ воду—ничего, отпускаетъ, полегче стало... Такъ я—правду нѣмецъ сказалъ—и просидѣлъ до утра. Выну руки—ну просто гвалтъ, вытерпѣть не возможно, опушу въ воду—проходить боль. Къ утру я со-

всѣмъ закоченѣлъ, а вода стала въ калюжкѣ красная, какъ кровь. Ъхалъ мимо посесоръ изъ Нагорной, такъ онъ забралъ меня въ шарабанъ и привезъ въ больницу. Перевязали меня тамъ, вылѣчили, подкормили, а черезъ мѣсяцъ и на волю пустили. И на кой чортъ! — воскликнулъ онъ со страстной горечью. — Въ сто разъ лучше было бы для меня тамъ и околѣть въ Волчьемъ Разлогѣ!..

Онъ замолчалъ и весь согнулся, низко опустивъ голову. Нѣсколько минутъ конокрады сидѣли, не говоря ни слова, не двигаясь. Вдругъ Бузыга содрогнулся всѣмъ тѣломъ, точно просыпаясь отъ какихъ-то страшныхъ грезъ, и шумно вздохнулъ.

— Что же ты сдѣлалъ потомъ съ тѣмъ нѣмцемъ? — спросилъ онъ сдержаннымъ, но вздрагивающимъ отъ злобы голосомъ.

— А что бы я могъ сдѣлать съ нимъ? — печально спросилъ въ свою очередь Козель. — Что бы ты на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ?

— Я бы!.. я бы!.. у-у-у!.. — зарычалъ Бузыга, яростно царапая пальцами землю. Онъ задыхался отъ гнѣва, и глаза его свѣтились въ темнотѣ, какъ у дикаго звѣря. — Я бы его соннаго зарѣзалъ!.. Я бы ему зубами глотку перервалъ!.. Я бы...

— Ты-ы бы! — съ горькой усмѣшкой перебилъ его Козель. — А какъ бы ты его напелъ? Кто онъ? Гдѣ онъ живетъ? Какъ его звать? Можетъ, это и не человѣкъ совсѣмъ былъ...

— Брехня! — медленно произнесъ молчавшій до сихъ поръ Акимъ Шпакъ. — На свѣтѣ нема никого — ни Бога, ни чорта...

— Все одно! — воскликнулъ Бузыга, стукнувъ кулакомъ о землю. — Все одно: я бы тогда сталъ безъ разбору всѣхъ колонистовъ подпаливать. Скотъ бы ихній портилъ, дѣтей бы ихнихъ калѣчилъ... И до самой смерти бы такъ!..

Козель тихо засмѣялся и еще ниже опустилъ голову.

— Эхъ, бра-атъ, — протянулъ онъ съ ядовитой укоризной. — Хорошо подпаливать съ десятью пальцами... А когда у тебя всего одинъ остался, — старикъ опять ткнулъ впередъ свои ужасные обрубки, — тогда тебѣ и дорога одна — на церковную паперть, со слѣпцами и калѣками...

И онъ вдругъ запѣлъ старческимъ дребезжащимъ голосомъ мрачныя слова древней нищенской пѣсни:

Ой, лыхо мини, лыхо уб-о-о-гому...

Сотворите милостыню, Христа ра-а-а-ди...

Благодѣтели вы на-а-а-ши...

Ой, сидимъ мы, безногіе, безру-у-у-кіе

Калики злосчасные край доро-о-о-зи-и.

Онъ мучительнымъ крикомъ, фальшиво оборвалъ пѣсню, уткнулъ голову между поднятыми вверхъ колѣнями и глухо зарыдалъ.

Никто не произнесъ больше ни слова. На рѣкѣ, въ травѣ и въ кустахъ, точно сился перегнать и заглушить другъ-друга, неумолчно кричали лягушки. Ущербленный мѣсяцъ стоялъ среди неба — ясный, одинокій и печальный. Старыя ветлы, зловѣще темнѣвшія на ночномъ небѣ, съ молчаливой скорбью подымали вверхъ свои узловатые, изсохшія руки...

III.

Тяжелые, частые шаги послышались въ лознякѣ, съ той стороны, откуда недавно пришли Бузыга съ Акимомъ. Кто-то торопливо бѣжалъ черезъ чащу, шлепая безъ разбора по водѣ и ломая на своемъ пути сухія вѣтки. Конокрады насторожились. Акимъ Шпакъ сталъ на колѣни. Бузыга оперся руками о землю, готовый каждую секунду вскочить и броситься впередъ.

— Кто это?—шепотомъ спросилъ Василь.

Никто ему не отвѣтилъ. Грузные шаги раздавались все ближе. Среди всплесковъ воды и треска вѣтвей уже слышалось чье-то сильное, хриплое и свистящее дыханіе. Бузыга быстро сунулъ руку за голенище, и передъ глазами Василя блеснуло стальное лезвіе.

Шумъ шаговъ внезапно прекратился. Наступилъ моментъ удивительной, глубокой тишины. Даже испуганныя лягушки перестали кричать. Что то огромное, тяжеловѣсное затопталось въ кустахъ, свирѣпо фыркнуло и засопѣло.

— Эге, да это кабанъ,—сказалъ Бузыга, и всѣ вздрогнули отъ его громкаго голоса.—До воды пришелъ.

— И то правда,—согласился Шпакъ, спокойно ваясь на землю.

Кабанъ еще разъ негодуяще фыркнулъ и кинулся назадъ. Долго было слышно, какъ хрустѣлъ онъ кустами въ своемъ могучемъ бѣгѣ. Потомъ все стихло. Лягушки, точно раздраженные минутной помѣхой, закричали съ удвоенной силой.

— Когда пойдешь, Бузыга?—спросилъ старикъ.

Бузыга поднялъ голову и внимательно посмотрѣлъ на небо.

— Рано еще,—сказалъ онъ, зѣвая.—Пойду передъ утромъ. Къ зарѣ мужики спать, какъ куры...

Сонъ понемногу охватывалъ Василя. Земля заколыхалась подъ нимъ вверхъ и внизъ и медленно поплыла куда-то въ

сторону. На мгновеніе мальчикъ увидѣлъ, съ трудомъ открывая глаза, темныя фигуры трехъ людей, безмолвно сидѣвшихъ другъ возлѣ друга, но онъ уже не зналъ, кто они, и зачѣмъ они сидятъ такъ близко около него. Изъ кустовъ, гдѣ тѣснились, гнѣвно сопя и фыркая, дикіе кабаны, вдругъ вышелъ сынъ церковнаго старосты—Зинька, засмѣялся и сказалъ: „Василько, вотъ лошади, поѣдемъ“. И они сѣли вдвоемъ въ маленькія санки и повеселись съ пріятной быстротой въ темнотѣ, по узкой, бѣлой беззвучной дорожкѣ, между высокими соснами. Сзади бѣжалъ дѣдушка, онъ махалъ своими обрубленными руками и не могъ ихъ догнать, и это было необыкновенно смѣшно и радостно. Въ гривы и въ хвосты лошадей были вплетены бубенчики, и на вѣтвяхъ темныхъ сосенъ висѣли бубенчики—со всѣхъ сторонъ доносился ихъ однообразный, торопливый и веселый звонъ... Потомъ Василь съ размаху быстро вѣхалъ въ какую-то темную, мягкую стѣну—и все исчезло...

Онъ проснулся отъ холодной сырости, которая забралась ему подъ одежду и трясла его тѣло. Стало темнѣе, и поднялся вѣтеръ. Все странно измѣнилось за это время. По небу быстро и низко мчались большія, пухлыя, черныя тучи, съ растрепанными и расщипанными бѣлыми краями. Верхушки лозняка, спутанныя вѣтромъ, суетливо гнулись и вздрагивали, а старыя ветлы, вздѣвшія кверху тощія руки, тревожно наклонялись въ разныя стороны, точно онѣ старались и не могли передать другъ-другу какую-то страшную вѣсть.

Конокрады неподвижно лежали, головами внутрь, слабо и плоско чернѣя своими тѣлами въ темнотѣ. У кого-то изъ нихъ дымилась во рту трубка. Она то погасала, то опять вспыхивала на секунду, и красный свѣтъ, въ перемежку съ длинными косыми тѣнями, бѣгалъ по бронзовымъ лицамъ. Отъ холода и отъ прерваннаго сна мальчикомъ овладѣла усталость и длительная, равнодушная скука. Онъ безъ интереса вслушивался въ тихій разговоръ конокрадовъ и съ тупой обидой чувствовалъ, что имъ нѣтъ до него никакого дѣла, какъ не было до него дѣла этимъ огромнымъ, быстро несущимся молчаливымъ тучамъ и этимъ встревоженнымъ ветламъ. И то, къ чему онъ готовился въ эту ночь, и что прежде наполняло его душу волненіемъ и гордостью, показалось ему вдругъ ненужной, мелкой и скучной выдумкой...

— Ты все свое. Истинный ты Козель!—съ досадой говорилъ Бузыга.—Куда мнѣ твой соловый жеребенокъ къ чорту? Его же въ каждомъ селѣ знаютъ, какъ облупленнаго. Въ позапрошломъ году угналъ я верхового коня у бухгалтера съ сахарнаго завода. Весь гнѣдой, сукинъ сынъ, безъ отмѣтины, а лѣвая передняя нога, шугъ ее дери, бѣлая. Я съ

нимъ туда, я съ нимъ сюда—всѣ съ меня смѣются, какъ съ дурня. „Мы, говорятъ, съ глудзу еще не сѣхали. Такого коня и въ Ровномъ не продашь, онъ по всей губерніи извѣстенъ“. Такъ ты знаешь, Козель, за что я его продалъ? За кувшинъ кислаго молока. Что свистишь? Вѣрно тебѣ говорю. Волька Фишкинъ купилъ. Увидѣлъ, шибенникъ, что я отъ жары языкъ высунулъ, и зоветъ меня: „Слушайте, Бузыга, а ну, зайдите трошки ко мнѣ, кислаго молока выпить“. Зашелъ я, а онъ мнѣ потомъ говоритъ: „послушайте, Бузыга, мнѣ съ вами всегда пріятно имѣть дѣло, но этого коня у васъ купить только дурень. Все равно, вы его вечеромъ бросите, куда попало. Лучше бы вы его отдали мнѣ, а я его отведу назадъ, на заводъ. Можетъ быть, заработаю сколько нибудь грошей на чай?“ Я ему и отдалъ лошадь, а онъ ее потомъ въ Подольской губерніи, на Ярмолинецкой ярмаркѣ, продалъ за сто тридцать карбованцевъ. Такъ вотъ что значитъ, Козель, такихъ коней уводить.

— Н-на... это такъ, — въ раздумьи протянулъ старикъ и пожевалъ беззубымъ ртомъ.—А вотъ тоже хороши караковые коньки у Викентія Сироты... И подвести легко...

— У Викентія... да, оно конечно...—нерѣшительно согласился Бузыга. — Викентій, это вѣрно.. Только, знаешь, Козель, жалко мнѣ Викентія обижать. Небогатый онъ мужикъ и всегда такой ласковый... Сколько разъ, бывало, — голова трещить, какъ котелъ, скажешь ему: „опохмѣли, Викентій“—сейчасъ постарается. Нѣтъ, жаль мнѣ Викентія...

— Ерунда! Никого не жаль, — злобно сказалъ Акимъ Шпакъ.

— Нѣтъ, Викентія ты оставь, — твердо приказалъ Бузыга.—Говори другихъ.

— Кто же еще? Миколо Грачъ развѣ?

— Миколо Грачъ это — другой табакъ. Только хитрый, дьяволъ. Ну, да все одно—Грача будемъ помнить, на всякій случай.

— Можно еще Андрееву кобылу подвести, бѣлую. Ничего кобылка...

— Къ чорту бѣлую! — сердито воскликнулъ Бузыга. — И стара, и волосы вездѣ налѣзутъ. Первая примѣта... Помнишь, какъ Жгунъ съ бѣлой лошадыю вляпался? Тсс... Помолчи-ка, Козель,—махнулъ онъ рукой на старика.—Что это съ нашимъ хлопчикомъ?

Василь корчился на землѣ, изъ всѣхъ силъ стараясь съежиться такимъ образомъ, что-бы въ него какъ можно меньше проникала холодная болотная сырость. Зубы его громко стучали другъ о друга.

— Что, хлопецъ, проняло тебя? — услышалъ онъ вдругъ

надъ своей головой густой голось, звучавшій съ непривычной мягкостью. Мальчикъ открылъ глаза и увидѣлъ склонившееся надъ нимъ большое лицо Бузыги.

— Постой-ка, я тебя укрою, — говорилъ конокрадь, снимая съ себя пиджакъ. — Что же ты раньше-то не сказалъ, дурной, что тебѣ холодно? Повернись трошки... Вотъ такъ...

Бузыга заботливо подтыкалъ полы пиджака подъ бока мальчику, а самъ сѣлъ подлѣ него и положилъ ему на плечо свою широкую, тяжелую руку. Чувство невыразимаго удовольствія и благодарности задрожало у Василя въ груди, волной подкатилось къ горлу и защипало глаза. Пиджакъ былъ большой и очень толстый, еще теплый отъ тѣла Бузыги и пахнувшій запахомъ здороваго пота и махорки. Мальчикъ быстро сталъ согрѣваться подъ нимъ. Съжившись въ комочекъ и плотно зажмуривъ глаза, онъ ощупью отыскалъ большую, пріятно - тяжелую руку Бузыги и ласково прикоснулся къ ней кончиками пальцевъ. И уже опять въ его затуманившемся сознаніи побѣжала черезъ темный лѣсъ бѣлая, длинная дорога.

Онъ заснулъ такъ крѣпко, что ему показалось, будто онъ только на мигъ закрылъ глаза и тотчасъ же открылъ ихъ. Но когда онъ открылъ ихъ, то повсюду уже былъ разлитъ тонкій, невѣрный полусвѣтъ, въ которомъ кусты и деревья выдѣлялись сѣрыми, холодными пятнами. Вѣтеръ усилился. Попрежнему нагибались верхушки лозняка, и раскачивались старыя ветлы, но въ этомъ уже не было ничего тревожнаго и страшнаго. Надъ рѣкой поднялся туманъ. Разорванными косыми клочьями, наклоненными въ одну и ту же сторону, онъ быстро неся по водѣ, дыша сыростью.

Бузыга съ посинѣвшимъ отъ холода, но веселымъ лицомъ легонько толкалъ Василя въ плечо и говорилъ на распѣвъ, подражая колокольному звону:

По-опъ Ма-а-ртынъ,
Спи-ишь ли-и ты.
Звонятъ въ колокольню...

— Вставай, хлопчикъ, — сказалъ онъ, встрѣтивъ улыбающійся взглядъ Василя. — Время идти...

Козель глухо кашлялъ старческимъ, утреннимъ, затяжнымъ кашлемъ, закрывая ротъ рукавомъ и такъ давясь горломъ какъ будто его рвало. Лицо у него было сѣро-зеленое, точно у трупа. Онъ долго и беспомощно махалъ своими культяпками по направленію Василя, но кашель мѣшалъ ему заговорить. Наконецъ, справившись и тяжело переводя духъ, онъ сказалъ:

— Такъ ты, Василь, проводишь Бузыгу черезъ Маринино болото до Переброда...

— Знаю я,—нетерпѣливо прервалъ его мальчикъ.

— А ты, щенокъ, помолчи!—сердито крикнулъ старикъ и опять надолго закашлялся.—Смотри, чтобы вамъ въ казенномъ лѣсу въ окно не провалиться. Тамъ трясина...

— Да знаю же я... Говорилъ ты...

— Дай досказать... Помни, мимо млина не идите, лучше по-подъ горой пройти—на млинѣ работники рано встаютъ. Воалѣ панскихъ пряселъ человекъ будетъ держать четырехъ лошадей. Такъ двухъ Бузыга возьметъ въ поводъ, а на одну ты садись и ѣзжай за нимъ до Крешева. Ты слушай, что тебѣ Бузыга будетъ говорить. Ничего не бойся. Пойдешь назадъ, если тебя спросятъ, куда ходилъ?—говори: ходили съ дѣдомъ въ казенный лѣсъ лыки драть... Ты только не бойся, Василь...

— Ну тебя къ чорту! Ничего я не боюсь,—грубо, дѣтскимъ басомъ огрызнулся Василь, отворачиваясь отъ старика.—Бузыга, пойдемъ, что ли...

— Ахъ ты, кашпукъ. Какой сердитый!—радостно засмѣялся Бузыга.—Такъ его, такъ, стараго пса... Ну, айда Иди впередъ.

Акимъ Шпакъ вдругъ засопѣлъ и затоптался на одномъ мѣстѣ. Его хмурое лицо было измято безсонной ночью и казалось еще больше свороченнымъ на бокъ; бѣлки черныхъ глазъ были желтые, съ кровавыми жилками, и точно налитые какой-то грязной слизью.

— Деньги пополамъ, Бузыга,—сказалъ онъ мрачно.—Мы тебя не обижаемъ. Половина тебѣ, а половина намъ троимъ: мнѣ, Козлу и Кубику... Такъ, чтобы безъ обмана. Мы все равно потомъ узнаемъ...

— Ладно!—крикнулъ безпечно Бузыга.—Прощайте!

— Съ Богомъ!—сказалъ Козель.

Акимъ Шпакъ неуклюже, всѣмъ туловищемъ повернулся къ старику, поглядѣлъ на него съ ненавистью и крѣпко сжалъ губы:

— Тьфу, нищ-щій!—прошипѣлъ онъ сквозь стиснутые зубы.

IV.

Онисимъ Козель жилъ со своимъ внукомъ на краю села, около моста, въ покосившейся на бокъ и глубоко вросшей въ землю хатенкѣ, у которой давнымъ-давно развалилась труба, бѣлая наружная обмазка отпала извилистыми кусками, оголивъ внутреннй слой желтой глины, а стекла, кое-гдѣ замѣненные толстыми тряпками, стали отъ времени зелено-

матовыми и отливали радужными цвѣтами. Кромѣ ихъ двоихъ, здѣсь жила еще Прохоровна—глухая, столѣтняя, вившая изъ ума одинокая старуха. Всѣ трое пользовались жильемъ бесплатно, изъ милости односельчанъ, тѣмъ болѣе, что въ эту же вымороченную хату, по распоряженію начальства, свозили со всей волости, для вскрытія, удушенниковъ, утопленниковъ, скоропостижно умершихъ и убитыхъ въ дракѣ крестьянъ. Тотъ самый столъ, на которомъ обыкновенно обѣдали трое отщепенцевъ деревенской жизни, служилъ въ этихъ случаяхъ для помѣщенія труповъ.

Василь вернулся домой усталый и встревоженный (Козель пришелъ раньше и уже лежалъ на печкѣ, прикрывшись съ головой рванымъ зимнимъ кожухомъ). Мальчику удалось благополучно проводить Бузыгу до Переброда. Съ мельницы ихъ, кажется, не замѣтили, хотя тамъ уже копошились люди, и стояли телѣги. Они нашли въ указанномъ мѣстѣ, у панскихъ прясель, четырехъ привязанныхъ лошадей, но Кубика при нихъ не было. Это обстоятельство такъ сильно обезпокоило Бузыгу, что онъ взялъ съ собой только двухъ коней, какіе были получше, остальныхъ же бросилъ привязанными, а мальчику велѣлъ, не медля, бѣжать домой, и бѣжать не по дорогѣ, а напрямикъ черезъ Маринкино болото и черезъ казенный лѣсъ.

— Испугался Бузыга?—торопливо спросилъ Козель.

— Испугался—нѣтъ,—отвѣтилъ Василь, тяжело переводя дыханіе.—А разсердился крѣпко. Кубика грозился зарѣзать... И на меня разсердился... Я ему говорю: „все равно, Бузыга, я не боюсь, возьмемъ всѣхъ коней и поѣдемъ“... Какъ онъ закричитъ и на меня! Я думалъ, прилѣтъ... Побѣжалъ я отъ него...

— А мнѣ? Мнѣ онъ ничего не велѣлъ сказать?

— Велѣлъ. Скажи, говорить, старику, чтобы весь день сидѣлъ дома и никуда чтобы не рипался. А если будутъ тебя спрашивать про Бузыгу и про коней, то чтобы ты отвѣчалъ что ничего не знаешь и ничего не слышалъ...

— Господи, Царица небесная, что же это такое?—плаксиво и безпомощно воскликнулъ Козель.

Василь жадно, большими глотками, пилъ изъ деревяннаго ковша воду.

— Должно быть, за Бузыгой погнались,—сказалъ онъ, отрывая на минуту отъ ковша вспотѣвшее лицо.—Я, когда болотомъ бѣжалъ, слышалъ: много народу по шляху поскакало. Верхомъ и на телѣгахъ...

Старикъ растерянно моргалъ своими красными, точно вывороченными, слезящимися вѣками. Лицо у него отъ страха перекосилось, и одинъ уголъ рта задержался.

— Ложись, Василь, ложись скорѣй на лавку!—лепеталь онъ срывающимся голосомъ.—Ложись скорѣй. Ой, горе наше, Господи, Господи!.. Чьихъ лошадей онъ увелъ? Ты не видалъ? Охъ, да ложись же ты!..

— Одну я не знаю, а другая наша, Кузьмы Сотника чалая кобылка...

— Кузьмы? О, Господи!.. Что же теперь будетъ? Какъ вѣдь просилъ я Бузыгу: не трогай изъ нашего села коней, нѣтъ—на тебѣ!—вздыхалъ Козель, возясь у себя на печкѣ.—Василь, ты помни, если будутъ спрашивать, куда ходили,—говори—въ казенный лѣсъ за лыками. А лыки, скажи, лѣсникъ отнял. Слышишь?

— Ну тебя, слышу!—сурово отозвался мальчикъ.

— Святители и чудотворцы наши, угодники Божии!—продолжалъ причитать Козель.—Не можетъ же это быть, чтобы Кубикъ донесъ: не такой онъ хлопецъ. А все Бузыга—чугунная голова! На кой ему чортъ было двухъ коней угонять? Ты говоришь, много народу скакало? Господи, Господи!.. И всегда онъ такъ: своей головы ему не жалъ, такъ и на чужую наплевать. Вѣдь самъ видитъ, подлецъ, что дѣло дрянъ, ну, и утекалъ бы скорѣй,—нѣтъ, ему надо гусара доказать, передъ мальчишкой ему стыдно... Господи, Господи!.. Василь, ты спишь?

Мальчикъ сердито промолчалъ. Старикъ долго еще копошился на печкѣ, крича и охая, и разговаривая самъ съ собой быстрымъ, испуганнымъ шепотомъ. Онъ хотѣлъ увѣрить себя, что никакой опасности нѣтъ, что отсутствіе Кубика объяснится со временемъ какой нибудь пустой случайностью, что верховые на дорогѣ просто померещились мальчику отъ страха, и хотя ему удавалось на короткія минуты обмануть свой умъ, но въ глубинѣ души онъ ясно и безошибочно видѣлъ, какъ на него надвигалась грозная, неотвратимая смерть. Порою онъ прерывалъ свой бессмысленный шепотъ и напряженно прислушивался. Каждый шорохъ, каждый отдаленный стукъ или голосъ заставляли его вздрагивать и замирать. Одинъ разъ, когда подъ самымъ окномъ оглушительно заоралъ и захлопалъ крыльями чей-то сосѣдскій пѣтухъ,—старый нищій почувствовалъ, какъ вся кровь отхлынула у него отъ головы къ затрепетавшему сердцу, а мгновенно ослабѣвшее тѣло покрылось горячей, колючей испариной.

Такъ прошло около часа. Изъ-за желтыхъ полей, по ту сторону моста, поднялось солнце. Въ темную закопченную хату, пропитанную запахомъ овчины и вчерашнихъ щей, хлынули черезъ два окна два воздушные столба веселаго золотого свѣта, въ которыхъ радостно заплясали безчислен-

ння пылинки. Козель вдругъ быстро сбросилъ съ себя коужу и сѣлъ на печкѣ. Его старческіе безцвѣтные глаза широко раскрылись съ выраженіемъ безумнаго ужаса. Посинѣвшія губы криво шевелились, не произнося ни звука.

— Ид...дутъ!—наконецъ, проговорилъ онъ, заикаясь и трясая головой.—В-васи-иль, идутъ... Смерть наша... Василь...

Мальчикъ уже давно слышалъ неясный, глухой и низкій гулъ, который, какъ раскачавшіяся волны, то подымался, то падалъ, становясь съ каждой минутой все страшнѣй и понятнѣе. Но, казалось, какая-то отдаленная, твердая преграда еще сдерживала его. И вотъ, эта невидимая стѣна внезапно раздвинулась, и долго сдерживаемые звуки хлынули изъ-за нея съ ужасающей силой.

— Къ намъ повернули. Убьютъ насъ, Василь!—дико вскрикнулъ Козель.

Теперь стало слышно, какъ по улицѣ бѣжала, тяжело громыхая подкованными сапогами и яростно рыча, огромная толпа, обезумѣвшая и ослѣпшая отъ жестокаго, не знающаго предѣловъ, безпощаднаго мужицкаго гнѣва.

— Тащи ихъ сюда! Ломай двери!—заревѣлъ подъ окномъ чей-то голосъ, въ которомъ не было ничего человѣческаго.

Незапертая дверь, сорванная съ клямки, распахнулась, оглушительно хлопнувъ о стѣну, и въ яркій просвѣтъ, образованный ею, ворвалась черная кричащая толпа. Съ исковерканными злобою лицами, давя и толкая другъ-друга и сами не замѣчая этого, въ хату стремительно ввергались, тѣснимые сзади, десятки потерявшихъ разсудокъ людей. Растрепанные, волосатые, озвѣрѣлыя лица нагромодились снаружи по окнамъ, загородивъ собою золотые пыльные столбы свѣта и затемнивъ комнату.

Василь сидѣлъ, не шевелясь, плотно прижавшись спиной къ стѣнѣ, блѣдный и дрожащій, но не испуганный. Онъ видѣлъ, какъ сначала слетѣлъ съ печки дѣдушкинъ коужу, и какъ потомъ свалился оттуда, безпомощно мелькнувъ надъ головами толпы, и самъ Козель. Старый нищій что-то кричалъ, широко разѣвая беззубый ротъ, съ безстыдными гримасами ужаса и подобоострастія, отвратительными на его старомъ, извѣденномъ морщинами лицѣ, потрясалъ своими поднятыми кверху обрубками, показывалъ ими на образъ, торопливо крестился и съ размаху билъ себя ими въ грудь. А на него лѣзли со всѣхъ сторонъ налившіеся кровью, остеклѣвшіе отъ гнѣва глаза, искривленные бѣшеннымъ крикомъ губы, его сжимали жаркія, потныя тѣла, подъ натискомъ которыхъ старикъ вертѣлся, какъ щепка, попавшая въ водоворотъ.

— Бей его, бей, злодія!.. Что? Врешь, сук-кинъ сынъ!

Цыпенюкъ, дай ему разѣ!.. На улицу его, хлопцы, волоките на улицу! Ты у насъ давно, какъ чирій на спинѣ, сидишь. Въ землю живого закопаемъ... Бей!—вырывались изъ общаго рева отдѣльныя восклицанія.

— Господа громада!.. Ей Богу!.. Вотъ, какъ передъ Богомъ!—выкрикивалъ визгливо Козель...—Нехай меня Богъ убьетъ на этомъ мѣстѣ, нехай меня болячка задавитъ!.. Чтобъ мнѣ, какъ той собакѣ, подохнуть безъ святого причастія!..

Вдругъ, покрывая сразу эту бурю проклятій, божбы и ругани, раздался громадный голосъ Кузьмы Сотника, который, возвышаясь по плечи надъ толпою, кричалъ, побагровѣвъ отъ напряженія:

— Стой, братцы!.. Надо это дѣло обслѣдовать. Тащите его до Бузыги!

— Тащи!.. У-у-у!.. Бери!.. Всѣмъ имъ конецъ сдѣлаемъ!..

Съ той же стихійной стремительностью, съ какой эта толпа вторглась въ хату, она кинулась на улицу. Кто-то схватилъ Василя сзади и швырнулъ его въ кучу барахтающихся тѣлъ, и, стиснутый со всѣхъ сторонъ, оглушенный, нзмятый въ дверяхъ кулаками и локтями, онъ былъ выброшенъ общимъ потокомъ наружу.

Необычное, странное зрѣлище представляло село въ это прелестное, лѣтнее утро. Не смотря на будній, рабочій день, оно все кипѣло народомъ. Уже запряженные въ телѣги, но въ попыхахъ брошенные людьми лошади, стояли почти у каждаыхъ воротъ. Ребятишки и бабы бѣжали, не оглядываясь, и все въ одномъ направленіи — къ церкви. Собаки заливались лаемъ, куры съ тревожнымъ кудахтаньемъ, безтолково махая крыльями, разлетались въ разныя стороны изъ-подъ ногъ. Толпа быстро увеличилась новыми людьми и раздалась во всю ширину улицы. Сбившись въ густую массу, задыхаясь въ давкѣ, разгорячаясь отъ прикосновенія другъ къ другу, люди бѣжали съ хриплыми криками, съ пѣной у рта, точно стая бѣшенныхъ животныхъ.

На лужайкѣ, передъ винной лавкой, сплошнымъ чернымъ кругомъ тѣснился народъ. Обѣ толпы слились, перепутались и сжали другъ-друга. Какая-то чудовищная упругая сила выбросила впередъ Козла и Василя.

Въ серединѣ, на узкомъ свободномъ пространствѣ, инстинктивно огороженномъ толпой, лежалъ на сырой и темной отъ крови травѣ Бузыга. Все лицо его представляло изъ себя большой кусокъ окровавленнаго, разодраннаго въ клочья мяса. Одинъ глазъ былъ вырванъ и висѣлъ на чемъ-то, похожемъ на красную, мокрую тряпку. Другой глазъ былъ закрытъ. Въмѣсто носа по щекамъ разляпалась большая, мяг-

кая, кровавая лепешка. Усы были залиты кровью. Но самое ужасное, невыразимо-ужасное, было въ томъ, что этотъ обезображенный человѣкъ лежалъ на землѣ и молчалъ въ то время, когда вокругъ него клокоталъ и ревѣлъ опьяненный алобой народъ.

Кузьма Сотникъ схватилъ Козла за воротъ свитки и съ такой силой пригнулъ его внизъ, что старикъ упалъ на колѣни.

— Гей! Тихо!—крикнулъ Кузьма, обернувшись назадъ.— Молчите...

Онъ былъ сегодня вождемъ и возбудителемъ страстей. Его послушались. Ревъ толпы понемногу стихъ, точно убѣгая отъ переднихъ къ заднимъ.

— Бузыга!—раздѣльно и внятно крикнулъ среди наступившей тишины Кузьма, низко наклоняясь надъ конокрадомъ.—Слышишь, больше тебя бить не станемъ. Отвѣчай по совѣсти: былъ съ тобой Козель или нѣтъ?

Бузыга молчалъ, не открывая своего единственного глаза. Его грудь подымалась такъ часто и такъ высоко, что казалось невѣроятнымъ, что человѣкъ можетъ такъ дышать, и при каждомъ вдохѣ въ горлѣ у него что-то свистѣло и всхлипывало, точно тамъ съ трудомъ просачивалась сквозь узкую трубку какая-то жидкость.

— Ты не прикидывайся, сволочь!—грозно возвысилъ голосъ Кузьма и, высоко занесши ногу и крикнувъ отъ натуги, онъ со страшной силой ударилъ своимъ подкованнымъ сапогомъ Бузыгу въ низъ груди, въ то мѣсто, гдѣ начинають расходиться ребра.

— У-ухъ!—тяжело и жадно вдохнула разомъ вся толпа.

Бузыга застоналъ и медленно поднялъ вѣку.

Первое, что онъ увидѣлъ, было лицо Василя. Бузыга долго, пристально и равнодушно глядѣлъ на мальчика, и вдругъ Василю показалось, что запекшійся ротъ конокрада чуть-чуть тронулся страдальческой и ласковой улыбкой, и это было такъ неестественно, такъ жалко и такъ страшно, что Василь невольно вскрикнулъ, всплеснулъ руками и закрылъ ими лицо.

— Говори же, сатана!—крикнулъ въ ухо Бузыгѣ Сотникъ.— Слухай: если скажешь, кто тебѣ подмогалъ, сейчасъ отпустимъ. А то убьемъ, какъ собаку. Господа громада, скажите ему: правду я говорю, чи нѣтъ?..

— Правду... Говори, Бузыга, ничего тебѣ больше не будетъ,—глухой волной перекатилось въ толпѣ.

Бузыга тѣмъ же долгимъ, страннымъ взглядомъ поглядѣлъ на Василя и, съ усиленіемъ раздвинувъ свои разбитыя губы, произнесъ еле-слышно:

— Никто... не былъ... одинъ...

Онъ закрылъ глаза, и опять его грудь заходила высоко и часто.

— Бей его!—пронзительно вырвался изъ заднихъ рядовъ чей-то дрожащій, нервный, полудѣтскій голосъ. Толпа шатнулась, глухо заворчала и плотнѣе надвинулась на узкое пространство, гдѣ лежалъ конокрадъ.

Козель, не вставая съ колѣнъ, подползъ къ Кузьмѣ и обхватилъ его ноги.

— Миленькіе!.. благодѣтели!—лепеталъ онъ безсмысленно и слезливо.—Ножки, ножки ваши цѣлую... Видитъ Богъ, дома былъ... ходилъ лыки драть... видитъ Богъ!.. Матеръ Божія!.. Голубеночки-жъ вы мои... миленькіе!.. Стопочки ваши цѣлую!.. Калѣка я...

И онъ, на самомъ дѣлѣ, ползая на колѣняхъ и не выпуская изъ рукъ сапогъ Кузьмы, такъ изступленно цѣловалъ ихъ, какъ будто въ этомъ одномъ заключалось его спасеніе. Кузьма медленно оглянулся назадъ на толпу.

— Господа громада... какъ вы?—спросилъ онъ съ запинкой, нерѣшительно моргая глазами.

— Чортъ съ нимъ!—вяло произнесъ какой-то древній старикъ, стоявшій впереди.

— Чортъ съ нимъ!—подхватило нѣсколько голосовъ.—Може, и не онъ. Это Крешевскіе, ихній и конь былъ!.. Чего тамъ?.. Отпуститъ Козла... Это Крешевскіе... допросить старосту...

Козель продолжалъ ползать на колѣняхъ отъ одного мужа къ другому. Отъ ужаса близкой и жестокой смерти онъ уже перешелъ къ блаженной радости, но нарочно изъ угодливости притворялся непонимающимъ. Слезы бѣжали по его безобразно-кривившемуся лицу. Онъ хваталъ, не разбирая, чьи-то жесткія мозолистыя руки, чьи-то вонючіе сапоги и въ засосъ, жадно цѣловалъ ихъ. Василь стоялъ, блѣдный и неподвижный, съ горящими глазами. Онъ не отрывался отъ страшнаго лица Бузыги, ища и боясь его взгляда.

— Уходи!—сурово сказалъ Кузьма Сотникъ и толкнулъ старика ногой въ спину.—Уходи и ты, Василько!.. Бузыга!—крикнулъ онъ тотчасъ-же, повернувшись къ умирающему конокраду,—слышь! я тебя въ послѣдній разъ спрашиваю: кто съ тобой былъ?

Толпа опять надвинулась ближе. Та же самая сила, которая только-что выбросила Козла и мальчика впередъ, теперь несла ихъ назадъ, и встрѣчные люди нетерпѣливо давали имъ дорогу, такъ какъ они мѣшали ихъ напряженному вниманію. Сквозь мягкую и плотную преграду человѣческихъ тѣлъ, Василь слышалъ глухой, точно задавленный басъ Кузьмы, продолжавшаго допрашивать Бузыгу. Вдругъ преж-

ній тонкій истеричный голосъ крикнулъ надъ самой головой мальчика:

— Бей Бузыгу!..

Всѣ, что стояли сзади, тяжело навалились, тѣсня переднихъ, и горячо задышали. Козель съ Василемъ очутились на свободѣ.

— Господи, Царица наша небесная!—радостно бормоталъ старикъ, однимъ обрубкомъ вытирая слезы, а другимъ торопливо крестясь.—Василь, родненькій ты мой! Господи!.. Выскочили мы съ тобой... Василь!.. Господи... выскочили! Что-жъ ты стоишь? Бѣжимъ до хаты!..

— Иди, я не пойду,—мрачно сказалъ Василь.

Онъ, казалось, былъ не въ силахъ отвести свои горячіе глаза отъ черной, неподвижной, страшно молчаливой толпы. Его побѣлѣвшія губы шептали, дрожа и дергаясь, какія-то непонятныя слова.

— Василько, ходимъ-же!—умолялъ Козель, хватая внука за руку.

Въ это время черная масса дрогнула и закачалась, точно лѣсъ подъ внезапно-налетѣвшимъ вѣтромъ. Глухой и короткий стонъ ярости прокатился надъ ней. Въ одинъ мигъ она тѣсно сжалась и тотчасъ-же опять раздалась, разорвавшись клочьями, и опять сжалась. И, оглушая другъ-друга неистовыми криками, люди сплелись въ безобразной свалкѣ.

— Василь, миленькій, ради Бога!—бормоталъ заплетавшимся языкомъ старикъ,—пойдемъ... убьютъ вѣдь насъ!..

Ему удалось съ трудомъ оттащить мальчика отъ лужайки. Но на углу Василь, пораженный внезапно наступившей тишиной, вырвался отъ дѣда и оглянулся назадъ.

Толпа не бурлила больше. Она стояла неподвижнымъ, чернымъ кольцомъ и уже начинала таять: отдѣльныя фигуры—понурия, съ робкими движеніями, точно прячась и стыдясь, медленно расползались въ разныя стороны.

— Господи, помяни раба твоего, грѣшнаго Левонтія и учини его въ рай,—привычной нищенской скороговоркой зашепталъ Козель.—Убили Бузыгу,—сказалъ онъ съ приторною печалью.

Онъ зналъ, что народный гнѣвъ уже достаточно насытился кровью, и что смерть прошла мимо его головы, и не умѣлъ скрыть своей глубокой животной радости. Онъ заливался старческимъ, безшумнымъ, длиннымъ смѣхомъ и плакалъ; болталъ лихорадочно, безъ остановки и безъ смысла, и дѣлалъ самъ себѣ лукавыя, странныя гримасы. Василь съ ненавистью поглядывалъ на него искоса и брезгливо хмурился.

А. Нупринъ.

Великая Хартія Вольностей.

Историческій очеркъ.

I.

Въ исторіи европейскихъ обществъ едва ли можно указать внѣшнее событіе, которое бы имѣло такое глубокое, опредѣляющее значеніе для всей послѣдующей исторіи общества, какъ нормандское завоеваніе, отдавшее англо-саксонскую Англію и ея судьбу въ руки нормандскаго герцога и его сборной дружины. Безъ преувеличенія можно сказать, что ни политическая, ни социальная, ни даже экономическая эволюція средневѣковой Англіи не можетъ быть понята тѣмъ, кто не уяснилъ себѣ въ надлежащей мѣрѣ общаго характера и смысла этого событія, послѣдствія котораго даютъ себя знать на каждомъ шагѣ при изученіи какъ общаго хода этой эволюціи, такъ и ея крупнѣйшихъ моментовъ. Имѣя въ виду предложить читателю общую характеристику одного изъ такихъ моментовъ въ исторіи средневѣковой Англіи, мы не можемъ поэтому обойтись безъ предварительной характеристики нормандскаго завоеванія, тѣмъ болѣе, что Великая Хартія Вольностей подводитъ юридическіе итоги политическому развитію Англіи, какъ оно складывалось подъ непосредственнымъ воздействием завоеванія, на почвѣ установленнаго имъ взаимоотношенія общественныхъ силъ.

Какъ извѣстно, свой походъ на Англію Вильгельмъ Завоеватель постарался обставить по возможности убѣдительными, чисто юридическими аргументами, выставляя себя законнымъ истцомъ своихъ правъ на англо-саксонскую корону, будто бы незаконно и съ нарушеніемъ страшной клятвы надъ мощами захваченную Гарольдомъ, и высочайшій авторитетъ христіанскаго міра былъ всецѣло на его сторонѣ, превращая своей санкціей чисто пиратскій набѣгъ нормандскаго герцога въ настоящій крестовый походъ для возстановленія поправной правды и справедливости. Но еще поразительнѣе то, что эта юридическая фикція явилась для Вильгельма основнымъ принципомъ всей его внутренней политики въ

завоеванной имъ странѣ. Не только Европѣ, но и самимъ англо-саксамъ каждымъ своимъ шагомъ Вильгельмъ старался показать, что онъ законный наслѣдникъ Эдуарда Исповѣдника, что онъ лишь требуетъ того, что ему слѣдуетъ по закону, какъ и всякому другому англо-саксонскому королю. Вступивъ послѣ Гастингской побѣды (1066 г.) въ Лондонъ, онъ короновался въ Уэстминстерѣ короной англо-саксонскихъ королей по англо-саксонскому ритуалу, и могъ считать себя вполне законнымъ королемъ англо-саксовъ; всѣхъ, кто не желалъ подчиняться ему, онъ рассматривалъ какъ мятежниковъ, возставшихъ противъ своего законнаго государя и заслуживающихъ за это суровой кары. Только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ упорной борьбы ему удалось привести къ покорности этихъ „мятежниковъ“ и стать фактически государемъ своихъ новыхъ подданныхъ.

Въ качествѣ національнаго короля англо-саксовъ Вильгельмъ оставилъ въ силѣ ихъ правовой строй и ихъ учрежденія и, въ частности, ихъ общенародныя мѣстныя учрежденія, ихъ организацію по графствамъ и сотнямъ, а также потребовалъ отъ всѣхъ свободныхъ людей своего новаго королевства присяги на вѣрность безотносительно къ тому, въ какихъ поземельныхъ, личныхъ и юрисдикціонныхъ отношеніяхъ они находились другъ съ другомъ. И всѣ они „преклонились передъ нимъ и сдѣлались его людьми и присягнули на вѣрность ему... противъ всѣхъ другихъ людей“.

Оставляя по существу неизмѣннымъ политическій строй англо-саксовъ, нормандское завоеваніе не производило сколько нибудь замѣтныхъ перемѣнъ и въ ихъ социальномъ строѣ. Правда, верхній слой англійскаго общества, какъ и весь персоналъ высшей свѣтской и духовной администраціи королевства, былъ замѣщенъ завоевателями. Но, подобно тому, какъ нормандскій герцогъ вступилъ во всѣ права и обязанности англо-саксонскихъ королей, и его сподвижники, надѣленные имъ большими помѣстьями, вступили во всѣ права и обязанности англо-саксонскихъ магнатовъ, конфискованныя владѣнія которыхъ они теперь получили, и положеніе англо-саксонской массы въ отношеніи къ нимъ по существу не измѣнилось сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ оно было въ отношеніи къ туземнымъ сеньерамъ, глафордамъ. Къ тому же, далеко не всѣ туземные сеньеры были замѣщены нормандцами, а лишь самые крупные; менѣе значительные остались на своихъ мѣстахъ послѣ того, какъ признали Вильгельма своимъ государемъ.

Такимъ образомъ, и въ политическомъ, и въ социальномъ отношеніи нормандское завоеваніе очень мало похоже на обычное завоеваніе, обыкновенно производящее рѣзкія перемѣны и въ политическомъ, и въ социальномъ строѣ покореннаго народа. Оно, какъ будто, оставляло въ этомъ смыслѣ все по старому, скорѣе напоминая чисто династическій переворотъ, чѣмъ покореніе одного народа другимъ. Если мы напомнимъ, хотя бы вкратцѣ, что пред-

ставляло собою англо-саксонское государство и общество накануне завоеванія, то для насъ еще болѣе выяснится глубоко консервативный по существу характеръ нормандскаго завоеванія, и мы увидимъ именно, что въ этой консервативности завоеванія и лежитъ ключъ къ уразумѣнію того огромнаго значенія, какое оно имѣло и въ политической, и въ соціальной эволюціи средневѣковой Англіи

II.

Къ половинѣ одиннадцатаго вѣка англо-саксонская Англія уже сдѣлала весьма серьезные успѣхи на пути къ соціальной и политической феодализаци. Это была торная дорога, по которой пошли всѣ варварскія государства, тѣмъ или инымъ способомъ возникшія на территоріи Римской имперіи, и по которой они не могли не пойти при тогдашнихъ общихъ, хозяйственныхъ и культурныхъ, условіяхъ. Тѣ сравнительно широкія формы политической жизни, къ которымъ перешли германскія племена, утвердившіяся на территоріи Римской имперіи, не были естественнымъ продуктомъ внутренняго роста германскихъ обществъ, но явились въ результатѣ чисто внѣшнихъ обстоятельствъ ихъ взаимной борьбы и ихъ столкновеній съ римскимъ міромъ. Переходъ былъ слишкомъ рѣзокъ, въ особенности для тѣхъ изъ нихъ, которые попали въ политическую обстановку, еще ущѣлившую отъ имперіи, и такъ или иначе приспособились къ ней, чѣмъ еще болѣе усложнили свои политическія формы и, слѣдовательно, еще болѣе обострили несоотвѣтствіе между этими формами и совершенно элементарными основами своей общественной и, прежде всего, своей хозяйственной жизни, всецѣло пребывавшей на стадіи домашняго, замкнутаго, натурального хозяйства. Государству германцевъ приходилось теперь рѣшать свои уже сравнительно широкія и сложныя задачи съ помощью все тѣхъ же крайне элементарныхъ средствъ, какими обходились болѣе узкія и простыя политическія соединенія; оно по-прежнему возлагало на каждого свободнаго, обезпеченнаго земельнымъ надѣломъ германца удовлетвореніе всѣхъ потребностей, какія порождаетъ сколько нибудь организованное общежитіе, и, прежде всего, потребности внѣшней защиты и общественнаго правосудія: какъ и въ старыя, тацитовскія времена, подъ страхомъ тяжелой пени, каждый свободный германецъ долженъ былъ отправляться на собственный счетъ въ походъ, теперь уже часто далекій и продолжительный, а въ мирное время долженъ былъ посѣщать судебныя собранія своего округа, тоже требовавшія съ его стороны не малыхъ затратъ и въ смыслѣ времени, и въ смыслѣ средствъ. Теперь эти натуральныя государственныя повинности, и прежде всего военная повинность, были, конечно, гораздо тяжелѣе для средняго германца, чѣмъ въ старыя времена, и

должны были разрушительно отражаться на его хозяйствѣ, подкапывая такимъ образомъ свой матеріальный базисъ и дѣлая массу еще болѣе неспособной къ дальнѣйшему ихъ отбыванію. Но этотъ матеріальный базисъ и безъ того былъ уже въ достаточной мѣрѣ расшатанъ, благодаря цѣлому ряду причинъ, такихъ, какъ естественное дробленіе надѣловъ, какъ нерѣдкій въ тѣ времена прямой захватъ ихъ сильными людьми, какъ вынужденная продажа ихъ для уплаты непомерно тяжелыхъ штрафовъ, которые налагало на преступника и его родъ уголовное право варварскихъ правдъ, и т. п. Такъ или иначе, но государству сравнительно скоро пришлось считаться съ неспособностью массы нести свои натуральные государственныя повинности, и оно было вынуждено ограничиться требованіемъ ихъ лишь съ части населенія, лишь съ тѣхъ, кто поднялся надъ массой, кого широкая государственность не только не придавила тяжестью своихъ требованій, но даже сдѣлала богатымъ и сильнымъ, кто вышелъ побѣдителемъ изъ жизненной борьбы, не только не ослабѣвъ въ ней, но усилившись на счетъ слабого, приобрѣтя власть надъ нимъ и надъ его землею, и кого обогатили прямо или косвенно королевскія пожалованія, въ видѣ ли земельныхъ выдачъ изъ королевскихъ доменовъ, или въ видѣ передачи королемъ своихъ фискальныхъ правъ, органически связанныхъ тогда съ правомъ суда и съ другими правами, принадлежавшими королю, какъ верховному главѣ государства. Только такіе люди, богатые и сильные, и могли теперь нести ставшія не по плечу среднему челоѣку государственныя натуральныя повинности. На нихъ главнымъ образомъ и при-
нуждено было теперь государство взыскать эти повинности. Но оно не ограничивается этимъ. Этой созданной въ значительной мѣрѣ самой королевской властью аристократіи государство при-
нуждено передать въ видѣ новой государственной натуральной повинности и судъ, и управленіе массой, послѣ того, какъ родовые союзы, нѣкогда въ той или иной мѣрѣ гарантировавшіе общественный миръ, мало по малу разложились, и государству одному пришлось, съ помощью своихъ крайне недостаточныхъ средствъ, справляться съ этой крайне трудной задачей. Задача эта ему одному была не по силамъ, и оно вынуждено было возложить часть ея въ видѣ натуральной повинности на отчасти имъ же самимъ созданную общественную силу, передать новой—служилой и духовной—аристократіи полицейскую и судебную власть надъ массой, которая уже и безъ того стала отдаваться подъ частную власть этихъ сильныхъ людей, не разсчитывая, съ разложеніемъ родовыхъ союзовъ, устоять въ жизненной борьбѣ, все болѣе и болѣе суровой и безпощадной.

Общество, такимъ образомъ, дифференцируется. Изъ массы, когда-то болѣе или менѣе однородной, выдѣляется группа, къ которой и переходитъ отправление натуральныхъ государствен-

ныхъ повинностей, прежде лежавшихъ на всѣхъ, выдѣляется особый военный и правящій классъ, свѣтскій и духовный. Но это измѣненіе соціального строя общества не влекло за собой измѣненій въ его хозяйственномъ строѣ. Общество по-прежнему продолжало жить мелкими, самодовлѣющими, тождественными по своему строенію, замкнутыми хозяйственными группами. Разница съ прежнимъ была лишь въ томъ, что теперь эти сельскія группы должны были отдавать часть продуктовъ своего хозяйственного труда, а потомъ и часть самого этого хозяйственного труда, постепенно выдѣлившемуся изъ массы непроизводительному—военному и правящему—классу, обеспечивая ему, такимъ образомъ, возможность нести свои государственныя натуральныя повинности и постепенно, вслѣдствіе этого, превращаясь изъ свободныхъ общинъ въ феодальныя помѣстья. Это постепенное превращеніе свободныхъ людей, подпавшихъ подъ частную власть представителей военного и правящаго класса, въ несвободныхъ виллановъ, а тѣхъ свободныхъ хозяйственныхъ группъ, къ которымъ они принадлежали, въ феодальныя помѣстья, не вносило, повторяемъ, сколько нибудь существенныхъ перемѣнъ въ основы ихъ хозяйственного строя, всецѣло пребывавшаго все на той же стадіи натурального хозяйства. Необходимой предпосылкой этого превращенія именно и являлось то, что общество въ хозяйственномъ отношеніи оставалось все тѣмъ же. Такъ характерная для феодальнаго строя, эта помѣстная система съ ея сеньерами и вилланами именно и явилась, говоря вообще, продуктомъ политической необходимости, въ смыслѣ необходимости приспособить удовлетвореніе потребностей сравнительно широкаго и сложнаго политическаго цѣлагокъ остававшимся неизмѣнными элементарнымъ хозяйственнымъ условіямъ общества. Благодаря чисто внѣшнимъ причинамъ, государственность германскихъ племенъ значительно опередила ихъ хозяйственную и культурную эволюцію, и неизбежнымъ соціальнымъ результатомъ этого несоотвѣтствія между политическими формами, съ одной стороны, и хозяйственными и культурными основами общества—съ другой, и явилось феодальное расчлененіе общества на сеньеровъ и виллановъ, эта столь характерная для феодализма соціальная система.

Все это мы находимъ и у англо-саксовъ. И коммендація, и иммунитетъ, и бенефиціи развивались и у нихъ съ очень давнихъ временъ, и къ половинѣ одиннадцатаго вѣка развитіе это сдѣлало уже весьма значительные успѣхи. Наканунѣ нормандскаго завоеванія англо-саксонское общество было уже вполне аристократическимъ и по существу феодальнымъ, глафорды и вилланы представляли собою уже вполне опредѣлившіеся общественные классы, и помѣстная система въ основныхъ чертахъ была уже на лицо. Но, какъ ни энергично развивался здѣсь процессъ феодализаци, ему еще не удалось разрушить широкую государ-

ственность англо-саксовъ (какъ это произошло съ государственностью франковъ и другихъ континентальныхъ „варварскихъ“ обществъ), ихъ общегосударственныхъ, народныхъ учреждений: и королевская власть у англо-саксовъ еще не выродилась въ сюзеренитетъ и не утратила еще непосредственной связи съ народной массой, не взирая на возникновеніе могущественной аристократіи, и верховное собраніе королевства—уитенагемотъ еще не превратился въ чисто-феодальный сеймъ королевскихъ вассаловъ, и—и это едва ли не самое важное для всей дальнѣйшей исторіи Англіи обстоятельство—продолжала существовать и функционировать мѣстная организація англо-саксонскаго общества—сотни и графства съ ихъ періодическими собраніями, на которыя по прежнему отправлялись судить преступниковъ, улаживать гражданскія тяжбы, обсуждать мѣстные и общегосударственныя дѣла и выслушивать королевскіе указы всѣ мѣстные землевладѣльцы, безотносительно къ соціальному расчлененію, какъ сеньеры, такъ и вилланы (первые лично, а вторые, какъ и въ старыя времена, черезъ своихъ представителей въ лицѣ четырехъ человѣкъ отъ каждой общины, съ своимъ старостой и приходскимъ священникомъ во главѣ). Всѣ эти общегосударственныя учрежденія еще сохраняли свою жизненность; но на ряду съ ними все ширилась и крѣпла частная власть, все больше и больше суживая ихъ территорію, такъ что ея окончательное торжество было только вопросомъ времени. И въ этотъ моментъ надъ страной разразилась нормандская гроза.

III.

Легко понять, чѣмъ должна была явиться для такого общества консервативная политика Вильгельма-Завоевателя. „Повелѣвая и желая, чтобы всѣ хранили и соблюдали законы короля Эдуарда“, требуя, чтобы всѣ „обращались къ сотнѣ и графству такъ, какъ это постановили предшественники наши“, принимая клятву вѣрности отъ всѣхъ „владѣвшихъ землею людей, какіе только были во всей Англіи, чѣмъ бы людьми они ни были“, Вильгельмъ не просто санкціонировалъ политическій порядокъ, найденный имъ у завоеваннаго народа, уже давно распатанный и готовый разложиться подъ напоромъ все шире и глубже захватывавшаго общество феодализационнаго процесса,—эти его торжественныя заявленія означали нѣчто гораздо большее. Они свидѣтельствовали, что въ вѣковомъ спорѣ между широкой государственностью и все надвигавшимся феодализмомъ Вильгельмъ становился на сторону первой, принося сюда съ собой и всю ту матеріальную силу и могущество, которыя дала ему побѣда надъ англо-саксами и преимущества болѣе высокой культуры, отличавшія его и его сподвижниковъ сравнительно съ отсталыми обитателями завоеван-

ной имъ страны. Располагая огромными матеріальными ресурсами въ видѣ многихъ сотенъ доставшихся ему помѣстій, имѣя въ своемъ распоряженіи прекрасно организованную военную силу, оставившую далеко позади плохо дисциплинированныя дружины англо-саксовъ, *такой* англо-саксонскій король могъ дать серьезный отпоръ феодализму,—поскольку этотъ послѣдній могъ быть опасенъ для него,—и возстановить во всей ея жизненной силѣ широкую государственность англо-саксовъ. И Вильгельмъ сдѣлалъ не только это. Онъ поставилъ королевскую власть и англо-саксонскую государственность на такую высоту, на какой она едва ли и стояла когда нибудь у англо-саксовъ.

Укрѣпляя свою власть на прочномъ базисѣ общегосударственныхъ, національныхъ учрежденій, Вильгельмъ, однако, вовсе не порывалъ съ феодализмомъ. Поскольку феодализмъ представлялъ собою социальную форму, неизбѣжную при болѣе или менѣе широко поставленной государственности, опиравшейся на натурально-хозяйственную основу, онъ былъ необходимъ и въ государствѣ Вильгельма-Завоевателя. Феодализмъ вполне совмѣстимъ съ широкими политическими формами, лишь бы государство имѣло силы и средства господствовать надъ нимъ, заставить служить себѣ частную власть сеньера надъ вилланомъ, сюзерена надъ вассаломъ. Вильгельмъ имѣлъ въ своихъ рукахъ всѣ средства, необходимыя для такого господства, и онъ приобрѣлъ его. Это политическое обезвреженіе феодализма дало ему возможность въ то же время провести феодальную точку зрѣнія съ такой полнотой и законченностью, съ какой она не была проведена нигдѣ въ Европѣ. Благодаря тому, что почти всѣ земельныя владѣнія англо-саксовъ фактически прошли черезъ руки Завоевателя—путемъ ли прямого вооруженнаго захвата или въ результатѣ конфискацій, временныхъ или безусловныхъ,—*все* землевладѣльцы Англіи оказались феодальными *держателями* короля, получившими и державшими свои земли или непосредственно (in capite) отъ короля или отъ него-же въ послѣднемъ счетѣ. Такое полное проведеніе феодальнаго принципа въ сферѣ земельныхъ отношеній, дѣлавшее Англію Вильгельма-Завоевателя самой феодальной страной во всей феодальной Европѣ, было связано съ обстоятельствомъ, не встрѣчавшимся нигдѣ въ Европѣ: разъ всѣ землевладѣльцы „держали“ отъ короля и приносили ему клятву вѣрности „противъ всѣхъ людей“, безотносительно къ тому, чьими бы вассалами они ни были, то всѣ они должны были нести ему одному и главную „службу“—военную повинность (servitium militare). Такая широкая постановка феодальной военной „службы“, превращавшая ее въ „службу“ исключительно королевскую (regale servitium), разъ на всегда отдавала феодализмъ на службу государству и дѣлала его источникомъ не слабости, а силы королевской власти и представляемой ею широкой государственности. Нечего и говорить, что,

создавъ себѣ такую опору въ феодализмѣ, королевская власть могла во всей силѣ осуществлять свои права, унаслѣдованныя ею отъ еще не успѣвшей разложиться англо-саксонской государственности, будутъ ли то юрисдикціонно-фискальныя права, осуществлявшіяся ею черезъ посредство судебныхъ собраний, сотенъ и графствъ, или чисто-фискальныя права въ формѣ налоговъ и таможенныхъ и рыночныхъ пошлинъ, или же, наконецъ, право требовать въ случаѣ опасности въ ополченіе всѣхъ свободныхъ людей королевства. Все это ставило королевскую власть нормандской и слѣдовавшей за нею анжуйской династіи на недостижимую высоту, и дѣлало для нея возможной постановку и разрѣшеніе политическихъ задачъ, недоступныхъ континентальнымъ государствамъ той поры, въ сферѣ администраціи, суда и финансового управленія. Очень скоро Англія сдѣлалась образцомъ *новаго*, централизованнаго, крѣпко сплоченнаго государства, съ далеко ушедшею впередъ правительственной и судебной организаціей.

Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одинъ весьма существенный фактъ. Самый верхній слой англійскаго общества, составившійся исключительно изъ сподвижниковъ Вильгельма и ихъ потомковъ, всецѣло проникнутыхъ феодальными понятіями континентальнаго типа, не могъ примириться съ тѣмъ положеніемъ, въ какое поставила его политика Завоевателя, потребовавшего отъ своихъ нормандскихъ сподвижниковъ такого же подчиненія, какъ и отъ своихъ новыхъ подданныхъ, облагавшаго ихъ земли такимъ же налогомъ, какъ и земли англо-саксовъ (которые платили его иногда и прежнимъ своимъ королямъ подъ названіемъ „датскихъ денегъ“). Такая нивелировка ихъ, это введеніе ихъ въ рамки укрѣпленной завоеваніемъ англо-саксонской государственности, представлялась имъ незаконнымъ посягательствомъ на ихъ законнѣйшія права и вольности, и ихъ неудовлетворенность и недовольство своимъ положеніемъ могло бы быть опаснымъ для королевской власти и всего представлявшагося ею политическаго порядка, если бы они владѣли сплошными территоріями, какъ ихъ континентальныя собратья (въ Англіи даже самыя крупныя владѣнія состояли изъ частей, разбросанныхъ по многимъ графствамъ), и — что самое главное, — если бы ихъ притязанія не шли въ разрѣзъ едва ли еще не въ большей мѣрѣ, чѣмъ съ интересами короля, съ интересами соціально зависимой отъ нихъ свободной и не-свободной массы. Для этой послѣдней торжество въ Англіи континентальнаго феодализма означало бы торжество необузданнаго произвола, тѣмъ болѣе рѣзкаго и невыносимаго, что онъ осуществлялся бы завоевателями въ отношеніи къ завоеванному народу. Эта противоположность интересовъ феодаловъ и народа создавала очень серьезную почву для солидарности между англо-саксонской массой и королевской властью нормандскихъ королей, и выстѣ съ тѣмъ самую прочную опору для этой власти, съ

самого же начала объявившей неприкосновенными „законы короля Эдуарда“ и официально выставившей себя законной наследницей англо-саксонских королей. Въ какой мѣрѣ прочна была эта солидарность, показало ближайшее будущее. Уже самому Вильгельму пришлось столкнуться съ феодальнымъ недовольствомъ среди ближайшихъ своихъ сподвижниковъ и съ попыткой прямого возстанія. Возставшіе даже выставляли себя борцами за угнетенный англо-саксонскій народъ. Народъ, однако, имъ не повѣрилъ и не сталъ на ихъ сторону, а помогъ Вильгельму подавить возстаніе. При ближайшихъ преемникахъ Завоевателя, Вильгельмъ II Рыжемъ и Генрихъ I, народу очень часто приходилось рѣшать подобные вопросы, и во всѣхъ столкновеніяхъ феодаловъ съ королевской властью онъ неизмѣнно становился на сторону послѣдней и помогалъ ей одолѣть ихъ общаго врага. Союзницей королевской власти была и англійская церковь, очень многимъ обязанная Вильгельму, который надѣлилъ ее огромными матеріальными средствами и особой юрисдикціей, до тѣхъ поръ сливавшейся съ юрисдикціей общегосударственныхъ учреждений. И для нея королевская власть являлась естественной союзницей въ виду агрессивныхъ тенденцій свѣтскихъ феодаловъ.

IV.

Таковы были политическія и соціальныя особенности положенія, созданнаго въ Англіи нормандскимъ завоеваніемъ. Какъ видимъ, этотъ чисто внѣшній фактъ глубоко отразился на внутреннемъ строѣ англо-саксонскаго общества и направилъ его развитіе по очень оригинальному пути. Здѣсь произошло чрезвычайно своеобразное сочетаніе, казалось бы, совершенно непримиримыхъ моментовъ, въ другихъ обществахъ обыкновенно исключавшихъ другъ-друга, здѣсь же взаимно себя поддерживавшихъ и питавшихъ. Широкая государственность и феодализмъ здѣсь составили органическій синтезъ и не только не тащили государственную колесницу въ противоположныя стороны, но согласно и энергично влекли ее въ гору по пути широкаго развитія политическихъ формъ, уже намѣченному въ англо-саксонскую эпоху, но тогда же сильно заросшему сорными травами. Теперь путь этотъ былъ расчищенъ и расширенъ, и уже ничто не могло повернуть исторію Англіи на другую дорогу, заставить ее сойти въ узкую феодальную колею. По крайней мѣрѣ, серьезныхъ опасностей этого рода ей не предстояло.

Но опасности все же были. Мы имѣемъ въ виду смутное время, наступившее въ Англіи съ воцареніемъ короля Стефана и ознаменовавшееся кратковременнымъ, но пышнымъ расцвѣтомъ феодальныхъ тенденцій среди англійскаго баронства. Это была

эпоха междоусобной войны, вызванной борьбою за английскую корону между королемъ Стефаномъ и дочерью Генриха I-го Матильдой. Каждая изъ борющихся сторонъ старалась заручиться возможно большимъ числомъ союзниковъ среди феодаловъ цѣною земельныхъ и денежныхъ выдать изъ казны, совершенно истощившихъ ресурсы короны, а также всякаго рода льготъ и привилегій, превращавшихъ английскихъ феодаловъ въ настоящихъ государей своихъ земель и отдавшихъ массу въ жертву ихъ безграничному произволу. Это были тяжкія времена для англійскаго народа; современные лѣтописцы не жалѣютъ красокъ при изображеніи всѣхъ ужасовъ, которые ему приходилось терпѣть отъ поднявшихъ голову феодаловъ, и сравниваютъ Англiю той поры съ Іерусалимомъ, когда его держалъ въ осадѣ Титъ. Цѣлыхъ девятнадцать лѣтъ тянулася смута, и если до тѣхъ поръ народъ, можетъ быть, больше по инстинкту чувствовалъ свою солидарность съ королевской властью, то теперь онъ тяжкимъ опытомъ могъ дойти до вполне яснаго сознанія, что только сильная центральная власть, опирающаяся на народныя учрежденія, можетъ оградить его отъ тѣхъ бѣдъ, которыя угрожаютъ ему отъ предоставленныхъ самимъ себѣ феодаловъ. Это должно было очень серьезно поднять нравственный престижъ королевской власти, и едва ли будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что, не будь смуты, Генриху II Плантагенету было бы значительно труднѣе проводить свои реформы, которыя не только возстановили пошатнувшееся было зданіе организованной Вильгельмомъ Завоевателемъ англійской государственности, но и значительно укрѣпили, углубили и расширили его фундаментъ. Реформаторская дѣятельность правительства Генриха Плантагенета была прямымъ отвѣтомъ на поднятые смутой вопросы, рѣшительнымъ и безповоротнымъ. Если его военная реформа, замѣняя натуральную военную повинность феодалныхъ держателей такъ называемыми „щитовыми деньгами“ и обязывая каждого свободного имѣть сообразное съ его средствами вооруженіе, отодвигала на второй планъ феодальное ополченіе и возрождала къ новой жизни англо-саксонское народное ополченіе, иначе говоря, разсуждала феодаловъ и вооружала народъ, неизмѣнно служившій королю въ его борьбѣ съ феодалами, то его судебная реформа шла еще дальше въ этомъ анти-феодальномъ направленіи. Передавая всѣ иски о свободномъ держаніи въ исключительное вѣдѣніе королевскаго суда, она пробивала огромную брешь въ юрисдикціонно-фискальныхъ правахъ феодаловъ; въ то же время она привлекала ихъ наравнѣ со всѣми свободными людьми королевства къ активному содѣйствію уголовной юстиціи короны, къ отправленію обязанности присяжныхъ. Вводя для всеобщаго пользованія судъ съ присяжными, какъ въ сферу уголовного, такъ и въ сферу гражданскаго правосудія, она давала сильный толчекъ мѣстной жизни

(судебное разбирательство происходило въ присутствіи разѣздныхъ коронныхъ судей въ полномъ собраніи графства), но въ то же время связывала ее еще болѣе тѣсными узами съ центромъ и дѣлала ее причастной общимъ широкимъ интересамъ пѣлаго. Не говоримъ уже о тѣхъ матеріальныхъ ресурсахъ, которыми обогащалась казна отъ такого расширенія сферы коронной юрисдикціи, а также о чисто-моральныхъ завоеваніяхъ, которыя дѣлала королевская власть, вводя въ жизнь болѣе совершенную судебную процедуру и тѣмъ создавая гарантію дѣлу общественнаго правосудія и культурнаго прогресса.

V.

При характеристикѣ англійской государственности, какъ она складывалась подъ дѣйствіемъ созданныхъ нормандскимъ завоеваніемъ общественныхъ и политическихъ условий, слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду одну ея очень характерную особенность: государственность эта въ сильнѣйшей мѣрѣ была проникнута фискальными тенденціями. Безъ преувеличенія можно сказать, что короли нормандской и анжуйской династій смотрѣли на свою власть прежде всего какъ на источникъ дохода, и каждый шагъ къ расширенію сферы вмѣшательства государства въ общественныя отношенія имѣлъ въ виду прежде всего интересы фиска; такъ что административная машина, созданная этими королями, съ королевской куріей (*Curia Regis*) въ центрѣ и шерифами въ областяхъ, представляется чѣмъ-то въ родѣ огромнаго насоса для вытягиванія изъ общества всякаго рода матеріальныхъ благъ. И не даромъ такую видную, можно сказать, господствующую роль въ этой организаціи играетъ такъ называемая Палата Шахматной Доски, куда стекались со всѣхъ концовъ страны деньги и всякаго рода натуральныя поступленія. Въ этой чертѣ нѣтъ въ сущности ничего, свойственнаго исключительно этой англо-нормандской государственности; она характерна для цѣлыхъ фазисовъ въ развитіи государственности вообще. Такой была государственность „варварскихъ“ королевствъ, организовавшихся на территоріи римской имперіи; такова была государственность феодальной эпохи; не дальше ушла и государственность монархій, постепенно сокрушившихъ феодализмъ и превратившихся—тамъ, гдѣ онѣ не нашли надлежащаго противовѣса въ тѣхъ или иныхъ общественныхъ элементахъ или въ ихъ комбинаціяхъ—въ совершенно безконтрольный полицейскій, просвѣщенный или враждебный всякому просвѣщенію, абсолютизмъ. А въ Англій, къ тому же, королевская власть послѣ 1066 года была властью завоевателей, какъ ни своеобразно было это завоеваніе. Не удивительно, что ея фискальныя тенденціи такъ рѣзко бросаются въ

глаза. И на них слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе, иначе вся представленная нами картина взаимоотношеній общественныхъ силъ въ англійскомъ обществѣ, какъ это взаимоотношеніе опредѣлилось съ момента нормандскаго завоеванія, можетъ получить совершенно ложное освѣщеніе, превратившись въ трогательную идиллію сердечнаго единенія королевской власти съ народной массой и неуспынныхъ заботъ ея о благѣ своихъ вѣрныхъ подданныхъ, о ихъ матеріальномъ и культурномъ преуспѣяніи. Народная масса, дѣйствительно, оказывала королевской власти поддержку и содѣйствіе во всѣ трудныя минуты, выпадавшія на долю этой послѣдней, потому что находила у нея организацію и силу, способную оградить ее отъ феодальныхъ опасностей; она вынуждалась къ этому союзу политической необходимостью. Другого выхода у нея не было. И королевская власть сторицей вознаграждала себя за услуги, которыя оказывала народу, и до поры до времени могла безъ серьезныхъ для себя опасностей трактовать страну, какъ свое частное помѣстье, которое должно давать какъ можно больше дохода и, для этого обладать немалой дозой хозяйственнаго благоустройства и порядка. Такимъ образомъ, вызванный политической необходимостью союзъ народа съ королевской властью въ сущности вовсе былъ чуждъ широкихъ морально-политическихъ идей и представляя собою чисто фактическую комбинацію элементарныхъ интересовъ; онъ вовсе не гарантировалъ отъ самыхъ серьезныхъ неожиданностей какъ съ той, такъ и съ другой стороны и, прежде всего, со стороны королевской власти. Для того, чтобы союзъ этотъ сталъ этически состоятельной политической формой, чтобы возникшія и развившіяся на его почвѣ техническія средства получили вполне опредѣленное назначеніе служить культурнымъ интересамъ личности и общества,—для этого ему предстояло испытать не мало потрясеній, и въ процессѣ этого постепеннаго просвѣтленія англійской государственности, превращенія ея изъ деспотической монархіи въ правовое государство, однимъ изъ крупнѣйшихъ и знаменательнѣйшихъ моментовъ является Великая Хартія Вольностей.

Нельзя сказать, чтобы королевская власть послѣ нормандскаго завоеванія игнорировала права и вольности англійскаго народа. Наоборотъ: она даже слишкомъ часто ему о нихъ напоминала, и „законы короля Эдуарда“ стали стереотипной фразой не только въ устахъ народа, вкладывавшаго въ нее всѣ свои самыя заветныя національныя воспоминанія и всѣ свои представленія и мечты о правѣ и справедливости, но и въ устахъ королей, которые хорошо понимали поистинѣ волшебную силу этой формулы и въ трудныя минуты не рѣдко прибѣгали къ ней, всякій разъ привлекая тѣмъ на свою сторону признательныя сердца и вооруженныя руки англо-саксонской массы. Особенно часто

дѣлали это сыновья завоевателя, Вильгельмъ II Рыжій и Генрихъ I, которымъ пришлось вести очень серьезную борьбу съ феодалами. Нельзя сказать, чтобы формула эта отличалась юридической опредѣленностью и силой, и даже въ Хартіи Вольностей Генриха I-го этихъ свойствъ она не приобрѣла. Въ Хартіи этой, изданной Генрихомъ I (въ 1100 г.) для того, чтобы расположить къ себѣ англійское общество и обезпечить за собою незаконно захваченный престолъ, король старается привлечь на свою сторону каждую изъ главныхъ общественныхъ силъ—феодаловъ, церковь и народъ. И въ то время, какъ параграфы, трактующіе о правахъ и вольностяхъ церкви и феодаловъ и тѣхъ нарушеніяхъ ихъ, какія позволялъ себѣ Вильгельмъ Рыжій, исполнѣ конкретны и опредѣленны, представляя собою, что касается феодаловъ, обстоятельное изложеніе основъ регулировавшаго ихъ отношенія съ королемъ и съ своими вассалами феодальнаго права,—единственный параграфъ, посвященный народу, гласитъ лишь слѣдующее: „Законы короля Эдуарда (*Lagam Edwardi regis*) возвращаю вамъ съ тѣми исправленіями, какими исправилъ ихъ мой отецъ по совѣту своихъ бароновъ“. Это наводитъ на мысль, что параграфъ этотъ просто рассчитанъ на чисто эмоціональный эффектъ, равно какъ и простое упоминаніе имени короля Эдуарда и его законовъ въ двухъ другихъ параграфахъ хартіи. Но и полная опредѣленность феодальныхъ параграфовъ хартіи и тѣхъ статей ея, которыя трактуютъ о правахъ церкви, не спасали ихъ отъ нарушеній со стороны королевской власти и ея агентовъ. Хартія Генриха I-го была одностороннимъ актомъ королевской воли, рассчитаннымъ на опредѣленный временный эффектъ, и никакихъ гарантій обществу она не давала, лишь морально связывая королевскую власть въ отношеніяхъ ее къ обществу, что не могло считаться серьезной политической гарантійей и не въ такія грубыя времена. Не прибавило этихъ гарантій и торжественное подтвержденіе Хартіи королемъ Стефаномъ и Генрихомъ II-мъ. При всемъ этомъ мы не должны, однако, совершенно отнимать у Хартіи Вольностей Генриха I-го всякое значеніе въ исторіи правового развитія англійскаго общества. Самый фактъ торжественнаго признанія королевской властью извѣстныхъ правъ за обществомъ и обѣщаніе не нарушать ихъ уже кое-что значили, создавая моральный и юридическій базисъ для борьбы за политическую гарантію, когда сложатся благопріятныя для этого обстоятельства. А пока противоположность интересовъ, раздѣлявшая феодаловъ и народъ на два вражескихъ лагеря и тѣмъ создававшая прочную позицію королю, продолжала существовать во всей своей силѣ и дѣлала совершенно немислимымъ общественное движеніе съ подобнаго рода программой. Королевская власть имѣла полную возможность въ каждый данный моментъ превратиться въ самую необузданную тираннію. Реформы Генриха II-го показали, что мо-

жеть сдѣлать для народа королевская власть, руководясь, если и не безкорыстнымъ желаніемъ служить народу, то ужъ во всякомъ случаѣ широко и правильно понимаемыми собственными интересами и истинно государственнымъ смысломъ ея носителей и вдохновителей. Монархія Генриха II-го—это своего рода просвѣщенный абсолютизмъ двѣнадцатаго вѣка. Но ничто не гарантировало англійское общество отъ того, что этотъ просвѣщенный абсолютизмъ не превратится въ самый необузданный деспотизмъ монархій Востока, лишь только во главѣ государства станетъ человѣкъ, совершенно чуждый какихъ бы то ни было государственныхъ идей, живущій исключительно грубо эгоистическими инстинктами, не признающій для себя никакихъ политическихъ, моральныхъ или религіозныхъ сдержекъ, или даже просто заурядный человѣкъ, лишенный политическаго смысла и всецѣло руководимый преслѣдующей собственныя выгоды правительственной кликой. И Англіи не долго пришлось ждать такого превращенія. Въ лицѣ Іоанна Безземельнаго англійское общество получило короля, который даже мароккаго эмира поразилъ своими дѣяніями и заставилъ этого восточнаго деспота въ величайшемъ негодованіи воскликнуть: „Какъ же эти несчастные англичане позволяютъ такому человѣку царствовать и властвовать надъ ними? Да они настоящія бабы и холопы!“ Но эмиръ нѣсколько поторопился со своимъ приговоромъ. Болѣе правымъ оказался его собесѣдникъ, утверждавшій, что „англичане—терпѣливѣйшіе изъ людей, пока ихъ не оскорбятъ и не обидятъ сверхъ мѣры“, и что „теперь, подобно льву или слону, почувствовавшему себя уязвленнымъ и истекающимъ кровью, они начинаютъ приходить въ раздраженіе, хотя и поздно, замышляютъ и пытаются сбросить съ шеи ярмо угнетателя“ *). Англичане, дѣйствительно, уже начинали приходить въ раздраженіе.

VI.

Когда общество не является коллективнымъ вершителемъ своихъ собственныхъ судебъ, и направляющая его организованная сила не есть лишь политическая форма его собственного существа, но имѣетъ самостоятельное бытіе особой соціальной силы, именно благодаря своей организованности, преобладающей надъ остальными соціальными элементами общества и имѣющей возможность заставить ихъ служить узкимъ и своекорыстнымъ интересамъ правящей группы,—тогда особенное значеніе приобретаетъ личность оффиціального главы правительственнаго механизма: отъ его личныхъ свойствъ, вкусовъ и интересовъ въ очень большой мѣрѣ зависитъ, какое направленіе приметъ дѣятельность этого механизма и какъ она отразится на матеріальномъ и духовномъ состояніи общества.

*) Matthaei Parisiensis Opera Majora (Rolls's series), II. 559—563.

Отъ Іоанна Безземельнаго Англія могла ожидать всего. Еще при жизни своего отца (Генриха II) и брата (Ричарда Львиное Сердце) онъ въ достаточной мѣрѣ обнаружилъ свои душевныя свойства, и восшествіе на престолъ этого совершенно лишеннаго нравственнаго чувства, безпринципнаго, коварнаго и жестокаго человѣка, необузданнаго въ своихъ страстяхъ и аппетитахъ, вызвало большую тревогу во всѣхъ слояхъ англійскаго общества. И Іоаннъ не замедлилъ вполнѣ оправдать эти опасенія. Видя въ своей власти исключительно источникъ силъ и средствъ, необходимыхъ ему для удовлетворенія своихъ личныхъ интересовъ и страстей, и находя одинаково позволительными всѣ способы извлеченія изъ общества этихъ средствъ и силъ, онъ не дѣлалъ никакого различія между феодалами, церковью и народомъ, всѣхъ ихъ въ равной мѣрѣ подвергая безграничнымъ вымогательствамъ и насиліямъ. Это своеобразное равенство, если не передъ закономъ, то передъ беззаконіемъ, въ связи съ рядомъ политическихъ осложненій, внѣшнихъ и внутреннихъ, вызванныхъ при этомъ Іоанномъ, пробудило, наконецъ, между разъединенными и нерѣдко прямо враждебными слоями англійскаго общества сознание солидарности и способность совмѣстной дѣятельности противъ общаго врага. Но и времена измѣнились. Какъ ни противоположны были по существу интересы феодаловъ и массы, но была почва, на которой и они соприкасались. Это было общее всѣмъ имъ подчиненіе государственному тяглу въ формѣ всякаго рода натуральныхъ повинностей и платежей феодальнаго и нефеодальнаго характера. Въ этомъ отношеніи государство Вильгельма Завоевателя и его преемниковъ не знало привилегированныхъ и непривилегированныхъ; въ этомъ отношеніи оно было самымъ демократическимъ государствомъ во всей Западной Европѣ. Почти полтораста лѣтъ этого все усиливашагося правительственнаго гнета должны были, наконецъ, создать почву для взаимнаго пониманія между феодалами и массой. Соціальному сближенію должна была способствовать не только чисто фискальная политика правительства, но и его общая политика, насколько она выразилась въ мѣропріятіяхъ, направленныхъ на укрѣпленіе и дальнѣйшее развитіе государственности, унаслѣдованной имъ отъ англо-саксонской эпохи, и въ особенности въ реформахъ Генриха II-го. Все это постепенно привело къ тому, что Англія конца двѣнадцатаго вѣка была уже не та, что въ концѣ одиннадцатаго столѣтія, и если деспотизму какого нибудь Вильгельма Рыжаго былъ положенъ конецъ одинокой стрѣлой, пущенной неизвѣстной рукою, то деспотизмъ Іоанна Безземельнаго вызвалъ настоящее общественное движеніе, давшее Англіи Великую Хартію Вольностей.

Инициаторами движенія явились феодалы. Неслыханное до толѣ попираніе королемъ ихъ правъ и безграничныя, совер-

шенно незаконныя вымогательства и конфискаціи, развившіяся на почвѣ борьбы Іоанна Безземельнаго съ французскимъ королемъ Филиппомъ II Августомъ изъ-за континентальныхъ владѣній анжуйскаго дома, въ которой совсѣмъ не было заинтересовано само англійское общество, вызвали среди бароновъ чрезвычайно острое недовольство. По словамъ хроникера, они создали королю „почти столькожъ враговъ, сколько у него магнатовъ“, и сдѣлали неизбѣжнымъ вооруженный и организованный отпоръ. Уже въ 1201 году король могъ замѣтить, что среди бароновъ развивается оппозиціонное настроеніе. Въ отвѣтъ на его требованіе отправиться съ нимъ въ Нормандію графы и бароны собрались на совѣщаніе (*colloquium*) въ Лестеръ и постановили заявить королю, что не пойдутъ съ нимъ въ походъ, „пока онъ не вернетъ имъ ихъ правъ“. Тогда король потребовалъ отъ нихъ ихъ замки и сыновей въ видѣ заложниковъ. До чего доходилъ Іоаннъ Безземельный въ своемъ издѣвательствѣ надъ правомъ и закономъ въ отношеніи къ феодаламъ, покажутъ нѣсколько взятыхъ на удачу фактовъ. Въ томъ же 1201 году король собралъ бароновъ въ Портсмутъ, чтобы переправиться съ ними на континентъ, но вмѣсто того, чтобы вести ихъ за море, отобралъ у нихъ деньги, взятые ими на военные издержки, а самихъ отправилъ по домамъ. Въ слѣдующемъ году бароны двинулись съ королемъ въ Нормандію, но увидѣли, что онъ и не думаетъ вступать въ сраженіе съ непріятелемъ; въ сильнѣйшемъ негодованіи, они вернулись домой, а король наложилъ на нихъ за это огромный штрафъ въ размѣрѣ седьмой части ихъ движимости. Въ 1205 году король съ большимъ войскомъ отправился во Францію, но вдругъ повернулъ назадъ и, вернувшись домой, взялъ съ графовъ, бароновъ, рыцарей и духовенства „несмѣтную сумму денегъ“ подъ тѣмъ предлогомъ, будто они не захотѣли идти съ нимъ за море добывать утраченное имъ наслѣдіе (къ этому времени онъ уже лишился Нормандіи, Мэна, Анжу, Турина, отошедшихъ къ французскому королю, что тоже не въ малой мѣрѣ увеличило непопулярность Іоанна Безземельнаго). Индивидуальные протесты противъ королевскаго произвола влекли за собой такія послѣдствія для протестовавшаго, что рассказъ о нихъ, по словамъ хроникера, исторгъ бы слезы даже у тирановъ и возмутилъ бы душу читателя.

Весьма возможно, что баронамъ не удалось бы поднять противъ становившагося невыносимымъ политическаго режима организованное возстаніе, если бы имъ не помогло одно чрезвычайно важное по тогдашнему времени обстоятельство, окончательно развязавшее руки тѣмъ, кто еще не рѣшался поднять ихъ противъ носителя окруженной мистическимъ, религіознымъ ореоломъ королевской власти. Столкновеніе короля съ церковью и перчатка, которую онъ не побоялся бросить величайшему главѣ католическаго

міра, рѣшила его участь, разсѣявъ и послѣдніе остатки того моральнаго престижа, который не могли сокрушить всѣ его беззаконія.

Поводомъ къ столкновенію послужилъ вопросъ о замѣщеніи кентерберійской катедры, ставшей вакантной въ 1205 году. Папа не утвердилъ кандидатовъ, выставленныхъ кентерберійскимъ духовенствомъ и королемъ, и назначилъ архіепископомъ кентерберійскимъ (въ 1207 г.) одного изъ своихъ кардиналовъ, англичанина Стефана Лэнгтона. Въ отвѣтъ на это король отказался признать новаго примаса, а когда Иннокентій III подвергъ въ слѣдующемъ году Англію интердикту, а еще черезъ годъ отлучилъ короля отъ церкви, Іоаннъ повелѣлъ конфисковать всѣ церковныя владѣнія въ королевствѣ и фактически поставилъ англійскую церковь внѣ закона. По всей странѣ прекратилось богослуженіе, не слышно было колокольнаго звона, мертвыхъ перестали хоронить по христіанскому обряду, а служители церкви стали подвергаться всевозможнымъ насиліямъ и оскорбленіямъ со стороны королевскихъ людей. Нужно вспомнить, какимъ страшнымъ оружіемъ былъ въ рукахъ католической церкви интердиктъ, чтобы представить себѣ, какія чувства долженъ былъ вызвать къ себѣ во всѣхъ слояхъ англійскаго общества король, навлекшій на страну такое ужасное въ глазахъ тогдашнихъ людей бѣдствіе. Въ то же время отлученіе короля отъ церкви прямо освобождало его подданныхъ отъ всѣхъ обязанностей въ отношеніи къ нему. Папа даже формально освободилъ (въ 1211 году) всѣхъ англичанъ отъ вѣрности и подданства королю и подъ страхомъ наказанія запретилъ имъ имѣть съ нимъ какое-бы то ни было общеніе. Не довольствуясь этимъ, Иннокентій, „по совѣту кардиналовъ, епископовъ и другихъ разумныхъ людей“, постановилъ (въ 1213 г.) и вовсе низложить Іоанна и написалъ объ этомъ Филиппу II Августу, поручая ему это дѣло, въ то же время объявивъ крестовый походъ противъ Іоанна, съ французскимъ королемъ во главѣ. Филиппъ сталъ собирать военныя силы, чтобы двинуться на Англію.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось все это для Англіи и ея короля, если бы Іоаннъ не рѣшилъ подчиниться папѣ. Для него не всѣ еще пути были отрѣзаны, чтобы предотвратить грозившую бѣду. Одновременно съ отправленіемъ письма къ Филиппу Августу и съ объявленіемъ крестоваго похода папа отправилъ въ Англію своего легата Пандульфа, секретно поручивъ ему передать королю, что если онъ согласится „дать удовлетвореніе Богу и римской церкви, а также всѣмъ прикосновеннымъ къ этому дѣлу“, то для него еще возможенъ мирный исходъ. Перспектива грознаго французскаго нашествія подѣйствовала на Іоанна сильнѣе духовныхъ громовъ Иннокентія III. Онъ прекрасно сознавалъ, что разсчитывать на своихъ бароновъ ему нельзя. Онъ боялся ихъ не меньше, чѣмъ непріятеля. Еще за годъ

передъ тѣмъ, собравъ феодальное ополченіе, чтобы отправиться противъ уэльскихъ князей, онъ внезапно почувствовалъ паническій страхъ передъ вооруженной силой своихъ собственныхъ подданныхъ и, немедленно распустивъ ополченіе, заперся въ Ноттингемскомъ замкѣ. Причиной этого были не одни неопредѣленные опасенія. До короля дошли слухи о заговорѣ среди бароновъ, и, выйдя черезъ двѣ недѣли изъ добровольнаго заключенія, онъ распорядился произвести аресты въ ихъ средѣ, потребовать заложниковъ и принять другія подобныя мѣры. Это вызвало большую тревогу среди бароновъ, и вожди заговора бѣжали на континентъ. Не довольствуясь этими мѣрами, рассчитанными на устрашеніе бароновъ, король сдѣлалъ попытку создать въ народѣ противовѣсъ начавшемуся среди бароновъ организованному движенію; въ виду этого онъ простилъ штрафы, наложенные на многихъ во время не за долго предъ тѣмъ бывшей ревизіи королевскихъ лѣсовъ, отмѣнилъ нѣкоторыя пошлины въ портахъ и принялъ рядъ мѣръ для обезпеченія общественной безопасности; кромѣ того онъ попытался оправдать въ глазахъ народа свои насилія надъ церковью, и для этого заставилъ монастыри дать ему письменныя удостовѣренія, будто все взятое у нихъ королемъ было дано ими королю вполне добровольно. Но все это никого не могло ввести въ заблужденіе. Раздраженіе въ обществѣ все усиливалось, и среди бароновъ шла дѣятельная организаціонная работа. При такихъ-то обстоятельствахъ король узналъ, что Филиппъ Августъ собираетъ войска и припасы, чтобы по первому слову папы двинуть ихъ противъ него. А тутъ еще какой-то предсказатель увѣрялъ всѣхъ, что къ Вознесенію Іоаннъ уже не будетъ королемъ. Понятно, какъ естатіи пришло привезенное Пандульфомъ папское предложеніе. Король не только согласился признать Лэнгтона и обязался возвратить церкви ея земли и уплатить насильно взятія у нея деньги, но и отдалъ свое королевство папѣ, чтобы получить его обратно уже въ качествѣ лена папскаго престола, съ обязательствомъ платить папѣ ежегодную подать, принесъ при этомъ папѣ клятву вѣрности и обязываясь принести ему еще и феодальную присягу. Вскорѣ послѣ этого (въ томъ же 1213 году) прибылъ въ Англію новый архіепископъ и снялъ съ короля отлученіе, заставивъ его при этомъ повторить свою коронаціонную присягу и дать обѣщаніе, что онъ будетъ любить и защищать церковь, возстановитъ добрые законы своихъ предшественниковъ и, въ особенности, законы короля Эдуарда и уничтожитъ несправедливые, будетъ судить всѣхъ праведнымъ судомъ и возвратитъ всѣмъ ихъ права. Послѣ этого король потребовалъ отъ бароновъ, чтобы они отправились съ нимъ на континентъ противъ Филиппа Августа, вполне увѣренный, что теперь, когда съ него снято отлученіе и онъ вполне примирился съ церковью, бароны уже не рѣшатся оказать ему неповиновеніе,

какъ это они сдѣлали раньше. Но Іоаннъ, повидимому, не подозрѣвалъ всей серьезности своего положенія, думая, что покорностью папскому престолу онъ устранилъ главную причину своихъ домашнихъ затрудненій. А между тѣмъ, борьба его съ церковью и пять лѣтъ интердикта сдѣлали свое дѣло, углубивъ корни общественнаго недовольства, которое теперь уже переходило въ общественное движеніе съ опредѣленной политической программой. Бароны (сѣверные) отвѣтили отказомъ на требованіе короля, заявивъ, что ихъ держанія не обязываютъ ихъ отправляться съ королемъ въ заморскіе походы. Король двинулъ было противъ нихъ свои наемные отряды, но архіепископъ кентерберійскій остановилъ его, посовѣтовавъ предварительно разслѣдовать дѣло судебнымъ путемъ.

Въ лицѣ архіепископа Стефана Лэнгтона начавшееся уже общественное движеніе приобрѣло руководителя и идейнаго вдохновителя, укрѣплявшаго его своимъ авторитетомъ. Едва прошелъ мѣсяцъ со дня прибытія его въ Англію, какъ мы уже видимъ его въ самомъ центрѣ движенія. 25 августа (1213 г.) онъ устраиваетъ въ соборѣ св. Павла въ Лондонѣ очень знаменательное собраніе изъ епископовъ, пріоровъ, аббатовъ, декановъ и бароновъ королевства. На этомъ собраніи архіепископъ подзвалъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ бароновъ и секретно сообщилъ имъ слѣдующее: „Вы слышали, какъ въ Уинчестерѣ я снялъ съ короля отлученіе и заставилъ его дать клятву, что онъ уничтожитъ несправедливые законы и возстановитъ добрые, т. е. законы Эдуарда, и заставитъ всѣхъ въ королевствѣ соблюдать ихъ. Теперь вотъ найдена нѣкая хартія Генриха I, короля Англіи, съ помощью которой вы можете, если захотите, возстановить въ прежнемъ видѣ давно утраченныя вольности“.

Еще болѣе важное тайное совѣщаніе произошло у бароновъ въ Эдмондсбери въ слѣдующемъ (1214) году. Сюда съѣхались они подъ предлогомъ богомолья. Это былъ рѣшительный моментъ въ развитіи движенія. На собраніи, по словамъ лѣтописца, „была принесена нѣкая хартія короля Генриха Перваго, которую эти бароны получили отъ Стефана, кентерберійскаго архіепископа, какъ сказано выше, въ городѣ Лондонѣ“. Долго обсуждали они связанные съ нею вопросы своей программы, а затѣмъ „отправились всѣ въ церковь святого Эдмонда и здѣсь, начиная со старшихъ, поклялись надъ большимъ алтаремъ, что если король откажется дать имъ уже названные законы и вольности, они до тѣхъ поръ будутъ вести противъ него войну и не будутъ признавать себя связанными узами вѣрности въ отношеніи къ нему, пока онъ не подтвердитъ всего, чего они требуютъ, хартіей, скрѣпленной его печатью. Въ заключеніе они сообща согласились на томъ, что послѣ Рождества Христова всѣ они отправятся вмѣстѣ къ королю и потребуютъ отъ него, чтобы онъ подтвердилъ имъ выше-

писанныя вольности. А пока они должны запастись лошадьми и оружіемъ, чтобы на случай, если король вздумаетъ отступить отъ собственной клятвы, что они считали вполне возможнымъ, зная его двуличность, они могли бы немедленно, захвативъ его замки, заставить его дать имъ удовлетвореніе. Послѣ этого они разѣхались по домамъ“.

Король былъ въ это время на континентѣ и велъ неудачную войну съ Филиппомъ Августомъ, окончившуюся разгромомъ его и его союзниковъ при Бувинѣ. Вернувшись домой, онъ обратился къ сѣвернымъ баронамъ съ грознымъ запросомъ, почему они не сопровождали его на войну, и потребовалъ съ нихъ щитовыхъ денегъ. Бароны отвѣтили ему отказомъ. Видя, что дѣло принимаетъ весьма серьезный оборотъ и борьба становится открытою, Іоаннъ хотѣлъ привлечь на свою сторону церковь, и для этого издалъ хартію о свободѣ церковныхъ выборовъ, которые теоретически, въ силу грамотъ его предшественниковъ, давно уже были свободны, но фактически такъ же давно утратили эту свободу. Но было уже поздно. Движеніе стало на вполне твердую почву, чтобы его можно было сломить съ помощью подобнаго рода экспериментовъ, тѣмъ болѣе, что глава англійской церкви былъ всецѣло на его сторонѣ. Кризисъ съ каждымъ днемъ близился къ разрѣшенію.

Лишь только прошли рождественскіе праздники, бароны, согласно уговору, явились къ королю въ Лондонъ въ военныхъ доспѣхахъ и „потребовали, чтобы онъ подтвердилъ нѣкоторыя вольности и законы короля Эдуарда вмѣстѣ съ другими вольностями, данными имъ и королевству Англіи и англійской церкви, какъ онѣ написаны въ Хартіи короля Генриха Перваго и въ вышеназванныхъ законахъ. Кромѣ того они заявили, что во время снятія съ него отлученія въ Уинчестерѣ, онъ обѣщалъ эти законы и древнія вольности и собственной клятвой обязался соблюдать ихъ. Король, видя, что бароны настойчивы въ этомъ требованіи, и замѣтивъ, что они готовы къ бою, очень испугался ихъ натиска, отвѣчалъ, что они требуютъ большой и трудной вещи, вслѣдствіе чего потребовалъ перемирія до донца Пасхи, чтобы, поразмысливъ, онъ могъ поступить сообразно достоинству своему и своей короны“. Въ заключеніе онъ принужденъ былъ представить поручителей (въ лицѣ архіепископа кентерберійскаго, епископа илійскаго и Уильяма Маршала), что въ назначенный день дасть всѣмъ удовлетвореніе. Повидимому, король все еще не терялъ надежды, что ему удастся одолѣть бароновъ, и пустил въ ходъ всѣ средства, какія были у него въ рукахъ: вторично издалъ хартію о свободѣ церковныхъ выборовъ, потребовалъ отъ всѣхъ своихъ подданныхъ возобновленія ихъ ленной присяги, а въ заключеніе принялъ обѣтъ крестоносца, рассчитывая, что съ помощью этого послѣдняго средства онъ окончательно свяжетъ

баронамъ руки, такъ какъ личность крестоносца считалась неприкосновенной.

Но все было напрасно. Бароны были непоколебимы. На Святой они собрались въ Стэмфордѣ. По словамъ хроникера, они „привлекли на свою сторону почти всю знать королевства и собрали несмѣтное войско, потому, главнымъ образомъ, что король всегда былъ ненавистенъ для всѣхъ. Въ войскѣ ихъ было двѣ тысячи однихъ рыцарей, не считая оруженосцевъ и пѣхоты“. Лишь только окончился срокъ заключеннаго съ королемъ перемирія, бароны двинули свои силы по направленію къ Брэкли (въ графствѣ Нортгэмптонскомъ). Узнавъ объ этомъ, король отправилъ къ нимъ изъ Оксфорда, гдѣ онъ въ этотъ моментъ находился, архіепископа кентерберійскаго и Уильяма Маршала графа Пемброка со свитой, „чтобы узнать отъ нихъ, какихъ это законовъ и вольностей они требуютъ“. Бароны (они уже были въ Брэкли) вручили имъ „пидулу нѣкую, которая заключала въ большей своей части древніе законы и обычаи королевства“, и требовали, чтобы король немедленно же далъ имъ эти законы и обычаи и скрѣпилъ своей печатью, грозя въ противномъ случаѣ, путемъ захвата его крѣпостей, земель и владѣній, заставить его сдѣлать это. Посланные вернулись съ этимъ къ королю, и одинъ изъ нихъ, архіепископъ кентерберійскій, прочелъ ему по статьямъ полученный отъ бароновъ документъ. Король пришелъ въ крайнее негодованіе. „Почему же вмѣстѣ съ этими несправедливыми требованіями бароны не потребуютъ и моего королевства?“ съ злобной ироніей заявилъ онъ и назвалъ пустыми и бессмысленными требованія бароновъ „(Vana sunt“, inquit, „et superstitiosa quae petunt, neque aliquo rationis titulo fulciuntur“) и въ страшной ярости поклялся, что никогда не дастъ имъ такихъ вольностей, которыя его самого дѣлаютъ рабомъ. Никакими доводами не могли архіепископъ и графъ Пемброкъ убѣдить короля перемѣнить свое рѣшеніе и повезли баронамъ его рѣшительный отказъ. Тогда бароны избрали Роберта Фицъ-Уолтера своимъ предводителемъ, назвали его „маршаломъ воинства Христова и святой церкви“ и въ боевомъ порядкѣ двинулись къ Нортгэмптону. Безъ осадныхъ орудій они не могли взять этой крѣпости и, простоявъ здѣсь двѣ недѣли, направились къ Бедфорду. Здѣсь ихъ приняли съ почестями. Сюда явились къ нимъ посланцы изъ Лондона и тайно сообщили имъ, чтобы они какъ можно скорѣе шли къ столицѣ, если желаютъ имѣть ее на своей сторонѣ. Иавѣстіе это очень подняло духъ бароновъ, они немедленно двинули свое войско, и 24-го мая, на разсвѣтѣ, когда горожане были у заутрени, безъ всякаго шума и тревоги вступили въ Лондонъ. Отсюда они разослали письма къ графамъ, баронамъ и простымъ рыцарямъ, которые еще, какъ будто, держали сторону короля, приглашая ихъ оставить клятвопреступ-

наго короля и присоединиться къ нимъ, чтобы вмѣстѣ бороться за вольности и за миръ въ королевствѣ, грозя въ противномъ случаѣ поступить съ ними, какъ съ врагами. На этотъ призывъ откликнулось громадное большинство и присоединилось къ конфедерации. По словамъ хроникера, „прекратились всѣ дѣла въ Палатѣ Шахматной Доски и у шерифовъ по всей Англіи, такъ какъ не находилось никого, кто бы платилъ королю подать или въ чемъ-либо оказывалъ ему повиновеніе“. Почти всѣ покинули короля. Съ нимъ осталось, по свидѣтельству того же хроникера, едва семь всадниковъ. Пришлось начать переговоры. Былъ назначенъ день и мѣсто для окончательнаго соглашенія. 15 іюня (1215 года) бароны сошлись съ королемъ и его немногочисленными приверженцами въ долину Рэннимидъ, между Стэнсомъ и Уиндзоромъ, на Темзѣ, и здѣсь Іоаннъ, „видя, что силы его не равны силамъ бароновъ“, подписалъ *Великую Хартію Вольностей*.

VII.

Великая Хартія Вольностей (*Magna Charta Libertatum*) имѣетъ форму королевскаго пожалованія. „Пожаловали мы“, читаемъ мы въ концѣ первой ея статьи, „всѣмъ свободнымъ людямъ (*liberis hominibus*) королевства нашего за насъ и за наслѣдниковъ нашихъ на вѣчныя времена всѣ ниже писанныя вольности, чтобы имѣли ихъ и владѣли ими они и ихъ наслѣдники отъ насъ и отъ наслѣдниковъ нашихъ“.

Этотъ, какъ будто, односторонній актъ монаршей воли былъ внушенъ королю, по его словамъ, исключительно внутренними мотивами, мистическимъ путемъ возникшими въ его душѣ. Въ предисловіи къ Хартіи король прямо заявляетъ всѣмъ своимъ слугамъ и вѣрнымъ, что всѣ слѣдующія ниже вольности онъ пожаловалъ и Хартіей своей подтвердилъ „по внушенію Божьему и для спасенія своей души, а также всѣхъ своихъ предшественниковъ и наслѣдниковъ, въ честь Бога и для возвышенія святой церкви и для возвеличенія своего королевства“. Не вполнѣ, правда, согласуются съ этими заявленіями слова послѣдняго (63) параграфа Хартіи, что „принесена была присяга какъ съ нашей стороны, такъ и со стороны бароновъ, что все это выше названное будетъ соблюдаться добросовѣстно и безъ злого умысла“, а содержаніе статьи 61-ой и вовсе ихъ опровергаетъ, вскрывая истинное положеніе вещей. Тутъ уже идетъ рѣчь о „раздорѣ, возникшемъ между нами и баронами нашими“ и о гарантіи (*securitas*), которую король даетъ баронамъ, обеспечивающую имъ ненарушимое и вѣчное пользованіе ихъ вольностями, и при томъ такой, которую едва ли согласился дать своимъ подданнымъ какой бы то ни было король исключительно по Божьему внушенію. Гарантія эта заключалась въ слѣдующемъ. Бароны изберутъ изъ своей среды

двадцать пять человекъ и на нихъ возложить обязанность блюстителей „пожалованных“ королемъ вольностей. Если король или кто-либо изъ его должностныхъ лицъ „нарушить какую-либо изъ статей этого мирнаго договора (*pacis aut securitatis*)“, то объ этомъ должно быть сообщено четыремъ изъ этихъ двадцати пяти бароновъ, и они обратятся къ королю или къ его замѣстителю съ требованіемъ въ теченіе сорока дней возстановить нарушенное право. Въ случаѣ неисполненія королемъ или его замѣстителемъ этого требованія, всѣ двадцать пять бароновъ „вмѣстѣ съ общинной всей земли“ постараются всѣми возможными средствами принудить къ этому короля, захватывая его замки, земли, владѣнія и т. п., оставляя неприкосновенными лишь личность короля, королевъ и ихъ дѣтей. Всѣ обязаны принести двадцати пяти баронамъ присягу, что будутъ повиноваться имъ въ такихъ случаяхъ, и король не только не будетъ никому препятствовать въ этомъ, но открыто всѣмъ разрѣшаетъ это и даже собственнымъ приказомъ заставить всѣхъ, кто добровольно не захочетъ сдѣлать этого, принести двадцати пяти баронамъ присягу въ томъ, что вмѣстѣ съ ними будутъ принуждать и тѣснить короля. Всѣ двадцать пять бароновъ, съ своей стороны, должны присягнуть, что будутъ добросовѣстно исполнять свои обязанности. Рѣшенія въ комитетѣ двадцати пяти должны постановляться большинствомъ присутствующихъ.

Великая Хартія Вольностей есть настоящій мирный договоръ между воюющими сторонами, есть настоящая капитуляція. Если бы мы даже не знали обстоятельствъ, при которыхъ была издана Великая Хартія, то самый текстъ ея не оставляетъ въ этомъ ни тѣни сомнѣнія, какъ въ цѣломъ, такъ и въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣльныхъ статьяхъ, тракующихъ о выдачѣ королемъ взятыхъ имъ заложниковъ, о роспускѣ имъ наемныхъ отрядовъ и т. п. Мы не будемъ заниматься этими статьями, имѣвшими чисто временный характеръ, и прямо перейдемъ къ основнымъ параграфамъ Великой Хартіи, тракующимъ о правахъ и вольностяхъ англійскаго народа и каждой изъ составляющихъ его отдѣльныхъ группъ.

На первомъ мѣстѣ церковь и бароны. Своимъ первымъ параграфомъ Хартія объявляетъ свободной англійскую церковь и неприкосновенными права ея и вольности и подтверждаетъ уже дважды передъ тѣмъ изданную Іоанномъ хартію о свободѣ церковныхъ выборовъ. Слѣдующія за этимъ непосредственно семь параграфовъ заняты исключительно феодальными вопросами (о релъефахъ, которые уплачивали королю вступающіе во владѣніе своими ленами наслѣдники его военныхъ держателей, о принадлежащемъ королю правѣ опеки надъ несовершеннолѣтними наслѣдниками умершихъ королевскихъ держателей, о правахъ наслѣдницъ и вдовъ королевскихъ держателей). Чисто феодальными отношеніями занято еще болѣе двѣнадцати параграфовъ Хартіи (тракующихъ о повинностяхъ держателей рыцарскихъ леновъ, объ ихъ за-и

ковой службѣ, о земляхъ осужденныхъ преступниковъ, попадающихъ въ руки короля и подлежащихъ возвращенію по истеченіи извѣстнаго срока непосредственнымъ сюзеренамъ этихъ преступниковъ, о нарушеніи королемъ принадлежащаго другимъ сеньерамъ права феодальной опеки, о держателяхъ выморочныхъ бароній, попавшихъ въ королевскую руку, о правахъ феодальной опеки, принадлежащихъ баронамъ, основавшимъ аббатства на своей землѣ). Все это простое констатированіе главныхъ пунктовъ феодальнаго права, необходимое въ виду ихъ постоянного нарушенія Іоанномъ Безземельнымъ, но едва ли вносящее въ нихъ что-либо новое. Еще Хартія Вольностей Генриха I-го формулировала эти пункты, хотя и съ нѣсколько меньшей детальностью. Совершенно въ духѣ этой же Хартіи Генриха I-го и параграфы (15 и 60), гарантирующие и второстепеннымъ держателямъ (не держащимъ непосредственно отъ короля) неприкосновенность ихъ правъ со стороны ихъ непосредственныхъ сюзереновъ, въ особенности § 60, гласящій, что „всѣ эти вышеназванные обычаи и вольности, которые мы соблаговолили признать подлежащими соблюденію въ нашемъ королевствѣ, насколько это касается насъ въ отношеніи къ нашимъ вассаламъ, всѣ въ нашемъ королевствѣ, какъ клирики, такъ и міряне, обязаны соблюдать, насколько это касается ихъ въ отношеніи къ ихъ вассаламъ“. Иной характеръ имѣютъ параграфы 34, 12 и 14. Первый изъ нихъ постановляетъ, что впредь королевская курія никому не будетъ выдавать приказовъ, носящихъ названіе *Ргаесіре*, для перенесенія иска о собственности на то или иное держаніе изъ феодальной куріи въ королевскую, нанося этимъ ущербъ владѣльцу этой феодальной куріи. Это уже требованіе, идущее далѣе указанныхъ выше. Здѣсь бароны не просто ограждаютъ себя отъ беззаконій, которыя позволялъ себѣ король и его агенты въ отношеніи ко всѣмъ признаваемымъ феодальнымъ правамъ. Здѣсь они пытаются остановить планомѣрную объединительную работу центральной власти въ сферѣ юрисдикціи, начатую съ такой энергіей при Генрихѣ II-мъ, такъ рѣшительно урѣзавшемъ своими *ассизами* гражданскую юрисдикцію феодаловъ. Это была со стороны бароновъ попытка затормозить тотъ путь, по которому шло политическое развитіе Англіи съ нормандскаго завоеванія. Еще болѣе знаменательны въ этомъ отношеніи два другіе параграфа, 12 и 14. Параграфъ двѣнадцатый гласитъ, что ни щитовыя деньги, ни какое-либо вспомошествованіе не должны взиматься въ англійскомъ королевствѣ иначе, какъ съ согласія общаго совѣта королевства („*nisi per commune consilium regni nostri*"). Исключеніе допускается лишь въ трехъ случаяхъ: когда нужно выкупить изъ плѣна короля, при возведеніи въ рыцари старшаго сына короля и при выдачѣ замужъ первымъ бракомъ старшей дочери короля; но и въ этихъ случаяхъ пособіе это не должно быть чрезмѣрнымъ; все это относится и къ пособіямъ съ

города Лондона. Параграфъ четырнадцатый опредѣляетъ составъ этого общаго собранія королевства. „А для того, чтобы имѣть этотъ общій совѣтъ королевства“, читаемъ мы въ этомъ параграфѣ, „мы повелимъ позвать архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, графовъ и старшихъ бароновъ (*maiores barones*) нашими письмами каждого и, кромѣ того, повелимъ позвать огуломъ, черезъ шерифовъ и бэйлиффовъ нашихъ, всѣхъ тѣхъ, кто держитъ отъ насъ непосредственно (*in capite*); (призовемъ мы всѣхъ) къ опредѣленному дню, т. е. по меньшей мѣрѣ за сорокъ дней до срока, и въ опредѣленное мѣсто; и во всѣхъ этихъ пригласительныхъ письмахъ объяснимъ причину созыва; и когда будутъ такимъ образомъ разосланы приглашенія, въ назначенный день будетъ приступлено къ дѣлу, при участіи и совѣтѣ тѣхъ, кто окажется на лицо, хотя бы и не всѣ приглашенные явились“.

Вопросъ о субсидіяхъ королю былъ самымъ больнымъ вопросомъ англійскаго общества этой поры. Финансы были какъ разъ той сферой, въ которой обществу больше всего и тяжелей всего приходилось страдать отъ произвола короля, въ особенности такого короля, какимъ былъ Іоаннъ Безземельный. Тутъ всѣ были равны, всѣ, безъ различія классовъ и состояній, не были увѣрены въ завтрашнемъ днѣ, и было вполне естественно, что поднявшіе движеніе бароны прежде всего озаботились изысканіемъ способовъ оградить на будущее время себя и другихъ отъ безцеремоннаго хозяйничанья правительства въ ихъ карманахъ. Это въ сущности былъ едва ли не самый главный вопросъ изъ всѣхъ вопросовъ, поставленныхъ передъ англійскимъ обществомъ тираническимъ правленіемъ Іоанна Безземельнаго, показавшимъ съ полной ясностью, что если политическій строй Англіи и не былъ чуждъ идеи ограниченія, воплощавшейся въ такъ называемомъ Великомъ Совѣтѣ (*Magnum Concilium*), куда король звалъ духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ королевства, своимъ „совѣтомъ и согласіемъ“ подкрѣплявшимъ его важнѣйшіе правительственные шаги, то что, въ сущности, это обращеніе къ Совѣту было для него лишь пустой формальностью, нисколько его не стѣснявшей. На положеніи Великаго Совѣта отразилась общая постановка королевской власти съ нормандскаго завоеванія, съ ея своеобразнымъ совмѣщеніемъ широко государственныхъ и феодалныхъ элементовъ. Не то это былъ англо-саксонскій уитенагемотъ, куда король созывалъ „мудрыхъ земли“ для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ внутренней и внѣшней политики, не то — феодалная курія непосредственныхъ вассаловъ короля (*tenentes in capite*), обязанныхъ „служить“ ему „совѣтомъ и содѣйствіемъ“ (*consilium et auxilium*), но вмѣстѣ съ тѣмъ и имѣющихъ право на то, чтобы безъ нихъ, безъ этого ихъ „совѣта и содѣйствія“ король не предпринималъ ни одного серьезнаго шага; въ общемъ и тотъ, и другой принципъ взаимно

нейтрализовались и были въ одинаковой мѣрѣ ослаблены всемогущей королевской властью, видѣвшей въ Великомъ Совѣтѣ собраніе свѣтскихъ и духовныхъ магнатовъ, роль котораго фактически сводилась къ необязательнымъ для короля совѣтамъ и къ выслушиванію обязательныхъ рѣшеній, принятыхъ королемъ въ кругу своихъ ближайшихъ совѣтниковъ. При такой постановкѣ этого учрежденія, при такой неопредѣленности его компетенціи и случайности и односторонности его состава оно, конечно, не могло сколько-нибудь серьезно сдерживать королевскую власть, черпавшую свою силу главнымъ образомъ въ общей противоположности интересовъ массы и феодаловъ; королевская власть не могла быть ограничена лишь по ея волѣ созывавшейся кучкой феодаловъ, хотя бы и самыхъ могущественныхъ изъ ихъ среды. Нужно было дать Великому Совѣту иную постановку, превратить его въ учрежденіе, авторитетно и планомерно ограничивающее королевскую волю и тѣмъ отнимающее у нея возможность свободно распоряжаться средствами общества. Двѣнадцатый и четырнадцатый параграфы Великой Хартии и ставятъ себѣ эту послѣднюю цѣль. Отнынѣ всякое пособіе королю, выходящее за предѣлы трехъ феодальныхъ случаевъ, можетъ быть дано ему лишь съ разрѣшенія „общаго совѣта королевства“. Каковъ-же социальный составъ этого собранія? Четырнадцатый параграфъ не оставляетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній, весьма точно указывая, кого именно слѣдуетъ звать на такіе совѣты. Онъ называетъ архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, графовъ и старшихъ бароновъ, съ одной стороны, и остальныхъ непосредственныхъ держателей короля—съ другой, т. е. исключительно королевскихъ вассаловъ, духовныхъ и свѣтскихъ. Но въ то время, какъ въ Magnum Concilium приглашали лишь верхній слой этихъ вассаловъ духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ королевства, въ совѣтѣ, проектируемомъ Великой Хартіей, имѣютъ право присутствовать и рѣшать вопросы обложенія *всѣхъ* королевскіе вассалы. Это настоящій феодальный сеймъ. Здѣсь феодальная точка зрѣнія проведена со всею полнотою. Здѣсь бароны совершенно игнорировали всѣ тѣ условія, которыя были созданы нормандскимъ завоеваніемъ, и трактовали Англію какъ чисто-феодальное государство. Это былъ очень серьезный шагъ отъ той государственности, которая сложилась въ Англіи послѣ завоеванія. Это была настоящая феодальная реакція. Побѣдивъ королевскую власть, бароны получили возможность сообщить своимъ никогда не умирившимъ и даже послѣ реформъ Генриха II не заглохшимъ политическимъ тенденціямъ форму непререкаемаго основного закона королевства, и они воспользовались этой возможностью. Но въ какой мѣрѣ? Могли ли бароны вычеркнуть всю предшествующую исторію Англіи? Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы отвѣтъ на него былъ совершенно ясенъ, иъ

особенности, если мы примемъ во вниманіе условія, при которыхъ баронамъ пришлось дѣйствовать. Обыкновенно принято выдвигать великодушное безкорыстіе бароновъ, заставившихъ Іоанна Безземельнаго подписать Великую Хартію Вольностей, и этимъ объяснять широту политическаго кругозора хартіи. Въ 1215-мъ году англійскіе бароны думали не только о себѣ. Имъ былъ чуждъ политическій эгоизмъ, такъ рѣзко выраженный у континентальныхъ феодаловъ. Подобнаго рода утвержденія очень мало считаются съ исторіей, въ частности, съ тѣми общими условіями политическаго развитія Англіи послѣ нормандскаго завоеванія, которыя опредѣляли характеръ и роль англійскаго феодализма. Англійскіе феодалы могли рассчитывать на вліятельную, а тѣмъ болѣе на главную политическую роль лишь въ союзѣ съ массой. До сихъ поръ о такомъ союзѣ не могло быть и рѣчи. Лишь совершенно исключительное поведеніе Іоанна Безземельнаго могло вызвать его къ жизни, заставить всѣ элементы общества соединиться для дружнаго отпора общему врагу. Это и дало побѣду инициаторамъ и вождямъ движенія, и, разъ они въ пылу борьбы не забыли своихъ классовыхъ интересовъ и воспользовались случаемъ для проведенія въ жизнь своихъ давнишнихъ политическихъ стремленій, они могли рассчитывать на успѣхъ лишь при условіи возможно полнаго удовлетворенія интересовъ своихъ союзниковъ, всѣхъ свободныхъ людей англійскаго королевства. Бароны по необходимости должны были считаться съ исторически сложившейся политической и соціальной дѣйствительностью, съ той широкой государственностью, которая отводила феодализму скромную и чисто-служебную роль, и съ тѣми формами ея, которыя развились къ началу тринадцатаго столѣтія и были расчитаны не на ту или иную группу общества, а на его цѣлое.

Въ частности они должны были обезпечить массѣ правильное и законмѣрное функціонированіе общегосударственныхъ судебныхъ учрежденій, для которыхъ такъ много сдѣлали реформы Генриха II. И мы дѣйствительно видимъ, что дѣлу правосудія Великая Хартія отводитъ весьма видное мѣсто, не забывая при этомъ даже самыхъ низшихъ слоевъ англійскаго общества. Можно даже сказать, что центръ тяжести ея принципиальнаго значенія здѣсь именно и лежитъ, и самые знаменитые ея параграфы, стяжавшіе Великой Хартіи неувядаемую славу (§§ 39 и 40), относятся какъ разъ къ судебному дѣлу. § 17 окончательно фиксируетъ въ Уэстминстерѣ такъ называемый Судъ Общихъ Тяжбъ, до тѣхъ поръ все еще передвигавшійся вмѣстѣ съ королемъ, и превращаетъ его, такимъ образомъ, въ учрежденіе-существующее независимо отъ личности короля. §§ 18 и 19 имѣютъ въ виду улучшить процедуру окончательно созданныхъ реформой Генриха II-го разъѣздныхъ судей по разбору земель-

ныхъ исковъ. § 23 повторяетъ изданное Генрихомъ II запрещеніе шерифамъ и другимъ королевскимъ чиновникамъ рѣшать такъ называемыя коронныя дѣла (*placita corone*), т. е. особенно важныя уголовныя дѣла, которыя должны находиться въ исключительномъ вѣдѣніи королевскихъ судовъ, и, такимъ образомъ, съ своей стороны, признаетъ пагубнымъ совмѣщеніе въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ административной и судебной власти. § 45 требуетъ, чтобы въ судьи, равно какъ и въ представители административной власти назначались лишь люди, свѣдущіе въ законахъ и имѣющіе желаніе ихъ соблюдать. §§ 20, 21 и 22 регулируютъ взиманіе штрафовъ въ пользу короля (такъ назыв. *amerciamenta*). При взиманіи ихъ слѣдуетъ сообразоваться съ родомъ проступка и съ его важностью; при этомъ основное имущество штрафуемаго, его основной капиталъ, должно оставаться неприкосновеннымъ („*salvo contenmento suo*“) — у купца его товаръ („*salva mercandisa sua*“), у виллана его хозяйственный инвентарь („*et villanus eodem modo amercietur salvo wainnagio suo*“); „и никакой изъ этихъ штрафовъ не будетъ налагаться иначе, какъ на основаніи клятвенныхъ показаній уважаемыхъ людей изъ сосѣдей штрафуемыхъ (*nisi per sacramentum proborum hominum de visneto*) (§ 20)“. Въ § 26 король обѣщаетъ, что впредь ничего не будутъ брать въ своей канцеляріи за указъ, предписывающій произвести разслѣдованіе дѣла человѣка, арестованнаго по обвиненію въ уголовномъ преступленіи, и не будутъ отказывать въ просьбѣ выдать такой указъ. Чтобы понять все значеніе этого параграфа, нужно вспомнить, что часто даже совершенно ни въ чемъ неповинный человѣкъ могъ мѣсяцы и годы томиться въ предварительномъ заключеніи, прежде чѣмъ власти соглашались назначить къ разбору его дѣло. § 38 запрещаетъ королевскимъ чиновникамъ привлекать кого бы то ни было къ суду по собственному усмотрѣнію, не приводя достовѣрныхъ свидѣтелей.

Влестящимъ завершеніемъ и широко теоретическимъ освѣщеніемъ и освященіемъ всѣхъ этихъ вполне конкретныхъ статей являются два самыхъ знаменитыхъ параграфа Великой Хартии, торжественно провозглашающіе общіе принципы и до сихъ поръ сохраняющіе всю свою жизненность и силу. „Ни одинъ свободный человѣкъ не будетъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму или лишенъ имущества, или объявленъ стоящимъ внѣ закона, или изгнанъ, или какимъ (либо инымъ) способомъ обездоленъ, и мы не пойдѣмъ на него и не пошлемъ на него иначе, какъ по законному приговору равныхъ его и по закону страны (*nullus liber homo capiatur, vel imprisonetur, aut dissaisiatur, aut utlagetur, aut exuletur, aut aliquo modo destruatur, nec super eum ibimus, nec super eum mittemus, nisi per legale iudicium parium suorum vel per legem terrae*)“. Такъ гласитъ первый изъ этихъ пара-

графовъ (39-й), и его дополняетъ слѣдующій непосредственно за нимъ параграфъ сороковой: „никому не будемъ продавать права и справедливости, никому не будемъ отказывать въ нихъ или замедлять ихъ (*nulli vendemus, nulli negabimus, aut differemus, rectum aut justiciam*)“.

Комментаріи излишни. Едва ли нужно настаивать на томъ, какіе широкіе круги англійскаго общества должны были привлечь на сторону бароновъ эти параграфы: содержащіеся въ нихъ принципы въ одинаковой мѣрѣ были дороги всѣмъ слоямъ этого общества, въ одинаковой мѣрѣ страдавшимъ отъ произвола правительства Іоанна Безземельнаго, да и не одного его. Любопытно, что бароны не забыли при этомъ (какъ мы видѣли изъ § 20) и самого низшаго слоя общества, несвободныхъ, виллановъ, прекрасно понимая, какъ важно имѣть на своей сторонѣ эту основную массу англійскаго народа.

Какую роль сыграла въ движеніи 1215-го года эта земледѣльческая масса, мы не знаемъ. Источники молчатъ объ этомъ. За то мы имѣемъ болѣе опредѣленные данныя о роли городовъ и прежде всего города Лондона. Мы уже приводили эти данныя и, въ частности, знаемъ, какое рѣшающее значеніе имѣло для исхода движенія то обстоятельство, что къ движенію примкнула столица. И Великая Хартія вполнѣ опредѣленно отражаетъ на себѣ интересы горожанъ. Двѣнадцатый параграфъ Хартіи, узаконяющій, какъ мы видѣли, *commune consilium regni* для разрѣшенія королю щитовыхъ денегъ и иныхъ пособій, выходящихъ за предѣлы трехъ феодальныхъ случаевъ, и требующій, чтобы эти пособія не были чрезмѣрны, прибавляетъ, что это относится и къ пособіямъ, взимаемымъ съ города Лондона. Слѣдующій за нимъ § 13 специально занятъ городами: онъ торжественно подтверждаетъ права и вольности Лондона и всѣхъ другихъ городовъ и портовъ. „А городъ Лондонъ“, читаемъ мы здѣсь, „долженъ имѣть всѣ свои древнія вольности и свободные обычаи какъ на сушѣ, такъ и на водѣ, кромѣ того, мы желаемъ и соизволяемъ, чтобы и всѣ другіе города и порты имѣли всѣ свои вольности и свободные обычаи“. Городскія вольности и для Іоанна Безземельнаго, и для его предшественниковъ всегда являлись источникомъ самыхъ беззаконныхъ вымогательствъ. Постоянно нарушая ихъ, они заставляли горожанъ платить имъ большія суммы за ихъ подтвержденіе. Это было хроническое бѣдствіе, тяжело отражавшееся на хозяйственномъ развитіи городовъ, и указанные параграфы Хартіи затрогивали ихъ самые насущные интересы. Интересамъ городского класса посвящена еще одиннадцатая статья Хартіи. Она предоставляетъ всѣмъ купцамъ право свободно выѣзжать изъ Англіи, въѣзжать въ нее и жить въ ней и путешествовать съ торговыми пѣлями, не подвергаясь никакимъ незаконнымъ взиманіямъ („*sine omnibus malis*

toltis“), а уплачивая лишь старинныя, справедливыя и обычаемъ установленныя пошлины. Только въ военное время такой порядокъ нарушается: въ это время купцы воюющей съ Англіей державы подвергаются аресту безъ вреда для ихъ здоровья и имущества, пока не будутъ наведены справки о томъ, какъ обращаются во враждебной странѣ съ англійскими купцами; и если окажется, что эти послѣдніе въ безопасности, такъ же поступать и съ купцами этой страны. Весьма важнымъ условіемъ нормально функционирующей торговой и промышленной жизни является единообразіе мѣръ и вѣсовъ, и § 35 гарантируетъ и это условіе. Какъ горожане, такъ и сельскіе жители не мало терпѣли отъ принадлежавшаго королю права принудительнымъ путемъ покупать черезъ посредство своихъ чиновниковъ для надобностей королевскаго двора и администраціи хлѣбъ и другіе продукты, и 28-я статья Хартіи запрещаетъ королевскимъ агентамъ брать у кого-либо хлѣбъ или иные предметы иначе, какъ немедленно уплачивая при этомъ продавцу деньги или получая отъ него согласіе на отсрочку платы. § 30 запрещаетъ шерифамъ, бэйлифамъ и другимъ королевскимъ чиновникамъ брать у свободнаго человѣка лошадей или телѣги для перевозки иначе, какъ съ его согласія.

VIII.

Рассмотрѣвъ основное содержаніе Великой Хартіи Вольностей со стороны выраженныхъ въ ней интересовъ разныхъ классовъ англійскаго общества, мы имѣемъ, какъ намъ кажется, полное основаніе утверждать, что, поднимая движеніе, бароны вполне реально поняли свою задачу, что выставленная ими программа отражала на себѣ всю широту и сложность окружавшей ихъ социальной и политической дѣйствительности, весьма далекой отъ однообразной простоты и несложности отношеній чисто феодальнаго типа, и поэтому была вполне реальной программой, формулировавшей интересы всѣхъ слоевъ общества, какъ общіе всѣмъ имъ, такъ и специально близкіе для каждого изъ нихъ въ отдѣльности; благодаря этому, она могла стать вполне реальной общественной силой, могла объединить вокругъ бароновъ подъ общимъ знаменемъ всѣ элементы англійскаго общества и обезпечить имъ побѣду. Поднимая движеніе, бароны, несомнѣнно, имѣли въ виду прежде всего свои собственные, феодальные интересы. Они не только стремились оградить эти интересы отъ насилій и произвола со стороны королевской власти, но и имѣли, какъ это мы видѣли, рассматривая 12 и 14 параграфы хартіи, вполне опредѣленную цѣль ввести эту власть въ чисто феодальныя рамки, въ которыя она до сихъ поръ никогда не была заключена, господствуя надъ феодальнымъ порядкомъ, поскольку онъ былъ не-

избѣженъ на данной ступени хозяйственнаго развитія, и вполнѣ подчиняя его своимъ общегосударственнымъ задачамъ. Въ этомъ отношеніи бароны, несомнѣнно, дѣлали крупный шагъ назадъ отъ той государственности, которая сложилась въ Англіи, укрѣпилась и развилась съ нормандскаго завоеванія. Организуя учрежденіе, ограничивающее власть короля въ вопросахъ обложенія, на чисто феодалныхъ началахъ, въ видѣ сейма непосредственныхъ вассаловъ короля, бароны не только игнорировали общее взаимоотношеніе общественныхъ и политическихъ силъ, какъ оно сложилось послѣ нормандскаго завоеванія, но не хотѣли считаться и съ формами мѣстной организаціи общественныхъ силъ, унаслѣдованными нормандскими королями отъ англо-саксонской эпохи и составлявшими органически связанные съ цѣлымъ элементы общегосударственной организаціи англійскаго общества. Въ графствахъ и ихъ „народныхъ собраніяхъ“ объединялись на совершенно нефеодалныхъ началахъ самые разнообразные элементы общества во имя не только своихъ мѣстныхъ, но и общегосударственныхъ интересовъ, въ широкихъ размѣрахъ примѣняя выборное начало какъ въ судебномъ дѣлѣ (въ особенности съ реформъ Генриха II-го), такъ и въ другихъ областяхъ и, въ частности, въ вопросахъ обложенія. Королямъ приходилось очень считаться съ этими мѣстными организаціями въ финансовыхъ вопросахъ. Чтобы получить съ населенія ту или иную сумму, для короля недостаточно было добровольнаго или вынужденнаго согласія Великаго Совѣта. Ему нужно было еще и согласіе мѣстнаго населенія, и въ виду этого короли посылали въ графства разъѣздныхъ судей не только для чисто судебныхъ цѣлей, но и съ чисто фискальными порученіями: они должны были договариваться съ мѣстнымъ населеніемъ въ лицѣ его выборныхъ, избранныхъ въ собраніи графства, относительно той или иной суммы, которую король хотѣлъ получить съ него въ томъ или иномъ случаѣ. Выборные производили и раскладку, и сборъ налога. Такой порядокъ обращенія къ мѣстнымъ организаціямъ становился все болѣе и болѣе обычнымъ по мѣрѣ развитія обложенія движимости. И, между тѣмъ, поднявшіе движеніе 1215-го года бароны рѣшительно игнорировали эту практику англійской государственности, совершенно не желая считаться въ этомъ отношеніи съ живымъ и жизненнымъ организмомъ всесловнаго графства и центръ тяжести политической жизни перенося на чисто феодалный и, въ условіяхъ англійскаго политическаго развитія, совершенно, слѣдовательно, нежизнеспособный институтъ, создавая въ commune consilium regni собраніе лишь однихъ непосредственныхъ вассаловъ короля и отстраняя такимъ образомъ отъ политической жизни народъ и народныя учрежденія. А между тѣмъ, въ тѣхъ условіяхъ, которыя были созданы всей предшествующей исторіей Англіи, правильно и нормально поставленная центральная орга-

низация королевства, способная отражать все развивавшиеся и осложнявшиеся интересы общества, непременно должна была от-правляться отъ этихъ мѣстныхъ нефеодалныхъ организацій, рискуя въ противномъ случаѣ оказаться совершенно безпочвенной и эфемерной. *Commune consilium regni* въ той постановкѣ, какую даетъ ему Великая Хартія и оказался совершенно эфемернымъ продуктомъ политическаго творчества бароновъ, поднявшихъ движеніе 1215 г. При всемъ реализмѣ и трезвости пониманія окружающихъ условий бароны всетаки были феодалами, и, вступая въ соглашеніе съ другими элементами общества, они всецѣки прежде всего имѣли въ виду свои собственные классовые интересы, которые и выдвинули на первый планъ, какъ только представился благо-пріятный случай. Они не хотѣли признать, что при всемъ могуществѣ тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ представителей ихъ группы, какъ цѣлое, какъ социальная группа и какъ политическая сила, они далеко не были всеѣмъ въ англійскомъ обществѣ и въ англійскомъ государствѣ (какъ это могли бы сказать о себѣ французскіе феодалы эпохи первыхъ Капетинговъ, безраздѣльно господствовавшіе надъ массой, давно утратившей свою общенародную организацію, раздробленной на мелкія группы, всецѣло попавшей въ узкія рамки чисто феодальной государственности), что рядомъ съ ними стоявшая масса была политически организованнымъ цѣлымъ, вмѣщалась въ широкія рамки общегосударственной организаціи, которой были подчинены и они сами, и что эта организація давала ей силу, съ которой должна была считаться всякая политическая комбинація. Нельзя сказать, чтобы бароны вовсе не считались съ ней. Мы видѣли, что они принимали во вниманіе интересы всѣхъ и cadaго изъ элементовъ, изъ которыхъ складывалась эта сила, заботливо охраняя ихъ отъ правительственнаго гнета какъ въ личномъ, такъ и въ имущественномъ отношеніи и этимъ привлекая ихъ на свою сторону въ начатой ими борьбѣ съ королемъ. Но въ то же время они постарались совершенно оттѣснить народную массу отъ политической жизни, сдѣлавъ эту послѣднюю исключительно своей монополіей. Это была попытка повернуть исторически сложившееся политическое развитіе Англіи въ другую сторону, попытка вполне утопическая, осужденная на полную неудачу. Англійскому обществу уже было тѣсно въ рамкахъ той почти деспотической государственности, которая была создана всеѣмъ ходомъ предшествующаго развитія, и ограниченіе королевской власти было уже лишь вопросомъ времени. Но ограниченіе это могло совершиться всеѣмъ инымъ путемъ, который, въ сущности, былъ намѣченъ всеѣмъ ходомъ политическаго развитія Англіи: на широкой національной основѣ утвердившаяся государственная власть могла быть ограничена всей націей, а не одной лишь изъ ея составныхъ частей. Къ концу XIII-го столѣтія это уже стало совершившимся фактомъ; при чемъ ограниченіе это от-

правлялось какъ разъ отъ мѣстныхъ всеобщихъ организацій, такъ рѣшительно игнорируемыхъ инициаторами и руководителями движенія 1215-го года. Такимъ образомъ, поскольку бароны игнорировали мѣстныя организаціи и пытались построить ограничивающее королевскій произволъ учрежденіе (*commune consilium regni*) на чисто феодальныхъ началахъ, успѣхъ поднятого ими движенія былъ эфемеренъ. Но, поскольку они считались съ реальными интересами народной массы, вообще, и ея отдѣльныхъ элементовъ въ частности, ихъ дѣло было національнымъ, а Великая Хартія являлась широкой конституціонной грамотой, далеко выходящей за предѣлы феодальныхъ формъ и идей. Возведя въ ясно сформулированныя правовыя принципы отношенія, уже выработанныя или болѣе или менѣе намѣченные всѣмъ своеобразнымъ ходомъ англійской политической жизни, Великая Хартія являлась важнымъ и вполне реальнымъ факторомъ дальнѣйшаго развитія въ качествѣ широкой и вполне реальной программы, замѣнявшей неопредѣленныя, туманныя мечты о „законахъ короля Эдуарда“, вполне осязательнымъ и яснымъ юридическимъ документомъ, отчетливо формулировавшимъ права націи и обязательства короля и создававшимъ прочный и широкій базисъ для дальнѣйшей, вполне правомѣрной борьбы за политическую свободу. Это вносило въ процессъ политическаго развитія англійскаго общества моментъ сознательности, вполне сознательнаго стремленія къ общей опредѣленно и широко поставленной цѣли, освѣщавшей и освящавшей тѣ конкретныя и частныя задачи, которыя постепенно выдвигала въ своемъ развитіи политическая жизнь,—историческій процессъ изъ стихійнаго становился сознательнымъ и цѣлесообразнымъ. А это былъ крупный шагъ впередъ.

И всетаки Великая Хартія Вольностей—феодальный документъ. И не только въ смыслѣ вскрываемыхъ въ ней сознательныхъ феодальныхъ политическихъ тенденцій инициаторовъ движенія 1215-го года. Феодальнымъ документомъ она является еще и съ соціальной стороны, въ томъ смыслѣ, что, реально отражая современную ей общественную дѣйствительность, она стоитъ на почвѣ феодальнаго соціальнаго строя тогдашней Англіи, что субъектомъ правъ и вольностей, которыя она провозглашаетъ, является не все англійское общество, но лишь полноправные его члены, *свободные*, *liberi homines*. Огромная масса рабочаго люда, вилланы, лишь въ весьма слабой мѣрѣ причастна благамъ свободной гражданственности, которыя она старается обезпечить. Великая Хартія имѣетъ дѣло лишь со свободнымъ человекомъ, лишь свободнаго человека гарантируя отъ правительственнаго произвола, но не переступаетъ предѣловъ феодальнаго помѣстья, гдѣ царитъ воля и власть лорда мэнора, ограничиваемая не нормами общаго права, но лишь мэнноріальнымъ обычаемъ и общими

условіями хозяйственной жизни. Но время шло, эти общія хозяйственныя условія, съ естественной необходимостью приведшія въ свое время къ подчиненію, въ интересахъ широкой государственности, одного общественнаго класса другому, незамѣтно, но неуклонно мѣнялись; мѣнялся, слѣдовательно, и этотъ соціальный строй, и безправный (да и то далеко не вполне) въ глазахъ общаго права вилланъ незамѣтно превращался въ свободнаго человека, чтобы въ концѣ-концовъ приобщиться во всей полнотѣ къ тѣмъ вольностямъ и правамъ, которыя такъ торжественно, такъ опредѣленно и широко провозгласила Великая Хартія. Важно было юридически поставить принципы гражданской свободы. Уже одно это было величайшимъ культурнымъ приобритеніемъ для англійскаго общества, и, чтобы добиться его, англійское общество должно было забыть на время всѣ противорѣчія, раздѣлявшія интересы отдѣльныхъ его группъ, и соединенными силами *одержатъ побѣду надъ королевской властью*, до тѣхъ поръ безраздѣльно господствовавшей надъ нимъ, и превратить въ свое неотъемлемое *право* блага цивилизованной гражданственности, которыми оно пользовалось лишь съ соизволенія этой власти, поскольку это было въ интересахъ этой послѣдней, насколько эта власть видѣла въ нихъ необходимое условіе своей собственной силы. Великимъ благомъ было и провозглашеніе принципа ограниченія королевской власти въ вопросахъ обложенія. Этимъ былъ заложенъ фундаментъ политической свободы. Формулировка этого принципа, какъ мы видѣли при разсмотрѣніи 12-го и 14-го параграфовъ Хартіи, была односторонней и узкой и стояла въ противорѣчій съ реальнымъ взаимоотношеніемъ силъ въ англійскомъ обществѣ. Но чрезвычайно важно было уже одно юридическое утвержденіе самаго принципа ограниченія. Жизнь сравнительно скоро дала ему другую формулировку, вполне гармонизировавшую съ истинными тенденціями политическаго развитія Англій, поставивъ его на широкую почву мѣстнаго всесловнаго представительства.

Одержавъ побѣду надъ королевской властью, утвердивъ свои вольности и права и вырвавъ у короля *обязательство* уважать и соблюдать эти права, обеспечивало ли англійское общество эти плоды своей побѣды? Создало ли оно при этомъ средство, дѣйствительно обеспечивавшее за нимъ добытую имъ свободу, дѣйствительно гарантировавшее его отъ королевскаго произвола и удерживавшее королевскую власть въ тѣхъ рамкахъ, которыя принудительно были отмежеваны ей Великой Хартіей? Создавала ли Великая Хартія такую правильно организованную и постоянно и регулярно функционировавшую силу? Несомнѣнно, создавала. Мы имѣемъ въ виду комитетъ изъ двадцати пяти бароновъ на обязанности котораго было наблюдать за неприкосновенностью заключеннаго баронами съ королемъ мирнаго договора и, въ слу

чаѣ нарушенія королемъ или его агентами какого-либо изъ параграфовъ Великой Хартіи, даже поднимать противъ него „общину всей земли (*communam totius terrae*)“. Несомнѣнно, это очень внушительная гарантія. Но можно ли ее признать нормальнымъ средствомъ и при томъ вполне соответствующимъ общему характеру политическаго строя Англіи той поры? Въ сущности, это гарантія чисто-феодалнаго типа, вполне подходящая къ чисто-феодалному обществу и государству, представляющему собою, строго говоря, федерацію отдѣльныхъ политическихъ тѣлъ, разрѣшающихъ свои, въ сущности, международныя, осложненія, какъ и теперь, съ помощью международной войны, но едва ли уместная въ сплоченномъ и централизованномъ государствѣ, съ широко поставленными учрежденіями и съ обширными правительственными средствами, какимъ была Англія XIII-го столѣтія. Для такого государства это было чисто революціонное средство, вполне уместное въ моменты кризиса, способное вывести общество и государство изъ неподдающагося никакимъ инымъ средствамъ политическаго затрудненія на путь нормальнаго развитія, но едва ли пригодное въ нормальныхъ условіяхъ, въ мирное, такъ сказать, время. Чтобы обезпечить неприкосновенность провозглашенныхъ Великой Хартіей и юридически поставленныхъ ею принциповъ, англійское общество должно было создать иную гарантію, болѣе соответствующую его политическому строю и потому болѣе способную охранять и упрочивать принципиально санкціонированный Великой Хартіей правовой порядокъ. Сама Великая Хартія не разрѣшила этой задачи, но за то сдѣлала ея разрѣшеніе еще болѣе необходимымъ.

Дмитрій Петрушевскій.

ПѢСНЯ ШВЕЙ.

Весны ароматной всѣ дѣвушки ждутъ,
Вѣнки изъ лѣсныхъ незабудокъ плетутъ;
Лишь мы ничего, ничего не ждемъ:
Въ подвалѣ душномъ и темномъ шьемъ.

Смѣется весеннее солнце въ окно.
Машинки стучать, и шуршитъ полотно...
И слезы дрожать на усталыхъ глазахъ,
И бѣгаютъ иглы въ проворныхъ рукахъ.

Въ безмолвіи долгихъ, безсонныхъ ночей,
При тускломъ огнѣ, не смыкая очей,
Когда все такъ тихо, все спитъ кругомъ,
Не спимъ только мы,—все шьемъ, все шьемъ.

Заря золотая мерцаетъ въ окно,—
Машинки стучать, и шуршитъ полотно;
Красивыя платья въ рукахъ шелестятъ,
Затекшіе блѣдные пальцы болятъ.

Ослѣпшія очи пылаютъ огнемъ:
Мы платья счастливымъ красавицамъ шьемъ...
И нѣтъ нашей темной неволѣ конца,
И плачутъ горячею кровью сердца.

Никто въ наши кудри цвѣтовъ не вплететъ,
Никто насъ не любитъ, никто насъ не ждетъ.
И мы никого, никого не ждемъ—
Въ подвалѣ душномъ и темномъ шьемъ!..

Л. Андрусонъ.

Корея и корейцы.

I.

На восточной окраинѣ Азіи выдается далеко въ море обширный полуостровъ, приблизительно равный по своей поверхности Италіи и занятый страной, которая извѣстна въ Европѣ всего лишь съ XVII вѣка подъ названіемъ Кореи. Сами корейцы, впрочемъ, называютъ свою страну „Чоо-Сенъ“, что значитъ въ переводѣ— „утреннее спокойствіе“.

Какъ и все далекое, затуенное загадочной дымкой, трудно доступное, Корея издавна привлекала къ себѣ вниманіе ученыхъ изслѣдователей, но, благодаря замкнутости страны и враждебному отношенію корейцевъ къ иностранцамъ, лишь въ концѣ первой половины XIX столѣтія удалось получить сколько нибудь обстоятельныя и точныя свѣдѣнія о природѣ и населеніи Кореи. Первоначально эти свѣдѣнія исходили исключительно отъ католическихъ миссіонеровъ, отважно проникавшихъ въ страну, не смотря на неоднократныя гоненія, которыя кончались жесточайшими казнями и пытками. Лишь въ началѣ 80-тыхъ годовъ Корея была открыта для иностранцевъ и сдѣлалось возможнымъ путешествовать по ней. Съ тѣхъ поръ въ этой странѣ побывало не мало путешественниковъ, и трудами ихъ въ настоящее время уже выяснена въ общихъ чертахъ ея природа.

Проведя въ Корей въ 1900 г. нѣсколько мѣсяцевъ и совершивъ по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества путешествіе чрезъ всю среднюю и южную часть ея, я позволю себѣ подѣлиться съ читателями своими впечатлѣніями.

Коснусь прежде всего въ общихъ чертахъ природы страны и ея исторіи.

Корейскій полуостровъ располагается приблизительно въ тѣхъ же широтахъ, какъ Аппенинскій, лишь на 2°—3° южнѣе, и по очертаніямъ и положенію своему во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ Италію. Онъ отграничивается на сѣверѣ довольно высо-

кимъ горнымъ хребтомъ отъ Манчжуріи. Горы эти не могутъ, правда, идти въ сравненіе съ Альпами, ограничивающими съ сѣвера Италію: ихъ наибольшая вершина, гора Пэк-ту-санъ, достигаетъ лишь приблизительно половины вышины Монъ - Блана — 8100 футовъ надъ уровнемъ моря. Все же, однако, хребетъ этотъ представляетъ вполнѣ естественную границу Кореи и защищаетъ ее съ сѣвера.

Вся поверхность полуострова покрыта невысокими хребтами горъ, которыя, подобно тому какъ въ Италіи, тянутся вдоль длинной оси полуострова, давая отъ себя отроги еще меньшей высоты.

Горные хребты прорѣзываются небольшими, но бурными рѣчками. Послѣднія нерѣдко вырываютъ широкія долины и въ своемъ среднемъ теченіи выются по нимъ серебристою змѣйкой, тогда какъ въ верховьяхъ представляютъ изъ себя бѣшено несущіеся горные потоки. Страна изобилуетъ великолѣпными горными пейзажами. Нерѣдко приходится идти подъ высокими и крутыми обрывами, нависающими гигантской стѣной, или лѣзть по краю карниза, по головоломной горной дорожкѣ. Вершины горъ, однако нигдѣ не выходятъ за предѣлы кустарниковой растительности.

Горы сложены большею частью изъ кристаллическихъ породъ, гранитовъ и гнейсовъ, при томъ иногда чрезвычайно разсыпчатыхъ. Это обуславливаетъ очень оригинальное явленіе:—мѣстами по берегу моря встрѣчаются холмы, производящіе на первый взглядъ впечатлѣніе песчаныхъ дюнъ, но на повѣрку оказывается, что это обточенные вѣтромъ скалы изъ сплошного, но очень разсыпчатого гранита.

Можно было бы ожидать, что при нѣсколько болѣе южномъ положеніи Кореи климатъ ея еще мягче, чѣмъ климатъ Италіи. Въ дѣйствительности, однако, это не такъ. Близость обширнаго азіатскаго континента, отдѣленнаго отъ Кореи лишь относительно мелкимъ и потому быстро нагревающимся и столь же быстро охлаждающимся Желтымъ моремъ, сказывается очень значительно. Зимой, когда внутренняя часть континента сильно охлаждается, оттуда несутся и достигаютъ Кореи сильные сѣверные и сѣверо-западные вѣтры, значительно понижающіе температуру. Зимнія температуры средней Кореи, напримѣръ, въ Сеулѣ, приближаются къ таковымъ Варшавы и Кіева. Лѣтомъ, вслѣдствіе сильнаго нагреванія степей Монголіи, возникаетъ обратный токъ воздуха съ юга и юго-востока, и въ Корей преобладаютъ теплые южные вѣтры. Температуры іюля и августа въ Сеулѣ приближаются къ температурамъ Неаполя, а въ южной Корей бываютъ почти тропическіе жары.

Какъ на всемъ крайнемъ востокѣ, въ Корей тѣ же лѣтніе южные вѣтры являются насыщенными влагою, которую они получаютъ въ океанѣ, и потому они отлагаютъ въ изобиліи атмосферическіе росы.

ческие осадки. Такимъ образомъ, наибольшее количество дождей приходится не на осень и зиму, какъ въ Европѣ, а на лѣто. Въ іюлѣ здѣсь наступаетъ періодъ дождей, начинается разливъ рѣкъ, иногда сильныя наводненія, сносящія мосты и разрушающія селенія. За то осень отличается въ большинствѣ случаевъ превосходной погодой, а зима малоснѣжна.

Само собою разумѣется, что въ различныхъ частяхъ Кореи климатическія условія различны, въ зависимости отъ расположенія хребтовъ, близости моря, положенія мѣстности. Такъ, южная часть Кореи обладаетъ климатомъ относительно болѣе мягкимъ, приближающимся къ японскому.

Въ зависимости отъ обилія влаги стоитъ довольно богатое развитіе растительности, которая по составу своему на югѣ Кореи приближается къ флорѣ Японіи, на сѣверѣ—сходна съ манчжурской. Горные хребты сѣверной Кореи изобилуютъ лѣсами, хвойными и лиственными, въ средней же и южной части страны лѣса, несомнѣнно, были въ прежнія времена, но теперь истреблены населеніемъ и сохранились лишь въ трудно доступныхъ мѣстахъ.

Какъ слѣдствіе континентальности климата съ ея жаркимъ лѣтомъ и холодной зимою, въ Корей сходятся, также какъ и у насъ въ Уссурійскомъ крайѣ, растенія сѣвера съ представителями субтропической южной флоры. Въ горахъ сѣверной и средней Кореи являются главною составною частью лѣсовъ кедры, лиственницы, ели и сосны, березы и клены, но они нерѣдко переплетаются лианами и дикимъ виноградомъ и чередуются съ зарослями дуба, ясени, орѣха, дикихъ вишенъ и яблонь. На югѣ Кореи произрастаютъ на открытомъ воздухѣ гранаты, магноліи, камеліи, лимоны, разводятся японскіе плоды—каки (*Dyospyrus kaki*), бумажное дерево и хлопчатникъ. Почти по всей Корей, за исключеніемъ ея самой сѣверной части, главнымъ воздѣлываемымъ растеніемъ является рисъ, но на ряду съ нимъ встрѣчаются также поля пшеницы, ячменя, проса и различныхъ бобовыхъ растеній.

Фауна Кореи носитъ болѣе сѣверный характеръ, чѣмъ флора; мы встрѣчаемъ здѣсь преимущественно тѣхъ же животныхъ, которыя обитаютъ въ Манчжуріи и въ Уссурійской тайгѣ. Медвѣдь и барсукъ, соболь, куница, олень, лиса, рысь, барсъ и тигръ, какъ извѣстно, доходящій на крайнемъ востокѣ далеко на сѣверъ—вотъ главнѣйшіе обитатели корейскихъ горныхъ высотъ. Говорятъ, будто въ самой южной части Кореи водятся обезьяны, однако указанія эти очень сомнительны. Еще менѣе заслуживаетъ довѣрія имѣющееся въ литературѣ указаніе, будто въ Корей водятся крокодилы—пока ихъ никто не видалъ. Между птицами встрѣчается довольно большое количество южныхъ формъ, свойственныхъ Японіи; здѣсь водится, между прочимъ, красивый японскій ибисъ.

Рѣки Кореи, равно какъ и моря, окружающія ее, изобилуютъ

рыбою. У восточных берегов полуострова проводить зиму приходившія съ сѣвера стада китовъ, дельфиновъ и тюленей.

Мы видимъ, что во многихъ отношеніяхъ Корея по своей природѣ является связующимъ звеномъ между сѣвернымъ Китаемъ—Манчуріей—и островами Японіи. Ея климатъ мягче манчжурскаго, но сохраняетъ еще характеръ континентальнаго, приближаясь къ японскому лишь на югѣ. Ея флора и фауна также имѣютъ болѣе всего общаго съ ближайшими частями азіатскаго материка, но въ южной части выказываютъ явственную связь съ субтропическимъ органическимъ міромъ Японіи—этой благодатной страны тепла и солнца.

Корейскій полуостровъ и топографически, по своему положенію, является какъ бы мостомъ, соединяющимъ азіатскій континентъ съ островами Японіи; онъ отдѣленъ отъ послѣднихъ неширокимъ и мелководнымъ проливомъ, не представляющимъ никакого препятствія и для небольшихъ судовъ.

Топографическія условія не могли не отразиться на историческихъ судьбахъ Кореи. На западъ отъ нея располагается великая Китайская имперія, бывшая нѣкогда могучей и сильной и подчинившая себѣ всѣ окрестныя народности; на востокъ издавна поселилось на островахъ Японіи воинственное, племя соперничавшее съ Китаемъ въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ. Расположенная между ними Корея съ самаго начала временъ, о которыхъ сохранились болѣе достовѣрныя свѣдѣнія, т. е. съ III вѣка до Р. Х., постоянно является яблокомъ раздора между ними, постоянно подвергается нашествію то съ сѣверо-запада, со стороны Китая, то съ юго-востока, со стороны Японіи.

Въ началѣ историческаго періода корейскій полуостровъ былъ населенъ племенами, пришедшими, по всей вѣроятности, съ сѣвера, изъ долинъ Амура и Сунгари, и принадлежавшими къ монгольскому или тунгусскому корню. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, южная Корея была населена племенами, значительно отличавшимися по своему происхожденію, именно, принадлежавшими къ малайскому корню. Впослѣдствіи всѣ эти народности смѣшались въ значительной степени съ пришельцами изъ Китая и Японіи и образовали одну, довольно однообразную по своему этническому характеру, корейскую народность.

Китай въ періодъ наибольшаго развитія своего могущества неоднократно пытался распространить свою власть и на смежный съ его сѣверо-восточными провинціями Корейскій полуостровъ, и нѣсколько разъ ему это, дѣйствительно, удавалось. Однако, отдаленность Кореи отъ центра Китайской имперіи, замкнутость страны и постоянные раздоры внутри самого Китая помогали корейцамъ отстаивать свою независимость. Все же нѣсколько вѣковъ Корея провела подъ властью Китая и, надо сказать, это служило далеко

не къ ея ущербу за это время китайская культура широкою волною разлилась по странѣ.

Не избѣгла Корея и того могучаго потока, который хлынул на окраины азіатскаго континента изъ глубины степей Монголіи—я говорю о монгольскомъ нашествіи. Наравнѣ съ Китаемъ, Корея подпала подъ власть могущественнаго Чингисъ-Хана и долгое время была данницею монголовъ.

Позднѣ Корей пришлось вести борьбу съ Японіей, стремившейся подчинить себѣ свою западную сосѣдку. Въ концѣ XVI вѣка Корея выдержала опустошительное нашествіе японцевъ подъ предводительствомъ храбраго вождя ихъ Хидейоси.

Наконецъ, въ концѣ XVII столѣтія, Корея подверглась двукратному нашествію манчжуръ и сдѣлалась ихъ вассаломъ. Такимъ образомъ, каждый изъ ближайшихъ сосѣдей Кореи, какъ только достигалъ извѣстнаго могущества и силы, добивался завладѣть и полуостровомъ, представлявшемъ изъ себя довольно лакомую добычу. Вполнѣ естественно, что столь длинный рядъ кровавыхъ нашествій обусловилъ собою ненависть у народа ко всему иноземному и желаніе правительства насколько возможно изолироваться отъ всего окружающаго міра и тѣмъ предотвратить всякое вмѣшательство въ корейскія дѣла сосѣднихъ государствъ. Въ теченіе всего XVII, XVIII и XIX столѣтій Корея придерживалась политики изолированности, благодаря чему и заслужила названіе „Запретной страны“. Лишь въ концѣ 80-хъ годовъ, благодаря давленію Японіи и европейскихъ государствъ, удалось разрушить тѣ препоны, которыя ставились корейскимъ правительствомъ сближенію съ иноземцами. Корея заключила съ европейскими державами торговые договоры и открыла доступъ внутрь страны иностранцамъ.

Послѣ многихъ кровавыхъ переворотовъ внутри страны, вызванныхъ борьбою партій, и послѣ окончанія японо-китайской войны, Корея въ 1894 г. перестала быть вассаломъ Китая и сдѣлалась независимой имперіей, которой, быть можетъ, суждено въ будущемъ сыграть нѣкоторую роль въ политической жизни Дальняго Востока.

Итакъ, мы видимъ, прошлое „страны утренняго спокойствія“ отнюдь не соответствуетъ ея названію,—напротивъ, оно было полно кровавыхъ столкновеній съ сосѣдними народностями, тѣмъ болѣе тяжелыхъ для страны, что сами корейцы представляли изъ себя, повидимому, во всѣ времена своей исторіи сравнительно миролюбивое земледѣльческое племя, которое лишь въ рѣдкихъ случаяхъ проявляло завоевательныя стремленія. Роль корейцевъ была въ большинствѣ случаевъ пассивная,—они лишь отстаивали свою независимость.

Эти многочисленныя кровавыя страницы исторіи Кореи являлись, по всей вѣроятности, причиной того, что въ странѣ не раз-

вилось самостоятельной культуры. Во времена владычества Китая корейскія племена, тогда еще полудикія, восприняли полностью китайскую культуру. Они переняли отъ китайцевъ одежду, обычаи, религію и письменность; въ послѣдствіи изъ Китая же проникли въ страну законы, зачатки наукъ и искусствъ. Однако, принадлежность корейской народности по происхожденію къ иной этнической группѣ и, быть можетъ, также и иныя виѣшнія условія страны способствовали тому, что Корея и ея населеніе получили все же въ высокой степени самобытныя черты, и въ жизни корейцевъ выработался цѣлый рядъ особенностей, поражающихъ изслѣдователя, который впервые попадаетъ въ страну.

II.

Мое первое знакомство съ Кореей произошло въ портовомъ городѣ Гензанѣ,—какъ и всѣ корейскіе портовые города, наполовину японскомъ.

Уже издали, когда мы подходили къ Гензану на японскомъ пароходѣ, бросались въ глаза бѣлыя фигуры корейцевъ, частью рабочихъ на пристани, занятыхъ разгрузкою и нагрузкою товаровъ, частью купцовъ и подрядчиковъ, молчаливо попыхивающихъ, присѣвъ на корточки, своими аршинными трубками въ ожиданіи парохода. Все это были уже не тѣ невѣроятно грязные и оборванные корейскіе кули, которыхъ приходилось видѣть во Владивостокѣ, а настоящіе корейцы въ ихъ оригинальныхъ бѣлыхъ одѣяніяхъ и еще болѣе оригинальныхъ шляпахъ.

Бѣлый цвѣтъ — національный цвѣтъ Кореи, подобно тому, какъ въ Китаѣ — синій; и мужчины, и женщины ходятъ и зиму, и лѣто въ бѣломъ, и только дѣти, монахи, да чиновники носятъ сѣрое или цвѣтное платье. Мужчины облачены въ бѣлыя кофты и широкіе шаровары, а сверху носятъ бѣлые же халаты, женщины также одѣты въ бѣлыя, очень короткія, далеко не достигающія талии кофты и бѣлыя юбки. На ногахъ корейцы и корейки носятъ соломенные или пенъковые лапти и ватные, короткіе чулки. Интереснѣе всего, однако, въ корейскомъ туалетѣ — прическа и шляпы. Мальчики и молодые люди до женитьбы носятъ косы, но не такія длинныя, какъ у китайцевъ, а короткія и толстыя. До женитьбы, однако, кореецъ считается не правоспособнымъ и не имѣетъ голоса ни въ семьѣ, ни при совѣщаніяхъ односельчанъ. Каждому женатому онъ долженъ выказывать почтеніе, хотя бы тотъ былъ и моложе его. Вотъ почему мечта каждаго молодого корейца — обзавестись поскорѣ женой и... прической женатаго мужчины. Эта метаморфоза происходитъ въ Корей, впрочемъ, довольно рано: намъ приходилось встрѣчать женатыхъ корейцевъ 11 и 12 лѣтъ, преисполненныхъ важности и

съ презрѣніемъ посматривавшихъ на 30-лѣтнихъ „мальчишекъ“ съ косами. При томъ жена очень часто значительно старше своего 11—12 лѣтняго мужа и годится ему въ матери. Послѣ женитьбы кореецъ, какого бы возраста онъ ни былъ, получаетъ право сдѣлать изъ своихъ волосъ высокій и узкій шиньонъ или, какъ выражался нашъ переводчикъ, шишку. Для образованія этой шишки, волосы на макушкѣ выбриваются, а вокругъ оставляются длинные, которые расчесываются и закручиваются въ шишку, закалываемую шпилькой. Кромѣ того, чтобы волосы не растрепывались, спереди на лобъ надѣвается особая волосная повязка „мангынь“, сильно стягивающая голову. Корейцы не снимаютъ ее по цѣлымъ днямъ съ головы и носятъ ее съ женитьбы, т. е. часто съ 11—12 лѣтняго возраста.

Дѣлать прическу не легко—возни съ ней не мало, къ тому же надо беречь каждый выпадающій при этомъ волосокъ и складывать ихъ въ конвертъ, чтобы сжечь потомъ. Иначе, если какой-нибудь злой человекъ найдетъ волоса, онъ можетъ при помощи ихъ околдовать ихъ обладателя и надѣлать ему не мало бѣдъ. Прическа у корейца занимаетъ не менѣе часа времени, поэтому каждый день причесываться некогда, и, чтобы не испортить свою кудфюру, корейцу приходится спать на деревяшкѣ. Обыкновенно подушкой служитъ деревянный обрубокъ вершка три вышиною и вершка полтора въ квадратѣ. Этотъ обрубокъ кореецъ ставитъ стоймя себѣ подъ високъ и въ такомъ неудобномъ положеніи спитъ, принося удобства въ жертву кокетству. Впрочемъ, такая деревянная подушка имѣетъ и свои преимущества,—она можетъ служить и орудіемъ защиты. Какъ то во время пути наши корейцы повздорили между собой и подрались. Одинъ изъ нихъ при этомъ запустилъ въ другого подушкой и... вышибъ ему зубъ.

Шишка корейца, какъ я сказалъ уже, служитъ доказательствомъ его правоспособности, и потому корейцу желательно, чтобы она каждому была видна съ перваго взгляда. И вотъ корейцы выдумали себѣ шляпы, неудобнѣе которыхъ не можетъ ничего быть на свѣтѣ. Тулья обыкновенной корейской шляпы, которую могутъ носить только женатые мужчины, очень мала,—такъ что шляпа предназначается, собственно, не для головы, а для шишки, которая черезъ нее, дѣйствительно, великолѣпно просвѣчивается. Поля широки, но также, какъ и тулья, они сдѣланы изъ тонкой сѣточки, сплетенной изъ лошадинаго волоса или изъ волоконъ бамбука, выкрашенныхъ въ черный цвѣтъ. Шляпа сама по себѣ на головѣ не держится, ее приходится привязывать завязками. Она не только не предохраняетъ голову отъ солнца, пыли или дождя, но сама боится воды, и потому при дождѣ корейцы надѣваютъ на нее колпакъ изъ сплоенной, промасленной бумаги,—нѣчто вродѣ бумажнаго фильтра химиковъ.

Впрочемъ, въ такихъ шляпахъ щеголяютъ лишь болѣе или менѣе зажиточные корейцы; бѣдные рабочіе во время работъ на поляхъ носятъ огромныя шляпы изъ бамбука, дѣлающія ихъ издали похожими на грибы, а женщины, выходя на улицу, нерѣдко надѣваютъ, вмѣсто покрывала, шляпу въ 2—3 аршина въ діаметръ, которая скрываетъ все лицо и верхнюю часть туловища.

Корея вообще можетъ быть названа страной диковинныхъ шляпъ — количество головныхъ уборовъ здѣсь неисчислимо. Въ траурѣ надѣвается на голову шляпа вродѣ огромнаго тропическаго шлема, закрывающая все лицо; во время дождя нерѣдко надѣваютъ плоскую „шляпу-зонтикъ“ изъ промасленной бумаги; старики носятъ колпакъ изъ волоса; у школьниковъ, торговцевъ, монаховъ, чиновниковъ также особыя шляпы; наконецъ, у высшихъ сановниковъ шляпы съ огромными ушами, символизирующими, по всей вѣроятности, ихъ готовность прислушиваться къ приказаніямъ повелителя.

По своему типу корейцы походятъ, по моему мнѣнію, болѣе всего на турецкія племена: чисто монгольскія черты—узкіе, косые глаза и сильно выдающіяся скулы—встрѣчаются у нихъ сильно выраженными рѣдко, по крайней мѣрѣ, у мужчинъ. Борода, однако, въ большинствѣ случаевъ плохо развита—это уже черта типично монгольская. У женщинъ монгольскій типъ выраженъ явственнѣе—лица ихъ чаще скуластыя и съ узкими, раскосыми глазами, особенно у женщинъ низшихъ классовъ.

Корейскія женщины, вообще говоря, очень некрасивы, даже безобразны, черты лица у нихъ грубыя, тѣлосложеніе неуклюжее. Женщины высшихъ слоевъ общества портятъ себя къ тому же бѣлилами и румянами—подобно китайкамъ, онѣ бѣлятся до того, что на лицѣ образуется настоящая маска. Прическа обыкновенной женщины проще прически мужчинъ,—волоса не заплетаются въ косу, а завязываются узломъ. Исключеніе составляютъ дамы высшаго круга, жены сановниковъ и придворныя дамы: онѣ устраиваютъ изъ своихъ волосъ чрезвычайно сложную прическу, украшая нерѣдко свою голову нелѣпѣйшимъ деревяннымъ ободомъ и огромными серебряными булавками.

Интересно, что по типу корейцы очень мало походятъ на своихъ ближайшихъ сосѣдей, японцевъ и китайцевъ. Впрочемъ, и историческія данныя подтверждаютъ, что они лишь въ очень отдаленномъ родствѣ съ обѣими этими народностями—они, какъ я уже сказалъ, потомки племени, жившихъ первоначально въ долинѣ Амура и Сунгари, а, можетъ быть, и еще сѣвернѣе, и родственныхъ тунгусамъ.

Надо думать, впрочемъ, что они давно уже покинули сѣверъ,—въ настоящее время ничто ни въ постройкѣ домовъ, ни въ образѣ жизни ихъ не напоминаетъ о ихъ сѣверномъ происхожденіи. Лишь одно обстоятельство бросилось мнѣ въ глаза—это, что собаки въ

Кореѣ чисто сѣвернаго типа, настоящія лайки съ пушистыми хвостами и острыми ушами. Несомнѣнно, многое заимствовано корейцами у китайцевъ во времена господства Китая; напримѣръ, корейскій костюмъ, по свидѣтельству Гриффиса, представляетъ изъ себя старинный китайскій временъ династіи Минъ. Столь же несомнѣнно, однако, что многое во внѣшности и въ образѣ жизни корейцевъ вполне оригинально, типично и выработалось въ самой Корее.

III.

Я прибылъ въ Гензанъ съ двумя своими спутниками и переводчикомъ въ маѣ 1900 года. Здѣсь намъ предстояло прежде всего выяснить способъ передвиженія при дальнѣйшемъ пути по Корее. Способовъ путешествія въ Корею не мало: богатые и знатные корейцы путешествуютъ въ паланкины, несомомъ двумя или четырьмя носильщиками, менѣе знатные—верхомъ на лошади, на ослѣ, на мулѣ, на быкѣ или, наконецъ, на коровѣ. Долженъ сознаться, что и намъ пришлось, если не проѣхать, то провезти свои вещи нѣсколько десятковъ верстъ на коровахъ. Всѣ перечисленные способы насъ мало, однако, прельщали: качаться въ закупоренной коробкѣ, поджавъ ноги калачикомъ, могутъ, конечно, только именитые корейцы, мы же не выдержали бы и получаса; что же касается до ѣзды верхомъ, то если даже взять и лошадей (я не говорю уже про другихъ животныхъ), она имѣетъ въ Корее свою прелесть. Дѣло въ томъ, что лошади въ Корею—поголовно настоящіе карлики, и съ какими не сравнятся и шотландскимъ пони; ихъ холка надъ почвой лишь около полутора аршина. Одинъ изъ моихъ спутниковъ попробовалъ какъ-то осѣдлать корейскую лошадь по-европейски и съѣздить на ней за нѣсколько верстъ. Ему пришлось, однако, раскаяться въ этомъ предпріятіи: ноги его то и дѣло задѣвали за выступы почвы и, къ тому же, впечатлѣніе получалось, по его словамъ, такое, какъ будто ѣдешь верхомъ на заборѣ — каблуки то и дѣло щелкали другъ о друга.

Корейцы устраиваются на своихъ лошадяхъ такимъ образомъ: они надѣваютъ на нихъ вьючныя сѣдла, очень первобытнаго устройства, привязываютъ къ нимъ съ каждой стороны по небольшому вьюку и, поверхъ вьюковъ и сѣдла, кладутъ тюфячокъ. Всадникъ садится на этотъ тюфячокъ и спускаетъ ноги впередъ, на шею лошади. Ноги его болтаются безъ стремянъ, тюфячокъ сѣзжаетъ, спина устаетъ балансировать, тряскій шагъ лошади разбиваетъ всѣ кости. Мнѣ пришлось попробовать этотъ способъ ѣзды, когда я заболѣлъ въ пути, и могу засвидѣтельствовать, что ѣхать верхомъ на корейской лошади можно лишь въ наказаніе за тяжкіе грѣхи. Мы съ самаго начала отказались отъ этого спо-

соба передвиженія и избрали самый надежный и дешевый—пѣшеходный, примѣняясь къ обычаямъ страны: нигдѣ, кажется, не встрѣчается столько путешественниковъ-пѣшеходовъ, какъ въ Корей, нигдѣ и товары не перемѣщаются въ такомъ количествѣ на спинахъ носильщиковъ, какъ въ этой странѣ, не знающей колесъ.

Однако у насъ съ собой было порядочно багажа, инструментовъ и другихъ вещей, которыя мы вовсе не имѣли въ виду тащить на своихъ спинахъ, — мы наняли для нихъ корейскихъ лошадей. Должно сказать, что корейскія лошади обладаютъ еще одной особенностью: онѣ не идутъ сами по себѣ — для каждой лошади необходимъ кореецъ, такъ называемый „мафу“, т. е. погонщикъ, который ведетъ ее за поводъ и заботится о ней на стоянкахъ. Мафу и его лошадь составляютъ одно нераздѣльное цѣлое, и плата за нихъ общая. Каждая лошадь могла поднять не болѣе 5—6 пудовъ вещей, которыя распредѣлялись въ два тюка, привязанныхъ къ вьючному сѣдлу. Намъ пришлось нанять 9 лошадей съ 8 мафу—одинъ былъ хозяиномъ двухъ лошадей, такъ что въ общемъ у насъ составилъ караванъ изъ 15 человекъ съ 9 лошадьми.

Не малое затрудненіе представляли также деньги. Затрудненіе заключалось не въ томъ, что ихъ не было, а въ томъ, что онѣ у насъ были. На далекій путь приходилось брать ихъ, по моему расчету, не меньше, какъ нѣсколько сотъ рублей, а корейская вьючная лошадь можетъ увезти всего лишь 50 рублей,—выходило, что намъ нужно было нагрузить деньгами цѣлый караванъ лошадей. Дѣло въ томъ, что единственная монета, которая ходитъ свободно по всей Корей и принимается всюду внутри страны,—это корейскіе „пуну“ или „кэши“, какъ ихъ называютъ европейцы,—это то же самое, что китайскіе „чохи“—тонкія монетки желтой мѣди, съ четырехъугольнымъ отверстіемъ въ центрѣ. Онѣ нанизываются на веревку, какъ бублики, и въ большинствѣ не считаются, а отмѣриваются по длинѣ связки. Такихъ монетъ на рубль приходится отъ 500 до 600, смотря по курсу, а вѣсятъ 10 рублей одинъ пудъ съ четвертью; лошадь не можетъ поднять болѣе 6 пудовъ, слѣдовательно, 50 рублей.

Говорятъ, что если нагрузить лошадь кэшами и отправить ее изъ Гензана въ Фузанъ, между которыми около 800 верстъ, то она придетъ въ послѣдній безъ груза, такъ какъ по дорогѣ всѣ деньги будутъ проѣдены лошадью и проводникомъ.

Неудобство денежной системы сказывалось еще въ Гензанѣ, когда мы отправлялись на базаръ за покупками вещей для этнографической коллекціи. Приходилось брать съ собой кэшей рублей на 15 и для этого нанимать носильщика, который изнемогалъ подъ 2-пудовой ношей и бывалъ радъ радешенекъ, когда деньги замѣнялись вещами. Въ концѣ-концовъ, мы рѣшили взять

лишь одинъ лошадиный грузъ кэшей, а остальную сумму взяли серебряными и бумажными японскими деньгами. Съ разнѣномъ ихъ намъ пришлось въ послѣдствіи не мало имѣть затрудненій: мѣняли ихъ не вездѣ, очень неохотно и съ большимъ убыткомъ для насъ.

Но вотъ, въ 20-ыхъ числахъ іюня всѣ приготовленія пришли къ концу, вещи были распределены по вьюкамъ, вьюки пригнаны на лошадей, сдѣланы послѣднія закупки, и въ одинъ прекрасный іюньскій день мы выступили изъ Гензана, сопровождаемые добрыми пожеланіями нашихъ гензанскихъ знакомыхъ.

Нашъ караванъ вытянулся въ длинную вереницу и направился медленнымъ шагомъ по вьючнымъ тропамъ Кореи, замѣняющимъ дороги. Обыкновенно, мы шли впереди, за нами лѣнливо тянулись бѣлыя фигуры мафу, чередующіяся съ курьезными силуэтами нашихъ карликовыхъ лошадей, несущихъ несоразмѣрно огромные вьюки. Иногда мы раздѣлялись и кто нибудь шелъ впереди, другіе—въ хвостъ каравана.

Мы двинулись на югъ, по направленію къ Фузану, по пути, не пройденному европейскими путешественниками. Значительная часть нашего пути пролегла по морскому побережью. Страна, по которой мы шли, была довольно густо населена, какъ и вообще вся южная и средняя часть Кореи.

То и дѣло встрѣчались по дорогѣ носильщики съ самыми различными ношами, начиная отъ точильныхъ камней и кончая грудями сушеной рыбы или кипами корейской бумаги, выдѣлываемой изъ бумажнаго дерева. Случались и еще болѣе интересныя встрѣчи: разъ какъ-то мы повстрѣчали, на примѣръ, живописную группу корейскихъ охотниковъ за оленьими рогами: рога оленей—„панты“—въ Корей, какъ и въ Китай, цѣнятся чуть не на вѣсъ золота, такъ какъ имъ приписываются особыя цѣлительныя свойства.

Довольно часто встрѣчались корейскіе деревушки и городки съ низенькими глиняными домиками, крытыми травой, иногда съ маленькими лавчонками, торгующими всякой мелочью, нужною въ корейскомъ быту, и, наконецъ, съ постоянными дворами, называющимися по-корейски „шумеги“, съ которыми намъ скоро пришлось близко познакомиться.

Корейскія лошади, помимо прочихъ своихъ отвратительныхъ качествъ, имѣютъ еще одно крупное неудобство — онѣ питаются нормально одними бобами, къ тому же непременно вареными и даже теплыми, смѣшанными съ отрубями; такая бобовая похлебка варится на постояломъ дворѣ въ огромныхъ котлахъ. Овса, сѣна или просто свѣжей травы корейцы ни подъ какимъ видомъ не даютъ своимъ конямъ, вѣроятно, боясь испортить породу, а если мафу увидитъ, что лошадь тянется къ травѣ, то тотчасъ же начинаетъ тянуть ее за поводъ въ другую сторону, чтобы она не

вздумала ухватить столь вредной пищи. Точно также не дают корейцы своим лошадям и воды: онѣ должны довольствоваться тѣмъ же пойломъ изъ бобовъ.

Вотъ эта-то неудобная привычка лошадей привязываетъ всецѣло путешественника къ наѣзженнымъ дорогамъ. Приходится волей-неволей такъ располагать свой маршрутъ, чтобы ночевать непременно въ деревнѣ, гдѣ есть постоянный дворъ, да еще такой, гдѣ были бы бобы.

Нерѣдко, подъ конецъ труднаго дневнаго перехода, подъ палящими лучами солнца, приходилось уже въ сумерки, усталыми и голодными, добираться до постоялаго двора и, на первый вопросъ: „есть ли бобы?“ получать ужасный отвѣтъ: „Коони обса“—„бобовъ нѣтъ“. Приходилось или, покоряясь своей судьбѣ, плестись дальше въ поискахъ за желанными бобами, или, если очень ужъ поздно, останавливаться безъ бобовъ и въ этомъ случаѣ выдерживать цѣлую бурю неудовольствій со стороны мафу. Они увѣряли, что если ихъ лошади не поѣдятъ бобовъ и ограничатся болтушкою изъ мягкой и рубленой травы, обваренной кипяткомъ, то онѣ непременно всѣ заболѣютъ или даже падутъ.

Корейская гостиница—„шумеги“—какъ и всякій корейскій домъ, конечно, не блещетъ комфортомъ. Для постояльцевъ отводится нѣсколько комнатъ, выходящихъ своими бумажными дверями и окнами на дворъ. Мебели въ нихъ нѣтъ, разумѣется, никакой—корейцы въ мебели не нуждаются, но за то, надо отдать справедливость, комнаты довольно чисты, выстланы чистой циновкой. Одно въ нихъ неудобство это—система отопленія. Во всѣхъ корейскихъ домахъ топка выходитъ наружу, на дворъ, а труба или, вѣрнѣе, дымовой ходъ проведенъ непосредственно подъ глинянымъ поломъ комнатъ, такъ что, когда затопятъ, полъ представляетъ изъ себя лежанку и часто довольно горячую. Когда спишь на полу, то рискуешь изжариться. За то во время періода ливней является возможнымъ обсушить свое платье и согрѣться; такимъ образомъ, это устройство является естественнымъ приспособленіемъ къ климатическимъ условіямъ. Мы, однако, рѣдко останавливались въ самой гостиницѣ. Чаше мы выстраивали на дворѣ ея свою палатку и располагались тамъ, какъ у себя дома.

Въ пищевомъ довольствіи намъ пришлось приспособляться къ мѣстнымъ условіямъ. Караванъ нашъ обладалъ слишкомъ малой грузоподъемностью, чтобы можно было везти съ собой европейскіе припасы на нѣсколько мѣсяцевъ. Волей-неволей приходилось довольствоваться корейскимъ режимомъ. Основной пищей въ Корей, какъ и на всемъ крайнемъ Востокѣ, является рисъ: для корейца, китайца и японца онъ то же, что для нашихъ крестьянъ хлѣбъ; пожалуй, онъ даже еще важнѣе, такъ какъ эти народности совершенно не знакомы съ молочными про-

дуктами. Молоко корейцы считают пищею, пригодною лишь для телятъ, а отнюдь не для людей; когда же они видѣли у насъ жестянки съ консервированнымъ масломъ, то принимали его за медъ и никакъ не могли понять способа его приготовленія. Въ прежнее время пить молоко въ Корей представляло прерогативу одного лишь короля, для котораго молоко добывалось очень курьезнымъ способомъ: не умѣя доить, корейцы выдавливали палочками и дощечками молоко изъ вымени связанной и поваленной на землю коровы.

Какъ завтракъ, такъ и обѣдъ и ужинъ корейца состоятъ изъ риса съ приправами, который подается каждому на особомъ низенькомъ столикѣ. Приправами служатъ натертый красный перецъ, проросшій лукъ, морская капуста—родъ особой морской водоросли, сушеная и скобленая рыба, древесные грибы, варенные лишайники, квашенная рѣдька, теплые огурцы на касторовомъ маслѣ, соленныя креветки и т. п. деликатесы. Все это подается на томъ же столикѣ въ маленькихъ чашечкахъ вокругъ большой чашки съ рисомъ. Чая Корея не знаетъ, хотя и лежитъ между Китаемъ и Японіей, главнѣйшими производителями этого продукта; вмѣсто чая, подается чашка теплой воды, въ которой варился рисъ,—эту гадкую, мутную водицу корейцы прихлебываютъ во время ѣды.

Ѣдятъ въ Корей, сидя на полу, при томъ единственными инструментами являются деревянные или металлическія палочки, которыя распространены, кажется, всюду, гдѣ только Ѣдятъ рисъ. Мясо рѣдко попадаетъ на столъ корейца, и если попадаетъ, то тоже въ видѣ приправы къ рису — при томъ, кромѣ куръ, свиней и крупнаго скота, Ѣдятъ также и собачье мясо; говорятъ даже, будто оно считается цѣннымъ деликатесомъ... Мнѣ въ этомъ не удалось, однако, убѣдиться: нашъ переводчикъ стѣснялся говорить объ этомъ щекотливомъ, по его мнѣнію, предметѣ, и я не могъ добиться чрезъ него опредѣленнаго отвѣта.

Не знаютъ въ Корей также и сахару: его замѣняетъ у богатыхъ медъ. Очень мало употребляется и соли; рисъ, мясо, овощи, рыба—все готовится безъ соли, она входитъ лишь въ составъ особаго соуса или сои и въ немногія приправы. За то на красный перецъ корейцы не скупаются, онъ кладется всюду, куда только возможно, и нельзя сказать, чтобы это было не цѣлесообразно: въ жаркую лѣтнюю пору является прямо органическая потребность въ жгучихъ приправахъ.

Остановливаясь постоянно въ деревняхъ, мы попутно хорошо познакомились съ жизнью корейской деревни. Корейцы исконные и коренные хлѣбопашцы, и, насколько мнѣ пришлось видѣть, земледѣліе у нихъ столь же высоко развито, какъ въ Китаѣ и въ Японіи. Въ густо населенныхъ частяхъ Кореи, какими являются

средняя и южная части страны, каждый клочекъ, сколько-нибудь пригодный подъ пашню, обработанъ. Приходится иногда видѣть поля на такихъ крутыхъ горныхъ откосахъ, что только удивляешься, какъ попадаетъ туда земледѣлецъ съ плугомъ. Главнымъ культурнымъ растеніемъ является рисъ, требующій отъ земледѣльца огромнаго напряженія, но въ то же время и вознаграждающій его сторицею. Съ рисомъ возни вдвое болѣе, чѣмъ съ любымъ изъ нашихъ хлѣбныхъ растеній. Поле очень тщательно готовится, устраивается канализація, приводящая къ нему воду. Сперва рисъ сѣется въ видѣ расады, затѣмъ пучки его распределяются на полѣ въ шахматномъ порядкѣ и высаживаются въ жидкую грязь, въ которую рабочимъ приходится вступать по колѣно. Въ теченіе лѣта приходится тщательно слѣдить за поливкой, чинить плотины и каналы, полоть рисовыя поля нѣсколько разъ въ лѣто, наконецъ, жать рисъ по колѣно въ водѣ.

Другія культурныя растенія—пшеница, ячмень, различные бобы, кунжутъ, конопля, хлопчатникъ—требуютъ не меньшаго ухода. При обильномъ дождями корейскомъ лѣтѣ нельзя засѣвать поля, какъ у насъ, сплошь—растенія загнили бы отъ сырости. Потому въ Корее развита грядковая культура: все поле разбивается на узкія грядки, на которыхъ и высѣваются растенія. Въ теченіе лѣта каждое поле нѣсколько разъ пропалывается, и потому на него прямо смотрѣть любо: колосья подходятъ къ колосу и нѣтъ ни одной сорной травинки. Интересно, что иногда на одномъ и томъ же полѣ высѣваются два растенія, наприкладъ, пшеница и бобы, при томъ они чередуются по грядкамъ: грядка пшеницы, грядка бобовъ, затѣмъ опять пшеница. Когда пшеница созрѣетъ въ началѣ лѣта—ее сожнутъ, и тогда дозрѣваютъ уже на свободѣ бобы.

Какъ ни флегматичны и мало-подвижны корейцы на первый взглядъ, ихъ отнюдь нельзя обвинять въ лѣности: кому приходилось видѣть ихъ за тяжелой работой на поляхъ подъ знойными лучами почти тропическаго солнца, съ ранняго утра и до вечера, при томъ работающими въ ручную или самыми первобытными орудіями, тотъ скорѣе можетъ подивиться ихъ трудолюбію. Къ тому же, они, не смотря на тяжелый трудъ, сохраняютъ бодрое и веселое расположеніе духа: намъ не разъ приходилось подъ вечеръ останавливаться въ недоумѣніи отъ дикихъ звуковъ, несущихся съ поля, — это возвращались домой, съ бубнами, мѣдными тарелками и раздирающими европейское ухо пѣснями, рабочіе послѣ дневныхъ трудовъ. Гдѣ нибудь на площадкѣ они останавливались и воспроизводили фантастическій танецъ, который сдѣлалъ бы честь только что позавтракавшимъ каннибаламъ.

Въ общемъ, жизнь корейской деревни протекаетъ сходно съ жизнью нашей русской, съ тою только разницей, что на земледѣльческія работы кореецъ затрачиваетъ болѣе продолжительный

периодъ времени, чѣмъ русскій крестьянинъ, и гораздо меньшую роль играютъ домашнія животныя. Лошади совершенно не участвуютъ въ обработкѣ земли, пахутъ иногда быками, всѣ же остальные работы производятся руками человека и, въ большинствѣ случаевъ, самою семьею крестьянина-собственника.

Потребности крестьянина-корейца еще скромнѣе, чѣмъ нашего. Домъ его стоитъ недорого, такъ какъ построенъ изъ легкаго деревяннаго остова и глины, которая всюду подъ ногами; домашней утвари очень немного. Домашнихъ животныхъ почти нѣтъ: потребности въ пищѣ ограничиваются однимъ рисомъ и приправами, изъ которыхъ многое ничего не стоитъ. Наконецъ, нѣтъ расходовъ на водку,—плохая рисовая водка и особый опьяняющій напитокъ, вродѣ пива, приготовляются въ каждомъ хозяйствѣ самими крестьянами.

Въ итогѣ корейская деревня бѣдна—бѣдна, какъ сама Корея, но бѣдность эта распредѣляется, повидимому, очень равномерно. Пройдя много сотенъ верстъ по Корей, мы нигдѣ не встрѣчали нищихъ, за исключеніемъ столицы и большихъ городовъ, гдѣ ихъ, впрочемъ, также немного. Повидимому, въ годъ нормальнаго урожая риса всѣ въ Корей имѣютъ свою чашку риса, и лишь недородъ порождаетъ сильную нужду.

Корейскій городъ, по существу, немногимъ отличается отъ деревни—тѣ же низенькіе домики, слѣпленные изъ глины и крытые соломой, тѣ же лавчонки, въ которыхъ можно найти все, что только можетъ быть нужнымъ въ корейскомъ обиходѣ, начиная отъ соломенныхъ лаптей и кончая японскими спичками, батумскимъ или пенсильванскимъ керосиномъ, анилиновыми красками и даже хининомъ изъ Дрездена. Въ прежнія времена каждый городъ былъ крѣпостью, и объ этомъ свидѣлствуютъ нерѣдко его толстыя зубчатые стѣны съ воротами, украшенными башней; однако, стѣны эти въ большинствѣ случаевъ уже поразвалились и не годятся для обороны.

Обыкновенно, въ каждомъ городѣ разъ въ шесть дней или разъ въ недѣлю бываетъ базаръ, на который сходятся поселяне со всѣхъ концовъ, принося свои продукты. На такомъ торжищѣ царитъ всегда большое оживленіе: на землѣ разложены рядами овощи, плоды, навалены груды корзинъ, глиняныхъ горшковъ, мѣдной посуды, выстроились рядами быки, нагруженные топливомъ; между всѣми этими продуктами страны снуютъ бѣлыя фигуры корейцевъ, выкрикивая на всѣ лады, жестикулируя, болтая, хохоча и отчаянно торгуясь. Здѣсь же лучший случай познакомиться съ корейскими развлеченіями—фокусниками и акробатами, канатными плясунами, вездѣсущимъ „петрушкой“, уличными танцорами, выплясывающими подъ звуки барабана.

Города являются въ то же время и центромъ административной дѣятельности, о чѣмъ уже часто свидѣлствуютъ памятные

камни, выставленные на площади. На этих камнях, покоящихся на диковинных каменных черепахах, которые являются символами вѣчности, записаны китайскими іероглифами дѣянія прежнихъ управителей и ихъ гражданскіе и военные подвиги. Если судить по количеству такихъ камней, то можно думать, что всѣ корейскіе администраторы блещутъ гражданскими добродѣтелями. Однако, на дѣлѣ, какъ мнѣ говорили, граждане рискуютъ крупными непріятностями, если не поставятъ такого камня чиновнику еще при его жизни. Каждый городъ является резиденціей чиновника-управителя—„кунзу“, уѣзднаго или областного начальника. Придя въ городъ, мы иногда дѣлали визитъ „кунзу“, который принималъ насъ всегда очень любезно и съ почетомъ. Онъ считалъ своимъ долгомъ отдать намъ визитъ и являлся въ паланкинѣ и съ большой свитой, подъ звуки оглушительныхъ трубъ, едва терпимыхъ для непривычнаго уха. Конечно, мы также принимали его радушно въ нашей палаткѣ и угощали, чѣмъ могли. Одного изъ кунзу я имѣлъ возможность снять вмѣстѣ съ его женою—случай довольно рѣдкій, такъ какъ знатныя дамы обыкновенно скрываются отъ взоровъ иностранцевъ. Почтенная дама была такъ густо набѣлена, нарумянена и напудрена, что лицо ея казалось покрытымъ маской, подъ которою трудно было узнать ея настоящія черты.

Этотъ чиновникъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ административныя должности, представляя изъ себя одновременно управителя, судью, главнаго сборщика податей, военачальника и даже главнаго экзаменатора: у одного изъ кунзу я видѣлъ, по крайней мѣрѣ, письменныя работы учениковъ школы, на которыхъ онъ собственно-ручно выставялъ отмѣтки.

Чиновничество является одной изъ главнѣйшихъ язвъ въ Корей. Получая очень мало или по пѣлымъ годамъ совсѣмъ не получая жалованья отъ правительства, чиновники живутъ ваятками и торгуютъ правосудіемъ, что особенно удобно въ Корей, гдѣ нѣтъ писаныхъ законовъ, и всѣ дѣла рѣшаются по благоусмотрѣнію чиновника. Надо сказать, рѣшаются очень быстро казнью того, кто дастъ меньше. Еще въ недавнее время въ Корей примѣнялись ужаснѣйшія казни и пытки, вродѣ переламыванья голени, поджиганія фитилями, перепиливанія мышцъ ногъ веревкой и т. п. Надо сказать, однако, что теперь большая часть ихъ примѣняется рѣдко.

IV.

Во время нашего пѣшеходнаго странствія по Корей, намъ неоднократно приходилось сталкиваться и съ различными проявленіями вѣрованій корейцевъ.

Въ Корей официально признанной религіей является ученіе

Конфуція,—однако, наравнѣ съ нимъ, распространенъ и буддизмъ, а въ массѣ простого народа еще сильно укоренено шаманство и многочисленныя самыя первобытныя суевѣрія.

Интересны мѣры, принимаемыя корейцами противъ заразныхъ болѣзней, приписываемыхъ злымъ духамъ. Почти въ каждой деревнѣ, при входѣ въ нее, стоитъ высокій шестъ и на концѣ его сдѣланное грубо изъ дерева изображеніе птицы съ клювомъ, направленнымъ отъ деревни. Это приспособленіе называется „солъ-меги“ и, по словамъ корейцевъ, оно служитъ наилучшимъ средствомъ для того, чтобы отогнать заразные болѣзни. По простотѣ своей оно, дѣйствительно, не оставляетъ желать ничего лучшаго, но, къ сожалѣнію, большое число фizioномій, изрытыхъ оспою, въ корейскихъ деревняхъ не говоритъ за его дѣйствительность. Другимъ, столь же дѣйствительнымъ, средствомъ борьбы съ заразными болѣзнями является веревка изъ рисовой соломы, которая перетягивается между деревьями черезъ дорогу и должна не пускать болѣзни и злыхъ духовъ. Наконецъ, въ случаѣ болѣзни сплошъ и рядомъ приглашается шаманка или шаманъ, и они продѣлываютъ цѣлое представленіе для изгнанія злыхъ духовъ изъ больного. Шаманка пляшетъ передъ домомъ больного на разостланномъ полотнѣ, съ обнаженными ножами, принимаетъ духовъ разложенными деньгами и бросаетъ ножи въ землю. Окружающіе бьютъ въ барабаны и тарелки.

Вѣрованія въ духовъ злыхъ и добрыхъ, духовъ лѣсовъ и горъ, духовъ различныхъ мѣстностей, духовъ покровителей жилища и другихъ духовъ связаны у корейцевъ съ самымъ наивнымъ шаманизмомъ и широко распространены въ народѣ. По сторонамъ дороги чуть не на каждой верстѣ попадаются своеобразныя корейскіе верстовые столбы—„чангжи“, съ изображеніемъ, иногда чрезвычайно карикатурнымъ, головы человѣка; часто ихъ стоитъ по нѣскольку вмѣстѣ. Я не могъ добратся, какое значеніе имѣютъ эти курьезные столбы съ надписями, указывающими разстояніе,—вѣроятно, и здѣсь какая-нибудь связь со старинными религіозными вѣрованіями. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что передъ входомъ въ буддійскій монастырь всегда ставятся два такихъ „чангжи“.

На перевалахъ черезъ хребты горъ приходилось обыкновенно видѣть и другіе образчики вѣрованія въ духовъ. По вѣрованію корейцевъ—каждой горѣ, каждому лѣсу свойственъ духъ. Поднимаясь на перевалъ, кореецъ считаетъ своимъ священнымъ долгомъ захватить снизу камень и бросить его на верху горы, какъ жертву духу ея. Такія добротныя даянія образуютъ обыкновенно огромную кучу, накопившуюся въ теченіе вѣковъ,—она располагается подъ однимъ или подъ нѣсколькими священными деревьями, увѣшанными тряпочками или бумажками, съ завернутыми сѣменами бобовъ или пшеницы.

Нерѣдки по дорогѣ и одинокія безъимянныя корейскія могилы,—это въ большинствѣ случаевъ мало замѣтный бугорокъ, выложенный камнемъ, обыкновенно подѣ сѣнью дерева, которое также считается священнымъ. Иногда вокругъ нѣсколькихъ могилъ приходится видѣть цѣлый большой сосновый лѣсъ,—это священная роща, вырубать которую запрещается чуть ли не подѣ страхомъ смертной казни. Въ долинахъ такія священныя рощи являются единственными остатками густого лѣсного покрова, когда-то дѣлавшаго Корею трудно проходимою, но теперь совершенно истребленною.

Кромѣ могилъ, памятниками корейцамъ, свершившимъ все земное, являются нерѣдко памятные камни или „писѣкчи“.

Я говорилъ уже о камняхъ, которые ставятся въ честь корейскихъ чиновниковъ, но этой чести удостоиваются не только талантливые администраторы. Каждый богатый кореецъ можетъ поставить самъ себѣ при жизни памятный камень, на которомъ изображаетъ китайскими іероглифами, что „тогда-то и тамъ-то жилъ такой-то и былъ очень хорошимъ человѣкомъ“. Надъ памятникомъ выстраивается домикъ съ рѣшетчатыми стѣнами, вокругъ него дѣлается ограда—писѣкчи готово и стоитъ до тѣхъ поръ, пока не развалится. Интересно, однако, что на самой могилѣ, не смотря на всю склонность корейцевъ къ графоманіи, никогда не бываетъ никакихъ надписей. Всѣ могилы безъимянныя.

Разъ какъ-то на одной изъ могилъ мы замѣтили оригинальную сцену: могила была разрыта, и надъ ней раскинутъ шатеръ, подѣ шатромъ и около него копошилось нѣсколько корейцевъ въ какихъ-то оригинальныхъ костюмахъ. Оказалось, что мы застали ихъ за вырываніемъ покойника. Дѣло въ томъ, что у корейцевъ существуетъ такое вѣрованіе: если семья послѣ смерти и погребенія одного изъ ея членовъ не везетъ, дѣла не удаются, урожай плохъ или случается какое либо несчастье, то это значитъ, что покойникъ похороненъ не въ надлежащемъ мѣстѣ, и, чтобы поправить дѣло, надо перенести его на лучшее. Новое, болѣе счастливое мѣсто опредѣляется послѣ долгихъ волхованій колдунами-гадателями. Затѣмъ покойника вырываютъ подѣ шатромъ, чтобы лучи солнца не коснулись костей, иначе случится несчастье. Кости завертываютъ въ бумагу и матерію, бережно укладываютъ въ новый гробъ, переносятъ на новое мѣсто и хоронятъ. Если семью все-таки продолжаютъ преслѣдовать несчастья, то процедуру перенесенія покойника повторяютъ еще разъ. Нерѣдко корейцу долго приходится путешествовать послѣ смерти съ мѣста на мѣсто, прежде чѣмъ родственники найдутъ для него надлежащее мѣсто успокоенія.

Корейцы очень дорожатъ могилами предковъ, — однако, еще болѣе дорожатъ деньгами. Въ арендованномъ у нихъ недавно новомъ международномъ портовомъ городѣ Мозампо на террито-

рин, уступленной русскому правительству, оказалось 300 корейских могилъ. Строить на этихъ мѣстахъ корейцы не позволяли и, чтобы воспользоваться мѣстомъ, русскому консулу пришлось платить отступного за перенесеніе праха въ другое мѣсто. Какъ только корейцы узнали, что за перенесеніе платять по 5 рублей съ могилы, отъ желающихъ переносить своихъ покойниковъ не было отбоя, и число могилъ быстро возросло,—оказалось, что ихъ уже не 300, а 700, такъ что пришлось дѣлать строгій выборъ между настоящими могилами и поддѣльными. Впрочемъ, корейцы сильно ошиблись въ расчетѣ: всѣ дѣла по переноскѣ покойниковъ велись черезъ корейскаго чиновника—областного начальника—„камни“, и въ результатѣ, говорятъ, сами родственники получили за своихъ покойниковъ по 40 коп., а все остальное попало въ широкій карманъ камня...

Какъ я сказалъ уже, въ Корей, на ряду со старинными суевѣріями и вѣрою въ духовъ, уживаются двѣ основныя религіи: конфуціанство и буддизмъ. Оба вѣроученія проникли въ Корею изъ Китая,—буддизмъ еще въ IV вѣкѣ, конфуціанство—нѣсколько позже. Конфуціанство въ сущности не представляетъ изъ себя стройной религіозной системы: это собраніе нравственныхъ правилъ, связанныхъ со строго разработаннымъ во всѣхъ деталяхъ культомъ предковъ.

Культъ предковъ, соединенный съ культомъ умершихъ королей, святыхъ или людей, оказавшихъ какія либо благодѣянія государству, вообще, широко распространенъ среди народовъ Востока, но въ Корей онъ едва ли не достигаетъ своего апогея. Достаточно сказать, что трауръ носится по родителямъ три года, и носящій его является самъ какъ бы умершимъ и исключеннымъ изъ общества: онъ носитъ платье изъ грубой пеньковой матеріи, закрываетъ лицо при встрѣчѣ съ чужими или широкополой шляпой, или особой ширмочкой; не можетъ не только принимать участіе въ развлеченіяхъ, но и не можетъ заниматься никакимъ дѣломъ, долженъ жить отдѣльно отъ жены, соблюдать строгій постъ и не имѣть права убивать никакого животнаго, не исключая и насѣкомыхъ.

По вѣрованію корейцевъ, у человѣка, не болѣе и не менѣе, какъ три души: послѣ смерти одна душа переселяется въ могилу вмѣстѣ съ тѣломъ, другая—въ невѣдомый небесный міръ, третья же—въ поминальную табличку, дощечку каштановаго дерева, на которой пишется китайскими іероглифами имя покойнаго. Табличка въ теченіе 3 лѣтъ хранится въ семьѣ, и передъ ней въ извѣстные дни и, надо сказать, очень часто совершаются жертвоприношенія. По истеченіи трехъ лѣтъ поминальная табличка переносится въ конфуціанскій храмъ, гдѣ сохраняется до четвертаго поколѣнія потомковъ, и лишь это поколѣніе хоронитъ ее.

Почти въ каждомъ городѣ или, вѣрнѣе, въ окрестности каж-

даго дорода имѣется конфуціанскій храмъ, гдѣ хранятся таблички того или другого корейскаго короля, святаго или военачальника. Передъ ними въ извѣстные дни чиновникъ, начальникъ округа, сопровождаемый большою свитою, совершаетъ жертвоприношенія. Когда же такая табличка отъ времени истлѣетъ, ее замѣняютъ новою, которая пишется по повелѣнію императора въ Сеулѣ и посылается съ большою торжественностью въ соответствующій храмъ.

Случая угодно было, чтобы мы во время нашего пути встрѣтили такую процессію перенесенія поминальной таблицы одного изъ королей. Процессія была очень оригинальна: впереди шли музыканты и на флейтахъ, барабанахъ и бубнахъ изображали какую-то совершенно невыносимую мелодію; затѣмъ шелъ рядъ носильщиковъ съ распущенными знаменами, на которыхъ красовались диковинныя животныя, съ какими-то опахалами, молотками и зонтами изъ желтаго газа, наконецъ, несли маленькія желтыя носилки, гдѣ въ футлярѣ и подъ желтой матеріей находилась священная таблица. Шествіе замыкалось двумя сопровождавшими таблицу чиновниками, покачивавшимися въ паланкинахъ, и толпою народа, которая провожала святыню.

Насколько мнѣ приходилось замѣчать, конфуціанство, хотя и проникло въ массу корейскаго народа и сильно укоренилось, однако ограничивается одною внѣшнею обрядностью; идейная его сторона—урегулированіе отношенія человѣка ко всему окружающему путемъ внутренняго самоусовершенствованія и развитія добродѣтелей—недоступна темной и очень мало культурной массѣ корейскаго народа.

Мнѣ удалось познакомиться довольно подробно и съ современнымъ положеніемъ буддійской религіи въ Корей. Богатый матеріалъ дала наша экскурсія въ Алмазныя горы—хребетъ Кымъ-канъ-санъ, гдѣ находится цѣлый рядъ древнихъ буддійскихъ монастырей. Экскурсія эта настолько интересна, что я позволяю себѣ рассказать о ней подробнѣе.

Прежде всего должно предупредить, что въ Алмазныхъ горахъ никто и никогда не находилъ еще алмазовъ; ихъ называли такъ—Diamond Mountains—англійскіе путешественники за красоту видовъ, которые тамъ, дѣйствительно, безподобны.

Мы направились въ Алмазныя горы изъ города Косена, откуда послали нашъ караванъ впередъ, а сами налегкѣ, нанявъ 8 носильщиковъ и распредѣливъ на нихъ наиболѣе необходимый грузъ, пошли въ горы. Въ первый же день мы по горной дорожкѣ добрались до буддійскаго монастыря Сингеса—перваго, съ которымъ намъ пришлось познакомиться.

Монастыри въ Корей, вообще, располагаются всегда въ горахъ и въ наиболѣе живописныхъ лощинахъ. Передъ входомъ въ монастырь красуются уже извѣстные вамъ уродливыя „чангжи“—столбы

съ человеческими головами. Затѣмъ нерѣдко имѣются ворота, внутри которыхъ сидятъ четыре фигуры, символизирующія четыре страны свѣта. Далѣе слѣдуетъ дворъ, окруженный монастырскими зданіями, и въ глубинѣ его главный храмъ—зданіе красивой китайской архитектуры. Передъ храмомъ обыкновенно находится нѣкоторое подобіе пагоды, сдѣланной изъ кусковъ камня, по корейски „тхапъ“. Недалеко отъ храма виситъ обыкновенно въ невысокой пристройкѣ колоколъ, созывающій монаховъ на молитву. На колоколѣ—изображенія буддійскихъ святыхъ съ сіяніями и китайскія надписи.

Въ храмѣ на алтарѣ цѣлый рядъ изображеній Будды, сдѣланныхъ изъ глины или дерева и позолоченныхъ. Передъ ними ежедневно бонзы совершаютъ богослуженіе, имъ ставятъ жертвенный рисъ въ чашахъ, возжигаютъ курительныя свѣчи. Стѣны храма украшены картинками, изображающими буддійскихъ святыхъ и сцены изъ ихъ жизни. Лики святыхъ здѣсь также окружены сіяніемъ. Корейскіе монахи въ своихъ сѣрыхъ одеждахъ и оригинальныхъ головныхъ уборахъ, съ четками и погремушками для призванія Будды, живутъ въ своихъ монастыряхъ, занимаясь хозяйствомъ и служеніемъ Буддѣ. Последнее занятіе не изъ легкихъ—въ теченіе дня должно пропѣть 10.000 разъ слова „Айми-табу“—„Господи помилуй“, послѣ каждого раза—ударить въ гонгъ и барабанъ и черезъ каждые тысячу разъ—потрещать особыми деревянными палочками и сдѣлать нѣсколько поклоновъ. Этимъ занимаются попеременно три монаха въ теченіе большей части дня.

Разъ или два въ годъ въ опредѣленный день монастырь празднуетъ свой праздникъ. Тогда весь дворъ разукрашивается надписями, матеріей, фонарями; совершается торжественное служеніе въ храмахъ, собираются жители со всѣхъ окрестностей, приносятъ монастырю денежные подарки и за то угощаются бонзами въ импровизированной трапезѣ, устраиваемой на дворѣ. Рису, жгучихъ приправъ, сладостей и, главное, скверной корейской водки и особаго хмѣльного напитка, вродѣ пива, здѣсь ужъ не жалѣютъ.

Въ монастырѣ Сингеса, какъ и во всѣхъ монастыряхъ, монахи насъ приняли радушно, позволили все осмотрѣть и сфотографировать и взяли съ насъ лишь за сѣжденный рисъ, поднеся, однако, книгу для вписыванія пожертвованій на монастырь. Мы отправились отсюда по горнымъ ущельямъ въ наиболѣе древній и знаменитый монастырь Чаанса, пріютившійся въ живописнѣйшей горной долині.

Здѣсь мы также нашли обычный радушный приѣмъ, осмотрѣли храмъ съ его замѣчательнымъ узорчатымъ потолкомъ, а вечеромъ присутствовали при своеобразномъ и, казалось бы, не совсемъ подходящемъ къ монастырю зрѣлищѣ. Въ монастырь зашла вмѣстѣ съ нами бродячая труппа музыкантовъ съ нѣсколькими

мальчиками 10—12 лѣтъ, наряженными въ равноцвѣтную полу-женскую одежду. И вотъ, когда стемнѣло, на монастырскомъ дворѣ разложили огромные костры, музыканты ударили въ свои бубны и барабаны, воспроизводя на нихъ самую дикую и раздирательную мелодію. Мальчики-танцоры взялись за руки, плавно подъ ритмъ музыки заплѣли и, покачиваясь въ тактъ, стали то наступать впередъ, то отступать. Хоръ музыкантовъ ускорилъ темпъ, танцоры дѣлали различныя тѣлодвиженія все быстрѣе и быстрѣе, потомъ снова отступали, пѣснь принимала то минорный оттѣнокъ, то становилась бурною и дикою. Зрѣлище пора-жало своей фантастичностью: черная южная ночь, узорчатая очертанія храмовъ, видныя при феерическомъ красноватомъ отблескѣ костровъ, толпа бѣлыхъ фигуръ корейцевъ и эта дикая музыка, и это пѣніе, и эти плавно движущіеся танцоры—казалось, мы перенеслись на много вѣковъ назадъ и присутствуемъ при совершеніи какого-то языческаго ритуала!.. Вскорѣ, однако, очарованіе нарушилось: представленіе кончилось, мальчишки смѣшались со зрителями и стали выпрашивать у нихъ деньги и отбивать другъ у друга бросаемыя имъ монетки.

На слѣдующій день мы направились по узкой горной тропинкѣ, проходящей по ущелью, назадъ, къ берегу моря, по другой дорогѣ. По пути на одной изъ двухъ скалъ, стоящихъ какъ ворота, высѣчены изображенія трехъ Буддъ,—очевидно, работа благочестивыхъ монаховъ во время расцвѣта буддизма въ Корей.

Слѣдующій день мы провели, укрываясь отъ дождя, въ монастырѣ Пёонса.

Въ немъ имѣется своеобразная молельня—Сіуан-джонъ. Здѣсь золоченныя изображенія Будды, его отца, матери и дѣтей и съ боку, съ каждой стороны, по 7 сидящихъ въ креслахъ раскрашенныхъ фигуръ совершенно корейскаго типа. Это корейскіе святые, или корейскіе короли, причисленные къ лику святыхъ со своими женами и дѣтьми. У входа съ каждой стороны стоитъ страшилище „мунджиги“—привратникъ, отгоняющій злыхъ духовъ.

На слѣдующій день погода нѣсколько поправилась, и мы покинули монастырь и вошли въ узкое ущелье горной рѣчки Кынгансу. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, предъ нами развертывались все болѣе и болѣе живописные виды. Мѣстами стѣны ущелья сдвигались и образовывали гигантскій корридоръ, иногда онѣ расходились и задрапировывались зеленью деревьевъ, растущихъ по утесамъ. Дорога становилась все труднѣе и труднѣе—приходилось идти по самому краю ревущаго горнаго потока, вздущагося послѣ вчерашняго дождя, нѣсколько разъ пришлось прямо войти въ воду, такъ какъ бревна, положенныя здѣсь, чтобы можно было пройти, держась за отвѣсную стѣну, были унесены. Красоты ущелья заставляли, впрочемъ, забывать о трудностяхъ пути.

Особенно величественно было мѣсто „Ман-пок-тонгъ“—„гротъ тысячи водопадовъ“. Огромные утесы кристаллическихъ сланцевъ поднимаются здѣсь и громоздятся фантастическими башнями; два горныхъ потока низвергаются бушующими водопадами, соединяются вмѣстѣ и на далекомъ разстояніи покрыты бѣлою пѣною.

Дорога лѣзнитъ то по той, то по другой сторонѣ потока, переходить его приходится въ бродъ ежеминутно, и чувствуешь, какъ вода ударяетъ со страшною силою и старается сшибить съ ногъ. Мѣстами стѣны ущелья покрыты лѣсомъ. Граціозныя ели лѣзутъ по обрывамъ, кустарники, переплетенные лианами, виноградомъ и другими безчисленными ползучками, одѣваютъ скалы.

Но вотъ, на одной изъ такихъ зеленыхъ стѣнъ показалась, какъ будто, крыша. Оказывается, на выступѣ скалы прилѣпилъ маленькій монастырь Потокамса, какъ ласточкино гнѣздо. Часть его виситъ надъ пропастью и подпирается столбами. Поднимаемся далѣе по ущелью, тропинка вьется по лѣсистымъ откосамъ,—вдругъ передъ нами открывается площадка, и на высокой каменной стѣнѣ вырисовывается гигантскій барельефъ Будды, сидящаго съ закрытыми глазами и благословляющаго міръ. Невозмутимымъ спокойствіемъ вѣетъ отъ этой величественной фигуры, много столѣтій сидящей здѣсь въ дикомъ ущельѣ и прислушивающейся къ реву бурнаго потока... Мы даже какъ-то невольно притихли, подавленные зрѣлищемъ,—и стали говорить шепотомъ. Барельефъ этотъ, носящій названіе Мегиль-сенъ, около 5 саж. вышиною и также результатъ работы монаховъ періода расцвѣта буддизма. Мѣсто для него выбрано чрезвычайно удачно, съ такимъ расчетомъ, чтобы дѣйствовать сильно на воображеніе богомольцевъ. Нѣсколько впереди стоитъ каменный фонарь, въ которомъ, однако, давно уже, повидимому, благочестивая рука не затепливала лампы. Поднявшись далѣе по ущелью, мы вышли на горную полянку, находящуюся на сѣдловинѣ главнаго хребта. Это переваль Анбуде-Когэ. За нимъ мы стали спускаться къ морю, опять по ущелью стремительной рѣчки, которую пришлось перейти въ бродъ разъ двадцать.

Уже начинало темнѣть, когда мы добрались до монастыря Ючомса,—одного изъ самыхъ большихъ въ Корей.

Весь слѣдующій день мы должны были просидѣть въ монастырѣ: шелъ проливной дождь, и монахи не совѣтовали намъ прогуляться по опасной дорогѣ. Намъ оставалось только знакомиться съ внутренней жизнью монастыря и его достопримѣчательностями. Въ главномъ храмѣ, Ныйнъ-боджонъ, на алтарѣ, вмѣсто обычнаго изображенія Будды,—вѣтвистое дерево, обвитое цвѣтной бумагой и мѣстами позолоченное: это святыня „Дырымъ-намо“. На сучьяхъ дерева помѣщены небольшія золоченныя фигурки Будды. О деревѣ этомъ извѣстна такая легенда. Когда пришли въ Корею

первые 53 буддійскихъ монаха изъ Индіи, они остановились на этомъ мѣстѣ отдохнуть у глубокаго колодца. Вдругъ изъ колодца вылѣзли три дракона и хотѣли ихъ пожрать. Монахи вступили съ ними въ борьбу, во время которой дыханіемъ драконовъ, подобнымъ вѣтру, было свалено дерево. Тогда монахи водрузили на вѣтви дерева изображенія Будды. Драконы были побѣждены, а монахи, въ память этого событія, основали монастырь Ючомса и поставили на алтарѣ изображеніе дерева, подъ которымъ драконы, а на вѣтвяхъ изображенія Будды.

На слѣдующій день мы выбрались изъ горъ и пришли въ городъ Косѣнь, гдѣ насъ ждали наши лошади.

Ознакомленіе съ монастырями Алмазныхъ горъ привело меня, также, впрочемъ, какъ и другихъ путешественниковъ, къ убѣжденію, что буддизмъ въ Корей, видимо, переживаетъ періодъ упадка. Монастыри бѣднѣютъ и еле держатся, населеніе относится къ нимъ равнодушно, монахи отнюдь не отличаются святостью жизни и, наконецъ,—что является, вѣроятно, главной причиной упадка,—изъ монастырей, бывшихъ когда-то расадниками просвѣщенія и буддійской науки, исчезла всякая образованность. Бонзы часто настолько мало развиты, что не умѣютъ читать даже своихъ священныхъ книгъ и совершенно не знаютъ санскритскаго языка, на которомъ онѣ написаны. Вполнѣ естественно, что при такомъ положеніи вещей и отъ буддизма Корея восприняла лишь внѣшность,—праздники, молитвы, богослуженіе, куреніе фиміама, посты,—тогда какъ внутренній смыслъ буддійскаго вѣроученія врядъ ли ясенъ и самимъ бонзамъ.

Курьезно, что въ Корей мирно уживаются всѣ три религіозныя теченія: первобытный, полный самыхъ наивныхъ суевѣрій и одухотворенія природы, шаманизмъ, туманная философія и прописная мораль Конфуція и, наконецъ, мистическая, полная поэзіи, догма далекой Индіи—ученіе Саккія-Мунни.

Бросивъ камень во славу горнаго духа на перевалѣ и похлопавъ ему благоговѣйно въ ладоши, кореецъ идетъ поставить чашку риса и курительныя свѣчи предъ табличками своихъ предковъ, а оттуда отправляется въ монастырь пировать на праздникъ въ честь какого-нибудь святого.

Разумѣется, это показываетъ, что мало-культурный корейскій народъ въ общемъ индифферентенъ къ вопросамъ религіи. Этимъ объясняется и тотъ относительно слабый успѣхъ, какой имѣютъ въ Корей христіанскіе миссіонеры, не смотря на ихъ энергическую дѣятельность.

V.

Характеръ страны, степень ея культурности и важнѣйшія этніческія черты народности отражаются всегда ярче всего и рельефнѣе всего въ жизни столицы. Это справедливо и по отношенію къ Корей. Подобно тому, какъ Парижъ представляетъ изъ себя „всю Францію“, такъ Сеулъ является вѣрнымъ отраженіемъ Кореи.

Сеулъ расположенъ въ котловинѣ, окаймленной невысокими, но красивыми горами, онъ располься на большомъ пространствѣ и въ настоящее время выбрался во многихъ мѣстахъ за окаймляющую его высокую зубчатую стѣну съ обычными массивными воротами и башнями. Сильно пришлось бы разочароваться тому, кто ожидалъ бы увидѣть передъ собою что-либо общее съ другими столицами дальняго и ближняго востока. Тщетно сталъ бы онъ искать воздушныхъ минаретовъ или пагодъ, причудливыхъ дворцовъ, остроконечныхъ куполовъ, блестящихъ золотомъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ Сеулѣ. При взглядѣ съ птичьяго полета на центральную часть города представляется лишь море сѣрыхъ крышъ, принадлежащихъ хижинамъ, такимъ же низенькимъ, какъ и всюду въ Корей. Этотъ сѣрый фонъ пересѣкается узкими коридорами - улицами; лишь одна изъ нихъ — главная улица „Чонгно“—сколько-нибудь широка, но и на ней дома не лучше.

Выдѣляется своими болѣе изящными очертаніями только дворецъ и европейскій кварталъ, застроенный красивыми зданіями посольствъ.

По улицамъ Сеула, особенно по главнымъ, постоянно движется толпа, но и она не пестрая и шумливая, какъ въ другихъ восточныхъ городахъ, а слагается изъ бѣлыхъ, какъ привидѣнія, и флегматичныхъ фигуръ корейцевъ. Совершенно какъ-то не вяжется съ этою невзрачною внѣшностью столицы и съ ея азіатскимъ характеромъ превосходный электрическій трамвай, устроенный по главной улицѣ американскою компаніей, — трамвай, о какомъ пока приходится только мечтать намъ, петербурцамъ.

Достопримѣчательностями Сеулъ также не богатъ. Двумя главными являются старинная каменная пагода и большая черепаха. Пагода сходна съ тѣми, какія обыкновенно имѣются въ буддійскихъ храмахъ и называются по корейски „тхапъ“. Верхушка ея была сброшена японцами при взятіи ими Сеула въ одну изъ войнъ. Живымъ украшеніемъ пагоды являются корейскіе ребятишки, которые вскарабкиваются на самый верхъ, какъ обезьяны, какъ только увидятъ, что наводишь на пагоду фотографическую камеру.

Черепаха съ памятнымъ камнемъ также похожа на встрѣчае-

мыхъ всюду въ корейскихъ городахъ, и надписи на камнѣ почти стерта, такъ что нельзя сказать, въ честь кого или чего она поставлена.

Главною достопримѣчательностью Сеула являются, однако, дворцы; изъ нихъ въ одномъ живетъ императоръ, два другихъ—старые и заброшенные. Къ сожалѣнію, намъ не удалось получить аудіенціи у корейскаго императора, мы пришли въ Сеулъ въ очень неудачное время: наканунѣ нашего прихода сгорѣло зданіе во дворцѣ, гдѣ находились портреты предковъ императора,—всѣ предки погибли въ огнѣ, и императоръ наложилъ по этому поводу трауръ и никого не принималъ. Намъ пришлось ограничиться осмотромъ дворца Кіонъ-бокъ-кунъ, въ которомъ жилъ императоръ до переворота въ 1895 г.

Дворецъ этотъ занимаетъ обширную площадь, обнесенную высокою стѣною. Внутри цѣлый рядъ построекъ, раздѣленныхъ дворами; большею частью—не исключая и покоевъ, гдѣ жилъ самъ императоръ,—это обыкновенные низенькіе корейскіе домики, ни внутри, ни снаружи не имѣющіе претензіи на роскошь и великолѣпіе. Внутреннія стѣны всѣ бумажныя, полъ оклеенъ бумагою, мебелировки нѣтъ и признаковъ, отопленіе корейское подъ поломъ, комнаты маленькія, низкія, полутемныя. Нѣсколько красивѣе зданіе бібліотеки, съ павильономъ для чтенія.

Нѣкоторую претензію на великолѣпіе имѣетъ тронный залъ, въ которомъ императоръ принималъ пословъ во время торжественныхъ аудіенцій. Онъ китайской архитектуры, съ изогнутой крышей, съ красивыми коньками и ажурными стѣнами, затянутыми бумагою. Однако, роскоши, въ нашемъ смыслѣ этого слова, нѣтъ и слѣда. Внутри находится тронъ—вѣроятно, самый бѣдный въ мірѣ—для него приготовлено возвышеніе съ грубой деревянной рѣзбой, выкрашенной въ пестрые цвѣта масляною краской. Позади трона—ширмы съ грубо намалеванными солнцемъ и луной.

Какъ и всѣ дворцовыя зданія, тронный залъ запущенъ, бумага на рѣшетчатыхъ стѣнахъ изодралась, циновки на полу также, колонны покосились, и лишь два перевившихся дракона на потолкѣ еще блещутъ тусклою позолотой.

На еще болѣе грустныя мысли наводитъ небольшой домикъ въ женской половинѣ дворца. Это домъ, гдѣ 8-го октября 1895 г. погибла трагической смертью королева Минъ, супруга нынѣ царствующаго корейскаго императора. Отличаясь энергіей и властолюбіемъ, королева являлась главной представительницей китайской партіи въ Корей и старалась о поддержаніи близкихъ отношеній къ Китаю. Она была непримиримымъ и опаснымъ врагомъ отца короля, Тэ-уонъ-гуна, и японской партіи, во главѣ которой онъ стоялъ. Партіи этой удалось устроить одну изъ многочисленныхъ тогда въ Корей дворцовыхъ революцій и при помощи японскихъ солдатъ звѣрски убить несчастную уже 45-лѣтнюю королеву.

Нынѣ царствующій императоръ, тогда титуловавшійся королемъ, былъ захваченъ въ плѣнъ, съ трудомъ бѣжалъ отъ своихъ враговъ и долгое время спасался въ русскомъ посольствѣ, пока ему не удалось снова возстановить свои права и взять власть въ руки.

Печальнымъ памятникомъ этой кровавой страницы новѣйшей исторіи Кореи и являются покои королевы, на стѣнахъ которыхъ еще уцѣлѣли зарубки, сдѣланные саблями убійцъ.

Намъ удалось побывать и на могилѣ королевы и даже удалось сфотографировать ее. Какъ и всѣ королевскія могилы, она состоитъ изъ круглаго бугра, вокругъ котораго поставлены высѣченныя изъ камня изваянія человѣческихъ фигуръ и звѣрей. Впереди бугра расположенъ храмъ, гдѣ приносятся ежедневно жертвы духу усопшей.

Второй дворецъ, болѣе старый, еще болѣе развалился и осыпался, чѣмъ первый; тотъ же, въ которомъ живетъ императоръ нисколько, говорятъ, не богаче видѣннаго нами.

Ничто не свидѣтельствуетъ такъ о бѣдности Кореи, какъ эта убогая роскошь дворцовъ, съ ихъ жалкой пародіей на богатство и великолѣпіе. Парчу замѣняетъ здѣсь бумага, цвѣтной камень представленъ крашеннымъ деревомъ, вмѣсто мозаики — аляповатые узоры масляной краской; драгоценной рѣзбы, золота и даже просто какой либо мебели или какихъ либо украшеній здѣсь нѣтъ, и помину.

Меня интересовала, конечно, и духовная жизнь Сеула и состояніе въ немъ образованія; оказалось, что оно лишь въ зачаткѣ. Здѣсь есть военная школа, гдѣ руководителями являются японцы; есть плохенькая медицинская школа, гдѣ также обучаютъ японцы, наконецъ, есть французская, англійская и русская школы, для подготовленія корейцевъ — переводчиковъ. Я посѣтилъ русскую школу, руководителемъ которой является отставной капитанъ, г. Бирюковъ, бывший тогда, къ сожалѣнію, въ отпуску, и я долженъ сказать, что ученики этой школы въ своихъ черныхъ шляпахъ и бѣлыхъ халатахъ произвели на меня вполне благопріятное впечатлѣніе своими успѣхами въ русскомъ языкѣ. Если прибавить еще, что въ Сеулѣ имѣется нѣсколько миссіонерскихъ школъ различныхъ вѣроученій и нѣсколько казенныхъ первоначальныхъ школъ, то вотъ и все, чѣмъ столица Кореи можетъ похвалиться въ области образованія.

Въ ней нѣтъ ни библіотекъ, ни театровъ, совершенно неизвѣстныхъ въ Корей какъ постоянныя учрежденія, нѣтъ даже спеціальныхъ книжныхъ лавокъ, и книги продаются вмѣстѣ съ домашней утварью. Корейская живопись очень примитивна, остальные искусства также находятся въ зачаткѣ или отсутствуютъ. Оригинальная литература Кореи очень ограничена и сводится преимущественно къ сочиненіямъ по корейской исторіи, — пре-

обладает литература китайская. Такимъ образомъ, умственная жизнь страны, можно сказать, пока еще дремлетъ.

Попробую охарактеризовать, въ заключеніе, каково современное положеніе Кореи и что она такое изъ себя представляетъ.

Насколько мнѣ въ этомъ удалось убѣдиться, Корея — страна, далеко не лишенная природныхъ богатствъ, а корейская народность отнюдь не лишена способностей. Не говоря уже о многочисленныхъ и обильныхъ минеральныхъ богатствахъ въ горахъ Кореи, почва ея достаточно плодородна. На сѣверѣ страны имѣются еще обширные лѣса, а воды, окружающія полуостровъ, изобилуютъ рыбою. Болѣе чѣмъ 10-милліонное населеніе Кореи отнюдь нельзя назвать лѣнивымъ и бездѣтельнымъ; не смотря на свою флегму, корейцы являются чрезвычайно прилежными земледѣльцами,—ихъ въ этомъ отношеніи можно сравнить развѣ лишь съ ихъ ближайшими сосѣдями китайцами и японцами.

И, тѣмъ не менѣе, въ настоящее время Корея является наименѣе культурной и самой бѣдной страной изъ всѣхъ странъ крайняго Востока. Корея — страна глиняныхъ хижинъ, страна исключительно мѣдныхъ денегъ, страна, гдѣ все населеніе ходитъ въ соломенныхъ или пенъковыхъ лаптяхъ, страна, гдѣ не извѣстны чай и мыло, и почти не извѣстно стекло. Въ этой странѣ, навѣрно, три четверти, если не болѣе, всѣхъ полевыхъ работъ совершаются самымъ человѣкомъ, безъ помощи домашнихъ животныхъ; навѣрное, и три четверти грузовъ переносятся носильщиками на своихъ плечахъ. Наконецъ, о низкомъ уровнѣ культуры свидѣтельствуетъ уже полное отсутствіе дорогъ, если не считать выючныхъ тропинокъ; мы 4 мѣсяца шли по Кореи и не встрѣтили ни одной повозки: колеса совершенно не извѣстны въ глубинѣ Кореи.

Обрабатывающая промышленность Кореи не выходитъ изъ области грубыхъ и аляповатыхъ кустарныхъ подѣлокъ, которыя не могутъ идти въ сравненіе съ тонкими и полными вкуса и изящества издѣліями Японіи и Китая. Лучшими изъ продуктовъ промышленности Кореи являются различные сорта бумаги, приготовляемой изъ волоконъ бумажнаго дерева, тогда какъ ткани и издѣлія изъ глины и металловъ очень грубы и первобытны. Достаточно сказать, что въ одномъ изъ монастырей я видѣлъ монаха, который брился мѣдной бритвой, какъ доисторическій человѣкъ бронзоваго вѣка!

Торговля, хотя и развита въ Корей, но сильно стѣснена отсутствіемъ путей сообщенія и нелѣпостью денежной системы, при которой 100 рублей приходится везти на двухъ лошадяхъ.

Экономическое положеніе страны, при такой малой ея культурности, естественно, не можетъ быть благопріятнымъ,—тому способствуетъ, разумѣется, также неупорядоченность ея внутрен-

ного управленія и господство въ ней полнаго произвола, а также и алчность чиновниковъ, выжимающихъ соки населенія.

Вполнѣ понятно, что такимъ положеніемъ страны не могли не воспользоваться ея восточные сосѣди, столь изумительно быстро воспринявшіе европейскую культуру—японцы. Съ давнихъ поръ, еще съ XVI столѣтія, пыталась Японія завоевать Корею, но попытки ея покорить эту страну огнемъ и мечомъ оканчивались неудачей. Теперь новая, культурная Японія научилась отъ своихъ европейскихъ учителей завоевывать иными путями. Въ настоящее время такое постепенное завоеваніе Кореи Японіей происходитъ у всѣхъ на глазахъ—на экономическомъ поприщѣ. Всѣ портовые города Кореи заняты японцами, учредившими тамъ обширныя торговыя колоніи; въ столицѣ Кореи также живетъ нѣсколько тысячъ японцевъ, вся виѣшняя торговля—въ японскихъ рукахъ, и по всей Корей можно найти японскіе товары. Корейскій телеграфъ и виѣшнія почтовые сношенія находятся въ вѣдѣніи японцевъ; единственная пока корейская желѣзная дорога, отъ Сеула до Чемульпо, принадлежитъ японцамъ, и японцы же строятъ вторую желѣзную дорогу, отъ Сеула на Фузанъ; японскіе пароходы обслуживаютъ корейскіе порта. Внутри страны, гдѣ не разрѣшено селиться японцамъ на законномъ основаніи, они въ достаточномъ количествѣ поселяются подъ видомъ агентовъ, слѣдящихъ за исправностью телеграфа, и даже, благодаря подкупности чиновниковъ, приобрѣтаютъ недвижимую собственность. Японцы же являются инструкторами обучающагося нынѣ на европейскій манеръ корейскаго войска. Наконецъ, Корея является одною изъ немногихъ державъ, въ которой сосѣднее государство содержитъ свое войско: во всѣхъ портовыхъ городахъ Кореи и даже въ самомъ Сеулѣ содержатся постоянныя и довольно значительныя японскія военныя силы—„на всякій случай“!

Надо ли говорить, что во всѣхъ торговыхъ сношеніяхъ японцы являются эксплуататорами, а корейцы эксплуатируемыми? Въ Корею сбывается изъ Японіи весь мануфактурный японскій товаръ плохого качества; Корея наводняется серебряными деньгами, вышедшими въ Японіи изъ употребленія, а корейскіе мѣдные кэши старинной чеканки, содержащіе въ небольшомъ количествѣ золото и серебро, вывозятся въ Японію, и тамъ благородные металлы изъ нихъ выплавляются. Годъ тому назадъ одинъ изъ частныхъ японскихъ банковъ выпустилъ въ Корей кредитные билеты, и Японія хотѣла дипломатическимъ путемъ, даже при помощи военной демонстраціи, заставить Корею признать ихъ,—лишь энергичный протестъ другихъ державъ спасъ Корею отъ этой непрошенной услуги. Наконецъ, нерѣдко корейское правительство вовлекается во всевозможныя рискованныя финансовыя операціи, выгодныя для Японіи, вроде выпуска

никкелевыхъ денегъ, на которыхъ Корея потеряла изрядную сумму.

Само собою разумѣется, что при такомъ хозяйничаньи въ странѣ японцы отнюдь не пользуются симпатіями населенія: между ними и корейцами постоянно возникаютъ недоразумѣнія, нерѣдко доходящія до вооруженныхъ столкновѣній. Оканчиваются они, однако, почти всегда наказаніемъ „виновныхъ“ корейцевъ.

Не пользуется Японія симпатіями и со стороны центрального правительства, но оно такъ слабо и безпомощно, а отдѣльные министры такъ подкупны и такъ часто мѣняются, что Корей не справиться со сплоченной и хорошо организованной японской пропагандой.

Если спросить теперь—что сдѣлали для сближенія съ Кореей на экономическомъ поприщѣ другіе ея сосѣды, русскіе, къ соперничеству которыхъ очень ревниво относятся японцы, то придется отвѣтить—почти ничего.

Наши торговые сношенія съ этой страной совершенно ничтожны—главнымъ продуктомъ является скотъ, отправляемый изъ Гензана во Владивостокъ. Наши товары въ Корей почти неизвѣстны; нашихъ коммерсантовъ тамъ нѣтъ и помину. Наши пароходы лишь съ недавняго времени стали болѣе или менѣе регулярно посѣщать корейскіе портовые города. Купленная въ Мозампо русскимъ правительствомъ земля пустуетъ. Полное отсутствіе у насъ частной предпримчивости и инициативы сказывается здѣсь, какъ и вездѣ.

Былъ моментъ, когда русская дипломатія имѣла возможность получить въ Корей преобладающее вліяніе, но этотъ моментъ былъ безповоротно пропущенъ. Если прибавить, что русское общество къ тому же почти незнакомо съ Кореей, то получится достаточно рельефная картина результатовъ нашего сближенія съ этимъ государствомъ за послѣднее десятилѣтіе.

П. Ю. Шмидтъ.

Б А Б Ы.

«Не все между мужчинами
Отыскивать счастливаго»...

Некрасовъ. Кому на Руси жить хо-
рошо.

Была половина августа. Послѣ двухъ недѣль холоднаго, безпросвѣтнаго дождя выглянуло солнце, тоже холодное, но ясное. Деревня оживилась и бросилась въ поля, гдѣ еще стояла въ снопахъ рожь, ждалъ жатвы овесъ, поспѣлъ ленъ.

Деревня Выркино съ утра опустѣла, точно вымерла; на ея широкой улицѣ не было видно ни души. Жидкая желтоватая грязь покрывала ее отъ края до края, и только около самыхъ избъ было какое-то подобіе тропинки. Пронизывающій вѣтеръ колыхалъ пестрое тряпье, развѣшанное по заборамъ и крутилъ желтыя листья старыхъ березъ, точно случайно уцѣлѣвшихъ у нѣкоторыхъ дворовъ.

Было часовъ шесть, когда изъ одной избы вышла дѣвочка лѣтъ восьми съ круглыми сѣрыми глазками и бѣлыми кудрями, выбившимися изъ-подъ сѣраго байковаго платка, покрывавшаго ея голову. Рваный овчинный тулупъ, съ непомѣрно длинной таліей, доходилъ ей почти до пятокъ; ноги были босыя, сѣрыя отъ грязи. Она держала подъ тулупомъ какой-то свертокъ, изъ котораго неслись хриплые, отрывочные звуки.

Дѣвочка взглянула направо и налево и степенно пошла къ бревнамъ, сложеннымъ почти посреди улицы. Она знала, что увидя ее на бревнѣ, и другія дѣвченки, такія же няньки, какъ она—вылѣзутъ изъ избъ и придутъ къ ней. Эти бревна были все лѣто мѣстомъ сборища всѣхъ дѣвочекъ; сегодня даже и нянекъ погнали въ поле работать, остались только очень маленькія или съ нездоровыми дѣтьми.

Дѣвочка сѣла на бревно, поджала мокрыя ноженьки подъ тулупъ и принялась качать вверхъ и внизъ лежащій подъ полонъ свертокъ. Черезъ минуту къ ней подошла другая дѣ-

вочка, черненькая, худенькая, съ маленькими карими глазками. Она высоко держала на лѣвой рукѣ здороваго мальчика, закутаннаго въ пестрое одѣяло изъ разноцвѣтныхъ треугольныхъ лоскутовъ.

— Наська! Чего ты вылѣзла въ такую стужу? — сказала она, еще не доходя до бѣленькой дѣвочки.

— Скушно больно въ домѣ-то... Баушка кряхтитъ все...

Черезъ улицу къ нимъ пробирались еще двѣ няньки съ дѣтьми на рукахъ. Одна чернобровая и некрасивая, другая—рыжая, вся въ веснушкахъ, съ веселымъ выраженіемъ маленькаго личика. Чернобровая была босая, а рыженькая въ валенкахъ; на обѣихъ были черныя ватныя пальто—„дипломаты“. Онѣ едва вытягивали ноги изъ липкой, жидкой грязи.

— Глянь-ко, глянь,—сказала Настя, показывая на дѣвочекъ,—Катюшка-то валенки завязила...

Рыженькая дѣвочка стояла посреди дороги съ разѣхавшимися ногами и звонко хохотала. Валенки ея засосало грязью, и она не могла двинуться.

— Мареушка! возьми ребенка, я разуюсь,—сказала она, какъ только прошелъ приступъ смѣха.

Чернобровая взяла на правую руку своего ребенка, подъ лѣвую подхватила дѣвочку, которую ей сунула рыженькая, и, смѣясь и спотыкаясь, подошла къ бревнамъ.

— Ой, батюшки—заморилась!—сказала она и положила ребятъ прямо на землю...

— Холодно,—замѣтила ей дѣловымъ тономъ Настя.

— Градъ выпаль,—авторитетно заявила чернобровая Мареуша.

— Ну?—съ недовѣріемъ протянули дѣвочки.

— Дядя Максимъ сказывалъ: во какой, съ кулакъ... Въ Топоровѣ бабы ледники понабивали,—прибавила Мареуша.

Изъ-подъ полы Настинаго тулупа что-то пискнуло и рывкнуло. Дѣвочки расхохотались.

— Чудно больно фырчить твой Сенька!

Настя тоже разсмѣялась, но сейчасъ же серьезно сказала:

— Боленъ онъ дуже... Горить и горить.

Но ея заявленіе не нашло сочувствія; къ бревнамъ подходила Катюшка съ грязными валенками въ рукахъ, и дѣвочки встрѣтили ее веселыми шутками. Она взяла на руки свою сестренку, посаженную Мареушкой на землю, и ворчливо сказала:

— Застудишь ты мнѣ Леньку, что тогда дѣлать? Она и такъ у насъ чуть жива...

Мареушка тоже взяла на руки своего ребенка и всѣ че

тыре дѣвочки усѣлись рядомъ на бревнѣ, какъ птицы на заборѣ. Говорить имъ было не о чемъ, и онѣ долго сидѣли молча.

— Холодно!—опять сказала Настя.

Никто не отвѣтилъ ей.

— Баушка нынче всю ночь кряхтѣла,—проговорила она.

— Чего жъ ей еще дѣлать?—не кстати замѣтила рыжая Катя.

Опять всѣ замолчали. Только изъ подъ Настиной полы неслись все тѣ-же хриплые всхлипыванья, да ребенокъ на рукахъ Мареуши жалобно плакалъ.

— Скушно сегодня что-то, сказала--Катя.—Давайте игру какую заведемъ...

— По грязи-то?

— А ребята гдѣ?

— На рѣкѣ всѣ... Рыбу ловятъ... Слышь?

Изъ-за избъ, изъ-подъ горы, съ рѣчки донесся взрывъ дѣтскаго смѣха.

— Занятно!—сказала веселая Катя.—Наська! поддержи Леньку, я сбѣгаю посмотреть,—обратилась она просительно къ Настѣ.

— А моего куды я дѣну?—спросила та.

— Лизка! Тащи сюда сѣдулку, я пока посмотрю за Петькой,—сказала Катя худенькой, черненькой дѣвочкѣ.

Та быстро положила свой пестрый свертокъ на землю и побѣжала къ избѣ.

Черезъ минуту она везла за собою деревянный ящикъ на четырехъ колесикахъ и съ торжествующимъ видомъ подкатила его къ бревну. Катя сейчасъ же сунула туда своего ребенка—золотушную дѣвочку, лѣтъ двухъ; Настя вынула изъ подъ-полы худого, едва прикрытаго мальчика съ краснымъ лицомъ и красными глазами.

— Куда ты?—крикнула на нее Лизка и оттолкнула ее локтемъ.—Для тебя, что ли, припасено?

И она подхватила пестрый свертокъ съ земли, сунула его въ ящикъ, рядомъ съ Катиной дѣвочкой, подмигнула Катѣ и бросилась съ нею бѣжать къ рѣкѣ. Чернобровая, некрасивая Мареуша степенно посадила своего ребенка на землю, у ящика, и побѣжала за подругами. Ребенокъ широко раскрылъ глаза и ротъ, ничего не понимая; потомъ вдругъ рывкнулъ и залился громкимъ ревомъ; за нимъ закричала золотушная дѣвочка Лизы, и сейчасъ же сталъ орать во все горло свертокъ въ пестромъ одѣялѣ. Настя посидѣла, посмотрѣла по сторонамъ, засунула опять за пазуху своего едва прикрытаго брата, закуталась поплотнѣе въ тулупъ и тоже побѣжала за дѣтьми.

Стальная лента рѣки перерѣзывалась, подѣ самой деревней, каменными отмелями. Большіе камни были сдвинуты въ линію отъ одного берега до другого и служили для перехода. Здѣсь теченіе рѣки немного задерживалось и пригоняло мелкую рыбу подѣ камни. Любимымъ занятіемъ деревенскихъ ребятшекъ было ловить эту рыбу руками.

И въ этотъ холодный августовскій вечеръ, шестеро мальчиковъ, въ засученныхъ выше колѣнъ штанишкахъ, босые, съ посинѣвшими ногами и руками, весело шагали по мелкой водѣ, осторожно ступая по каменистому дну. Сверхъ рубашекъ у нихъ были надѣты тулупчики или теплыя ватныя куртки.

— Стой, братцы! Добыча!—сдерживая радость, проговорилъ одинъ изъ нихъ—Мишка, запуская руку подѣ камень.—У какой!

— Кого—ты?—стараясь казаться равнодушнымъ, спросилъ Сережа, мальчикъ лѣтъ восьми, съ краснымъ носомъ и съ торчащими изъ-подѣ громаднаго картуза ушами.

— Огольца!

— Ну ты!—съ презрѣніемъ сказалъ Сережа.—Оголецъ!.. У меня вотъ пискаръ...

Мальчики оживились.

— Пискаръ?

— Не живой поди!—поддразнилъ его Мишка.

— Да!.. Не живой!..—обиженно проговорилъ Сережа.—Такъ и летаетъ!.. Не живой!. Ванька! Давай кувшинъ...

Ванька лѣтъ пяти, пузатый, краснощекаій мальчикъ сидѣлъ на одномъ изъ большихъ камней съ высокимъ глинянымъ кувшиномъ, въ которомъ уже плескалось нѣсколько рыбокъ. Онъ, широко разставляя свои посинѣвшія ноги, побрелъ по колѣно въ водѣ къ Сережѣ, котораго окружили другіе мальчики.

— Вѣрно—пискаръ,—заявилъ Петька.

— Давай его сюда,—сказалъ Ванька.—Ему у меня охотнѣе будетъ...

— Бери моего то,—крикнулъ ему Мишка, зажавъ въ кулачекъ какую то рыбку.

— Оголецъ!—съ презрѣніемъ сказалъ Сережа.

— Да онъ не плаваетъ,—сконфуженно сказалъ Ваня.—Миша! Онъ поверху остался...

Миша, дѣлая видъ, что поймалъ еще какую то рыбку, небрежно отвѣтилъ:

— Ничего! отоплется—поплыветъ!

— Голавликъ! Ей Богу, голавликъ!—съ замираніемъ проговорилъ Петька,—а-агромный!

— Болѣ мово?—не поворачиваясь къ нему спросилъ Мишка.

— Ну! Въ пять разъ!..

Всѣ мальчики, кромѣ Мишки, бросились къ нему. Петька разжалъ руку, что то блеснуло въ воздухъ и шлепнулось въ воду. Всѣ громко расхохотались. Расхохотались и дѣвочки, стоявшія на берегу.

— Вы чего тутъ?—крикнулъ на нихъ Петька.

— Мы посмотрѣть,—весело заявила Катя.

— Посмотрѣть?! А ребятъ куда дѣли? Свинымъ скормили?—накинулся на нихъ Мишка.—Няньки!

— Лизка, гдѣ Дуняшку бросила?—закричалъ Петька.—Вотъ ужъ матери скажу, достанется тебѣ на орѣхи...

— До вторыхъ вѣтчиковъ не забудешь,—прибавилъ Сережа. Чего вамъ тутъ смотрѣть? Не вашего ума это дѣло. Убирайтесь!

— Убирайтесь, говорятъ вамъ,—властно крикнулъ Петька.

— Няньки!!

Дѣвочки молча побѣжали навверхъ, по крутому глинистому обрыву. Дѣти, брошенные въ деревнѣ, заботили ихъ самихъ. Изъ деревяннаго ящика на колесикахъ неся отчаянный плачь. Мареушинъ мальчикъ уже не кричалъ, а только хныкалъ.

Дѣвочки быстро расхватили дѣтей и стали ихъ качать, разговаривая о своемъ.

— Онъ совралъ!—сказала Катюша.

— Кто?

— Да Петька! Не головликъ былъ, а плотвичка.

— А ужъ ты рассмотрѣла?—обиженно сказала Лизка, сестра Пети.

— И рассмотрѣла!..

— Сама-то ты соврала,—сердито проговорила Лизка.

Хоть Петька и крикнулъ на нее, и пригрозилъ пожаловаться матери, но у нея было къ нему особенное чувство боязливаго уваженія, какое часто бываетъ у сестеръ къ братьямъ.

— Соврала, соврала!—ворчала Катя.

Солнце уже спустилось низко и стало холодное, свѣтло-золотое.

Дѣвочки сидѣли на бревнѣ съ застывшими лицами. Только рыженькая Катя все улыбалась чему-то!

— Споемъ пѣсню, что ли?—предложила она.

— Запѣвай, Мареушка...

— Не хотца что-то...

— Ну, чего не хотца? запѣвай!..

Шель я верхомъ, шель я низомъ,
У милашки домъ съ карнизомъ,—

запѣла Мареуша съ серьезнымъ выраженіемъ лица.

У милашки огонекъ,
Она кушаетъ чайкъ!

подхватила Катя пискливымъ голосомъ.

Другія дѣвочки молчали.

— Чего же вы не поете?—сердито спросила ихъ Мареуша.

— Холодно!—отвѣтила Настя.

Пѣсня оборвалась. Лизка громко и протяжно зѣвнула.

— Никакъ Прибытковская барыня идетъ?—оживленно сказала Катя.

— Она и есть,—обрадованно отвѣтила Мареуша.

Вдали показалась длинная фигура, вся въ черномъ.

— Барыня, барыня!—радостно проговорили и другія дѣвочки.

— Въ такую-то грязь!.. Батюшки!

— Чего она всегда одна ходитъ?

— А то съ кѣмъ же? Баринъ въ Москвѣ все... Ей скушно, она и ходитъ...

— И чего ей скучать? У ней однихъ зонтиковъ—пять штукъ,—заявила Настя.

Барыня шла быстро, на сколько позволяла жидкая грязь, облѣпляющая ея высокіе сапоги—мужского фасона.

— Куды это она?

— Не къ баушкѣ ли? Баушка была въ Прибытковѣ, за порошками ходила, да барыню и не видала, лежала: сказали, барыня-то, головой маялась,—проговорила Настя, неистово качая расплакавашагося подъ тулупомъ ребенка.

Барыня услышала дѣтскій крикъ и прямо пошла на него. Дѣвочки съежились и притихли.

— Гдѣ здѣсь Арина Ѳедотова живетъ?—привѣтливо спросила барыня.

— Это у насъ,—почти шепотомъ произнесла Настя, точно виноватая.

— Гдѣ, у васъ?

Настя сконфузилась и не отвѣчала. Мареуша отвѣтила ва нее:

— Это ейная баушка... Вонъ изба съ красными ставнями.

— Бабушка больна?—ласково спросила барыня.

— Шибко больна,—прошептала Настя.

— Что же съ нею?

Настя молчала, опять заговорила бойкая Мареуша.

— Кто-жъ ее знаетъ? Давно она такая...

Барыня присѣла на бревно, дѣвочки оживились. Онѣ переглядывались и усмѣхались.

— Гдѣ же народъ весь?—спросила барыня.—Въ полѣ?

— Всѣ въ полѣ,—отвѣтила рыженькая Катя и неожиданно прибавила:

— А къ Микишинымъ сегодня ночью сваты прѣдутъ за Агаѳей!

— Зачѣмъ же ночью?—спросила барыня.

— Да вѣдь Агаѳею чуть свѣтъ повезутъ... Послѣ заутрени вѣнчанье-то! Надо поспѣть.

— А куда ѣхать?

— Въ Макарово!.. Верстѣ двадцать, а то и поболѣ... Агаѳея-то плачетъ! Пошла нонче на гумно, да какъ бросится на токъ, да заголоситъ!..

— Развѣ за плохого выходить?

— А кто жъ его знаетъ? Она и не видала его ни разу... Фабричный онъ... Въ Москвѣ живетъ...

— А вонъ и Агаѳея идетъ,—объявила Мареуша.—Видно, раньше съ работы отпустили...

По дорогѣ шла, едва волоча ноги, дѣвушка лѣтъ двадцати, рослая, широкоплечая, но очень блѣдная.

— Агашъ!—крикнула Мареуша.

Дѣвушка остановилась, тупо взглянула въ сторону дѣтей, увидѣла барыню и нерѣшительно подошла къ ней.

— Здравствуй,—привѣтливо сказала барыня...—Говорятъ, ты завтра вѣнчаешься?

— Да,—вяло отвѣтила Агаѳея.

Глаза у нея совсѣмъ запухли отъ слезъ, и все лицо было точно водой налитое и какое-то остановившееся, точно она ничего не понимала, ничего не чувствовала.

— Ты рада?—спросила барыня.

— Ничего... Рада...

— А ты его любишь?

— Кого это?

— Жениха твоего...

— Люблю?! Да я и не видала его...

— Не видала, а выходишь за него?

— Выдадутъ, такъ и выйдешь... Насъ не спросятъ, разговаривать много не дадутъ...

Все это она говорила апатично, точно не про себя.

— Агафья!—горячо сказала барыня.—Вѣдь ты вольный человѣкъ,—если не захочешь, никто тебя не посмѣетъ принудить...

— Эка, сказали!—съ насмѣшкой въ голосѣ проговорила дѣвушка.

— Конечно, не посмѣетъ!.. Какъ же это случилось?

— Какъ у людей, такъ и у насъ... Приѣхали сваты: такъ и такъ, у васъ товаръ, у насъ купецъ... Парень молодой, двадцатый годъ пошелъ, женить пора, да опять въ Москву, на фабрику... Мать у него больная, работать-то некому...

— Такъ тебя берутъ въ даровыя работницы?—спросила барыня.

Агаея точно не поняла ея вопроса или не придала ему значенія. Она все тѣмъ же ровнымъ голосомъ продолжала:

— Родители промежъ себя сговорились, да и по рукамъ... Знать такъ надо!.. Отъ Бога, видно, это...

Барыня смотрѣла на нее и чуть не плакала. Агаея молчала. Дѣвочки весело переглядывались между собой.

— Повезутъ нашу Агашу ночью, съ бубенчиками, на парѣ,—сказала Мареуша.

— Зачѣмъ же такъ рано?

— Дешево, вишь, дають за вѣнчанье, такъ и притѣсняютъ... Подороже заплатишь—позже обвинчаютъ...—сказала Агаея, и вдругъ ея лицо какъ-то заходило, задержалось, она болѣзненно всхлинула и отвернулась.

— Агаея!—опять воскликнула барыня,—откажись, пока есть время. Иди ко мнѣ въ усадьбу, у меня дѣло для тебя найдется...

— Нѣтъ ужъ... зачѣмъ?.. Все равно гдѣ работать... Видно, Богу такъ угодно... Зачѣмъ ужъ...

И опять лицо у нея задержалось, она низко поклонилась и тяжелыми, усталыми шагами пошла по грязи, къ своей избѣ.

— Наська! А Наська!—раздался хриплый, старческій голосъ.

Дѣвочка вскочила. Прямо на нее шла сгорбленная, сухая старуха, въ тулупѣ, въ большомъ тепломъ платкѣ на головѣ и въ валенкахъ.

— Наська! Бога ты не боишься! Рабенка заморозишь... Ступай въ избу!..

— Баушка, барыня къ тебѣ пришла,—заискивающимъ голосомъ проговорила дѣвочка, подбѣгая къ старухѣ.

— Ахъ ты матушка! Родимая наша! Сама пришла!

Старуха поплелась къ барынѣ, тяжело волоча валенки по липкой землѣ.

— Сама пришла!

— Мнѣ сказали, что я нужна тебѣ... Что съ тобой?

— Больна я, барыня, дюже больна...

— Да я не докторъ... Я всѣмъ вамъ толкую, что не умѣю я лѣчить и не могу... Помочь, чѣмъ возможно, всегда рада, а если ты сильно больна—надо, Арина, доктору показаться...

— Ты вонъ какъ Егорову бабу-то вылѣчила,—перебила ее старуха.—Совсѣмъ, было, помирать собралась, ни рукой, ни ногой... А теперь, смотри, въ полѣ, въ работѣ: здороваго пять разъ обѣжить...

Она грузно опустилась на бревно, рядомъ съ барыней. Ея худое изможденное лицо напоминало иконы стараго письма. Сухой носъ съ рѣзко обозначеннымъ горбикомъ, большіе глаза въ коричневыхъ кругахъ, узкій окладъ лица, говорили о былой красотѣ. Крѣпкіе зубы желтѣли изъ-за темныхъ, сморщенныхъ губъ.

Дѣвочки притихли и остались тутъ же. И Настя не пошла въ избу, а только плотнѣе закрыла ребенка, хныкающаго подъ полой ея тулупа.

Старуха громко кряхтѣла.

— Что же съ тобой?—спросила ее барыня.

— Грызъ во мнѣ, матушка, вотъ что... Замучила она меня въ конецъ...

— Гдѣ болить-то?

— Да не умѣю я объяснить... По ночамъ въ грудь подваливаетъ и въ бока отдаетъ.. И нѣтъ, и нѣтъ мнѣ покою... А встану—сейчасъ она въ животъ уйдетъ...

— Кто она?

— Грызъ-то эта самая... Уйдетъ она въ животъ, ходитъ, ходитъ по животу-то, потомъ сюда привалитъ и начнетъ биться, колтыхаться, словно голубенокъ...

И она показала на желудокъ.

— А ѣсть можешь?

— Аpekитy большого нѣтъ... Пойла употребляю много, а на счетъ пищи... Не очень, чтобы...

— Все-таки ѣшь чтонибудь?

— Пищу-то?... Ымъ, какъ не ѣсть?... Только—я ее ѣмъ, а она меня...

Старуха опять жалобно закричала. Дѣвочки пытливо смотрѣли на барыню. Ребенокъ на рукахъ Марѳуши весь раскрылся, но она не замѣчала этого.

— Вотъ что, Арина,—наконецъ, сказала барыня.—Приходи ко мнѣ въ пятницу... Ко мнѣ по пятницамъ докторъ ѣздитъ, всѣхъ моихъ больныхъ осматриваетъ... Я и тебя покажу...

— Нѣтъ, уволь, матушка... Не надо мнѣ доктора,—испуганно проговорила старуха.

— Почему же?

— Ну ихъ! Всю жизньъ безъ нихъ прожили, неужто помереть безъ нихъ не сумѣемъ?... Дотянемъ какънибудь... Ты мнѣ дай тѣхъ сладкихъ порошковъ, что Егоровой Аксиньѣ давала.

— Да у тебя не та болѣзнь... У нея ревматизмъ въ ру-

какъ и ногамъ былъ, а у тебя—я не знаю что... Нужно доктору показаться.

— Ну его!... — опять съ испугомъ проговорила Арина. — Нешто докторъ поможетъ? Ты вонъ, говорятъ, какъ кровь-то заговариваешь! Ивашкина молодуха всю ладошку себѣ серпомъ своротила, чуть кровью не изошла... Ты повертѣла, повертѣла, и мигомъ все зажило...

Барыня разсмѣялась.

— Ничего я не вертѣла, промыла рану, натянула на прежнее мѣсто кожу и привязала кровоостанавливающей ваты... Понимаешь: такая вата въ аптекахъ продается, кровь унимается...

Старуха смотрѣла на нее съ недовѣріемъ и молчала.

— Кровь заговорить нельзя,—продолжала барыня.—Неужели ты этого не понимаешь?

— Что мы понимаемъ?—грустно сказала Арина. — Темныя мы, совсѣмъ темныя, барыня!

— Кто „мы“?

— Бабы, вотъ кто! Самыя мы послѣднія творенья! Что съ насъ спрашивать? Нешто мы люди?

И она внезапно оживилась, забыла про свою „грызъ“, встала и, глядя въ упоръ на барыню, сказала:

— Ничего-то мы не знаемъ, ничего не видимъ, не слышимъ... Чисто: слѣпые—глухія!.. Неужто и въ вашемъ словіи бабы такія же темныя?..

— Теперь и у васъ дѣвочекъ учатъ наравнѣ съ мальчиками.

— Учатъ?! Читатъ—писать выучатъ, а она къ двадцати годамъ и забыла все... Словно и вѣкъ не училась... И книжки то не увидитъ никогда... Не бабьяго ума, видно, это дѣло. Да что говорить! Только я хочу знать: неужто и у васъ бабѣ такая же каторжная жизнь, какъ въ нашемъ сословіи?

— Неужели ты не видала счастья?—уклончиво отвѣтила ей барыня.

— Да развѣ я о себѣ? Про меня что говорить! Хуже моей жизни бываетъ... Я о нашей сестрѣ говорю, о бабѣ, а не о себѣ... Ужъ мнѣ-то недолго... Вотъ ихъ всѣхъ мнѣ жалко.

И она любовно погладила Настю по лицу со лба къ подбородку.

Солнце сѣло въ тучу и сразу сдѣлалось мрачно и сыро. Дѣвочки съежились, поджали ноги и сидѣли точно придавленные. Барыня тоже поплотнѣе закуталась въ свою черную накидку. Одна старуха ничего не замѣчала, она опять сѣла

на бревно и заговорила, не торопясь, уставивъ глаза куда-то вдаль.

— Я свою жистъ такъ же начинала, какъ и Наська... Съ шести лѣтъ—нянькой... У родителейъ насъ шестеро ребятъ было... Потаскала я ихъ на рукѣ до сыта... По шешнадцатому году отдали меня сюда, въ Выркино,—я-то Макаровская,—отдали за вдовца, при двухъ дѣвченкахъ... Ужъ и поплакала я тутъ!.. Господи!.. Огневая я была, да не на радость! Мужъ тоже попался горячій. Вотъ и сошлась метель со вьюгой... Хорошаго мало вышло изъ этого... Дулъ онъ меня до полусмерти... Не хотѣла я ему покориться... Глупа была, молода!.. Ужъ и билъ же онъ меня.

Она умолкла; дѣвочки не сводили съ нея глазъ и слушали съ испуганнымъ благоговѣніемъ. Дѣти притихли, должно быть, задремали.

— За что же билъ?—спросила, наконецъ, барыня, подавленная и голосомъ, и всѣмъ видомъ этой больной старухи.

— За что?! За все... Пуще всего — за волю... Не хотѣлъ мнѣ воли давать... И дѣлай, и говори, и живи — какъ онъ прикажетъ... А я все напротивъ, бывало, тоже хочу свою волюшку показать... Ну, и бьетъ... А потомъ пошли дѣти, не до воли... Семеро ихъ у меня было, троихъ схоронила... И муки, и слезъ довольно я съ ними приняла... Умирала два раза—двумя старшими... Тутъ я ужъ и смирилась, не до воли стало... Извели дѣти меня... Да съ падчерицами повозила не мало.

— Гдѣ же онъ теперь? Мужъ гдѣ?

— Мужъ давно на погостѣ... Годовъ тридцать ужъ отдыхаетъ!

Арина перекрестилась большимъ крестомъ.

— Падчерицы замужъ выданы верстъ за сорокъ отсюда. Своихъ дочекъ тоже отдала замужъ, сама съ двумя сынами осталась... Да и не вижу ихъ почесь... Двѣ снохи со мной и ребятишки ихъ. Одна внучка ужъ замужемъ, да двѣ невѣсты дома, да вотъ Наська съ Сенькой.

Она ласково посмотрѣла на дѣвочку.

— Сенька у насъ одинъ мужикъ въ избѣ, — пошутила она. — А то все бабы, все—горюхи.

— Эти ужъ не испытаютъ того, что испытала ты, — сказала барыня. — Теперь не то время...

— Время? Время все одно... Прежде, говорятъ, лучше было. Мой тятенька сказывалъ, что въ его-то время, какъ хорошо было: мѣсяць-то, бывало, выйдетъ аграмадный, чуть не въ полъ-неба, а теперь что? Съ тазъ, не болѣ!.. Только я ужъ не помню, когда лучше было, для насъ, бабъ,—все одно.

— Теперь бить не позволяют...

— Кого это? И кто может воспретить мужу побить жену? Не то вы говорите, матушка-барыня... И бьют! Вот даже, какъ бьют! Не хуже насъ, да на это баба и не обижается. Ты побей,—да пожалѣй!.. А кто насъ жалѣетъ? Кто о насъ думаетъ? Живемъ, можно сказать, какъ кошки... Что кошка, что баба,—все одно!..

Рыженькая Катя громко разсмѣялась, Лизка дернула ее за платье.

Старуха ничего не замѣтила и продолжала все тѣмъ же глухимъ, глубокимъ голосомъ.

— Возьмите, къ примѣру, у меня: два сына, женаты, обѣи снохи со мной живутъ... Бабенки хорошія, ничего... Бабы, какъ бабы... Дарья—прямо сказать—красавица. А много онѣ мужьевъ-то видятъ? Придутъ изъ города на сѣнокосъ, косами да граблями побалуются и опять въ городъ. А баба справляйся здѣсь, какъ хочешь: и съ ребятами, и съ пода-тами, и съ землей. Сами знаете, какъ въ нашихъ мѣстахъ: баба и вспаши, и посѣй, и сожни, и смолоти... А домой придетъ—дѣти! Тотъ кричитъ, этого накорми, того уму-разуму научи... У Дарьи четверо, вотъ эти младшенькія...

Она показала на Настю съ Сенькой.

— Съ каждымъ помучилась довольно... Безъ повитухи справлялась. А на третій день уже въ полѣ... Заставить бы мужика такъ!.. Запѣлъ бы!

Она безнадежно махнула рукой

— Хоть она и сноха мнѣ, а прямо скажу—жисть ея трудная, вотъ какая трудная... А еще тутъ старшая сноха сдурѣла... И что съ ней подѣлалось—понять мудрено... Хотѣла къ тебѣ идти порошокъ просить, да постыдилась...

— А что же съ ней?

— Лошадь убила ее въ грудь... Это до Святой еще было... И стала она какая-то чудная, въ родѣ какъ порченая... Работаетъ, работаетъ, да вдругъ зареветъ, руки—ноги затрясутся, вся позеленѣетъ и вопить: „Батюшки! душа съ тѣломъ разстается“!.. И одна у нея мечта, что помретъ скоро! Сама здоровая и ѣстъ вволю, а какъ заладитъ: „Помру и помру“. А то начнетъ причитать: „Люди будутъ по землѣ ходить, пѣсни играть, Троица придетъ, нарядятся всѣ, цвѣты... А я—лежи подъ землей недвижима“... И такъ ей обидно станеть, заплачетъ... Иной разъ согрѣшишь—крикнешь на нее: „Ну и помрешь, всѣ помирають, два вѣка никто не живетъ“!.. Она стихнетъ, въ работу бросится, пѣсню затянетъ, а и въ пѣснѣ слышно, какъ скука-то ее одолеваетъ. По ночамъ тоже все плачетъ... Крикнешь на нее: „Спи! Людямъ покою отъ тебя нѣту“!—Она опять за свое: „Боюсь,

боюсь! Лѣзетъ мнѣ въ глаза, какъ я помру и подѣ землей лежать буду, а люди будутъ по землѣ ходить, Троица придетъ...”

Дѣвочки разсмѣялись, Арина посмотрѣла на нихъ, покачала головой и продолжала:

— Жаль бабу, да ничего не подѣлаешь. Взглянуть на нее—она баба видная, а все хнычетъ, да стонетъ... И такъ она Дарью изводитъ—смерть.

— А ты зачѣмъ позволяешь?

— Какъ-же не позволишь-то? Когда я работала—могла не позволять... Теперь я—что? Только мотаешься на свѣтѣ, не живешь и не умираешь... Какъ имъ не позволишь?—теперь онѣ меня кормятъ... Спасибо имъ, бабочки хорошія, и жалко ихъ больно!

— Лѣчить ее надо,—сказала барыня, преслѣдуя свою излюбленную мысль.

— Ужъ чего съ ней не дѣлали? И святой водой вспрскивали, и тараканами наговоренными кормили, и въ прорубь опускали... Ничего лучше нѣтъ! Да пока работа—все еще можно жить. Работа для насъ, бабъ, спасенье! А вотъ зима придетъ—ложись и помирай! Ночь-то длинная, сугробы до крыши, занесетъ насъ, вѣтеръ воетъ, холодно... Сидимъ по избамъ, закопаныя; чисто погребеніе приняли... Вотъ когда бабъ—смерть... Говорить не объ чемъ, радоваться нечему... Ничего никто не знаетъ... Прямо живьемъ погребенныя... Вотъ тутъ и начинается свара, руготня... Языки-то чешутся... Сноха на свекровь, свекровь на сноху, всѣ другъ на дружку... И все вѣдь отъ скуки нашей бабьей... Гляньте,—въ любой деревнѣ—одно увеселеніе для бабъ—ругаться... Соберутся на улицѣ, либо у колодца и давай кричать... Да вѣдь стараемся какъ бы покрѣпче облаять, да уязвительнѣе... И по избамъ также...

Она тяжело вздохнула. Барыня съ ужасомъ глядѣла на нее, въ ея головѣ вдругъ нарисовалось безконечное количество деревень среди сугробовъ, тысячи избъ съ крошечными замерзшими оконцами—и въ каждой изъ нихъ стоны, слезы, скука, злоба, безпросвѣтный мракъ... Она вся похолодѣла, а старуха продолжала:

— И что это, матушка, въ меня какая жалость вошла... И себя-то мнѣ жалко, и всѣхъ бабъ жалко, вотъ начиная съ этихъ...

И она указала на дѣвочекъ, смирно сжавшихся на бревнахъ со своими питомцами.

Со стороны рѣки неслись бодрые, дѣтскіе голоса и черезъ минуту ватага ребятишекъ весело выбѣжала на улицу. Впереди всѣхъ шелъ Сережа съ большимъ кувшиномъ.

— Никакъ полная посудина,—шепнула Катя.

— Полная и есть,—съ завистью отвѣтила Мареуша.

Мальчики говорили громко, возбужденно и, только поровнявшись съ бревнами, увидѣли сидѣвшихъ на нихъ дѣвченокъ, барыню и старуху. Сережа шепнулъ имъ что-то, и они съ громкимъ хохотомъ побѣжали скорѣе. Только Петька остановился и крикнулъ сестрѣ:

— Лизка! Ты чего тутъ прохлаждаешься? Сейчасъ скотину пригонять, иди бурешку загонять!..

Лиза тутъ скрутила ребенка пестрымъ одѣяломъ и, высоко поднявъ его надъ головой, пошла за братомъ. Мареуша тоже закутала своего и дѣловой походкой побрела за нею, приговаривая, какъ большая:

— И мнѣ за скотиной бѣжать пора!..

— И такая-то во мнѣ жалость,—продолжала старуха, не замѣчая ничего кругомъ себя,—что и сказать не могу... Гляжу на Наську, — плачу... Думается мнѣ, что какъ я жизни не видала—такъ и она не увидить... Сперва — нянька, потомъ вѣчная работница, сначала въ родномъ гнѣздѣ, потомъ въ мужниномъ. Вонъ Агаею ночью волокутъ на вѣнчанье... По какому случаю? Работница нужна, нечѣмъ платить, лучше даровую въ домъ взять... Женихъ-то придурковатый — я его знаю,—да и косой: одинъ глазъ у него вретъ... Ну а Агаея—дѣвка здоровая, сытая... Отецъ сговорился и не спросился ее: „не въ соль мнѣ, говорить, тебя солить“... У него еще три такихъ останутся дома... И такъ мнѣ Агаею жаль, ужъ такъ жаль!.. А какъ дома начнутъ наши бабы другъ-другу шпынять—я и зареву, отъ жалости зареву, и словъ никакихъ сказать имъ не умѣю... Потому, знаю нашу бабью долю довольноно...

Она умолкла и тяжело, хрипло дышала. Мракъ быстро сходилъ на землю и становилось все холоднѣе и холоднѣе.

Барыня встала, Арина быстро ухватила за ее платье и, точно повѣряя ей какую-то тайну, прошептала почти на ухо:

— Скажи ты мнѣ, матушка, по правдѣ: есть вѣдь Царство Небесное?

— Должно быть есть,—съ улыбкой отвѣтила барыня.

— Нельзя не быть,—съ увѣренностью и громко сказала старуха.—И первыя—мы, бабы православныя, попадемъ туда... Вотъ какъ я полагаю, что насъ даже безъ суда отведутъ въ него; довольно, скажутъ, вы на бѣломъ свѣтѣ помытарились, довольно поплакали, пожалуйте, успокойтесь...

— Съ такой вѣрой и умирать не страшно,—сказала барыня.

— Умирать?—съ испугомъ повторила старуха. — Ой, не хот-

ца умирать... Еще хоть немного пожить... Хоть бы Наську замужъ выдать...

Она обняла дѣвочку и изъ ея потухшихъ, мутныхъ глазъ полились крупныя слезы.

Ен. Лѣткова.

---

* * *

По небу веселыя, бодрыя тучи ползли,
И перваго грома раскаты звучали вдали;
И воздухъ, казалось, насыщенъ былъ близкой грозой,
И падали тихо дождейки, одна за другой.

И, въ сладкой надеждѣ, дрожалъ очарованный садъ;
Но вѣтеръ обратный подулъ, и уносятся тучи назадъ.
Слѣжу я за ними съ ревнивой и грустной тоской:
Онѣ ужъ далѣко... далѣко плывутъ стороной!

В. Башкинъ.

Земельныя нужды деревни.

(По работамъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ).

V.

Въ предыдущихъ главахъ я могъ очертить лишь общій абрисъ земельной проблемы, намѣтить ея основныя черты и размѣры. Сказаннымъ доселѣ далеко, однако, не исчерпывается содержаніе ея во всей его сложности. Намъ предстоитъ пойти дальше и познакомиться съ другими важнѣйшими элементами и условіями интересующей насъ задачи.

Съ нѣкоторыми осложняющими ее моментами мы имѣли уже случай встрѣтиться на предыдущихъ страницахъ. Рѣшеніе земельного вопроса на почвѣ реорганизаціи земельныхъ отношеній, путемъ достаточно рѣшительной мобилизаціи земли въ сторону крестьянскаго хозяйства, оспаривалось въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ,—какъ мы видѣли,—не только съ точки зрѣнія желательности и необходимости, но и съ точки зрѣнія осуществимости, и при томъ не столько соціальной, сколько, если можно такъ выразиться, физической. „Земли все равно не хватитъ“, или „скоро опять будетъ тѣсно“,—слышали мы. И мы обязаны, конечно, посчитаться съ этими удручавшими общественную мысль доводами.

Что касается перваго изъ этихъ возраженій, то по отношенію къ той или иной мѣстности, взятой въ отдѣльности, оно можетъ считаться имѣющимъ достаточныя основанія. Вполнѣ возможно, что на территоріи, ограниченной предѣлами того или иного уѣзда и даже той или иной губерніи, земли для крестьянскаго хозяйства дѣйствительно не хватитъ. Больше того. Въ обширныхъ полосахъ Россіи ея несомнѣнно не хватитъ для того, чтобы крестьяне при данномъ уровнѣ интенсификаціи могли использовать всѣ свои силы въ своемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Совершенно инымъ, однако, представится намъ то же возраженіе, если посмотрѣть на него не съ мѣстной и вообще территоріальной, а съ общегосударственной и при томъ соціальной точки зрѣнія.

Нельзя упускать изъ виду, что мы живемъ въ странѣ, колонизаціонную работу въ которой отнюдь нельзя считать завершившейся. Начатая задолго до возникновенія государственности, эта работа имѣла когда-то широкій размахъ. Предоставленное самому себѣ и своему хозяйственному инстинкту, населеніе быстро заселяло огромную равнину, смѣло врѣзаясь съ топоромъ въ чащу дѣвственнаго лѣса и шагъ за шагомъ поднимая плугомъ цѣлинныя земли столь же дѣвственной степи. Какъ ни примитивно было хозяйство, какъ ни низка была культура, какъ ни слабы были общественные навыки, населеніе успѣшно справлялось съ этой нелегкой задачей. Государственность если и была нужна, то только для борьбы съ врагами этой мирной культуры, для защиты отъ дикаго звѣря, отъ соловья-разбойника, отъ злого кочевника. Военно-охотничья организація,—въ каковой формѣ государственная власть функционировала въ удѣльный періодъ,—не смогла, однако, выполнить этой основной задачи, ради которой была создана, и многочисленные князья съ ихъ дружинниками не спасли Русь отъ татарскаго нашествія. Монгольское иго надолго затруднило колонизаціонную работу населенія: своими набѣгами и поборами татары ослабили его хозяйственную силу и преградили ему дорогу къ благодатному югу.

Окрѣпшая мало-по-малу въ борьбѣ съ татарами, русская государственность выполнила, наконецъ, задачу, къ которой была призвана, т. е. обезпечила внѣшнюю безопасность населенію. Но за это время она успѣла отлиться въ такія формы, которыя далеко не всегда совпадали съ интересами мирной колонизаціонной работы. Борьба съ сосѣдями постепенно утратила значеніе самообороны и получила характеръ завоеванія; предѣлы страны стали раздвигаться въ такихъ размѣрахъ, какихъ не требовала хозяйственная жизнь населенія, и нерѣдко въ такую сторону, въ которой колонизація не могла имѣть мѣста. Въ интересахъ внѣшняго могущества, государство закрѣпостило всѣ слои населенія и прервало ту работу, ради которой было создано: оно прикрѣпило крестьянъ къ землѣ, закрѣпило ихъ за помѣщиками. Колонизаціонная работа могла происходить только тайкомъ, піонерами новыхъ мѣстъ должны были сдѣлаться бѣглецы. Бѣглецы завладѣли Сибирью, бѣглецы заселили Новороссію. По мѣрѣ того, какъ крѣпла внутренняя государственная организація, эта „вольная“ колонизаціонная работа становилась все слабѣе и постепенно сошла на нѣтъ. Вольную,—хотя бы условно только вольную,—колонизацію смѣнила принудительная: крестьянъ продавали „на свозъ“ и отправляли въ ссылку. Едва ли нужно говорить, что выгода помѣщика и велѣніе уголовного закона далеко не всегда совпадали съ хозяйственными потребностями трудящагося населенія.

Въ пореформенное время, съ освобожденіемъ крестьянъ, этотъ основной хозяйственный процессъ, казалось бы, долженъ былъ

получить нормальное теченіе. Въ дѣйствительности, однако, этого не случилось. Пользуясь данными, собранными въ запискѣ г. Россова *) и въ другихъ трудахъ мѣстныхъ дѣятелей, я позволю себѣ напомнить важнѣйшіе моменты исторіи переселенческаго дѣла въ пореформенное время.

Какъ это ни странно, въ законодательныхъ актахъ освободительной эпохи о переселеніяхъ не упоминалось вовсе. Данное въ „Положеніи о крестьянахъ“ рѣшеніе земельного вопроса считалось, очевидно, исчерпывающимъ. Г. Кауфманъ, ссылаясь на Ѳ. Г. Тернера, это умолчаніе о переселеніяхъ объясняетъ главнымъ образомъ „настроеніемъ общественнаго мнѣнія и, въ частности, земледѣльческихъ круговъ и высшихъ сферъ общества“. „Опасались“, говоритъ онъ, „что крестьяне, получивъ свободу, массами станутъ бродить по всей Россіи, и что при значительномъ развитіи переселенія трудность добывать рабочихъ еще усилится, а вмѣстѣ съ тѣмъ землевладѣльцы потеряютъ и сѣмщиковъ на землю и, такимъ образомъ, лишатся единственной, оставшейся еще въ ихъ рукахъ, вѣрной статьи дохода“ **). Желая обезпечить землевладѣльцамъ эту „вѣрную статью дохода“, авторы „Положенія“ сознательно, такимъ образомъ, закрыли для крестьянина выходъ на свободныя земли и тѣмъ поставили его въ положеніе подневольнаго батрака и вынужденнаго арендатора. Въ 1866 году, съ прекращеніемъ отпускавшихся до того кредитовъ, фактически были отмѣнены переселенія и государственныхъ крестьянъ. Крестьянская колонизація государственныхъ земель даже въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ она имѣла мѣсто въ крѣпостную эпоху, должна была, такимъ образомъ, „по отсутствію на то законныхъ основаній“, прекратиться. Легальныхъ формъ для нея не оставалось.

Трудно, однако, сдержать стихійный потокъ хозяйственной жизни. Въ послѣдней есть свой „царь“—и „этотъ царь безпощаденъ“. Его вѣлніемъ случилось то, чего такъ боялись правящіе круги при освобожденіи. Въ поискахъ хлѣба крестьяне „массами стали бродить по всей Россіи“. Лишенные возможности передвинуть свое хозяйство, завязшее въ „западнѣ“ окруженнаго частновладѣльческими землями надѣла, они должны были развивать свою хозяйственную энергію главнымъ образомъ въ качествѣ отхожихъ промышленниковъ. Въ эту форму отлился и колонизаціонный процессъ. Массы сельско-хозяйственныхъ рабочихъ должны были ежегодно передвигаться изъ центра къ окраинамъ съ тѣмъ, чтобы, отбывъ „страду“, каждый разъ вновь возвращаться на свои „обрѣзанные“ надѣлы. Недостаточно надѣленный

*) „Крестьянскія переселенія въ Саратовской губ.». Приложение къ Саратовск. Земск. Недѣлѣ за 1902 г.

**) См. ст. «Переселеніе» въ энциклоп. словарѣ Брокгауза и Ефрона.

землю, крестьянинъ сдѣлался, такимъ образомъ, батракомъ не только для ближайшаго „господина или помѣщика“, но и для отдаленныхъ предпринимателей, очень быстро захватившихъ въ свои руки плодородныя степи южной и юго-восточной Россіи. Даже казенныя земли на этихъ ближайшихъ окраинахъ были лишь очень недолго доступны трудовому крестьянству, а затѣмъ онѣ или были „расхищены“, или, обращенныя въ „оброчныя статьи“, попали въ руки спекулянтовъ-сѣмщиковъ, которые въ пересдачѣ ихъ нашли новое средство для эксплуатаціи окрестнаго населенія.

Колонизаціонное теченіе на востокъ, сѣверовостокъ и на другихъ болѣе отдаленныхъ окраинахъ должно было получить, однако, иной характеръ. Суровая природа представляла тамъ мало соблазновъ для „частной предпримчивости“, а отдаленность отъ рабочихъ и хлѣбныхъ рынковъ дѣлала капиталистическое хозяйство прямо невозможнымъ. Лишь въ самыя послѣднія годы, съ увеличеніемъ населенія на этихъ окраинахъ и проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, тамошнія земли получили значеніе лакомаго куска въ глазахъ господъ „удачниковъ“. Законъ 1901 г. уже открылъ дверь въ Сибирь частному и, главнымъ образомъ, дворянскому землевладѣнію. Саратовскіе помѣщики уже создали планъ совмѣстнаго заселенія этой страны тѣми, кто будетъ получать всякаго рода ренту, и тѣми, кто долженъ будетъ довольствоваться только заработной платой. Общій характеръ колонизаціонной работы въ Сибири даже въ ближайшемъ будущемъ можетъ существенно измѣниться. До сихъ же поръ эта работа всецѣло лежала на плечахъ трудового крестьянства.

Отсутствіе легальнаго русла не могло предотвратить возникновеніе и очень быстрое нарастаніе въ эту сторону переселенческаго потока. Уже вскорѣ послѣ освобожденія начались самовольныя переселенія крестьянъ, а къ концу 70-хъ годовъ они приняли массовый характеръ. Въ началѣ 80-хъ годовъ переселенческій вопросъ былъ переданъ на заключеніе свѣдущихъ людей, которые пришли къ такому заключенію: „государство должно считаться съ фактомъ переселенія, создаваемымъ жизнью, не пытаясь подчинить его какимъ либо нормамъ и своей опекой; въ силу этого должно быть признано право каждого на переселеніе съ такими лишь ограниченіями, которыя не препятствовали бы правильному и свободному теченію жизни. Переселеніе должно быть двухъ видовъ: съ содѣйствіемъ правительства, вызываемое необходимостью заселенія окраинъ или крайнимъ малоземельемъ и избыткомъ рабочихъ рукъ, и безъ такого содѣйствія, свободное для всѣхъ, при чемъ для переселенцевъ перваго рода слѣдуетъ отводить надѣлы въ ближайшихъ мѣстностяхъ, втораго рода—въ Сибири, Средней Азіи и Закавказьѣ“ *).

*) Цитирую по упомянутой выше запискѣ Н. Россова.
№ 11. Отдѣлъ I.

однако, совершенно иной точки зрѣнія. Оно вынуждено было, конечно, мириться съ фактомъ самовольно зародившагося переселенческаго движенія, но, съ своей стороны, считало необходимымъ относиться къ нему съ „величайшею“, „сугубою осторожностью“, дабы не вызвать, между прочимъ, въ народѣ „несбыточныхъ ожиданій общаго дополнительнаго надѣленія землей“. Этихъ взглядовъ оно держалось до созыва свѣдущихъ людей, ими же опредѣлилась и вся дальнѣйшая его переселенческая политика.

Въ 1886 году, по представленію гр. Д. А. Толстого, были утверждены правила, положенныя затѣмъ въ основу окончательно утвержденнаго въ 1889 г. переселенческаго закона. „Они“, говоритъ г. Россовъ, „были діаметрально противоположны основамъ предложеннаго свѣдущими людьми проекта: переселеніе цѣликомъ было подчинено „нормамъ и опеку“ государства; оно допускалось для наиболѣе нуждающихся крестьянъ „по избранію мѣстной администраціи“, которой предоставлено было право останавливать переселеніе, предпринятое, *по ея мнѣнію*, неосмотрительно, безъ достаточныхъ средствъ и ясно намѣченной цѣли... Пускать по закону слѣдовало тѣхъ, кто, во 1-хъ, можетъ пойти и устроиться на новомъ мѣстѣ самъ, безъ правительственной помощи, значитъ, болѣе или менѣе зажиточный элементъ деревни, и, во 2-хъ, тѣхъ, чей выходъ изъ общества не противорѣчитъ интересамъ лицъ, остающихся на родинѣ“. Чьи главнымъ образомъ интересы имѣлись при этомъ въ виду, легко понять изъ того, что административные органы, разрѣшая переселенія, должны были принимать въ расчетъ, „чтобы у оставшихся не оказалось земли больше узаконенной для мѣстности нормы высшаго надѣла и чтобы не бросали мѣста тамъ, гдѣ можно найти заработки“. Самовольныхъ переселенцевъ законъ 1889 г. предписываетъ возвращать обратно. „Этотъ законъ“, говоритъ цитируемый нами авторъ, „гораздо больше направленъ на то, чтобы сдерживать переселеніе, чѣмъ на то, чтобы облегчать его“.

Опасливая нота, слышавшаяся въ законѣ, конечно, хорошо была усвоена и даже усилена мѣстною администраціею. Разрѣшенія выдавались ею очень туго. Чтобы выполнить суровыя велѣнія хозяйственной жизни, населеніе должно было переселяться тайкомъ: число самовольныхъ переселенцевъ достигало въ нѣкоторые годы 70—80%. Такимъ образомъ, и въ пореформенное время колонизаціонная работа въ значительной ея части должна была выполняться бѣглецами.

Главнѣйшее вниманіе правительства въ девяностые годы было обращено на борьбу съ этимъ самовольнымъ переселеніемъ. Возвращать самовольныхъ переселенцевъ назадъ, какъ этого требовалъ законъ, было, конечно, немислимо: при массѣ ихъ,

на это потребовались бы, не говоря о прочемъ, слишкомъ большіе ресурсы. Всѣ надежды пришлось возложить на мѣры предупредительнаго характера. Циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ 1894 года губернаторамъ было вмѣнено въ обязанность чрезъ чиновъ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ и полицейскимъ учрежденіямъ слѣдить за приготовленіями къ самовольному переселенію и привлекать виновныхъ къ отвѣтственности. Сельскимъ властямъ предписано было слѣдить за выдачей паспортовъ на временную отлучку, такъ какъ подъ видомъ послѣдней часто предпринимается переселеніе; за продажей имущества, такъ какъ она можетъ быть вызвана желаніемъ переселиться; за приобрѣтеніемъ вещей, необходимыхъ для дальней дороги, такъ какъ это можетъ служить къ раскрытію тѣхъ же незаконныхъ намѣреній. Сельскія власти, допустившія завѣдомо или по небрежности самовольный уходъ, подлежали отвѣтственности. Такимъ образомъ, чтобы сдержать переселеніе, были пущены въ ходъ полицейскій сыскъ и административныя кары.

На ряду съ этимъ, лицъ, добивавшихся разрѣшительныхъ свидѣтельствъ, циркуляры министерства внутреннихъ дѣлъ предписывали сдерживать „разумными совѣтами“ и предостереженіями о дороговизнѣ пути, о трудности устроиться на новомъ мѣстѣ и т. д. Въ соотвѣтствіи съ этимъ общимъ характеромъ переселенческой политики находятся и тѣ неоднократныя попытки пріостановить движеніе, какія по разнымъ причинамъ предпринимало правительство. Уже въ 1892 г. выдача разрѣшеній на переселеніе была временно пріостановлена, при чемъ распоряженіе это имѣло силу до 1895 года. Изъ-за недостатка отведенныхъ подъ поселенія земель въ 1897 году новымъ циркулярнымъ распоряженіемъ не только опять была прекращена выдача переселенческихъ свидѣтельствъ, но и были задержаны на родинѣ крестьяне, уже получившіе разрѣшенія. Въ 1900 и 1901 гг. были предприняты новыя попытки остановить движеніе въ виду, съ одной стороны, китайскихъ осложненій, а съ другой—въ виду неурожая, постигшаго степныя мѣстности Сибири. Необходимо, наконецъ, отмѣтить, что районъ, доступный переселенческому движенію, подвергался за указанное время неоднократнымъ ограниченіямъ. Сначала были закрыты для переселенцевъ западно-сибирскія губерніи, затѣмъ Акмолинская область, Алтайскій округъ и т. д.

Передача завѣдыванія переселенческимъ дѣломъ комитету сибирской желѣзной дороги и особому переселенческому управленію сказалась нѣкоторымъ усиленіемъ вниманія къ нуждамъ переселенцевъ, но почти исключительно на мѣстахъ ихъ водворенія и отчасти въ дорогѣ. Что касается условій, какими переселенія обставлены на мѣстахъ выхода, то они и по сей день остаются прежними.

Мѣры, предпринимавшіяся правительствомъ, оказались безсиль-

ными,—какъ я уже сказалъ,—предотвратить нарастаніе переселенческаго потока. Въ 1885 году переселенцевъ насчитывалось менѣе 12.000 человекъ, а во второй половинѣ 90-хъ годовъ ежегодная цифра ихъ превышала уже 200,000. Несомнѣнно, однако, что всякаго рода стѣсненія, которыми обставлено переселенческое движеніе, существенно вліяютъ и на его размѣры, и на его формы. Долго сдерживаемая переселенческая волна прорывается обыкновенно въ той или иной мѣстности сразу и захватываетъ массу хозяйствъ. Съ внѣшней стороны движеніе получаетъ, такимъ образомъ, характеръ соціальной эпидеміи, и многіе склонны объяснять его легковѣріемъ крестьянъ, съ одной стороны, и агитаціей всякихъ проходимцевъ—съ другой. Подвергнувъ, однако, одну изъ такихъ эпидемій (1889—1890 гг.) объективному изслѣдованію, комиссія саратовскаго земства легко убѣдилась, что „причины движенія лежатъ глубоко въ условіяхъ экономическаго быта населенія“. „62% обществъ, изъ которыхъ поступили прошенія о переселеніи“, говоритъ комиссія въ своемъ докладѣ, „совершенно не обезпечены землей, 32% обществъ недостаточно обезпечены землей и только 6%, имѣя отъ 13 до 21,4 дес. всѣхъ угодій на дворъ, могутъ считаться достаточно обезпеченными... Надѣлъ переселенческихъ обществъ (6,9 дес. всѣхъ угодій на дворъ) чуть не вдвое ниже средняго крестьянскаго надѣла по губерніи“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ то время, какъ „средній крестьянинъ арендуетъ 2,7 дес. частновладѣльческой пашни подъ посѣвъ, средній крестьянинъ переселенческихъ обществъ,—около 4 дес. Первый платитъ за аренду частновладѣльческой пашни 18,4 руб. въ годъ, а послѣдній около 32 руб., а въ 11 переселенческихъ обществахъ въ среднемъ выводѣ даже 45,6 руб. на 1 дворъ. Арендная плата за десятину у переселенческихъ обществъ, вслѣдствіе усиленнаго спроса на землю, на 1 р. 20 коп. выше средней цѣны по губерніи“.

Массовыя ходатайства о переселеніяхъ встрѣчаютъ обыкновенно усиленный отпоръ со стороны администраціи. Цифры показываютъ, что чѣмъ больше ходатайствъ, тѣмъ выше процентъ отказовъ. Сопоставивъ данныя по Саратовской губ. о просившихъ въ 1889—1890 гг. разрѣшенія съ данными о дѣйствительно переселившихся за эти годы, г. Россовъ пришелъ къ заключенію, что „ушли не только далеко не всѣ, но и далеко не тѣ, кто хотѣлъ и, какъ доказывалъ докладъ комиссіи, хотѣлъ не безъ основанія“.

И это общее явленіе. Малоземельныя группы крестьянскаго населенія, наиболѣе сильно нуждающіяся въ переселеніи и наиболѣе страстно къ нему стремящіяся, встрѣчаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, наибольшія къ нему препятствія. Требованія закона о томъ, чтобы переселялись лишь тѣ, кто можетъ дойти и устроиться на новомъ мѣстѣ безъ правительственной помощи, является для администраціи наиболѣе удобнымъ средствомъ, чтобы сдерживать переселенческое движеніе. Разрѣшеніе переселиться обуславливается обык-

новенно тѣмъ, чтобы кромѣ средствъ, необходимыхъ на дорогу,— для чего по расчетамъ администраціи нужно около 25 руб. на каждую душу старше 5 лѣтъ,—переселенцы располагали еще свободнымъ остаткомъ не менѣе 300 руб. на хозяйство. Это требованіе,—по единодушному отзыву сельскохозяйственныхъ комитетовъ,—совершенно извращаетъ основныя задачи переселенія. Воспользоваться правомъ на переселеніе и, стало быть, даваемыми переселенцамъ въ пути и на новомъ мѣстѣ льготами при такихъ условіяхъ могутъ только болѣе сильныя хозяйственные единицы. Что касается маломощныхъ дворовъ, то для нихъ обыкновенно оказывается возможнымъ лишь самовольное переселеніе, со всѣми тяжелыми его послѣдствіями: отъ тайной и потому особенно убыточной распродажи имущества на прежнемъ мѣстѣ до долгихъ и подчасъ бесплодныхъ поисковъ свободной, ни за кѣмъ не записанной земли въ Сибири.

Попытки населенія найти выходъ въ другую сторону, минуя казенныя земли, обставлены не меньшими затрудненіями. Въ частности, переселенческое движеніе изъ польскихъ и западныхъ губерній въ Бразилію и Аргентину, „въ силу особенностей нашей паспортной системы“, должно было получить,—какъ это было засвидѣтельствовано въ гродненскомъ комитетѣ,—тотъ же „нелегальный характеръ“.

Такимъ образомъ, крестьянское малоземелье, съ которымъ намъ приходится въ настоящее время считаться, нельзя разсматривать, какъ неизбежный результатъ естественной эволюціи народнаго хозяйства въ исконныхъ его формахъ. Оно, несомнѣнно, обострено тѣми стѣсненіями и затрудненіями, какими въ теченіе нѣсколькихъ уже столѣтій обставленъ у насъ колонизаціонный процессъ. Между тѣмъ, пока этотъ процессъ не получилъ нормальнаго теченія, пока населеніе не имѣетъ возможности хоть сколько-нибудь свободно расположиться на всей находящейся въ его хозяйственномъ завѣдываніи территоріи, до тѣхъ поръ рассчитывать на ровный безболѣзненный прогрессъ не только въ сельскохозяйственной, но и въ общей экономической жизни страны, конечно, не вправѣ. Затрудненія, которыя встрѣчаетъ населеніе въ своемъ размѣщеніи на территоріи, особенно тяжелыя послѣдствія должны имѣть въ атмосферѣ мѣноваго хозяйства, когда ненормальное положеніе однихъ хозяйственныхъ группъ и мѣстностей отражается на цѣломъ рядѣ другихъ, а всякая мѣстная болѣзнь неизбежно почти сказывается болѣзненнымъ разстройствомъ во всемъ народно-хозяйственномъ организмѣ. Я не имѣю возможности чересчуръ долго задерживаться на этомъ предметѣ и потому, чтобы иллюстрировать свою мысль, остановлюсь лишь на одномъ вопросѣ,—на вопросѣ, сильно волнующемъ въ послѣдніе годы наши землевладѣльческіе круги и потому уже привлекающемъ къ себѣ вниманіе нѣкоторыхъ дѣятелей, призванныхъ въ сельскохозяйственные комитеты. Я имѣю

въ виду вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ центра и окраинъ. Поскольку этотъ вопросъ не покрывается болѣе общимъ вопросомъ о положеніи сельскаго хозяйства и крестьянскаго населенія, постольку въ основѣ его, несомнѣнно, лежитъ неправильное, не отвѣчающее хозяйственнымъ условіямъ страны, размѣщеніе населенія. Слабѣ населенныя и болѣе богатыя землями, окраины своими экстензивными формами давятъ на земледѣліе коренной Россіи, и это давленіе является одной изъ важнѣйшихъ помѣхъ для интенсификаціи въ послѣдней хозяйства, въ особенности хозяйства чисто-денежнаго, помѣщичьяго. Съ каждой новой дорогой, приближающей окраины къ рынкамъ, давленіе ихъ становится все сильнѣе. Чтобы ослабить невыгодныя послѣдствія протекающихъ отсюда конъюнктуръ, помѣщики черноземнаго центра желали бы использовать въ своихъ интересахъ методы международной и междуклассовой борьбы. Главныя свои надежды они возлагаютъ на желѣзнодорожные тарифы, которые должны ослабить конкуренцію окраинъ, да на льготы и субсидіи, которыя позволили бы имъ поддерживать производство за счетъ другихъ классовъ. Легко, однако, понять, что такими средствами нельзя справедливо разрѣшить вопроса о взаимныхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ различныхъ мѣстностей Россіи. Съ точки зрѣнія народнаго благосостоянія для этого есть только одинъ путь: для этого необходимо прежде всего, такъ или иначе, устранить социально-политическія препятствія, которыя мѣшаютъ населенію свободно размѣститься въ странѣ, сообразуясь съ ея естественными условіями и своими хозяйственными потребностями.

Задача эта несравненно сложнѣе, однако, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Возьмемъ тотъ же вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ центра и окраинъ: у него есть и обратная сторона. Въ самомъ дѣлѣ, во многихъ даже отдаленныхъ мѣстностяхъ Сибири крестьяне вынуждены уже переходить къ трехполью и чуть ли не къ плодоперемѣнной системѣ, тогда какъ въ болѣе культурныхъ и болѣе близкихъ къ рынкамъ областяхъ ведется то же трехпольное и даже залежное хозяйство. Не этимъ ли объясняется столь удивляющее насъ сибирское малоземелье? Не черезчуръ ли рано крестьяне вынуждены были заселять Сибирь вплоть до самыхъ отдаленныхъ ея предѣловъ, и не черезчуръ ли, не смотря на всѣ стѣсненія, уплотнилось сибирское населеніе? Значительная часть этого населенія при иныхъ земельныхъ отношеніяхъ не нашла ли бы себѣ достаточно еще простора въ Европейской Россіи? И если мы измѣнимъ желѣзнодорожные тарифы, какъ того желаютъ землевладѣльцы центра, то не обречемъ ли тѣмъ самымъ значительную часть уже втиснутого въ сферу мѣнновыхъ отношеній сибирскаго населенія на острые голодовки? Съ паденіемъ мѣстныхъ цѣнъ на продукты не вынуждено ли оно будетъ вновь возвратиться къ болѣе экстензивнымъ формамъ хо-

зайства, для которыхъ уже нѣтъ достаточнаго простора даже въ Сибири? Съ другой стороны, если мы передвинемъ новыя массы населенія за Уральскій хребетъ, то не обостримъ ли мы этимъ сибирскаго малоземелья и, не разрѣшивъ, такимъ образомъ, вопроса здѣсь, не затынемъ ли мы еще туже узелъ, который желали бы распутать?

Уже изъ этого видно, что тягостную дилемму, которая встаетъ въ данномъ случаѣ передъ нами, нельзя разрѣшить одной отмѣной законодательныхъ и административныхъ стѣсненій, которыми обставлено у насъ переселенческое движеніе. Помимо нихъ, въ современной социальной обстановкѣ имѣется, очевидно, еще какое-то препятствіе, которое мѣшаетъ русскому народу цѣлесообразно использовать находящуюся въ его распоряженіи хозяйственную территорію.

Какое же это препятствіе?

VI.

Если мы сравнимъ условія, въ которыхъ происходила колонизаціонная работа русскаго народа на зарѣ его государственности, съ тѣми, въ какихъ ему приходится продолжать ее теперь, то найдемъ между ними существенную разницу. За тысячу лѣтъ успѣлъ возникнуть и сложиться институтъ личной собственности на землю, котораго вовсе не знали наши предки. Не воплію опредѣлившійся въ крѣпостную эпоху, онъ былъ окончательно оформленъ и санкціонированъ при освобожденіи. Межи частнаго владѣнія, изрѣзавшія вдоль и поперекъ Россію и отдѣлившія съ этого момента населеніе отъ значительной части необходимой ему земли, затруднили его колонизаціонную работу, быть можетъ, не меньше, чѣмъ ее могли бы затруднить горные хребты и внѣшнія границы. Не смотря на то, что нашъ земельный фондъ въ Европѣ далеко еще не исчерпанъ, населеніе въ поискахъ земли, какъ мы видѣли, бѣжитъ за Уралъ и переплываетъ океаны. Существенно вліяя на размѣщеніе населенія въ странѣ, институтъ личной поземельной собственности сказывается и другими очень серьезными послѣдствіями въ народно-хозяйственной жизни. Для безпрепятственнаго развитія послѣдней, въ особенности когда дѣло касается сельско-хозяйственнаго производства, крайне важно не только то, чтобы населеніе могло свободно размѣститься на территоріи, но и то, чтобы земля могла столь же свободно распределиться по хозяйствамъ. Между тѣмъ, при данныхъ условіяхъ этотъ второй хозяйственный процессъ у насъ оказывается значительно затрудненнымъ. Само собою понятно, что въ числѣ этихъ условій формы землевладѣнія занимаютъ первенствующее мѣсто.

„Неприкосновенность“ помѣщичьихъ правъ на землю, обеспе-

чить которую такъ старалась, — какъ мы видѣли, — помѣщичья партія при освобожденіи, въ дѣйствительности, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась, конечно, неосуществимою. Дворянское землевладѣніе послѣ реформы начало таять съ поразительною быстротою, и всѣ усилія остановить этотъ процессъ оказались тщетными. Въ социальномъ „движеніи земли“ сказалась почти неодолимая сила. Теперь, когда общее направленіе этого движенія достаточно уже опредѣлилось, едва ли можетъ быть сомнѣніе, что земля обнаружила въ данномъ случаѣ тяготѣніе въ сторону крестьянскаго хозяйства. То, что дѣятели освободительной эпохи не пожелали или не рѣшились осуществить сознательнымъ и планомѣрнымъ актомъ, жизнь, послушная велѣнію хозяйственныхъ потребностей, стала осуществлять стихійнымъ процессомъ. Въ трудахъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ мы находимъ яркую характеристику и той „неудержимой жажды“, какою охвачено крестьянское населеніе къ окружающимъ его землямъ, и тѣхъ затрудненій, какими обставлено удовлетвореніе этой хозяйственной его потребности.

Незнакомые съ новою формою земельныхъ отношеній, крестьяне не могли, конечно, предвидѣть тѣхъ послѣдствій, какими она скажется въ ихъ хозяйственной жизни. Привыкши цѣнить землю исключительно какъ средство для приложенія труда, они и не подозревали, что она можетъ выполнять совершенно иныя функціи, и что она именно явится въ будущемъ орудіемъ новаго ихъ порабощенія. „Въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ“, говоритъ въ своей запискѣ самарская губернская управа, „въ деревенской жизни замѣчалось, какъ всеобщее явленіе, отказъ отъ надѣленія земельными угодьями“. „Земля все равно будетъ нашей“, думали крестьяне. Не спѣшили они съ приобрѣтеніемъ ея въ собственность и тогда, когда „неприкосновенное право“ появилось на рынкѣ, сдѣлалось объектомъ мѣновыхъ отношеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и орудіемъ социальной борьбы, въ которой гибнутъ слабые и торжествуютъ сильные. Хотя земля была дешева, но за то и денежные ресурсы крестьянства были ничтожны; аренда, за которую можно было расплачиваться натурой, представлялась болѣе доступною и даже болѣе выгодною, чѣмъ владѣніе надѣльною землею, обложенною непосильною оброчною податью. Это продолжалось, однако, не долго. Мы уже видѣли, какими тяжелыми послѣдствіями частное право на землю сказалось въ концѣ концовъ для крестьянъ въ сферѣ арендныхъ отношеній. Не менѣе тяжелый характеръ получила для крестьянства и другая форма мѣновыхъ сдѣлокъ на земли — купля-продажа ихъ. Регуляторомъ земельныхъ цѣнъ очень скоро сдѣлалась крестьянская нужда, и онѣ стали расти вѣтъ всякой связи съ доходностью самыхъ земель. Съ обостреніемъ крестьянскаго малоземелья начался, — если употребить выраженіе бюро елец-

каго комитета, — „бѣшеный ажіотажъ земельной спекуляціи“, возрастаніе цѣнъ на землю получило „сказочный“ характеръ. Въ дѣлѣхъ соціальной добычи, какую стало давать право на землю, приняли участіе не только тѣ, кто выговорилъ себѣ это право при освобожденіи, но и другіе правящіе классы въ лицѣ ипотечныхъ банковъ и всякаго рода спекулянтовъ. На земельномъ рынкѣ появились „хищники, эксплуататоры-промышленники, приобретающіе земли не для собственной обработки и пользованія, а съ исключительною цѣлью эксплуатировать ихъ посредствомъ сдачи мѣстнымъ крестьянамъ въ аренду по страшно высокой цѣнѣ“. „Эти господа“, говоритъ въ своей запискѣ членъ суджанскаго комитета Н. Т. Волковъ, „всеми силами стремились и стремятся скупить или снять возможно большее количество земель, расположенныхъ вокругъ крестьянскихъ надѣловъ, не останавливаясь въ цѣнѣ. Такихъ владѣній цѣлая сѣть чуть ли не при каждомъ селеніи. Всѣ крестьяне находятся въ разставленныхъ сѣтяхъ, не зная, какъ изъ нихъ выбраться. Скупщики, пользуясь своею силою давленія на крестьянъ, въ видѣ назначенія непосильной арендной платы, лишенія водопоя или прогона для скота, проѣзда на поле и т. п., назначаютъ невольнымъ покупателямъ-крестьянамъ, желающимъ во что бы то ни стало избавиться отъ вѣчной кабалы, приобретаая въ собственность необходимые имъ земли,—произвольныя продажныя цѣны“.

Крестьянскій банкъ, учрежденный для того, чтобы облегчить приобретеніе земли крестьянами,² по общему признанію, — еще болѣе обострилъ земельную спекуляцію. Расширеніе его дѣятельности въ послѣдніе годы сказалось рѣзкимъ повышеніемъ земельныхъ цѣнъ. Пользуясь выдаваемыми банкомъ ссудами, частные землевладѣльцы получили возможность учитывать въ свою пользу не только настоящіе, но и будущіе доходы крестьянскаго хозяйства. „Интересно было слышать“, писалъ корреспондентъ изъ залы пирятинскаго комитета, „что крестьяне сами, будучи очень признательными крестьянскому банку за содѣйствіе его при покупкѣ ими земель, тѣмъ не менѣе находятъ, что слишкомъ высокая оцѣнка, допускаемая банкомъ, и соотвѣтственная ссуда ведетъ только къ ихъ разоренію. Крестьяне, увлекаемые жадностью къ землѣ, не обращаютъ вниманія на чрезвычайно-высокую цѣну, а затѣмъ оказываются не въ состояніи платить процентовъ... Крестьяне утверждали, что идетъ сильнѣйшая спекуляція на цѣну земли и на нужду ихъ въ ней. Съ искусственнымъ же увеличеніемъ продажной цѣнности возвышается и арендная плата, что также крестьянамъ не выгодно, такъ какъ они являются и покупателями, и арендаторами. Все это, какъ замѣтилъ одинъ изъ участниковъ въ комитетѣ, поведетъ къ „земельному краху“ и къ дальнѣйшему обнищанію населенія“.

Обостряя общее положеніе на земельномъ рынкѣ, дѣятель-

ность крестьянского банка,—по отзывамъ мѣстныхъ дѣятелей,—сказывается нерѣдко и другими тяжелыми послѣдствіями на хозяйственныхъ отношеніяхъ крестьянской массы. Условія роста и погашенія ссудъ, общія крестьянскому банку со всѣми другими ипотечными учрежденіями, рассчитаны въ сущности на предпринимательское, а не на трудовое хозяйство, платежныя силы котораго не имѣютъ ничего общаго съ рентными доходами. Банковыя обязательства, совершенно несогласованныя съ платежными ресурсами отдѣльныхъ хозяйствъ, оказываются болѣе легкими для однихъ изъ нихъ и болѣе тяжелыми, даже непосильными—для другихъ. Не меньшее значеніе въ данномъ случаѣ имѣетъ и требованіе доплатъ, каковымъ обыкновенно сразу устраняются отъ участія въ покупкахъ наиболѣе слабосильныя и въ сущности наиболѣе нуждающіяся въ расширеніи своей земельной площади группы крестьянства. Въ дѣятельности крестьянскаго банка,—читаемъ мы въ запискѣ бюро елецкаго комитета,—„замѣтна характерная тенденція содѣйствовать покупкѣ земли не крестьянскимъ обществамъ, а товариществамъ, т. е. сообществамъ немногихъ, но экономически сильныхъ крестьянъ. Пагубныя послѣдствія такой попытки очевидны и безспорны... Она способствуетъ только созданію новаго класса крестьянъ-собственниковъ, по примѣру французскихъ или бельгійскихъ, что, быть можетъ, и не бесполезно въ политическомъ отношеніи, такъ какъ этотъ классъ представляется надежнымъ оплотомъ порядка, но едва-ли разрѣшаетъ острый вопросъ малоземелья, который для крестьянскаго банка долженъ имѣть первенствующее значеніе“. Сознательная тенденція, которую заподозрѣваютъ въ данномъ случаѣ елецкіе дѣятели, въ дѣйствительности, можетъ быть, и не играетъ существенной роли; если она и проглядываетъ въ дѣятельности крестьянскаго банка, то обусловлена, конечно, не столько политическими, сколько коммерческими соображеніями. Можно даже сомнѣваться, въ состояніи ли крестьянскій банкъ своею дѣятельностью создать новый классъ, когда нѣтъ на лицо другихъ необходимыхъ для этого условій. Имѣющіяся данныя заставляютъ думать, что купчія земли, втянутыя въ сферу крестьянскаго трудового хозяйства, очень быстро дробятся, и дѣти крестьянъ, успѣвшихъ путемъ покупки расширить свою земельную площадь, обыкновенно, должны опять считаться съ малоземельемъ. Во всякомъ случаѣ, фактъ остается фактомъ: земля, мобилизуемая при содѣйствіи крестьянскаго банка, какъ и вообще при посредствѣ купли-продажи, минуетъ тѣхъ, кто болѣе всего въ ней нуждается, такъ какъ покупать ее могутъ только платежеспособныя хозяйства, т. е. тѣ, которыя удерживаютъ еще въ своихъ рукахъ хоть часть прибавочнаго продукта.

По мнѣнію многихъ дѣятелей сельскохозяйственныхъ комитетовъ, крестьянскій банкъ не только не облегчаетъ, но даже

ухудшаетъ положеніе безземельныхъ и малоземельныхъ группъ крестьянскаго населенія. Переводя землю въ руки болѣе сильныхъ хозяевъ, онъ лишаетъ маломощные дворы аренднаго фонда и, такимъ образомъ, ставитъ ихъ почти въ полную невозможность вести хозяйство. Даже возможность пополнять свои скудные доходы путемъ батрачества для нихъ нерѣдко при этомъ суживается — благодаря ликвидаціи помѣщичьяго хозяйства, въ которомъ они находили себѣ заработокъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, пользуясь содѣйствіемъ крестьянскаго банка, землю захватываютъ въ свои руки пришлые элементы, и тогда все мѣстное населеніе оказывается въ безвыходномъ положеніи: ему остается или бѣжать, что не всегда возможно, или умирать съ голоду.

Такимъ образомъ, даже мѣра, предпринятая въ интересахъ крестьянскаго населенія, при данныхъ земельныхъ отношеніяхъ, оказывается способной лишь обострить какъ общее его положеніе, такъ и въ особенности положеніе наиболѣе обездоленныхъ группъ его. Земля „движется“ къ крестьянамъ, но далеко не ко всѣмъ, движется обходными путями и доходитъ до нихъ настолько обремененной и арендными, и ипотечными платежами, что вмѣсто того, чтобы служить имъ средствомъ для приложенія свободнаго труда, является орудіемъ экономическаго ихъ порабощенія. Не хозяйственныя потребности земледѣльческаго населенія, а готовность и способность его платить дань правящимъ классамъ опредѣляютъ въ конечномъ счетѣ распредѣленіе земли по отдѣльнымъ хозяйственнымъ единицамъ. И только тогда, когда оно въ массѣ своей окончательно лишается этой способности, земля въ рукахъ частнаго собственника перестаетъ быть орудіемъ только эксплуатаціи, но становится вмѣстѣ съ тѣмъ и факторомъ производства. Гдѣ разоренные крестьяне не въ состояніи заплатить за землю „сказочной“ цѣны, гдѣ они являются слишкомъ ужъ неисправными арендаторами, — только тамъ болѣе или менѣе исправно начинаетъ функционировать предпринимательское хозяйство. Убѣдившись, что присвоеніе прибавочнаго продукта, вырабатываемаго въ крестьянскомъ хозяйствѣ, не можетъ уже служить надежнымъ источникомъ дохода, землевладѣлецъ заводитъ или расширяетъ собственное предпріятіе. Количество предлагаемой къ сдачѣ крестьянамъ земли въ такихъ случаяхъ начинаетъ быстро сокращаться. Крестьянское хозяйство, лишенное „необходимаго элемента“, какимъ являлась для него арендованная земля, въ такихъ мѣстностяхъ должно, конечно, будетъ исчезнуть, а кормившееся въ немъ населеніе, по скольку его рабочія силы окажутся ненужными для землевладѣльческаго хозяйства, вынуждено будетъ или найти себѣ другіе источники пропитанія, или вымереть.

Рано или поздно, такимъ путемъ частновладѣльческая земля, можетъ быть, и будетъ призвана къ выполненію своей провиденціальной роли во всемъ ея объемѣ, т. е. сдѣлается орудіемъ не

только присвоения, но и создания прибавочной ценности. Легко, однако, понять, что это может случиться не прежде, чем крестьянское трудовое хозяйство будет доведено до окончательного разорения, а крестьянское население в его массе — до полного обнищания. Правда, по этому пути мы подвинулись уже довольно далеко, но и за всем тем нам предстоит пройти еще не мало. И едва ли можно спокойно взирать на эту длинную, не только мучительную, но и чреватую опасностями дорогу. Пока взойдет солнце,—если даже допустить, что предпринимательское хозяйство может считаться им,—роса очи выйдет. Пока земельный собственник не возьмется сам за сельскохозяйственное производство и пока в стране не образуется новый „класс“, который явится „надежнейшим оплотом порядка“,—а это случится во всяком случае не скоро, — хозяйственные отношения по-прежнему будут складываться под тяжким давлением разоряющихся масс, а эти массы не перестанут быть той „опасностью“, которая, по выражению г. Юматова, „глядит из деревни“.

Если бы мы махнули рукой на все страдания и презрели все опасности, то и в таком случае окончательный результат происходящего сейчас в стране процесса нельзя считать заранее известным, а будущее сельскохозяйственного производства вполне обеспеченным. История дала уже нам поучительный пример в лице Ирландии, арендные отношения которой так сильно напоминают наши русские сделки по купле-продаже земли „под посев“, „на год“ и „в вечность“. Прошли ведь целые столетия, а ирландские лэндлорды так и не пожелали взяться за сельскохозяйственное производство. Земля в их руках до последних дней служила и служить лишь средством, чтобы держать в нищете трудящуюся массу. После векового хронического недоедания народа, после многих острых его голодовок, после массового бегства его за океан, после неоднократных приступов аграрного террора — в этой стране безраздельного господства крупной поземельной собственности в конце-концов пришлось все-таки взяться за „решительную мобилизацию“ земли в сторону трудящегося населения.

Тяжелые последствия народного обнищания нам суждено переживать в иную эпоху, когда общественная мысль уже не может не считаться с его причинами, а общественная совесть не может не волноваться его последствиями. Мы живем в стране с далеко не полным еще господством личной собственности на землю, с далеко не отжившими еще в народном сознании трудовыми воззрениями на нее. Уже поэтому мы не можем закрыть глаза. И если бы мы твердо даже решились идти до конца по той дороге, на которой стоим, то и в таком случае наш путь будет осложнен и затруднен целым рядом

мучительныхъ сомнѣній и неизбежныхъ метаній изъ стороны въ сторону.

Каково бы ни было будущее, во всякомъ случаѣ, мы должны считаться съ несомнѣннымъ фактомъ настоящаго. Мѣновой аппаратъ, на который мы возложили всѣ свои надежды по части распредѣленія земли между хозяйствами, при данныхъ условіяхъ дѣйствуетъ до-нельзя скверно и рациональнымъ регуляторомъ ни въ коемъ случаѣ считаться не можетъ. Извѣстное значеніе въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, имѣютъ тѣ міровыя, невыгодныя для сельскаго хозяйства, конъюнктуры, о которыхъ мнѣ пришлось говорить въ самомъ началѣ статьи и которыя, конечно, затрудняютъ развитіе сельскохозяйственнаго производства на предпринимательскихъ началахъ. Неблагопріятное для капиталистическаго хозяйства значеніе этихъ конъюнктуръ у насъ усилено еще специфическими особенностями нашей экономической политики, систематически отвлекающей капиталы и энергію удачниковъ въ сторону индустріи. Несомнѣнно, однако, и то, что въ колесахъ мѣнового аппарата завязла, очевидно, и еще какая-то палка, которая не только затруднила, но и дѣлаетъ совершенно невозможнымъ нормальное его дѣйствіе.

Разсмотрѣть эту палку послѣ сказаннаго нами на предыдущихъ страницахъ не трудно. Совмѣстное существованіе двухъ типовъ поземельной собственности, — личнаго и общественнаго, — при господствѣ мѣновыхъ отношеній представляется для народнаго хозяйства не менѣе гибельнымъ, чѣмъ и существованіе бокъ-о-бокъ двухъ типовъ хозяйства — предпринимательскаго-помѣщичьяго и трудового-крестьянскаго. И основанія разверстки, и хозяйственныя функціи частной и общественной земли совершенно различны. Первая должна распредѣляться, какъ мы видѣли, — сообразно платежеспособности хозяйственныхъ предприятий, соотвѣтственно количеству прибавочнаго продукта, какой создается и удерживается въ своихъ рукахъ ими; вторая — при посредствѣ семейныхъ раздѣловъ, общинныхъ передѣловъ и переселеній — тяготеетъ къ распредѣленію соотвѣтственно съ рабочими силами и потребностями земледѣльческаго населенія. При совмѣстномъ существованіи обоихъ видовъ поземельной собственности, земля не можетъ распредѣлиться ни по тому, ни по другому принципу, и въ странѣ не можетъ восторжествовать ни предпринимательское, ни трудовое хозяйство. Мы уже видѣли, какими тяжелыми послѣдствіями борьба между ними сказывается въ народнохозяйственной жизни. Частновладѣльческое хозяйство, обязанное во что бы то ни стало давать ренту, размѣры которой опредѣляются не его продуктивностью, а земельною нуждою существующаго рядомъ съ нимъ трудового хозяйства, оказывается безсильнымъ удержать въ своихъ рукахъ землю, которая фатально движется къ крестьянамъ. Съ другой стороны, возможность на-

ростанія частновладѣльческой ренты за счетъ прибавочнаго продукта, вырабатываемаго на общественныхъ земляхъ, въ корнѣ извращаетъ арендныя отношенія и, вообще, сопровождается такими послѣдствіями въ сферѣ земельной мобилизаціи, при которыхъ развитіе трудового крестьянскаго хозяйства оказывается въ свою очередь невозможнымъ. Достаточно, я думаю, этого непримиримаго и болѣзненнаго противорѣчія русской экономической дѣйствительности, чтобы настаивать на несовмѣстимости при мѣновыхъ отношеніяхъ двухъ институтовъ поземельной собственности. Необходимо что нибудь одно: или „огородить“ общественныя земли, что въ свое время сдѣлала Европа и въ чемъ она, повидимому, уже начала раскаиваться, или разгородить частновладѣльческія, что предстоитъ, быть можетъ, сдѣлать теперь намъ.

Нѣкоторые дѣятели сельскохозяйственныхъ комитетовъ, повидимому, довольно отчетливо сознавали, что они стоятъ въ данномъ случаѣ передъ дилеммой, и что въ настоящее время необходимо, наконецъ, сдѣлать сознательный выборъ между двумя институтами, которые находятся въ рѣзкомъ между собою противорѣчіи, но которые пользовались какъ бы одинаковымъ признаніемъ и покровительствомъ государственной власти. Само собою понятно, что въ такомъ серьезномъ вопросѣ, затрагивающемъ существенные интересы различныхъ классовъ, ожидать полного единодушія нельзя. И въ работахъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ не трудно прослѣдить два теченія, которыя при одной и той же исходной точкѣ, какой явилось въ данномъ случаѣ крестьянское малоземелье, имѣютъ въ сущности діаметральное-противоположныя направленія.

„Надо прежде всего“, говоритъ г. Юматовъ въ упоминавшейся уже нами запискѣ, „отучить нашего крестьянина отъ взгляда, что земля Божія или государева,—взгляда, соединяющаго въ себѣ понятіе о неограниченномъ ея количествѣ и о томъ, что крестьянину всегда будетъ отводиться новая земля, какъ только старой у него будетъ мало. Взглядъ этотъ сложился у нашего населенія благодаря тому, что оно никогда не владѣло землею на правахъ собственности. Это-то сознаніе права собственности и надо прежде всего привить къ крестьянамъ. Для этого необходимо измѣнить весь строй ихъ жизни, необходимо предоставить имъ полную имущественную и личную свободу, *согласующуюся и основанную на общихъ законахъ* *) и обязательную для всѣхъ русскихъ подданныхъ“. Въ приведенныхъ словахъ совершенно опредѣленно намѣчается основная задача аграрныхъ преобразованій, какъ ихъ представляли себѣ нѣкоторые мѣстные дѣятели. Привить крестьянамъ „сознаніе права собственности“ на землю,

*) Курсивъ г. Юматова.

хотя бы для этого пришлось „измѣнить весь строй ихъ жизни“,—такова задача, которую они себѣ ставили...

Не лишне будетъ при этомъ напомнить, что записка г. Юматова, ясное, можетъ быть, чѣмъ кто либо другой, формулировавшаго пожеланія данной группы мѣстныхъ дѣятелей, написана подъ сильнымъ давленіемъ мысли объ опасности, которая „глядитъ изъ деревни“. Эта мысль, не чуждая вообще сторонникамъ личной поземельной собственности, съ особою, быть можетъ, силою сказалась въ трудахъ симбирскаго губернскаго комитета. „Г. предсѣдатель“, читаемъ мы въ журналѣ послѣдняго, „указывая на необходимость воспитанія въ населеніи правильнаго сознанія о правѣ собственности, которое не дается общиннымъ землевлдѣліемъ, полагаетъ, что необходимо подчеркнуть особую важность въ социальномъ отношеніи созданія типа мелкаго собственника въ крестьянскомъ сословіи, какъ это предположено запискою г. Родіонова“. Мелкая собственность, по мнѣнію послѣдняго, создаетъ то „наиболѣе прочное и консервативное ядро, котораго такъ не достааетъ въ современной жизни русской деревни“. Еще подробнѣе эту мысль развиваетъ въ своей запискѣ другой членъ симбирскаго комитета, г. Михайловъ. „Отсутствіе мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ“, говоритъ онъ, „порождаетъ весьма опасный антагонизмъ между помѣстнымъ сословіемъ и крестьянскимъ, вслѣдствіе слишкомъ рѣзкаго контраста между ними. Созданіе по всей русской территоріи цѣлой сѣти мелкихъ хуторскихъ хозяйствъ, несомнѣнно, уничтожить этотъ, крайне опасный для государства, все усиливающийся антагонизмъ, на что указываютъ ваши послѣдніе аграрные безпорядки, и вмѣстѣ съ тѣмъ положить прочный базисъ социальнаго порядка въ странѣ“. Можно даже думать, что если крестьянское малоземелье и интересовало нѣкоторыхъ дѣятелей этой категоріи, то лишь потому, что „необезпеченный земледѣлецъ“, какъ выразился предсѣдатель симбирскаго комитета, постоянно возвращавшійся къ этой мысли, „можетъ стать гораздо опаснѣе всякаго пролетарія“.

Тѣ дѣятели, которые думали не только объ опасностяхъ, но и о тѣхъ страданіяхъ, которыми сказывается въ народной жизни современная земельная неурядица, выхода изъ нея искали въ другомъ направленіи. Къ нимъ должны были присоединиться и нѣкоторые изъ тѣхъ, которые искренно были озабочены судьбами сельскохозяйственнаго производства, и въ аграрной проблемѣ видѣли не только задачу тѣми или иными способами поддержать нынѣшнее распредѣленіе національнаго дохода, но и найти средства, которыми было бы обезпечено постоянное его нарастаніе. „Въ 60-хъ годахъ, при освобожденіи крестьянъ“, говоритъ г. Богдановскій въ перискомъ губернскомъ комитетѣ, „правительство, въ видахъ обезпеченія ихъ, произвело выкупъ части земель у помѣщиковъ и удѣла, а затѣмъ пришло къ заключенію о не-

обходимости передачи этих земель крестьянамъ на правѣ собственности. Въ свое время такой шагъ правительства вполне оправдывался съ теоретической точки зрѣнія и былъ обоснованъ на ученіяхъ западныхъ экономистовъ, восхвалявшихъ всѣ положительныя стороны частной собственности на землю. Но дальнѣйшая практика Запада, равно, какъ и сохранившій у народа и русскихъ экономистовъ силу взглядъ на землю, какъ на „Божію и государеву“, не замедлилъ заявить о своемъ существованіи. Не смотря на законы о досрочномъ выкупѣ, огромное большинство крестьянъ не спѣшило осуществленіемъ своего права на пріобрѣтеніе земли въ собственность. вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ рядахъ русскихъ экономистовъ, даже наиболѣе буржуазныхъ, возникло на основаніи выводовъ и ученій западныхъ политико-экономовъ (Генри Джорджъ и др.) сомнѣніе въ безспорности преимуществъ формы частной собственности на землю. Взгляды и ученія эти не прошли безслѣдно для законодательства... Мы лично не можемъ не привѣтствовать намѣчающихся въ законодательствѣ теченій, какъ вполне соответствующихъ истиннымъ представленіямъ русскаго народа о землѣ, какъ государственной и Божіей. Мы считаемъ, что земля не должна служить предметомъ спекуляцій. Государство должно сохранять за собою высшее правовладѣніе. Государство, въ качествѣ выразителя общихъ интересовъ, должно уступать эту землю лишь въ пользованіе группамъ и лицамъ, предоставивъ имъ тѣ распоряженія и условія, которыя по существующимъ формамъ хозяйства являются наиболѣе удовлетворяющими интересамъ общимъ и согласованными съ интересами непосредственно пользующихся землей“... „Частная собственность на землю“, продолжалъ г. Богдановскій, возражая своимъ оппонентамъ, „не составляетъ непремѣннаго условія для успѣшнаго развитія хозяйства. Мы видимъ, что въ западной Европѣ и у насъ частныя земли оказываются заложенными подъ ипотеки и въ земельныя банки, при чемъ задолженность колеблется между $\frac{2}{3}$ и 0,9 стоимости земли. Что же это за собственность, если владѣлецъ только *de jure* является таковымъ, а истиннымъ владѣльцемъ - собственникомъ состоитъ постороннее учрежденіе. Существеннымъ моментомъ при владѣніи землей является лишь сознаніе, что возможность использовать плодъ трудовъ лично или въ потомствѣ обезпечена. Слѣдовательно, и при введеніи принципа огосударствленія земли весь центръ тяжести не перемѣстится, если будетъ сохраненъ такой порядокъ, при которомъ всякій земледѣлецъ, будь то община или отдѣльное лицо въ видѣ крупнаго арендатора, будетъ увѣренъ въ устойчивости своихъ правъ и обезпеченъ въ смыслѣ справедливаго отношенія къ его трудамъ и затратамъ. И теперь уже многія дворянскія имѣнія почти составляютъ собственность дворянскаго банка, а дворяне являются собою какъ бы изъ милости оставленнаго арендатора имѣнія“...

Послѣднія строки показываютъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ лицомъ, которое отнюдь не является сторонникомъ исключительно трудового хозяйства. Г. Богдановскій допускаетъ, во всякомъ случаѣ, возможность предпринимательскаго хозяйства и, за всѣмъ тѣмъ, онъ даетъ совершенно ясную формулировку земельной проблемы, но прямо противоположную той, которую далъ г. Юматовъ. Въ основу аграрной реформы первый считаетъ необходимымъ положить то именно возвращеніе на землю, съ которымъ прежде всего считаетъ необходимымъ бороться второй изъ этихъ дѣятелей. Тотъ и другой желаютъ, чтобы для всѣхъ русскихъ подданныхъ сдѣлался обязательнымъ одинъ законъ, одинъ институтъ земельной собственности, но г. Юматовъ считаетъ необходимымъ, чтобы такимъ закономъ былъ десятый томъ и такимъ институтомъ — частное землевладѣніе; а г. Богдановскій настаиваетъ, чтобы предпочтеніе было отдано общественной формѣ землевладѣнія и начатки закона, который могъ бы санкционировать ея господство, находить въ особомъ приложеніи къ девятому тому свода російскихъ законовъ. При этомъ любопытно, что тотъ и другой для разрѣшенія аграрнаго вопроса считаютъ необходимымъ рѣшительныя мѣры. „Не лучше ли“, говорилъ г. Богдановскій, „вмѣсто палліативовъ пустить въ дѣло радикальную мѣру“. „Здѣсь необходимы“, читаемъ мы въ запискѣ г. Юматова, „усилія всего государства, а не мелкія мѣры“. Необходимость радикальныхъ мѣръ носилась, если можно такъ выразиться, въ воздухѣ и сознавалась даже такими дѣятелями, которые выдумать подобныя мѣры были не въ состояніи. Въ нѣкоторыхъ комитетахъ, какъ, напримѣръ, въ мензелинскомъ, полтавскомъ, воронежскомъ, можно было слышать даже страшное для обывателя слово: „націонализація“. Правда, подъ этимъ словомъ разумѣлось подчасъ нѣчто совсѣмъ нерадикальное, вроде расширенія дѣятельности крестьянскаго банка. Но и, за всѣмъ тѣмъ, это обстоятельство представляется знаменательнымъ: если обыватели перестали бояться страшныхъ словъ, то, дѣйствительно, стало быть, нужны рѣшительныя мѣры.

Какія мѣры проектировались представителями того и другого изъ указанныхъ теченій и насколько ихъ можно считать радикальными, мы увидимъ ниже. Сейчасъ же вернемся къ вопросу, давно уже поставленному нами и до сихъ поръ остающемуся безъ прямого отвѣта. Хватитъ ли въ самомъ дѣлѣ земли, если допустить, что вся она сдѣлается доступной крестьянскому хозяйству?

Нѣкоторые дѣятели сельскохозяйственныхъ комитетовъ пытались отвѣтить на этотъ вопросъ посредствомъ цифровыхъ выкладокъ. Какъ ни соблазнительно, казалось бы, дать подобный отвѣтъ, я думаю, однако, что по существу дѣла онъ невозможенъ и безцѣленъ. Прежде всего, территорія російской имперіи слишкомъ плохо изучена, чтобы количество пригодныхъ для культуры зе-

мель можно было опредѣлить въ сколько-нибудь точныхъ цифрахъ. Крайне трудно поэтому сказать, сколько населенія можетъ досыта кормиться на ней даже при нынѣшнихъ системахъ хозяйства. Между тѣмъ, свободное размѣщеніе населенія на территории и свободное распредѣленіе земли по хозяйствамъ,—если бы таковыя удалось осуществить,—могутъ очень быстро и до неузнаваемости измѣнить распредѣленіе культуръ и свойственную отдѣльнымъ мѣстностямъ степень хозяйственной интенсификаціи. Всѣ теперешнія наши мѣрки могутъ оказаться при этомъ совершенно негодными. Можетъ быть, сады зацвѣтутъ на пропадающихъ нынѣ земляхъ и репейникъ будетъ расти тамъ, гдѣ крестьяне вынуждены культивировать теперь пшеницу. Можно быть, однако, увѣреннымъ, что емкость территории въ случаѣ удачнаго разрѣшенія земельной проблемы, значительно и быстро увеличится.

А. Пѣшехоновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

* * *

Осень вѣетъ мертвымъ сномъ,
Сердце въ горечи застыло.
Время тянется уныло..
Грустно мнѣ въ краю родномъ!

Я страдаю не одинъ:
Вкругъ меня нѣмое горе
Леденѣтъ на просторѣ
Холодѣющихъ равнинъ.

Лишь порой, сквозь жуткій сонъ,
Надъ землей, лишенной свѣта,
Безъ надежды, безъ отвѣта
Пронесется долгій стонъ.

И не знаю въ темнотѣ—
Вѣтра-ль это завыванье,
Или горькое рыданье
О несбывшейся мечтѣ...

Е. Чернобаевъ.

БЕЗЪ ИЛЛЮЗІЙ.

I.

Театральный сезонъ только что начался.

Два дня тому назадъ для открытія сезона ставили „Волки и Овцы“ Островскаго, а сегодня уже шла репетиція новой обстановочной пьесы заграничнаго происхожденія. Пьеса обѣщала быть однимъ изъ „гвоздей“ наступающаго сезона, въ ней участвовала почти вся труппа Матвѣя Матвѣевича Садовникова.

Въ театральныхъ сферахъ садовниковскую труппу считали безспорно-солидной; въ провинціальныхъ рецензіяхъ ее называли даже образцовой. Самый фактъ служенія у Матвѣя Матвѣевича давалъ молодымъ актерамъ нѣкоторыя права на артистическое имя, хотя на дѣлѣ, за исключеніемъ антрепренера Садовникова и главнаго режиссера, Тимофѣя Ильича Жиденева, въ труппѣ не было дѣйствительно крупныхъ драматическихъ силъ. Да и изъ этихъ двухъ столповъ — Матвѣй Матвѣевичъ значительно устарѣлъ, а Жиденевъ отличался большою неровностью игры, такъ какъ принадлежалъ къ числу „актеровъ-нутряниковъ“, у которыхъ все зависитъ отъ минутнаго настроенія. Зато онъ былъ прекраснымъ режиссеромъ, умѣлъ подчинять актеровъ своимъ требованіямъ. Тимофѣй Ильичъ дрессировалъ труппу, и дрессировалъ успѣшно, съ неизмѣннымъ тактомъ, съ полнымъ уваженіемъ къ личности каждаго изъ артистовъ. Самъ онъ не всегда могъ сыграть именно такъ, какъ ему хотѣлось, но онъ зналъ, *какъ нужно* играть на сценѣ, искусно руководилъ репетиціями, вникалъ въ мельчайшія подробности сценическихъ иллюзій, и труппа Матвѣя Матвѣевича гордилась рѣдкимъ ансамблемъ. Вѣроятно, это обстоятельство и создало труппѣ ея репутацию „образцовой“.

Кромѣ того, тутъ еще играло видную роль обаяніе имени Матвѣя Матвѣевича, извѣстнаго провинціальнаго трагика и

„героя“, потрясавшаго въ теченіе многихъ лѣтъ сердца и души театраловъ. Въ свое время Матвѣй Матвѣевичъ побывалъ и на императорской сценѣ, но очень быстро ушелъ оттуда: тамъ ему показалось, какъ онъ выражался, „скучновато и тѣсно“. Садовниковъ возвратился къ провинціальной публикѣ, и дальнѣйшая его жизнь была сплошнымъ рядомъ артистическихъ триумфовъ, соединенныхъ съ любовными приключеніями. Обладая отменно-хорошимъ здоровьемъ, онъ только къ пятидесяти годамъ почувствовалъ себя утомленнымъ: появились первые признаки подагры, а вмѣстѣ съ ними жестокая, непобѣдимая тоска, вѣрный симптомъ жизненной усталости. Что-то странное произошло тогда и съ игрою Матвѣя Матвѣевича: старыя свои роли онъ исполнялъ по прежнему хорошо, но не создавалъ ничего новаго. То-есть, ему постоянно приходилось играть новыя роли и, какъ умный, богато-одаренный артистъ, онъ не портилъ того, за что брался. Но игра его оказывалась иная, чѣмъ раньше; въ ней не было задумчивости и той филигранной отдѣлки, которая выдѣляла Садовникова изъ плеяды другихъ талантливыхъ артистовъ.

Матвѣй Матвѣевичъ началъ похварывать. Случалось, онъ присутствовалъ на репетиціяхъ съ распухшей ногой, въ широкой войлочной туфлѣ, и репетировалъ роли, не подымаясь съ кресла; нерѣдко въ продолженіи дня Садовниковъ совсѣмъ не могъ подняться съ постели, но въ моментъ, когда предстояло выступить передъ публикой, онъ — точно отъ какого-то внутреннего толчка — мгновенно сбрасывалъ съ себя ощущеніе боли и душевной тяжести и выходилъ на сцену бодрый, стройный, гибкій, съ юношескимъ голосомъ влюбленнаго Ромео или неотразимаго Кина.

А по окончаніи спектакля его увозили домой полумертвымъ. Среди товарищей-артистовъ и, главное, — среди антрепренеровъ мало-по-малу зашипѣла роковая молва: Садовниковъ обезножилъ... Измѣнялись времена и требованія публики, измѣнялось и отношеніе антрепренеровъ. На сценѣ появлялись молодыя силы, волей или неволей, а надо было давать имъ дорогу. Матвѣй Матвѣевичъ не заблуждался относительно истиннаго положенія дѣлъ. Онъ съ грустью приводилъ слова своего любимца Гейне:

Какъ бы прекрасно ни свѣтило солнце,
Оно должно же, наконецъ, зайти...

и, наконецъ, сдѣлалъ рѣшительный шагъ для поворота къ новому амплуа: сыгралъ сперва Кречинскаго, потомъ „Стараго барина“ и „Ришелье“. То была послѣдняя яркая вспышка его артистическаго творчества. Въ это время онъ

сошелся съ актрисой, Ниной Ѳедоровной Курбатовой-Струйской, красивой, энергичной и настойчивой женщиной, сумѣвшей забрать въ руки непостояннаго Матвѣя Матвѣевича. Какъ старѣющій, начавшій хворать человекъ,—Садовниковъ нуждался въ заботливомъ домашнемъ уходѣ; какъ постарѣвшій, подчасъ ворчливый и скучный возлюбленный,—онъ искалъ дружескаго снисхожденія. Нина Ѳедоровна довольно тонко поняла это. Она окружила Матвѣя Матвѣевича мелочнымъ комфортомъ семейной жизни, затѣмъ подала ему идею заняться антрепризой.

Она же, собственно говоря, и привела въ исполненіе свой планъ. У Матвѣя Матвѣевича, по обыкновенію, не было денегъ. Нина Ѳедоровна разыскала богатую почитательницу Садовникова, открывшую ему широкій кредитъ. Дальше, при сформированіи труппы, какъ-то само-собою вышло, что Нина Ѳедоровна попала въ премьерши. До сихъ поръ она не пользовалась большимъ успѣхомъ на сценѣ; антрепренеры называли ее актрисой холодной, но съ именемъ и съ гардеробомъ. Сама же Нина Ѳедоровна, подобно огромному большинству среднихъ артистокъ, была глубоко убѣждена, что у нея исключительное дарованіе, которому враги изъ зависти не дадутъ развернуться. Теперь она начала играть любя роли, на выборъ: и драматическихъ инженокъ, и героинь, и болѣе интересныхъ злодѣекъ. На амплуа комическихъ инженокъ была приглашена ея младшая сестра, Вѣра Ѳедоровна Курбатова, актриса совершенно безцвѣтная, а остальной женскій персоналъ, волею судьбы, подобрался такимъ образомъ, что никто изъ дамъ не смѣлъ допустить и мысли стать на дорогѣ у премьерши.

Нина Ѳедоровна наблюдала за коммерческой стороной антрепризы, опытный Жиденевъ руководилъ режиссерской частью, Матвѣй Матвѣевичъ отдыхалъ на лаврахъ, и все шло гладко. Матвѣй Матвѣевичъ имѣлъ настолько такта, что даже у себя въ театрѣ не выступалъ въ молодыхъ роляхъ. Изрѣдка для его удовольствія ставили „Ришелье“ или „Старого барина“, или еще что-нибудь изъ его устарѣвшаго репертуара. Въ остальное время онъ игралъ благородныхъ отцовъ, да и то не часто.

II.

Репетиція первой сезонной новинки близилась къ концу. Сцена была слабо освѣщена электрическими лампочками; откуда-то сбоку пробивался дневной свѣтъ. Зрительный залъ темнѣлъ вдаль, какъ гаягантская пещера. Исполнители уто-

мились, начинали нервничать. Тимофѣй Ильичъ Жиденевъ, гладко выбритый, румяный, плотный и очень опрятный, сидѣлъ на стулѣ возлѣ суфлерской будки, держа въ рукахъ тетрадь съ пьесой. Онъ по нѣскольку разъ заставлялъ повторять то одну, то другую сцену, указывалъ мѣста, поправлялъ позы и на вопросы: „ну, что, Тимофѣй Ильичъ, теперь такъ?“—невозмутимо отвѣчалъ:

— На мой взглядъ,—не такъ.

— Опять не такъ?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ. Потрудитесь еще разъ. Сначала...

Нинѣ Ѳедоровнѣ послѣ длиннаго патетически-прочитаннаго монолога онъ замѣтилъ:

— Нѣтъ, не то... Этотъ образъ—онъ реаленъ лишь наполовину. Тутъ и символизма немножко подмѣшано, и фантастическій есть элементъ... А у васъ она черезчуръ земная: вы все на пластикъ основываете, на позировкѣ. Попробуйте взять другой тонъ. И побольше поэтичности настроенія...

— Развѣ я не передаю настроенія?—строптиво спросила Курбатова.

— По моему, нѣтъ. Попрошу васъ... Сначала.

Она начала монологъ снова.

За эту терпѣливую невозмутимость Жиденева побранивали актеры. А раздражительный неврастеникъ, любовникъ-фатъ и мелкій „злодѣй“, Незлобинъ, говоря о режиссерѣ, добавлялъ:

— Хладнокровныя животныя—самыя ядовитыя.

Матвѣй Матвѣевичъ не участвовалъ въ пьесѣ. Опираясь на щегольскую палку изъ чернаго дерева съ слоновой костью, онъ стоялъ въ глубинѣ сцены, въ пальто и съ шляпой въ рукѣ, должно быть, собираясь на прогулку. Высокій старикъ съ красивымъ, но помятымъ лицомъ, съ привлекательнымъ свѣтомъ въ глазахъ, какой дается многостороннимъ натурамъ, отличающимся умѣньемъ думать, чувствовать и воспринимать впечатлѣнія,—Матвѣй Матвѣевичъ, появляясь въ толпѣ, обращалъ на себя вниманіе даже и тогда, когда кругомъ не знали, кто онъ. Онъ много пожилъ, многое видѣлъ и испыталъ, многимъ пресытился, научился ничему не удивляться, смотрѣть на все съ легкимъ отгѣнкомъ снисхожденія. Въ беззаботномъ тонѣ Садовникова звучала немалая доля легкомыслія, но въ тоже время его осмысленная, чуть саркастическая улыбка свидѣтельствовала, что онъ слишкомъ хорошо понимаетъ и себя, и другихъ, и самъ, быть можетъ, страдаетъ отъ своего излишне тонкаго пониманія.

Въ театрѣ Садовниковъ считался хозяиномъ, душой предпріятія, и, не смотря на то, онъ сознавалъ себя здѣсь одино-

кимъ, стоящимъ въ сторонѣ отъ общей работы. Онъ уже не былъ одною изъ тѣхъ необходимыхъ пружинъ, которыя приводятъ въ дѣйствіе сложный механизмъ театральнаго дѣла.

— Моя фирма, — шутя говорилъ Матвѣй Матвѣевичъ о труппѣ, и въ шуткѣ его прорывалась значительная доза горечи.

На что бы онъ ни смотрѣлъ, кого бы ни выслушивалъ съ своей обычно-утонченной вѣжливостью, его глаза и улыбка выражали: это я уже видѣлъ, а это — слыхалъ много разъ. Впрочемъ, въ немъ не было озлобленнаго недовольства старости; онъ не злобствовалъ, а лишь хронически скучалъ отъ сознанія, что для него не остается ничего новаго.

Подлѣ Матвѣя Матвѣевича сновали актеры и театральные служащіе, шли разговоры вполголоса, сыпались шутки. Злобою дня служилъ второй любовникъ труппы, Мстиславъ Львовичъ Ландсбергъ-Лозинскій, рыхлый блондинъ съ туловатымъ выраженіемъ лица; съ большими, на выкатѣ, далеко посаженными другъ отъ друга глазами, болтливый и подвижной, въ свѣтломъ галстухѣ бантомъ и въ свѣтломъ, еще лѣтнемъ, костюмѣ. Онъ имѣлъ привычку дѣлать прозрачные намеки, рассказывая о своихъ успѣхахъ у женщинъ. Претензія нравиться женщинамъ составляла слабое мѣсто добродушнаго Ландсберга, хотя до сихъ поръ его жертвы пребывали гдѣ-то въ пространствѣ, никѣмъ невидимыя, никому неизвѣстныя.

Истекшимъ лѣтомъ у Ландсберга, наконецъ, разыгрался реальный, а не вымышленный романъ. Въ труппѣ у Матвѣя Матвѣевича играла актриса, Александра Алексѣевна Шаврова, кроткая, тихая, незамѣтная. Ей было не болѣе тридцати-пяти лѣтъ, но она занимала амплуа драматическихъ старухъ, и ее привыкли считать некрасивой, постарѣвшей, незанимательной. Ея-то сердце и покорило Ландсбергъ. Однако побѣду эту никто не хотѣлъ признать блестящей. Надъ Ландсбергомъ трунили болѣе, чѣмъ когда либо. Извѣстный Незлобинъ, не знавшій чувства мѣры въ своихъ шуткахъ, говорилъ:

— Вы только, господа, представьте себѣ эту парочку! „Ахъ, вить, то была Нина“...

Многіе смѣялись, а ненаходчивый Ландсбергъ молчалъ, боясь новыхъ колкостей Незлобина.

На аван-сценѣ Нина Федоровна въ третій разъ повторяла длинный монологъ, и опять Жиденевъ былъ недоволенъ ея исполненіемъ:

— Ну, вотъ! теперь вы начали декламировать... Точно о растерзанной Гекубѣ читаете.

Нина Ѳедоровна сердилась и спорила:

— Позвольте! Но не могу же я говорить такимъ тономъ, какъ: „дайте мнѣ телячью котлетку“? Здѣсь должна быть неподнятость. Эффе́ктъ нуженъ!

— Но никоимъ образомъ не мелодраматическій.

Матвѣй Матвѣвичъ издали видѣлъ, что сейчасъ Нина Ѳедоровна прибѣгнетъ къ его авторитетному заступничеству. Ему не хотѣлось этого. Отступивъ еще дальше въ глубь сцены, онъ пошелъ къ выходу кружнымъ путемъ черезъ корридоръ, огибавшій зрительный залъ.

Въ корридорѣ стояла полутьма. Навстрѣчу Матвѣю Матвѣвичу торопливо шла какая-то женщина мелкими, нервно-ускоренными шагами. Онъ посторонился дать дорогу, но женщина тоже остановилась.

— Скажите... можно мнѣ видѣть антрепренера?... Садовникова?—съ уси́лемъ переводя духъ, спросила она.

— Это—я. Что вамъ угодно?

Матвѣй Матвѣвичъ угадывалъ напередъ: будетъ проситься на сцену. Сколько ихъ, однако, приходитъ!

Дама заговорила:

— Ахъ, это вы! Да, вы... Теперь я узнала по голосу. Извините, здѣсь темно... Я пришла видѣть васъ... на нѣсколько словъ... По дѣлу...

Она была до того взволнована, что едва держалась на ногахъ.

— Къ вашимъ услугамъ. Не угодно ли вамъ пройти въ фойе? Сюда, направо... Осторожнѣй: тамъ ступени...

Просительница шла за Садовниковымъ, не слыша его предупрежденій.

III.

Въ фойе оказалось свѣтло и нарядно. Огромныя окна давали массу свѣта; сквозь спущенныя желтоватыя шторы пробивались солнечные лучи. Паркетный полъ, голубая бархатная мебель, зеркала въ золоченныхъ рамахъ, раскидистыя искусственныя пальмы—все было чистенькое, свѣжее, недавно подновленное.

Передъ Матвѣемъ Матвѣвичемъ стояла молодая дѣвушка въ выходномъ демисезонномъ костюмѣ, блѣдная до синевы, съ пересохшими отъ волненія губами.

— Иванова,—назвала она себя.

Матвѣй Матвѣвичъ пожалъ ея руку.

— Присядьте, пожалуйста. Я васъ слушаю.

Иванова сѣла на голубой диванчикъ. Вчера въ вагонѣ, по пути въ Z. и сегодня въ гостиницѣ она, собираясь къ

Садовникову, готовила такое складное вступленіе для бесѣды съ антрепренеромъ, а тутъ у нея не хватало ни словъ, ни мыслей.

Матвѣй Матвѣвичъ деликатно помогъ ей.

— Вѣроятно, вы хотите попробовать свои силы на сценѣ? Я угадалъ? Не правда ли?

— Да... угадали. Примите меня, если можно!—волнуясь, попросила Иванова.—Мнѣ хотѣлось бы именно у васъ: два года назадъ я видѣла васъ въ Москвѣ... вы—кардинала Рипшелъе играли... Мнѣ такъ понравилось! И теперь я рѣшила раньше всего попытать счастья у васъ.

Матвѣй Матвѣвичъ съ серьезнымъ видомъ наклонилъ голову, словно ему польстила похвала Ивановой. Онъ глядѣлъ на смущенную, нарядную барышню и придумывалъ, какъ бы помягче отказать ей. А Иванова съ замираніемъ пульса ждала отвѣта, не замѣчая, что вся ея рѣчь дышетъ безтактностью. Выходило такъ, какъ будто она предлагаетъ Садовникову свои артистическія услуги въ видѣ награды за хорошее исполненіе роли кардинала Рипшелъе.

— Не могу быть вамъ полезнымъ,—съ разстановкой сказалъ Матвѣй Матвѣвичъ послѣ молчанія,—у насъ—полный комплектъ. Больше, чѣмъ надо.

Иванова приподнялась съ дивана, какъ будто хотѣла уклониться отъ удара.

— Но хоть на самыя маленькія роли!—умоляюще произнесла она,—горничныхъ, что ли? Соглашусь на все, лишь бы остаться... чтобы не ѣхать дальше. Я думала сперва къ вамъ, потомъ, если не удастся, въ Х... къ Крашенинникову.

Матвѣй Матвѣвичъ нашелъ исходъ и обрадовался:

— И прекрасно! — отвѣтилъ онъ, — попробуйте у Крашенинникова. Можетъ быть, ему нужно: у него хорошая труппа, очень недурной составъ...

Иванова безнадежно покачала головой.

— Нѣтъ... Почему-то я больше на васъ надѣялась.

— Мнѣ непріятно васъ огорчать. А между тѣмъ...

— Я уже играла въ Москвѣ,—торопясь, начала Иванова, повидимому, еще не теряя надежды, что ей удастся въ чемъ то убѣдить Матвѣя Матвѣвича.

— Вы—любительница?—любезно спросилъ онъ.

— Я выступала въ любительскихъ спектакляхъ: въ Москвѣ, въ —скомъ клубѣ... И съ успѣхомъ. Всѣ находили, что у меня...

Она запнулась, не рѣшаясь произнести какое-то слово, и послѣ добавила:—есть всетаки способности...

Глаза Матвѣя Матвѣвича усмѣхнулись. Къ нему обра-

щались десятки подобныхъ любительницъ искусства, и каждая непременно ссылалась на свой предыдущій успѣхъ у публики. Да и есть ли хоть одна любительница, которая имѣла бы успѣха у своей аудиторіи?

Иванова вспомнила еще объ одномъ своемъ козырѣ, и сама удивилась, какъ она не сказала объ этомъ прежде всего. Уже не владѣя собственнымъ голосомъ, она почти крикнула Садовникову:

— Мою игру видѣла Н! Московская Н! Она говорила, что изъ меня могла бы... если бы я подольше поработала надъ собой...

Но Матвѣя Матвѣевича не умилоствовала и московская Н. Онъ вѣжливо отвѣтилъ:

— Не сомнѣваюсь. Но труппа у насъ полна.—Смягчая свой отказъ, онъ поспѣшилъ спросить:

— Вы въ какихъ пьесахъ играли?

— „Первая муха“, „Школьная пара“, „Дикарка“. „Дикарка“ удалась мнѣ лучше другихъ... Много апплодировали... даже съ мамой сравнивали! Только находили, что въ другомъ жанрѣ.

— Ваша мать тоже артистка?—поинтересовался Матвѣй Матвѣевичъ.

— Ннн-нда!—нерѣшительно протянула Иванова и, тотчасъ оправившись, пояснила:

— Нѣтъ... Она—эстрадная пѣвица. То-есть, была раньше. Теперь мама даетъ самостоятельные концерты: поетъ куплеты. Вы, можетъ быть, слышали: Ира Ларисова?

Садовниковъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе, отъ котораго свалилась съ его колѣнъ на полъ мягкая сѣрая шляпа.

— Ира Ларисова?—живо повторилъ онъ:—Ирина Юрьевна?

— Вы знаете маму?

Матвѣй Матвѣевичъ провелъ рукой по своей головѣ, какъ бы перебирая густыя кудри. Странно было видѣть его жестъ надъ старой головой съ порѣдѣвшими волосами.

— Знаю ли я? Еще бы! Мы съ нею когда-то большими были друзьями.

Иванова сконфуженно опустила глаза: она хорошо понимала, что значить быть „большимъ другомъ“ ея матери. Ей захотѣлось встать и уйти подальше отъ этого почтеннаго артиста, который такъ мягко, вѣжливо, почти нѣжно, но категорически отказывалъ ей въ ея скромной просьбѣ. Но встать и уйти было неудобно, потому что Матвѣй Матвѣевичъ въ упоръ глядѣлъ на нее вдругъ заблестѣвшими глазами и оживленно разспрашивалъ:

— Такъ Ирина Юрьевна—ваша матушка? Вотъ, не ожидалъ... Но какъ же я радъ съ вами встрѣтиться! Расскажите

мнѣ о мамѣ... Гдѣ она? Въ Москвѣ или концертируетъ? Здорова?

— Здорова,—холодно вато сказала Иванова:—сейчасъ она въ Москвѣ. Собирается въ Кіевъ.

— Въ большую моду теперь пошла? Знаю, знаю... Постоянно пишутъ въ газетахъ. Импрровизаторша, куплетистка, королева русскихъ шансонетокъ. Читаль, читаль... Недавно послѣдній портретъ ея гдѣ-то видѣлъ: все такъ же хороша, даже лучше стала. И старости на нее нѣтъ, не полнѣетъ ничуть.

Иванова молчала.

— А давно мы не видѣлись съ нею!—продолжалъ Матвѣй Матвѣвичъ:—лѣтъ двадцать... нѣтъ, меньше, но около двадцати. Въ Одессѣ я гастролировалъ и она—тоже... подвизалась въ Одессѣ. Въ „Благородкѣ“, если не ошибаюсь Съ большимъ шумомъ пѣла уже и тогда. Какъ это она распѣвала? А! забылъ... По всей Одессѣ носилось, всюду повторяли... Ага!

Всѣ цѣнять мой природный шикъ,
Меня зовутъ—второй Жюдикъ.

Видите? до сихъ поръ помню. На дачѣ она жила, на Маломъ Фонтанѣ... Бѣлая вила, парадная такая, съ колоннадой... Постойте, постойте! да я, кажется, и васъ припоминаю... Ну, конечно, припоминаю. Вѣдь васъ Лелей зовутъ? Виновать... Еленой?

— Еленой,—подтвердила Иванова, уже не робѣя и съ огорченіемъ въ голосъ.

— А по отчеству?

— Михайловной.

— Вонъ оно что, Елена Михайловна! Вы тогда еще подъ столъ пѣшкомъ путешествовали. Мы съ вами тоже были друзьями. Вы очень любили персики, и я, какъ на Малый Фонтанъ, такъ съ корзиночкой... а вы и поджидаете меня: чуть я на порогъ,—„давай персиковъ“! Въ колясочкѣ каталь васъ часто... Не помните?

— Не помню. У мамы много народа бывало, и все мужчины. Изъ одесскихъ никого не помню.

— Но со мной особый случай вышелъ: я вамъ голову какъ-то расшибъ. Охъ! и испугался же... Повезъ подъ гору, колясочка—на бокъ, и вы—головой о клумбу... Расшиблись! вотъ тутъ, у виска. Кровь льется, вы—вся въ землѣ; платье, локоны—все перепачкано... стою надъ вами и не знаю, что дѣлать...

— Въ самомъ дѣлѣ? А у меня шрамъ возлѣ виска, и я иногда думала, откуда онъ?

Елена Михайловна разсѣянно приподняла начесанную на лобъ прядь свѣтлыхъ волосъ, дотронулась рукой до чуть-замѣтнаго поперечнаго шрама и расстrepала подъ шляпой свою модную прическу à la Кавальери.

— Забыли этотъ случай?

— Забыла.

Матвѣю Матвѣвичу было слегка неприятно, зачѣмъ она не помнить ни Малаго Фонтана, ни бѣлой вишны, ни катастрофы съ колясочкой.

— Досталось мнѣ послѣ отъ Ирины Юрьевны! Она васъ такъ любила... Бѣшено, болѣзненно, дико...

— Она и до сихъ поръ меня такъ любить.

Въ тонѣ Ивановой послышалась иронія. Матвѣй Матвѣвичъ былъ поглощенъ воспоминаніями и не замѣтилъ этого.

— Но что же мама? Мама—что?—спрашивалъ онъ.

— Да вы и безъ меня знаете все о мамѣ.

— Говорятъ, разбогатѣла? Объ ея брильянтахъ чуть не передовыя статьи въ „Листкахъ“... свои дома въ Москвѣ?

— Да... Мама, кажется, богата. И дома есть въ Москвѣ. Два дома..

— Несомнѣнно, богата: Ирина Юрьевна всегда была расчетлива. Умная она женщина... О, какая умная! И люди, и обстоятельства—все у нея на службѣ. Ну, и талантъ при томъ... безспорный мимическій талантъ. Богатѣйшая мимика! скажетъ многое, не говоря ничего...

— Значить и вы?... вы—тоже считаете маму талантливой?—горячо переспросила Елена Михайловна.

— Неизмѣнно считаю. Бывало, смотрю на нее и думаю: какая большая артистка погибаетъ... Вѣдь я ее въ драму тащилъ... и какъ тащилъ!—чуть не силою. Не захотѣла. Какъ ни уговаривалъ,—не пошла. А жаль...

— Страшно жаль!

— Хотя... кто знаетъ? Она теперь, пожалуй, болѣе удовлетворена, чѣмъ кто другой. Каждому—свое. Въ своей области она вышла побѣдительницей... а побѣдителей, кажется, не судятъ? Вѣдь такъ?

— Не знаю.

Чѣмъ больше оживлялся Матвѣй Матвѣвичъ, вспоминая объ Иринѣ Юрьевнѣ, тѣмъ спокойнѣе и безучастнѣе становилась его собесѣдница. Она больше не волновалась отъ робости и разговаривала, какъ разговариваютъ юныя женщины съ стариками, слегка принуждая себя быть любезно-внимательной. Глаза ея смотрѣли не умоляюще, какъ раньше, а съ затаенной печалью, которая не гармонировала съ ея молодымъ лицомъ и свѣжими губами. Еще сегодня утромъ воображеніе Елены Михайловны рисовало идеальный,

недостигаемый образъ Садовникова, безподобнаго кардинала Ришелье, изящнаго стараго барина, Опольева. Она шла къ Матвѣю Матвѣвичу съ такимъ хорошимъ чувствомъ уваженія и довѣрія, какъ къ кому-то неизмѣримо-высшему, чѣмъ она сама. А сейчасъ на диванчикѣ, рядомъ съ нею сидѣлъ интимный, старинный пріятель ея матери, очень пожилой господинъ въ разстегнутомъ свѣтло-сѣромъ пальто, съ темными жемчужными запонками на груди. Этотъ новый Матвѣй Матвѣвичъ, простой и ласковый,—казался симпатичнымъ. Но это было не то, что она ожидала увидѣть; не то, что померещилось ей въ началѣ ихъ разговора, когда Садовниковъ рѣшительно не соглашался принять ее въ свою образцовую труппу. Тогда онъ внушалъ благоговѣйный страхъ; теперь—симпатію, отчасти смѣшанную съ разочарованіемъ; кардиналъ Ришелье, хотя и не исполнилъ, но все же напоминалъ тѣхъ заурядныхъ людей, отъ которыхъ уходила Елена Михайловна, покидая Москву.

Матвѣй Матвѣвичъ сосредоточился на мысли о прошломъ. Ему трудно было соединить въ одно цѣлое нынѣшній обликъ Елены Михайловны съ прежней миниатюрной Лелей, любившей персики. Садовниковъ видѣлъ передъ собой не ее, а ея мать; онъ предлагалъ вопросы, относящіеся къ Иринѣ Юрьевнѣ. Иванова отвѣчала ему вяло и неопредѣленно. Наконецъ, онъ спросилъ:

— Ирина Юрьевна, не говорила вамъ обо мнѣ? О нашемъ знакомствѣ?

— Не говорила. Я не знала, что вы такъ близко знакомы съ мамой... А если бы знала...

— Не обратились бы ко мнѣ?

Матвѣй Матвѣвичъ, протянувъ руку, фамиллярнымъ жестомъ дотронулся до плеча Ивановой повыше локтя. Она уклонилась и торопливо отодвинулась на край дивана.

— Не обратилась бы,—отвѣтила она на вопросъ; тонъ ея отвѣта былъ угрюмо-сердитый.

— Но почему же?

— По многимъ причинамъ. Хотя бы потому, что вы другъ мамы, а мама—противъ моего поступленія въ драму.

— Она не хочетъ? Предпочитаетъ и для васъ эстраду? Желаетъ, чтобы вы продолжали ея концерты?

— Наоборотъ. Мамѣ не хочется, чтобы я выступала гдѣ бы то ни было. Ей—лишь бы я сидѣла около нея... лишь бы баловать меня, видѣть всегда, когда она пожелаетъ... наряжать... знать, что я дѣлаю, чѣмъ занята. Третьяго дня я уѣхала изъ Москвы послѣ ссоры съ мамой. И не возвращусь обратно... никогда.

Матвѣй Матвѣвичъ сталъ серьезень и предложилъ новый вопросъ почти сурово:

— А почему вы намѣтили идти въ драму? Чувствуете призваніе? Или—такъ себѣ?

— Не могу вамъ сказать... Я не думала объ этомъ: есть у меня призваніе или нѣтъ? Когда не знаешь, что съ собой дѣлать,—хочется ухватиться за первую надежду. Для меня неясно: къ чему я пригодна... Хотѣла бы испытать себя, выяснить... взвѣсить свои силы. Но взвѣсить—безъ посторонней помощи, безъ всякой протекціи. Гожусь—хорошо, нѣтъ—не надо. Вотъ чего я хочу.

— Но въ Москву вы твердо рѣшили не возвращаться?

— Твердо. Эта жизнь въ Москвѣ... Не могу я дальше! Грязь, одна грязь... Тамъ мнѣ некуда уйти отъ нея, а мама не хочетъ понять и сердится. Вѣдь я не маленькая... Надо же подумать, каково и мнѣ!

Сдержанность Ивановой исчезала, уступая мѣсто негодующей запальчивости. Елена Михайловна теряла самообладаніе и, какъ это часто случается именно съ скрытными, но нервными людьми,—она неожиданно для себя самой заговорила откровенно, забывая, что передъ нею посторонній человѣкъ:

— Что мнѣ дѣлать дома? Къ чему я мамѣ? Эти мужчины кругомъ... Мама привыкла къ нимъ, а я... я все понимаю... Какъ они мнѣ противны! Маніаки... Павіаны какіе-то... Все объ одномъ, все объ одномъ. Есть же у нихъ что-то иное? Служать вѣдь они, заняты чѣмъ то... думаютъ же о чемъ-нибудь? И ничего не видно. Не люди, а павіаны. Чего ради я должна жить возлѣ нихъ? Зачѣмъ? Ихъ тонъ, разговоры—задохнуться въ пору! Измучилась я съ ними: все кажется, что они и ко мнѣ такъ относятся, какъ будто со мной можно многое себѣ позволить. Съ другими нельзя, а со мною можно. Я всегда насторожѣ... всегда боюсь, какъ бы меня не унизили... Съ дѣтства боюсь... и не хочу больше! Буду искать и добиваться: чтонибудь да найду. Не приняла вы,—пойду къ Крашенинникову. Откажетъ онъ, пойду къ...

— Я не отказывалъ вамъ!—поспѣшно перебилъ ее Матвѣй Матвѣвичъ и поправился,—хотя... видите... Я полагалъ, вы—обыкновенная любительница. Ихъ такъ много является, невозможно-же всѣхъ принимать. Но вамъ—нѣтъ надобности никуда ѣхать. Для такой давней моей пріятельницы, авось, и у меня найдется мѣсто. Тѣмъ болѣе, что вы желали попасть на небольшія роли?

— На самыя маленькія.

— Вотъ я переговорю съ режиссеромъ. Это главнымъ образомъ отъ него зависитъ. Надѣюсь, вы попадете въ труппу.

Не знаю, кончилъ-ли онъ репетицію? Обождите здѣсь, я—скоро...

Елена Михайловна осталась одна и долго не могла оправиться отъ волненія, которое охватило ее, когда она жаловалась на свою московскую жизнь. Теперь даже вопросъ о томъ, примутъ ли ее въ концѣ концовъ на сцену, или не примутъ,—казался ей второстепеннымъ. Главное же было—Москва и невозможность оставаться тамъ дальше...

Солнце на дворѣ зашло за облака; въ фойе потемнѣло, всѣ предметы приняли болѣе тусклый видъ; въ этой болъшой, длинной залѣ стало холодно, пусто и неудобно, какъ во всякомъ нежиломъ помѣщеніи. Елена Михайловна съежилась отъ холода и подумала:

— Скорѣй бы!

IV.

Матвѣй Матвѣевичъ шелъ за кулисы, съ нимъ встрѣтился Незлобинъ и спросилъ:

— Вернулись? А васъ Нина Федоровна искала.

— Она уѣхала?

— Только-что.

— А Тимофѣй Ильичъ? Не ушелъ?

— Онъ—здѣсь. Уже сынки пришли его караулить.

Тимофѣй Ильичъ смотрѣлъ уставшимъ, но продолжалъ еще разъяснять что-то по плану декоратору Гвоздикову и помощнику режиссера, зоркому, черненькому Чабанову. Въ сторонѣ стояли два гимназиста, сыновья Жиденева, одинъ постарше, лѣтъ четырнадцати, другой—первоклассникъ, оба здоровые, краснощекіе, любители гимнастики, катанья на конькахъ и велосипеднаго спорта. Они зашли за отцомъ, собираясь съ нимъ на предобѣденную прогулку.

Тимофѣй Ильичъ былъ примѣрный семьянинъ. Жена его, Анастасія Дмитріевна, играла у Садовникова второразрядныя бытовья роли. Актеры утвеждали, будто ея коронная роль это—роль кухарки въ „Плодахъ просвѣщенія“, а дамы изъ садовниковской труппы называли при этомъ и самую Анастасію Дмитріевну „кухаристой тараторкой“. Она, дѣйствительно, имѣла вульгарную внѣшность, хотя была красива съ своей пышной фигурой, неподдѣльно-румянымъ цвѣтомъ лица и густыми, русыми волосами. По типу, Анастасія Дмитріевна походила на тѣхъ русскихъ боярынь, которыхъ охотно изображаютъ художники на историческихъ картинахъ. Нравъ у нея былъ нѣсколько крутой, безцеремонный. Происходила она изъ купеческой семьи, на сцену попала уже послѣ выхода замужъ, артистическую среду не долюбивала, и мнѣ-

ніе объ актерахъ сложилось у нея весьма плохое. Они казались ей поголовными пьяницами, распутниками, потерянными людьми. Впрочемъ, своего Тимофѣя Ильича Анастасія Дмитриевна выдѣляла изъ толпы остальныхъ служителей Мельпомены, считая его счастливымъ исключеніемъ. Никто изъ артистовъ не бывалъ у Жиденевыхъ, не видѣлъ ихъ домашней жизни вблизи; однако у всѣхъ сложилось убѣжденіе, что дома Тимофѣй Ильичъ „пикнуть не смѣетъ“ передъ женою, всецѣло подчиняется жениной волѣ. Но какъ бы тамъ ни было, а Жиденевы составляли дружную супружескую пару.

Матвѣй Матвѣевичъ подошелъ къ Жиденеву.

— Тимофѣй Ильичъ... а мнѣ васъ надо.

— Что такое?

— По секрету. Пожалуйте со мной.

Садовниковъ, взявъ режиссера подъ руку, отвелъ его въ свою уборную.

— Выручите меня, Тимофѣй Ильичъ!

— Въ чемъ дѣло?—утомленнымъ, полуохрипшимъ голосомъ спросилъ Жиденевъ.

— Да вотъ... тутъ... Одна молодая актриса, Иванова нѣкая... просится къ намъ въ труппу: на выходныя роли. Всего лишь на выходныя. И мнѣ непременно нужно пріютить ее... Непремѣнно.

— За чѣмъ же остановка? разъ вы желаете...

— То то и есть... разъ я желаю,—этого еще недостаточно. Надо, чтобы и вы пожелали... Вѣдь вы Нину Федоровну знаете?

— Ну, знаю.

— Черезъ ея цензуру рѣдко какая женщина пройдетъ... Особенно молодая. А мнѣ съ Ниной Федоровной вовсе не хочется ссориться.

— Чѣмъ же я могу здѣсь помочь?—немного нахмурившись, спросилъ Жиденевъ.

— Примите на себя... какъ будто, по вашему желанію. Скажу, что вы настояли, а я... я долженъ же дѣлать вамъ кой-какія уступки? Противъ васъ и Нина Федоровна не пойдетъ, и все будетъ прекрасно.

— Не знаю, удобно ли это,—сухо отозвался Жиденевъ, совсѣмъ ужъ недовольный.

— Чего: не знаю? Вполнѣ удобно! Человѣкъ вы добродѣтельный, неуязвимый... Стоите, такъ сказать, внѣ подозрѣній. Не то, что я: моя персона постоянно подъ негласнымъ контролемъ. Мнѣ нельзя; а вамъ—что? Полномочія ваши—широчайшія; приняла выходную актрису,—и никакихъ разговоровъ. Или?.. вы, можетъ, тоже? Анастасія Дмитриевна боится?

— Вотъ еще!—окончательно разсердился Тимофѣй Ильичъ

— Ну, не буду. Пошутить, простите. И не подумайте чегонибудь... Я вѣдь вамъ не сказалъ, кто такая Иванова.

— А кто?

— Шансонетную этуаль, Иру Ларисову, знаете?

— Слыхалъ.

— Иванова—ея дочка. Я эту теперешнюю Иванову—вотъ этакой крошечной помню. Съ Ларисовой же у меня старыепрестарые счеты. Изъ-за нея, бывало, свѣта не вижу. Ночей не досыпалъ, страждалъ до слезъ, когда она меня бросила!

— Изъ-за Ларисовой?—почти не повѣрилъ Тимофѣй Ильичъ.

— Изъ-за Ларисовой. Васъ удивляетъ? Нѣтъ, она не изъ тѣхъ цѣвчечекъ, что вы думаете. Захватываетъ... Она—испорченная, но своеобразная очень. Не боится быть сама собою... Сила воли—большая, умѣетъ къ цѣли идти. Когда захочетъ,—обаятельна, но ужъ, если и разсердится,—не взыщите; сумѣетъ досадить и пребольно. Выищетъ самое слабое мѣсто и ударить безъ состраданія... въ минуту вычеркнетъ тебя изъ своей жизни и—какъ не бывало. Ну, вотъ... понимаете? Неудобно мнѣ теперь Нину Ѳедоровну посвящать во все это. Она—женщина раздражительная, капризная... Вообще, женщина.

— А я... я, собственно говоря... Но я—принципіально противъ кафешантаннаго элемента въ драмѣ!

— Да никакого элемента въ этой бѣднягѣ-Лелѣ нѣтъ, и не будетъ,—ручаюсь вамъ. У нея нервы издерганы... Она и на сцену идетъ, какъ бы ради соблюденія добродѣтели. Уходитъ отъ жизни къ искусству. Вѣрнѣе сказать, — уходитъ отъ грязи жизни. Ищетъ чего-то... Ну, и пусть...

— Откуда же у нея такія стремленія? Кафешантанная обстановка и вдругъ—на-тебѣ!

— Мало-ли откуда... Почему я знаю? Можетъ, чье-нибудь вліяніе, а скорѣе всего—инстинктивно. Природа не любитъ однообразія, и ремесло родителей сплошь и рядомъ претитъ дѣтямъ. Законъ контрастовъ, говорятъ... У инюго глубоко-вѣрующаго попаика сынъ—отъявленный нигилистъ. А у какого-нибудь завзятаго атеиста сынокъ молебны служить и бьетъ поклоны. Всяко бываетъ, Тимофѣй Ильичъ. Я разъ возлѣ навозной кучи видѣлъ великолѣпный тюльпанъ. Какъ онъ попалъ туда, не знаю, а возросъ... Вонъ и у Иры Ларисовой дочка ищетъ добродѣтели. Мнѣ же просто-на-просто невозможно оттолкнуть ее. Посмотрѣли бы вы... На глазахъ у нея—слезы... волнуется, бранится: „павіаны вы вѣ!“ То есть, не прямо сказала, а косвенно. Не могу, говорить, я... И что она искренна, для меня—несомнѣнно. Право, Тимофѣй Ильичъ, идите въ заговоръ со мною... Составимъ дуумвиратъ?

— Все, что вы рассказываете, конечно, мѣняетъ освѣщеніе,—сказалъ Жиденевъ, и тѣнь неудовольствія начала сбѣгать съ его благообразнаго лица.

— Увѣряю васъ,—уже улыбаясь, продолжалъ Матвѣй Матвѣвичъ,—она актриса, какъ разъ въ вашемъ вкусѣ. Служить искусству хочетъ: чистому искусству. Мнѣ, напримеръ, и говорить съ нею затруднительно: взялъ было ее за руку, безъ всякой задней мысли,—знаете мою привычку? — такъ ее такъ всю и передернуло!.. Тимофей Ильичъ, не въ службу, а въ дружбу: примите вы ее!

Тимофѣй Ильичъ тоже усмѣхнулся слегка снисходительной улыбкой.

— Да ужъ больше ничего не остается...

— И я доложу Нинѣ Ѳедоровнѣ, что это ваша ставленница? Ладно?

— Ну, ну, хорошо.

— Вотъ спасибо! вотъ это по-дружески. А тамъ, послѣ какъ-нибудь... надо будетъ дать ей возможность сыграть. Одинъ разъ, не больше. Хочу посмотрѣть, на что она способна. Мать у нея талантливая, а что она изъ себя представляетъ, — неизвѣстно. Говорить, „Дикарку“ играла въ Москвѣ съ любителями. И даже съ успѣхомъ... Ба! я и забылъ! Ее ваша московская пріятельница Н. видѣла... и похвалила... Вотъ намъ съ вами и выходъ: скажемъ, что Н рекомендовала ее вамъ. Вѣдь вы лѣтомъ видѣлись съ Н на лиманѣ?

— Видѣлся.

— Чего лучше? Превосходно! А впослѣдствіи и „Дикарку“ попробуемъ поставить.

— „Дикарка“ устарѣла, Матвѣй Матвѣвичъ. Кто теперь пойдетъ смотрѣть „Дикарку“?

— Мы для себя поставимъ. Какъ-нибудь въ понедѣльникъ, когда все равно мало публики

— И Ашметьева у насъ нѣтъ.

— Ашметьева я, пожалуй, сыграю. Онъ вѣдь не первой молодости.

— Какъ знаете. Но за „Дикарку“ придется побороться. Много неудовольствія вызоветъ. Комическая инженеръ—прямая роль Вѣры Ѳедоровны. И Нина Ѳедоровна будетъ недовольна.

— Нѣтъ, „Дикарку“ мы всетаки поставимъ!—неуступчиво сказалъ Садовниковъ.

Если онъ заговаривалъ такимъ упрямымъ тономъ, ему избѣгали возражать. Жиденевъ замолчалъ, а Матвѣй Матвѣвичъ добавилъ:

— Пойдемте со мной къ Ивановой; она дожидается въ

фойе. Познакомлю васъ и сами увидите: ничего кафешантаннаго.

— Пойдемъ, но... я спѣшу къ обѣду.

— Сейчасъ, сейчасъ... На пару словъ.

Матвѣй Матвѣвичъ съ Жиденевымъ появились въ фойе. Завидѣвъ ихъ, Иванова встала съ дивана.

— Мы обсудили все,—началь Садовниковъ,—и Тимофѣй Ильичъ согласился.

— Благодарю васъ,—сказала Елена Михайловна. Если бы Садовниковъ принялъ ее сразу, когда она взволнованно просила его объ этомъ, ея ликованію не было бы предѣловъ. Но теперь ей что-то мѣшало радоваться, и она еще сама не могла сообразить, въ чемъ заключается помѣха.

— Какъ странно: вѣрно, я не умѣю ощущать радость? — пронеслось у нея въ мысляхъ.

Матвѣй Матвѣвичъ познакомилъ ее съ Жиденевымъ:

— Вотъ самый строгій режиссеръ въ свѣтѣ. Это онъ принимаетъ васъ, а не я... Его и благодарите. Все отъ него исходитъ. Слушайтесь его: если скажетъ, что та занавѣска не палевая, а черная, — вѣрьте больше, чѣмъ собственному глазу.

— Ну, это ужъ лишнее, — равнодушно отозвался Тимофѣй Ильичъ:—свой глазъ все же вѣрнѣе.

Елена Михайловна глядѣла на Жиденева. Выраженіе его лица было утомленное, холодное. Онъ не обладалъ даромъ ласковой привѣтливости, съ помощью которой Матвѣй Матвѣвичъ безъ труда очаровывалъ незнакомыхъ людей. А можетъ быть, Жиденевъ и умышленно не хотѣлъ быть привѣтливымъ съ Ивановой. Отъ него скорѣе вѣяло строгостью, чѣмъ снисхожденіемъ. Елена Михайловна почувствовала это и опять поддалась приливу безотчетной робости, такой же, какую испытала передъ Матвѣемъ Матвѣвичемъ въ первую минуту ихъ встрѣчи. Но Жиденевъ и не подумалъ ободрить ее подобно Матвѣю Матвѣвичу. Онъ сухо предложилъ нѣсколько вопросовъ: гдѣ она выступала въ любительскихъ спектакляхъ? въ какихъ роляхъ? съ кѣмъ? Исключительно съ любителями или же и съ профессиональными артистами? Затѣмъ также сухо простился, добавивъ на прощанье:

— Завтра, часамъ къ одиннадцати приходите въ театръ. Присматривайтесь къ репетиціямъ, къ спектаклямъ... Привыкайте къ подмосткамъ и сообщите вашъ адресъ. Теперь не могу дать никакой выходной роли: все распредѣлено на двѣ недѣли. А тамъ увидимъ. Будьте здоровы!

Онъ вышелъ, и Еленѣ Михайловнѣ сразу стало легче. Она снова поблагодарила Матвѣя Матвѣвича, который вторично отклонилъ благодарность, ссылаясь на Жиденева.

Вмѣстѣ съ Садовниковымъ Елена Михайловна направилась къ выходу.

Проходя мимо театральной кассы, Матвѣй Матвѣевичъ остановился и прислушался. Изъ кассы слышны были женскіе голоса. Разговаривали двѣ женщины, и одна изъ нихъ такъ быстро сыпала словами, точно обильно разбрасывала вокругъ себя нѣчто мелкое, металлическое.

— Кажется, Агнесса Яковлевна здѣсь?—спросилъ Матвѣй Матвѣевичъ, пріотворяя дверь въ кассу.

— Здѣсь, здѣсь! — со свистомъ отвѣтилъ металлическій голосъ, и Агнесса Яковлевна въ перевалку подбѣжала къ Садовникову.

Елена Михайловна едва сдержалась, чтобы не разсмѣяться.

Агнесса Яковлевна выглядѣла живой каррикатурой. Это была старуха, одѣтая съ крикливой пестротой въ блузку пурпурнаго цвѣта, одѣланную густо-насаженными золотыми пуговицами и нашивками изъ золотого позумента. Ея обрюзшее лицо во всѣхъ направленіяхъ пересѣкали глубокія и мелкія морщины и, тѣмъ не менѣе, на такую изборозжденную кожу былъ наложенъ примитивный театральный гримъ, съ тушью вокругъ вѣкъ, съ бѣлилами и малиновымъ румянцемъ на дряблыхъ щекахъ. Волосы у нея были синеваго черные, но кое-гдѣ отливали зеленымъ цвѣтомъ. Изъ-за увядшихъ губъ неестественно сверкали жемчужно-бѣлые зубы, а вмѣсто бровей—лежали широкія полосы черной краски. На ходу она странно подпрыгивала, словно подталкивая свою тучную фигуру впередъ: какъ будто ея тонкимъ, ослабѣвшимъ ногамъ оказывалось не подъ силу носить и передвигать верхнюю часть туловища, квадратную и отяжелевшую.

Повидимому, Матвѣй Матвѣевичъ привыкъ къ комичной вѣщности Агнессы Яковлевны, не находилъ въ ней ничего необычайнаго. Иязщнымъ движеніемъ руки онъ обнялъ ея рѣзко-округленную спину, привлекъ къ себѣ и сказалъ немного вкрадчиво:

— Милая Агнесса Яковлевна, я хотѣлъ васъ познакомить... Вотъ... Тимофѣй Ильичъ принялъ къ намъ mademoiselle Иванову... Елену Михайловну. Начинающая артистка: пріѣзжая и никого не знаетъ. Поручаю вашему вниманію. Мнѣ кажется, Елена Михайловна похожа на вашу Катюшу. Есть что-то общее въ глазахъ и въ складѣ рта... Вы не находите?

Это былъ именно тотъ тонъ, какимъ въ былые годы Матвѣй Матвѣевичъ укрощалъ и обезоруживалъ самыхъ строптивыхъ, непокорныхъ дамъ. Агнесса Яковлевна, обрарован-

ная лаской Матвѣя Матвѣевича, побѣжденная объятіемъ и растроганная воспоминаніемъ объ ея дочери, Катюшѣ,—экс-пансивно протянула Еленѣ Михайловнѣ объ руки:

— Очень пріятно... очень, очень! Люблю молодость. Всегда любила и буду любить... А и въ самомъ дѣлѣ, какъ будто, на Катюшу похожа? Голубка моя, позвольте, я васъ поцѣлую?

Не дожидаясь позволенія, она обвила руками шею Елены Михайловны и начала шумно, по театральному цѣловать новую знакомую въ щеки и въ подбородокъ. Отъ Агнессы Яковлевны пахло табакомъ и косметическимъ кремомъ, напоминающимъ запахъ ванили. Руки у нея были толстыя, тяжелыя: она такъ сильно пригнала къ себѣ высокую, сравнительно съ нею, Елену Михайловну, что та съ трудомъ сохраняла равновѣсіе.

— Идите, голубка, къ намъ, идите. Какая она милочка! Дуся, дуся, дуся...

Поцѣлуи возобновились. Матвѣй Матвѣевичъ безъ рукопожатій спѣшно простился съ дамами и скрылся за главной дверью вестибюля. Это походило на бѣгство.

— Къ чему онъ навязалъ меня ей?—внутренно смѣясь, спросила у себя Елена Михайловна, не понимая Матвѣя Матвѣевича:—что за каррикатурная Агнесса? И что мнѣ съ нею теперь дѣлать?

V.

Агнесса Яковлевна повела ее въ кассу, маленькое и тѣсное помѣщеніе съ однимъ окошкомъ, обращеннымъ къ сосѣдному брантмауэру.

— Садитесь, дѣтка, посидите съ нами! Анна Герасимовна,—обратилась она къ кассиршѣ, — познакомьтесь: госпожа Иванова, новенькая, выходная. Тимофѣй Ильичъ принялъ.

Кассирша, — длинная, худощавая, искусно причесанная блондинка съ интеллигентнымъ лицомъ и острымъ носомъ,—молча подала Еленѣ Михайловнѣ холодноватую, влажную руку. У кассирши былъ сильный насморкъ, и она казалась не въ духѣ.

Агнесса Яковлевна закурила папиросу.

— Садитесь, дуся... На этотъ стулъ. Ничего, ничего, не стѣсняйтесь: я и на окнѣ присяду. Я свой человѣкъ, мнѣ вездѣ хорошо.

Агнесса Яковлевна присѣла бокомъ на подоконникъ, вся укутанная облаками табачнаго дыма.

— Кушать не хотите?—спросила она,—сейчасъ напротивъ кухмистерская, можно сторожа послать. Я сегодня завтракала: селянка хорошая. Хотите?

Елена Михайловна поблагодарила и отказалась.

— Давно вы знакомы съ Тимофѣемъ Ильичемъ? —начала разговоръ Агнесса Яковлевна.

— Только что познакомилась.

— Ага! Такъ васъ рекомендовали ему?

— Начнется допросъ! — съ досадою рѣшила Елена Михайловна и лаконически отвѣтила:

— Рекомендовали.

— А сами вы откуда?

— Изъ Москвы.

— Изъ театрального училища, можетъ быть? — строго освѣдомилась Агнесса Яковлевна.

— Нѣтъ, я не была въ театральному училищѣ.

— И отлично сдѣлали, дуся моя, что не были! Отлично!

Агнесса Яковлевна, преувеличенно жестикулируя, сыпала словами, какъ мелкой дробью. Она спѣшила говорить и, подобно всѣмъ чрезмѣрно-словоохотливымъ людямъ, опасалась, что кромѣ нея можетъ заговорить и кто-то другой. Быстрою своей рѣчи она заранѣе старалась преградить путь этому другому, и говорила, почти не умолкая.

— Терпѣть не могу театральныя школы! Выдумали тоже: фабрикацію актериковъ... Терпѣть не могу! Гдѣ и кто можетъ выдать дипломъ на талантъ? Кто смѣетъ? По какому праву? Провинціальный театръ — вотъ школа для актера. Единственная... Нѣтъ и не будетъ другой! Таланты рождаются, а не создаются. Въ какой, позвольте узнать, школѣ обучались прежніе артисты? И какіе артисты! Такихъ нѣтъ больше. Фанни Козловская вовсе не была въ театральному училищѣ, а между тѣмъ... Вы знаете Фанни Козловскую?

Окрикъ былъ строгій, почти суровый.

— Нѣтъ,—виновато призналась Елена Михайловна.

— Хх-ха! Не знаете? Не слыхали? Напрасно! Хотя вы и молоденькая, а не знать о Фанни — стыдъ для актрисы! Стыдъ—слышите? Фанни была такая артистка!—невозможно забыть. Инженю, Божьей милостью инженерю, прирожденная... Какъ скажетъ, бывало: „Что вы со мной сдѣлали!“—весь театръ навзрыдъ плачетъ. Мужчинъ изъ ложъ выносили въ истерикѣ,—вотъ какъ играла! Той не нужно было съ антрепренеромъ любезничать, глазки публикѣ дѣлать, хвостомъ вилять передъ партеромъ... И безъ того почитали, на рукахъ носили. Талантъ!

Послѣднія фразы Агнесса Яковлевна подчеркивала, обращаясь преимущественно къ кассиршѣ. Должно быть, онѣ

только-что бесѣдовали о комъ-то такомъ, кто и глазки на сценѣ дѣлаетъ и хвостомъ виляетъ передъ партеромъ.

Кассирша не согласилась съ нею относительно театраль-ныхъ школъ и замѣтила осипшимъ голосомъ:

— А я думаю, что изъ бездарности и школа, разумѣется, ничего не сдѣлаетъ. Но если талантливый человѣкъ да по-лучить теоретическую подготовку...

— То онъ заморозится, станетъ дрессированной собачкой. И талантъ въ немъ не разовьется, заглухнетъ отъ муштровки. Ужъ чувства вы отъ него не ждите. Въ лучшемъ случаѣ имитация души.

— Пускай имитируетъ, лишь бы хорошо: чтобы другого заставилъ почувствовать.

— Это рѣдко случается, душечка. Весьма рѣдко. Покой-ный Киселевскій, напримѣръ: самъ холодный артистъ былъ, а другихъ заставлялъ плакать. Такъ то—Киселевскій. То—то-же врожденный даръ: даръ имитации. А большинство изъ нихъ, изъ холодненькихъ, на подобіе нашего Курбатова. Братъ Нины Ѳедоровны—ну, и премьеръ. У Матвѣя Матвѣ-вича премьеръ! Теперь ужъ ему открытая дорога всюду. А что онъ изъ себя представляетъ? Нуль. Ни болѣе, не менѣе. Есть техника, голосовыя средства... платье умѣетъ носить, самъ стройный, красивый, но игры,—настоящей игры!—у него и не спрашивай; проникновенія нѣтъ, искры нѣтъ... Такой—ничѣмъ не подкупить, никого не прошибетъ. Публика—она чуткая... Ухъ, какая чуткая! Она слышитъ, какъ трава ра-стетъ... Что ей Маркъ Ѳедоровичъ Курбатовъ? То ли дѣло, бывало, Чарскій въ молодости? А Рыбаковъ? Отецъ Рыба-ковъ, конечно. Силища какая, чувство! Но Фанни... Фанни—выше всѣхъ... Я на похоронахъ ея въ Харьковѣ была: ка-жется, о Катюшѣ своей такъ не плакала, какъ о ней. Что дѣлалось тогда! Стоялъ стоялъ кругомъ... Всѣ плакали... И эти „всѣ“ были не кто-нибудь, а публика. Не женщину хоро-нили,—артистку! Я и сейчасъ вся дрожу, какъ вспомню.

Агнесса Яковлевна, въ самомъ дѣлѣ, дрожала, вытирая выступившія на глазахъ слезы.

Елена Михайловна слушала ее и смѣшная, болтливая „карикатура“ уже не казалась смѣшной, а возбуждала сим-патию. Агнесса Яковлевна зажгла отъ окурка новую папи-росу и продолжала:

— Большая потеря для нашей сцены Фанни Козловская,—незамѣнимая. Вотъ она создала бы школу... Да не такую, какъ сейчасъ въ модѣ, а серьезную. Нынче что? Истерическое кривлянье. Или же... стыдъ, позоръ!—въ драмѣ съ разрѣ-зомъ подъ „Прекрасную Елену“ выходить! И пьесы у нихъ пустяковина. „Любовью нѣжной... какъ океанъ, безбрежной“...

а у самой разрѣзъ до пояса, и Бога въ душѣ нѣтъ. Торгаши! рекламисты!.. Любви къ сценѣ, уваженія не вижу: одна реклама вездѣ. Надоѣдаютъ они, набьютъ оскомину, и скоро уже... Вспомните тогда мое слово. Эти еще кое-какъ, но послѣдующіе... тѣмъ ужъ ничего не останется. А Фанни вѣкъ бы слушать и всегда съ наслажденіемъ. Рядомъ съ Фанни только одного Матвѣя Матвѣича и можно поставить. И что за праздникъ былъ, когда они играли вмѣстѣ! Фердинандъ и Луиза... Охъ, Боже мой! Или Дездемона? „Мои грѣхи—моя любовь къ тебѣ“...

Агнесса Яковлевна, приложивъ кулаки противъ сердца, попыталась сдѣлать изъ своей фізіономіи идеально-кроткое, нѣжное лицо. Это было смѣшно, но Еленѣ Михайловнѣ не хотѣлось смѣяться. Кто-то подошелъ къ кассѣ, кассирша продала нѣсколько билетовъ, выдала сдачу и обернулась къ Агнессѣ Яковлевнѣ.

— А можетъ и лучше,—сказала кассирша,—что теперь не такъ ужъ полагаются на прежнее нутро? Фанни Козловская, говорятъ, была нутряная актриса. И неизвѣстно, чѣмъ бы она кончила, если бы осталась жива. Непрочно это... Возьмите Жиденева: талантъ, а играетъ минутой. Не вспыхнуть нервы, и игры не будетъ... Что же хорошаго?

— Жиденевъ, душечка, не доказательство. Уважаю Тимофѣя Ильича и дарованіе его признаю. Репертуаръ его мнѣ нравится: иныхъ ролей, кромѣ благородныхъ, въ жизни своей не игралъ, а все-таки... режиссеръ онъ—несравненный, но артистъ—неполный. Не хватаетъ чего-то... Широты, размаха въ немъ нѣтъ. Посмотрѣли бы вы Матвѣя Матвѣича, когда онъ былъ помоложе... Я, голубка, сорокъ первый годъ на сценѣ: наперечетъ ихъ знаю... Дивный, чудный Матвѣй Матвѣичъ! У насъ нѣтъ трагика лучше его. Околдуетъ, очаруетъ всѣхъ... Никто себя не помнитъ, его одного видятъ. Толпа огромная, одинъ не похожъ на другого, каждый различно настроенъ, и вдругъ—чудо: всѣ объединяются, вмѣстѣ плачутъ, вмѣстѣ смѣются... а онъ, какъ король... Поработилъ и владѣть.

— Талантъ! — вздохнула Елена Михайловна съ сокрушеніемъ.

— И работа, дѣточка,—большая работа. Думаете, ему все по вдохновенію давалось? Нѣ-ѣ-ѣтъ... Другой, если у него талантъ,—онъ пальцемъ о палецъ не ударить: вывезетъ, молъ, на мой вѣкъ хватить. А Матвѣй Матвѣичъ — нѣтъ... Трудился... И какъ трудился! Кто не зналъ его ближе, не повѣрилъ бы. Запретса одинъ и обсуждаеть... Все предусмотритъ: куда шагнуть, гдѣ какое движеніе сдѣлать, когда новыситъ, когда понизитъ голосъ—все, все... Проанализи-

руетъ роль до глубины и потомъ... самъ рассказывалъ: выйду, говорить, на сцену, съ одной стороны, рѣшительно не помню, о чемъ думалъ, когда разрабатывалъ роль... хожу въ чаду, въ угарѣ... перевоплощаюсь. Но тутъ же ни на йоту не отступаю отъ своего плана. Какъ будто, ноты передо мною... каждую секунду и забываю о публикѣ, и помню о ней. Это, дуся, такая психологія! Только артистъ и можетъ конята; никто, кромѣ артиста.

Въ окошко кассы заглянулъ посыльный въ красной шапкѣ:

- Ложу на сегодня. Литерную бенуара, просили ложу Б.
- Продана,—коротко сказала кассирша.
- Тогда рядомъ.
- Есть.

Зазвенѣли деньги, посыльный отошелъ отъ кассы. Агнесса Яковлевна опять перемѣнила папиросу.

— Нынче не видно что-то похожихъ на Матвѣя Матвѣича. Мелкій пошелъ народъ, на гастроли приглашать некого. А Матвѣй Матвѣичъ рожденъ былъ для гастролей. Какъ всѣ антрепренеры за нимъ бѣгали! Ловятъ, пресмыкаются, лишь бы заполучить приманку: пріѣдетъ онъ, и сборы полнехонькіе... А бенефисы его, голубка! Торжественно было... Ставить это онъ „Кина“, „Гамлета“, „Нарцисса“ или „Уріель Акосту“. Зрители ломаются въ театрѣ... За стоячія мѣста по десяти рублей платили! Выйдетъ онъ на сцену, не даютъ играть. Буря, морской прибой, неистовство... Ужъ онъ кланяется, кланяется,—не даютъ начать, хлопаютъ. Съ галлерей билетики дождемъ летятъ и надписи на нихъ—все хорошія, такъ и хватаютъ за сердце... Въ стихахъ больше. Тутъ сейчасъ пойдутъ подносить вѣнки, альбомы, золото, серебро, сервизы цѣлые. А то купчія крѣности на недвижимости. Или процентныя бумаги, или — просто вѣра изъ сторублевокъ. Знали, что у Матвѣя Матвѣича всегда нужда въ деньгахъ: широкая натура, не умѣлъ копить... все, бывало, спустить. Я въ Одессѣ на квартирѣ у одной дамы жила. Купила она для мужа золотые часы въ ссудной кассѣ: новехонькіе, съ пломбой. Открываемъ, а на второй крышкѣ надпись: Матвѣю Матвѣвичу Садовникову, знаменитому Гамлету отъ неизвѣстной поклонницы. И такъ всѣ его вещи у ростовщиковъ пропадали. Широко жилъ, безъ шампанскаго не садился обѣдать. Гостепріимство у него! кто захочетъ, всякъ иди.. ѣшь, пей, еще и наличною монетою получали многіе.

— А теперь онъ сталъ прижимистый! — вставила свое слово кассирша.

— Теперь не то. Теперь онъ не по своей волѣ живетъ.

Все—Нина Федоровна... Скопидомство не въ его характерѣ. Это она... жадная, какъ чортъ! А Матвѣй Матвѣичъ рѣдкій быть товарищъ.

— Помогалъ актерамъ?

— И какъ помогалъ! Чтобы отъ него кто-нибудь изъ театральнхъ безъ помощи ушелъ? Никогда. Самъ перехватить въ долгъ, а выручить. Баринъ, тароватый баринъ. На сценѣ, если какая ошибка произойдетъ, каждому поможетъ выпутаться. Моя Катюша одинъ разъ... только еще начинала она... Дали ей въ „Кинъ“ маленькую роль, горничной; вѣбгаеъ она въ уборную къ Кину и что съ нею произошло—Богъ знаетъ, но растерялась страшно... Бормочетъ: „Господинъ Кинъ, господинъ Кинъ... моя госпожа забыла здѣсь... забыла... зонтикъ! подарокъ, герцога“... Суфлеръ ей: „вѣрь! вѣрь!“ Какое тамъ! не слышитъ, не понимаетъ. Матвѣй Матвѣичъ сейчасъ обнялъ ее: „Ты хочешь сказать, дитя мое, вѣрь?“ А она одно: „подарокъ герцога... подарокъ герцога“...—„Вотъ онъ,—говоритъ,—успокойся, дитя мое“... И такъ осторожно, осторожно и выпроводилъ со сцены. Та выскочила, — истерика; всю ночь колотилась... На другой день кто-то изъ актеровъ и спрашиваетъ у Катюши: „Какъ вы полагаете, душечка, не забыты ли въ уборной у Кина дамскія калоши?“ А Матвѣй Матвѣичъ ему: „Обмолвка—не въ счетъ... Всѣ подъ Богомъ, со всякимъ можетъ случиться“... Никто не видѣлъ отъ него ни пакости, ни насмѣшки.

— Воспитанный человѣкъ,—не приходя въ восторгъ, заключила кассирша.

— Аристократъ, милочка. Лицеистъ, въ какомъ обществѣ вращался, изъ какой семьи! Понятно: страсть къ сценѣ и все пошло на смарку. Разсорился съ своими, ушелъ, но аристократомъ остался. Особый отпечатокъ на немъ. И въ жизни, и на сценѣ мягкость особенная, барственность, изящество. Кричали: покойный Киселевскій изящень. Да, ничего. Но куда-а ему! Я Милословскаго помню, и то Матвѣй Матвѣичъ барственнѣй. Матвѣй Матвѣичъ красавецъ былъ: ростъ, глаза, кудри... Въ живыхъ картинахъ Париса безъ грима изображалъ! Недаромъ женщины сходили съ ума.

— Онъ очень нравился женщинамъ? — заинтересованно спросила, молчавшая до сихъ поръ, Елена Михайловна.

Агнесса Яковлевна быстро взглянула на нее, какъ бы удивляясь, почему ее заинтересовалъ именно этотъ вопросъ.

— Нравился? Сказать: нравился, мало. Обожали его! Но и онъ тоже... и онъ любилъ женщинъ. Гдѣ бы ни появился, вездѣ у него романы. Иной разъ сразу по нѣсколько. То онъ кого-нибудь похитить, то его похищаютъ, а безъ сердечной авантюры—никакъ не могъ. Сейчасъ впадетъ въ хандру, въ уны-

ніе... даже къ сценѣ охладѣвалъ, если не было амура. Говорилъ всѣмъ; „любовь—зубная боль въ сердцѣ“, а самъ—безъ зубной боли ни одного дня. Одинъ романъ у него еще чуть на исходѣ, а онъ уже изъ Гейне: „Отъ недавнихъ слезъ усталый, слезъ любви я жажду вновь“... И опять наново. Цѣнилъ свободу съ молодую...

Кассирша, усмѣхнувшись, замѣтила:

— За то къ старости попалъ въ кабалу.

— Интриганка она! бездарность! завистница! — вскипѣла Агнесса Яковлевна:—говорятъ, вѣнчаться собираются? Враки! Онъ не такъ глупъ. Присосалась, какъ пьявка, не оторвется. Все загребаешь, все—для себя... А какъ публика ея не любитъ: поапплодируютъ изъ любезности,—холодно, холодно,—и затихнутъ. Только ради Матвѣя Матвѣича и терпятъ, да она—толстокожая, не чувствуетъ, еще и семейку свою тащить за собою. Что въ трупѣ по ея милости творится! Ни одной молодой актрисы, мало-мальски порядочной...

Агнесса Яковлевна заглянула въ свой кожаный портсигаръ: папиросъ больше не было.

— Э-э? да мнѣ домой пора! Дуся моя, Елена Михайловна,—вы у меня объдаете. Безъ разговоровъ, дѣтка, безъ разговоровъ. И безъ стѣсненій. Кофейку сваримъ послѣ объда. Грѣшныи челоѣкъ,—люблю вкусно поѣсть: хоть и неплотно, лишь бы повкуснѣе... Оно и мало съѣшь, да хорошо.

Агнесса Яковлевна сняла съ вѣшалки клѣтчату ю осеннюю накидку съ капюшономъ и фетровую шляпу съ перьями табачнаго цвѣта. Въ выходномъ костюмѣ она была еще комичнѣе, чѣмъ въ пурпурной блузкѣ.

Простились съ кассиршей и вышли на улицу.

VI.

Близился закатъ солнца. По панелямъ двигались толпы гуляющихъ; вдоль улицъ дребезжали дрожки, мягко катили фаэтоны на резиновыхъ шинахъ. Стояла осень, отъ косыхъ солнечныхъ лучей желтые листья на деревьяхъ блѣстѣли и казались золотыми.

— Пойдемъ ко мнѣ, милочка,—еще разъ пригласила Агнесса Яковлевна,—я недалеко, вонъ, за тѣмъ угломъ. Меблированныя комнаты пани Гоштовтъ. Очень недурно и не дорого, двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ и два рубля прислугѣ. Тамъ студенты всѣхъ поколѣній жилали. И нашъ братъ, актеръ-бездомовникъ, никогда не переводится у пани Гоштовтъ. Изъ драмы, изъ оперы, балетные... кого захочешь, того и найдешь. А вы гдѣ устроились?

— Нигдѣ еще. Я въ отелѣ.

— Въ какомъ, голубка?

— Въ „Державъ“.

— Ого! да вы—что? богаты?

— Нѣтъ. Со мной есть... рублей около двухсотъ. Больше ничего.

— Все немного. Вамъ еще костюмы понадобятся для сцены: горничной, платице или гимназистки,—недорогія, а все же расходъ. „Держава“ у насъ самая парадная гостиница. Новая, недавно открыта. Акціонеры держатъ на паяхъ.

— Я не знала.

— Надо знать. Какъ же такъ? Нехорошо, голубка: зачѣмъ швырять деньгами? Жалованье-то вамъ, небось, небольшое положено?

— Я не спрашивала, какое.

— И спрашивать не нужно: у насъ безъ обмана, но больше шестидесяти въ мѣсяцъ не дадутъ, а на шестидесять не проживешь въ „Державъ“. Надо васъ помѣстить у пани Гоштовтъ, если удастся. Въ нашемъ корридорѣ телеграфистъ хотѣлъ съѣхать. Вотъ придемъ, узнаемъ. Удобно... Тутъ же и обѣдъ одна повариха даетъ: ничего, вкусно. Пятнадцать рублей за три блюда; два блюда — двѣнадцать. Вы не сердитесь, голубка, что я вашими дѣлами распоряжаюсь? Вы—неопытная... какъ родная мать, совѣтую.

— Очень вамъ благодарна,—отъ души сказала Елена Михайловна.

И все же ей казалось страннымъ до комизма это сопоставленіе: Агнесса Яковлевна и красивая, эффектная, поразительно-моложавая Ира Ларисова... Трудно подыскать болѣе несхожихъ женщинъ, однако, у нихъ нашлась общая черточка: Агнесса Яковлевна то и дѣло обращалась къ Еленѣ Михайловнѣ со словами: „моя дуся“ или: „голубка моя“. Ира Ларисовна называла дочь: „рыбка моя“, и родственная манера обращенія сближала въ глазахъ Елены Михайловны ихъ обѣихъ.

Меблированныя комнаты пани Гоштовтъ носили оригинальный характеръ. Длинная, сѣуженная усадьба была построена двухъ-этажными домиками съ номерами. Дома отдѣлялись другъ отъ друга палисадниками, гдѣ густо росли бѣлыя акаціи, каштаны, сирень. Владѣлицѣ номеровъ насчитывали безъ малаго сто лѣтъ; такой же приблизительно давности были и постройки, хотя онѣ заботливо поддерживались постояннымъ ремонтомъ. Мебель въ номерахъ Гоштовтъ квартиранты величали „предвѣчной“. Столь громадныхъ комодовъ и шкафовъ теперь никто не отыскалъ бы на рынкахъ и за большую плату. Твердые, какъ камни, диваны походили

на открытія желѣзнодорожныя платформы; стулья, столы, этажерки—тоже громоздкіе, были старинныя, неуклюжіе. Но дешевизна привлекала жильцовъ къ пани Гоштовѣ, номера ея не пустовали даже и лѣтомъ.

Агнесса Яковлевна жила въ третьемъ, считая отъ воротъ, флигелѣ.

— Сюда, голубка, сюда... Я въ верхнемъ этажѣ; безопаснѣй насчетъ сырости и видъ изъ окна лучше. Прямо тебѣ верхушка каштана подъ окномъ. Лѣтомъ живешь, словно въ саду.

Деревянная лѣстница, окрашенная, какъ полы, въ красный цвѣтъ, была настолько крутая, что отъ нея болѣло въ колѣняхъ. Весь этажъ раздѣлялся темнымъ корридормъ на двѣ половины; въ концѣ корридора жилъ номерной. На столѣ, подлѣ его канурки стояла шеренга неособенно-чистыхъ самоваровъ и груды немытой посуды съ остатками отъ обѣдовъ. Пахло керосиномъ и еще чѣмъ-то затхлымъ и жирнымъ. Агнесса Яковлевна остановилась передъ дверью, на которой при свѣтѣ корридорной лампочки желтѣла потемнѣвшая мѣдная дощечка, съ надписью: Агнесса Яковлевна Струцель.

— Ну, пришли. Яковъ, Яковъ! Принесите обѣдъ. Для двоихъ! Яковъ, для двоихъ, говорю.

— Иду-у!

Босой Яковъ, молодой и растрепанный, въ пиджачной парѣ съ чужого плеча, звеня судками, бѣгомъ прошмыгнулъ по корридору.

Комната Агнессы Яковлевны могла служить олицетвореніемъ безпорядка. Казалось, сюда только-что переѣхали съ прежней квартиры и еще не успѣли устроиться. Всевозможныя косметики, пустыя бутылочки, старыя газеты, коробки отъ спичекъ, папиросныя гильзы, тетрадки съ ролями, эмалированныя кастрюльки и сковородки—все было перемѣшано въ общую кучу, валялось по столамъ, на комодѣ, на окнѣ, на диванѣ. Отъ духоты и утомленія у Елены Михайловны закружилась голова. Она сѣла на первый попавшійся стулъ, гдѣ было сложено чистое бѣлье.

— Голубочка, что съ вами? вамъ дурно? разстегнитесь скорѣй... Снимите корсетъ.

Елена Михайловна клонилась къ полу, теряя сознаніе. Она знала за собой подобныя приступы острой усталости, которые наступали у нея вслѣдъ за рѣзкимъ возбужденіемъ нервовъ или послѣ разнообразныхъ, утомительныхъ впечатлѣній. Зная объ этомъ, она смутно думала: ничего, сейчасъ пройдетъ...

Но Агнесса Яковлевна, перепугавшись, тащила съ нея

жакетъ, откалывала шляпу и вуаль, обливала голову Елены Михайловны водой и нашатырнымъ спиртомъ.

Гостя пришла въ себя такъ же мгновенно, какъ мгновенно наступилъ ей обморокъ.

— Дѣточка, лучше вамъ? Какая стала зеленая!

— Ничего, ничего... Со мной бываетъ... Мнѣ прилечь бы, если можно...

— На кровать, голубка... За занавѣску... Давайте, я васъ раздѣну? Что? опять кружится?

Струцель снимала съ Елены Михайловны синее суконное платье, тоненькое и шелковистое, сшитое на мягкомъ голубомъ шелку, съ дорогой отдѣлкой, съ рѣзными камеями вмѣсто пуговицъ, потомъ ея нижнюю юбку, тоже голубую, съ воланами изъ валянсъенскихъ кружевъ; расшнуровала шелковый въ цвѣтахъ рисунка „шенэ“ корсетъ,—и на лицо Агнессы Яковлевны леглась тѣнь недовѣрчиваго подозрѣнія.

— Такая скромненькая на видъ, — думала Струцель объ Ивановой,—и такъ одѣта.

И тугъ же Агнесса Яковлевна отгоняла отъ себя обидную для гостя догадку.

Яковъ принесъ обѣдъ.

— Ну, что, голубка, легче?

— Благодарю васъ. Мнѣ уже хорошо. Вотъ только одѣнусь. Извините, я испугала васъ.

— Подождите одѣваться, дѣточка: капотъ вамъ достану. Пусть кофточка тѣмъ временемъ просохнетъ; я съ перепугу облила водою.

Струцель достала изъ шкафа нѣчто не поддающееся точному описанію: широчайшій клѣтчатый капотъ, весь въ оборкахъ, отливающій всѣми цвѣтами радуги. Елена Михайловна привстала съ кровати и громко разсмѣялась.

— Смѣшной? Правда, какъ колоколь? Это у меня для сцены, когда купчихъ играю: я вѣдь комическая старуха. Надѣвайте, надѣвайте; никто не увидить.

Елена Михайловна надѣла капотъ. Теперь засмѣялась Струцель: капотъ былъ коротокъ и необъятно-широкъ.

— Будемъ, голубка, обѣдать. Ну-ка, что сегодня?

Агнесса Яковлевна съ любопытствомъ заглянула сперва въ одинъ судокъ, затѣмъ въ другой и въ третій.

— Помидоровый супъ, пилавъ изъ курицы и блинчики... Браво, мадаме повариха! Рюмочку водочки не пропустите дуся, передъ обѣдомъ? Не пьете? А оно—полезно...

Наливъ изъ графинчика большую рюмку зеленой настойки, Агнесса Яковлевна энергичнымъ жестомъ опрокинула ее себѣ въ ротъ.

— Ааа! такъ и пошла теплота по тѣлу!

Ѣла она много, съ нескрываемымъ удовольствіемъ, аппетитно смакуя вкусъ cadaго блюда.

— Что вы плохо кушаете, голубка? Не хорошо вамъ? какъ жалъ: пилавъ чудесный. Оставимъ на послѣ; я вамъ къ вечеру разогрѣю на керосинкѣ. У меня керосинка, какъ игрушечка: новаго устройства, безъ копоти... Громадное удобство; минутка и готово. И еще угощу васъ одной штучкой,—пальчики оближите. Перець, зеленый сладкій перець, поджаренный на горчишномъ маслѣ. Роскошь! я въ Бессарабіи научилась жарить. А икру изъ синихъ баклажанъ вы любите?

— Люблю.

— И икры дамъ вечеромъ. У меня своего приготовленія, особенная.

Послѣ обѣда Агнесса Яковлевна заварила на керосинкѣ кофе, начала кипятить сливки, вынула изъ комода коробку изъ-подъ монпансье.

— Конфетки не хотите? Карамельку? выбирайте, дуся; барбарисовая, кисленькая... или гадательную... Я и до сей поры погадать охотница; ни одной гадалки, ни одной ворожеи не пропущу. Недавно, говорятъ, объявился грекъ какой-то: въ зеркало смотреть и сова возлѣ него. Ужъ я рзыщу обязательно. Хотите, пойдемъ вмѣстѣ?

— Да о чемъ вамъ гадать, Агнесса Яковлевна? — улыбаясь, спросила Иванова.

— Какъ о чемъ? Интересно и мнѣ... Ну-ка, на васъ задумаемъ... Разверните карамельку. Нѣтъ, не ту! гадательную... вотъ, вотъ... Лѣвой рукой берите. Ну! будете вы имѣть успѣхъ на сценѣ? Скорѣй! что тамъ?

— „Твое счастье—въ твоихъ рукахъ“,—прочла Елена Михайловна и улыбнулась.

— А что же? И вѣрно. Развѣ не счастье сразу попасть въ такую труппу? Первые шаги—и у Матвѣя Матвѣевича! Цѣнить надо, не всякому дается, дѣтка: служишь себѣ на генеральскомъ положеніи, спокойно, пріятно, обезпеченно. Жалованье вѣрное, обращеніе деликатное; ни тревоги, ни огорченія... Обуть, одѣтъ, сѣшь, выпьешь во-время. Я, голубка, съ тѣхъ поръ и живу барыней, какъ попала къ Матвѣю Матвѣевичу. Въ другой труппѣ то антрепенеръ сбѣжитъ, то сборовъ нѣтъ, и всѣ сидятъ, не ѣвши; то, смотришь, любовника сманили. Всего натерпишься... Обносишься до того, на себя взглянуть стыдно. И что подѣлаешь? Переносишь, смираешься... Какіе актеры иногда терпятъ! Таланты! Вонъ, Никифоръ Пантелеймоновичъ Сыкачевъ:—первоклассный комикъ, старый мой другъ, я его въ расцвѣтѣ помню...

рѣдкій актеръ! а и тотъ говорить: „у Матвѣя Матвѣевича только и отдохнулъ я“...

Агнесса Яковлевна задумалась.

— Да, старость! Какъ ни поддерживай себя, какъ ни бодрись, ни прихорашивайся, а старости не спрячешь.. Видно и подъ гримомъ. Тоже и въ трупкахъ на стариковъ небольшой спросъ. Смотрять такъ: пусть хоть похуже, лишь бы помоложе. Но Матвѣй Матвѣевичъ — нѣтъ, онъ не обходитъ. Рыцарь! все помнить... не забываетъ старыхъ друзей. Сыкачеву безъ него хоть съ котомкой иди: старъ, ноги не служатъ, одышка. Не дай Богъ, что случится съ Матвѣемъ Матвѣевичемъ... Господи! что это я? еще въ какую минуту скажешь!

Агнесса Яковлевна пожелтѣла подъ румянами. На керосинкѣ сбѣжали сливки и зашипѣли, распространяя маслянистый чадъ. Струцель въ суевѣрномъ страхѣ забыла о кастрюлкѣ. Елена Михайловна сняла съ огня и сливки, и кофе.

— Что съ нимъ случится! — успокоительно возразила она:—онъ здоровъ, хорошо смотреть.

— Здоровъ ли? Вялый сталъ, точно ничто ужъ ему не мило. Не тотъ, не тотъ... А не дай, Господи! вотъ кого не хочу пережить. Во-первыхъ, всей душой обожаю Матвѣя Матвѣевича, а потомъ еще... одна, голубка, мечта у меня осталась: хочу умереть въ театрѣ. Не хочу ни въ какіе пріюты для престарѣлыхъ, никуда больше. На сценѣ жизнь прожита, тамъ пусть мнѣ и глаза закроютъ. Люблю ее, матушку! Вѣрите ли: и теперь, какъ увижу послѣ каникулъ, что занавѣсъ колыхнется, такъ сердце во мнѣ и забьется... такъ и затрепещетъ! И желаю умереть возлѣ сцены... а то—что за смерть? Одна, какъ персть; въ коморкѣ... Никого возлѣ, и попрощаться не съ кѣмъ... Тяжело, голубка, умирать одинокому; кабы Катюша моя была со мною—тогда другое дѣло... А такъ... жутко мнѣ...

— Она давно умерла?—спросила Иванова.

Струцель махнула рукой. Слезы скатывались по ея щекамъ, оставляя неровныя полосы и пятна на толстомъ слоѣ румянъ.

— Давно. Богъ съ нею.. жестоко поступила со мной, пусть ее Богъ проститъ.

— Она?..—начала было Елена Михайловна и остановилась.

— Убила себя... отравилась. Я! я виновата! Не сумѣла оградить. Изломанная вышла крошечка; съ целенокъ по номерамъ, день и ночь за кулисами, чего не видѣла, чего не наслушалась! Взрослый изломается, не только дитя. Сцена проглотила голубку: хотѣлось все чего-то необыкновеннаго,

талантъ въ себѣ воображала, а таланта не было. Извѣрилась, наконецъ, и—погибла. Многія такъ гибнуть въ минуту унынія... Одинъ всплыветъ, тонуть сотни. А идутъ, идутъ... Азартъ! всякъ думаетъ, именно онъ выплыветъ, никто не скажетъ себѣ: довольно. Все думается: вотъ-вотъ-вотъ, еще немножко,—и выплываю. Я это, какъ на ладони, вижу. Сорокъ лѣтъ за кулисами, тутъ и дурень кое-чему научится... Вижу, понимаю, оправдываю... А сердцемъ не могу простить. Жестоко, Катюша, жестоко! Какая ни на есть, а мать я ей?.. Сердце матери пожалѣть надо бы. Вѣдь такъ... все равно, что ножикъ всадить. Да нѣтъ, ножъ—лучше: отъ ножа—разомъ, и конецъ, а это—потихоньку, медленно...

Струцель заплакала. Круглая спина ея заколыхалась подъ красной блузкой отъ частыхъ старческихъ всхлипываній. По лицу Елены Михайловны тоже катились слезы и смачивали пестрый, комическій капотъ. Въ груди у нея зашевелился неприятно-гнетущій, знакомый ей съ дѣтскихъ лѣтъ, докучный „комочекъ“. Онъ сталъ разрастаться, подкатываясь къ горлу, сдавливая и грудь, и горло, препятствуя дыханію, вызывая новыя слезы, не приносящія облегченія.

Сперва Елена Михайловна боролась съ нимъ, потомъ отдалась во власть клубочка, который уже начиналъ сводить и вытягивать мускулы на ея шеѣ и на рукахъ. Но это продолжалось недолго. Напрягая всѣ свои силы, она настойчиво приказала себѣ: „нельзя!“ — и клубокъ послушно откатился отъ горла. Слезы еще лились, а Елена Михайловна уже сознавала, что клубокъ побѣжденъ, и ей было пріятно почувствовать свою силу надъ собственными нервами.

Струцель выплакалась и воскликнула:

— Голубка моя? и она плачетъ со мною! добрая вы моя, добрая...

Она цѣловала Елену Михайловну, пачкая и ее своимъ размазаннымъ гримомъ.

— Агнесса Яковлевна... отъ васъ далеко телеграфъ?—неожиданно и, казалось бы, некстати спросила Иванова.

Съ прозорливостью стараго, много видѣвшаго на своемъ вѣку человѣка, Агнесса Яковлевна въ секунду поняла, въ чемъ дѣло, и сочувственно закивала головой:

— Близо, голубка, близо... въ двухъ шагахъ за переулкомъ. Вамъ телеграммку послать? Яковъ можетъ отнести.

— Нѣтъ... я лучше сама.

— Не опасайтесь, дѣточка: Яковъ — неграмотный. И не интересно ему. Мамѣ пошлете телеграмму?

— Агнесса Яковлевна, дорогая... не спрашивайте. Ни о чемъ не спрашивайте... Послѣ когда-нибудь.

— Ни теперь, голубка, ни послѣ... никогда не надо. Я и

такъ вижу: барышня изъ богатыхъ; ну, поссорились, значить... влеченіе къ сценѣ и все такое, оно часто бываетъ. А маму успокойте; матери крѣпко больно! Сообщите только: жива, молъ, тамъ-то... Не потащатъ же силою, а мамѣ будетъ полегче. Здѣсь вамъ нечего бояться: кромѣ меня, никто не станетъ разспрашивать; и я тоже не буду. Иванова—такъ Иванова.

— Положимъ, Иванова я настоящая. По паспорту.

— И Ивановы бываютъ разные. Пишите, умница моя, пишите. Вотъ вамъ бумажка, перо... Лампу себѣ зажгите, а я полежу съ четверть часика. Кофе ужъ послѣ напьемся.

Струцель ушла за занавѣску. Елена Михайловна зажгла запыленную лампу подъ синимъ абажуромъ, присѣла къ столу и, подумавъ, четко написала:

„Москва, N-ская улица, собственный домъ, Ларисовой. Милая мама, не безпокойся, я здорова. Остаюсь въ Z, принята въ труппу Садовникова. Боюсь просить твоего прощенія: такихъ оскорбительныхъ словъ я и сама никогда бы не простила. Не имѣла въ мысляхъ того, что высказала, сорвалось подъ злобную руку, сгоряча. Если можешь, забудь. Твоя Леля“.

Когда Яковъ понесъ телеграмму, Елена Михайловна повеселѣла. Беспорядочно-неряшливая комната Агнессы Яковлевны показалось теперь Ивановой отрадно-симпатичной. Пили кофе и чай, ѣли разогрѣтый пилавъ, перецъ въ горчичномъ маслѣ, икру изъ синихъ баклажанъ.

Струцель говорила безъ умолку. Лицо ея, вытертое вазелиномъ, поблѣднѣло; зрачки глазъ расширились, глаза отъ воодушевленія сдѣлались болѣе молодыми, а она все рассказывала и рассказывала. Отъ рѣчей болтливой старухи передъ Еленой Михайловной раздвинулись стѣны неопрятнаго номера, засіяли давно потухшія лампы, возстали изъ могилъ давно истлѣвшіе актеры и актрисы. Агнесса Яковлевна перестала добавлять къ ихъ именамъ: „покойникъ“ или: „покойница“. Она говорила о нихъ, точно они гдѣ-то здѣсь, очень близко и вотъ-вотъ выступятъ на арену. Казалось, что настала старая, невозвратно-изжитая эпоха, что въ Россіи опять нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, и актеры шумными таборами ѣздятъ въ „балагулахъ“ по непролазной грязи. И будто Агнесса Яковлевна уже не жалкая неумѣло выкрашенная старуха, а молодая, „похожая на газель“ актриса, полная силъ, надеждъ и жизненной радости, насчитывающая дюжины влюбленныхъ поклонниковъ. Самоувѣренная, довольная, гордая, она стремительно гонится за призракомъ славы, старается достигнуть цѣли, поймать неясный призракъ и остается на распутьи съ пустыми руками...

Елена Михайловна и почевать осталась у Струцель.

Та просила ее остаться, а Еленѣ Михайловнѣ не хотѣлось тащиться среди ночи въ претенціозный номеръ парадной гостиницы, гдѣ такъ безмолвно, прилично и въ тоже время скучно. Здѣсь ее пригрѣли, обласкали, и она чувствовала себя подѣ дружественной опекой, а тамъ пришлось бы опять очутиться наединѣ съ своими мыслями, тяжелыми, обидными, мрачными, съ тѣми бессонными думами, которыя порой надламываютъ слабыя крылья на всю жизнь.

Засыпая на твердомъ диванѣ, Елена Михайловна откуда-то, какъ бы издалека, еле улавливала ухомъ:

— Пріѣзжаемъ мы въ Мелитополь. Покойный Штрикъ тогда собралъ народъ и повезъ. Неудачникъ онъ былъ, все то у него не клеилось: застрѣлился потомъ въ Сумахъ. Ну, пріѣзжаемъ на разсвѣтѣ, спать хочется, просто падаемъ... Мы, дамы, впередъ поѣхали, — въ гостиницу, конечно. Гостиница плохонькая, но намъ удобная: близко къ театру. Подѣѣзжаемъ: „есть номера?“ Половой выскочилъ, говорить: „есть, сколько угодно, пожалуйста“. А тутъ и хозяинъ выходитъ: всталъ со сна, въ одной жилеткѣ, самъ зѣваетъ во всю глотку, потягивается... Халуй разѣѣвшійся, сразу видно, что изъ лакеевъ. „Кто такіе? — спрашиваетъ, — актеры? Нѣтъ у меня комнатъ!“ — „Какъ же половой?“ — „То — половой, а то — я, хозяинъ. И я говорю: нѣтъ вамъ квартиры... Научены мы, видѣли: наживутъ, наживутъ — и ищи вѣтра въ полѣ. Потому что у актера на водку есть деньги, а на хлѣбъ да на квартиру нѣту“... Только была съ нами одна любительница, жена уѣзднаго врача. Одѣта она: ватерпруфъ на ней, шляпа кукареку, браслеты на рукахъ, кольца... Хотя и сибирскіе камни, но много колець, и все — разноцвѣтныя. Выступила она впередъ и съ этакой увѣренностью какъ крикнетъ на хозяина: — „Какъ ты смѣешь? Да „я“ тебѣ ручаюсь, что все будетъ оплачено!“ Халуй струсилъ... — „Пожалуйста, — говоритъ, — если такъ“. Заняли мы комнаты; кто въ чемъ былъ, кто гдѣ стоялъ, такъ и повалились: сонъ сморилъ смертельный! Просыпаемся послѣ полудня, а мужчинъ нашихъ — тю-тю! — нѣту, и неизвѣстно гдѣ, словно въ воду канули. Что же, оказывается? Не пустилъ-таки ихъ, мерзавецъ. Просятъ его, объясняютъ: дамы всѣ, половина трупы здѣсь, какъ же мы безъ нихъ? А онъ говоритъ: — „за женщинъ барыня поручилась: у нея — кольца, браслеты... Коли что, и продать можно, а съ васъ — чего возьмешь? На двоихъ одни брюки и тѣ съ заплаткою“. Такъ-то, голубка моя. Да вы не спите-ли?

Елена Михайловна уже спала и не слыхала вопроса.

О. Н. Ольнемъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П Е П Е Л И Щ Е.

Романъ Ст. Жеромскаго.

Переводъ съ польскаго Н. Ю. Татарова.

Н о ч ь   и   у т р о .

Оркестръ на хорахъ настраивалъ инструменты. По широкой мраморной лѣстницѣ подымались въ залы толпы гостей, внося съ собою шумъ разговоровъ, шедеть шелка и запахъ духовъ.

Тысячи восковыхъ свѣчей освѣщали темныя мраморныя колонны, поддерживавшія сводъ великолѣпной прихожей. У одной изъ колоннъ стоялъ Оловскій, еще молодой человѣкъ, съ тонкимъ и красивымъ лицомъ и глубоко сидящими голубыми глазами; дѣланная улыбка, съ какой онъ привѣтствовалъ гостей, оставляла впечатлѣніе маски.

У другой колонны стоялъ довѣренный Кальвицкій, въ великолѣпномъ кунтушѣ; внизу на площадкѣ лѣстницы находился камердинеръ; онъ кланялся приходящимъ и указывалъ рукой на хозяина дома.

Кальвицкій поджидалъ офицера, котораго онъ самъ привезъ и оставилъ въ одной изъ уборныхъ внизу. Наконецъ, офицеръ появился. Онъ бодро поднимался по лѣстницѣ, въ сверкавшемъ эполетами и галунами мундирѣ, въ тѣсныхъ брюкахъ и сапожкахъ. Камердинеръ поклонился ему особенно почтительно, Кальвицкій привѣтствовалъ гостя на лонманномъ латинскопольскомъ языкѣ, а Оловскій съ большимъ почетомъ проводилъ его въ гостиную.

На разставленныхъ вдоль стѣнъ диванахъ и стульяхъ сидѣли уже пріѣзжія изъ окрестностей дамы. Въ дверяхъ гостинной толпились танцоры. Мадамъ Оловская встрѣчала гостей у входа въ танцевальную залу.

На этотъ разъ прическа ея была особенно красива. Шея и плечи были открыты. Короткое, легкое платье цвѣта мор-

ской воды было украшено спереди розами. Длинные, до плечъ, перчатки закрывали обнаженные руки. На груди былъ букетикъ пармскихъ фіалокъ. Поручика она, какъ и ея мужъ, встрѣтила съ почетомъ и, взявъ его подъ руку, проводила черезъ залу къ группѣ солидныхъ гостей и представила.

Среди группы молодежи у противоположной двери залы стояли Ольбромскій и Цедра. Увидѣвъ нѣмца, оба почувствовали, что скоро пробьетъ ихъ часъ. У Кристофа видъ нѣмца вызвалъ юношескій задоръ, Рафаилу же почудился ударъ кинжала.

Нужно было рѣшиться.

Въ послѣдніе два дня Рафаиль осунулся, глаза его горѣли нездоровымъ блескомъ. Съ каждымъ часомъ усиливалась его страстная, безумная любовь къ прекрасной хозяйкѣ дома, и онъ испытывалъ безысходное отчаяніе. Теперь все приходилось поставить на карту и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ опредѣлить все свое будущее. По ночамъ онъ не спалъ, а днемъ все искалъ встрѣчи. Между тѣмъ, постоянно толпились гости, которыхъ Рафаиль встрѣчалъ взглядами ненависти, какъ враговъ. Ему также приходилось разговаривать, смѣяться. Часто онъ невольно подходилъ къ Оловской, чтобы, наконецъ, открыть ей свою тайну. Но ея веселый, бойкій разговоръ и смѣхъ терзали душу, и онъ удалялся.

Такъ прошли два дня праздниковъ.

Теперь Рафаиль стоялъ въ толпѣ разодрѣтыхъ гостей и не спускалъ глазъ со своего божества.

Какъ она прекрасна!

Былъ моментъ, когда Рафаиль почувствовалъ, что не пойдетъ за Вислу, и ему сразу стало легче на душѣ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели онъ въ силахъ черезъ нѣсколько часовъ потерять ее на вѣки! Какъ это глупо! Никогда! Онъ останется здѣсь, во что бы то ни стало, и послѣ праздниковъ вернется въ Краковъ. Потомъ придумаетъ какія-нибудь дѣла къ Кальвицкому, къ Оловскому, возьметъ здѣсь имѣнье въ аренду.

Вотъ только, какъ сговориться съ Кристофомъ! А можетъ быть и онъ останется? Трепкъ можно наврать о какихъ-нибудь непреодолимыхъ затрудненіяхъ... Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ не безуміе лѣзть прямо въ петлю? Не лучше ли пахать землю, какъ Богомъ положено, чѣмъ искать вѣтра въ полѣ, или, еще хуже, вѣрной смерти? Правда, будетъ немного стыдно, станутъ сплетничать, указывать на нихъ пальцами, но скоро все забудется. Тѣ самые, которые будутъ говорить о нихъ дурно, когда-то во сто разъ поступали хуже.

Только какъ приступить къ Кристофу? Какъ произнести слово разочарованія послѣ столькихъ дней и ночей увлече-

нія?.. Цедра стоялъ, выпрямившись, и своими близорукими глазами всматривался въ австрійскаго офицера. Рафаиль положилъ ему руку на плечо и проговорилъ:

— Крысь... ты боишься?

Цедра вздрогнулъ отъ неожиданнаго прикосновенія.

— Не боюсь, — отвѣчалъ онъ, какъ ребенокъ, котораго подозреваютъ во лжи.

— А я...

— Чтò съ тобой?

— Я думалъ, что ты боишься...

— Лучше помолись о счастливомъ исходѣ сегодняшней ночи, чѣмъ смущать меня.

— Дурень... — шепнулъ ему на ухо Рафаиль. — Нужно обождать, — подумалъ онъ про себя.

Вдругъ его осѣнила мысль: когда наступитъ минута отъѣзда, спрятаться гдѣ-нибудь и пропустить благопріятный моментъ. Притвориться, что выпилъ. Пьяный человекъ не отвѣчаетъ за свои поступки и не знаетъ безчестья. Кристофъ, если захочетъ, пусть идетъ одинъ. Пусть погибнетъ со славой отъ драгунскихъ пуль! Пусть идетъ ко всѣмъ чертямъ! Довольно здѣсь пришлось на его долю улыбокъ и нѣжныхъ словъ...

Въ это время оркестръ заигралъ полонезъ, и музыка отвлекла мысли Рафаила. Онъ, какъ во снѣ, видѣлъ ряды паръ, кружившихся по залѣ. Какой-то старый господинъ въ парѣ съ мадамъ Оловской то исчезалъ въ сосѣднихъ залахъ, то появлялся вновь. Открытыя плечи и шеи, волосы, перевитые жемчугомъ и перевязанные лентами, завитые и блестящіе отъ камней, шуршащій дорогой шелкъ, брилліанты, взгляды и улыбки, — все это мелькало и сверкало чудными волнами. Пары плыли одна за другой, проносясь, какъ облака.

Какъ только кончился полонезъ, мелодическій вальсъ увлекъ всю молодежь. Рафаилу хотѣлось танцевать съ хозяйкой дома, но онъ не могъ уловить благопріятную минуту. Всегда она или танцевала съ кѣмъ-нибудь, или исчезала изъ залы. Одинъ только разъ, около 12 часовъ ночи, ему удалось сдѣлать съ нею одинъ туръ. И въ ту минуту замерли у него на языкѣ всѣ слова, исчезли всѣ мысли. Онъ молчалъ, крѣпко стиснувъ зубы.

Миновала полночь, Кристофъ все чаще и чаще поглядывалъ на товарища. Рафаиль чувствовалъ, какъ съ приближеніемъ рокового момента усиленно бьется его сердце, туманится голова. Дирижеръ танцевъ объявилъ модный контрадансъ, въ которомъ должно было принять участіе все общество. Въ одной изъ фигуръ Рафаилу посчастливилось

танцевать vis-à-vis съ Оловской. Приблизившись на мгновение къ нему, она тихо проговорила:

— Черезъ нѣсколько часовъ...

— Что, княжна? — прошепталь онъ побѣлѣвшими губами.

— Негостепріимно съ моей стороны напоминать объ этомъ...

Черезъ нѣсколько часовъ вамъ нужно будетъ уйти.

— Я предпочелъ бы умереть здѣсь...

Но ихъ уже разлучили. Вскорѣ танецъ опять соединилъ ихъ, и онъ прошепталь страстно:

— Княжна...

— Что вы этимъ обращеніемъ хотите сказать?

— Княжна...

— Я не княжна. Тѣ времена давно миновали. Что съ вами?

— Люблю тебя... безумно!.. умираю отъ тоски...

Оловская поклонилась ему, какъ полагалось по ходу танца, и ушла, оставивъ Рафаила съ его дамой. Онъ танцеваль, ничего не видя. Кровь застыла въ его жилахъ, ему казалось, что свѣтъ погасъ, музыка умолкла, и люди кругомъ стоятъ неподвижно. Оловская исчезла.

Проходили минуты, долгія, какъ годы... Неужели она не придетъ больше? Неужели онъ не почувствуетъ въ своей рукѣ ея руки? не увидить ея лазурныхъ глазъ?

Но вотъ Рафаиль снова почувствовалъ запахъ ея волосъ, услышалъ шелестъ ея платья, и въ его рукѣ очутилась ея рука...

— Я не должна была допускать вашего присутствія здѣсь даже на одинъ часъ,—услышалъ онъ ея шопотъ:—и только высшія соображенія...

— Черезъ нѣсколько часовъ я уйду, и уже на вѣки...

— Прекрасно.

— И ни одного слова сожалѣнія...

— Вы смѣете еще говорить о сожалѣніи?..

— О!.. Я всегда любилъ васъ больше жизни, и только это хотѣлъ сказать вамъ...

— Теперь все кончено.

Она снова удалилась. Прежде, чѣмъ Рафаиль успѣлъ разгадать ея послѣднія слова, Оловская опять очутилась возлѣ него.

— Вы никогда не вернетесь сюда? Вѣдь вы сами это сказали?—прошептала она.

— Никогда!

— Клянетесь честью?

— Клянусь!

— Никогда ничего не предпримите, чтобы меня увидѣть? Рафаиль молчалъ.

— Говорите же...

— Не могу общаться. Напротив, если буду живъ, приложу всѣ усилія, чтобы какъ-нибудь побывать здѣсь. Но объ этомъ никто не узнаетъ.

— Поклянитесь, что никогда этого не сдѣлаете...

— Клянусь жизнью, честью, доброю славой, что не могу... Люблю васъ...

— Молчите.

— Хотите, я сегодня же утромъ пойду подъ пули, но выслушайте все...

— Говорите тише: на насъ смотреть...

Онъ низко поклонился. Она удалилась. Въ послѣднемъ фигурѣ, когда они опять встрѣтились, она сказала:

— Будетъ гавоть. Вы хорошо его танцуете?

— Хорошо.

— Пригласите меня на этотъ танецъ.

— Прежде, чѣмъ я уйду отсюда, дайте мнѣ видѣть васъ одну минуту съ глазу на глазъ.

— Тише!

Танецъ кончился. Рафаиль ушелъ въ одну изъ сосѣднихъ залъ и скрылся въ нишѣ окна. Онъ былъ измученъ, разбитъ и равнодушенъ ко всему на свѣтѣ. Оловская, окруженная нѣсколькими кавалерами и дамами, прошла мимо него. Всѣ о чемъ-то усиленно просили ее, но она отказывалась, смѣясь своимъ серебристымъ смѣхомъ. Рафаиль подошелъ къ толпѣ и услышалъ, что ее просятъ танцевать тамбурино. Онъ вспомнилъ ея слова, приблизился къ ней и съ низкимъ поклономъ пригласилъ на гавоть.

— Ахъ, вы хотите, чтобы я еще танцевала гавоть? Нѣтъ, я лучше найду вамъ другую даму.

Рафаиль началъ настаивать, просить.

Послѣ продолжительнаго колебанія, которое, казалось, не могутъ преодолѣть даже просьбы пана Оловскаго, она, наконецъ, согласилась танцевать гавоть. Заиграла музыка.

Граціозно, легко скользила она по залѣ, то удаляясь, то приближаясь къ своему кавалеру. Рафаиль жадно прислушивался, но она молчала, хотя подходила совсѣмъ близко. Онъ слышалъ только бѣненіе своего сердца. Наконецъ, когда онъ меньше всего ожидалъ, когда потерялъ уже всякую надежду, онъ разобралъ ея шепотъ:

— Пойди... черезъ всѣ комнаты... къ себѣ...

Немного погодя, она прибавила:

— Оттуда спустись...

Послѣдовалъ рядъ поклоновъ и тихихъ, мягкихъ па въ тактъ съ музыкой, и опять шепотъ, проникающій до глубины души:

— Внизъ по лѣстницѣ... которая въ концѣ корридора.

— Дальше?

Музыка заиграла тише. Опять поклонъ и улыбка.

— Тамъ будетъ полуоткрытая дверь...

Бльше она ничего не сказала до самаго конца. Глаза ея какъ будто омрачились. На губахъ появилось болѣзненное выраженіе. Растрепавшіеся волосы въ безпорядкѣ лежали вокругъ поблѣднѣвшаго лица.

Рафаиль смѣшался съ толпой мужчинъ и сталъ у двери въ сосѣдную залу. Къ нему приблизился Кристофъ и таинственно сказалъ:

— Готовься!

Рафаиль взглянулъ на него искоса и добродушно улыбнулся.

— Ты мнѣ сегодня очень нравишься,—проговорилъ онъ спокойнымъ и мягкимъ голосомъ.

— А ты замѣчательный танцоръ...

— Ты находишь?

— Право, тебѣ давно слѣдовало бы поступить въ балетъ въ Краковѣ... Не пришлось бы тогда шляться по большимъ дорогамъ...

— Ты иронизируешь, Цедра. Я люблю удачную остроуту, но безъ сарказма нѣтъ остроумія. Вѣроятно, ты сегодня погибнешь. Поди-ка въ сосѣдную комнату, да напиши завѣщаніе по всѣмъ правиламъ австрійскаго кодекса; пожалуй, сдѣлай меня своимъ главнымъ наслѣдникомъ.

— Я оставляю тебѣ наслѣдство не особенно большое...— отвѣтилъ Цедра съ насмѣшливой улыбкой.— Вотъ этотъ фракъ, что сейчасъ на тебѣ и въ которомъ ты выдѣлывалъ такіе ловкіе пируэты; пожалуй, еще чулки и башмаки...

— Какъ смѣшонъ мужчина, котораго начинаетъ точить ревность!

— Ревновать къ тебѣ...—прошепталъ Цедра сквозь сжатые зубы, приближаясь къ нему, но Рафаиль отстранилъ его спокойнымъ и осторожнымъ движеніемъ. Въ противоположномъ концѣ залы, опершись головой о край мраморнаго карниза, сидѣла его княжна. Они смотрѣли другъ на друга, не сводя глазъ.

Рафаиль медленнымъ шагомъ направился въ назначенное мѣсто. Вездѣ было пусто и тихо. Далекій шумъ едва доносился сюда. Онъ толкнулъ полуоткрытую дверь и вошелъ въ будуаръ. Тамъ было почти темно. Только въ каминѣ лежала кучка раскаленныхъ угольковъ. Ольбромскій закрылъ за собою дверь и сѣлъ передъ каминомъ.

Опьяненный запахомъ розъ и жасмина, онъ задумался, какъ вдругъ въ противоположной двери показалась Олов-

ская. Рафаиль всталъ, она заняла его мѣсто и сидѣла нѣкоторое время, молча, безпомощно облокотившись на ручки кресла. Рафаиль опустился на колѣни, обнявъ руками ея ноги и залился слезами счастья.

Она не отталкивала его и не двигалась. Когда онъ успокоился, она коснулась рукой его лба.

Рафаиль поднялъ голову.

— Я исполнила все, что ты хотѣлъ.

— Благодарю.

— Прощай. Я принесла тебѣ видъ аллеи въ Груднѣ. Я сама когда-то рисовала эту картинку, въ тѣ счастливые годы, когда жила мечтами на яву... Возьми ее и носи на сердцѣ. Ее не пробьетъ никакая пуля.

— Неужели же мнѣ не суждено больше тебя увидѣть?

— Не будемъ говорить объ этомъ... я уйду...

— Княжна!

— Что еще?

— Я люблю тебя! Выслушай меня!

— Что же я еще должна сдѣлать?

— Сегодня утромъ я умру... если хочешь, отдамся въ руки солдатъ. Могила сохранить тайну..

— Никогда!

— Значить, ты любишь другого?

— Не скажу!

— Скажи, ради Бога!

— Ты самъ хорошо знаешь.

— Ничего не знаю.

— Ты былъ и остался одинъ... на всегда...

Оловская встала и, отстранивъ Рафаила, направилась къ двери. Но у порога она остановилась и, послѣ нѣкотораго колебанія, вернулась...

Скоро въ комнатахъ надъ ними послышалась суeta и быстрые шаги. Рафаиль догадывался, что это ищутъ его, но не выпускалъ изъ объятій Оловскую, находясь въ какомъ-то счастливомъ забытѣ... Наконецъ, она очнулась и приказала ему немедленно идти къ Кристофу.

Дѣйствительно, его всюду искали. Кальвицкій ругался, на чемъ свѣтъ стоитъ. Кристофъ былъ уже готовъ.

— Гдѣ ты пропадалъ, сумасшедшій? — спросилъ онъ гнѣвно, когда Рафаиль вошелъ въ комнату.

— На балу былъ. Развѣ ты не знаешь?

— Черезъ какой-нибудь часъ начнетъ свѣтать. Изъ-за тебя мы всѣ можемъ погибнуть.

— Не погибнешь! Кто идетъ на войну, тотъ долженъ быть полонъ мужества и храбрости. Хочешь, пойдемъ днемъ? Мнѣ все равно.

— Одѣвайся скорѣе. Иначе пропустимъ самый удобный моментъ!

— Для меня всякій моментъ одинаково удобенъ.

— Вы, пане, можете фанфаронствовать и ломаться, сколько вамъ угодно, но только въ другое время!—разозлился Кальвицкій.

— Горе мнѣ!

— Офицера я уже напоилъ, онъ лежитъ въ уборной, какъ колода; лошади ждутъ... Эхъ, задалъ бы я вамъ, если бы былъ вашимъ отцомъ!

— Богъ помиловалъ, на мое счастье.

— Если черезъ пять минутъ мы не выѣдемъ, я не поѣду, чортъ возьми!.. Я старый человѣкъ, у меня дѣти и внуки...

Рафаиль быстро стащилъ съ себя бальную одежду и швырнулъ ее въ открытый чемоданъ. Потомъ надѣлъ узкій сюртукъ, за поясъ воткнулъ пару пистолетовъ и кинжалъ. Картинку онъ спряталъ въ боковой карманъ. Всѣ были готовы и въ короткихъ полушубкахъ и шапкахъ тихонько спустились по черной лѣстницѣ.

Музыка продолжала играть, изъ бальной залы доносился шумъ танцевъ, бывшихъ въ самомъ разгарѣ.

Разсвѣтъ боролся съ ночью. Порошилъ легкій снѣжокъ и скрипѣлъ подъ ногами.

Кальвицкій исчезъ на время и сейчасъ же вернулся въ саняхъ, запряженныхъ парой рѣзвыхъ и сильныхъ лошадей, звенѣвшихъ подковами по обледенѣвшему снѣгу. Рафаиль сѣлъ на козлы и взялъ возжи. Кристофъ сталъ на запятки, какъ лакей. Кальвицкій вернулся въ домъ. Лошади били копытами и рвались впередъ. Паръ шелъ отъ нихъ клубами.

Немного погода, дверь отворилась, и Кальвицкій вывелъ, или, вѣрнѣе, вынесъ офицера, одѣтаго въ шубу. Онъ дотащилъ его до саней, усадилъ его, тщательно закуталъ ему ноги и крикнулъ:

— Пошелъ!

Лошади понеслись. Кальвицкій отрывистыми восклицаніями указывалъ направленіе пути. Офицерикъ, совершенно пьяный, бормоталъ что-то по нѣмецки.

— Не бойтесь, поручикъ,—говорилъ Кальвицкій нѣмцу:—кучеръ у насъ не дурной, и лакей ничего себѣ. Доѣдемъ благополучно.

Лошади бѣжали по глубокому снѣгу. Блѣдная заря загоралась на востокѣ. Утренній вѣтеръ проснулся въ поляхъ.

— Гони во весь духъ!—приказывалъ Кальвицкій такъ повелительно, что Рафаиль повиновался безприкословно и гналъ лошадей во весь опоръ по деревенской улицѣ. Нако-

нецъ, Кальвицкій велѣлъ свернуть влѣво, въ узкій, огороженный прогонъ, который велъ внизъ, къ рѣкѣ. Онъ теперь самъ стоялъ въ саняхъ и тоже подгонялъ лошадей. Въ концѣ дороги, по которой они ѣхали, горѣлъ костеръ, и издалека виднѣлся конвой солдатъ. Когда сани подъѣзжали къ костру, солдатъ направилъ къ нимъ свою лошадь и, подъѣзжая рысью, закричалъ во всю глотку:

— Кто ѣдетъ?

— Herr Offizier!—въ свою очередь закричалъ Кальвицкій и при этомъ поднялъ воротникъ офицерской шубы, показывая его фуражку и сонное лицо. Драгунъ всталъ на стремянахъ, наклонился и внимательно всматривался. Потомъ отдалъ честь своему начальнику, но не сдвинулся съ мѣста.

— Гдѣ квартира офицера?—спросилъ Кальвицкій ломаннымъ нѣмецкимъ языкомъ.

Солдатъ указалъ саблей на отдаленный домъ.

— Веди насъ! Офицеру сдѣлалось дурно на балу, и мы возьмемъ его домой! Веди!

Драгунъ колебался; онъ еще разъ осмотрѣлъ офицерскую фуражку и, наконецъ, повернулъ коня, чтобы ѣхать въ деревню или дать знать на сосѣдній постъ. Какъ только онъ повернулся спиной къ санямъ, Рафаиль и Кристофъ соскользнули со своихъ мѣстъ и, осторожно крадучись, пробрались за костеръ. До рѣчного вала было нѣсколько шаговъ. Однимъ прыжкомъ они перескочили черезъ него. Берегъ рѣки былъ покрытъ ледяной корой. Товарищи за валомъ пробрались внизъ къ рѣкѣ. Не доходя до другого костра, они услышали вдругъ за валомъ топотъ лошади, которая неслась вскачь. Они присѣли на корточки. Лошадь пробѣжала мимо.

— Это съ другого поста...—шепнулъ Рафаиль.—Ѣдетъ по сигналу первого.

Въ нѣсколькихъ шагахъ подъ ними раздался свистъ кулика. Пробравшись черезъ кусты, они увидѣли подъ старой вербой лодку, въ которой ихъ ждалъ мужикъ, одѣтый въ тулупъ. Онъ крѣпко схватилъ ихъ за руки, помогая войти въ лодку, и проворчалъ сурово:

— Поздновато! День начался...

По его приказанію, они усѣлись на дно лодки, а самъ онъ сѣлъ на весла и сильнымъ движеніемъ направилъ лодку на средину рѣки. Вдругъ на берегу раздались съ разныхъ сторонъ крики. Бѣглецы только что успѣли повернуть головы, какъ прямо имъ въ глаза блеснулъ огонекъ, другой, третій... и протяжно засвистѣли пули.

Одна изъ нихъ упала у борта лодки. Неустрашимый силезецъ-перевозчикъ гребъ такъ, что весла гнулись въ его

могучихъ рукахъ. Лодка неслась необыкновенно быстро внизъ по теченію, наискось пересѣкая рѣку. Трескъ ружей не прекращался.

Вдругъ перевозчикъ согнулся, страшно захрипѣлъ, и весла выпали у него изъ рукъ. Нѣсколько мгновеній бѣглецы видѣли, какъ онъ, хрипя, качался взадъ и впередъ, и затѣмъ грохнулся всѣмъ тѣломъ на носъ лодки. Получивъ сразу сильный разгонъ, лодка продолжала нестись по теченію. Рафаиль схватилъ одно весло. Неумѣло гребя, товарищи путались въ ледяныхъ глыбахъ, которыя глубоко уходили въ воду и мѣшали причалить къ берегу. Рафаиль въ отчаяніи пробовалъ разбивать ледъ весломъ, но онъ только звенѣлъ. Водовороты увлекали ихъ на середину рѣки... Вдругъ они почувствовали, что лодка скользитъ дномъ по песку. Упираясь изо всей силы весломъ въ песчаное дно, они начали причаливать. На галиційскомъ берегу толпилась группа солдатъ... Рафаилу удалось такъ врѣзаться лодкой въ песчаную мель, что можно было вылѣзть въ воду. Онъ велѣлъ Кристофу идти на берегъ, а самъ потащилъ лодку. Во слѣдъ имъ грянуло нѣсколько десятковъ выстрѣловъ. Пули жужжали, какъ осы, съ рѣзкимъ звономъ ударялись въ ледъ и разбивали его. Рафаиль и Кристофъ поспѣшили вытащить мужика и положили его на землю. Изъ рта у него текла темная кровь. Глаза были мертвые, стеклянные. При видѣ мертвеца Кристофъ едва держался на ногахъ. Сгиснувъ руки, съ видомъ безконечнаго отчаянія, онъ напряженно смотрѣлъ на трупъ и, вдругъ вадрогнувъ всѣмъ тѣломъ, зарыдалъ, какъ ребенокъ.

— Это я... Это моя вина... Это я убилъ тебя!..—приговаривалъ онъ.—Мнѣ захотѣлось идти на войну, а тебя убили! Боже, Боже, что мнѣ дѣлать, несчастному!

— Ты необыкновенно стойкій солдатъ, — сказалъ Рафаиль, стаскивая промокшіе сапоги.—Если надъ каждымъ трупомъ во время войны ты будешь справлять такую панихиду, то изъ тебя выйдетъ храбрый офицеръ. Тебя представятъ Наполеону, какъ знаменитаго воина, и дадутъ награду.

Кристофъ умолкъ и, не двигаясь съ мѣста, смотрѣлъ, какъ Рафаиль разорвалъ свою рубашку, сухими тряпками обмоталъ ноги и надѣлъ опять сапоги...

— Что же намъ дѣлать?—шепотомъ спросилъ Цедра.

— Прежде всего сними сапоги, изъ своей рубашки надѣлай тряпокъ и заверни ноги.

Кристофъ машинально повиновался. Когда оба были обуты, Рафаиль велѣлъ ему еще дальше вытащить на берегъ лодку и самъ привязалъ ее цѣпью къ стволу вербы.

Потомъ онъ снялъ шапку, повернулся лицомъ къ трупу и прочиталъ про себя молитву.

Начинался день. Товарищи вышли изъ прибрежныхъ кустовъ и быстро стали взбираться на высокій берегъ. Но какъ только ихъ замѣтили съ того берега, опять раздались выстрѣлы. Они вскарабкались на песчаный холмъ и были уже въ безопасности. Рафаиль остановился и крикнулъ:

— Да здравствуетъ императоръ!

Кристофъ смотрѣлъ на него глазами, еще полными слезъ.

— Ты все еще реवेशь?—спросилъ Рафаиль.

— Оставь меня...

— Если хочешь реветь, то иди одинъ, а то люди могутъ подумать, что я за уши тащу тебя на войну.

Кристофъ успокаивался по немногу и уже бодро шелъ впередъ.

— Крысы!—весело проговорилъ Рафаиль:—вѣдь мы уже были на войнѣ! Слышишь, разиня? Пули жужжали надъ нами, совсѣмъ какъ на войнѣ. Ты вѣдь слышалъ?

— Слышалъ.

— Да ты отвѣчай съ толкомъ.

— Я уже просилъ тебя оставить меня въ покоѣ.

— Ну ладно. Гдѣ же, чортъ возьми, тутъ изба? Кальвицкій говорилъ, что гдѣ-то здѣсь, на горѣ... Пойдемъ-ка еще выше.

Товарищи взобрались на вершину холма. Грязный мерзлый песокъ подавался подъ ногами... Они осмотрѣлись кругомъ. Далеко, за Вислой, сквозь голубоватый туманъ разсвѣта виднѣлся среди темныхъ деревьевъ домъ Оловскихъ. Рафаиль долго и внимательно смотрѣлъ на него. Потомъ вдругъ отвернулся и пошелъ къ стоявшей недалеко хижинѣ. Къ сохранившимся каменнымъ стѣнамъ, теперешній владѣлецъ хижины придѣлалъ мазанку изъ тростника, балокъ и досокъ, извлеченныхъ изъ волнъ Вислы. Низенькая дверь была обита плетеной соломой, стѣны обложены мохомъ и навозомъ. Надъ почернѣйшей, скользкой крышей клубился дымъ.

Рафаиль и Кристофъ постучались въ дверь. Имъ отворила тощая, растрепанная баба. За нею торчали головы ребятишекъ.

Рафаиль вошелъ въ комнату.

— Вашъ мужъ перевозить черезъ Вислу? — спросилъ онъ бабу.

— Не знаю я, перевозить онъ или не перевозить...—пророчала баба недовольно.

— Ну, насъ перевезъ, значитъ—перевозить.

— Не знаю, что вы говорите. Мой мужъ рыбакъ... Теперь

какъ перевозить: войско изъ ружей палить... Я ничего не знаю.

— Ну, все равно. Онъ велѣлъ вамъ сказать, что придетъ только къ вечеру. А что ему слѣдуетъ съ насъ за перевозъ и за вино, которое онъ перетащилъ контрабандой, просилъ заплатить вамъ. Получите...

Рафаиль вынулъ нѣсколько червонцевъ и положилъ ей въ руку.

— Держи-ка, баба, покрѣпче: это вѣдь не мѣдь, а чистое золото!—прибавилъ онъ и поспѣшно вышелъ.

Но вернувшись, чтобы узнать, далеко ли деревня, или усадьба, гдѣ бы можно было нанять лошадей, онъ увидѣлъ, что Кристофъ разпарываетъ бортъ своего сюртука и достаетъ оттуда зашитое золото.

— Чтѣ ты дѣлаешь, сумасшедшій? — закричалъ Рафаиль. — На что же ты купишь лошадь, мундиръ и наименьш почтовыхъ?

Цидра не отвѣтилъ ни слова, продолжалъ лихорадочно нащупывать червонцы, вынималъ и клалъ ихъ на столъ. Баба смотрѣла на него, разинувъ ротъ. Наконецъ, когда Кристофъ выбросилъ на столъ все, чтѣ у него было, не исключая кинжала и пистолета, Рафаиль снова спросилъ его:

— Чтѣ ты намѣреваешься дѣлать?

Кристофъ молчалъ. Онъ поминутно вздрагивалъ отъ волненія, его губы были сжаты, глаза полузакрыты.

— Возьми деньги и спрячь, слышишь?—шепотомъ приказывалъ Рафаиль.—Дай ей пять червонцевъ. Этого за глаза довольно. Слышишь, чтѣ я говорю!

Рафаиль схватилъ его за плечо. Но Кристофъ оттолкнулъ его отъ себя и такъ посмотрѣлъ на него, что Рафаиль невольно отшатнулся.

Черезъ минуту оба вышли изъ избы.

Молча шли они по замерзшему снѣгу, къ деревнѣ, которая виднѣлась вдали. Солнце поднималось уже на небѣ, повсюду разгоняя тьму.

П о д о р о г ѣ.

Никѣмъ не замѣченные, Рафаиль и Кристофъ добрались до деревушки. Рафаиль вошелъ въ первую съ краю избу и спросилъ, нельзя ли нанять лошадей до Мысловицъ. Изба была довольно большая, окружена со стороны поля заборомъ, а съ улицы—садикомъ, и утопала въ лучахъ утренняго солнца. Деревья блестяли снѣгомъ до самыхъ верхушекъ. Въ глубинѣ комнаты трещалъ огонь въ каминѣ и че-

резъ открытую дверь, казалось, привѣтливо приглашалъ войти. Здоровый мужикъ, стоя на порогѣ, торговался съ Рафаиломъ.

— Въ Мысловицы, безъ ночлега?.. Далеко! Вѣдь у самой польской границы...

— Ну, если кони добрые, на саночкахъ безъ подрѣзовъ пролетишь, какъ ласточка!—убѣждалъ Рафаиль.

— Мои лошадки не изъ худыхъ, да вотъ праздникъ вынче.

— А деньги чего-нибудь стоятъ?

— А сколько дадите?

— Тридцать золотыхъ.

— И на чай дадите?

— Дадимъ.

— Если отсчитаете золотомъ, да обѣщаете на чай...

— Заплатимъ нидерландскими талерами.

— Ну-ну... Такъ заходите...

Товарищи вошли въ большую комнату и поздоровались съ хозяйкой, которая хлопотала возлѣ плиты. Хозяинъ былъ молодой и бывалый. Онъ искоса наблюдалъ своихъ гостей, но ничего не спрашивалъ. Изъ раскрашеннаго шкафика онъ досталъ графинчикъ съ сладкой водкой, хлѣбъ, масло, праздничные пирожки, сыръ и принесъ еще бутылку вина.

— Не побрезгайте, кушайте, какъ полагается за свои деньги,—угощалъ онъ, кланяясь гостямъ.

Рафаиль не заставилъ себя просить и ѣлъ съ аппетитомъ. Кристофъ выпилъ нѣсколько рюмокъ водки и молча жевалъ кусочекъ хлѣба съ солью.

— А что ваши нѣмцы хорошо васъ допекаютъ? — спросилъ Рафаиль.

— Наши нѣмцы? То-есть какъ же это нѣмцы?..

— Да у васъ вѣдь, кажется, тутъ всѣ теперь шлятся: и нѣмцы, и французы.

— Да... попадаютъ разные...

— Кто же теперь правитъ вашей Силезіей?

Хозяинъ лукаво осмотрѣлся, потянулъ изъ своей трубки и весело сказалъ:

— Кто ихъ знаетъ? Правитъ кто-то, да такъ ловко, будто никого и нѣтъ.

— О битвахъ ничего не слышно?

— Почему не слышно? Гоняютъ другъ друга съ мѣста на мѣсто.

— Кто кого больше?

— Трудно сказать. Кажется, нѣмецъ по деревнямъ не очень-то засиживается. Все норовитъ въ города, больше всего въ такіе, гдѣ есть гарнизонъ и крѣпость.

— Вотъ какъ!

— Былъ я третьяго дня въ костелѣ въ Тарновскихъ горахъ. Вышли мы послѣ обѣдни, слышимъ — шумъ, за городомъ стрѣляютъ. Кто? что? Бѣгутъ люди и говорятъ, что шляхта изъ Польши дерется съ австрійцами. Побѣжали смотрѣть, да ужъ было поздно: ничего не видали... Вечеромъ говорили, что будто пруссаки побили поляковъ, а сами удрали.

— Вотъ такъ битва!

Вскорѣ запрягли лошадей, и пріятели отправились въ путь. Крупной рысью доѣхали они до лѣса, и только когда въѣхали въ чащу, возница сдержалъ лошадей; повернувшись бокомъ, онъ спросилъ:

— Думаю, вамъ не охота встрѣчаться съ пруссаками?..

— Намъ все равно, — притворно отвѣтилъ Рафаилъ, — но лучше не встрѣчаться.

— Ну, и мнѣ тоже. Поѣдемъ лѣсомъ.

— А гдѣ это лѣса?

— Графскіе.

Нѣсколько часовъ медленно ѣхали по узкой лѣсной дорогѣ, запорошенной снѣгомъ. Около полудня мужикъ объявилъ, что скоро будетъ большая дорога изъ Тарновицъ въ Сѣвежъ и на ней — харчевня, гдѣ не мѣшало бы отдохнуть лошадямъ, да и самимъ подкрѣпиться. Вскорѣ дѣйствительно лѣсъ началъ рѣдѣть, и путешественники увидѣли небольшой каменный домикъ. Крестьянинъ осторожно ѣхалъ по лѣсу кругомъ дома и прежде, чѣмъ остановиться у харчевни, вышелъ на дорогу и долго всматривался по сторонамъ. Ни передъ корчмой, ни на дорогѣ никого не было. Не выпуская изъ рукъ кнута, кучеръ вошелъ въ домъ и черезъ нѣсколько минутъ, очевидно, успокоенный, вернулся и тогда уже подвелъ лошадей къ харчевнѣ. Когда путники вошли въ комнату, то увидѣли за прилавкомъ еврея, погруженнаго въ глубокую думу. Пріѣзжіе потребовали водки. Еврей принесъ и молча подавалъ все, что спрашивали. Цедра былъ сердитъ, ворчалъ и на заботливые вопросы Рафаила отвѣчалъ, что чувствуетъ себя больнымъ. Выпилъ нѣсколько рюмокъ водки, онъ опустилъ голову, облокотился на столъ и задремалъ или притворился, что спитъ. Олѣбромскій вытянулся на скамьѣ у стѣны и бессмысленно смотрѣлъ въ потолокъ. Еврей медленными шагами, не желая, повидимому, беспокоить господъ, удалился на дворъ. Лошади въ конюшнѣ аппетитно жевали кормъ.

Прошло довольно много времени, какъ вдругъ послышался шумъ: кто-то захлопывалъ ворота конюшни. Тотчасъ же

кучеръ блѣдный, какъ смерть, распахнулъ дверь въ комнату и крикнулъ:

— Солдаты!

Рафаиль вскочилъ на ноги и нѣсколько мгновений стоялъ растерянно, не зная, что дѣлать. Мужикъ повелительно крикнулъ:

— Заколачивай ворота!

Оба бросились во дворъ и начали баррикадировать ворота и боковую калитку всѣмъ, что только попадалось подъ руку. Вскорѣ послышался веселый говоръ, лязгъ оружья и топотъ лошадиныхъ подковъ. Кто-то толкнулъ запертыя ворота, и немедленно поднялись крики, стукъ, угрозы. Кучеръ вернулся въ комнату и обратился къ еврею, который спокойно сидѣлъ въ углу за стойкой:

— Есть у тебя оружье?

— Откуда мнѣ его взять!

Мужикъ бросился на него и схватилъ за горло. Тогда еврей глазами указалъ на уголъ, гдѣ подъ половицей оказалось заряженное ружье, сабля и заржавѣвшій карабинъ. Въ это время какой-то прусакъ ударилъ кулакомъ въ окно и вышибъ всѣ стекла. Струя бѣлаго пара вырвалась на воздухъ. Въ разбитую раму просунулась было большая рука въ рукавицѣ, какъ вдругъ притаившійся мужикъ изо всей силы ударилъ по ней саблей. Поднялся гамъ и крикъ. Въ отверстіе сразу просунулось нѣсколько ружей, и одновременно грянули выстрѣлы. Ольбромскій сунулъ Кристофу, который по прежнему сидѣлъ неподвижно, карабинъ въ одну руку, саблю въ другую и поставилъ его сбоку, у окна. Мужикъ съ дубиной велѣлъ охранять дверь, а самъ приказалъ еврею проводить его на чердакъ.

Онъ быстро вбѣжалъ наверхъ и помѣстился у слухового окна, которое вело на крышу. Пріотворивъ, его онъ сталъ разсматривать солдатъ. Ихъ было семь человѣкъ изъ пограничной стражи. Трое сидѣли еще на лошадяхъ, а изъ остальныхъ двое били въ ворота и двое стояли у окна дома. Когда Рафаиль выглянулъ, три человѣка, сидѣвшіе на лошадяхъ, осматривали раненую руку товарища. Немного погодя, они сняли съ плечъ винтовки, подсыпали пороху и собирались опять выстрѣлить въ разбитое окно. Рафаиль тоже прицѣлился въ нихъ и выстрѣлилъ. Одинъ солдатъ упалъ на землю. Трое, сидѣвшіе на лошадяхъ, подѣхали къ нему. Рафаиль опять прицѣлился и выстрѣлилъ. Новая жертва. Нѣмцы яростно бросились къ оконному отверстію. Цедра, увидѣвъ ихъ, выстрѣлилъ изъ карабина въ упоръ. Рафаиль сверху бѣжалъ къ нему на помощь. Теперь всѣ собрались у окна. Мужикъ размахнулся черезъ отверстіе дубиной и сбилъ съ ногъ двухъ

солдатъ. Цедра неожиданно высунулся до пояса изъ окна, но Ольбромскій схватилъ его.

— Что ты дѣлаешь?—закричалъ онъ.

— Пусти! Я хочу погибнуть, чортъ васъ всѣхъ побери!

Онъ рванулся впередъ и на удачу выпустилъ въ солдатъ послѣдній выстрѣлъ, какой былъ въ запасѣ. Рафаилъ и кучеръ насильно оттащили его отъ окна на середину комнаты.

Вдругъ на дворѣ стихло. Когда осажденные осторожно выглянули на улицу, то съ удовольствіемъ увидѣли, что солдаты садятся на коней и втаскиваютъ на сѣдла своихъ пострадавшихъ товарищей. Прежде, чѣмъ уѣхать, нѣмцы еще разъ зарядили ружья и, сидя верхомъ, дали пять залповъ въ корчму. Потомъ вскачь понеслись по направленію къ Тарновицамъ.

По совѣту своего проводника, Рафаилъ и Цедра отправились въ путь, какъ только запрягли лошадей.

Сначала они блуждали по снѣгамъ, избѣгая большой дороги, чтобы не встрѣтиться съ новымъ отрядомъ. Но проселки были кучеру незнакомы, и они рѣшили выѣхать на большую дорогу.

Кристофъ снова погрузился въ равнодушное молчаніе. Временами онъ засыпалъ и сквозь сонъ бормоталъ что-то и безпокойно вздрагивалъ. Просыпаясь, онъ изумленно водилъ глазами по лѣсу, какъ будто не понимая, что происходитъ вокругъ.

Къ вечеру бѣглецы пріѣхали въ Мысловицы, гдѣ уже были, наконецъ, въ безопасности: въ мѣстечкѣ стоялъ отрядъ французскихъ стрѣлковъ.

При самомъ въѣздѣ они увидѣли солдатъ въ зеленыхъ мундирахъ. Кристофъ, говорившій по-французски лучше Рафаила, выступилъ теперь впередъ. Товарищи рассчитались съ возницей и направились въ квартиру коменданта. Комендантъ сначала строго разспрашивалъ ихъ, выразилъ къ нимъ недовѣріе, но скоро смягчился и не только далъ имъ проходныя свидѣтельства въ Сѣвежъ и Ченстоховъ, но еще предложилъ комнату для ночлега.

Передъ закатомъ солнца пріатели вышли посмотреть окрестности. Они увидѣли передъ собой обширныя лѣсныя равнины, съ цѣпью холмовъ на горизонтѣ. Заходившее солнце обливало золотомъ все пространство. Юноши задумались, глядя на эти новыя мѣста, гдѣ имъ предстояла борьба на жизнь и смерть.

На другой день, на разсвѣтѣ, они пустились въ путь къ Сѣвежу. Тамъ они также прежде всего отыскивали коменданта, капитана Яжимскаго. Фамилія была знакома Рафаилу. Пред-

чувствіе подсказало ему, что комендантъ окажется его школьнымъ товарищемъ. На квартирѣ капитана имъ заявили, что его можно видѣть только въ полдень, а теперь онъ спитъ. Волей-неволей пришлось отправиться за городъ. По дорогѣ они слышали шумъ оружія и вскорѣ увидѣли конницу, производившую ученіе. Молодые люди побѣжали туда. Кристофъ оживился. Передъ ними былъ отрядъ народнаго ополченія. Пятьдесятъ парней въ темно-синихъ курткахъ и рейтузахъ съ красными выпушками сидѣли верхомъ на крестьянскихъ лошадакахъ и были вооружены саблями, пистолетами, винтовками и карабинами; рядомъ съ ними шла пѣхота съ длинными пиками. Войско было не эффектно, движенія неуклюжи, но со стороны оно производило впечатлѣніе. Мозолистыя, грубыя руки крѣпко держали древка копій и ожесточенно размахивали саблями.

Приближался полдень. Наши добровольцы вернулись въ городъ, гдѣ имъ еще долго пришлось ждать выхода капитана. Наконецъ, старый денщикъ сообщилъ имъ, что капитанъ пьетъ кофе и сейчасъ выйдетъ. Дѣйствительно, скоро вышелъ Яжимскій, въ мундирѣ съ блестящими эполетами и съ строгимъ выраженіемъ лица.

Увидѣвъ стараго товарища, Рафаиль растерялся и не могъ выговорить ни слова. Яжимскій, повидимому, почувствовалъ неловкость и не рѣшался заговорить. Овладевъ, наконецъ, собой, онъ приблизился къ Кристофу и, наморщивъ лобъ, спросилъ:

— Ваша фамилія?

— Цедра.

— А твоя—Ольбромскій, знаю. Мы вѣдь знакомы со школьной скамьи. Что же вамъ, господа, отъ меня угодно?

Они показали ему свои подорожныя и объяснили, что ѣдутъ въ Ченстоховъ, чтобы поступить въ военную службу. Капитанъ слушалъ ихъ съ улыбкой, поглаживалъ усы и исподлобья глядѣлъ на товарища. Помолчавъ съ минуту, онъ спросилъ:

— Почему же непременно въ Ченстоховъ?

— Намъ такъ совѣтовали.

— Можно бы вамъ и здѣсь найти мѣсто. Вѣдь мы движемся къ Ловичу.

— Намъ хотѣлось бы поступить въ артиллерію, — замѣтилъ Цедра.

— А, это другое дѣло. Предупреждаю только, что для службы въ артиллеріи надѣ имѣть порядочныя деньги, даже на солдатскую обмундировку, а объ офицерской и говорить нечего.

— Мой пріятель—человѣкъ состоятельный, — отвѣтилъ Рафаиль.

— Виновать, я не зналъ. Сейчасъ прикажу выдать вамъ проходныя свидѣтельства. Въ Ченстоховѣ вы найдете шесть-сотъ человѣкъ поляковъ въ мѣстномъ гарнизонѣ... А тебѣ, Ольбромскій, я все-таки совѣтовалъ бы остаться здѣсь. Я бы позаботился, чтобы ты сразу получилъ офицерскій чинъ, и обезпечилъ бы тебѣ дальнѣйшее повышеніе. Да и вамъ, пане, тоже. У насъ тутъ много молодежи... Посмотрите на меня! Всего только мѣсяцъ, какъ начались военныя дѣйствія, а я уже капитанъ и занимаю должность коменданта.

— Да... Это очень хорошо.

— Разумѣется, хорошо. У меня здѣсь родные; здѣсь наши помѣстья и потому...

— Тебѣ протежировали...—пробормоталъ Ольбромскій.

— Впрочемъ, — продолжалъ Яжимскій строго, — могу сказать, что кто сильно желаетъ чего нибудь, тотъ навѣрно, при нѣкоторомъ стараніи, добьется своего. Со стороны можетъ показаться, что я самъ давалъ себѣ чины, но это неправда: меня повышалъ ротмистръ Менцинскій, начальникъ народнаго ополченія въ этой части Краковскаго воеводства.

— Не знаю, какъ Рафаиль, — сказалъ вдругъ Цедра, вспыхнувъ и потупивъ глаза, — но я... я рѣшилъ начать службу съ простаго бомбардира.

— Вотъ какъ!

— Я ничего не знаю, какъ же я могу быть офицеромъ, не говоря уже о болѣе высокихъ чинахъ...

— Если вы ничего не знаете, — отвѣтилъ Яжимскій, — то, конечно, трудно начинать съ чего-нибудь другого, кромѣ бомбардира.

— Да. Я рѣшилъ дѣлать, что прикажутъ...

— Правильно, — сказалъ Яжимскій насмѣшливо.

Цедра и смѣшилъ, и раздражалъ Рафаила своимъ поведеніемъ. Встрѣча съ Яжимскимъ была ему непріятна.

— Должно быть, пріятно такъ быстро выйти въ люди, — проговорилъ онъ, смотря прямо въ глаза Яжимскому.

— Я думаю. Но я самъ себѣ обязанъ, — сказалъ капитанъ, принимая важный видъ. — Каждая сотня всадниковъ выбираетъ трехъ офицеровъ, какъ во времена Рѣчи Посполитой. Надо же кому-нибудь быть старшимъ...

Яжимскій выпрямился по военному и продолжалъ съ добродушной и снисходительной улыбкой, глядя на товарищей:

— Конечно, начинать службу съ простаго бомбардира весьма благородно. Я одобряю эту мысль и буду помнить

объ васъ, благородные юноши! Намъ нужны люди съ характеромъ, преданные, которые шли бы въ строй не ради карьеры, а ради дѣла. Вѣдь и князь Юсифъ Понятовскій, нѣкогда главнокомандующій, явился потомъ на призывъ, какъ рядовой... Это дѣлаетъ вамъ честь.

Яжимскій вдругъ почувствовалъ себя нѣсколько неловко: товарищи молчали, пристально глядя на него. Онъ сразу измѣнилъ тонъ.

— Жалѣю,—сказалъ онъ,—что въ моей солдатской хатѣ нечѣмъ даже угостить старыхъ товарищей. Впрочемъ, вотъ что... есть тутъ трактиръ грека Пескари. Не откажите пожаловать туда со мной закусить—ты, Рафаилъ, по старому знакомству, а вы, пане, для компаніи съ общимъ нашимъ пріелемъ.

Старая дружба проснулась въ памяти Рафаила. Вспомнилась школьная скамья, кутежи въ Варшавѣ. Онъ посмотрѣлъ на Цедру и сказалъ:

— Съ удовольствіемъ... если вы, капитанъ...

— Какой тамъ капитанъ... Мы съ тобой старые варшавскіе франты...—шепнулъ Яжимскій ему на ухо.—Какъ это ты сюда попалъ, чортъ возьми?

— Да вотъ, видишь, ѣду на войну.

— Говорю тебѣ, оставайся здѣсь поручикомъ. Я тебѣ дамъ подъ команду пятьдесятъ здоровенныхъ мужиковъ, и будешь ты ихъ гонять по полю. Ктонибудь за небольшія деньги уступить тебѣ чинъ, лошадь, мундиръ... Подумай,—говорилъ капитанъ шепотомъ и продолжалъ громко:—Итакъ, товарищи, пожалуйста въ трактиръ, въ нашъ клубъ, мой слуга васъ проводить туда, а я сейчасъ приду.

Въ трактирѣ ихъ охватили духота и шумъ. Въ тѣсныхъ комнаткахъ тучами носился папиросный дымъ, и всѣ мѣста были заняты. Въ глубинѣ темной комнаты стучали биллиардные шары, громкіе разговоры и пѣніе сопровождали игру въ домино, въ шашки и въ кости. Вновь прибывшіе почувствовали себя неловко. Они попали въ исключительно офицерскую компанію. На всѣхъ были мундиры съ иголки; галуны блестяли. Тутъ были поручики, подпоручики, хорунжіе,—здоровая, шумная молодежь, очевидно, изъ ближайшихъ окрестностей, такъ какъ всѣ называли другъ друга по имени или прозвищу. Отыскивая въ толпѣ отдѣльный столикъ, Рафаилъ и Кристофъ очутились въ углу, рядомъ съ двумя ранеными молодыми людьми. Одинъ изъ нихъ съ забинтованной головой опирался на новенькій костыль, другой держалъ руку на перевязи. Оба сидѣли, задумавшись; передъ ними не было ни ѣды, ни питья. Цедра, конфузливо раскланиваясь, попросилъ разрѣшенія присѣсть за ихъ столъ.

Раненные согласились. Они разговорились. Это были два сосѣда, сыновья бѣдной шляхты, владѣвшей небольшими помѣстьями въ окрестностяхъ. Когда радзиминскій воевода разослалъ вербовщиковъ собирать людей для народнаго ополченія, они сейчасъ же сѣли на коней и пріѣхали въ указанное мѣсто.

— Мы люди не богатые,—говорилъ старшій,—но у насъ есть все, что приказано имѣть: лошадь, мундштукъ, скребница, щетка, попона—все, какъ слѣдуетъ. Но все это не офицерское, а простое, солдатское. За всю жизнь мы ни разу не выѣзжали изъ своихъ фольварковъ, и здѣсь мы чужіе, никого не знаемъ. Пріѣхали мы сюда: всѣ мѣста уже заняты. Чтѣ намъ было дѣлать? Записались въ отрядъ простыми солдатами, истратили всѣ наши деньги на мундиры, на дорогу и теперь... ждемъ, что будетъ дальше.

— Значить, вы изъ Галиціи, какъ и мы?

— Мы изъ-подъ Кужелева.

— Какъ видно, вы были уже въ передѣлкѣ?

— Да, не въ похвальбу будь сказано, немного уже потягались съ нѣмцами.

Дверь распахнулась, и вошелъ Яжимскій, съ воинственнымъ и суровымъ выраженіемъ лица. Его сейчасъ же окружили. Крикъ усилился. Одинъ изъ подвыпившихъ офицеровъ вышелъ изъ сосѣдней комнаты и сказалъ:

— Капитанъ! Вы обязаны позаботиться, чтобы у насъ былъ второй билліардъ. Вѣдь это скандалъ!

— Билліарда у меня нѣтъ, — солидно отвѣтилъ Яжимскій, — но у меня есть совѣтъ для тѣхъ, которые хотятъ играть, да не на чемъ. Пусть они снимутъ мундиры и запишутся въ рядовые. Тогда они не будутъ имѣть права входить сюда и занимать мѣсто.

— Вѣрно! — замѣтилъ кто-то изъ толпы, — дѣйствительно, не хватаетъ рядовыхъ: некому ходить за лошадьми офицеровъ.

— Начни съ себя и иди чистить моего жеребца... — отрѣзалъ первый офицеръ.

— Пожалуй, — хотя бы для того, чтобы показать, что у тебя нѣтъ средствъ даже на наемъ слуги.

— Довольно, довольно, господа!.. — успокаивалъ Яжимскій. — Не стойте! Солдаты въ самомъ дѣлѣ теперь больше отличаются, чѣмъ ихъ командиры. Вспомните только Восинскаго и Ченстоховъ.

— Ну, да не всегда вѣдь приходится имѣть дѣло съ такими трусливыми нѣмцами, какъ комендантъ Ченстохова.

— У меня новыя вѣсти, — объявилъ Яжимскій, торжественно поднимая руку. — Только прежде дай-ка мнѣ, Пескари, рюмочку. Хочу выпить за здоровье старика Восинскаго.

— Вивать!—крикнула толпа.

— Такихъ намъ нужно!

— Бить нѣмца!

— Погодите, еще не все, — медленно сказалъ Яжимскій, наливая себѣ новую рюмку. — Эту вторую рюмку я пью за здоровье Трембецкаго.

— Вивать!

Капитанъ вынулъ изъ кармана бумагу.

— Сообщаетъ мнѣ панъ Менцинскій, предводитель народнаго ополченія въ этой части Краковскаго воеводства, что отрядъ изъ ста человѣкъ шляхты, подъ командой Трембецкаго, къ которому имѣли честь принадлежать нѣкоторые изъ васъ, господа,—въ стычкѣ подъ Тарновскими горами взялъ въ плѣнъ графа Генкеля, ландрата изъ Тарновицъ, и отвелъ его въ ченстоховскую крѣпость. Въ бумагахъ этого ландрата нашли прокламацію къ силезскимъ крестьянамъ, въ которой ихъ приглашаютъ присоединяться къ прусскому войску. Но главное, Трембецкій взялъ по дорогѣ 118 лошадей, предназначенныхъ для прусской кавалеріи, и захватилъ королевскую кассу.

— Вотъ такъ молодецъ! Да здравствуетъ Трембецкій!

— Третій тостъ, — медленно продолжалъ Яжимскій, — предлагаю за здоровье двухъ юношей изъ Галиціи!..

— Кто же это изъ Галиціи?

— За здоровье Цедры и Ольбромскаго...

Кристофъ, покраснѣвъ отъ смущенья, всталъ. Рафаиль послѣдовалъ его примѣру.

— Эти юноши,—продолжалъ Яжимскій,—пробираются къ намъ изъ-за Вислы, рискуя жизнью, чтобы добраться до Ченстохова. Они хотятъ вступить въ ряды артиллеристовъ и отвергли мое предложеніе сдѣлать карьеру въ нашихъ рядахъ. Они хотятъ достигъ офицерскаго чина, начавъ съ должности бомбардира. Провозглашаю тостъ за ихъ здоровье!

— Вивать!—крикнула вся компанія.

Когда шумъ затихъ, Кристофъ поднялъ голову и произнесъ:

— Не удивляйтесь, господа, что мы смущены. Этотъ тостъ былъ для насъ неожиданностью. Мы стремимся къ своей цѣли и только... За себя и за товарища благодарю за доброе отношеніе къ намъ. Въ отвѣтъ мнѣ хотѣлось бы провозгласить тоже тостъ... Мы освободились отъ своего вѣчнаго врага, предателя - прусака... Да здравствуетъ же наша старая Малая Польша!..

— Да здравствуетъ Малая Польша!..

— Если ужъ пошло на тосты, — вдругъ вмѣшался Ольбромскій, —то осмѣлюсь и я просить васъ, господа, выпить

за здоровье тѣхъ, кто уже понюхалъ пороху подѣ Тарновскими горами, и особенно за тѣхъ, которые уже получили раны!

— Да здравствуютъ!—раздался крикъ.

— Качать ихъ! Молодцы ребята!

Шумъ и крикъ до того усилились, что, казалось, стѣны трактира не выдержать и рухнуть.

Н О В Ы Й   г о д ъ .

Случилось такъ, что „галичане“ Цедра и Ольбромскій не дошли до Ченстохова и не попали въ артиллерію. У Кристофа не было ни гроша денегъ, такъ какъ онъ все оставилъ въ рыбацкѣй хатѣ, а денегъ, уцѣлѣвшихъ у Рафаила, по самымъ тщательнымъ расчетамъ, не могло хватить даже на расходы по обмундировкѣ. Яжимскій убѣдилъ, наконецъ, Рафаила остаться въ Сѣвежѣ. Время летѣло, какъ на крыльяхъ, и уже черезъ два дня послѣ святокъ часть народнаго ополченія вышла изъ „Краковской части“ и направилась въ сборное мѣсто, къ Ловичу. Наши пріятели, по необходимости, поступили ополченцами въ краковскую конницу. Яжимскій продалъ имъ двухъ верховыхъ лошадей изъ собственной конюшни, и за нихъ пришлось заплатить почти всѣ оставшіеся червонцы; пришлось еще купить форму у одного воина, который предпочелъ остаться дома. Такимъ образомъ, два добровольца заняли мѣста въ отрядѣ, порѣдѣвшемъ послѣ битвы подѣ Тарновскими горами.

Значительная часть этого отряда, подѣ командой Трембецкаго, все еще блуждала по Силезіи.

Неутомимый командиръ нападалъ, гдѣ можно было, на прусскіе отряды, занималъ мѣстечки и деревни. Черезъ Калишъ, онъ двигался въ сторону Торна, подѣ начальство генерала Заіончка.

Маленькая сѣвежская армія, состоявшая изъ одной конницы, двинулась подѣ командой ротмистра Менцинскаго по направленію къ Ченстохову...

Къ вечеру 31 декабря были уже въ виду Ловича. Переправившись черезъ рѣку, краковскій отрядъ вошелъ въ городъ. Продрогшіе всадники едва размѣстили лошадей по конюшнямъ и тотчасъ же, усталые, заснули, какъ убитые.

На другой день, съ самаго разсвѣта, готовились къ выступленію. Сборное мѣсто было назначено на марсовомъ полѣ подѣ Ловичемъ. Уже къ десяти часамъ стали собираться отдѣльные полки съ военной музыкой.

Впереди видѣлась открытая палатка съ походнымъ алтаремъ.

Окруженный генералами и адъютантами, въ поле выѣхалъ Янъ Домбровский. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ и радостью осматривалъ ряды войскъ.

Молча слѣвъ онъ съ лошади и вошелъ въ палатку. За нимъ вошелъ его штабъ, недавно назначенный Наполеономъ, и два офицера: адъютантъ маіоръ Романъ Матусевичъ и ротмистръ Іосифъ Любенецкій. Первый несъ на пурпурной подушкѣ саблю короля Яна Собѣскаго, взятую польскими легіонами въ Лоретто, второй—булаву гетмана Чарнецкаго.

Началось молебствіе. По окончаніи его Домбровский обратился къ войску съ рѣчью.

— Солдаты!—говорилъ онъ,—сегодняшній день—счастливѣйшій въ моей жизни. Послѣ двѣнадцатилѣтней разлуки я снова съ вами, родные! Вижу, что труды мои не пропали даромъ: мужественный духъ въ полякахъ не угасъ, и думаю, что я не обольщалъ васъ безплодными надеждами. 1807 годъ вы должны считать началомъ вашей новой жизни!

Цедра крѣпко сжалъ руку своего товарища и не выпускалъ ее до конца рѣчи. Послѣ рѣчи началась присяга. Генералы присягали первыми, поднимая вверхъ три пальца правой руки и положивъ лѣвую руку на булаву Чарнецкаго.

По данному знаку, войско подняло вверхъ оружіе.

К ъ м о р ю .

Весь Ловичъ превратился въ военный лагерь.

Въ самомъ началѣ января генералъ Домбровский выѣхалъ въ Варшаву, куда уже прибылъ императоръ Наполеонъ... 18 января получился приказъ выступить изъ-подъ Ловича всей арміи. Съ радостью встрѣтили войска этотъ приказъ.

— Къ Вислѣ! На пруссака!—раздавались дружные голоса.

Въ Ловичѣ пути Рафаила и Кристофа раздѣлились. Цедра остался въ томъ отрядѣ, въ который попалъ сразу. Рафаилъ же ни за что не хотѣлъ служить въ пестрой, бѣдно-пляхетской краковской кавалеріи. Онъ сумѣлъ найти вліятельныхъ товарищей и съ ихъ помощью былъ, наконецъ, зачисленъ въ конницу Дзевановскаго, въ самый блестящій отрядъ, который уже выступалъ въ авангардъ Домбровскаго. Начало похода наши пріятели совершили, хоть и не въ одномъ строю, но вмѣстѣ, такъ какъ войско шло еще сплошной массой. Ему приказано было пройти въ сторонѣ отъ Варшавы. Солдаты неохотно подчинились этому приказу. Ихъ тянуло въ Варшаву, гдѣ находился въ это время самый знаменитый полководецъ, непобѣдимый Наполеонъ...

Войско шло по лѣвому берегу Вислы, совершая большіе переходы. Зима была непостоянная: то морозъ, то оттепель. Пѣхота, въ своей плохой обуви, а иногда и босикомъ, вязла въ мягкой глинѣ и двигалась съ трудомъ. Ночлеги приходились, гдѣ попало: иногда вблизи помѣщичьей усадьбы или деревушки, а часто прямо въ полѣ. Солдаты были счастливы, когда удавалось ночевать хотя бы на опушкѣ лѣса.

Изнѣженный кандидатъ въ дипломаты, Кристофъ Цедра научился цѣнить отдыхъ. Научился онъ спать въ шалаши и на кучѣ сухихъ листьевъ, въ повалку съ товарищами, и наслаждался такимъ сномъ.

По прибытіи въ Торнъ, небольшая армія была раздѣлена на двѣ части. Одна пошла дальше, къ Быдгощѣ, а другая осталась подъ командой генерала Заіончка. Въ этой второй части находился Кристофъ Цедра. Въ Торнѣ было уже много польскихъ офицеровъ и солдатъ, набранныхъ изъ прусскихъ плѣнниковъ. Рафаиль со своимъ полкомъ ушелъ къ Быдгощѣ. Тамъ онъ засталъ Домбровскаго, но уже не начальникомъ всего польскаго ополченія, а только дивизионнымъ генераломъ.

Въ Быдгощѣ началась лихорадочная, кипучая жизнь. Сюда свозили оружіе, кожи, шили сѣдла; приходили все новые и новые отряды. Повышенія давались быстро. Нѣкоторые не успѣли оглянуться, какъ получили уже право на блестящія офицерскія эполеты.

Въ первыхъ числахъ февраля генераль Домбровскій выступилъ въ походъ. Въ авангардѣ, подъ начальствомъ генерала Нѣмоевскаго, шель отрядъ познанскихъ кавалеристовъ, гдѣ находился Рафаиль Ольбромскій.

Уже подъ Новымъ, этотъ полкъ наткнулся на сильный патруль нѣмецкихъ гусаръ. Это была первая стычка, въ которой участвовалъ Рафаиль. Издалека увидѣлъ онъ всадниковъ въ буркахъ, въ переполохѣ вскакивавшихъ на коней. Рафаиль бросился впередъ вмѣстѣ съ другими, но напрасно проскакали они версты двѣ. Пруссакъ, слабо отстрѣливаясь, отступали къ городу, подъ охрану пѣхоты и пушекъ. Потомъ Ольбромскій узналъ, что нѣсколько человекъ все-таки было взято въ плѣнъ, и съ любопытствомъ оглядывалъ угрюмыхъ, беззащитныхъ нѣмецкихъ крестьянъ, когда ихъ отправляли въ Быдгощъ.

Въ тотъ же день произошла жаркая битва. Польская кавалерія вынуждена была отступить передъ непріателемъ, который перешелъ по льду съ другого берега Вислы.

Рафаиль, вмѣстѣ съ другими, хорошо работалъ въ этотъ день саблей. Дважды выдержалъ онъ натискъ врага и оба раза отдѣлялся счастливо. Но, увлекшись съ двумя товарищами преслѣдованіемъ нѣсколькихъ драгунъ, онъ въ тем-

ночь не замѣтилъ, какъ его вдругъ окружили. Съ ужасомъ оглядывался онъ во всѣ стороны... Драгуны съ саблями напирали на него отовсюду. Онъ хотѣлъ пробиться и схватился за пистолеть, но было уже поздно: одинъ драгунъ схватилъ за шиворотъ трубача, другіе обезоружили Рафаила, вырвавъ у него саблю. Наконецъ, ихъ окружили тѣснымъ кольцомъ и отобрали оружіе.

Стыдъ и отчаянье терзали Рафаила. Въ кобурѣ у него были заряженные пистолеты, драгунъ же было всего нѣсколько человекъ. Они связали плѣнникамъ руки, окружили ихъ и помчались во весь опоръ по мокрому полю. Снѣжная крупа била въ лицо и покрывала землю. Вдругъ всадники услышали топотъ коней и крикъ:

— Бей! Руби ихъ!

Драгуны обнажили сабли и бросились въ бой. Рафаиль изо всей силы рванулъ, освободилъ свою руку, въ мгновение ока выхватилъ пистолеть и сбилъ съ лошади ближайшаго всадника, выстрѣливъ ему прямо въ ухо. Потомъ припорилъ коня и грудью навалился на перваго попавшагося нѣмца. Поваливъ его, Рафаиль, не оглядываясь, во весь духъ помчался къ ближайшему лѣсу. Когда онъ остановился, конь его тяжело дышалъ и весь дымился отъ пара. У всадника усиленно билось сердце. Сквозь туманъ доносились еще громкіе выстрѣлы. Наконецъ, Рафаиль съ радостью убѣдился, что шумъ затихаетъ и удаляется. Тогда онъ медленно поѣхалъ по лѣсу и послѣ долгихъ блужданій добрался до какой-то деревушки. Тамъ его радушно встрѣтили крестьяне, которые показали ему дорогу. Прибывъ къ своимъ, онъ съ удовольствіемъ узналъ, что оба его товарища и трубачъ вернулись, спасенные изъ плѣна отрядомъ полковника Яна Домбровскаго.

Цѣлую недѣлю послѣ описаннаго боя продолжались еще незначительныя стычки съ пруссаками.

Наконецъ, въ концѣ февраля войска генерала Домбровскаго, послѣ отчаянной битвы въ виду Данцига, разбили непріятеля, который поспѣшно скрылся за стѣнами крѣпости. Радостные клики пронеслись по рядамъ побѣдителей:

— На Данцигъ! Къ морю!

(Окончаніе слѣдуетъ).

торыя, въ случаѣ удачи, поставятъ меня на ноги... Да!.. деньги ты можешь получить сегодня же... А какъ быть съ хлопкомъ?

— Не продавай пока, мнѣ пришла одна идея.

— Ты не знаешь, почему Максъ посмотрѣлъ на меня, какъ на Каина? Даже не поздоровался...

— Не знаю. Вчера еще онъ говорилъ мнѣ: у Морица на лицѣ написана новая гадость, онъ что-то затѣваетъ...

— Максъ глупъ! Какая гадость можетъ быть написана на моемъ лицѣ? Оно у меня самое обыкновенное: лицо порядочнаго человѣка...

Морицъ посмотрѣлъ въ зеркало, стараясь придать своимъ рѣзкимъ чертамъ хищника добродушное выраженіе.

— Не сердись на него: его угнетаетъ положеніе отца.

— Я предлагалъ ему хорошій выходъ: назначить надъ старикомъ опеку, лишить его права распоряжаться и завести на фабрику свои порядки. Онъ не соглашается, хотя его сестры и ихъ мужья того же мнѣнія. Это единственное средство что-нибудь спасти.

— По словамъ Макса, все имущество принадлежитъ отцу, значить, онъ можетъ дѣлать съ нимъ, что угодно...

— Максъ не такъ глупъ, чтобы вѣрить этому. Тутъ дѣло не въ этомъ.

— Можетъ быть, и въ томъ: согласись, не особенно пріятно объявить сумасшедшимъ собственнаго отца.

— Я и не говорю, что пріятно. Отецъ... это великое слово; но фабрика, капиталы тоже чего-нибудь стоятъ. Ты какъ бы поступилъ въ подобномъ случаѣ?

— Мнѣ не зачѣмъ думать въ этомъ направленіи: у моего отца почти ничего нѣтъ.

Морицъ сталъ одѣваться, рыться въ цѣлой грудѣ галстуковъ и даже нѣсколько разъ перемѣнилъ платье: видимо медлилъ уходить.

— Ты такъ прихорашиваешься, точно собираешься дѣлать предложеніе...—замѣтилъ Боровецкій.

— Можетъ быть, и предложеніе... можетъ быть...—отвѣтилъ Морицъ, неопредѣленно улыбаясь.

Наконецъ, онъ одѣлся и вышелъ вмѣстѣ съ Карломъ, но былъ такъ разсѣянъ, что дважды возвращался домой за забытыми вещами; когда онъ надѣвалъ пенсы, руки у него дрожали отъ волненія; онъ нѣсколько разъ ронялъ палку.

— Ты какъ будто чего-то боишься.

— Я немного расстроенъ, должно быть, слишкомъ много занимался,—тихо отвѣтилъ Морицъ.

Они вмѣстѣ зашли въ кофейную, гдѣ Карлъ купилъ огромный букетъ розъ съ гвоздикой и велѣлъ сейчасъ же

отнести его Анкѣ. Цвѣтами онъ хотѣлъ смягчить свою вчерашнюю грубость.

Морицъ забѣжалъ въ свою контору на Петроковской, но не могъ ничего дѣлать; заглянулъ въ склады хлопка, далъ порученія Рубинроту, выкурилъ нѣсколько папиросъ, не переставая ни на минуту думать о Гросглюкѣ, къ которому собирался.

По временамъ Морицъ лихорадочно вздрагивалъ и инстинктивно ощупывалъ свой конвертъ съ деньгами, лежавшій въ карманѣ. Это нѣсколько успокаивало его, и на лицѣ снова появлялось энергическое выраженіе...

Въ одно изъ такихъ мгновеній онъ смѣло направился къ Гросглюку. Но, дойдя уже до конторы, повернулъ назадъ и сталъ ходить по Петроковской. Потомъ, повинуясь какой-то внезапно блеснувшей мысли, купилъ букетъ самыхъ рѣдкихъ, красивыхъ цвѣтовъ, велѣлъ перевязать ихъ дорогой лентой и, написавъ на своей визитной карточкѣ адресъ, послалъ Мелѣ Грюнспанъ.

Расходъ этотъ онъ отмѣтилъ въ памятной книжкѣ подъ рубрикой: „непредвидѣнный—личный“, потомъ, зачеркнувъ „личный“, написалъ „для фирмы“ и, хотя было еще довольно рано, отправился обѣдать въ „колонію“.

— Нужно еще обдумать,—оправдывалъ онъ свою нерѣшительность.

Въ столовой убирали разбросанное шитье и накрывали на столъ; изъ другой комнаты доносились голоса и стукъ машины.

Обѣдающіе собирались медленно. Первымъ пришелъ Малиновскій и сѣлъ у стѣны. Онъ былъ такъ печаленъ и жалокъ, что пани Стефанія, подсѣвъ къ нему, спросила:

— Что съ вами?

— Я боленъ... очень боленъ!

Онъ потеръ рукою лобъ и грустно вздохнулъ. Стефанія не нашла, что отвѣтить.

Малиновскій молчалъ все время. Но когда явился Горнъ и занялъ около него мѣсто, онъ сказалъ ему шопотомъ:

— Я знаю, гдѣ она живетъ.

— Кто?

— Зоська... Въ Стокахъ, во дворцѣ Кесслера...

— Ты все еще думаешь о ней?

— Нѣтъ, нѣтъ... но мнѣ было интересно узнать, гдѣ она живетъ.

— Слышали, господа, что Гросманъ, зять Грюнспана, арестованъ?—спросилъ, немного погодя, Горнъ.

— Знаемъ, слышали! Отдохнетъ птенчикъ, остынетъ послѣ пожара...

— Гросманъ—шуринъ прекрасной панны Мели?—спросила Горна пани Стефанія.

— Да. Недавно у него случилось несчастье, сгорѣла фабрика. Бѣдный человѣкъ, можетъ быть, утѣшился бы страховой преміей, а тутъ—сцапали за шиворотъ и въ кутузку.

— Ошибка: Гросманъ сегодня же будетъ на свободѣ!—замѣтилъ Морицъ.

— Бѣдный народъ эти евреи: относительно ихъ всегда ошибаются...—засмѣялся Серпинскій и принялся доказывать Морицу, что его раса самая подлая въ мірѣ.

— Болтайте себѣ на здоровье... Вамъ бы сказать это своему принципалу, Баруху? Вы, кажется, думаете, что онъ шляхтичъ?—снисходительно возражалъ Морицъ, забавляясь горячностью Серпинскаго. Послѣдняго нѣкоторые начали поддерживать, и завязался споръ.

— Пане Горнъ,—приглашала Кама, идите къ намъ—Я хочу спросить васъ кое-о-чемъ,—прибавила она, когда онъ сѣлъ рядомъ съ нею.

— Слушаю...

— У васъ есть метресса?—громко спросила она.

Отъ изумленія всѣ мгновенно замолчали, и затѣмъ раздался вѣрвѣв хохота.

— Чтѣ ты говоришь!—крикнула ей покраснѣвшая тетка.

— А что же тутъ дурного? Въ каждомъ французскомъ романѣ молодые люди имѣютъ пріятельницъ,—спокойно оправдывалась Кама.

— Ты, какъ попугай, повторяешь слова, не зная ихъ значенія!

— Господи! Совершенно не понимаю, за что тетя кричитъ на меня?—Она пожала плечами и пошла въ гостиную. За ней послѣдовалъ Горнъ.

— Я попугай и не желаю съ вами разговаривать,—порывисто заявила ему Кама.

— Да вѣдь это тетя сказала, не я. Я хочу только узнать, почему Кама не поздоровалась со мной? Почему она тираниить меня? гримасничаетъ?

— Кама не гримасничаетъ и не тираниить... Но Горнъ пусть отправляется къ своимъ пансонетнымъ пѣвицамъ, на выпивки... Я все знаю, все...

— Что же именно?—спросилъ онъ серьезно, съ трудомъ сдерживая смѣхъ.

— Все, все! Вы гадкій, отвратительный кутила... Панъ Фишбанъ сказалъ мнѣ, почему вы не были у насъ въ воскресеніе... Вы были въ Аркадіи... пьянствовали, пѣли... и... и... цѣловали ту... Я васъ ненавижу, вы мнѣ противны!..

— А я Каму люблю еще больше.

Онъ хотѣлъ взять ее за руку, но она вырвалась.

— Когда вы были несчастны, то приходили къ намъ за утѣшеніемъ...

— Когда же это я былъ несчастенъ? — спросилъ Горнъ.

— Какъ когда? А пока не получили мѣста у Шай.

— Никогда не чувствовалъ себя несчастнымъ. Наоборотъ, мнѣ тогда было особенно весело, потому что я былъ свободенъ.

— Какъ! вы не были несчастны?—воскликнула, подбѣгая къ нему, Кама.

— Никогда.

— И теперь не несчастны?—спросила она сквозь слезы, возмущеннымъ тономъ.

— Да нисколько!.. Что съ тобой?

— Вы не были несчастны!.. А я молилась за васъ, жертвовала въ церковь, не купила шляпы, потому что боялась даже наряжаться; плакала, постоянно думала о васъ, не спала ночей, была такъ несчастна, а вы... вовсе и не были несчастны! Боже мой!.. Боже мой!—говорила она прерывающимся голосомъ, и крупныя слезы катились по ея лицу.

— Кама! Дитя мое дорогое, чудная дѣвочка! — шепталь восхищенный и растроганный Горнъ, цѣлуя ея руки.

Кама вырвалась.

— Я васъ не люблю!—продолжала она сквозь слезы:—Если бы вы были несчастны, то я... я... пошла бы за вами въ огонь... на смерть... Но вы отвратительный... злой человѣкъ. Вы не несчастны... вы меня обманывали...

Она разрадалась.

Горнъ, совсѣмъ растерявшись, пробовалъ оправдываться, но Кама не хотѣла слушать. При всемъ сочувствіи къ ея слезамъ, ему хотѣлось посмѣяться надъ ея ребячествомъ, и онъ подсѣлъ къ ней. Кама рѣзко отодвинулась отъ него и схватила собаку.

— Укуси его, Пиколо, укуси!.. Онъ обманулъ Каму, и его я больше не люблю.

Раздались фабричныя свистки. Горнъ улыбнулся и всталъ.

— Вы даже не прощаетесь со мной?—Даже не хотите извиниться,—быстро говорила она, вытирая глаза.—Хорошо! Съ сегодняшняго дня мы незнакомы. Хорошо! Съ сегодняшняго дня я буду гулять съ Малиновскимъ, съ Кшечковскимъ, съ Блюменфельдомъ, съ кѣмъ только мнѣ вдумается. Да, да, я это сдѣлаю, честное слово!—чтобы вы не думали будто мнѣ такъ нужно ваше общество...

— И мнѣ все равно: я въ Аркадіи проведу время гораздо веселѣе.

— Пожалуйста, цѣлуйтесь съ ними, пьянствуйте Бумъ-Бумъ...

— Итакъ, прощайте, Кама, на всегда!—патетически кликнулъ Горнъ и вышелъ.

Кама строго посмотрѣла ему вслѣдъ, съ равноду замѣтила, какъ хлопнула дверь, но когда его шаги] лись уже на лѣстницѣ, ей стало ужасно жаль, что, м бытъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ больше не придетъ.

Она видѣла въ окно, какъ онъ перешелъ на др сторону улицы, какъ, наконецъ, исчезъ въ переулкѣ. 1 тяжело опустилась на диванъ и, прижавъ Пиколо къ гр расплакалась:

— Пиколо мой единственный, какъ я несчастна!

Она вызвала къ себѣ тетку и, бросившись къ ней шею, трагически сообщила:

— Все кончено! Мы никогда уже не увидимся съ Го номъ! Тетя, какъ я несчастна!

Тетка не проявила особеннаго сочувствія.

— Вы, тетя, даже не плачете?—спросила Кама съ упр комъ.

— Что еще за выдумки!

— Пана Кама, можно съ вами попрощаться и поцѣло вать васъ?—спросилъ Морицъ, выглядывая изъ передней.

— Цѣлуйтесь съ Пиколо!—крикнула она, бросаясь къ нему съ собакой. Морицъ хлопнулъ дверью и скрылся.

На улицѣ онъ опять началъ раздумывать, идти ли къ Гросслюку? Онъ старался вспомнить, нѣтъ ли у него болѣ важнаго дѣла: кажется, необходимо повидаться съ Кессле ромъ? нужно зайти еще домой?..

Послѣ продолжительныхъ колебаній Морицъ всетаки за ставилъ себя направиться къ банкиру.

— Принципаль тутъ?—спросилъ онъ, здороваясь со Ста хомъ Вильчекомъ въ конторѣ.

— Да. Уже нѣсколько дней посылаетъ за вами.

— Вы насчетъ земли покончили съ Грюнспаномъ?

— Только что начали: пока дошли до пятнадцати тысячъ.

— И вамъ еще мало?

— По-моему, не даетъ и половины цѣны.

— Не прогадайте, Вильчекъ! Я вамъ желаю добра.

— Вы же сами совѣтовали мнѣ держаться крѣпче.

— Совѣтовалъ? Я совѣтовалъ? Возможно; но все имѣетъ свой maximum,—проговорилъ съ неудовольствіемъ Морицъ. Онъ рекомендовалъ прижать Грюнспана тогда, когда не имѣлъ опредѣленныхъ плановъ относительно Мели; теперь же это серьезно сердило его.—Да... зайдите-ка въ контору Боро вецкаго подписать контрактъ на доставку угля.

— Благодарю васъ... благодарю,—обрадовался Вильчекъ, пожимая ему руку.

— Мнѣ еще нужно кое-о-чемъ поговорить съ вами.

— Скажите откровенно, сколько мнѣ слѣдуетъ заплатить вамъ за это дѣло?

— Разсчитаемся потомъ. Теперь у меня къ вамъ поважнѣе дѣло. Черезъ полчаса я выйду отсюда; проводите меня, и потолкуемъ.

Морицъ медленно снялъ пальто, потеръ руки и нѣкоторое время смотрѣлъ на потемнѣвшую улицу; начался дождь и капли стучали по окнамъ.

— Будь, что будетъ,—подумалъ Морицъ, входя въ кабинетъ банкира, который, при видѣ его, вскочилъ со стула.

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогой мой! — восклицалъ Гросглюкъ, цѣлуясь съ нимъ.—Я ужасно беспокоился о вашемъ здоровьи! Какъ нехорошо—оставлять своихъ друзей такъ долго въ неизвѣстности. Мы всѣ волновались изъ-за васъ! Даже Боровецкій...

Морицъ слегка улыбнулся, узнавъ о такой заботливости.

— Какъ хлопокъ?.. Ахъ, какъ я страшно соскучился о васъ!

— Благодарю. Вы очень добры.

— Это вѣдь всѣмъ извѣстно. Я еще вчера далъ двадцать пять рублей на лѣтнія колоніи для дѣтей рабочихъ. Посмотрите, вотъ напечатано! — Онъ сунулъ ему газету. — Что же нашъ хлопокъ?—спросилъ онъ уже нетерпѣливо.

— Вы знаете, какъ поднялись цѣны на землю, на кирпичъ?

— Знаю, потому что мы немного занимаемся перепродажей. Въ Лодзи скоро начнется большое движеніе... Вы слышали что-нибудь о Гросманѣ?—спросилъ Гросглюкъ нѣсколько тише.

— Полиція?.. Да...—Морицъ улыбнулся.

— Ш... ша!..—произнесъ банкиръ; потомъ, осмотрѣвшись по сторонамъ, заглянулъ въ контору, не подслушиваетъ ли кто, и сказалъ Морицу на ухо:—его вчера чуть-чуть не арестовали.

— Я вчера, сейчасъ же по пріѣздѣ, слышалъ, что его уже арестовали.

— Въ Лодзи ужасные сплетники. Здѣсь всѣмъ интересуются и лѣзутъ въ чужія дѣла... На Гросмана былъ доносъ, но изъ этого ничего не выйдетъ: онъ чистъ, какъ я.

Морицъ опять двусмысленно улыбнулся.

— Ну съ какой стати полиція вмѣшивается въ частныя дѣла?—недоумѣвалъ Гросглюкъ.

— Это кончится ничѣмъ. Гросманъ честный человѣкъ.

— Я говорю то-же самое. Я даже поручился бы за него, но... въ Лодзи столько мошенниковъ, которые готовы принять присягу, будто видѣли, какъ онъ... Чего только не выдумаютъ!.. Ну, а нашъ хлопокъ?

— Я купилъ и сейчасъ же продалъ его за наличныя.

— Это хорошо, потому что мнѣ сейчасъ очень нужны деньги.

— Всякому онъ нужны!—меланхолически замѣтилъ Морицъ.

— Вы будете ихъ имѣть: у васъ голова на мѣстѣ. Деньги съ вами?

— Нѣтъ,—съ разстановкой, спокойно отвѣтилъ Морицъ, хотя сердце его сильно забилося.

— Пришлите непременно до четырехъ часовъ. Мнѣ предстоятъ платежи по векселямъ... Много мы заработали?—спросилъ банкиръ, придвигая Морицу сигары.

— Я заработалъ недурно, а вы...

— Но вѣдь мы же въ компаніи, капиталъ мой...—быстро произнесъ Гросглюкъ.

— Капиталъ у меня, значитъ—мой,—отрѣзалъ Морицъ, закуривая сигару.

Банкиръ или не разслышалъ, или не могъ повѣрить, понявъ его словъ, потому что, взявъ у него спичку, закурилъ сигару и сказалъ:

— Мы порѣшили на десяти процентахъ изъ чистой прибыли.

— Я вамъ дамъ десять процентовъ годовыхъ, но капитала не возвращу,—медленно произнесъ Морицъ.

— Что? Что вы говорите? У васъ въ головѣ черви завелись, что-ли?—крикнулъ старикъ.

— Скажу откровенно: ваши деньги я помѣстилъ въ свое предпріятіе.

— Мои деньги?!

— Да, вѣдь я занялъ у васъ на долгій срокъ...

Банкиръ отшатнулся и стоялъ нѣкоторое время въ недоумѣніи.

— Пане Вельтъ,—наконецъ, сказалъ онъ:—возвратите мнѣ немедленно мои тридцать тысячъ марокъ!

— Пане Гросглюкъ, я ихъ не возвращу: деньги нужны мнѣ для большаго предпріятія, я заплачу вамъ десять процентовъ годовыхъ и отдамъ, когда разбогатѣю,—хладнокровно повторилъ Морицъ.

— Вы съ ума сошли! Вы больны, вѣроятно, измучены дорогой, дѣлами, вамъ надо отдохнуть... Антонъ, принеси стаканъ воды!... нѣтъ, содовой воды!... Постой, принеси бутылку шампанскаго!—лихорадочно мѣнялъ банкиръ свои приказанія

подбѣгая всякій разъ къ слугѣ, стоявшему у порога. — Это отъ жары бываютъ приливы крови къ головѣ; я знаю: меня самого на дняхъ чуть-чуть кондрашка не хватилъ... Дорогой пане Морицъ, право, вы очень блѣдны... Не позвать ли доктора?

Морицъ насмѣшливо улыбался, глядя на его испуганное лицо.

— Вотъ одеколонъ, я натру вамъ виски.

Онъ намочилъ платокъ и хотѣлъ поднести его къ Морицу.

— Оставьте, пожалуйста: я въ своемъ умѣ и совершенно здоровъ,—рѣзко сказалъ Морицъ.

— Очень радъ!... Ай-ай! какъ вы меня напугали! Это навѣрно отразится на моемъ здоровьи... Но, вы остроумны, ха-ха-ха! Какую штуку подстроили! А я, признаюсь, серьезно повѣрилъ, ха-ха-ха!... Ну, давайте-ка деньги, а то ихъ ждутъ въ кассѣ.

— У меня ихъ нѣтъ. Я же сказалъ вамъ, что оставилъ для своего дѣла.

— Что это? Насиліе! мошенничество! грабежъ среди бѣлаго дня!—вдругъ закричалъ Гросглюкъ, налетая на Морица.

Но тотъ смотрѣлъ холодно и только крѣпче сжималъ въ рукахъ палку.

— Пане Блюменфельдъ! соедините телефонъ съ полиціей!—крикнулъ банкиръ въ контору.—Я съ вами поговорю иначе! Ахъ, ты, злодѣй! Я тебя сгною въ тюрьмѣ, отправлю въ Сибирь, закую въ кандалы!

— Замолчите, не то я привлеку васъ къ суду за оскорбленіе. Полиціей вы не испугаете... Гдѣ доказательства, что деньги, полученные отъ васъ чекомъ на Лейпцигъ, принадлежатъ вамъ, а не мнѣ?—спокойно говорилъ Морицъ.

Гросглюкъ опомнился, сѣлъ и долго смотрѣлъ на Морица съ чувствомъ безсильнаго бѣшенства и страданія. У него на глазахъ показались даже слезы.

— Иди, Антонъ, ничего не надо!.. Въ тюрьмѣ и такъ остынетъ,—прибавилъ онъ тише, разбитымъ голосомъ.

— Не говорите глупыхъ словъ, они начинаютъ раздражать меня.

— Я вамъ такъ вѣрилъ, смотрѣлъ на васъ, какъ на сына! Вы сдѣлали такое... такое мошенничество, за которое Богъ накажетъ: такъ не поступаютъ съ пріятелемъ, довѣрившимъ цѣлыхъ тридцать тысячъ...

— Не говорите вздора! Я занялъ у васъ тридцать тысячъ марокъ на неопредѣленный срокъ для начала большого предпріятія. Я дамъ вамъ расписку, даже когда-нибудь уплачу, но теперь деньги уже въ оборотѣ.

— Въ Берлинѣ, я знаю, гдѣ... въ „Залѣ любви“... знаю...—бесвязно бормоталъ старикъ.

— Поговоримъ, наконецъ, по пріятельски!—съ нетерпѣніемъ воскликнулъ Морицъ.

— Вы воръ, а не пріятель! Отдайте деньги!—крикнулъ Грослюкъ, снова охваченный отчаяніемъ, и бросился къ револьверу, лежавшему въ полуоткрытомъ ящикѣ стола; но сейчасъ же захлопнулъ ящикъ, заперъ и ключъ спряталъ въ карманъ. Онъ опять началъ метаться по комнатѣ, то проклиная, то кидаясь съ кулаками къ Морицу, но тотъ по прежнему сидѣлъ съ палкой въ рукахъ и насмѣшливо улыбался. Когда банкиръ немного успокоился, Морицъ началъ рассказывать ему свои планы:

— Мнѣ тридцать лѣтъ... пора взяться за какое нибудь дѣло!... У меня былъ хорошій планъ, но не было денегъ. Агентурой капиталовъ не соберешь, да и тутъ приходилось жить въ кредитъ. Если бы пришлось ликвидировать дѣла, у меня осталось бы нѣсколько тысячъ долговъ... Теперь я стану на ноги. Вы дали мнѣ денегъ. и потому я долженъ рассказать вамъ, зачѣмъ онѣ мнѣ понадобились... Боровецкій попалъ въ петлю: наличныхъ у него уже нѣтъ, перехватываетъ пока у ростовщиковъ. Вотъ я дамъ ему, при случаѣ самъ войду въ компанію и такъ поведу дѣла, что онъ скоро будетъ на своей фабрикѣ только директоромъ... Планъ хорошій. У него вложено въ фабрику сорокъ тысячъ. Значитъ, ихъ можно вернуть отъ него въ годъ... въ два же—все до чиста. Я все обдумалъ и ручаюсь вамъ за удачу!—спокойно говорилъ Морицъ, подтверждая свои надежды рядами цифръ и возможныхъ подвоховъ, мошенничествъ, которые должны добить Боровецкаго.

Онъ говорилъ долго, основательно, откровенно.

Грослюкъ все больше и больше успокаивался, онъ уже поглаживалъ бакенбарды, потягивалъ носомъ воздухъ, точно чуя падалъ, которой и онъ поживится, сверкалъ глазами, улыбался. Мало по малу его увлекъ планъ Морица, онъ забылъ даже, что кампанія будетъ вестись на его деньги, поддакивалъ, иногда вставлялъ какое-нибудь замѣчаніе, придумывалъ новый планъ. Морицъ, схватывая на лету его мысль, дополнялъ ее, дѣлался все откровеннѣе, говорилъ тише и тише.

Грослюкъ выпилъ воды, открылъ форточку и крикнулъ рабочимъ, вывозившимъ изъ складовъ платформы съ мѣшками шерсти:

— Эй, вы! подождать на дворѣ!

— Дождь идетъ, шерсть намокнетъ,—отвѣтилъ кто-то.

— Подождать!.. слышишь, хамъ!

Онъ захлопнулъ форточку, посмотрѣлъ на покрытое тучами небо и сталъ быстро что-то писать.

Морицъ молчалъ, смотрѣлъ на возы, которые все больше мокли, такъ какъ дождь усиливался, и, наконецъ, спокойно замѣтилъ:

— Вѣса въ шерсти не много прибудеть: слишкомъ новы мѣшки.

— Вы слишкомъ... проницательны!—отвѣтилъ банкиръ и велѣлъ покрыть шерсть брезентами.

— Я хорошо зналъ вашего отца,—опять началъ Гросглюкъ, любезно предлагая Морицу сигару.

— Умный былъ человѣкъ, только глупое банкротство устроилъ.

— Не повезло...

— Что же вы скажете о моемъ планѣ?

— Вѣдь вапа мать была мнѣ кузиной; вы знаете?

— Продавала обрѣзки на Петроковской и давала деньги подъ закладъ.

— Вы похожи на нее: она была красивая женщина, крупная, полная... У васъ есть голова. Вы мнѣ нравитесь... Я люблю молодыхъ людей со смекалкой, люблю помогать имъ, помогу и вамъ. Мнѣ нравится вашъ проектъ.

— Я зналъ, что вы умный человѣкъ.

— Мы составимъ компанію.

— Дадите денегъ?

— Вамъ дамъ.

— И откроете большой кредитъ?

— Для васъ открою.

— Отлично! Значитъ можемъ поцѣловаться для начала компаніи?

— Прелестно! Лучше сто разъ поцѣловаться, чѣмъ одинъ разъ потерять тридцать тысячъ.

Они пространно обсудили всѣ пункты программы и составили планъ дѣйствій.

— Одно дѣло сдѣлано,—сказалъ Морицъ.—Теперь пойду устраивать другое дѣло: дѣлать предложеніе.

— Кто невѣста?

— Меля Грюнспанъ.

— Подождите, пусть они сначала покончатъ съ Гросманомъ.

— Именно теперь удобнѣе: скорѣе согласятся, и я могу кой-чѣмъ помочь имъ.

— Ты мнѣ очень нравишься, Морицъ; такъ нравишься, что если бы моя Мери была взрослая, я отдалъ бы ее тебѣ; за ней сто тысячъ.

— Мало.

— Ну, далъ бы сто двадцать. Обожди годикъ.

— Не могу. Черезъ годъ — двѣсти; дешевле не стоитъ ждать.

— Ну, ладно.. Зайдите въ воскресенье ко мнѣ обѣдать. Будетъ нѣсколько гостей изъ Варшавы, а потомъ я расскажу одинъ маленькій планъ, отъ котораго пахнетъ милліонами.

Они еще разъ дружески поцѣловались, но это не помѣшало банкиру напомнить Морицу написать расписку на тридцать тысячъ.

— Ты мнѣ больше, чѣмъ нравишься, я прямо влюбился въ тебя! — восторженно воскликнулъ Гросглюкъ, пряча расписку въ кассу.

Морицъ захватилъ съ собой изъ конторы Вильчека, и они вышли; но въ воротахъ стоялъ какой-то человѣкъ, съ подозрительнымъ выраженіемъ лица, и преградилъ Стаху дорогу.

— Извините, — сказалъ Вильчекъ, обращаясь къ Морицу: — я зайду къ вамъ лучше завтра, мнѣ теперь нужно поговорить съ этимъ гражданиномъ.

Вильчекъ кивнулъ Морицу головой, сдѣлалъ знакъ неизвѣстному человѣку и повернулъ по Дѣльной улицѣ къ полотноу желѣзной дороги.

XII.

— Нужно только захотѣть, и тогда все сдѣлаешь! — думалъ дорогою Морицъ.

Доказательство на лицо: въ карманѣ тридцать тысячъ марокъ.

Вельтъ съ удовольствіемъ ощупывалъ свой клеенчатый пакетъ.

Онъ хочетъ съѣсть Боровецкаго, хочетъ воспользоваться его деньгами и трудомъ, — и добьется этого. Хочетъ жениться не Мелѣ, — и женится. навѣрно женится.

Теперь онъ не зналъ ничего невозможнаго. Первый большой выигрышъ разжегъ его высокомеріе и безумную самоувѣренность.

— Нужно только имѣть мужество захотѣть, — думалъ Морицъ и улыбался выглянувшему солнцу, которое весело сверкало на мокрыхъ троттуарахъ и крышахъ.

— За успѣхъ можно угостить себя чѣмъ-нибудь, — подумалъ онъ, разсматривая витрину ювелира.

Морицъ вошелъ въ магазинъ; ему очень понравилось кольцо съ большимъ брилліантомъ, но, узнавъ цѣну, онъ отказался отъ покупки и отправился купить перчатки и галстухъ.

— Кольцо все равно купить мнѣ къ обрученію, — мелькнуло въ его головѣ.

Отъ свахи, которая втихомолку улаживала его дѣло насчетъ Мели, Морицъ зналъ о разрывѣ ея съ Высоцкимъ, о томъ, что Бернардъ Эндельманъ сдѣлалъ письменное предложение, но, получивъ отказъ, принялъ протестанство, и теперь собирается жениться на какой-то „французской обезьянѣ“.

Ему извѣстно было также, что нѣсколько молодыхъ представителей большихъ фирмъ имѣли виды на Мелю, но безнадёжно.

— Почему бы ей отказать мнѣ? — думалъ онъ, инстинктивно заглядывая въ окно какого-то магазина и улыбаясь своему отраженію: онъ недурень. Морицъ погладилъ бороду, поправилъ пенснэ и продолжалъ путь, взвѣсивая свои шансы.

Денегъ у него, правда, немного, но за то кредитъ, благодаря теперь Гросглюку, большой, полное отсутствіе всякой щепетильности тоже чего нибудь стоитъ. Будущее представлялось ему самымъ блестящимъ.

Меля была превосходной партіей, и Морицъ давно чувствовалъ къ ней симпатію. Правда, есть у нея разныя польскія фанаберіи, она любитъ играть въ благородство, любитъ помогать и говорить о возвышенныхъ предметахъ, но это все не дорого стоитъ и считается признакомъ хорошаго тона лишь въ гостинныхъ. Онъ самъ когда-то, въ студенческіе годы, въ Ригѣ, столько говорилъ прекрасныхъ вещей, такъ громилъ современный строй, въ теченіе двухъ семестровъ былъ даже социалистомъ, но вѣдь это не мѣшаетъ ему теперь дѣлать дѣла, и хорошія дѣла!

Размышляя такимъ образомъ, онъ вдругъ улыбнулся, вспомнивъ испуганное лицо Гросглюка.

— Морицъ, постой! — окликнулъ его кто-то.

Онъ обернулся.

— Я ищу тебя по всему городу, — сказалъ, подѣвжая къ нему Кесслеръ.

— Что такое?

— Приходи ко мнѣ сегодня вечеромъ. Будетъ нѣсколько человѣкъ.

— Домашній кабачокъ? Какъ въ прошломъ году?

— Нѣтъ, товарищескій чай, разговоръ и нѣсколько сюрпризовъ...

— Сюрпризы — адѣшнія?

— Есть привозныя, будутъ и адѣшнія — для любителей. Придешь?

— Хорошо. Куровскаго ты пригласилъ?

— Довольно у меня польскихъ скотовъ на фабрикѣ, избавь меня отъ нихъ, по крайней мѣрѣ, дома. Куровскій раз-

дражаетъ меня своимъ видомъ важнаго барина; ему кажется, что онъ дѣлаетъ одолженіе, протягивая руку. Verfluchter! — выругался про себя Кесслеръ. — Ты куда идешь? Я могу подвезти...

— Да Древновскую.

— Я только что видѣлъ Гросмана: его выпустили подъ залогъ.

— Вотъ такъ новость! Я какъ разъ иду къ Грюнспану.

— Садись, подвезу тебя, только забѣгу на минуту на фабрику...

— За сюрпризами?..

— Вотъ, именно, хочу выбрать кое-кого въ прядильнѣ.

— И онъ согласится по первому зову?

— У меня онъ выдрессированъ. Кромѣ того, есть средство: не желаешь—долой съ фабрики.

Морицъ засмѣялся; они сѣли въ экипажъ и черезъ нѣсколько минутъ были на мѣстѣ.

— Обожди минутку,—сказалъ Кесслеръ.

— Я пойду лучше съ тобой: могу пригодиться при оцѣнкѣ...

Черезъ большой дворъ они прошли въ низкое зданіе, гдѣ помѣщались прачешная, сортировочная и прядильня.

Въ прачешной работали одни мужчины, но въ другихъ отдѣлахъ слышались женскіе голоса, сразу умолкшіе при появленіи Кесслера.

Работники точно онѣмѣли, вперивъ глаза въ машины. Онъ стояли, окруженные грудami шерсти, похожей на грязную пѣну этого шумящаго моря машинъ, ремней и колесъ.

Кесслеръ шелъ впереди, поднимая плечи, шелъ медленно, шевеля челюстями, при чемъ его рыжіе волосы на бородѣ и усахъ двигались; своей остроконечной головой и большими торчащими ушами онъ напоминалъ хищника, подстерегающаго добычу.

Маленькіе глазки Кесслера внимательно высматривали самыхъ молодыхъ и красивыхъ работницъ, которыя подъ его взглядомъ оцѣнщика краснѣли и опускали глаза.

Возлѣ нѣкоторыхъ онъ останавливался; расспрашивалъ, пробовалъ шерсть и спрашивалъ Морица по-нѣмецки:

— Что скажешь про эту?

— Бракъ, годится только для батраковъ,—отвѣчалъ онъ съ презрѣніемъ. Но объ одной сказалъ:— фасонъ хорошъ, только рябая...

— А все таки недурна: у нея должна быть очень бѣлая кожа! Мильнеръ!—позвалъ Кесслеръ мастера и, тихонько спросивъ фамилію дѣвушки, записалъ ее въ памятную книжку.

Они обошли съ Морицомъ залу два раза въ разныхъ на-

правленіяхъ, но больше ничего подходящаго не нашли, такъ какъ большинство работницъ были или безобразны, или измучены работой.

— Пойдемъ въ прядильню: здѣсь уже ничего не выберешь; остался одинъ бракъ.

Въ прядильнѣ, усыпанной бѣлымъ, какъ снѣгъ, хлопкомъ и залитой свѣтомъ, падавшимъ сверху черезъ стеклянную крышу, было удивительно тихо.

Машины работали съ головокружительной быстротой, какъ-то сосредоточенно, точно зажавъ дыханіе; только иногда раздавался рѣзкій короткій визгъ центробѣжнаго колеса и сейчасъ же замолкалъ, залитый масломъ.

Черные ремни, похожіе на змѣй, съ дрожью и шипѣніемъ устремлялись къ потолку, падали на сверкавшія колеса, извивались вдоль стѣнъ, прорывались черезъ отверстія потолка...

Прикованныя къ машинамъ, работницы, устремивъ глаза на пряжу, быстро скрѣпляли лопнувшія нити...

— Та черненькая? какъ по твоему?—шепнулъ Кесслеръ, указывая на брюнетку съ сильно развитыми формами.

— Великолѣпна, великолѣпна! Вы еще не знакомы?—спросилъ Морицъ.

— Она всего мѣсяцъ у насъ. За нею ухаживалъ Гауснеръ, нашъ химикъ, но я ему отсовѣтовалъ.

— Подойдемъ къ ней!—прошепталъ Морицъ, сверкнувъ глазами.

— Берегись, какъ бы не задѣла тебя какая машина.

Они осторожно пробирались по узкимъ ходамъ между машинами, которые свивали пряжу на большія веретена и скручивали въ двойныя нити.

Пульверизаторы дѣйствовали непрерывно; дрожащая водяная пыль сверкала радугой и осѣдала на людяхъ, на кипахъ бѣлоснѣжной пряжи, на десяткахъ тысячъ веретенъ, вертѣвшихся вокругъ своей оси съ страшной быстротой. При яркомъ свѣтѣ солнца, веретена напоминали тысячи бѣлыхъ водоворотовъ.

Кесслеръ записалъ еще двухъ дѣвушекъ и вышелъ вмѣстѣ съ Морицемъ, провожаемый взглядами ненависти.

На порогѣ того отдѣленія, гдѣ находилось чудовищное маховое колесо, стоялъ старикъ Малиновскій съ трубкой въ зубахъ, заложивъ руки въ карманъ. Онъ не снялъ шапки передъ Кесслеромъ, не кивнулъ даже головой, а принялъ вызывающій видъ и поглядѣлъ на него угрюмымъ, зловѣщимъ взглядомъ.

Кесслеръ вздрогнулъ, встрѣтившись съ нимъ глазами, сдѣлалъ какое-то движеніе, точно собираясь вернуться, но сейчасъ подавиль свой страхъ и нарочно подошелъ къ машинѣ.

— Ничего новаго?—спросилъ онъ Малиновскаго.

— У меня къ вамъ маленькое дѣло...—тихо отвѣтилъ старикъ, пододвигаясь къ нему.

— Для просьбъ существуетъ контора. У меня нѣтъ времени,—нервно проговорилъ Кесслеръ и торопливо направился къ выходу. Ему очень не понравился голосъ Малиновскаго.

— Не симпатичная рожа,—замѣтилъ Морицъ.

— Да... да... Нужно вытурить его!—сказалъ Кесслеръ.

Въ конторѣ онъ далъ своему довѣренному лицу списокъ выбранныхъ дѣвушекъ: тотъ уже знаетъ, что дѣлать дальше.

Молодые люди поѣхали на Древновскую улицу.

— Въ шесть часовъ лошади будутъ ждать возлѣ твоей конторы,—заявилъ Кесслеръ, прощаясь, и уѣхалъ.

— Колоссальный мерзавецъ!—подумалъ о немъ Морицъ, входя къ Грюнспанамъ.

ХІІІ.

У Грюнспановъ Морицъ попалъ на семейный совѣтъ.

Старикъ бѣгалъ по комнатамъ и кричалъ, стуча кулакомъ по столу, Регина тоже кричала и плакала отъ злости, Ляндау-отецъ, въ большой шелковой шапкѣ, сдвинутой на затылокъ, отогнувъ клеенку, писалъ на столѣ мѣломъ какія-то цифры. Блѣдный, усталый, Гросманъ, лежавшій на диванѣ, меланхолически курилъ, пускалъ клубы дыма и съ ироніей посматривалъ на жену.

— Это негодай, самый отчаянный лодѣйскій негодай! У меня изъ-за него будетъ ударъ... онъ меня убьетъ!...—кричалъ Грюнспанъ.

— Когда тебя освободили?—спросилъ Морицъ Гросмана.

— Съ часъ тому назадъ.

— Чтѣ-же, тамъ не дурно?—насмѣшливо продолжалъ спрашивать Морицъ.

— Когда-нибудь самъ убѣдишься: тебѣ не миновать острога. Разница будетъ только въ томъ, что попадешь туда по собственной винѣ, а не за грѣхи тестя и жены, какъ я.

— Альбертъ, не говори глупостей!—строго замѣтилъ старикъ, останавливаясь передъ нимъ.—Хотя Морицъ свой человѣкъ и знаетъ истинное положеніе дѣлъ, но изъ твоихъ словъ легко заключить, будто сплетни, которыя распространяютъ о насъ, имѣютъ основаніе!

— Ну, что мнѣ извѣстно объ этомъ—вопросъ особый,—съ удареніемъ проговорилъ Морицъ; во всякомъ случаѣ, я пришелъ къ вамъ, какъ къ своимъ людямъ... какъ къ людямъ порядочнымъ.

Грюнспанъ взглянулъ на него съ безпокойствомъ; нѣсколько мгновений они пристально смотрѣли другъ на друга, и, наконецъ, старикъ, отвернувшись, началъ опять ругаться.

— Я пришелъ къ нему, какъ къ порядочному купцу, и говорю: продайте мнѣ вашъ участокъ... А онъ... тѣфу!—чтобъ ему ни дна, ни покрывки!—смѣется, заставляетъ меня осматривать свои мусорныя кучи и твердить, что земля у него—золото, что онъ не отдастъ ее дешевле сорока тысячъ!.. Меля,—крикнувъ онъ въ другую комнату,—дай, дѣтка, какихъ-нибудь капель! Мнѣ очень дурно, и боюсь, чтобы не стало еще хуже!

— О комъ это и о чемъ рѣчь?—тихо спросилъ Гросмана Морицъ.

— О Вильчекѣ. Умный парень: хочетъ за четыре морга сорокъ тысячъ.

— А сколько они стоятъ?

— Теперь уже пятьдесятъ.

— Да, цѣны на землю поднялись на тридцать процентовъ.

— И неизвѣстно, до чего дойдутъ; старикъ долженъ пріобрѣсти этотъ участокъ, потому что фабрику необходимо расширить.

— Такъ зачѣмъ же онъ откладываетъ, шумитъ? Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ему придется заплатить вдвое.

— Потому что онъ торгашъ—все еще не можетъ забыть свою лавочку въ Старомъ Городѣ, когда торговался изъ за каждой копѣйки,—презрительно отвѣтилъ Гросманъ.

— Здравствуй, Меля!—сказалъ Морицъ, вскакивая съ мѣста, когда она вошла.

— Здравствуй. Спасибо за цвѣты...

— Извини!.. лучшихъ прислать не могъ: у садовника не нашлось.

Меля улыбнулась. Она была сегодня очень блѣдна. Ея улыбка и потемнѣвшіе глаза, обведенные темными кругами, выражали глубокую печаль. Подавъ отцу кусочекъ сахару съ каплями, она холодно посмотрѣла на сестру и, умышленно не замѣтивъ протянутой руки Гросмана, ушла въ другую комнату.

Черезъ открытую дверь Морицъ видѣлъ, какъ Меля наклонилась къ бабушкѣ, которая, по обыкновенію, сидѣла въ креслѣ у окна. Онъ слѣдилъ глазами за медленными, плавными движеніями дѣвушки и чувствовалъ, что сердце его бьется сильнѣе. Морицъ плохо слушалъ теперь жалобы старика и слезливой Регины, которая все упрекала Гросмана, что онъ не сумѣлъ дать показанія на допросѣ у судебного слѣдователя и своею глупостью можетъ погубить ихъ всѣхъ.

— Ш... ша... дѣти, довольно!—остановилъ Регину отецъ.— Все будетъ хорошо!.. Мы всетаки получимъ семьдесятъ пять процентовъ барыша. Я сейчасъ пойду къ Гросглюку: онъ заткнетъ глотки доносчикамъ, мы же сами не можемъ вмѣшиваться въ это дѣло...

— Онъ долженъ серьезно заняться этимъ, если, не хочеть, вмѣсто своихъ тридцати тысячъ, получить пять!—сказала Регина.

— Еще бы! Если все пойдетъ удачно, ему достанется пятнадцать, а не то и двадцать тысячъ!—иронически замѣтилъ Гросманъ.

— Умное слово сказалъ ты, Альбертъ! Дадимъ ему двадцать тысячъ!.. Впрочемъ, будетъ объ этомъ. Нужно потолковать о постройкѣ. Ты, Альбертъ, уже не вернешься на свое пепелище. У меня есть отличная идея. Мы купимъ землю Вильчека и устроимъ большое акціонерное дѣло подъ фирмой: „Грюнспанъ, Гросманъ и К°.“ Мой адвокатъ уже занимается юридической стороною этого вопроса, а архитекторъ черезъ недѣлю представитъ планы. Я много думалъ объ этомъ; теперь время подходящее: нѣсколько простофиль-банкротовъ освободили намъ мѣсто. Зачѣмъ намъ посылать свой матеріалъ въ чужую аппретуру? чтобы другіе наживались на нашъ счетъ? У насъ будетъ своя аппретура. Также зачѣмъ намъ покупать пряжу? Мы выстроимъ прядильню, которая дастъ лишннихъ двадцать пять процентовъ. Устроимъ настоящую фабрику, со всѣми приспособленіями. Попробуемъ потягаться съ Мейеромъ. Это приходило мнѣ въ голову еще передъ твоимъ несчастіемъ, Альбертъ; но разъ оно случилось, оно же намъ и поможетъ немного.

Старикъ подробно изложилъ проектъ будущаго товарищества.

Регина, въ восхищеніи, бросилась отцу на шею.

Морицъ тоже былъ пораженъ и мысленно присоединялъ къ фамиліямъ двухъ акціонеровъ и свою, третью.

— Но объ этомъ—ни слова. Пусть сначала кончится дѣло Альберта. Морицъ, ты вѣдь не станешь рассказывать: ты свой человекъ.

— Я хотѣлъ бы стать еще болѣе своимъ,—серьезно отвѣтилъ Вельтъ.

Грюнспанъ долго смотрѣлъ на него, какъ будто что-то соображая. Регина тоже насторожилась. Только Гросманъ недовѣрчиво улыбался.

— Что-же? Зачѣмъ дѣло стало?—холодно спросилъ, наконецъ, старикъ.

— Я пришелъ именно съ этой цѣлью.

— Можешь отправиться къ Мелѣ и потолковать.

— Мнѣ нужно сначала поговорить съ вами.

— Мнѣ уже намекала мадамъ Бернштейнъ. Ты знаешь, что тебѣ отвѣтитъ Мелѣ?

— Еще не знаю, но хотѣлъ бы сперва услышать, что скажете вы.

— Сейчасъ... сейчасъ...—заторопился старикъ, такъ какъ Регина и Гросманъ собрались уходить. Проводивъ ихъ до сѣней, старикъ вернулся.

— Ляндау можетъ слушать... — сказалъ онъ, садясь на стулъ, и, заложивъ ногу на ногу, началъ играть своей цѣпочкой.

Морицъ собирался съ духомъ, поглаживалъ бороду, поправлялъ пенснэ, думая, какъ бы лучше поставить вопросъ о приданомъ; наконецъ, прямо спросилъ:

— Сколько вы дадите за Мелѣй?

— А сколько есть у васъ?

— Завтра я представлю свой пассивъ и активъ, а также договоръ, заключенный мною сегодня съ Гросглюкомъ. Мое положеніе довольно солидно; мои дѣла не представляютъ интереса для судебного слѣдователя,—съ удареніемъ сказалъ Морицъ.

— Что же у васъ есть? Назовите цифру, а завтра мы провѣримъ...

— Тридцать тысячъ наличными! Кромѣ того, кредитъ вдвое больше... Имѣетъ цѣну и мое образованіе, мои связи со всѣми лондонскими милліонерами, моя честность, еще ни разу не подвергавшаяся сомнѣнію...

— Вѣроятно, еще не представлялось случая...—холодно замѣтилъ Ляндау.

— Такимъ образомъ, въ общемъ итогѣ, я могу цѣнить себя по меньшей мѣрѣ въ двѣсти тысячъ... А сколько вы даете за Мелѣй?

— Она десять лѣтъ училась въ очень дорогомъ пансіонѣ; ѣздила за границу, имѣла специальныхъ учителей для иностранныхъ языковъ... Она мнѣ дорого стоила.

— Это ея личное недвижимое имущество, которое не дастъ мнѣ даже одного процента.

— Какъ не дастъ? ея-то образованіе? Она въ гостиной прямо королева, а какъ играетъ на роялѣ? а какія у нея манеры! Она прелестная дѣвушка, мое любимое дитя, она—чистѣйшій брилльянтъ!—съ восторгомъ восклицалъ Грюнспанъ.

— Какую же сумму вы прибавите къ этому брилльянту?...—спросилъ Морицъ.

— Ляндау и К^о соглашались на пятьдесятъ тысячъ,—уклончиво отвѣтилъ Грюнспанъ.

— Мало! Панна Меля — брильянтъ, прелестна, умна, ангелъ; но пятьдесятъ тысячъ слишкомъ мало!

— Мало?! Это огромныя деньги! Вы должны мнѣ руку поцѣловать за Мелю. Развѣ она безобразна, хромя, слѣпая, чтобы я далъ за нею больше?

— Она слабаго здоровья, часто хвораетъ... но этого я уже не буду ставить въ счетъ.

— Что вы рассказываете? Меля часто хвораетъ? Вы съ ума сошли! Меля—олицетвореніе здоровья. Увидите: у нея каждый годъ будетъ ребенокъ. Укажите мнѣ въ Лодзи другую такую дѣвушку. Вы знаете: на ней хотѣлъ жениться итальянскій принцъ...

— Жаль, что не вышла за него: вамъ пришлось бы купить ему панталоны и сапоги.

— А вы какая фирма? Что это за фирма—коммиссіонное дѣло Морица Вельта? Какія у васъ акціи?

— Вы забываете, что я компаніонъ Боровецкаго.

— Вашихъ денегъ тамъ десять тысячъ: подумаешь, какой крупный капиталистъ! — засмѣялся Грюнспанъ.

— Сейчасъ ихъ двадцать тысячъ, а черезъ годъ вся фабрика будетъ моя, за это ручаюсь...

— Тогда и будемъ разговаривать,—равнодушно отвѣтилъ старикъ, хотя въ глубинѣ души былъ доволенъ: предложеніемъ Морица, такъ какъ считалъ его хорошимъ дѣльцомъ.

— Ну, и вы поговорите съ кѣмъ-нибудь другимъ: мнѣ сегодня Гросглюкъ давалъ сто тысячъ и свою Мери.

— Ну, ужъ партія! Если Гросглюкъ дастъ даже двѣсти тысячъ, и то не найдетъ зятя.

— Но ея отецъ и шуринъ не замѣшаны въ дѣлѣ о поджогѣ.

— Тише говорите! — крикнулъ ему Грюнспанъ, заглядывая въ сосѣдную комнату.

— Если вы думаете, что, сдѣлавшись вашимъ зятемъ, можно увеличить свой кредитъ, то вы жестоко ошибаетесь.

— Въ Лодзи знаютъ, чего я стою,—спокойно отвѣтилъ Грюнспанъ.

— Кто знаетъ? полиція?—насмѣшливо прошепталъ Морицъ.

— Не повторяйте сплетенъ,—злобно отвѣтилъ старикъ.

На нѣкоторое время оба замолчали.

Грюнспанъ ходилъ по комнатѣ, поглядывая въ окно, Ляндау, согнувшись, сидѣлъ за столомъ, а Морицъ, уже нѣсколько раздраженный, съ нетерпѣніемъ ждалъ конца. Въ глубинѣ души онъ соглашался и на пятьдесятъ тысячъ, но хотѣлъ еще попробовать, не удастся ли выжать больше.

— Меля согласна выйти за васъ?—спросилъ Грюнспанъ.

— Я сейчас спрошу, но сначала я долженъ знать, сколько вы дадите за ней.

— Я уже сказалъ вамъ...

— Для моего дѣла нужно гораздо больше. Мнѣ нѣтъ расчета продавать себя за пятьдесятъ тысячъ. Мое образованіе, мои связи, моя репутація, фирма, — все это стоитъ много дороже. Вы подумайте, пане Грюнспанъ. Я не Ляндау и не Фишбинъ, и не какой-нибудь конторщикъ. Я—Морицъ Вельтъ! Вы отдадите свою дочь за сто процентовъ. Мнѣ нужны деньги не для кутежей. Дайте пятьдесятъ тысячъ наличными и столько же выплатите въ теченіе двухъ лѣтъ. Согласны?—рѣшительнымъ тономъ произнесъ Морицъ.

— Въ принципѣ согласенъ; но за вычетомъ расходовъ на свадьбу, приданое и на образованіе Мели.

— Это свинство, пане Грюнспанъ, такъ обижать свою дочь!—воскликнулъ Морицъ.

— Ну, мы еще поговоримъ объ этомъ. Пусть сначала кончится дѣло Альберта.

— Изъ-за него-то вы и должны прибавить процентовъ десять: вѣдь дочь ваша опозорена. Мнѣ придется защищать васъ передъ людьми... Какое же ваше послѣднее слово?

— Я сказалъ. Теперь за вами очередь.

— Слово еще не капиталъ. Мнѣ нужна гарантія.

— Если Меля согласится быть вашей женой, тогда все и обсудимъ.

— Ладно. Я иду къ ней.

— Желаю успѣха! Лично мнѣ вы нравитесь!

— Эхъ, Грюнспанъ, ты старый гешефтмахеръ, но я тебя уважаю!

— Будемъ жить друзьями!

Они подали другъ-другу руки.

Меля находилась въ маленькомъ будуарѣ. Она лежала на софѣ съ книжкой въ рукахъ, но смотрѣла въ окно.

— Извини, что не встаю,—сказала она,—мнѣ немного нездоровится. Садись! Почему это у тебя такая торжественная физіономія?

— Я только что имѣлъ разговоръ о тебѣ съ твоимъ отцомъ.

— Вотъ какъ!—Меля внимательно посмотрѣла на Морица.

— Собственно я...

— Ага! цвѣты... отецъ... понимаю... Ну, въ чемъ же дѣло?

— Старикъ заявилъ, что все отъ тебя зависитъ...—проговорилъ Морицъ такъ искренно и задушевно, что она невольно взглянула на него.

Морицъ началъ рассказывать ей о себѣ, о томъ, какъ давно и какъ сильно она ему нравится.

Меля, подперши рукой голову, обратила къ нему свои усталые, печальные глаза. Безысходная грусть сжимала ея сердце. Она поняла съ перваго слова, что Морицъ намѣренъ сдѣлать ей предложеніе. Меля смотрѣла на него равнодушно, но по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, тревога и тоска охватывали ее все сильнѣе.

Почему это—Морицъ, а не тотъ, кого она любитъ больше всего на свѣтѣ, почему не Высоцкій?..

Меля уткнулась лицомъ въ подушку, чтобы скрыть слезы, и слушала Морица, затаивъ дыханіе... Дѣвушка старалась обмануть себя, будто на мѣстѣ Морица сидитъ Высоцкій и говорить ей слова любви... Ей такъ сильно хотѣлось этого, что по временамъ казалось, будто она слышитъ дѣйствительно Высоцкаго. Иллюзія дошла до того, что она готова была уже сказать: люблю,—какъ вдругъ, открывъ глаза, съ ужасомъ увидѣла передъ собой Морица.

Онъ сидѣлъ со шляпой въ рукахъ... Морицъ... Морицъ!.. Онъ говорилъ не о любви, не о счастья жить вмѣстѣ, не о восторгахъ сердца, жаждущаго ласки, не о волненіяхъ страсти... Онъ спокойно рисовалъ, какъ хорошо пойдутъ ихъ дѣла, когда у него будетъ фабрика; говорилъ о деньгахъ, приданомъ, о предпріятіяхъ, которыя затѣвалъ; о томъ, что она никогда не будетъ съ нимъ нуждаться, что они, можетъ быть, заведутъ даже лошадей и карету.

Да, это Морицъ сидитъ здѣсь, а не Высоцкій!

— Ты знаешь: я купецъ, — продолжалъ Морицъ: — я не умѣю хорошенько объяснить тебѣ, что чувствую. Но когда я вижу тебя, мнѣ такъ хорошо, что, кажется, ничего больше не нужно, я забываю даже о дѣлахъ. Ты такъ красива, такъ не похожа на нашихъ женщинъ, что я постоянно думалъ о тебѣ. Скажи же, согласна ты выйти за меня?

Меля опять взглянула на него и на этотъ разъ увидѣла совсѣмъ другое лицо, другіе глаза, услышала горячій, страстный, подавленный шопотъ... Закрывъ глаза, она ясно почувствовала поцѣлуи Высоцкаго и вздрогнула отъ воспоминанія.

— Меля, хочешь быть моей женой?—повторилъ Морицъ, смущенный ея молчаніемъ.

Она вдругъ встала и, не задумываясь, отвѣтила:

— Хорошо... Условься съ отцомъ обо всемъ. Хорошо, Морицъ, я буду твоей женой...

Морицъ хотѣлъ поцѣловать ея руку, но Меля отшатнулась.

— Иди теперь, я больна, иди... приходи завтра, послѣ двѣнадцати.

Морицъ такъ обрадовался, что даже не замѣтилъ ничего

страннаго въ ея поведеніи, и побѣждалъ къ старику Грюнспану поскорѣе условиться о приданомъ.

Но Грюнспана зачѣмъ-то вызвали въ контору.

Морицъ вернулся попросить Мелю, чтобы она сама рассказала отцу все.

Дѣвушка стояла на томъ же мѣстѣ и смотрѣла безмысленнымъ взглядомъ въ окно. Она была блѣдна, какъ полотно, губы ея, что-то шептали...

— Хорошо, Морицъ, я скажу отцу; буду—твой женой; хорошо!..—монотонно произнесла она и даже не отдернула руки, когда Морицъ поцѣловалъ ее. Она не замѣтила, какъ онъ вышелъ...

Францу, подавшему пальто, Морицъ на радостяхъ далъ десять копѣекъ и, взявъ извозчика, поѣхалъ на фабрику Боровецкаго.

— Поздравь меня, я женюсь на Мелѣ Грюнспанъ! — крикнулъ онъ, вбѣгая въ контору.

— Не дурень капиталъ, — замѣтилъ Карлъ, отрываясь отъ бумагъ.

— Большой капиталъ!—поправилъ его Морицъ.

— Да, если страховое общество согласится заплатить, — съ удареніемъ проговорилъ Карлъ.

Его разозлило, что Морицъ сразу получилъ и красивую невѣсту, и хорошее приданое.

— Я принесъ тебѣ деньги, — сказалъ Морицъ.

— Мнѣ онѣ, вѣроятно, не понадобятся. Я нашелъ чело-вѣка, который даетъ мнѣ подъ вексель на полгода всего изъ восьми процентовъ, — желая сказать непріятное Морицу, отвѣтилъ Карлъ, хотя денегъ у него не было.

— Бери! Я же нарочно доставалъ деньги и заплатилъ проценты впередъ.

— Попридержи ихъ нѣсколько дней. Если онѣ не понадобятся, возвращу тебѣ расходы.

— Не люблю я такихъ „условныхъ“ дѣлъ, — недовольно проворчалъ Морицъ.

— Удивительно, что панна Меля приняла твое предложеніе!

— Почему? Что ты имѣешь противъ меня? — быстро и сердито проговорилъ Морицъ.

— Ты похожъ на конторщика, но бѣда не въ этомъ, а въ томъ...

— Пожалуйста, скажи...

— Она, кажется, была очень влюблена въ Высоцкаго, — съ злой проніей докончилъ Карлъ.

— Это такъ же похоже на правду, какъ если бы кто сказалъ, что обанкротился Шая.

— Почему же ей не быть влюбленной въ него? Оба красивы, оба фантазируютъ на соціальныя темы, оба страстныя натуры: у Травинскихъ они просто пожирали другъ-друга глазами. Тамъ поговаривали даже объ ихъ свадьбѣ... — безжалостно продолжалъ Карлъ, забавляясь смущеніемъ Морица, отражавшемся на его лицѣ.

— Можетъ быть, это и было. Но какое мнѣ дѣло?

— А мнѣ бы прошлое моей невѣсты было небезразлично: я не женился бы на женщинѣ съ воспоминаніями.

Боровецкій злобно улыбнулся. Морицъ вскочилъ съ мѣста.

— Зачѣмъ ты говоришь мнѣ такія вещи?

— Это нисколько не оскорбительно ни для тебя, ни для Мели. Просто вспомнилось. Я даже радъ, что ты такъ удачно женишься,—Боровецкій снова насмѣшливо улыбнулся.

Морицъ выбѣжалъ, хлопнувъ дверью.

Взбѣшенный словами Карла, онъ безъ всякаго повода раскричался на рабочихъ, которые выкачивали воду.

— Эй, вы, хамы! Вы, кажется, работаете не изъ милости, а воды со вчерашняго дня почти не убавилось.

— Что нужно?—довольно грубо спросилъ одинъ рабочій.

— Что ты горланишь? Ты кому противорѣчишь? Я сейчасъ тебя выгоню вонъ!

— Убирайся самъ, пока цѣль!—крикнулъ какой-то каменщикъ, поднося ему кулакъ къ носу.

Морицъ быстро удалился, но поднялъ такой шумъ, что выбѣжали Карлъ и Максъ.

Морицъ оралъ, требуя немедленнаго удаленія рабочаго, оскорбившаго его.

— Послушай, не вмѣшивайся не въ свое дѣло,—посоветовалъ Морицу Боровецкій.

— Какъ это—не въ свое дѣло! у меня тѣ-же права, что и у тебя!

— Предположимъ даже, что тѣ-же; но это не даетъ тебѣ права ругаться, да еще совсѣмъ неосновательно.

— Что значить: предположимъ! Мои десять тысячъ, я думаю, такія же деньги, какъ и твои.

— Не кричи, пожалуйста. Или ты хочешь похвастаться передъ рабочими, что у тебя есть десять тысячъ?

— Прошу не учить, какъ я долженъ разговаривать.

— А тебѣ не зачѣмъ кричать, когда можно просто объясниться.

— Я дѣлаю такъ, какъ мнѣ нравится.

— Ну, кричи, если тебѣ угодно,—презрительно отвѣтилъ Боровецкій, направляясь въ контору.

Морицъ продолжалъ кричать въ присутствіи Макса, что такъ нельзя вести дѣло, что Карлъ строитъ дворецъ, а не

фабрику, и наконецъ, ушелъ, грозя завести здѣсь другіе порядки.

— Возгордился приданымъ Грюнспанъ, вотъ и расшумѣлся,—замѣтилъ Боровецкій Макс, но, тѣмъ не менѣе, раскаивался въ своей рѣзкости: деньги Морица ему были очень нужны.

— Всякій разъ, подлавшись непосредственному впечатлѣнію, я дѣлаю глупости,—подумалъ онъ.

Морицъ еще больше жалѣлъ о своей горячности, когда созналъ, что былъ только смѣшонъ.

Онъ чуть не вернулся, но рѣшилъ отложить разговоръ до вечера, такъ какъ лошади Кесслера уже ожидали его у крыльца конторы. Морицъ заѣхалъ домой, переодѣлся и отправился къ Кесслеру.

Съ удовольствіемъ покачиваясь на мягкихъ пружинахъ, онъ небрежно кивалъ встрѣчнымъ знакомымъ.

XIV.

Кесслеръ жилъ въ нѣсколькихъ верстахъ за городомъ, возлѣ своей красильни. Собственное дѣло не мѣшало ему быть въ то же время главнымъ акціонеромъ и директоромъ фирмы „Кесслеръ и Эндельманъ“.

Его маленькій „замокъ“ въ лодзинско-готическомъ стилѣ стоялъ на горѣ, на фонѣ темнаго бора, а передъ нимъ по крутымъ склонамъ зеленѣлъ большой англійскій паркъ, спускавшійся къ быстрой рѣкѣ.

Съ правой стороны парка возвышались красныя трубы и стѣны фабрики, а съ лѣвой вдали сѣрѣли соломенные крыши деревни, раскинутой по обѣ стороны рѣки.

— Ты живешь, какъ лодзинскій принцъ, — сказалъ Морицъ, здороваясь съ Кесслеромъ.

— Я сдѣлалъ все возможное, чтобы кое-какъ устроиться въ этой варварской странѣ,—говорилъ Кесслеръ, провожая его въ комнаты.

— Кажется, я попалъ на торжественное собраніе?—спросилъ Морицъ, замѣтивъ, что Кесслеръ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ.

— Нѣтъ, я просто не успѣлъ переодѣться послѣ одного оффиціального визита.

— Кто-нибудь уже есть?

— Вильгельмъ Мюллеръ. Онъ нарочно пріѣхалъ изъ Берлина, по секрету отъ отца. Кромѣ того, баронъ Оскаръ Мейеръ, Мартэнъ... ты знаешь его?—веселый французикъ! Есть

еще нѣсколько своихъ изъ Лодзи и Берлина. Ну, и часть сюрпризовъ...

— Интересно... Есть кто нибудь, кто дѣлалъ бы честь твоему дому?

— Вотъ увидишь...

Всѣ сидѣли на большой террасѣ, превращенной въ оранжерею.

Великолѣпныя индійскія цыновки покрывали полъ; мебель была бамбуковая, золоченая, съ шелковыми подушками.

Веранду закрывали соломенные китайскіе маты, унизанные разноцвѣтными стеклянными бусами, звенѣвшими отъ каждаго дуновенія вѣтра.

Поздоровавшись со всѣми, Морицъ сѣлъ молча.

— Ты что пьешь? Мы прохлаждаемся шампанскимъ,—предложилъ ему Кесслеръ.

— Ничего не имѣю противъ него.

Немного погодя, лакей принесъ вино, а за нимъ вошла Зоська Малиновская. Она играла здѣсь роль хозяйки и, собственноручно наливъ Морицу стаканъ, сѣла рядомъ съ нимъ въ качалку.

На верандѣ снова водворилось молчаніе: всѣ взоры обратились на ея красивое лицо, открытыя плечи, высокую грудь.

Зоську немного смущали эти взгляды, что еще больше придавало живости ея подвижной фізіономіи и покрывало ея щеки румянцемъ.

— Качайте меня,—повелительно обратилась она къ Морицу.

— Вы думаете, что это будетъ мнѣ непріятно?—спросилъ онъ, не сводя съ нея глазъ. Зоська очень понравилась ему.

— Я ничего не думаю. Я хочу только качаться, — холодно отвѣтила она и отвела глаза въ сторону. Мечтательно смотрѣла она на деревья, на рѣку, на далекія поля.

— Не хотите ли пройтись? Я покажу вамъ паркъ и звѣринецъ,—предложилъ Кесслеръ гостямъ.

Всѣ встали, кромѣ Мюллера.

— Мнѣ не хочется... я усталъ съ дороги...—объяснилъ онъ.

— Увѣряю васъ, напрасно стараетесь, — шепнулъ ему Кесслеръ, кивнувъ головой въ сторону Зоськи.

— Что вы хотите сказать? Я не понимаю...—быстро отвѣтилъ Вильгельмъ, разсерженный, что угадали его намѣреніе; но всетаки остался и, когда всѣ вышли, придвинулся къ Зоськѣ.

— Этотъ Мюллеръ совсѣмъ еще юнецъ,—сказалъ Морицу дорогою Кесслеръ.

— Почему?

— Вѣдь нарочно остался изъ-за моей Зоськи: думаетъ, что она промѣняетъ меня на него.

— У женщинъ бываютъ иногда непонятные капризы.

— Но онѣ не измѣняютъ тѣмъ, у кого много денегъ.

— Не всегда...—тихо отвѣтилъ Морицъ, вспомнивъ Мелю и Высоцкаго.—Откуда ты ее досталъ? Красивая бабенка.

— Ага! Нравится тебѣ?

— Да, красива и видно, что съ темпераментомъ...

— Даже слишкомъ... и при томъ страшно глупа. Она уже надоѣла мнѣ.

Кесслеръ, сдѣлавъ гримасу, сталъ сбивать палкой стебельки растений и, немного погодя, прибавилъ тише:

— Я могу уступить ее тебѣ, если хочешь?

— Пріятное предложеніе. Но я долженъ отказаться, такъ какъ не достаточно богатъ.

— Ей не только нужны деньги: какъ полъка, она хочетъ, чтобы ее любили утромъ, въ полдень и вечеромъ, чтобы были вѣрны ей и, въ концѣ концовъ, женились на ней. Глупая дѣвчонка! Плачетъ по цѣлымъ днямъ, жалуется и для разнообразія устраиваетъ мнѣ скандалы. Иногда мнѣ приходится по своему расправляться съ нею.

Кесслеръ сверкнулъ глазами и сильнѣе ударилъ палкой по травѣ.

— Хочешь, уступлю ее? Я могу это уладить... Мнѣ все равно нужно отдѣлаться отъ нея, потому что я, вѣроятно, женюсь.

— Я кое-что слышалъ... на дочкѣ Мюллера?

— Переговоры только еще начались... Во всякомъ случаѣ, я буду очень благодаренъ тому, кто освободитъ меня отъ этой особы. Не хочешь ли, право?

— О, нѣтъ, благодарю! У Зоськи есть отецъ и братъ... Они не особенно воспитаны... и, пожалуй, не пощаждать моей спины... Кромѣ того, я тоже женюсь.

Кесслеръ и Морицъ присоединились къ остальнымъ и подошли къ большимъ желѣзнымъ клѣткамъ съ обезьянами. Кесслеръ сталъ дразнить обезьянъ, тыкать въ нихъ палкой. Уже при видѣ его, онѣ начали прятаться вглубь клѣтокъ, а увидѣвъ палку, кинулись подъ потолокъ, цѣпляясь за рѣшетки. Ихъ пронзительный, полный бѣшенства и отчаянья визгъ подзадорилъ Кесслера еще больше.

У него было много всякихъ звѣрей, и всѣ они боялись своего хозяина.

Пара тонкинскихъ медвѣдей, совершенно черныхъ, съ великолѣпной желтой грудью, взбѣшенная его ударами, бросилась къ рѣшеткѣ съ такимъ ревомъ, что всѣ съ ужасомъ

отскочили, но Кесслеръ не тронулся съ мѣста: онъ еще ближе наклонился къ нимъ, сталъ бить хлыстомъ по открытой громадной пасти и наслаждался безсильнымъ бѣшенствомъ животныхъ.

— Это они по моему адресу такъ сладко воркуютъ, — замѣтилъ онъ съ улыбкой.

Онъ проводилъ гостей къ оленямъ въ оградѣ и затѣмъ повелъ къ клѣткамъ съ собаками. Собаки до такой степени одичали, что неудержимо бросались на всѣхъ. Съ ними Кесслеръ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ: онъ вошелъ внутрь клѣтки и позволялъ собакамъ лизать себѣ руки и лицо.

Въ заключеніе было показано гостямъ стадо бѣлыхъ павлиновъ съ чудными хвостами.

Кесслеръ крикнулъ, и павлины, распутивъ вѣеромъ хвосты, побѣжали по газонамъ; потомъ остановились и стали кричать раздирающими голосами. Этимъ кончился осмотръ „звѣринца“.

Гости медленно возвращались къ дому. Верхушки горъ еще алѣли въ заревѣ заката, а надъ долиной уже подымался легкій туманъ, разрываясь клочьями на деревьяхъ и острыхъ крышахъ. Отъ рѣки шелъ монотонный шумъ, поминутно прорѣзываемый жужжаньемъ майскихъ жуковъ. Въ деревенскомъ пруду квакалъ хоръ лягушекъ. Теплый, влажный вѣтеръ доносилъ издалика протяжный, печальный, точно похоронный, звонъ колоколовъ.

На верандѣ Зоськи уже не было, и Мюллеръ одинъ качался въ качалкѣ.

— А что, красива?—насмѣшливо спросилъ его Кесслеръ.

— Не столько красива, сколько... груба, — отвѣтилъ нѣмецъ.

— Тебѣ не удалось съ ней объясниться?—спросилъ Кесслеръ.

— Я и не пробовалъ, — сердито отвѣтилъ Вильгельмъ, покручивая усики, чтобы скрыть смущеніе и слегка покраснѣвшую правую щеку.

Въ этотъ моментъ лакеи распахнули настежь двери, и открылась амфилада роскошно мебелированныхъ комнатъ.

Ужинъ подавали въ большой круглой столовой, превращенной въ тропическій садъ; загроможденный серебромъ и хрусталемъ, столъ походилъ на ювелирную витрину, среди которой, словно драгоценные камни, выдѣлялись розы и васильки, рассыпанные по скатерти.

У одного окна сидѣли двѣ намѣченныя на фабрику работницы, а другія двѣ не явились. Нарядныя, чопорныя и смущенныя, дѣвушки съ тревогой смотрѣли на входившихъ мужчинъ.

По комнатѣ медленно прогуливались и смѣялись танцовщицы, которыхъ привезъ Мюллеръ изъ Берлина специально на сегодняшний вечеръ. Танцовщицъ было всего три, но онѣ шумѣли за десятерыхъ и наполняли комнату грубыми, крикливыми звуками тингель-тангля.

Пестро разряженные, сверкавшія искусственными брилльянтами, декольтированныя и раскрашенныя, онѣ, тѣмъ не менѣе, были очень интересны.

Ужинъ тянулся долго и скучно. Всѣ были не въ духѣ и слишкомъ трезвы. Лишь танцовщицы бросали циничныя замѣчанія и трунили надъ работницами, которыя отъ смущенія не знали, что съ собой дѣлать.

Кесслеръ почти молчалъ. Наморщивъ брови и поднявъ плечи, онъ угрюмо посматривалъ то на Зоську, которая оживленно разговаривала съ Морицомъ, то на лакеевъ, которые, чувствуя на себѣ его взглядъ, быстро и нервно бѣжали взадъ и впередъ.

Часть тому назадъ онъ готовъ былъ отдать Зоську кому угодно, а теперь, видя ея веселое, довольное и красивое лицо, склоненнымъ къ другому, видя, какъ она жадно слушаетъ Морица, какъ часто краснѣетъ и кокетливо наливаетъ ему вина,—Кесслеръ не могъ побѣдить въ себѣ чувства досады.

Онъ могъ бы приказать ей сѣсть рядомъ, но ему было стыдно выказать передъ всѣми свою ревность, и Кесслеръ молчалъ, раздраженный неожиданнымъ сильнымъ чувствомъ и необходимостью бороться съ нимъ.

Послѣ ужина всѣ перешли въ залу въ восточномъ вкусѣ; тутъ стояли большія шелковыя софы съ подушками, стѣны были покрыты зеленой, тоже шелковой матеріей съ желтыми полосами, полъ устланъ желто-зеленымъ ковромъ.

Лакеи поставили передъ софами, на маленькіе квадратныя столики, цѣлыя батареи бутылокъ и откинули драпировку, за которой открылось нѣчто вродѣ эстрады для музыкантовъ.

Гости растянулись на софахъ и попивали ликеры и коньякъ съ кофе, потомъ принялись за вина.

Музыка играла, не переставая; танцовщицы исчезли передѣться, и въ ожиданіи ихъ по толстому коври растянули широкій линолеумъ, натертый мѣломъ.

Шумъ, смѣхъ, остроты, шутки все усиливались; работницъ стали толкать отъ одного къ другому, цѣловать, обнимать. Дѣвушки были совсѣмъ пьяны.

— Танцы! — крикнулъ Кесслеръ, держа за талію Зоську, до того подгулявшую, что она каталась по софѣ и кричала.

Танцовщицы вбѣжали съ маленькими тамбуринами въ рукахъ и, чуть не голыя, въ газовыхъ юбочкахъ.

Онѣ стали по срединѣ и ударили въ тамбурины. Музыка перешла въ нѣжнѣйшее, едва слышное *pianissimo*. Начали „danse du ventre“, сперва медленно и вяло; но подъ вліяніемъ вина и музыки, танцовщицы разошлись...

Скрипки не переставали играть свою нѣжную, страстную мелодію. Глаза горѣли, срывались отрывистыя восклицанія, руки протягивались къ танцовщицамъ, звуки громкихъ поцѣлуевъ замирали среди дикаго шума распутства.

Смѣхъ, голоса, звонъ рюмокъ, восклицанія,—все это сливалось въ одинъ гулъ, изъ котораго выдѣлялись лишь звуки скрипки; женщины танцовали все сладострастнѣе, все разнузданнѣе...

Зоська подняла голову и мутными глазами посмотрѣла на танцовщицъ.

— Это свинство, величайшее свинство! — вдругъ вскрикнула она, съ инстинктивнымъ возмущеніемъ, разразившись рыданьями пьянаго человѣка. Кесслеру пришлось приказать лакеямъ унести ее изъ залы.

Веселая пирушка лодзинскихъ царьковъ продолжалась...

XV.

— Не хотите ли еще чаю, пане Юзефъ?—предлагала Анка.

— Благодарю васъ, — отвѣтилъ, покраснѣвъ, Яскульскій. Онъ всталъ, поклонился и снова принялся читать газету старику Боровецкому.

Анка, сидѣвшая въ качалкѣ, посматривала на дверь веранды, прислушиваясь, не идетъ ли Карлъ.

— Матвѣй, послѣдите, чтобы самоваръ былъ горячій: баринъ, вѣроятно, скоро вернется!—крикнула она въ кухню. Она прошла по комнатѣ, выглянула въ окно, посмотрѣла въ вечернюю темноту и, снова вернувшись на прежнее мѣсто, съ возрастающимъ нетерпѣніемъ стала ждать.

Это повторялось уже не первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ они поселились въ Лодзи, т. е. въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

Для Боровецкаго дни бѣжали быстро, а для нея и для отца тянулись страшно медленно.

Замкнутые въ четырехъ стѣнахъ и на клочкѣ жалкаго садика, они тосковали по родной деревнѣ, по безконечнымъ полямъ, съ трудомъ привыкая къ условіямъ новой жизни.

Анка похудѣла, не столько отъ скуки, сколько отъ постоянныхъ огорченій и тайныхъ терзаній.

Она старалась быть дѣятельной, старалась сдѣлать свою

жизнь содержательной, и, тѣмъ не менѣе, ее мучили постоянныя предчувствія. Анка не знала, что думать о Карлѣ. Она ему вѣрила, была убѣждена, что онъ ее любитъ, но со времени пріѣзда въ Лодзь начала сомнѣваться въ этомъ. Она еще стыдилась своихъ подозрѣній, но, въ сущности, уже угадывала печальную истину.

Каждый день съ горькимъ изумленіемъ Анка убѣждалась, что тотъ, кто былъ для нея идеаломъ, кого она озарила свѣтомъ собственной благородной души, о комъ мечтала съ гордостью и радостью, кого любила первой любовью,—ея женихъ, этотъ милый мальчикъ, какъ она называла его про себя, въ дѣйствительности, былъ совсѣмъ не то, чѣмъ она его представляла.

Анка все больше убѣждалась въ этомъ, и страданія ея усиливались.

Иногда Карлъ по прежнему казался добръ, внимателенъ; но чаще былъ холоденъ, суровъ, насмѣхался надъ ея деревенскими привычками, надъ ея добротой, надъ заботами о бѣдныхъ, надъ ея узкими понятіями.

Она объясняла такія выходки усталостью, хлопотами и въ началѣ терпѣливо переносила измѣнчивость его настроенія и даже упрекала себя, что не умѣетъ успокоить его, такъ привязать къ себѣ, чтобы онъ подлѣ нея забывалъ обо всемъ.

Она даже пробовала дѣлать это, но перестала, замѣтивъ однажды его насмѣшливо-благодарный взглядъ.

Къ тому же она не способна была притворяться. Она любила его просто и искренно, могла бы пожертвовать для него всѣмъ, но не умѣла проявлять свою любовь кокетствомъ, не знала тѣхъ искусственныхъ чаръ, которыя такъ дѣйствуютъ на мужчинъ и обыкновенно принимаются за сильную страсть, хотя въ сущности представляютъ лишь отвратительную игру, желаніе продать себя подороже.

Ея простая благородная душа чувствовала отвращеніе къ такимъ пріемамъ, возмущалась при одной мысли объ искусственныхъ способахъ возбуждать симпатіи мужчины. У нея было сильно развито чувство собственнаго достоинства и женская гордость.

— Почему онъ не приходитъ?—думала Анка съ глубокой горечью.

Юзефъ читалъ тихимъ, монотоннымъ голосомъ и отъ времени до времени испуганно посматривалъ на Анку. Панъ Адамъ, замѣчая его взгляды, стучалъ палкой объ полъ и говорилъ:

— Читай, читай! Это, другъ мой любезный, очень, очень

любопытно! Да, Бисмаркъ—штука, ого! Жаль, что нѣтъ здѣсь ксендза, жаль... Ты слушаешь, Анка?

— Слушаю,—отвѣтила она тихо, прислушиваясь къ шуму деревьевъ и къ гулу фабрики Мюллера, работавшей и по ночамъ.

Время тянулось страшно медленно.

Пробили часы, и послѣ ихъ боя стало, какъ будто, еще тише. Юзефъ кончилъ читать и собрался уходить.

— А ты, Юзекъ, гдѣ ночуешь?—спросилъ панъ Адамъ.

— У Баума.

— Что-же, поправляется онъ?

— Онъ говорить, что и не хворалъ. Сегодня былъ у него докторъ Высоцкій, хотѣлъ осмотрѣть, но старикъ такъ разсердился, что чуть-чуть не выгналъ его вонъ.

— Фабрика не работаетъ?

— Дѣйствуютъ только десять станковъ... Спокойной ночи!

Якульскій поклонился и вышелъ.

— Максъ говорилъ вчера, что съ октября фабрика совсѣмъ закроется,—сказала Анка.—Старикъ Баумъ, говорятъ, совсѣмъ съ ума сошелъ: цѣлыя ночи бродить по фабрикѣ, переходить отъ станка къ станку и пробуетъ самъ ткать на нихъ... А вотъ и Карлъ! — радостно воскликнула она, вскакивая съ кресла.

Карлъ молча поздоровался и опустился на стулъ.

— Ты изъ города?—спросилъ отецъ.

— Какъ всегда,—рѣзко отвѣтилъ сынъ, но, замѣтивъ тревожный взглядъ Анки, спросилъ болѣе мягко:—Что новаго? Я не могъ попасть къ обѣду, ѣздили въ Петроковъ. Извините, что не успѣлъ предупредить. Пани Травинская не заходила?

— Была... Кромѣ того, насъ посѣтила мадамъ Мюллеръ съ дочкой.

— Да?—изумился онъ.

— Зашли посидѣть. Онѣ очень симпатичны, и обѣ въ одинъ голосъ расхваливали васъ. Жаловались, что вы ихъ забыли.

— Странныя претензіи!—пожалъ плечами Боровецкій.—Я былъ у нихъ всего нѣсколько разъ.

Анка взглянула на него удивленно: Мада рассказывала, что Карлъ бывалъ у нихъ весной почти каждый день.

— Правда, какая типичная индюшка—эта Мада?

— Мнѣ она показалась очень не глупой, простой и правдивой... Я удивляюсь, почему Максъ говорить о ней всегда такъ раздраженно.

— Онъ склоненъ къ предубѣжденіямъ.

Карлъ зналъ, почему Максъ не любитъ Мадy.

Боровецкій, чтобы не огорчать Анку отказомъ, насильно выпилъ чаю и все думалъ объ этомъ странномъ визитѣ: зачѣмъ онѣ приходили? Можетъ быть, Анка нарочно ищетъ сближенія?

Онъ сталъ разспрашивать о подробностяхъ визита. Анка рассказала, искренно удивляясь ихъ приходу. — Это выдумка Мады: хитрая особа! — не особенно довольный, подумалъ онъ.

Боровецкій еще не совсѣмъ отказался отъ мысли стать зятемъ Мюллера, и потому предпочелъ бы, чтобы дѣвушки были подальше другъ отъ друга: тогда его положеніе значительно упростилось бы по отношенію къ обѣимъ.

— Вамъ нужно будетъ отдать имъ визитъ, — небрежно замѣтилъ онъ.

— Мнѣ не хотѣлось бы заводить новыя знакомства.

— Вѣрю, въ особенности — неподходящія!

— Я зайду къ нимъ какъ-нибудь съ отцомъ, и этимъ все кончится.

Карлъ, съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, принялся рассказывать о простотѣ ихъ привычекъ, о мѣщанскихъ фантазіяхъ Мады и старика Мюллера и нѣсколько натянуто подсмѣивался надъ ними, желая отбить у Анки охоту сойтись съ ними поближе. Наконецъ, онъ свелъ разговоръ на собственные заботы.

Анка внимательно слушала, съ сочувствіемъ смотря на его впавшіе глаза и измученное лицо.

— Еще не скоро конецъ? — спросила она.

— Черезъ два мѣсяца одинъ отдѣлъ пустимъ въ ходъ; но еще столько осталось работы, что я боюсь и думать.

— Вамъ потомъ слѣдуетъ хорошенько отдохнуть.

— Отдохнуть! Но вѣдь хлопотъ предстоитъ еще больше. Впереди цѣлые годы напряженнаго труда для упроченія положенія и, только добившись чего-нибудь, можно будетъ думать объ отдыхѣ.

— И такая лихорадочная, изнуряющая жизнь всегда?..

— Вѣчно...

— Въ Куровѣ вамъ не приходилось бы такъ уставать.

— Вы это серьезно говорите?

— Я такъ же думаю, — замѣтилъ панъ Адамъ, раскладывавшій пасьянсъ.

— Я много объ этомъ думала, — отвѣтила Анка, пододвинулась ближе къ Карлу и, опершись на его плечо, начала съ увлеченіемъ описывать спокойную жизнь въ деревнѣ.

Боровецкій снисходительно улыбался: пусть фантазируетъ, если ей этой доставляетъ удовольствіе, — думалъ онъ.

— Тамъ люди не нарушали бы нашего счастья, — говорила Анка.

Карль сравнивалъ про себя ея слова съ словами другихъ женщинъ, такъ же мечтавшихъ о счастья съ нимъ; то же самое говорила ему часъ тому назадъ Люси, отъ которой онъ только что вернулся.

Онъ улыбался, касаясь холодной руки Анки, и думалъ, что рука Люси гораздо красивѣе и пріятнѣе.

Анка продолжала мечтать вслухъ.

— Гдѣ я слышалъ то же самое? кто уже говорилъ мнѣ все это?—думалъ онъ и вспомнилъ длинные вечера съ мадамъ Ликертъ, за ней еще рядъ женщинъ, лицъ, рукъ, объятій, поцѣлуевъ и клятвъ.

Карль вздрогнулъ, при воспоминаніи о сегодняшнемъ свиданіи, обнявъ Анку и прижался къ ея виску губами, на которыхъ еще горѣли поцѣлуи другой женщины... Анка подняла голову, удивленная неожиданной лаской, а онъ въ этотъ моментъ замѣтилъ впервые... что она некрасива... очень симпатична, мила, благородна, добра, но не красива...

Ее смутилъ этотъ внимательный, холодный взглядъ, и, вытащивъ изъ бокового кармана Карла шелковой платокъ, она стала обмахиваться.

— Что это за духи?—спросила Анка, чтобы не молчать, такъ какъ его взглядъ совсѣмъ охладилъ ея восторги.

— Фіалка, если не ошибаюсь.

— Вовсе не фіалка, а геліотропъ съ розой!—съ улыбкой замѣтила она, инстинктивно разсматривая платокъ.

Это былъ прелестный шелковый платочекъ, обшитый кружевами, съ вензелемъ по срединѣ. Карль взялъ его у Люси и забылъ спрятать поглубже.

— Правда, геліотропъ!—воскликнулъ онъ, беря его и пряча слишкомъ поспѣшно.— Матвѣй, не смотря на запрещеніе, постоянно душить. Лучше бы слѣдилъ, чтобы прачка не мѣняла бѣлья,—небрежно проговорилъ Боровецкій, чувствуя, что Анка не вѣритъ его неудачному объясненію.

Карль еще посидѣлъ немного, попробовалъ даже завести разговоръ по душѣ, но смущенный упорнымъ, недоверчивымъ взглядомъ дѣвушки, наконецъ, поднялся.

Анка, по обыкновенію, проводила его до веранлы, гдѣ Матвѣй уже ждалъ съ фонаремъ.

— Матвѣй, не душите барину такъ сильно платковъ, — тихо сказала она.

— Я и не думалъ душить: у насъ и духовъ-то никакихъ нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ сонно.

Анка вздрогнула, взглянувъ на смущенное лицо Карла.

— Не пойдете ли вы съ нами завтра въ костель?—спросила она.

— Если можно будетъ, сообщу завтра утромъ.

Съ этими словами они разстались.

Анка велѣла потушить огонь, отдала распоряженія на завтра, пожелала покойной ночи отцу. Вернувшись въ свою комнату, она долго смотрѣла въ темную глубину неба, раздумывая о своемъ положеніи.

— Впрочемъ, все это мнѣ безразлично, — подумала дѣвушка.

Но это была неправда. Она не могла остаться равнодушной, не смотря на всѣ усилія. Ей только не хотѣлось поддаваться вліянію унижающихъ ее наблюденій, грубыхъ фактовъ.

— Конечно, я не стану помѣхой его счастью, — рѣшила она утромъ, послѣ безсонной ночи, и замкнулась въ себѣ съ гордостью, которая не позволяетъ ни плакать, ни жаловаться.

За завтракомъ Анка была, по обыкновенію, спокойна. Горничная доложила, что нѣсколько человѣкъ рабочихъ хотятъ непременно ее видѣть.

Анка вышла къ нимъ на веранду, пана Адама тоже вывели туда.

Одѣтые по праздничному, рабочіе имѣли очень торжественныя лица.

Какъ только она вышла, впередъ выступилъ Соха, служившій теперь кучеромъ у Боровецкаго. Поцѣловавъ у нея руку и поклонившись, по старому деревенскому обычаю, въ ноги, Соха откашлялся, взглянулъ на жену и съ чувствомъ заговорилъ:

— Мы пришли поблагодарить васъ за мальчика, ушибленнаго на постройкѣ, и за вдову Михайлы, котораго убило лѣсами... за вашу доброту къ нимъ...—Товарищи Сохи кивали въ знакъ согласія головами.

— Вы, барышня, хоть чужая намъ,—продолжалъ онъ,—а лучше родной матери. Мы сговорились сообща поблагодарить васъ отъ всего сердца...

Послѣ этой рѣчи всѣ окружили Анку и начали цѣловать ей руки, кланяться и каждый по своему выражать свою благодарность.

Отъ радостнаго волненія Анка не могла произнести ни слова. Панъ Адамъ отвѣтилъ за нее и велѣлъ дать рабочимъ водки.

Тутъ какъ разъ подошелъ Карлъ и, узнавъ, въ чемъ дѣло, велѣлъ дать рабочимъ еще по рюмкѣ. Крѣпко пожмая руки рабочихъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, насмѣшливо улыбался и, когда всѣ ушли, иронически замѣтилъ:

— Трогательная сцена! Я думалъ, что это деревенскій праздникъ: не доставало только пѣсенъ и вѣнка изъ ко-

лосевъ; за то былъ вѣнецъ, сплетенный изъ благодарности за добрыя дѣла...

— Я вижу, вамъ легко шутить надо всѣмъ... — сказала Анка, повидимому, спокойно, но въ душѣ была возмущена.

— Не моя вина, что такъ часто представляются для этого поводы..

— Благодарю за откровенность. Я давно знаю, что я смѣшна, мелочна, глупа, что всѣ мои поступки достойны ироніи, и вы, не стѣсняясь, выражаете это, потому что вѣдь мнѣ только больно, а вамъ доставляетъ удовольствіе... неправда ли?

— Чтѣ ни слово, то обвиненіе...

— И правда.

— Нѣтъ, совершенная неправда, и очень обидная для меня ошибка съ вашей стороны.

— Обидная!—изумилась она.

— Панна Анна... Анка! зачѣмъ вы сердитесь на меня? Зачѣмъ намъ отравлять себѣ жизнь такими пустяками? Неужели вы обижаетесь на мои невинныя шутки? Даю вамъ слово, что я никогда не хотѣлъ васъ обидѣть... даже критиковать,—оправдывался онъ огорченно.

Но Анка вышла изъ комнаты, не взглянувъ даже на него.

Боровецкій отправился къ отцу на веранду и сталъ жаловаться ему на Анку.

— Я уже трупъ, не жилецъ на этомъ свѣтѣ, и скажу тебѣ правду: ты обижаешь Анку; смотри, какъ бы не пожалѣлъ послѣ,—проговорилъ старикъ съ грустью.

— Антонина, спросите барышню, скоро ли поѣдемъ въ костель: лошади готовы, — сказалъ Карлъ горничной и нетерпѣливо сталъ ждать отвѣта.

— Барышня ушла къ пани Травинской и сказала, что сегодня въ костель не поѣдетъ, — заявила, вернувшись, горничная.

Боровецкій покраснѣлъ отъ досады и ушелъ.

— Расхлебывай-ка теперь кашу...—проворчалъ ему вслѣдъ отецъ.

Анка, разсердившись, ушла къ Нинѣ.

Травинская сидѣла передъ небольшимъ мольбертомъ и рисовала пастелью бузетъ золотистыхъ розъ, рассыпанныхъ передъ нею на прелестной зеленоватой матеріи.

— А я хотѣла цисать тебѣ,—обрадовалась она гостьѣ.

— Ты одна?

— Казиміръ въ Варшавѣ и вернется только вечеромъ. Я хотѣла предложить тебѣ проѣхаться за городъ. Ты свободна?

— Совершенно.

— А Карль?

— Я, кажется, взрослая и могу распоряжаться собой и своимъ временемъ.

Травинская не стала больше спрашивать. Лакей доложилъ о приходѣ Куровскаго, который, узнавъ, что Травинскаго нѣтъ дома, собрался было уйти.

— Останьтесь, — задержала его Нина, — пообедаемъ вмѣстѣ, а потомъ втроемъ отправимся за городъ. Вы будете нашимъ опекуномъ и утѣшителемъ. Хорошо?

— Опекуномъ согласенъ.

— Но намъ непременно нуженъ и утѣшитель.

— Постараюсь, но предупреждаю: слезамъ я не вѣрю, если онѣ льются даже ручьями.

— Вы не вѣрите слезамъ?

— Только женскимъ...

— Васъ обманули однѣ слезы, и вы мстите всѣмъ женщинамъ.

— Да!..—весело отвѣтилъ онъ.

— На этотъ разъ для мести вамъ не представится случая: мы не принадлежимъ къ тѣмъ, которыя плачутъ. Правда, Анка?

— По крайней мѣрѣ, никто не увидитъ ни нашихъ страданій, ни слезъ,—тихо отвѣтила она.

— Я преклоняюсь предъ такой гордостью и, если бы былъ законодателемъ, предписалъ бы ее всѣмъ...

— Никто бы не послушался васъ: иногда люди счастливы даже тѣмъ, что могутъ казаться несчастными.

— Большой парадоксъ, но есть и доля правды. Человѣкъ—животное лирическое, если не сантиментальное. Новый Линней долженъ бы отнести его къ классу „плаксивыхъ“... Но оставимъ этотъ вопросъ, позвольте лучше спросить: Карль придетъ?

— Я не знаю, увижу ли я сегодня пана Боровецкаго, — отвѣтила Анка.

Куровскій быстро взглянулъ на нее, но ея лицо выражало лишь спокойное равнодушіе.

Въ концѣ обѣда, который прошелъ очень весело, явился вопросъ: куда ѣхать?

— Только не въ Еленовъ: тамъ сегодня слишкомъ много народу, — сказала Нина.

— Поѣдемъ просто за городъ. Жаль, что нѣтъ Травинскаго: я пригласилъ бы васъ къ себѣ ужинать. Около моей хаты есть немного воды и маленькій садикъ. Тамъ было бы намъ прохладно.

— Это далеко отъ Лодаи?—спросила Анка.

— Проселкомъ верстъ пять.

— Вы, кажется, занимаетесь хозяйством?

— Какъ же, крупный помѣщикъ: сорокъ морговъ пахотной земли, но... я хозяйничаю только на фабрикѣ, земледѣлія не знаю и не люблю.

— Панъ Карлъ рассказывалъ, что засталъ васъ весной за посѣвомъ ячменя, а не въ лабораторіи.

— Карлъ просто пошутилъ, увѣряю васъ, — отвѣтилъ Куровскій: онъ скрывалъ свои сельскохозяйственныя увлеченія, считая ихъ унижительными.

— Я покажу вамъ, какъ развлекаются въ Лодзи по праздникамъ,—говорилъ онъ, усаживая дамъ въ экипажъ, и велѣлъ кучеру ѣхать въ лѣсъ Мильша.

Городъ какъ будто вымеръ, магазины были заперты, кабаки пусты, на улицахъ ни души.

Деревья на тротуарахъ стояли съ неподвижно повисшими листьями, обезсилѣвъ отъ зноя. Ни одно дуновение вѣтерка не доносилось съ полей.

— Вы любите тепло?—спросилъ Куровскій Анку, которая закрывала зонтикомъ отъ солнца только одно лицо, не забываясь о плечахъ и спинѣ.

— Солнце,—да.

— Странно, я совсѣмъ не чувствую жары, хотя все говорить о ней въ природѣ,—замѣтила Нина.

Никто ей не отвѣтилъ, такъ какъ Куровскій внимательно слѣдилъ за Анкой, а Анка думала о Карлѣ: она уже жалѣла, что огорчила его.

— Мы выйдемъ здѣсь?—спросила Нина, когда экипажъ остановился передъ садикомъ ресторана, изъ котораго доносились голоса и военная музыка.

— Пройдемъ въ лѣсъ,—предложилъ Куровскій.

Въ садикѣ пришлось проталкиваться черезъ шумную толпу.

Маленькія деревья съ пожелтѣвшими листьями бросали жалкую тѣнь на вытоптанныя лужайки и аллеи, надъ которыми носились тучи пыли. Пыль покрывала бѣлые столы и публику, сидѣвшую за пивомъ, которое разносили грязные гарсоны.

Оркестръ на эстрадѣ игралъ сантиментальный вальсъ, а въ главномъ корпусѣ ресторана, окруженномъ верандами, танцевали, не смотря на тропическую жару; танцоры были безъ сюртуковъ, а нѣкоторые даже безъ жилетовъ, что немѣшало имъ съ азартомъ стучать каблуками и громко покрикивать.

Ихъ примѣру слѣдовали нѣкоторые изъ зрителей у дверей и открытыхъ окошекъ, черезъ которыя подавали пиво: они пробовали танцевать не только на верандѣ, но и на

лужайкахъ, подъ аккомпаниментъ выстрѣловъ въ тирѣ, глухого стука кеглей и дѣтскихъ рожковъ, трубившихъ по всему саду.

На маленькомъ тѣнистомъ пруду стояли лодки; нѣсколько нѣжныхъ парочекъ жарились на солнцѣ и, работая веслами, чувствительно пѣли нѣмецкую пѣсенку о роцѣ, пивѣ и любви.

— Уйдемъ, я не могу больше,—сказала Нина, вставая изъ за стола, гдѣ они присѣли на нѣсколько минутъ.

— Съ васъ довольно демократическихъ увеселеній?—съ улыбкой спросилъ Куровскій, платя за пиво, до котораго никто изъ нихъ не дотронулся.

— Нѣтъ, я не желаю только больше пыли и грязи. Пойдемте въ лѣсъ: можетъ быть, тамъ будетъ, наконецъ, воздухъ,—отвѣтила Нина.

Но и въ лѣсу оказалось не лучше.

— Такъ это называется лѣсомъ? — съ изумленіемъ воскликнула Анка.

— Въ Лодзи—да,—сказалъ Куровскій.

Деревья, какъ будто печально задумавшись, поникли надъ цвѣтнымъ ручьемъ фабричныхъ стоковъ, который вился между черными стволами, распространяя удушливый запахъ. Во многихъ мѣстахъ уже образовались вязкія, покрытыя плѣсенью болотца. Точно пальцами великановъ, цѣплялись деревья корнями за землю и медленно высасывали изъ нея себѣ смерть и гибель.

Всюду наигрывали шарманки и гармоники, дымились самовары; какъ цвѣтные мотыльки, мелькали дѣти.

— Печальное развлеченье! — замѣтила Анка. — Почему они такъ мало веселятся, не кричатъ, не поютъ?..

— Потому, что не забыли еще вчерашняго дня, а печаль завтрашняго уже туманить ихъ души,—отвѣтила Нина, указывая на нѣсколько семействъ, которыя расположились подъ деревьями и апатично, сонно, съ какимъ-то удивленіемъ смотрѣли на лѣсъ и на публику.

— Пойдемте дальше: я хочу увидѣть хоть кусочекъ поля,—сказала Анка.

Но Анка не нашла того, чего искала. Она увидѣла только большіе пустыри, на которыхъ уже воздвигались кирпичные заводы, красныя трубы фабрикъ, многоэтажные дома...

По возвращеніи въ городъ, Анка поспѣшила домой, надѣясь еще застать Карла. Но онъ не приходилъ даже обѣдать.

Старикъ Боровецкій спалъ въ своемъ креслѣ въ саду, и въ комнатахъ стояла тоскливая тишина. На террасѣ чиркали и порхали воробы, не смущаясь присутствіемъ Анки.

Она прошлась по аллеямъ, заглянула во всѣ уголки, не зная, что съ собой дѣлать.

Она пробовала читать, но не могла и бессмысленно принялась смотрѣть на бѣлыя тучи, тянувшіяся съ востока.

Въ кухнѣ горничная распѣвала молитвы, и это такъ напомнило Анкѣ деревню, такой тоской охватило ея сердце, что она заплакала: она чувствовала себя одинокой, покинутой...

Панъ Адамъ, проснувшись, позвалъ ее, и Анка подкатила его къ верандѣ.

— Карлъ заходилъ?—спросилъ старикъ.

— Не знаю, я недавно вернулась.— Они долго молчали, избѣгая смотрѣть другъ на друга. Наконецъ, старикъ робко предложилъ:

— Не хочешь ли помолиться вмѣстѣ со мною?

— Съ удовольствіемъ!—воскликнула Анка и пошла за молитвенникомъ.

— Потому что... видишь ли... это напомнить намъ Куровъ... — прошепталъ Боровецкій, когда она вернулась, и, снявъ шляпу, началъ повторять за нею полнымъ глубокой вѣры голосомъ латинскія слова молитвы.

Кругомъ было тихо. Наступалъ уже вечеръ, умолкалъ дневной шумъ, а вдали, точно за нѣсколько миль, шумѣла обратная волна возвращавшихся горожанъ, долеталъ грохотъ пролетокъ, плаксивые голоса шарманокъ въ кабакахъ.

Подали и чай, но Карлъ все не приходилъ.

Анка, успокоившись немного послѣ молитвы, рѣшила высказать ему все, что ее мучило, рѣшила даже извиниться за сегодняшній поступокъ, лишь бы покончить разъ навсегда всѣ недоразумѣнія. Но, вмѣсто Карла, пришла Высоцкая. Съ таинственнымъ и строгимъ видомъ, она много говорила о своемъ Мецеке, о мужчинахъ вообще, и все, какъ будто, о чемъ-то умалчивала.

Анка слушала ее съ возрастающимъ беспокойствомъ. Наконецъ, не выдержала и спросила:

— Почему вы, тетя, прямо не говорите? Зачѣмъ всѣ эти недомолвки, намеки?

— Хорошо, я скажу тебѣ правду... Впрочемъ, иначе я и не умѣю говорить. Пойдемъ въ твою комнату, только запри хорошенько дверь!

— Я слушаю васъ, тетя,—произнесла Анка, садясь на низенькое кресло возлѣ стола, на которомъ горѣла лампа съ золотистымъ абажуромъ.

— Дитя мое, я пришла спросить, какъ близкая родственница, знаешь ли ты, что рассказываютъ о тебѣ и Карлѣ?

— Я даже не думала, что нами могутъ интересоваться.

— Говорятъ, что... Карлъ охотно женился бы на Малѣ Мюллеръ, если бы... если бы...

— Если бы не мѣшала я?—докончила Анка.

— Значить, ты знаешь?

— Нѣтъ, вѣдь вы только что сами сказали...

Анка откинула голову на спинку кресла и смотрѣла тупымъ, погасшимъ взглядомъ. Это открытіе не опеломило ее: точно ничего другого она и не ожидала...

— Милая Анка, не сердись на меня за дурную вѣсть, можетъ быть, это просто сплетня. Но я должна была рассказать... Поговори съ Карломъ откровенно, потому что такіе слухи могутъ убить самую сильную любовь и... и... вѣнчайтесь, какъ можно скорѣе: бракъ лучше всего заставить замолчать злые языки. Не сердись на меня: я обязана была тебя предупредить.

— Я очень благодарна вамъ, тетя...—Анка взяла ея руку и прижала къ своимъ губамъ.

— Не огорчайся: все это сплетни. У Карла не мало враговъ; для многихъ онъ былъ завидной партіей, многія влюблены въ него, и не удивительно, что теперь мстятъ ему: люди всегда завидуютъ чужому счастью. Спокойной ночи!

— Покойной ночи, тетя.—Анка проводила Высоцкую до дверей.

— Если хочешь, я потолкую съ Карломъ?

— Нѣтъ, благодарю, я сама должна сказать ему. Подождите минутку, я возьму накидку и дойду съ вами до Травинской.

Разговоръ дорогой не клеился: Анка почти не слушала, не отвѣчала...

Кратчайшій путь къ Травинскимъ былъ черезъ садъ и фабрику Боровецкаго, но, по случаю воскресенья, фабрика была закрыта, пришлось идти по улицѣ, мимо дома Мюллера. Съ улицы въ открытыя и освѣщенныя окна было прекрасно все видно.

Анка проходила мимо дома, не глядя, но Высоцкая остановилась и потянула ея за руку.

Въ гостиной сидѣла вся семья Мюллера и Карлъ.

Мада, перегнувшись къ нему, рассказывала что-то съ радостнымъ смѣхомъ, а Боровецкій слушалъ очень внимательно.

Анка, взглянувъ, ни слова не сказала Высоцкой и вернулась домой. Она не отчаявалась, не плакала, а только чувствовала себя глубоко оскорбленной.

На другой день, послѣ обѣда, Карлъ сталъ объяснять, почему онъ не былъ вечеромъ, но Анка прервала его холодно и даже надменно:

— Зачѣмъ вы оправдываетесь?.. Вѣдь вы поступаете такъ,

какъ вамъ пріятнѣе: вы почувствуйте себя лучше у Мюллеровъ, потому и провели у нихъ вечеръ.

— Я не понимаю васъ, — обиженно пробормоталъ Карлъ.

— Не знаю, старались ли вы когда-нибудь понять меня?

— Почему вы такъ говорите со мной?

— Вы хотѣли бы, чтобы я совсѣмъ замолчала?

— Вы сами доводите меня до этого.

— О, да! Я довожу, ожидая по цѣлымъ днямъ одного слова отъ васъ... и напрасно...—съ горечью сказала Анка, и тотчасъ же раскаялась въ своихъ словахъ, такъ какъ Карлъ сидѣлъ равнодушный и раздраженный.

Апатія и скука звучали въ его словахъ. Онъ не хотѣлъ даже маскировать своего чувства: всталъ и, взявъ шляпу, холодно спросилъ:

— Я ѣду въ Куровъ; нѣтъ ли порученій?

— Даже нѣсколько.

— Я могу ихъ исполнить.

— Благодарю, я все сдѣлаю сама: мы съ отцомъ на-дняхъ ѣдемъ туда.

Боровецкій поклонился и вышелъ, но скоро вернулся, чувствуя потребность помириться. Онъ засталъ Анку въ той же позѣ, въ какой оставилъ: она сидѣла, засмотрѣвшись въ окно, и лишь вопросительно взглянула на него.

— Паяна Анна, за что вы сердитесь на меня? Почему вы перестали быть откровенны? Чтѣ съ вами? Если я васъ огорчилъ, сдѣлалъ что-нибудь дурное, отъ всей души прошу прощенья... У меня столько хлопотъ, что если я когда-нибудь обидѣлъ васъ своею рѣзкостью, то вы должны же понять, что это противъ моей воли. Не думаете же вы, что я могу сознательно мучить васъ? Скажите что-нибудь, простите меня.

Карлъ наклонился и заглянулъ ей въ глаза, но она поспѣшно закрыла ихъ: они были полны слезъ. Его задушевный, мягкій голосъ пробудилъ въ ней жажду любви и ласки, наполнилъ жалостью душу. Но она не могла произнести ни слова, боясь, что бросится ему на шею, разразится рыданіями. Гордость боролась въ ней съ безумной любовью...

Боровецкій не дождался отвѣта и, глубоко огорченный, ушелъ.

Анка долго жалѣла объ этой минутѣ невозвратнаго счастья и долго оплакивала его.

Затѣмъ потянулись дни внѣшняго спокойствія и мира.

Анка и Боровецкій здоровались и прощались по прежнему ласково, иногда дружески разговаривали, но не было уже прежней задушевности, прежней вѣры, прежней заботливости другъ о другъ.

Анка пробовала быть доброй, любящей невѣстой, но съ ужасомъ замѣчала, что она уже не та, что ея чувство къ Карлу начинаетъ умирать.

Она никакъ не могла забыть словъ Высоцкой, а нѣкоторыя фразы Карла, которыя стали ей понятны только теперь, усиливали подозрѣнія.

Знакомые тоже не жалѣли намековъ, въ томъ числѣ Максъ, а чаще Морицъ, который съ большимъ удовольствіемъ и довольно прозрачно говорилъ о планахъ и матеріальныхъ расчетахъ Карла.

Раньше Анка совсѣмъ не обращала на это вниманія, но теперь научилась извлекать истину изъ всѣхъ намековъ, — такую горькую, такую оскорбительную для себя истину, что, если бы не мысль о старикѣ-отцѣ, она сейчасъ же уѣхала бы изъ Лодзи.

Боровецкій, занятый окончаніемъ постройки, могъ удѣлять мало времени и вниманія невѣстѣ, но инстинктивно чувствовалъ, что Анка относится къ нему все холоднѣе и равнодушнѣе.

Онъ рѣшилъ окончательно выяснитъ все послѣ открытія фабрики, а пока, такъ какъ дома ему было не особенно пріятно, ходилъ очень часто къ Мюллерамъ и чаще, чѣмъ прежде, видѣлся съ Люси.

XVI.

„Съ 1 октября открылась фабрика хлопчатобумажныхъ издѣлій подѣ фирмой „К. Боровецкій и К^о“. Документы будутъ подписывать К. Боровецкій или М. Вельтъ“.

Боровецкій прочиталъ вполголоса этотъ торговый циркуляръ и отдалъ его Яскульскому.

— Нужно сейчасъ же разослать въ газеты, — сказалъ онъ, — а завтра по магазинамъ. Морицъ сообщить адреса.

Карлъ вышелъ на большой дворъ, еще загроможденный лѣсами и машинами; хотя фабрика была уже открыта, но можно было пустить въ ходъ только одну прядильню, остальные отдѣлы поспѣшно достраивались.

Карлъ не хотѣлъ и не могъ по разнымъ причинамъ ждать полного окончанія постройки. На сегодняшній день было назначено освященіе фабрики.

Максъ производилъ пробу машинъ въ прядильнѣ, когда Боровецкій пришелъ и заявилъ:

— Максъ, брось все: уже собираются гости.

— Ксендзъ пріѣхалъ?

— И онъ, и Заіончковскій уже спрашивали о тебѣ.

— Черезъ часъ я приду.

Карль съ удовольствіемъ разсматривалъ гирлянды изъ еловыхъ вѣтокъ, которыми рабочіе, подъ руководствомъ Яскульскаго, укрापали двери и окна.

Дворъ поспѣшно убрали и разставляли на немъ длинные столы, обитые коленкоромъ. Столы предназначались для устройства угощенія рабочимъ и служащимъ на постройкѣ.

Въ домѣ тоже готовились къ торжественному приему товарищей, пріятелей и знакомыхъ новыхъ фабрикантовъ.

Карль бродилъ по фабрикѣ и по двору съ какимъ-то страннымъ чувствомъ почти сожалѣнія, что все уже кончено, что теперь нужно приниматься за новую, еще болѣе тяжелую работу.

Сколько времени, сколько усилій и нервовъ, сколько бессонныхъ ночей посвятилъ онъ этимъ стѣнамъ и машинамъ; онѣ росли и развивались на его глазахъ, силой его воли, напряженіемъ его энергіи, и теперь онъ чувствовалъ близость, родственность этой неподвижной, спокойной громады, готовой придти въ движеніе по его мановенію.

Боровецкій не замѣтилъ Давида Гальперна, который, не смотря на болѣзнь, пришелъ, хотя его не приглашали, и довольнымъ взглядомъ окидывалъ новую фабрику, всѣмъ интересовался и повторялъ Максу:

— Я радуюсь, очень радуюсь, пане Гаумъ: съ появленіемъ вашей фабрики Лодзь еще больше вырастетъ.

— Не приставайте!—проворчалъ Максъ.

Давидъ Гальпернъ не обидѣлся. Во время освященія, онъ стоялъ въ сторонѣ съ обнаженной головой, съ восхищеніемъ посматривая на фабрикантовъ, на толпу и на новое зданіе капитализма.

— Чего ты ищешь?—спросилъ Морицъ Карла, входя за нимъ въ пустую залу.

— Ничего. Я только смотрю,—печально отвѣтилъ Боровецкій.

— Не находишь ли ты, что угощеніе рабочимъ можно бы устроить дешевле?

— То-есть ничего не дать имъ, такъ какъ оно и такъ достаточно скромно.

— А обошлось въ четыреста рублей. Я уже получилъ счета.

— Какъ нибудь наверстаемъ на нихъ же. Не ссорься хоть сегодня: вѣдь осуществилась наша давнишняя мечта!..

— Но долго ли она просуществуетъ?—сказалъ Морицъ, какъ-то странно улыбаясь.

— Ручаюсь тебѣ, что пока я живъ.

— Ты говоришь, какъ поэтъ, а не какъ фабрикантъ. Кто

может ручаться, что черезъ мѣсяцъ отъ фабрики не останется кучи развалинъ? Кто знаетъ, не захочешь ли ты черезъ годъ самъ отъ нея избавиться? Фабрики и коленкоръ одинаково легко продаются, если можно хорошо заработать.

— Не мѣшало бы тебѣ обновить свои теоріи: онѣ порядочно уже мнѣ пріѣлисы,—отвѣтилъ Боровецкій. Они направились къ дому. Гости сидѣли на верандѣ. Пришелъ ксендъ Семень въ ризѣ, и всѣ двинулись за нимъ.

Моментъ былъ очень торжественный. Толпа рабочихъ, съ обнаженными головами, разодѣтыхъ по праздничному, наполнила дворъ и фабричныя залы.

Ксензъ переходилъ изъ отдѣленія въ отдѣленіе, читалъ молитвы, кропилъ святой водой стѣны, машины и людей.

Въ прядильнѣ все уже было готово. Боровецкій, послѣ освященія, далъ сигналъ, и машины дружно заработали, но, сдѣлавъ нѣсколько сотъ оборотовъ, остановились: рабочіе пошли завтракать.

Фабрика начала свою жизнь.

Гости вернулись въ комнаты и сѣли за столъ.

Первый тостъ провозгласилъ Кнолль, который въ длинной рѣчи очень тепло вспоминалъ о службѣ Боровецкаго въ фирмѣ Бухгольцъ и К^о; второй тостъ, съ придачей всякихъ пожеланій славнымъ компаньонамъ и пріятелямъ Боровецкаго, провозгласилъ Гросглюкъ и расцѣловалъ Карла и Морица.

Заюнчковскій пожелалъ „миръ да любовь“, что было встрѣчено довольно холодно. Карчмарекъ, стѣсняясь сначала миллионеровъ, сидѣлъ молча, а потомъ, подъ вліяніемъ многочисленныхъ тостовъ, набрался храбрости, налилъ полный стаканъ коньяку и, чокнувшись съ Мышковскимъ и другими поляками, громкимъ, хотя охрипшимъ, голосомъ произнесъ:

— Я свое скажу! Чтобы всѣ люди могли любить другъ-друга,—этому я не вѣрю: всѣ мы черпаемъ изъ одной миски, и каждый хочетъ захватить себѣ, какъ можно больше. Собака и волкъ любятъ другъ-друга только тогда, когда сообща уплетаютъ теленка или барана. Если кому-нибудь это на руку, пусть себѣ всѣхъ любитъ, а намъ нужно только не уступать... Разумомъ ли... хитростью ли... или кулакомъ будемъ дѣйствовать, но не поддадимся... Сила у насъ есть, ума тоже хватитъ. Вотъ, что я хотѣлъ сказать, а затѣмъ,—пью за здоровье пана Боровецкаго!..

Онъ выпилъ свой стаканъ и хотѣлъ продолжать, но ему помѣшали умышленными апплодисментами: нѣмцы и евреи остались недовольны его рѣчью.

Дальше тосты шли безъ конца, поднялся невозможный шумъ и гамъ: всѣмъ хотѣлось говорить сразу.

Только Максъ молчалъ и поминутно выходилъ къ рабочимъ, такъ какъ тамъ хозяйничала Анка. Рабочіе тоже пили за здоровье Карла, и Боровецкому пришлось выйти къ нимъ и поблагодарить. Возвращаясь къ гостямъ, онъ увелъ съ собою Анку и, подъ вліяніемъ веселаго, возбужденнаго настроенія, пожалъ ей руку.

— Это моя фабрика!—радостно проговорилъ онъ:—моя, и я не выпущу ее изъ рукъ.

— Я страшно рада,—тихо отвѣтила она.

— Но не такъ, какъ я,—сказалъ онъ съ упрекомъ.

— Почему же? Ваше счастье — мое счастье, — отвѣтила Анка и ушла на зовъ Травинской въ бесѣдку.

— Она еще сердится; нужно опять немного заняться ею,—подумалъ Карлъ, поднимаясь на веранду, гдѣ устанавливали столы, такъ какъ въ столовой было тѣсно и душно.

Морицъ хозяйничалъ съ очень торжественнымъ видомъ и постоянно уединялся съ Гросглюкомъ для какихъ-то таинственныхъ совѣщаній.

Максъ почти не принималъ никакого участія въ общемъ весельи. Онъ сидѣлъ рядомъ съ своимъ отцомъ, который хотя принялъ приглашеніе, но все время молчалъ, смущая всѣхъ своимъ печальнымъ видомъ.

Въ маленькой комнаткѣ, выходившей окнами на улицу, ксендзъ Семенъ, Заіончковскій, панъ Адамъ и Куровскій играли въ преферансъ и съ увлеченіемъ спорили.

— Хорошо, хорошо, дитятко мое милое!—съ восторгомъ восклицалъ ксендзъ:—какого перцу ты задалъ Заіончковскому! Будеть... ха, ха, ха... безъ трехъ! Для этого нужно называться Баранковскимъ, а не Заіончковскимъ... ха, ха, ха!

— Развѣ я виноватъ? — крикнулъ шляхтичъ, ударивъ по столу кулакомъ:—посадили меня съ ротозѣями, которые не умѣютъ карты держать въ рукахъ!.. Семь трефъ!..

Панъ Адамъ, по старой привычкѣ, когда шла къ нему карта, притопывалъ ногой и напѣвалъ:

„Пошли дѣвки по грибы, по грибы!..“

Ксендзъ Семенъ отъ времени до времени, потянувъ потухшую трубку, кричалъ:

— Ясекъ, дай-ка, малецъ, огонька!

Но, вмѣсто Ясека, подходилъ Матвѣй, котораго приставила къ ксендзу Анка.

Куровскій молча и съ улыбкой выслушивалъ ругательства Заіончковскаго: его забавлялъ этотъ архаическій шляхтичъ.

— Не нужно ли вамъ, господа, вина или пива? — спросила, подходя къ нимъ, Анка.

— Ничего не нужно, дитя мое милое, ничего... Знаешь, Анка, Заіончекъ остался безъ трехъ!—смѣялся ксендзъ.

— Ей-Богу, вѣдь это даже неприлично ксендзу радоваться несчастью ближняго, это можетъ кончиться такъ-же, какъ кончилось у Кинерскихъ въ Сандомірскомъ уѣздѣ...

— Государь мой милостивый, намъ никакого нѣтъ дѣла до того, гдѣ что случилось. Ты слѣди за игрой и подай намъ сюда пику, послѣднюю пику... зубовъ то не заговаривай!

— Кому я заговариваю зубы?—обидчиво вскрикнулъ Заіончковскій.

Опять началась такая ссора, что гости съ безпокойствомъ посматривали на Боровецкаго.

— Пане Высоцкій, замѣните меня, пожалуйста!—попросилъ Куровскій доктора и присоединился къ Нинѣ и Анкѣ, которыя сидѣли въ маленькой бесѣдкѣ, обвитой дикимъ виноградомъ. Листья винограда уже покраснѣли, астры и левкои вокругъ бесѣдки завяли.

Всѣ трое долго молчали, наслаждаясь удивительно мягкимъ осеннимъ воздухомъ, насыщеннымъ запахомъ умиравшихъ цвѣтовъ и увядшихъ листьевъ.

— Въ деревнѣ такой чудный осенній день лучше во сто разъ,—сказала Анка.

— О, конечно!.. Однако, — впередъ прошу извинить мое любопытство,—сегодняшнее торжество, кажется, не особенно радуетъ васъ, панна Анка?

— Напротивъ, очень радуетъ, какъ всякое исполнившееся желаніе.

— Вѣрю, но не вижу, чтобы вы были довольны.

— Что же дѣлать, если вы не видите; тѣмъ не менѣе, я дѣйствительно рада.

— Въ вашемъ голосѣ звучитъ другое!

— Неужели возможно такое противорѣчіе съ тѣмъ, что я чувствую?

— По крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту, судя по вашему тону, можно предполагать съ вашей стороны полнѣйшее равнодушіе.

— У васъ плохой слухъ... и заключенія неправильны.

— Не внушайте Анкѣ того, чего она не чувствуетъ, — сказала Травинская.

— Мы можемъ иногда не чувствовать и всетаки что-то имѣть внѣ предѣловъ нашего сознанія. Я вижу, что не ошибся...

— Кесслеръ идетъ къ намъ,—сказала Травинская.

— Въ такомъ случаѣ, я ухожу: не могу видѣть этого нѣмца.

— Вы оставляете насъ ему въ жертву? — воскликнула Анка.

— А вѣдь онъ очень красивъ, какой-то осенней красотой заката,—замѣтила Нина, по уходя Куровскаго

— Куровский, иди къ намъ! Выпьемъ!—крикнулъ ему съ веранды Мышковскій.

— Хорошо, выпьемъ еще разъ за успѣхи и развитіе промышленности,—сказалъ онъ, взявъ рюмку и обращаясь къ Максѹ.

— Я не пью за такіе успѣхи. Пусть сдохнетъ промышленность, а съ нею и всѣ ея рабы!—крикнулъ Мышковскій, порядочно уже выпившій.

— Не говори вздора! Сегодня праздникъ настоящаго труда, прочнаго, осмысленнаго труда.

— Праздникъ, настоящій трудъ, прочный и осмысленный трудъ!.. Шесть словъ и сто глупостей. Довольно!.. Ты тоже опаршивѣлъ среди этихъ рабовъ. Живешь и работаешь, какъ скотина, и загребашь деньги. Пью за твое отрезвленіе!

— До свиданья! Заходи ко мнѣ въ субботу, тогда поговоримъ. Я ухожу.

— Хорошо, только выпей со мной. Карлъ не хочетъ, Максъ не можетъ, Кесслеръ предпочитаетъ скалить зубы на женщинъ. Травинскій уже напился, шляхтичи играютъ въ карты... Что же мнѣ дѣлать, бѣдному сиротѣ! Вѣдь съ Морицомъ или съ фабрикантами я пить не стану.

Куровский исполнилъ его просьбу.

Общество быстро уменьшалось; остались только близкіе знакомые и Мюллеръ, который не отходилъ отъ Боровецкаго и былъ съ нимъ очень нѣженъ. Къ концу праздника пришелъ Муррей и, подсѣвъ къ Максѹ, съ восхищеніемъ поглядывалъ то на Анку-то на Травинскую, которыя сидѣли уже на верандѣ.

— Какъ ваши дѣла? Женитесь?—спрашивалъ его потихоньку Максъ.

— Сейчасъ готовъ бы жениться.

— На комъ?

— Все равно, если нельзя на двухъ сразу.

— Опоздали: одна уже замужемъ, а другая скоро выйдетъ.

— Я всегда опаздываю!—съ горечью сказалъ англичанинъ, дрожащими руками обдернулъ сюртукъ на горбатой спинѣ и пошелъ пить съ Мышковскимъ, какъ будто съ отчаянья.

Старикъ Яскульскій шепнулъ на ухо Карлу, что кто-то ждетъ въ конторѣ и хочетъ видѣться съ нимъ сейчасъ же,

— Кто? Вы не знаете?

— Не знаю, но кажется, Цукеръ...

— Цукеръ, Цукеръ!—тревожно повторялъ Боровецкій, и сердце его забилося беспокойно. — Сейчас приду, пусть посидитъ немного.

Карлъ пошелъ въ комнату отца и захватилъ револьверъ.

— Цукеръ хочетъ видѣться со мной? Чего онъ хочетъ? Можетъ быть...—Онъ боялся кончить свою мысль.

Цукеръ сидѣлъ въ конторѣ у окна, облокотившись на палку, и смотрѣлъ въ землю.

При появленіи Боровецкаго, онъ не поздоровался, какъ будто не замѣтилъ протянутой ему руки, и только взглянулъ воспаленными глазами въ лицо Карла.

Этотъ взглядъ обжегъ его, охватилъ страхомъ. Карлъ почувствовалъ себя на мгновеніе въ калканѣ. Ему захотѣлось уйти отсюда, но онъ овладѣлъ собой, закрылъ окно, въ которое доносились крики пьяныхъ рабочихъ, пододвинулъ Цукеру стулъ и медленно проговорилъ:

— Мнѣ очень... пріятно видѣть васъ у себя... жалѣю только, что не могу посвятить вамъ столько времени, сколько мнѣ хотѣлось бы: сами видите, у меня сегодня торжество. — Онъ тяжело опустился на стулъ и чувствовалъ, что больше не въ состояніи ничего сказать.

Цукеръ вынулъ изъ кармана измятое письмо и бросилъ на столъ.

— Прочитайте... — сказалъ онъ глухо, упорно смотря на Боровецкаго.

Въ письмѣ былъ прямой и грубый доносъ на связь его съ Люси.

Карлъ долго читалъ, желая выиграть время; при чтеніи же, долженъ былъ употреблять всѣ усилія воли, чтобы не выдать себя, сохранить равнодушное выраженіе лица, подъ пронизывающимъ взглядомъ Цукера.

Боровецкій прочиталъ письмо и возвратилъ его молча.

Настала продолжительная, томительная тишина.

Цукеръ не сводилъ глазъ съ Боровецкаго, а Карлъ, избѣгая его взгляда, перебиралъ разные предметы на столѣ. Онъ чувствовалъ, что еще нѣсколько минутъ такой пытки, — и онъ выдастъ себя.

Цукеръ, наконецъ, поднялся и тихо спросилъ:

— Какъ я долженъ понимать это, пане Боровецкій?

— Это ваше дѣло,—неопредѣленно отвѣтилъ Карлъ, такъ какъ ему пришло въ голову, что вдругъ Люси созналась. Ноги у него дрожали, въ головѣ шумѣло.

— Это все, что вы можете сказать?

— Что же, по вашему, я долженъ отвѣтить на такую подлую клевету?

Границы анализа въ литературной критикѣ.

(Волжскій. Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ. Спб. 1902).

I.

Что такое искусство?

Мы не собираемся рѣшать этотъ вопросъ во всей его огромности, а беремъ только одну его сторону, ближайшимъ образомъ относящуюся къ темѣ предлагаемаго очерка, но существенную и безотносительно къ этой темѣ, хотя сплошь и рядомъ оцѣниваемую гораздо ниже ея дѣйствительнаго значенія. Эту существенную сторону вопроса, этотъ существенный, необходимый и постоянный элементъ искусства мы видимъ въ эмоціональномъ началѣ, — въ томъ душевномъ движеніи, которое проникаетъ художника въ его работѣ и, претерпѣвъ извѣстныя видоизмѣненія въ процессѣ творчества (ихъ мы здѣсь не касаемся), передается читателю, зрителю или слушателю. Отсюда необходимость соотвѣтствующей формы въ произведеніи искусства, — иначе чувство не будетъ передаваться. Отсюда же и невозможность установить какія бы то ни было общія правила для этой формы, такъ какъ нельзя предугадать всего разнообразія эмоцій, вкладываемыхъ въ художественныя произведенія.

Искусство начинается чуть ли не соловьиною пѣснью, а кончается оно Шекспирами, Рафаэлями и Бетховенами. Между этими двумя крайними предѣлами оно принимаетъ въ себя все больше элементовъ мысли, которая въ народномъ эпосѣ проявляется въ наиболѣе наивной и наименѣе индивидуальной своей формѣ, а затѣмъ постепенно индивидуализируется и углубляется. Но чувство одинаково присутствуетъ на всѣхъ ступеняхъ развитія искусства: не даромъ же оно страстно напряжено и сильно индивидуализировано уже въ пѣвнѣ птицы. Въ народномъ эпосѣ оно уже ярко выражается въ преклоненіи передъ героями, либо въ ихъ осмѣя-

ніи. Соединяясь съ крѣпнущей мыслью, оплодотворяясь и контролируясь ею, оно растетъ качественно: элементарныя эмоціи смѣняются или осложняются болѣе высокими и человѣчными.

Преобладаніе эмоціональнаго начала отличаетъ искусство отъ науки. Мысль, творящая науку, оплодотворяется и контролируется чувствомъ, которое находитъ себѣ наименьшее приложене въ наиболѣе отдаленныхъ отъ человѣка наукахъ, „точныхъ“, и наибольшее—въ гуманитарныхъ, общественныхъ, гдѣ оно является плодотворнымъ и необходимымъ элементомъ научнаго творчества. Но основу науки, вообще, составляетъ всетаки мысль, которая можетъ быть и безстрастною, тогда какъ въ искусствѣ мысль, не претворившаяся въ чувство, остается мертвой и создаетъ безжизненные—тенденціозныя—произведенія.

Тотъ-же эмоціональный признакъ рѣзко отдѣляетъ искусство отъ другого его сосѣда,—отъ техники (не говоримъ — ремесла, потому что оно только одинъ изъ видовъ техники, самый низшій видъ). Строитель будетъ только техникомъ, если то, чтò онъ соорудитъ, будетъ только удовлетворять своему практическому назначенію; онъ будетъ поэтомъ, художникомъ, если его произведеніе будетъ говорить чувству зрителя. Въ первомъ случаѣ его сооруженіе принадлежитъ къ области техники, хотя бы самой совершенной и даже гениальной, и только во второмъ—къ области искусства. Скульпторъ, живописецъ, музыкантъ, романистъ, драматургъ, стихотворецъ тоже можетъ быть или поэтомъ, или техникомъ, смотря по тому, трогаетъ ли зрителя, читателя, слушателя его произведеніе или оставляетъ его холоднымъ *).

Едва ли нужно оговариваться, что чувство не слѣдуетъ смѣшивать съ его антиподомъ чувствительностью.

Въ разныхъ художественныхъ произведеніяхъ могутъ звучать самыя разнообразныя эмоціи: чувство „мести и печали“, чести и совѣсти; негодованіе, гнѣвъ, любовь къ родинѣ, къ свободѣ, къ человѣчеству, любовь къ самому себѣ (она звучитъ, напр., въ произведеніяхъ иныхъ русскихъ декадентовъ, и даже не то что звучитъ, а кричитъ, но, впрочемъ, не передается читателю, изъ чего ясно, что здѣсь нѣтъ поэзіи); восхищеніе передъ женскою красотою, восторгъ передъ душевною красотою человѣка, передъ кра-

---

*) Общеизвѣстенъ фактъ, что иногда читатель или слушатель, «ничего не понимающій» въ книгѣ, тѣмъ не менѣе, можетъ правильно усваивать ея сущность. «Тайна такого непостижимаго умѣнія развиваться книгой, ничего въ ней не понимая, заключается въ томъ, что развитіе тутъ идетъ не помощью ума или пониманія, а исключительно помощью сердца. Сердце автора подаетъ вѣсть сердцу непонимающаго «слова» чтеца... Скрытое въ глубинѣ и массѣ словъ чувство, руководившее авторомъ книги,—только оно и улавливается слушателями или чтецомъ, и, уловя его, чтецъ или слушатель продолжаютъ только чувствовать въ данномъ сердцу направленіи, думая о себѣ»... Г. И. Успенскій, «Сочиненія», т. I. стр. 658, 4-е двухтомное изданіе.

той природы и т. д. Обыкновенно, у каждого автора есть какое-нибудь преобладающее чувство, которое болѣе или менѣе явственно вышится во всѣхъ его произведеніяхъ. Таково у Тургенева особое, ему свойственное, мягкое элегическое чувство. У гр. Л. Н. Толстого — неутолимая жажда правды. У А. П. Чехова — сожалѣніе о безсмысленности существованія большинства людей. Въ разсказахъ г. М. Горькаго самый яркій мотивъ — это гнѣвъ скованной силы; но существуетъ ли какое-нибудь объединяющее чувство въ творествѣ, напр., его младшихъ литературныхъ сверстниковъ, мы еще не могли бы сказать съ увѣренностью. Они не вполне еще, кажется, опредѣлились... Но не въ нихъ теперь дѣло.

Объ искусствѣ мы заговорили для того, чтобы перейти отъ него къ литературной критикѣ. Она занимает среднее мѣсто между наукой и искусствомъ. Она примѣняетъ выводы первой ко второму и она же почерпаетъ во второмъ обильные матеріалы для первой (не только для исторіи литературы, но и для общественной исторіи, для психологіи и т. д.). Она приближается то къ первой, то ко второму, смотря по тому, въ какомъ соотношеніи находятся въ ней чувство и мысль. Приближаясь къ наукѣ, литературная критика можетъ сливаться съ публицистикой, которая заимствуетъ свои матеріалы не только изъ искусства, но и непосредственно изъ жизни, иногда даже исключительно изъ жизни. Держась на границѣ искусства, литературная критика становится чисто-художественной критикой, и тогда въ значительной степени усваиваетъ себѣ даже методы художественнаго творчества. Критика публицистическая и художественная критика могутъ вступать въ самыя разнообразныя сочетанія между собой. Но каковы бы ни были эти сочетанія, въ литературной критикѣ работа мысли должна постоянно регулироваться столь же дѣятельной работой чувства: это необходимо для правильнаго истолкованія объекта критики, — произведенія искусства. Логическій анализъ въ критикѣ имѣетъ своимъ предѣломъ заключенное въ данномъ произведеніи чувство. Чувство не разложимо, анатомированію оно не поддается; и если такъ называемый „ножъ“ анализа, дойдя до этого средоточія художественнаго произведенія, не остановится передъ нимъ для того, чтобы только освободить его отъ прикрывающихъ его оболочекъ, а разрѣжетъ это „сердце“, — живое и одушевленное тѣло самаго произведенія обратится въ трупъ, вполне уже послушный всякимъ дальнѣйшимъ логическимъ операціямъ, но нѣмой и холодный. Вся трудность, конечно, въ томъ, что это „сердце“ не лежитъ въ художественномъ произведеніи особнякомъ, не имѣетъ готовыхъ и точныхъ очертаній. Его нужно еще возсоздать изъ массы отраженій, разлитыхъ по всему этому произведенію или даже по всѣмъ произведеніямъ художника, если рѣчь идетъ о лейтъ-мотивѣ всего его творчества. Но эту задачу

способна выполнить только синтетическая дѣятельность чувства. Своей непосредственной, интуитивной силой она регулируетъ работу анализа, она и указываетъ ему ту черту, на которой онъ долженъ остановиться. Такое соотношеніе двухъ элементовъ литературный критики необходимо, повторяемъ, для правильного констатированія, истолкованія ея объекта. Когда эта задача выполнена, тогда и только тогда наступаетъ очередь оцѣнки, иначе она будетъ лишена почвы. Здѣсь также необходимо участіе чувства, такъ какъ всякая оцѣнка руководится тѣмъ или другимъ идеаломъ, а въ идеалѣ не можетъ не присутствовать, рядомъ съ мыслью, и эмоциональный элементъ. Но въ оцѣнкѣ роль обоихъ элементовъ критики будетъ уже существенно иному. Тутъ уже открывается широкое поле и для публицистики, которую мы здѣсь пока оставляемъ совершенно въ сторонѣ...

Всѣ эти бѣгло намѣченные положенія мы попытаемся провѣрить на критическихъ очеркахъ г. Волжскаго о Гл. Успенскомъ и о Достоевскомъ. Это цѣлыя небольшія монографіи, обстоятельныя, богатые мыслями, проникнутыя любовью къ предмету, точныя говоря, къ предметамъ,—къ Успенскому и къ Достоевскому, превосходно изложенныя и логически очень стройныя. Задачу обоихъ этюдовъ г. Волжскій объявляетъ строго-ограниченною. Въ очеркѣ, посвященномъ Успенскому, онъ стремится только „выяснить сущность идеала художника, основы его „правды“; въ этюдѣ о Достоевскомъ—„нащупать только одинъ нервъ его творческой работы, но, быть можетъ, наиболѣе жизненный и глубоколежащій нервъ“ (Предисловіе). Исчерпать и оцѣнить все безконечное разнообразіе творчества того и другого г. Волжскій ни въ малѣйшей степени не претендуетъ...

Но это, конечно, не освобождаетъ его отъ необходимости обнять все это разнообразіе въ предварительной, не видной читателю, синтетической работѣ. Онъ можетъ намъ не предъявлять всѣхъ плодовъ этого синтеза, не освѣщать съ его помощью передъ нами всѣхъ образовъ и положеній, созданныхъ художниками, не оцѣнивать достоинства и значенія всѣхъ ихъ типовъ, но выполнить ту подготовительную работу онъ всетаки, конечно, долженъ, чтобы раскрыть „основы правды“ одного художника, нащупать „наиболѣе жизненный и глубоколежащій нервъ творчества“ другого. Посмотримъ же, какъ онъ приступаетъ къ дѣлу.

Въ очеркѣ объ Успенскомъ онъ отправляется изъ той формулы, въ которой резюмировалъ творчество покойнаго писателя Н. К. Михайловскій, и затѣмъ развиваетъ, расчленяетъ, дополняетъ ее. Уже этотъ пріемъ заставляетъ призадуматься. Критическій синтезъ—вещь въ высшей степени индивидуальная и субъективная, какъ и само художественное творчество. Какъ бы онъ ни былъ вѣренъ, то-есть какъ бы хорошо ни истолковывалъ ху-

дожника и какою бы надежной нитью ни служилъ въ лабиринтѣ произведеній изучаемаго писателя, каждымъ новымъ критикомъ онъ долженъ быть продѣланъ самостоятельно и заново. Всякая данная формула имѣетъ свой особый смыслъ въ связи со всѣмъ строемъ мыслей ея автора. Пересадить ее на чужую почву нельзя; нельзя брать готовый синтезъ и строить на немъ свой анализъ. А г. Волжскій именно такъ и поступаетъ; въ предисловіи онъ говоритъ: „Отправнымъ пунктомъ своей работы я взялъ точку зрѣнія на Успенскаго Н. К. Михайловскаго“. И дѣйствительно, уже съ 7-ой страницы идетъ анализъ формулы: „условное почтеніе ко всякой гармоніи и безусловное отвращеніе ко всякой расколотости“. Ближайшій же контекстъ ея поясняетъ, что художника оскорбляла „та расколотость между гуманствомъ мыслей и дармоуствомъ поступковъ или, вообще, то несоотвѣтствіе между размышленіями и поступками, которое онъ наблюдалъ въ такъ называемомъ цивилизованномъ обществѣ“.

Въ этотъ готовый критическій синтезъ г. Волжскій считаетъ необходимымъ „внести небольшое дополненіе“, и, какъ кажется, дальнѣйшій ходъ его работы построенъ на слѣдующемъ силлогизмѣ: Успенскій могъ удовлетвориться только полной гармоніей человѣческой души; человѣческая душа состоитъ не только изъ мысли и воли („поступковъ“), но еще и изъ чувства. Ergo, Успенскій требовалъ согласія, возмущался разногласіемъ „мыслей и желаній, а не только мыслей и дѣйствій“; онъ требовалъ „не только гармоніи долга и поведенія... но, еще точнѣе *), долга, воли и поведенія“ (стр. 9—10).

Повидимому, чисто-логическою и при томъ очень простою операціей, основанною на данныхъ общей психологіи, г. Волжскій внесъ въ готовую формулу серьезное усовершенствованіе, и то, что мы говорили о предѣльности функціи анализа въ литературной критикѣ, тутъ по меньшей мѣрѣ не оправдывается, а, пожалуй, даже опровергается. Но это только повидимому.

Мы нисколько не ошибемся, если изложимъ мысль г. Волжскаго въ слѣдующихъ, болѣе ясныхъ и удобныхъ для насъ, терминахъ: Успенскій-художникъ требовалъ гармоніи, возмущался дисгармоніей между высшимъ чувствомъ (долгъ), низшимъ, элементарнымъ чувствомъ (у г. Волжскаго оно называется „влеченіемъ“) и волей, которая уже опредѣляетъ внѣшній результатъ, поведеніе.

Чтобы оцѣнить идею г. Волжскаго во всей ея „точности“, которая ему такъ дорога, возьмемъ по возможности яркій и простой примѣръ и вообразимъ себѣ хотя бы Джордано Бруно или Жанну д'Аркъ, ожидающихъ сожженія на кострѣ. Долгъ у нихъ настолько владѣетъ волей, что низшему, элементарному чувству

*) Курсивъ нашъ.

не остается никакой роли въ опредѣленіи поступковъ. Состояніе экстаза можетъ вѣдь уничтожить воспримчивость даже къ физической боли: тутъ гармонія будетъ абсолютная, вполне удовлетворяющая възыскательной триадѣ г. Волжскаго. Теперь представимъ себѣ положеніе тѣхъ же лицъ длящимся цѣлые годы: экстазъ вѣдь не можетъ длиться непрерывно; страстное воодушевленіе идей будетъ возвращаться временами, но нормальное состояніе неизбежно должно быть иное. Гармонія долга и воли остается, правда, и тутъ непоколебленной; простѣйшія, примитивныя чувства,—неудовлетворенныя личныя привязанности, любовь къ солнцу, къ воздуху, къ простору и т. д.,—приведены къ молчанію. Однако они не уничтожены совсѣмъ,—они живутъ и незамѣтно точатъ душу, и вносятъ въ нее тотъ разладъ, ту дисгармонію, которые называются страданіемъ. Но вѣдь оно одно и придаетъ всю нравственную цѣну побѣдѣ высшаго чувства, въ союзѣ съ волей, надъ низшимъ; и если бы не было этой дисгармоніи, ни къ чему была бы и самая воля,—ее оставалось бы только вычеркнуть изъ психологіи.

Мы уже слышимъ возраженіе г. Волжскаго, что, напр., у „дѣвушки строгаго, почти монашескаго типа“ личная печаль „гармонически слита съ печалью о несвоемъ горѣ“. Да, но ея личная печаль всетаки существуетъ, и сама по себѣ она дисгармонична, какъ всякое страданіе. Успенскій, правда, только вскользь коснулся ея, какъ и всего этого женскаго образа; а „Удалый добрый молодецъ“ *) такъ и остался не написаннымъ. Но едва ли это не было самою жгучей изъ неудовлетворенныхъ писательскихъ мукъ художника. За то онъ часто изображалъ драму совѣсти,—тоже видъ рѣзкой внутренней дисгармоніи. Вспомните хотя бы „Неизлѣчимаго“,—того спившагося дьякона, который весь изошелъ душевной болью и ищетъ противъ нея лѣкарства, такого, чтобы попадало „въ самую точку“. Онъ пьянъ, и жалокъ, и смѣшонъ, но неужели этотъ расколотый, душевно „вывихнутый“ человѣкъ внушаетъ отвращеніе, а не горячую симпатію? Мы нарочно взяли именно эту фигуру изъ множества родственныхъ ей по типу душевнаго состоянія,—взяли потому, что она особенно ярко окрашена несравненнымъ искристымъ юморомъ художника, и всетаки, вмѣстѣ съ неудержимымъ смѣхомъ, какое глубокое сочувствіе вызываетъ она! Какъ втиснуть ее и другія, ей родственныя, въ строгую триединую формулу г. Волжскаго? А тотъ же Тяпушкинъ, изъ самоугрызений котораго нашъ критикъ почерпаетъ столько аргументовъ въ защиту своей триады,—развѣ Успенскій самъ не переживаетъ съ нимъ всѣ его терзанія? Возможно ли этого Тяпушкина и всѣхъ ему

*) См. Н. К. Михайловскій. «Матеріалы для біографіи Г. И. Успенскаго» въ «Русск. Бог.» за 1902 г., № 3.

подобныхъ „внутренне-расколотыхъ“, по удачному выраженію г. Волжскаго, интеллигентовъ, измученныхъ душевнымъ разладомъ, помѣстить въ антипатіяхъ художника на одну доску съ „внѣшне-расколотыми“,—то-есть съ тѣми, у которыхъ „гуманство мыслей“ мирно уживается съ „дармоѣдствомъ поступковъ“? Не придется ли здѣсь, напротивъ, установить большія градаціи, цѣлый рядъ оттѣнковъ, вплоть даже до полного уваженія? Мы не говоримъ уже о какомъ-нибудь Черемухинѣ (въ „Наблюденіяхъ Михаила Ивановича“), который самъ махнулъ на себя рукой, какъ на „негоднаго и слабаго человѣка“, и, однако, исповѣдывается передъ пріятелемъ такъ: „А дѣйствительно, братъ, это тяжело! знаешь, что дѣло правое, выстраданное, вопіющее; знаешь, что за него надо... истратить себя до послѣдней капли крови,—и не мочь—это, братъ, ужъ какъ горько и ужъ какъ подло! Эти муки я испытываю давно“. „Что за люди!“ думаетъ про него Михаилъ Ивановичъ: „И жалъ, и кажется—убилъ бы... тѣфу!“ Это—„внѣшне-расколотый“. Но припомнимъ всякаго званія людей неугомонной совѣсти, вынужденныхъ „пока-что“ своротить въ сторону отъ жизни, приведенныхъ къ положенію „тише воды, ниже травы“, нажившихъ „больныя кости въ продолжительномъ и бесполезномъ томленіи о своемъ и окружающемъ ничтожествѣ вообще и въ безпрерывномъ содроганіи передъ могуществомъ плети и обуха“ („Тише воды, ниже травы“), всѣхъ этихъ притомившихся на своемъ неторномъ пути, но всетаки не опошлившихся, не „обездушенныхъ“... „Велико ли въ самомъ дѣлѣ обиліе силъ русской души, велика ли ихъ живучесть, только присутствіе и существованіе ихъ несомнѣнно почти въ каждой, какъ бы грубо ни распатанной, душѣ неплательщика (т. е. интеллигента) и изумительно по своей стойкости, по своему умѣнью почти съежиться до послѣдней степени и всетаки жить, хоть урывками, но жадно вглядываясь въ бѣлый свѣтъ“... („Неплательщики“). Рядомъ съ людьми, „у которыхъ уже нѣтъ никакой нравственной связи ни съ чѣмъ прошлымъ, у которыхъ ни капли нѣтъ для себя, у которыхъ есть только одно: невозможность существовать, не глядя дѣйствительности въ лицо прямо и смѣло и не повинуваясь только одной сущей правдѣ“,—художникъ съ такою же радостью отмѣчаетъ „множество типовъ людей немолдыхъ, которые вяжутъ въ себѣ старое по рукамъ и по ногамъ, чтобы служить новому, хотя обыкновенно служить недолго, потому что постоянная война съ самимъ собой разрушаетъ тѣло и мозгъ“. „Такіе работники, — говоритъ о послѣднихъ Успенскій,—довольно-таки примѣтныя фигуры въ этомъ громадномъ движеніи къ свѣту. И къ счастью, въ такого рода людяхъ на русской землѣ нѣтъ недостатка“ („Хочешь-не-хочешь“)... Все это говорится именно о „внутренне-расколотыхъ“, и все это ясно показываетъ, что вражды къ „внутреннему“ расколу, не влеку-

шему за собою „дармоѣдства поступковъ“, а замыкающемуся въ скрытую душевную драму, у Успенскаго, вообще, не было. Онъ былъ могучій художникъ, а эта вражда не передается читателю; наоборотъ, картины такого разлада трогаютъ его, даже иногда потрясаютъ.

Невольное сочувствіе и сознательное уваженіе къ „внутреннему“ душевному „вывиху“, столь типическому для цѣлаго поколѣнія интеллигенціи, надорвавшагося въ неравной общественной тяжбѣ,—вотъ, кажется, та глубоколежащая писательская эмоція Успенскаго-художника, цѣлостъ и неприкосновенность которой г. Волжскій неосторожно нарушилъ своею дробной аналитической формулой и которую, однако, охраняла послужившая ему исходной точкой формула синтетическая. Если вставить въ эту послѣднюю ея подлинныя и неотъемлемыя значенія изъ контекста, гдѣ рѣчь идетъ исключительно о согласіи между мыслями и поступками, между долгомъ и поведеніемъ, то она приметъ такой видъ: „условное почтеніе ко всякой гармоніи и безусловное отвращеніе ко всякой расколотости между мыслями и поступками, между долгомъ и поведеніемъ“. И несомнѣнно, что въ этихъ предѣлахъ чувство правды въ художникѣ оскорблялось всякимъ расколомъ, но не всякой гармоніей удовлетворялось: безмятежное спокойствіе свиньи, только что слопавшей правду и мирно почивающей въ лужѣ ея крови, среди ея обглоданныхъ костей, могло бы внушить ему только весьма и весьма „условное“ почтеніе *). Несомнѣнно, и то, что „внѣшній“ расколъ (между мыслями и поступками) долженъ былъ въ немъ возбуждать тѣмъ большее отвращеніе, чѣмъ выше онъ ставилъ расколъ внутренній, поселяемый въ душѣ работой совѣсти... Къ послѣдней мы еще вернемся.

Пока замѣтимъ слѣдующее. „Нарушеніе“, къ которому привелъ неосторожный анализъ г. Волжскаго, тѣмъ болѣе характеристично для его метода, что критикъ и самъ какъ нельзя лучше сознаетъ всю немыслимость полной внутренней гармоніи въ современномъ мірѣ. Онъ прекрасно понимаетъ, что такая гармонія возможна будетъ только тогда, когда на землѣ совсѣмъ не останется мѣста торжествующему злу, до тѣхъ поръ ея не только не можетъ, но и не должно быть. Въ одной изъ послѣднихъ главъ своего очерка онъ цѣлымъ рядомъ широкихъ (иногда даже слишкомъ широкихъ) параллелей между Ибсеномъ, Ничше, М. Горькимъ и т. д. развиваетъ ту мысль, что въ современномъ мірѣ „святая“ гармонія роковымъ образомъ подмѣнивается гармоніей низменной; другими словами,—что полная душевная цѣлостность достигается не побѣдой высшихъ побужденій надъ низшими, а

---

*) Возрѣній Н. К. Михайловскаго, который уже отвѣтилъ за себя, мы касаемся, лишь насколько насъ вынуждаетъ къ этому непрерывность изложенія.

наоборотъ—устраненіемъ первыхъ, и, въ виду новѣйшихъ ничшеанскихъ толковъ объ устранимости „долга“ изъ человѣческой психики, его общія соображенія представляютъ даже извѣстную положительную философско-публицистическую цѣнность. Здѣсь, на привольѣ теоріи, онъ уже готовъ признать, что „его (Тяпушкина) даже дисгармоническая работа совѣсти вырастаетъ до необычайно величественныхъ и внушительныхъ размѣровъ“ (стр. 119, въ выносѣ); мало того, онъ заявляетъ, что Успенскій „черезчуръ безусловно, прямолинейно осудилъ интеллигентскій вывихъ... обезцѣнивая нравственное и общественное значеніе этого вывиха съ точки зрѣнія своего высокаго идеала гармоніи. Слѣдовало бы признать этотъ вывихъ, какъ жертву, которою покупается будущая гармонія, какъ стремленіе и отдаленное приближеніе къ ней“ (81, тоже въ выносѣ).

Но такая неожиданная *оцѣнка* можетъ быть отнесена никакъ не къ художнику, а развѣ только къ публицисту, да и то съ большою натяжкой. Публицистику Успенскаго г. Волжскій возвелъ въ такую строгую логическую систему и придалъ ей такой послѣдовательный и законченный видъ,—разбирая его рѣшеніе „тяжбы между интеллигенціей и народомъ“,—какого она у самого автора рѣшительно не имѣла. На всемъ своемъ длинномъ и безспорно интересномъ пути критикъ видѣлъ передъ собою только Успенскаго-публициста и добросовѣстно усиливался идти съ нимъ въ ногу (иногда, впрочемъ, и обгонялъ его); но этому Успенскому случалось далеко уходить въ сторону отъ Успенскаго-художника, и его-то г. Волжскій въ концѣ концовъ совсѣмъ потерялъ изъ виду, что неизбежно и предопредѣлялось самымъ духомъ его метода. Иначе онъ не могъ бы не замѣтить того, что такъ рѣзко бросается въ глаза.

„Большого художника, съ большимъ сердцемъ, ожидаетъ полчище народа, заболѣвшаго новою, свѣтлою мыслью, народа немощнаго, изувѣченнаго и двигающагося волей-неволей по новой дорогѣ и несомнѣнно къ свѣту. Сколько тутъ фигуръ, прямо легшихъ пластомъ, отказавшихся идти впередъ; сколько тутъ умирающихъ и жалобно воющихъ на каждомъ шагу, сколько бодрыхъ, смѣлыхъ, настоящихъ, сколько злыхъ, оскалившихъ отъ злости зубы!.. Все это скопище терзается или радуется и смѣло идетъ впередъ потому только, что надъ всѣми тяготѣетъ одна и та же болѣзнь сердца, боль вторгнувшейся въ это сердце правды, убивающая и мучающая однихъ и наполняющая душу другихъ несокрушимою силою. Минута, ожидающая сильный и могучій талантъ, который, несомнѣнно, долженъ родиться среди такой массы глубокихъ сердечныхъ страданій“ („Хочешь-не-хочешь“). Такъ писалъ Успенскій, характеризуя этимъ сжатымъ, но поразительно яркимъ эскизомъ тотъ глубокій процессъ духовной перестройки, которымъ было охвачено русское общество въ пе-

ріодъ, слѣдовавшій за раскрѣпощеніемъ крестьянъ. При всей безконечной скромности Успенскаго, благодаря которой ему казалось, что онъ не можетъ и браться за исполненіе самой картины, онъ именно и былъ этимъ большимъ художникомъ съ большимъ сердцемъ, этимъ могучимъ талантомъ. По крайней мѣрѣ, другого подобнаго мы еще не имѣли, за однимъ развѣ исключеніемъ (говоримъ не о размѣрѣ таланта, а объ его характерѣ).

Рѣдкая и замѣчательная особенность Успенскаго состояла въ томъ, что онъ воспринималъ и хотѣлъ воспринимать только тѣ явленія и типы, которые развились до извѣстной степени общественнаго значенія. Онъ лихорадочно горѣлъ въ огнѣ современности. Ей онъ приносилъ въ жертву богатые краски своего дивнаго дарованія, она увлекала его и въ публицистику. Среди лучшихъ представителей русской литературы, которые всегда смотрѣли на литературу, какъ на великое общественное служеніе, онъ былъ самымъ типичнымъ выразителемъ этого взгляда; это было у него даже не взглядомъ, а второю природою. Въ этомъ отношеніи изъ всего ряда художниковъ можно поставить подлѣ него только Щедрина, но Успенскій шелъ въ этомъ направленіи еще дальше. Художникъ первой величины, онъ пренебрегалъ всѣмъ, не имѣвшимъ прямого отношенія къ тому, что ему казалось въ данный моментъ самымъ нужнымъ и важнымъ въ общественномъ смыслѣ, но за то этому нужнѣйшему и важнѣйшему онъ уже отдавался весь. Понятно поэтому, какъ должна была его захватить начавшаяся въ обществѣ, послѣ освобожденія крестьянъ, работа совѣсти, когда онъ нашелъ, что въ ней центръ тяжести историческаго момента. Это тѣмъ еще понятнѣе, что въ его взглядѣ было много правды. Въ самомъ дѣлѣ, какъ обстояли дѣла общественной совѣсти и чести того времени, къ которому относятся начало и расцвѣтъ литературной дѣятельности Успенскаго? Говоря вообще, совѣсть терпитъ ущербъ тогда, когда мы несправедливо причиняемъ зло другимъ, честь,—когда другіе несправедливо причиняютъ его намъ; въ отдѣльномъ случаѣ мы можемъ причинить зло и болѣе сильному, а потерпѣть отъ болѣе слабого; но социологическій и, такъ сказать, нормальный порядокъ, конечно, иной: сильные обижаютъ слабыхъ; зло идетъ отъ сильнѣйшихъ къ слабѣйшимъ. И оно можетъ существовать вѣками, не смущая ни совѣсти на одной сторонѣ, ни чести на другой, потому что не сознается его несправедливость. Помѣщикъ поретъ своего крѣпостного, не испытывая угрызений совѣсти, а тотъ встаетъ послѣ порки, не чувствуя оскорбленія своей чести. Это—случай полнѣйшей гармоніи съ обѣихъ сторонъ, идеальнѣйшаго равновѣсія. Но рано или поздно оно нарушается. Въ цивилизованныхъ обществахъ, то-есть въ тѣхъ, гдѣ успѣли образоваться глубокія различія въ интеллектуальномъ развитіи разныхъ слоевъ населенія, гармонія безсознательности нарушается

обыкновенно сверху. Сознаніе несправедливости раньше пробуждается въ рядахъ „сильнѣйшихъ“; зло, прежде не сознававшееся, становится въ ихъ глазахъ несправедливымъ зломъ,—и начинается работа общественной *совѣсти*. Она можетъ продолжаться очень долго, порождая эпидемически „болѣзнь сердца“, „внутренній вывихъ“, вообще, массу специально интеллигентскихъ драмъ, прежде чѣмъ пойдетъ навстрѣчу ей волна общественной чести, и только когда сольются эти двѣ волны, возстановится и нарушенное первое изъ нихъ общественное равновѣсіе, и снова наступитъ общественная гармонія на болѣе или менѣе продолжительное время, послѣ котораго въ преобразованной уже общественной средѣ опять возобновится, уже на новыхъ началахъ, аналогичный процессъ, и т. д. У насъ одинъ такой періодъ закончился съ паденіемъ крѣпостного права, другой начался въ эпоху Успенскаго. Въ то время работа совѣсти опять выросла до степени общественнаго явленія и при томъ рѣшительно преобладающаго. „На Руси“, говоритъ Успенскій въ цитированныхъ уже нами очеркахъ „Хочешь-не-хочешь“, „факты заболѣванія сердца „сущою правдою“ (это у него синонимъ совѣсти) составляютъ *почти всеобщее* явленіе; захватываютъ *почти весь* неплательщичій міръ (то-есть интеллигентные слои), да и къ плательщикамъ *иной разъ* перебираются“... „несомнѣнная трудность этой борьбы (съ самимъ собой), громадность массы народа, захваченнаго ею, могутъ свидѣтельствовать только о томъ, что въ сознаніе русскаго человѣка вошло нѣчто большое, небывалое, что это небывалое сильно и велико“ (тамъ-же). Подчеркнутыя нами слова показываютъ, что „болѣзнь сердца“ распространялась, какъ и слѣдовало тому быть, почти исключительно среди „сильнѣйшихъ“, среди „кающихся дворянъ“, признававшихъ себя должниками народа, но за то въ этой „сильнѣйшей“ средѣ распространялась очень широко. Встрѣчной же волны почти и признаковъ не было, вслѣдствіе чего она рѣдко отражается и у Успенскаго. Кромѣ Михаила Ивановича (въ „Наблюденіяхъ“), можно указать, какъ на самаго типичнаго дѣятеля чести, на героя „Хорошей встрѣчи“, затѣмъ еще на героя разсказа „Голодная смерть“, а дальше пойдутъ уже болѣе или менѣе эпизодическія фигуры въ родѣ фабричнаго въ очеркѣ „Съ конки на конку“, потѣшающаго публику юмористическимъ разсказомъ о томъ, какъ его прельщали въ дѣтствѣ перспективой производства въ лакеи къ барчуку, и т. п... Да работѣ чести почти неоткуда было и вѣяться. „Какъ смутно чувствовали эти люди свои душевныя потребности“, восклицаетъ Успенскій въ „Наблюденіяхъ одного дѣтя“, „какъ мало было у нихъ средствъ выразить свои желанія, какъ отвыкли они отъ этихъ насущныхъ потребностей души, безъ которыхъ обходилась столѣтняя, поистинѣ мученическая жизнь!“ Тамъ больше долженъ былъ Успенскій дѣлать и дѣлалъ ту жи-

вительную волну совѣсти, которая шла къ нимъ сверху, отъ всѣхъ этихъ расколотыхъ и вывихнутыхъ. „Къ счастью“, писалъ онъ, какъ мы уже видѣли, „въ такого рода людяхъ на русской землѣ недостатка нѣтъ“. И потому мнѣніе г. Волжскаго, что Успенскій „безусловно и прямолинейно осудилъ“ Тяпушкинскій, интеллигентскій вывихъ, „обезцѣнивая нравственное и общественное значеніе этого вывиха“, — мы можемъ принять только *сuius generis*: *черезчуръ* прямолинейное осужденіе скорѣе принадлежитъ самому критику.

На этомъ мы собственно могли бы и разстаться съ очеркомъ г. Волжскаго объ Успенскомъ, но намъ хочется отмѣтить еще одну, второстепенную, хотя небезынтересную подробность. Г. Волжскій справедливо отвергаетъ, какъ грубую ошибку, сдѣланный г. Протопоповымъ Успенскому упрекъ въ проповѣдываніи „малыхъ дѣлъ“. Но въ опредѣленіи большого и малаго дѣла, какъ ихъ понималъ Успенскій, г. Волжскій и самъ путается, вслѣдствіе того, что хочетъ найти для того и другого какіе-то объективные признаки. „Въ большомъ дѣлѣ“, — объясняетъ критикъ, — „въ которомъ волей-неволей приходится вступать съ людьми и міромъ въ тысячи *сложнѣйшихъ отношеній*, много труднѣе быть всегда самимъ собой, чѣмъ въ маломъ, *несложномъ* дѣлѣ (курсивъ нашъ. А. Г.) Понятно, что въ послѣднемъ это равновѣсіе гораздо чаще встрѣчается, чѣмъ въ первомъ“ (стр. 43—44), — и вотъ, дескать, почему Успенскій чаще бралъ образцы такого равновѣсія изъ области малыхъ дѣлъ, нежели изъ области большихъ. Мы думаемъ какъ разъ наоборотъ: именно въ маломъ дѣлѣ душевное равновѣсіе всего менѣе возможно. Большое дѣло отличается, съ точки зрѣнія Успенскаго, отъ малаго только нашими субъективнымъ отношеніемъ къ тому и къ другому, а сложность или простота дѣла тутъ рѣшительно не при чемъ. Если въ дѣло вкладывается „вся душа“, если оно дѣлается „во всю“, — оно будетъ большое (и равновѣсія будетъ въ немъ больше), хотя бы оно состояло всего только въ „исправленіи сочиненій крестьянскихъ ребятишекъ на тему: „какъ я разъ испужался“ или: „какъ я разъ расшибся“. Оно будетъ малое, если мы сами считаемъ его малымъ и довольствуемся имъ только потому, что находимъ другое, большее въ нашихъ же глазахъ, дѣло неблаговременнымъ, какъ это съ полной откровенностью нѣкогда и объясняли недѣлиныскіе публицисты. Въмѣсто гармоніи тутъ-то и будетъ „дребезжанье трещины, какъ въ старомъ горшкѣ“. Г. Волжскій, слѣдуя своему произвольному подраздѣленію, причисляетъ, напр., къ представителямъ малаго дѣла Васю Хомякова, — того юнаго крестьянскаго парня, который уходитъ изъ деревни, чтобы „дѣлать пользу“ и при томъ „конечно, всѣмъ“, „потому что въ теперешнее время всякій дѣлаетъ зло, а зло надо искоренять“; онъ объявляетъ своему бывшему учителю („расколотому“ интелли-

генту, отъ лица котораго ведется разсказъ), что „готовъ отдать душу за обиженного человѣка“, а разсказчикъ уже отъ себя съ тайной завистью добавляетъ: „Я видѣлъ, что это дѣйствительно вѣрно, и что жизнь свою онъ отдастъ“. Это дѣло, конечно, несложное, но Успенскій не считалъ его малымъ, и если онъ рѣдко обращался къ большимъ дѣламъ за примѣрами душевнаго равновѣсія, то надо полагать, что не въ виду ихъ чрезвычайной сложности...

II.

Очерки объ Успенскомъ и о Достоевскомъ у г. Волжскаго, какъ онъ и самъ предупреждаетъ, ничѣмъ не связаны другъ съ другомъ; а между тѣмъ сопоставленіе этихъ двухъ художниковъ напрашивается само собою. Оба они художники „внутренняго раскола“, поэты страданія,—и сталкиваются между собою такъ рѣзко, какъ возможно сталкиваться, только вращаясь въ одной и той же сферѣ. Успенскій, истерзанный неуравновѣшенностью и противорѣчіями жизни, искалъ успокоенія въ мысли о свѣтлой гармоніи будущаго и стремился къ возможному ея воплощенію въ настоящемъ; Достоевскій для удовлетворенія нарушенной гармоніи требовалъ возмездія и мучительно каралъ своихъ героевъ. Успенскій былъ поэтъ любви къ людямъ и ненавидѣлъ только то, что заставляетъ ихъ страдать; Достоевскій былъ еще въ большей степени, чѣмъ поэтъ любви, поэтъ мучительства, и въ „культѣ страданія“ былъ дѣйствительно призваннымъ жрецомъ... При такой противоположности между ними мудрено, въ сущности, испытывать одновременную и одинаковую симпатію къ писательской фізіономіи обоихъ; но г. Волжскій это можетъ, и у него это понятно, такъ какъ и того, и другого онъ, собственно говоря, воспринимаетъ больше логически.

Если въ Успенскомъ онъ бралъ публициста, то въ Достоевскомъ онъ беретъ моралиста и философа. Если тамъ онъ разбираетъ теоретическій вопросъ о взаимномъ отношеніи долга и воли, то здѣсь онъ рѣшаетъ проблему свободы воли, личной ответственности и детерминизма. Если тамъ у него былъ готовый аналитическій матеріалъ въ исповѣди Тяпушкина, то здѣсь такимъ матеріаломъ ему служатъ рѣчи Ивана Карамазова. И тамъ, и здѣсь онъ не объединяетъ, не обобщаетъ художественные образы, а больше разбираетъ разсужденія героевъ; не возсоздаетъ синтезомъ основное творческое чувство или, по его выраженію, „художественное психологическое а priori“ авторовъ, а, наоборотъ, разрушаетъ это „психологическое а priori“ и Успенскому-художнику приписываетъ отсутствующую у него узкую отвлеченную прямолинейность, а у Достоевскаго подста-

вляеть на мѣсто мучительской жилки и еще чего-то, о чемъ мы скажемъ дальше,—небывалое у него всепрощающее смиреніе.

Вотъ слова Ивана Карамазова, на которыхъ построенъ анализъ г. Волжскаго: „О, по моему, по жалкому, земному эвклидовскому уму моему, я знаю лишь то, что страданіе есть, что виновныхъ нѣтъ, что все одно изъ другого выходитъ прямо и просто, что все течетъ и уравнивается,—но вѣдь это лишь эвклидовская дичь, вѣдь я знаю же это, вѣдь жить по ней я не могу же согласиться! Что мнѣ въ томъ, что виновныхъ нѣтъ и что все прямо и просто одно изъ другого выходитъ, и что я это знаю,—мнѣ надо возмездіе, иначе вѣдь я истреблю себя“... Тутъ на-лицо полностью антиномія необходимости и свободы, причинной обусловленности воли и личной отвѣтственности чело-вѣка за его поступки,—и г. Волжскій подробно доказываетъ, что Достоевскій разрѣшаетъ эту антиномію совершенно въ кантовскомъ духѣ, при чемъ „нечего и говорить“, добавляетъ критикъ, „что совпаденіе это съ обѣихъ (sic!) сторонъ безсознательное“. Для насъ важенъ результатъ: въ жизни невозможно не признавать отвѣтственности,—и Кантъ, и Достоевскій (какъ и всѣ мы) признають ее.

Но мы, прочіе, ищемъ, кромѣ отдѣльныхъ виновниковъ, еще тѣ общія условія, которыми порождаются страданія въ мірѣ. Достоевскій же, который на первыхъ порахъ тоже искалъ ихъ и находилъ въ крѣпостномъ правѣ, впоследствии „глубже претворилъ великую проблему своего времени“; онъ, по мнѣнію г. Волжскаго, „черезчуръ далеко проникъ своимъ анализомъ въ самую глубь человѣческой души“, чтобы вообще удовлетвориться простымъ общественнымъ рѣшеніемъ вопроса (стр. 138 и 142). И вотъ почему „крѣпостное право, какъ отвѣтъ на вопросъ: кто виновать?—данный лучшими людьми 40-хъ годовъ, замѣняется у Достоевскаго... общимъ мировымъ порядкомъ“ (170). Со временъ Миртова народники стали говорить объ отвѣтственности за цѣну прогресса и о долгѣ передъ народомъ, и въ этомъ критикъ видитъ у нихъ нѣчто общее съ Достоевскимъ, но „покаянное чувство Достоевскаго“ отличается отъ этихъ идей „несравненно болѣе широкимъ объемомъ“ (174). „Достоевскій свое пониманіе виновности раздвигаетъ до необъятныхъ предѣловъ“ (176): онъ сознаетъ, что каждый „пріобщившійся міру“ становится отвѣтственнымъ за все всемірное зло.

Но если отвѣтственны всѣ, значитъ, опять-таки, въ отдѣльности не виновать никто,—опять-таки, выходитъ „эвклидовская дичь“. При томъ во всякомъ случаѣ ужъ не повинны дѣти, — ихъ необходимо исключить, ихъ и исключалъ Достоевскій... А виноватаго все-таки надо найти непременно, во что бы то ни стало. Такъ кого же, наконецъ, завинить?

Истолковывая Достоевскаго, критикъ отвѣчаетъ такъ: „Уставъ

искать лично виновнаго, недоумѣвая, съ кого спрашивать то, что творится въ мірѣ, Достоевскій взваливаетъ, наконецъ, отвѣтственность за огромность мірового страданія на совѣмного страдальца, но,—замѣтите,—на того страдальца, къ которому страшный вопросъ: кто виноватъ?“ (150). Этотъ страдальца Достоевскій и передаетъ „покаянному самообвиненію и „самораспятію“ (выраженія г. Волжскаго).

Не знаемъ, какъ вы, читатель, а насъ это разсужденіе рядкомъ утомило, тѣмъ болѣе, что антиномія вѣдь такъ и осталась антиноміей,—ее не разрѣшили ни Достоевскій, ни Кантъ, и выводъ явился, въ сущности, неожиданно: Достоевскій просто устать, оказался въ недоумѣніи, съ кого спрашивать, и, въ концѣ концовъ, „взвалилъ“ отвѣтственность на кого-то.

Но на кого именно? Въ этомъ все дѣло. Г. Волжскій и черкиваетъ, что не на всякаго страдальца, а только на сознательнаго, — именно на того, кто самъ мучается „страшнымъ вопросомъ“. Этотъ выводъ, во всякомъ случаѣ, интересенъ вдвойне какъ новая мысль о Достоевскомъ и при томъ такая, которая раскрываетъ „быть можетъ, наиболѣе жизненный нервъ“ всего творчества. Надо взглянуть, какимъ конкретнымъ содержаніемъ наполняетъ ее г. Волжскій. Онъ пишетъ:

„Одни герои Достоевскаго приходятъ къ покаянному самообвиненію на почвѣ собственныхъ дерзновенныхъ попытокъ „преступить“: таковы Раскольниковъ, Дмитрій Карамазовъ и т. д.; другіе... приходятъ къ тому же сознанию, помимо какихъ бы то ни было личныхъ преступленій. Самъ же Федоръ Михайловичъ (т. е. Достоевскій) шелъ обоими путями... Свое глубокое покаянное чувство онъ вынесъ уже изъ Мертваго Дома, заключивъ свой гениальный разсказъ о немъ выразительными словами: „А кто виноватъ? То-то, кто виноватъ!“ (167). Придя къ покаянію, герои Достоевскаго каются уже „не только за свой личный грѣхъ, нѣтъ, они возвышаются тогда до вселенскаго покаянія. Личное преступленіе служитъ только психологической почвой, вступающей на которую они приходятъ къ сознанию своей отвѣтственности предъ всѣми и за все. Катастрофа ихъ личной жизни только способствуетъ имъ дострадаться до этого великаго сознанія; сама же огромность ихъ вины, неоплатная задолженность и необходимость покаяннаго смиренія лежали на нихъ всей тяжестью до преступленія, хотя они въ дерзновенной гордынѣ своей и не сознавали этого“ (161). Не одни только „преступившіе“, но и такіе безгрѣшные, по выраженію г. Волжскаго, „прекрасные образы неземной красоты“, какъ Алеша Карамазовъ, князь Мышкинъ въ „Идіотѣ“, старецъ Зосима, — приходятъ къ сознанию своей виновности предъ всѣми и за все.

Итакъ, независимо отъ фактической личной виновности, каж-

дый ставящий себя страшный вопрос: „кто виновать?“ — самъ и есть этотъ виноватый.

Дойдя до этого пункта, анализъ, очевидно, уже не можетъ на немъ остановиться: Достоевскій самъ размышлялъ надъ „страшнымъ вопросомъ“,—слѣдовательно, онъ долженъ былъ прежде всего и больше всего завинить самого себя. Этотъ логическій выводъ съ полной неустрашимостью и дѣлаетъ г. Волжскій; этотъ же выводъ и есть вѣнецъ его анализа.

„Измученный своимъ исканіемъ, Достоевскій возлагаетъ всю вину на свою собственную совѣсть“; „онъ взваливаетъ всю вину на свою собственную изстрадавшуюся и изболѣвшую душу“, говоритъ нашъ критикъ. „Охваченный покаяннымъ настроеніемъ, Достоевскій провозглашаетъ виновность свою предъ всѣми и за все, и готовъ отдать себя на полное растерзаніе изболѣвшей совѣсти.“ „Достоевскій... взялъ крестъ и пошелъ на муки. Всепрощеніе и покаянное чувство Достоевскаго, обильно разлитыя по широкому полю его творчества, только лишь художественное выраженіе того, какъ великій писатель исповѣдуетъ Христа. Это сближаетъ Достоевскаго съ... Л. Н. Толстымъ... Припомните, хотя бы, сколько именно этого покаяннаго самообвиненія и всепрощающаго смиренія разлито въ „Воскресеніи“ (стр. 159, 54 и 169).

Большого сходства съ „Воскресеніемъ“, положимъ, что и нѣтъ: тамъ фактическій виновникъ созналъ свою опредѣленную вину и стремится опредѣленнымъ же образомъ ее исправить, не растекаясь мыслью по древу вселенскаго зла. Но г. Волжскій иногда никакъ не можетъ воздержаться отъ параллелей. Мы уже видѣли, что онъ сближаетъ Достоевскаго съ кающимися „должниками“ народа, хотя между этою „узкой“, т. е. вполне реально понимаемой и погашаемой задолженностью и „широкою“, но безпредметною отвѣтственностью передъ всѣми и за все, казалось бы, трудно отыскать дѣйствительную точку соприкосновенія. Но этого мало: критикъ ухитряется въ то же самое время открыть у Достоевскаго нѣчто общее даже и съ... марксизмомъ, такъ какъ для обоихъ, для Достоевскаго и для марксизма, „народъ — все, а интеллигенція — *quantité négligeable*“, и, сверхъ того, оба „вѣрятъ въ процессъ стихійнаго развитія народа“. Эти сближенія тоже характерны для метода г. Волжскаго, такъ какъ всѣ они построены на какомъ-нибудь чисто-формальномъ признакѣ.

Вернемся, однако же, къ вѣнцу его анализа. „Достоевскій возлагаетъ всю вину на свою собственную совѣсть“. Вѣдь это тотъ центръ, въ которомъ беретъ начало, „быть можетъ, наиболѣе жизненный нервъ всего творчества“ великаго художника,—то средоточіе, около котораго должны группироваться самые живые,

самые художественные изъ всѣхъ созданныхъ имъ образовъ. Отъ этой точки мы и обязаны теперь отправляться.

Будь г. Волжскій меньше увлеченъ своею діалектикой, самая простая логика чувства не замедлила бы ему подсказать, что если человѣкъ принялъ на себя вину за все зло и за всѣ страданія міра, то вѣдь нѣтъ той страшной казни, которой бы онъ не долженъ былъ себя предать для утоленія душевныхъ мукъ. Правда, почтенный критикъ и не усомнился написать чернымъ по бѣлому, что „Достоевскій взялъ крестъ и пошелъ на муки“; но онъ долженъ будетъ сознаться, что это сказано больше для красоты слога или, вѣрнѣе, для заключенія цѣпи силлогизмовъ. Ему, конечно, извѣстно, какъ и всѣмъ, что вторую половину своей жизни авторъ „Преступленія и наказанія“ прожилъ вполне благополучно, нѣжился на лаврахъ славы, вдыхалъ ея міамъ поклоненія и восторговъ и не только не казнилъ самого себя, но и въ романахъ, и въ „Дневникѣ“ казнилъ великое множество ближнихъ... Вопросъ, такимъ образомъ, нѣсколько осложняется.

Почти забытый теперь „Дневникъ писателя“, начатый Достоевскимъ еще въ „Гражданинѣ“ собственной редакціи, продолжавшійся отдѣльнымъ изданіемъ, рисуетъ своего автора съ необыкновенною отчетливостію. Онъ вполне убѣждаетъ насъ въ томъ, что Достоевскій, боецъ отъ природы, никогда и не переставалъ имъ быть, не смотря на крутую перемену фронта; а судьба сдѣлала его проповѣдникомъ. Это одинъ изъ тѣхъ любопытныхъ парадоксовъ дѣйствительности, которыми не оскудѣваетъ русская жизнь. Оказавшись проповѣдникомъ и въ то же время не переставъ быть бойцомъ, Достоевскій долженъ былъ сдѣлаться и сдѣлался проповѣдникомъ воинствующимъ. Крившееся въ этомъ положеніи внутреннее противорѣчіе съ теченіемъ времени не только не сглаживалось, а, наоборотъ, углублялось и обострялось. Достоевскій все плотнѣе усаживается на своей каеедрѣ, все больше входитъ въ свою новую роль; онъ даже пророчесуетъ (хотя, кажется, ни одно изъ его смѣлыхъ политическихъ прорицаній, касавшихся иностранныхъ отношеній Россіи, не сбылось); даже языкъ его начинаетъ постепенно превращаться изъ живого разговорнаго въ тягучій, учительный и нѣсколько какъ бы елейный (это замѣтно не только въ „Дневникѣ“, но отражается отчасти и въ романахъ; напр., языкъ „Преступленія и наказанія“ несравненно свѣжѣе, живѣе, свободнѣе и проще, мы сказали бы даже богаче, языка „Карамазовыхъ“, написанныхъ много позже). И въ то же время съ высоты этой каеедры онъ пускаетъ все болѣе частыя и все болѣе ядовитыя стрѣлы въ прежній дружественный, а теперь непріятельскій станъ. Подъ конецъ, все не покидая учительства, онъ увлекается настоящею войною,—войною съ Турціей. Начиная съ 1876 года, „Дневникъ“ наводненъ пророчествами рядомъ съ обличеніями, проповѣдью всечеловѣческой миссіи русскаго на-

рода рядомъ съ непрерывными желчными выходами противъ нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, мечтами о Царь-Градѣ, панегириками ген. Черняеву и т. д., и т. д. Не довольствуясь непосредственными національными мотивами, Достоевскій пускаетъ въ ходъ старый парадоксъ о пользѣ войны вообще, какъ средства къ поднятію въ людяхъ духа, благородныхъ чувствъ и пр., но во избѣжаніе явнаго „соблазна“ (все-таки неловко съ каедритом!) вкладываетъ это разсужденіе въ уста третьему лицу, какому-то „парадоксалисту“, а самъ только подаетъ ему, для приличія, коротенькія, умышленно безсодержательныя реплики, такъ что парадоксъ въ сущности и остается непровергнутымъ. Подобнаго рода лукавство и вообще не было чуждо Достоевскому, очевидно, сознававшему иногда неудобство двойственной роли. Полемизируя, напр., съ однимъ журналомъ, предостерегавшимъ противъ чрезмѣрнаго увлеченія войною, онъ вдругъ сворачиваетъ на Биконсфильда, которому эта война потому-де непріятна, что въ ней „наши разрушительные элементы должны будутъ принять иное направленіе“. Вы видите, что стрѣла полна яду, и что направлена она вовсе не въ Биконсфильда, а куда-то гораздо ближе... Чтобы быть краткимъ и все-таки напомнить, какой характеръ принимала иногда проповѣдь Достоевскаго, мы приведемъ всего одинъ еще примѣръ (изъ массы аналогичныхъ), примѣръ уже изъ совершенно другой области и совершенно въ другомъ родѣ. Это будетъ небольшая тирада изъ „Дневника писателя“, по поводу оправдательныхъ вердиктовъ дѣвушкамъ-матерямъ, имѣвшимъ несчастіе стать убійцами своихъ новорожденныхъ младенцевъ: „Заберется интересная, симпатичная дѣвица въ укромный уголокъ,—и вдругъ съ ней тамъ обморокъ, и она ничего далѣе не помнитъ, и вдругъ, откуда ни возмись, ребеночекъ, дерзкій, крикса, ну, и попадетъ нечаянно въ самую влагу, ну, и захлебнется... Этакую и судить нельзя! Бѣдная, обманутая, симпатичная дѣвочка, ей бы только конфетки кушать, а тутъ вдругъ обморокъ, и какъ вспомнишь еще, вдобавокъ, Маргариту, Фауста (изъ присяжныхъ встрѣчаются иногда чрезвычайно литературные люди), то какъ судить,—невозможно судить, а надо даже подписку сдѣлать“ *). Не правда ли: остроумно и даже весело, но на всепрощеніе что-то мало похоже; похоже тѣмъ меньше, что вѣдь здѣсь кара призывается на головы, можетъ быть, никогда и не подозрѣвавшія самаго существованія „страшнаго вопроса“ о виновникѣ всемірнаго зла... Надо, словомъ, сознаться, что и „всепрощающее смиреніе“ Достоевскаго тоже пріемлемо развѣ только съ крупицей соли.

Пусть же теперь пройдутъ передъ нами всѣ тѣ земные и неземные образы, которые должны были расцвѣсти именно вокругъ этого „жизненнѣйшаго нерва“ въ творчествѣ великаго художника.

*) Собр. соч., изд. А. Маркса, т. X, стр. 193.

Г. Волжскій относитъ сюда шесть фигуръ (мы не пропустили ни одной): Алешу Карамазова, старца Зосиму и князя Мышкина, которыхъ онъ называетъ „прекрасными образами неземной красоты“, затѣмъ Маркела (брата Зосимы), Дмитрія Карамазова и, наконецъ, Раскольниковъ. Оставляя въ сторонѣ старца Зосиму, который передъ нами не живетъ, а учитъ,—не мы одни находимъ, что Алеша не реальный художественный образъ, а призрачная, безтѣлесная и тенденціозная абстракція. Въ князѣ Мышкинѣ („Идіотъ“), конечно, гораздо больше жизни, но за то въ немъ нравственный типъ настолько осложненъ и затемненъ типомъ патологическимъ, что выдѣлить первый нѣтъ возможности. Маркель, о которомъ Зосима рассказываетъ въ своемъ предсмертномъ поученіи, едва-едва показанъ читателю въ туманѣ далекихъ, еще дѣтскихъ воспоминаній старца. Остаются, слѣдовательно, Дмитрій Карамазовъ и Раскольниковъ; но развѣ они выражаютъ собою то, что имъ приписываетъ критикъ? Дмитрій, послѣ убійства его отца, во всей спѣнѣ слѣдствія въ Мокромъ, на которую ссылается г. Волжскій, находится въ какомъ-то бреду, гдѣ только что пережитая пьяная оргія, бѣшеная страсть къ Грушенькѣ, внезапность страшнаго и несправедливаго, но настойчиваго обвиненія, — все смѣшалось въ удручающій, чадный и угарный хаосъ, и покаянный порывъ, охватившій несчастнаго въ эту минуту, въ послѣдствіи не только ослабѣваетъ, а уступаетъ мѣсто рѣшимости ускользнуть отъ незаслуженной кары, рѣшимости, которую одобряетъ даже Алеша. Еще удивительнѣе совсѣмъ уже неожиданная ссылка на Раскольниковъ, о которомъ критикъ неизвѣстно почему пишетъ, будто онъ „покаялся и принялъ крестъ страданій... покаялся не только въ убійствѣ старухи и сестры ея, но уже въ чемъ-то гораздо большемъ, въ дотошѣ несознанной, но великой своей задолженности и грѣховности предъ всѣми и за все“ (162). Смѣемъ увѣрить г. Волжскаго, что это чистѣйшая фантазія, и что Раскольниковъ не каялся, не только когда доносилъ на себя, но даже и потомъ, уже на каторгѣ, въ Сибири. По крайней мѣрѣ, Достоевскій, которому это лучше извѣстно, говоритъ: „И хотя бы судьба послала ему (Раскольникову) раскаяніе,—жгучее раскаяніе, разбивающее сердце, отгоняющее сонъ, такое раскаяніе, отъ ужасныхъ мукъ котораго мерещатся петля и омутъ! О, онъ бы обрадовался ему! Муки и слезы — вѣдь это тоже жизнь. Но онъ не раскаивался въ своемъ преступленіи“ *). И когда, на берегу Енисея, Раскольниковъ упалъ къ ногамъ Сонечки, это тоже еще не было покаяніе, это была любовь. Уже въ самыхъ послѣднихъ, заключительныхъ строчкахъ романа авторъ говоритъ: „Тутъ начинается новая исторія,—исторія постепеннаго обновленія чело- вѣка... Это могло бы составить тему новаго разсказа, но тепереш-

*) Сочиненія, т. V, стр. 539.

ній разсказъ нашъ оконченъ“, — и напрасно критикъ рѣшился продолжать его отъ себя.

Мы приходимъ, — и, кажется, не безъ серьезныхъ основаній, — къ тому выводу, что истинный творческій нервъ Достоевскаго лежитъ во всякомъ случаѣ не тамъ, гдѣ думаетъ его видѣть г. Волжскій, и что вызванные имъ передъ нами герои не могутъ быть даже сколько-нибудь удовлетворительными иллюстраціями къ евангельскому тексту: безгрѣшные — по своей безжизненной блѣдности, а „преступившіе“ — вслѣдствіе отказа принять обрушивающуюся на нихъ кару. Но такова уже сила традиціи, ведущей свое начало чуть ли не отъ Ореста Миллера, получившей полную дань и отъ гг. Волынскаго съ Мережковскимъ, а теперь, наконецъ, и отъ г. Волжскаго. Вокругъ Достоевскаго создалась, если можно такъ выразиться, критическая легенда. Съ непостижимымъ постоянствомъ превозносятъ въ Достоевскомъ какъ разъ то, что въ немъ, какъ художникъ, наиболѣе слабо, ищутъ (и находятъ) даже и такое, чего у него вовсе нѣтъ.

Г. Волжскій особенно напираетъ на *добровольность* страданія у Достоевскаго: „страданіе — вотъ расплата, которую онъ (Достоевскій) предлагаетъ, но, не надо забывать, — страданіе добровольное, *вытекающее, какъ внутренне-неизбѣжный выводъ изъ самаго сознанія вины, изъ самаго покаянія* (курсивъ нашъ. А. Г.), а не внѣшне-принудительное. Достоевскому дѣйствительно присущъ культъ страданія (онъ создалъ апоэозъ страданій), но страданія добровольнаго, покаяннаго и внутренне-оправданнаго“ (177). Какъ безконечно это далеко отъ истины!.. Нѣтъ, Достоевскій вась караетъ, не справляясь съ тѣмъ, хотите ли вы кары или нѣтъ.

Мы говоримъ теперь о блужданіяхъ критики, злоупотребляющей анализомъ въ ущербъ синтезу, а не специально пишемъ о Достоевскомъ, и потому мы можемъ здѣсь только въ общихъ чертахъ намѣтить то направленіе, въ которомъ, какъ намъ кажется, пролегалъ дѣйствительный „нервъ“ его творчества. Вотъ двѣ большія вѣхи, обозначающія это направленіе и поставленные самимъ художникомъ. Прежде всего — „преступленіе“, и именно преступленіе мысли, т. е. имѣющее своимъ источникомъ дерзновенный „бунтъ“ мысли противъ общественныхъ установленій или божественнаго порядка. Затѣмъ, какъ послѣдствіе преступленія, — кара, — кара во что бы то ни стало, кара фатально неизбѣжная, но которая, однако, не только не вытекаетъ непременно изъ покаянія, какъ это думаетъ г. Волжскій, а, наоборотъ, — не можетъ и не должна ни въ какомъ случаѣ изъ него вытекать, иначе она переносилась бы легко, а художникъ хочетъ и требуетъ, чтобы она была мучительна; вотъ почему у Раскольникова она, какъ мы видѣли, и предшествуетъ покаянію; у Ивана Карамазова, какъ увидимъ, — тоже; а это — двѣ главные фигуры, равныхъ которымъ по значенію у Достоевскаго нѣтъ.

Эта тема, однажды завладѣвъ Достоевскимъ и вылившись въ его шедеврѣ, въ „Преступленіи и наказаніи“, въ 1866 году, съ тѣхъ поръ уже не покидала художника. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ подробно слѣдить за ея постепеннымъ развитіемъ,—замѣтимъ только, что будущій теоретическій „бунтъ“ Ивана Карамазова неложенъ почти цѣликомъ въ одной изъ главъ „Дневника писателя“ уже въ 1876 году, въ видѣ предсмертнаго разсужденія „одного самоубійцы отъ скуки, разумѣется, матеріалиста“ *). Спустя тринадцать лѣтъ послѣ „Преступленія и наказанія“, въ 1879 году, уже почти въ концѣ своей жизни, Достоевскій опять возвращается къ той-же темѣ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, какъ Гёте на склонѣ жизни вернулся къ „Фаусту“ и написалъ его вторую часть. Разница въ пользу русскаго романа, представляющаго полную и огромную художественную цѣнность, не мѣшаетъ видѣть и черты сходства съ метафизическимъ послѣдствиемъ великаго германскаго генія: присутствіе символовъ (подловатый чортъ, являющійся Ивану Карамазову въ горячечномъ бреду и играющій роль далеко не галлюцинаціи только; плачущее „дитѣ“ въ сновидѣніи Дмитрія послѣ допроса) и въ особенности — сложную теоретичность всего замысла и всей конструкціи романа. Бремя преступленія,—которое Раскольниковъ несъ одинъ, совмѣщая въ своемъ лицѣ и „бунтующую“ мысль, и исполнителя, и наказаннаго,—въ „Карамазовыхъ“ поляризуется между Иваномъ и Смердяковымъ, а внѣшнюю кару художникъ обрушиваетъ на третьяго, неповиннаго уже ни духомъ, ни тѣломъ,—на Дмитрія,—чтобы сдѣлать ее еще болѣе чувствительною для Ивана. Здѣсь вся концепція драмы и утонченнѣе теоретически, и вмѣстѣ съ тѣмъ несравненно жесточе. Тамъ дерзновеніе было только наказано, здѣсь оно предано поруганію. Сама мысль Ивана въ своемъ дерзновенномъ отрицаніи неизмѣримо теоретичнѣе, смѣлѣе и обширнѣе, чѣмъ у Раскольникова. И эту-то недосыгаемо-высокую въ своей „гордыни“ мысль художникъ заставляетъ воплотиться въ омерзительно-низкомъ дѣяніи лакея Смердякова. Какія-то тайныя нити связываютъ мыслителя съ лакеемъ: между ними существуетъ, можетъ быть, даже (незаконное) кровное родство, и въ то время какъ остальные братья относятся къ Смердякову исключительно и просто, какъ къ лакею (что понятно у Дмитрія, но поразительно у любящаго всѣхъ и все Алеши), одинъ только Иванъ неудержимо влечется какою-то магнитною силой къ опаснымъ разговорамъ съ нимъ,—и въ концѣ-концовъ становится его безсознательнымъ сообщникомъ. Отвлеченная мысль Ивана воплотилась въ конкретномъ смердяковскомъ дѣяніи съ такою объективной несомнѣнностью, что, откройся дѣйствительная роль лакея въ убійствѣ старика,—

*) Собр. соч., т. X, стр. 349—352.

искусно поставленное обвинение могло бы, и не без надежды на успехъ, выставить Ивана главнымъ, интеллектуальнымъ виновникомъ преступленія. Да онъ и самъ, уже въ горячкѣ, но еще въ полномъ сознаниі, во всеуслышаніе объявляетъ на судѣ свою готовность принять вину на себя. Но каяться въ своемъ теоретическомъ дерзновеніи онъ и не думаетъ, а кару онъ все-таки понесетъ безконечную, вѣчную, хотя бы и удался планъ избавленія Мити: чего будетъ стоить одно воспоминаніе о Смердяковѣ,—этомъ, по чудовищной ироніи судьбы и художника, „ученикѣ“ и, можетъ быть, братѣ, который такъ и удавился въ полномъ убѣжденіи, что Иванъ дѣйствительно подталкивалъ его на убійство отца... Такимъ образомъ, въ „Карамазовыхъ“ идея „Преступленія и наказанія“ освободилась отъ всѣхъ своихъ матеріальныхъ оболочекъ и выразилась въ почти метафизически-чистомъ видѣ: дерзновеніе мысли *само по себѣ* влечетъ за собою неизбывную кару. И Достоевскій тутъ вылился весь. Онъ самъ „созерцалъ обѣ бездны,—вѣры и невѣрія“. Его увлекало могущество мысли и приводила въ негодованіе ея гордыня. Личная драма раздавила, переломила его пополамъ, и вторая его половина—„смирренная“—возненавидѣла первую, дерзновенную, возненавидѣла такъ, что все ея смиреніе было отравлено этой враждою. Чтобы безпощаднѣе посрамить и жестоко казнить дерзновеніе, онъ возноситъ его на небывалую, головокружительную высоту, чуть не выше „бунта“ уравновѣшеннаго гѣтевскаго Прометея, — и становится поэтому дерзновеніемъ—поруганнаго дерзновенія мысли. Здѣсь, на нашъ взглядъ, и скрывается своеобразная и мрачная, поистинѣ „инфернальная“ мощь этого „расколотаго“ отъ вершины до основанія исполинскаго таланта...

Ал. Гуновскій.

Н О В Ы Я   к н и г и .

Изабелла Гриневская. Бабъ. Драматическая поэма изъ исторіи Персіи въ 5 дѣйствійхъ и 6 картинахъ. Спб. 1903.

А. Ягодинъ. „Изъ древняго Рима“. Трилогія. Москва. 1903.

Два забытыхъ рода драматическаго творчества обновляются въ наше время: драмы экзотическія и драмы патріотическія,—и въ этомъ можно видѣть признакъ времени. Какъ въ то предразсвѣтное время, когда Несторъ Кукольникъ переходилъ отъ князей „Скопинъ-Шуйскихъ“ и „Холмскихъ“ къ „Роксоланамъ“, „Эвели-

намъ де Вальероль“, „Мости“ и „Санназаро“ и патетически во сладость патриотамъ своего отечества и на погибель злополучному Полевому изображалъ, какъ „Рука Всевышняго отечество спасла“: такъ и мы отдаемъ дань сюжетамъ запредѣльнымъ и благонамѣреннымъ. За „Измаиломъ“ „Суворовъ“, за „Севастополемъ“ „1812 годъ“, драматизированные мифы, сказки иного міра—далекаго отъ насъ во времени или въ пространствѣ. Причинъ этому, конечно, не мало, но, кажется, простѣйшая изъ нихъ та, что такія вещи писать легче: легче и пріятнѣе въ разныхъ отношеніяхъ. Къ „Измаилу“ и „Севастополю“ приходятъ по линіи наименьшаго сопротивленія: есть готовыя формы, меньше отвѣтственности предъ дѣйствительностью, обезпеченіе успѣхъ, не глубокой, но удобный—и такъ далѣе. Да и помимо этого, усталая мысль, жаждущая идеализаціи, ищущая могучихъ образовъ героизма картиннаго, красочнаго, романтическаго, легче найдетъ все это въ Измаилѣ, въ Персіи, въ древнемъ Римѣ, чѣмъ въ настоящемъ своемъ творчествѣ.

По отношенію къ „Бабу“ это указаніе на наименьшее сопротивленіе можетъ показаться несправедливымъ. Труда на эту пьесу затрачено не мало; ужъ эрудиціи въ ней во всякомъ случаѣ достаточно.

Въ краткомъ предисловіи, сопровождающемъ пьесу, г-жа Гриневская выражаетъ сожалѣніе, что „имя Баба и его ученіе мало извѣстны у насъ даже въ образованной средѣ“; она пытается заимолвить этотъ пробѣлъ нашего образованія, и потому „въ предлагаемой драмѣ воспроизведена эта эпоха новѣйшей исторіи Персіи на основаніи наиболѣе достовѣрныхъ источниковъ, каковы: „ислѣдованія покойнаго профессора Каземъ-Бека, бывшаго начальника учебнаго отдѣленія Восточныхъ языковъ Азіатскаго департамента Тамазова, труды А. Г. Туманскаго и мн. др.“. Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ популярно-научнымъ сочиненіемъ; оцѣнить его съ этой стороны—очевидно, существенной для автора—быть можетъ, возьмутся специалисты по исторіи Востока. Но это не только книга для самообразованія—это также драма, пожалуй, предназначенная для сцены, и, въ качествѣ таковой, она подлежитъ сужденію не однихъ ученыхъ ориенталистовъ. Она написана вольнымъ—очень вольнымъ стихомъ съ богатыми—очень богатыми приемами. Герой ея—носитель и создатель возвышеннаго нравственно-религіознаго идеала—внушаетъ читателю глубокую симпатію, не смотря на то, что задерживаетъ дѣйствіе длинными монологами, въ которыхъ вдохновенно возвѣщаетъ основы своего гуманитарнаго ученія. За сокращеніемъ этихъ длиннотъ, довольно многочисленныхъ и иногда дурно дѣйствующихъ на естественное чувство мѣры, драма будетъ пригодна для сцены, особенно народной. Она пестра и картинна, какъ восточная жизнь, изображенная въ ней; ея постановка будетъ такъ же ярка,

какъ языкъ ея героевъ и положенія, въ которыхъ ихъ поставилъ авторъ. Здѣсь есть и гаремъ, и рынокъ въ Ширазѣ съ танцовщицами, дервишами, факиромъ со змѣями и продавцомъ свеклы на ослѣ, и ночное собраніе бабидовъ, и бой съ войсками въ древнихъ развалинахъ, и тюрьма въ покинутомъ дворцѣ, и смертная казнь; мучениковъ идеи разстрѣливаютъ, правда, за сценой, но залпъ слышенъ въ зрительномъ залѣ, и видны на крышахъ толпы, смотрящія на сцену. Это феерическое зрѣлище произведетъ, надо думать, на зрителей сильное впечатлѣніе, котораго не надо избѣгать въ наши дни, увязшіе въ сѣрой прозѣ будничнаго жанра. Это впечатлѣніе количественное по преимуществу, вѣроятно, достигнетъ кульминаціоннаго пункта въ той сценѣ, гдѣ вѣрный ученикъ Баба, нападая на солдатъ шаха—въ драмѣ они называются феррахъ,—воскликаетъ:

Грозить намъ плаха!
 Ха-ха! въ штыки!
 Мнѣ жаль, что у меня лишь двѣ руки!
 Ха-ха! грозить намъ плаха!
 Лишь двѣ руки имѣю я,
 Какъ жаль, за мной, друзья!

Зрителей можетъ успокоить лишь послѣдующій монологъ Баба, гдѣ онъ краснорѣчиво и трогательно протестуетъ противъ рѣзни: въ этомъ монологѣ около полтора ста стиховъ.

Трилогія г. Ягодина, можно сказать, противоположна драматической поэмѣ г-жи Гриневской. Если произведение послѣдней принадлежит не столько литературѣ, сколько сценѣ, трагедіи перваго литературны по преимуществу. Въ этомъ ихъ сильная и слабая стороны. Онѣ сдѣланы умѣло, развиваются послѣдовательно и законченно, увлекаютъ читателя въ дѣйствіе. Сильный и живой діалогъ можетъ доставить своей смѣлой и мѣткой формой неподдѣльное удовольствіе. Слабы характеристики дѣйствующихъ лицъ, особенно главныхъ—эпизодическія удались автору гораздо лучше. Все изображеніе страдаетъ нѣкоторой отвлеченностью; мелкія бытовые детали, вкрапленные тамъ и сямъ, гораздо больше говорятъ читателю о древнемъ Римѣ, чѣмъ большія линіи драмы, чѣмъ психика ея героевъ. Изъ трехъ драмъ трилогіи лучше другихъ вводная „пѣса въ одномъ дѣйствіи“ „Другъ Калигулы“, болѣе сжатая и болѣе содержательная. Но за то Неронъ—излюбленный образъ всемірной литературы—послѣ безчисленныхъ попытокъ дать художественное воплощеніе этой сложной и загадочной индивидуальности, поражаетъ своей блѣдностью. Авторъ какъ будто не только не сумѣлъ, но и не хотѣлъ внести что нибудь новое въ драматическую характеристику героя; да и вся картина древняго Рима въ его изображеніи не вызываетъ ни возраженій, ни одобренія: все какъ слѣдуетъ, все въ порядкѣ,

все незначительно. И боимся, — читатель подумает: стоило ли изъ-за этого тревожить древній Римъ?

Д. Ведрейсели (Д. К. Маліева). «Нетронутый уголокъ». Грузинскіе рассказы. Т. I. Спб. 1903.

„Нетронутый уголокъ“ — такъ называется первый изъ рассказовъ, вошедшихъ въ сборникъ г-жи Ведрейсели-Маліевой, но это заглавіе приличествуетъ и всему сборнику. Вся деревенская Грузія есть нетронутый просвѣщеніемъ и культурой уголокъ. Передъ читателемъ проходитъ рядъ темныхъ и разоренныхъ грузинскихъ помѣщиковъ, сохранившихъ, однако, кое-какія феодальныя замашки, и рядъ еще болѣе темныхъ и разоренныхъ крестьянъ. Нѣкоторые изъ рассказовъ г-жи Маліевой извѣстны читателямъ „Русскаго Богатства“. Художественная цѣнность ихъ не велика, но правдивость, съ которою авторъ рисуетъ быть и нравы обитателей своей прекрасной и несчастной родины, дѣлаетъ сборникъ достойнымъ всякаго вниманія. Мало въ этихъ рассказахъ свѣтлаго, радостнаго, но авторъ не пессимистъ, сгущающій мрачныя краски въ силу собственного мрачнаго взгляда на вещи. Автору чужда и сатирическая жилка. Онъ просто правдивый бытописатель, любящій свою родину и болѣющій ея болями.

На страшный бой или геніи и паразиты. Романъ въ рیمованныхъ стихахъ. Труды по изящной литературѣ нижегородца Г. Е. Косткина. Нижній-Новгородъ, 1902.

Кромѣ этого заглавія, на оберткѣ книги имѣется еще обозначеніе: „изданіе первое“ и эпиграфъ изъ Милля: „Все, что способствуетъ смѣшенію народностей и сліянію ихъ дарованій въ одинъ общій неразрывный союзъ, составляетъ великое благо для человѣческаго рода“. А на задней сторонѣ обложки напечатано: „Готовятся къ выпуску слѣдующіе труды того же автора, проживающаго въ Нижнемъ-Новгородѣ: Знаменитый и оригинальный полководецъ Суворовъ, хроника въ рیمованныхъ стихахъ. Поэтъ Пушкинъ, драма въ рیمованныхъ стихахъ. Необыкновенный бракъ, рассказъ въ прозѣ. Госпожа Виллеферанъ, романъ съ французскаго“.

Какъ видимъ, проживающій въ Нижнемъ-Новгородѣ Г. Е. Косткинъ усердно трудится на поприщѣ изящной литературы. О художественныхъ красотахъ лежащаго передъ нами произведенія г. Косткина мы судить не беремся. Пусть судить самъ читатель, а мы раскроемъ книгу на удачу.

Онъ сѣлъ на стулъ, вздохнулъ глубоко,
Какъ бы громаднѣйшій путь свершилъ,
Потерь себѣ зачѣмъ-то око

И взоръ, мечтая, въ садъ вперилъ;
Онъ взялъ, мечтая же, сигару
И, хлопнувъ въ задъ по портсигару,
Ее зажегъ и задымилъ (Стр. 61).

Или:

Онъ былъ бронею со жгучимъ взглядомъ.
Имѣлъ лицо съ пріятнымъ складомъ,
Гдѣ красовались: римскій носъ,
Три пучка шелковыхъ волось,
Изъ конхъ два зовутъ усами,
А третій «шпанской» бородой...
Ахъ, да!.. еще, читатель мой,
Прибавь и лосный (?) лобъ съ бровями
И вотъ тогда себѣ представь
Весь складъ лица сего героя (Стр. 76).

Или еще:

При томъ возокъ былъ очень тѣсный,
Не надлежащей чистоты;
А въ довершеніе тѣсноты
Сидѣлъ въ немъ кто-то неизвѣстный;
И этотъ кто-то ихъ спросилъ
Россійской рѣчью очень мерзкой:
«Гдѣ мнѣ пройти къ камердинерской?
Мнѣ баринъ жить въ ней предложилъ» (Стр. 299).

Такихъ „решованныхъ стиховъ“ въ книгѣ ровно 322 страницы... Мы имѣли терпѣніе прочитать всѣ эти 322 страницы, дабы разгадать, какое отношеніе къ роману имѣетъ эпиграфъ изъ Милля. Всѣ дѣйствующія лица романа—русскіе, за исключеніемъ еврея или, какъ выражается авторъ, купца „израильянскихъ кастъ“, Іакова Ребы. А профессія этого Іакова Ребы состоитъ въ сманиваніи и продажѣ молодыхъ русскихъ дѣвушекъ въ публичные дома. Въ эпилогѣ авторъ сообщаетъ, что

Сбыватель дѣвъ Іаковъ Реба
Сталъ миллионнымъ богачемъ,
Купилъ себѣ въ Парижѣ домъ
И сталъ жить въ заповѣдяхъ неба.

Но при чемъ тутъ „смѣшеніе народностей и сліяніе ихъ дарованій“, мы такъ и не догадались.

Шекспиръ. Томы I—IV (Библіотека великихъ писателей подъ ред. С. А. Венгерова). Спб. 1903.

Это красивое и дорогое изданіе относится къ категоріи такъ называемыхъ роскошныхъ изданій; однако, при оцѣнкѣ его надо имѣть въ виду, что есть роскошь и роскошь. Въ большинствѣ богато изданныхъ книгъ роскошь есть цѣль; ею долженъ быть соблазненъ покупатель, но читатель можетъ пройти мимо нея; съ текстомъ она связана слабо и нужна лишь для украшенія, но не для поученія. Не то мы имѣемъ въ новой серіи широко задуман-

ной и богато издаваемой „Библиотеки великихъ писателей“. Ей пришлось быть роскошной, такъ какъ она должна давать свѣдѣнія, которыя сообщить инымъ путемъ невозможно. И потому то, что въ другихъ изданіяхъ является элементомъ украшенія, здѣсь служить знанію. Иллюстраціи, взятые изъ разныхъ эпохъ и у разныхъ народовъ, должны показывать, какъ измѣнялось художественное пониманіе Шекспира, и какъ новыя пластическія формы вливали новое содержаніе въ традиціонные образы великаго поэта. Портреты знаменитыхъ исполнителей въ шекспировскихъ роляхъ и изображенія цѣлыхъ сценъ въ театральныхъ постановкахъ даютъ представленіе о сценическомъ воплощеніи драматурга, который не написалъ ни одной пьесы, не предназначенной для сцены. Новымъ попыткамъ дать театральное воплощеніе Шекспиру должны помочь разнообразные подлинные портреты дѣйствительныхъ личностей, выведенныхъ въ его историческихъ пьесахъ, и изображенія соотвѣтственныхъ ходу дѣйствія предметовъ внѣшней культуры: зданій, одеждъ, оружія, украшеній. Наконецъ, даже въѣ этого богатаго матеріала, имѣющаго прямое отношеніе къ Шекспиру, здѣсь нѣтъ ни одной иллюстраціи вплоть до орнаментальной концовки, заставки или рамки, которая не была бы заимствована изъ какого-нибудь подходящаго историческаго источника и, такимъ образомъ, не давала бы какого-нибудь полезнаго знанія. Все это разнообразіе нѣсколько пестро и не всегда послѣдовательно и потому съ эстетической стороны, пожалуй, вызываетъ кой-какія возраженія. Но эта точка зрѣнія здѣсь совсѣмъ не примѣнима: изданіе имѣетъ въ виду не художественную забаву, къ которой, надо сказать правду, сводятся въ громадномъ большинствѣ случаевъ иллюстраціи въ нашихъ книгахъ, а образованіе читателя: сообщеніе ему разнообразныхъ знаній, углубленіе пониманія Шекспировскаго творчества. Той-же цѣли должны служить историко-литературные элементы изданія: вводныя статьи и объяснительныя примѣчанія. Не всѣ вводныя этюды равноцѣнны; они принадлежатъ разнообразнымъ представителямъ науки и литературы, среди которыхъ есть и настоящіе знатоки Шекспира, стоящіе на высотѣ современной шекспирологіи, и широко образованные ученые, принесшіе въ новый для нихъ предметъ изученія обширныя знанія въ другихъ областяхъ исторіи литературы, и оригинальные мыслители, сумѣвшіе безъ научнаго аппарата сказать нѣчто свое о томъ, о чемъ сказано ужъ такъ много, и, наконецъ—и такихъ, пожалуй, больше всего—второстепенные литературные чернорабочіе, могущіе по пяти статьямъ о какой-нибудь пьесѣ Шекспира написать шестую, вполне благополучную и благопристойную. Въ этомъ разнообразіи есть, однако, нѣкоторое единство, которымъ мы обязаны редактору: статьи не грѣшатъ тѣмъ, что недавно еще было бы ихъ неизбѣжнымъ элементомъ. Въ нихъ нѣтъ панегирическаго пустословія, нѣтъ хва-

---

лений красотамъ формы, нѣтъ тщетнаго исканія „идеи“, воплощенной въ томъ или иномъ произведеніи. Это дѣловыя статьи, почти исключительно историко-литературныя, иногда филологическія, никогда, эстетическія. Центръ ихъ содержанія—уясненіе и оцѣнка тѣхъ элементовъ, которые можно назвать заимствованными въ шекспировскомъ творествѣ: изложеніе беллетристическихъ произведеній, сюжетомъ которыхъ пользовался Шекспиръ, отрывки изъ лѣтописныхъ повѣствованій, положенныхъ въ основаніе его драмъ, и попытки, если не точно опредѣлить, то хоть въ общихъ чертахъ охарактеризовать тотъ могучій творческій процессъ, который вдвухъ жизнь въ эти незначительные рассказы. Нѣтъ ничего болѣе поучительнаго, чѣмъ чтеніе Шекспира параллельно съ его источниками; трудно безъ этого повѣрить, какъ много онъ подчасъ бралъ у другихъ. Въ римскихъ драмахъ, напримѣръ, онъ выхватывалъ почти дословно изъ Плутарха цѣлыя монологи, цѣлыя сцены, и не второстепенныя, а считающіяся перлами шекспировскаго театра. И онъ считаются такъ-товыми не напрасно; онъ все-таки принадлежатъ не Плутарху а Шекспиру, ибо Плутархъ—только Плутархъ, а Шекспиръ величайшій изъ поэтовъ: это не банальность, а результатъ свѣжаго, обновленнаго и углубленнаго знакомства съ творчествомъ Шекспира. Въ томъ и проявляется съ особенной силой могущество его генія, что онъ мѣняетъ заимствованное лишь въ деталяхъ, лишь въ отѣнкахъ, и, однако, преобразуетъ его, запечатлѣвая его своимъ творчествомъ. Многочисленные примѣры этого разбросаны чуть не по всемъ вступительнымъ статьямъ новаго изданія Шекспира.

Мы хотѣли бы назвать его поистинѣ новымъ во всехъ отношеніяхъ, и съ этой точки зрѣнія хотѣли бы, чтобы въ немъ было больше новыхъ переводовъ. Конечно, въ этомъ редакторъ связанъ наличнымъ составомъ переводчиковъ: много ли такихъ, которые могутъ переводить Шекспира? Нѣтъ спора также, что среди старыхъ переводовъ, включенныхъ въ изданіе—должно отмѣтить, что они просмотрѣны и исправлены—есть много удачныхъ, иногда довольно точныхъ, иногда поистинѣ вдохновенныхъ. Но дѣло переводовъ великаго поэта должно идти впередъ; и послѣ Ир. Введенскаго можно переводить Диккенса и даже послѣ Жуковскаго можно—и необходимо—переводить Шиллера; и въ переводѣ Шекспира можно—и пора бы—дождаться новаго слова, а этого новаго слова не представляютъ—въ общемъ недурные—переводы г.г. Минскаго, Гнѣдича, Оедорова или г-жъ Ганзенъ и Чюминой. Мы сказали бы, что въ нихъ ново слишкомъ вольное отношеніе къ деталямъ подлинника; пожалуй, старые переводчики также отчасти грѣшили этимъ; но вѣдь ихъ средства были бѣднѣе,—и они какъ-то легче вдохновлялись духомъ оригинала. Между тѣмъ, съ тѣхъ поръ поэтический языкъ развился, средства передачи

сдѣлались богаче; возможно уже превзойти предшественниковъ, подойдя еще ближе къ Шекспиру. Онъ будетъ еще очень далекъ — и работы остается еще много. И именно поэтому нужна бы не спѣшная работа, отмѣченная по преимуществу стихотворной снаровкой, а бережная передача безсмертныхъ строкъ, въ каждой мелочи запечатлѣнная благоговѣніемъ. Такой Шекспиръ служилъ бы показателемъ не только индивидуальнаго дарованія переводчиковъ, но и общаго культурнаго уровня; мы дождемся его вѣрно не скоро. Новое русское изданіе, освѣжая, углубляя и распространяя пониманіе его, знаменуетъ собою новый успѣхъ въ усвоеніи Шекспира русской литературой.

П. Коганъ. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Изданіе С. Скирмунта. Москва, 1903.

Предназначенная для широкаго круга читателей, по преимуществу для учащейся молодежи, которую авторъ предполагалъ ввести во всеобщую исторію западно-европейскихъ литературъ, книга г. Когана удовлетворяетъ своей цѣли. Въ легкомъ очеркѣ она охватываетъ общій ходъ развитія западной литературы отъ средневѣковья до Байрона включительно. Авторъ съ болѣею охотой останавливается на характеристикѣ отдѣльныхъ вершинъ литературы, чѣмъ на уясненіи самаго процесса литературнаго развитія; но составитель общедоступной книги вообще можетъ отразить въ ней лишь современное состояніе науки, а не ея пожеланія и требованія. Наука исторіи литературы, можно сказать, еще въ зародышѣ; естественнѣе принять за образецъ классическія сочиненія ея прежняго подготовительнаго періода, и трудно требовать отъ автора популярнаго курса, чтобы онъ рисковалъ на самостоятельный путь, когда у него есть Геттнеръ и Шереръ. Въ общемъ „Очерки“ г. Когана даютъ довольно полную картину. Есть необъяснимые пробѣлы: насъ, напримѣръ, очень удивило невниманіе къ Боккачіо и Петраркѣ, къ Паскалю, къ г-жѣ Сталь, за счетъ которыхъ отмѣчаются явленія второстепенныя; есть неравномѣрность; но эти погрѣшности не существенны. Болѣе важнымъ представляется намъ то, что изложеніе, неожиданно прерванное на Байронѣ, является какъ бы незаконченнымъ. Ничто въ книгѣ не указываетъ на то, что ей предстояло быть оборванной на началъ прошлаго вѣка, и какъ оборванной — на романтизмъ. Вѣдь нельзя же считать романтизмъ какой-то основной гранью литературной исторіи Западной Европы: вѣдь она развивалась и далѣе, и это дальнѣйшее развитіе настолько далеко отъ современности, что, конечно, подлежитъ изученію. Да и самый романтизмъ представленъ съ какой-то странной односторонностью. Самъ авторъ указываетъ на общеевропейскій характеръ этого литературнаго движенія. Можно, правда, согла-

ситься съ нимъ, что какъ ложно-классическое—также междуна-
родное—направленіе получило болѣе яркое выраженіе во Фран-
ціи и осталось по преимуществу французскимъ, такъ романтизмъ
полное свое выраженіе получилъ въ Германіи и остался по пре-
имуществу нѣмецкимъ. Но сосредоточить все свое вниманіе въ
особой главѣ на Новалисъ и только упомянуть о Ламартинѣ и
Гюго, равно какъ о Шлегеляхъ, Тикѣ, Шлейермахерѣ—это ори-
гинальное изображеніе литературнаго развитія требовало бы объ-
ясненія, котораго мы не нашли въ книгѣ г. Когана. Такъ и хо-
чется видѣть на ея заглавномъ листѣ указаніе „томъ первый“;
но если что либо укрѣпляетъ въ насъ это желаніе, то ужъ, ко-
нечно, не отмѣченный недостатокъ, а достоинства его книги.
Она можетъ и должна быть продолжена, и тогда она съ полнымъ
правомъ присоединится къ той общедоступной литературѣ, спи-
сокъ которой авторъ приложилъ къ своему курсу. Здѣсь тоже
не все полно. Странно не найти въ литературѣ Возрожденія, на-
ряду съ Фойгтомъ и Гейгеромъ, также Бурхарта, по литературѣ
о Шекспирѣ—хотя бы Даудэна, о Вольтерѣ—Штрауса, о Гете—
Бельшовскаго, о французской литературѣ—Пелисье. Не годится,
конечно, загромождать указатель общедоступной литературы со-
чиненіями второстепенными, специальными, замѣтными, но про-
бѣлы, здѣсь указанные, къ таковымъ вѣдь не принадлежать.

В. Н. Перець. Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго. Изданіе Академіи наукъ. Спб., 1903.

В. Н. Перець, неутомимый собиратель и издатель памятни-
ковъ переходной эпохи въ русской литературѣ, выпустилъ въ
свѣтъ новый объемистый трудъ, посвященный литературѣ пе-
тровскаго времени. Настоящій трудъ г. Мереца не заклю-
чаетъ въ себѣ изслѣдованія. Это просто тщательное изданіе
текста четырехъ драматическихъ произведеній. Самымъ круп-
нымъ изъ нихъ является „Актъ о Калеандрѣ и Неонилѣ“. Это
произведеніе представляетъ собой трилогію, передѣланную изъ
романа о Калеандрѣ, извѣстнаго въ Россіи, какъ указываетъ
г. Перець на основаніи труда А. Н. Пыпина уже въ началѣ
XVIII-го вѣка. Къ сожалѣнію, г. Перець не обставилъ изданія
текста сколько нибудь значительными комментаріями и даже не
выяснилъ взаимоотношенія „Акта“ къ роману о Калеандрѣ. По-
видимому, г. Перець предполагаетъ, что переработка произошла
на русской почвѣ, но, по крайней мѣрѣ, тѣ данныя, которыя имѣ-
ются въ распоряженіи читателя, позволяютъ съ такой же досто-
вѣрностью предположить, что переработка романа о Калеандрѣ
въ „Актъ“ могла произойти и гдѣ нибудь на Западѣ. Романъ о
Калеандрѣ—типичный рыцарскій романъ съ любовной интригой,
массой приключеній и чудеснымъ элементомъ, давалъ просторъ

драматургу создать много положеній и сценъ, которыя должны были увлекать неприхотливаго зрителя той эпохи. Конструкція „Акта“, благодаря характеру сюжета, довольно сложна, что и составляет нѣсколько сомнѣваться въ туземности переработки. Авторъ „Акта“ остается неизвѣстнымъ, г. Перець, на основаніи рукописи, предполагаетъ, что „Актъ“ составленъ нѣсколькими лицами, но ничто не мѣшаетъ видѣть въ нихъ переводчиковъ и редактора перевода. Такимъ образомъ, вопросъ о цѣнности „Акта“ для историка *русской* драмы остается открытымъ.

Второе произведеніе, изданное г. Перецомъ въ „Памятникахъ русской драмы“ — драма о Езекии, царѣ израильскомъ, написана учителемъ московской славяно-греко-латинской академіи Исаакиемъ Хмарнымъ. Г. Перець считаетъ эту драму „интересной потому, что является сочиненной не въ Кіевѣ и не въ западной Россіи, гдѣ такія пьесы были весьма обычны, а въ Москвѣ въ 1728 г.“. Врядъ ли, однако, есть основаніе придавать значеніе мѣсту написанія пьесы. Фамилія Хмарнаго, какъ по своей этимологической формѣ, такъ и по корню (хмара, по малороссійски, туча) несомнѣнно, малорусская, и въ авторѣ драмы о Езекии надо видѣть малоросса, по всей вѣроятности, питомца Кіевской академіи. При такихъ условіяхъ мѣсто написанія не выдѣляетъ драму о Езекии изъ множества драмъ подобнаго рода западно-русскаго происхожденія, какъ нельзя выдѣлять изъ русской литературы „Мертвыя Души“ или „Записки Охотника“ на томъ основаніи, что онѣ писались не въ Россіи. На связь драмы о Езекии съ западно-русской литературой указываетъ и то обстоятельство, что ея текстъ извлеченъ г. Перецомъ изъ рукописнаго сборника Кіево-Софійскаго собора.

Третью пьесу: „Исторія о царѣ Давидѣ и сынѣ его Соломонѣ“ г. Перець считаетъ „однимъ изъ старыхъ опытовъ исторической драмы, написанной въ стихахъ“. [Наконецъ, послѣдняя пьеса „Шутовская комедія“ — одна изъ русскихъ варьяцій арлекинады.

Въ общемъ, сборникъ г. Переца даетъ матеріалъ несомнѣнно любопытный для историка русской драмы и русской литературы петровской эпохи, но нельзя не пожалѣть, что издатель ограничился только ролью издателя. Бросать читателю просто сырой матеріалъ, конечно, легче, чѣмъ давать изслѣдованіе, но при такой постановкѣ роль ученаго сводится къ роли внимательнаго писца и корректора. Мы не думаемъ также, чтобы нужно было печатать цѣликомъ такія пьесы, какъ „Драма о Езекии“ и „Исторія о царѣ Давидѣ“. Совершенно достаточно было бы познакомить съ ними читателя въ изложеніи и выдержкахъ. Заграможденіе научной литературы массою ненужнаго сырья врядъ ли хорошая услуга наукѣ.

Очерки русской исторіи. Элементарный курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ **М. Помяловскій**, преподаватель Императорскаго Александровскаго Лицея, Александровскаго Института и Сиротскаго Института Императора Николая I въ С.-Петербургѣ. Спб. 1908.

Небольшая книжка г. Помяловскаго представляетъ собою довольно любопытное явленіе въ нашей учебной литературѣ. Какъ извѣстно, по адресу нашей средней школы нерѣдко раздаются изъ одного литературнаго лагеря обвиненія въ томъ, будто всѣ ея дѣятели увлечены пагубнымъ стремленіемъ дать учащемуся юношеству возможно больше знаній, совершенно забывая внушать ему тѣ здравыя чувства, которыя должны стоять выше всякихъ знаній. Книжка г. Помяловскаго, состоящаго преподавателемъ въ трехъ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ, можетъ служить блестящимъ опроверженіемъ подобныхъ обвиненій. Свой „трудъ“ г. Помяловскій въ качествѣ „благодарнаго автора“ посвятилъ „его сіятельству графу Николаю Алексѣевичу Протасову-Бахметеву“ и снабдилъ слѣдующимъ предисловіемъ: „Выпуская въ свѣтъ настоящій учебникъ, авторъ считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ принести сердечную благодарность всѣмъ, кому онъ обязанъ помощью, поддержкой, совѣтомъ въ этой работѣ. Его сіятельство графъ Н. А. Протасовъ-Бахметевъ благосклонно указалъ автору на желательность составленія подобнаго учебника. М. М. Захарченко добрымъ словомъ и совѣтомъ поддерживалъ бодрость составителя, приступавшаго къ трудному и отвѣтственному дѣлу. Г. Н. Френевъ и Л. С. Севрукъ приняли самое теплое участіе въ изданіи книги, устраняя всѣ затрудненія, помогая дружескимъ совѣтомъ. Дорогимъ учителямъ автора, профессору С. О. Платонову и В. А. Геннингу, обязанъ онъ и своимъ интересомъ къ предмету исторіи, и всѣми своими въ ней познаніями. Не могутъ быть забыты и младшія ученицы и ученики автора: изъ работъ съ ними и появилась выпускаемая нынѣ въ свѣтъ книжка“. Уже изъ приведеннаго предисловія легко замѣтить, что въ г. Помяловскомъ чрезвычайно развито чувство почтительности. По всей видимости, это и послужило для него единственнымъ основаніемъ выступить въ роли составителя учебника по русской исторіи. Собственно съ тѣмъ, что называется наукой или, если угодно, „предметомъ“ исторіи, „Очерки русской исторіи“ не имѣютъ ничего общаго. Читатель книжки г. Помяловскаго напрасно сталъ бы искать въ ней сколько-нибудь яснаго разсказа о государственномъ строѣ Россіи въ разныя эпохи ея существованія, о возникновеніи и развитіи общественныхъ классовъ, объ экономической жизни народа въ разные періоды или объ эволюціи его духовной культуры. Обо всемъ этомъ г. Помяловскій или молчитъ совершенно, или же сообщаетъ лишь разрозненные и отрывочныя свѣдѣнія, въ большинствѣ случаевъ способныя поразить своею неожиданностью. Такъ, заговоривъ объ языческой религіи

русскихъ славянъ, онъ увѣряетъ, что въ ихъ представленіи „умершіе въ лѣсу люди становились лѣшими, на водѣ—водяными и русалками“ (3). Родовое старѣйшинство князей кievскаго періода г. Помяловскій смѣшиваетъ съ физическимъ старшинствомъ (24). Говоря о новгородскомъ устройствѣ, авторъ глубокомысленно замѣчаетъ, что тамъ, „гдѣ самъ народъ занимается такими дѣлами, которыя надлежитъ вѣдать князю-государю, легко можетъ выдти споръ“ (55—6). Власть же богатыхъ купцовъ въ Новгородѣ авторъ объясняетъ тѣмъ, что „княжеской власти не было: князь не позволилъ бы богачамъ заирать власть и тѣснить бѣднѣяковъ“ (56). Въ императорской Россіи, если вѣрить г. Помяловскому, со временъ Александра I „всякій законъ составляется, по указаніямъ императора, въ государственномъ совѣтѣ, затѣмъ утверждается царемъ и тогда уже получаетъ силу и значеніе“ (127).

Но и такого рода свѣдѣнія занимаютъ въ книжкѣ г. Помяловскаго лишь третъестепенное мѣсто. Главное же ея содержаніе составляетъ такъ называемая внѣшняя, т. е. біографическая или, вѣрнѣе, анекдотическая исторія, которую авторъ уснащаетъ значительно примѣсю легендарныхъ сказаній. Охотно и съ большимъ чувствомъ пересказывая самыя рискованныя легенды, вроде разсказа о щитѣ Олега, прибитомъ къ воротамъ Константинополя, или о провалѣ земли подъ гробомъ Святополка Окаяннаго, г. Помяловскій умѣетъ и находить нравственный смыслъ въ именѣ, казалось бы, подходящихъ для этого подробностяхъ легенды. Вотъ, на примѣръ, какъ объясняетъ онъ поступокъ священника Анастаса, выдаваго, по лѣтописному сказанію, Корсунъ Владиміру: „зная, зачѣмъ пришелъ князь, зная, что, только побѣдивъ, приметъ онъ вѣру Христову, священникъ, заботясь о спасеніи душъ язычниковъ, и помогъ имъ завладѣть городомъ“ (13). Къ сожалѣнію, авторъ не объясняетъ только, откуда „зналъ“ все это Анастасъ. Не менѣе оригинальныя очертанія принимаютъ, впрочемъ, подъ перомъ г. Помяловскаго и многіе дѣйствительные факты. Онъ знаетъ, на примѣръ, что на Витичевскомъ сѣздѣ князей волость Давида была отдана ослѣпленному имъ Васильку, а не участнику ослѣпленія Святополку, какъ знаетъ и то, что Владиміра Мономаха не только кievляне, но и князя „упросили оѣсть княжить въ Кіевѣ“ (26, 27). Послѣ Куликовской битвы, какъ увѣряетъ г. Помяловскій, „татары уже не смѣли разорять русскихъ областей и своевольничать въ нихъ“ (54). Правда, Тохтамышъ на второй годъ послѣ Куликовской битвы разорилъ самую Москву, но это обстоятельство осталось, повидимому, совершенно неизвѣстнымъ г. Помяловскому. За то послѣднему извѣстно „нѣсколько указовъ“ царя Федора Ивановича относительно прикрѣпленія крестьянъ (72). Равнымъ образомъ знаетъ г. Помяловскій, что Петръ Великій во время своего пребыванія въ Англіи „познакомился съ англійскимъ правосудіемъ, о кото-

ромъ слышалъ много хорошаго“ (98), что на петровскихъ ассамблеяхъ, въ противоположность старымъ московскимъ пирамъ, „пили въ мѣру“ (98) и что съ учрежденіемъ Синода „управленіе церковью осталось то же, но стало больше порядка“ (100). Осылѣвъ Сперанскаго г. Помяловскій разсказываетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Сперанскій умѣлъ оказать много услугъ своему благодѣтелю и Россіи, но въ началѣ 1812 г. долженъ былъ удалиться отъ дѣлъ: онъ былъ сторонникомъ всего французскаго, и ему нельзя было править дѣлами, когда съ Франціей шла война“ (127). Говоря о послѣдней турецкой войнѣ, г. Помяловскій сообщаетъ своимъ читателямъ о Санъ Стефанскомъ мирѣ, но умалчиваетъ о Берлинскомъ конгрессѣ (140—1).

Уже изъ приведенныхъ примѣровъ, взятыхъ нами съ различныхъ страницъ учебника г. Помяловскаго, можно видѣть, что главною цѣлью этого учебника является не ознакомленіе учащихся съ дѣйствительными фактами исторіи. Не обладая самъ особенно твердыми познаніями въ отечественной исторіи, г. Помяловскій и въ своей книжкѣ стремится не столько дать такіа познанія учащимся, сколько развить въ нихъ чувство „народной гордости“ путемъ подбора такъ называемыхъ „свѣтлыхъ явленій“. Подобный подборъ дается ему тѣмъ легче, что онъ и въ свое изображеніе прошлаго переноситъ ту же почитительность, какая характеризуетъ его отношеніе къ настоящему. Правда, эта почитительность, какъ оно и естественно, впрочемъ, при сильномъ патристическомъ чувствѣ, носитъ нѣсколько односторонній характеръ. Г. Помяловскій, напримѣръ, не безъ огорченія повѣствуетъ о томъ, какъ „Литва по справедливости раздражила“ Ивана III своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла русскихъ княжествъ, или о томъ, какъ въ Ливонской войнѣ московскимъ войскамъ мѣшало то, что врагъ „часто бралъ не храбростью, а всякими ухватками“ (62, 67). За то, говоря о правителяхъ кievской, московской и петербургской Россіи, авторъ даетъ полную волю своей почитительности. Съ большою увѣренностью говоритъ онъ, что Владимира Мономаха „донынѣ съ любовью помнитъ народъ“ (25). Не менѣе увѣренно сообщаетъ онъ, что в. кн. Елена, мать Грознаго, „правила очень удачно“ (63). Самъ Иванъ Грозный, по словамъ г. Помяловскаго, „былъ человекъ ученый“. Бояре же при немъ „измѣняли царю, не по чести поступали“, а Курбскій даже, „измѣнивъ, осмѣлился оправдываться въ дерзкихъ письмахъ къ царю“. Боярскія казни начались лишь послѣ многочисленныхъ случаевъ измѣны бояръ и бѣгства ихъ въ Литву. „Случалось, что царь казнилъ и невинныхъ“, но, „узнавъ объ ошибкахъ, онъ потомъ каялся“. По ошибкахъ погибъ и митрополитъ Филиппъ: Грозный послалъ къ нему Малюту Скуратова за благословеніемъ, но „вмѣсто того, чтобы испросить, какъ то велѣлъ царь, благословеніе у Филиппа, злодѣй задушилъ святого страдальца“ (64, 67).

68, 69). Что касается Новгородскаго разгрома, то о немъ авторъ вовсе умалчиваетъ. Не менѣе любопытны и другія характеристики встрѣчающіяся въ книжкѣ г. Помяловскаго. Объ Алексѣѣ Михайловичѣ авторъ говоритъ: „самое лицо его, полное, съ большой русой бородой, дышало такимъ весельемъ, такимъ благодушіемъ, что при одномъ взглядѣ на ласковаго государя всѣмъ хорошо становилось на душѣ“ (79). Царствованіе Елизаветы Петровны, по словамъ г. Помяловскаго, „является какъ бы продолженіемъ царствованія ея великаго отца“ (103), но и царствованіе Екатерины II „во многомъ напоминаетъ правленіе Петра В.“ (106). Въ частности Екатерина II „постоянно заботилась о томъ, чтобы помѣщики обращались со своими крестьянами возможно лучше“ (108). Въ свою очередь и царствованіе Павла было „прославлено мудрыми дѣлами“ (116). Николай I, „вступая на престолъ, заявилъ, что „будетъ жить единственно для любезнаго отечества, царствовать, какъ царствовалъ Александръ Благословенный“, и дѣйствительно, вся жизнь, все правленіе его были подтвержденіемъ этого великаго обѣта“ (128). Въ подтвержденіе этой послѣдней характеристики г. Помяловскій приводитъ удивительное сообщеніе, будто Александру I только „смерть помѣшала“ помочь грекамъ противъ турецкаго султана, а Николай I, „царствуя, какъ царствовалъ Александръ Благословенный, не оставилъ начатаго имъ дѣла и вступился за грековъ“ (130). Иначе говоря, сходство двухъ монарховъ г. Помяловскій находитъ какъ разъ въ той области, въ которой ихъ дѣйствія расходились самымъ рѣзкимъ образомъ.

Столь же удачно живописуетъ г. Помяловскій и всѣ вообще правительственныя дѣйствія въ разныя эпохи русской жизни, находя для этихъ дѣйствій на своей палитрѣ однѣ лишь розовыя краски. Благодаря этому, ученикъ узнаетъ изъ книжки г. Помяловскаго, что каждый новый правитель въ Россіи безъ остатка искоренялъ всѣ злоупотребленія, хотя это нисколько не мѣшало слѣдующему за нимъ правителю опять искоренять тѣ же самыя злоупотребленія. Возьмемъ хотя бы то, что разсказываетъ г. Помяловскій о судѣ. По словамъ автора, уже благодаря судебнику Ивана IV „всякій легко могъ найти себѣ правду на судѣ“ (64). Съ появленіемъ Уложенія ц. Алексѣя „вся жизнь русскихъ людей должна была идти по закону“ (80). При Александрѣ I „строгій надзоръ Сената и, главное, милосердіе Императора значительно улучшили и смягчили нашъ судъ: дѣла рѣшались по справедливости, обиженные всегда могли найти управу; если же надо было наказать виновнаго, то наказанія выбирались не суровыя“ (126). Въ свою очередь при Александрѣ II „одинаковымъ судомъ стали судить сильнаго и слабого, богатаго и бѣднаго; въ рѣшеніи вопроса о виновности болѣе важныхъ преступниковъ стали принимать участіе выборные отъ мѣстнаго населенія, присяжные засѣ-

датели; позорныя и жестокия тѣлесныя наказанія были отмѣнены навсегда“ (136). Рисуя эту питающую чувство народной гордости картину непрерывнаго благоденствія, авторъ указываетъ, однакоже, на ней и нѣкоторыя темныя пятна, вызывавшіяся, впрочемъ, исключительно самымъ преизлишествомъ благоденствія. Какъ мы уже видѣли, по словамъ автора, со временъ Уложенія вся жизнь русскихъ людей должна была идти по закону. „Но,—продолжаетъ онъ,—были на Руси люди, привыкшіе жить безъ всякаго закона, привыкшіе къ своеволію: это—казаки. Для нихъ появленіе Уложенія было невыгодно,—приходилось теперь жить не по своей волѣ, и потому они начинаютъ бунтовать“ (80). Таково было происхожденіе Разинскаго бунта при ц. Алексѣѣ, отъ одного взгляда на котораго „всѣмъ хорошо становилось на душѣ“. Не менѣе просто возникъ и Пугачевскій бунтъ при Екатеринѣ II: „доброта государыни позволила многимъ злоумышленникамъ думать, что ихъ преступленія останутся безнаказанными; когда же они увидѣли, что съ ними поступаютъ по всей строгости законовъ, они возмутились подъ предводительствомъ донскаго казака Емельяна Пугачева“ (109).

Приведенныхъ выдержекъ, думается намъ, совершенно достаточно для ознакомленія читателя съ „трудомъ“ г. Помяловскаго. Читатель можетъ даже, пожалуй, найти, что ихъ чересчуръ много, и удивиться, зачѣмъ мы такъ долго задерживали его вниманіе на совершенно ясной книгѣ. Но мы уже говорили, что въ нашихъ глазахъ книжка г. Помяловскаго интересна, главнымъ образомъ, какъ доказательство несправедливости тѣхъ нападокъ на нашу среднюю школу, авторы которыхъ отрицаютъ наличность въ ней педагоговъ, вооруженныхъ не знаніями, а здравыми чувствами. Г. Помяловскій блистательно доказываетъ существованіе такихъ педагоговъ. Самъ онъ, правда, идетъ по избранному имъ пути чересчуръ беззаботно и стремительно, настолько стремительно, что рискуетъ, пожалуй, навлечь на себя нѣкоторое порицаніе со стороны даже тѣхъ лицъ, поощреніе которыхъ онъ ищетъ. Но благотѣльный опытъ, надо надѣяться, скоро укажетъ его усердію границу желательной умѣренности, и тогда наша школа пріобрѣтетъ въ его лицѣ вполне сформированнаго дѣятеля.

Е. Щепкина. Краткій очеркъ русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до 1881 года. Спб. 1903.

„Краткій очеркъ“ г-жи Щепкиной представляетъ собою нѣчто среднее между учебникомъ и такъ называемой въ педагогическихъ кругахъ „книгой для чтенія“. Въ качествѣ послѣдней онъ обладаетъ несомнѣнными достоинствами. Составленный лицомъ, спеціально занимавшимся русской исторіей, онъ почти совершенно свободенъ отъ грубыхъ фактическихъ ошибокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ

содержитъ въ себѣ серьезный и въ общемъ довольно хорошо подобранный матеріалъ. Наряду съ фактами внѣшней исторіи составительница внесла въ свою книгу и большое количество свѣдѣній, относящихся къ внутренней жизни народа, къ его экономическому и соціальному быту и духовной культурѣ. Въ этомъ отношеніи книга г-жи Щепкиной выгодно отличается отъ многихъ распространенныхъ у насъ учебниковъ русской исторіи. Тѣмъ не менѣе названной книгѣ не чужды и нѣкоторые недостатки. Главнымъ изъ нихъ является отсутствіе строгой систематичности въ изложеніи автора, соединяющееся подчасъ съ обремененіемъ книги такими деталями, которыя съ большою пользою для дѣла могли бы быть исключены изъ нея. Съ другой стороны, въ изложеніи г-жи Щепкиной часто не хватаетъ желательной точности. Пороку этотъ недостатокъ точности переходитъ даже въ прямую небрежность, которая въ свою очередь ведетъ автора къ утвержденіямъ, граничащимъ съ ошибками. Едва ли возможно, напримеръ, согласиться съ тѣмъ, будто въ VII—VIII вв. „всѣ славяне сознавали себя однимъ народомъ“ (2), или съ тѣмъ, что вѣчемъ называлось „собраніе представителей волости и города, на которомъ могли быть и всѣ жители“ (5). Несомнѣнно, лишь въ силу небрежности, г-жа Щепкина называетъ Бориса Годунова „просвѣщеннымъ деспотомъ“ въ томъ смыслѣ, какой это слово имѣло въ XVIII вѣкѣ, а Богдана Хмельницкаго дѣлаетъ предводителемъ „гайдамаковъ“, которые стали извѣстны лишь съ XVIII столѣтія (104, 127). Коронный гетманъ въ Польшѣ былъ не „начальникомъ королевскихъ войскъ“, какъ поясняетъ авторъ (126), а начальникомъ войскъ Короны, т. е. собственно королевства Польскаго, въ отличіе отъ гетмана литовскаго, начальствовавшего надъ военными силами Литвы. Барская конфедерація въ разсказѣ г-жи Щепкиной слѣдуетъ за возстаніемъ Желѣзняка и Гонты (200), тогда какъ дѣйствительный порядокъ этихъ событій былъ обратный. Та же небрежность, которая породила подобныя, не особенно, впрочемъ, многочисленныя, обмолвки въ разсказѣ г-жи Щепкиной, съ еще большею силою сказывается повременамъ въ объясненіяхъ, даваемыхъ авторомъ книги крупнымъ историческимъ фактамъ. Иныя изъ этихъ объясненій чрезмѣрно искусственны и сложны, иныя же настолько безсодержательны, что читателю трудно уловить ихъ смыслъ. Говоря о причинахъ крещенія Руси, г-жа Щепкина, между прочимъ, пишетъ: „Владиміръ понялъ, что греческая вѣра и культура выгодно обособить его народъ отъ окружающихъ инородцевъ“ (11). Исходя изъ этого мѣста, читатель долженъ будетъ, пожалуй, заключить, что кн. Владиміръ, подобно нѣкоторымъ изъ современныхъ публицистовъ, болѣе всего заботился объ обособленіи русскихъ отъ инородцевъ. Въ другомъ мѣстѣ, рассказывая о захватѣ Ливоніи нѣмцами, авторъ говоритъ: „бѣдная, малоплодородная страна могла возна-

граждать только трудъ культурныхъ промышленниковъ, которые съ лучшей обработкой ея умѣли бы соединять и другія формы промышленности. И вотъ настоящіе культурные дѣятели явились сюда съ запада“ (35). Можно подумать, что, по мнѣнію автора, появленіе нѣмцевъ въ Ливоніи было вызвано условіями жизни самой Ливоніи, а не Германіи. Но въ сущности и г-жа Щепкина, конечно, не думаетъ этого. Въ другихъ случаяхъ не такъ легко разгадать смыслъ объясненій автора. Рассказывая объ экономическомъ положеніи русскихъ крестьянъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XIX вѣка, г-жа Щепкина, между прочимъ, говоритъ: „если крестьяне все еще выплачивали подати, то это объяснялось только быстрымъ оборотомъ денегъ въ рукахъ населенія, а не дѣйствительной обезпеченностью“ (294). Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что для читателя эта фраза останется загадкою, какъ и утвержденіе автора, будто за сохраненіе розги для крестьянъ высказались въ редакціонной комиссіи „всѣ, вѣровавшіе въ честную патріархальность крестьянской жизни“ (291). Но особенно не удаются г-жѣ Щепкиной характеристики литературно-общественныхъ теченій, слишкомъ часто переходящія у нея въ безсодержательный перечень внѣшнихъ признаковъ. Въ связи съ этимъ приходится отмѣтить и еще одинъ серьезный недостатокъ разбираемой книги — чрезмѣрную вялость ея изложенія, едва-ли способнаго въ виду этого въ достаточной мѣрѣ заинтересовать мало подготовленнаго читателя. Но въ рукахъ опытнаго педагога книга г-жи Щепкиной, благодаря указаннымъ выше положительнымъ ея сторонамъ, можетъ послужить полезнымъ пособіемъ, значеніе котораго еще увеличивается бѣдностью существующей у насъ популярной литературы по русской исторіи.

Проф. С. Θ. Платоновъ. Статьи по русской исторіи (1883—1902). Спб., 1903.

Небольшой сборникъ г. Платонова, по словамъ послѣдняго, заключаетъ въ себѣ „все написанное авторомъ по русской исторіи, кромѣ двухъ его диссертаций, предисловій къ изданнымъ имъ текстамъ историческихъ памятниковъ и тѣхъ рецензій, въ которыхъ нѣтъ самостоятельныхъ научныхъ наблюденій автора“. Содержаніе составленнаго, такимъ образомъ, сборника, объединяющаго въ себѣ напечатанныя въ теченіе двадцати лѣтъ работы, оказывается весьма разнороднымъ. Мы встрѣчаемъ въ книгѣ г. Платонова попытку общей характеристики Екатерины II, статьи, посвященныя памяти двухъ покойныхъ профессоровъ петербургскаго университета (К. Н. Бестужева-Рюмина и В. Г. Васильевского), критическіе разборы отдѣльныхъ книгъ и нѣсколько мелкихъ рецензій, наконецъ, рядъ статей и замѣтокъ, касающихся частныхъ фактовъ русской исторіи XVI—XVII вв., и оцѣнки нѣ-

которых источниковъ этой эпохи. Изъ болѣе крупныхъ статей сборника наименѣ удачной является какъ разъ та, въ которой трактуется сравнительно болѣе общая тема. Характеристика Екатерины II, даваемая г. Платоновымъ, не выходитъ за предѣлы шаблонныхъ представлений и общихъ фразъ, отзывающихся подчасъ непріятной риторикой. Немногимъ удачнѣе, впрочемъ, и статьи, посвященныя авторомъ памяти его покойныхъ учителей—К. Н. Бестужева-Рюмина и В. Г. Васильевского. Условный шаблонъ рѣшительно господствуетъ въ обѣихъ этихъ статьяхъ, заставляя отъ читателя живыя фигуры тѣхъ людей, о которыхъ говоритъ авторъ. Гораздо болѣе интересъ представляютъ собранныя въ книгѣ г. Платонова статьи и замѣтки о событіяхъ и историческихъ памятникахъ XVI—XVII вв. Правда, для рядового читателя, интересующагося исторіей, эти статьи и замѣтки слишкомъ спеціальны и мелочны, но специалистъ-историкъ найдетъ въ нихъ и цѣнныя фактическія подробности, и любопытныя подчасъ гипотезы. Съ этой точки зрѣнія для читателя-специалиста способны будутъ представить извѣстный интересъ и нѣкоторые отзывы г. Платонова о книгахъ другихъ авторовъ, хотя нельзя было бы сказать этого обо всѣхъ такихъ отзывахъ, перепечатанныхъ имъ въ своемъ сборникѣ.

С. Н. Шубинскій. Историческіе очерки и рассказы. Четвертое изданіе, дополненное и исправленное. Спб., 1903.

Книга г. Шубинскаго въ полномъ своемъ объемѣ не составляетъ уже новинки въ нашей литературѣ. Первое изданіе этой книги вышло въ свѣтъ еще въ 1869 году; вслѣдъ затѣмъ въ 1871 г. появилось второе ея изданіе, въ 1893 г. — третье, а теперь, послѣ десятилѣтняго промежутка, вышло четвертое. Настоящее изданіе является, однако, значительно дополненнымъ сравнительно съ предыдущимъ, такъ какъ изъ сорока одного рассказа, которые составляютъ теперь книгу, двѣнадцать отсутствовали въ третьемъ ея изданіи и включены въ нее вновь. Значительно увеличено авторомъ и число портретовъ и рисунковъ, которыхъ въ третьемъ изданіи его книги было 56, а въ настоящемъ — 80. Самые „очерки и рассказы“, входящіе въ книгу г. Шубинскаго, предназначены для любителей легкаго историческаго чтенія, сводящагося къ біографіямъ выдающихся лицъ, воспроизведенію мелкихъ подробностей стариннаго быта и болѣе или менѣе достовернымъ анекдотамъ. Конецъ XVII-го, XVIII-го и начало XIX-го вѣка—такова эпоха, охватываемая рассказами г. Шубинскаго, при чемъ подавляющее большинство ихъ относится къ личностямъ и событіямъ XVIII-го столѣтія. Совершенно особое мѣсто среди всѣхъ этихъ рассказовъ занимаетъ одинъ изъ нихъ, который носитъ заглавіе: „Петръ Великій въ Дентфордѣ“ и содер-

жить въ себѣ нѣсколько документовъ, касающихся пребыванія перваго русскаго императора въ названномъ англійскомъ городѣ. Упомянутые документы представляютъ собою не что иное, какъ счета, поданные англійскому правительству арендаторомъ дома, въ которомъ жилъ Петръ. Нужно самому просмотрѣть эти счета, чтобы вполне оцѣнить ихъ своеобразное краснорѣчіе и составить себѣ точное представленіе о вырисовывающейся изъ нихъ яркой картинѣ русскихъ нравовъ петровской эпохи и того впечатлѣнія, которое они должны были производить на западныхъ европейцевъ. Для того, чтобы дать приблизительное понятіе объ этой картинѣ, достаточно сказать, что послѣ двухмѣсячнаго пребыванія Петра и его спутниковъ въ Дентфордѣ не только вся мебель, замки, печи, окна, двери и самыя стѣны и полъ того дома, гдѣ жилъ русскій царь со своей свитой, оказались испорченными и полуразрушенными, но даже въ саду этого дома были поломаны деревья, разрушены палисадники и взрыты убитыя дорожки и площадки; англійскому правительству пришлось заплатить владѣльцу и арендатору дома болѣе 300 фунтовъ стерлинговъ въ возмѣщеніе понесенныхъ ими убытковъ. Обнародованіе этихъ документовъ составляетъ несомнѣнную заслугу автора. Но, какъ мы уже упоминали, тотъ очеркъ, въ которомъ они приведены, стоитъ въ книгѣ г. Шубинскаго совершенно особнякомъ. Всѣ остальные очерки и рассказы, составляющіе ея содержаніе, далеко не имѣютъ такого интереса и всецѣло подходятъ подъ данное выше опредѣленіе легкаго историческаго чтенія. Легко написанные, они легко и читаются, но едва-ли способны оставить сколько-нибудь прочный и глубокій слѣдъ въ умѣ читателя.

Аксель Арсталь. Семья и ея задачи. Пер. съ норвежскаго А. и П. Ганзенъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. (безъ года).

Эта „книга для родителей и воспитателей“, составленная не теоретиками-спеціалистами по педагогикѣ, не литераторами и учеными, а практиками воспитанія, должна, по мысли редактора, охватить всѣ вопросы, которые ставятъ родителямъ и воспитателямъ жизнь семьи и воспитаніе дѣтей. Она должна „помочь родителямъ и другимъ, окружающимъ ребенка, взрослымъ, усвоить себѣ необходимое пониманіе природы и потребностей ребенка, а также умѣніе направить, какъ должно, физическое, умственное и нравственное развитіе ребенка“; помочь родителямъ въ дѣлѣ развитія въ дѣтяхъ способности успѣшно бороться съ возможными въ ихъ жизни затрудненіями — есть также одна изъ пѣлей этой книги. Русское изданіе ея переработано и приспособлено переводчикомъ для русскихъ читателей и снабжено имъ хвалебнымъ предисловіемъ. Скандинавская пресса признала за трудомъ, изданнымъ А. Арсталемъ „огромное національное значеніе“. Пе-

реводчикъ счелъ его пригоднымъ и своевременнымъ также для Россіи. По его мнѣнію, книга Арстала является въ области воспитанія и образованія юнаго поколѣнія своего рода итогомъ того „перелома“ по всей линіи, исканія новыхъ путей и выработки новыхъ устоевъ и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ жизни вообще“, коими запечатлѣна послѣдняя четверть минувшаго вѣка. Содержаніе книги весьма разнообразно. У нея до шестидесяти авторовъ, среди которыхъ есть мужчины и женщины, священники и журналисты, учителя и директоръ банка, военный прокуроръ и архитекторъ, профессора и сапожникъ, никому не извѣстныя матери семействъ—и самъ Бьёрнстерне-Бьёрнсонъ. Въ книгѣ говорится о многомъ: о гигиенѣ брака и объ уходѣ за груднымъ ребенкомъ, о пробужденіи сознанія и о развлеченіяхъ, пригодныхъ для дѣтей, о ручномъ трудѣ и объ общеніи съ природой, о дѣтяхъ ненормальныхъ и о переходномъ возрастѣ, о здоровьи семьи и о половой дѣятельности, о спортѣ и о семейной экономикѣ, о религіозномъ воспитаніи и о чтеніи, о школѣ и о выборѣ карьеры. Полнота свѣдѣній не входила въ задачи авторовъ; детальная разработка всѣхъ вопросовъ, затронутыхъ въ книгѣ, сдѣлала бы изъ нея цѣлую педагогическую энциклопедію, тогда какъ авторы хотѣли только намѣтить необходимое отношеніе къ кореннымъ вопросамъ; ихъ ближайшая цѣль была заинтересовать и указать пути къ дальнѣйшему ознакомленію съ предметомъ по спеціальнымъ трудамъ. Иногда, однако, авторы входили и въ детальныя указанія, совѣтуя, напримѣръ, пятки новыхъ чулокъ для прочности пробрать льняными нитками, сдабривать супы зеленью и овощами, а бѣлье передъ стиркой вымачивать въ холодной водѣ съ мыломъ; приведенъ и соответственный рецептъ. Все это очень мило и почтено. Въ самыхъ возрѣніяхъ, проповѣдуемыхъ въ книгѣ, кой что спорно. Такъ, напримѣръ, не вполне понятно, почему въ бракѣ, гдѣ супруги держатся различныхъ убѣжденій,—„пустъ болѣе религіозному будетъ предоставленъ полный просторъ вліять на дѣтей въ религіозномъ отношеніи... другой родитель можетъ ограничиться хоть пассивнымъ сочувствіемъ дѣятельности перваго“. Но въ общемъ въ книгѣ все обстоитъ весьма благополучно, раціонально и либерально. Г. Марксъ, заслуженный издатель „Нивы“, иллюстрированнаго журнала для семейнаго чтенія, хорошо зналъ, что дѣлаетъ, издавая эту безупречную, чистенькую книгу, прямо ведущую читателя въ лоно идилліи: въ ней такъ часто и съ такимъ смакомъ говорится объ „устройствѣ гнѣздышка“, и о поглощеніи человѣка счастьемъ этого гнѣздышка, что отъ нея прямой переходъ къ усиленнымъ заботамъ о сладости этого гнѣздышка, къ усиленному чтенію „Нивы“. Дѣти, воспитанные по программѣ, изложенной здѣсь, будутъ хорошія дѣти, особенно если ихъ будутъ воспитывать не нервныя, раздраженные и неуравновѣшенные русскіе люди, а умѣренныя

и аккуратные, знающіе свои цѣли и увѣренные въ своихъ средствахъ европейцы; это будутъ здоровыя, свѣжія, сытыя дѣти. И они тоже будутъ читать „Ниву“.

I. А. Литинскій. „Общераспространенныя болѣзни“. Современная «чума»—чахотка. Спб. 1903.

Мало болѣзней, относительно которыхъ широкая популяризація свѣдѣній столь необходима и полезна, какъ популяризація свѣдѣній о чахоткѣ. И это не только потому, что чахотка—одна изъ распространеннѣйшихъ болѣзней, но, въ гораздо большей степени, еще и потому, что въ борьбѣ съ чахоткою не такъ полезенъ врачъ, какъ полезно сознательное отношеніе больного. Воздухъ, пища, покой, свѣтъ, отсутствіе пыли и сырости—вотъ что нужно для борьбы съ чахоткою. Конечно, нужно и наблюденіе врача, но врачъ не принесетъ пользы, если больной не будетъ вести себя идеально.

Брошюру д-ра Литинскаго можно рекомендовать, какъ хорошее популярное изложеніе современнаго взгляда на чахотку.

Можно сдѣлать лишь небольшія замѣчанія, указать на второстепенныя измѣненія, которыя желательно было бы видѣть въ слѣдующемъ изданіи брошюры.

Такъ, хотя д-ръ Литинскій и указываетъ на то, что, по мнѣнію врачей, „выздоровливать отъ чахотки можно повсюду“ (стр. 79), но онъ недостаточно это подчеркнул и, наоборотъ, слишкомъ выдвинулъ впередъ вопросъ о санаторіяхъ.

Конечно, санаторія очень полезная вещь, но все-таки даже въ Германіи, этой классической странѣ санаторій, въ настоящее время увлеченіе санаторіями поуменилось. А между тѣмъ, если больной будетъ считать, что въ домашней обстановкѣ для него нѣтъ спасенія, то это можетъ очень худо повліять на того, кто не можетъ всю жизнь проводить исключительно въ лѣченіи.

Сдѣлаемъ еще одно—два мелкихъ замѣчанія. Авторъ хорошо дѣлаетъ, рекомендуя жиръ; но, рекомендуя особенно рыбій жиръ, авторъ совѣтуетъ употребленіе „рыбьяго жира, преимущественно неочищеннаго, который содержитъ большее количество жировыхъ веществъ“ (стр. 82). Это не точно: неочищенный рыбій жиръ характеризуется большимъ количествомъ жирныхъ *кислотъ*, такъ что процентное отношеніе самихъ жировъ у него даже меньше. Въ концѣ концовъ, мы лично раздѣляемъ мнѣніе покойнаго Манассеина, что хорошее коровье масло не уступаетъ рыбьему жиру.

Затѣмъ, по мнѣнію автора, больной долженъ, между прочимъ, ежедневно „выпивать стакановъ 5 молока, кумыса или кефиру; столько же легкаго пива, или же удвоить порцію предыдущихъ напитковъ“ (стр. 81). Мы предпочли бы, чтобы больной просто

„удвоилъ порцію предыдущихъ напитковъ“: мы не расположены ставить пиво на одну доску съ молокомъ, и считаемъ это мнѣніе д-ра Литинскаго тѣмъ болѣе опаснымъ, что оно весьма часто можетъ лишь потакать негигиеническимъ дурнымъ привычкамъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*, Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя комиссіи по приобретенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Собраніе сочиненій **Н. И. Костомарова**. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга первая. Томъ I, II и III. Съ портретомъ автора и біографическимъ очеркомъ. Изданіе Литературнаго Фонда. Спб. 1903. Ц. 3 р. 50 к.

Полное собраніе сочиненій **Глѣба Успенскаго**. Съ портретомъ, автографомъ и статьей Н. К. Михайловскаго. Изданіе Б. К. Фукса. Кіевъ. 1903. Т. I—VIII. Ц. 12-ти томовъ 6 р.

Б. Гринченко. Пысання. Т. I. Кіевъ. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Гейне. Атта Троль. Сонъ въ лѣтнюю ночь. Переводъ и предисловіе П. А. Каленова. М. 1903. Ц. 1 р.

Urbi et orbi. **Валерій Брюсовъ**. К-во «Скорпіонъ». Ц. 2 р.

Басни и стихотворенія **С. Н. Кошарова**. 2-е изданіе. Угличъ. 1903.

К. Бальмонтъ. Только любовь. Семицвѣтникъ. Книгоиздательство «Грифъ». М. 1903.

Новая бібліотека Суворина. Спб. 1903. Исторія тринадцатаго. Сцены изъ парижской жизни. **Оноре Бальзакъ**. Переводъ съ франц. М. Чепинской. — Безподобный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Сочиненіе **Мигуэля Сервантеса Сааведры**. Переводъ съ исп. съ предисловіемъ, біографіей автора и примѣчаніями сдѣлалъ Маркъ Басанинъ. Въ 4-хъ томахъ. Ц. 60 к. за томъ.

Рядъ историческихъ романовъ. Изданіе картографическаго заведенія А. Ильина. Спб. 1903. **Антони Гонз**. Симонъ Дэль. Переводъ съ англ. Подъ редакціей, съ введеніемъ и примѣчаніями А. Трачевскаго. Ц. 1 р. 25 к.

А. Килландъ. Ядъ. Романъ. Переводъ А. А. Русаковой - Львовичъ.

(Всеобщая бібліотека Г. О. Львовича). Спб. 1903. Ц. 25 к.

Изданія Вятскаго товарищества: Сборники избранныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ поэтовъ. Выпускъ 2-ой: «Несчастные». Ц. 6 к. — Выпускъ 3-ій: Сказки и легенды. Ц. 12 к. — Выпускъ 4-й: Крестьянскія дѣти. Ц. 7 к. — Выпускъ 5-ый: Женская доля. Ц. 10 к. — Макарычъ. Разсказъ. **А. Баранова**. Ц. 2 к. — Наслоенія. Разсказъ. **И. Данилина**. Ц. 6 к. — Гекторъ. Разсказъ. **С. Елматъевскаго**. Ц. 5 к. — Кахетинка. Разсказъ. **Гусева-Оренбургскаго**. Ц. 2 к. — Одинокій скиталецъ. **А. Погорьлова**. Ц. 2 к. — О томъ, какъ защищать себя на судѣ, не имѣя повѣреннаго защитника. Ц. 15 к. Вятка, 1903 г.

С. Н. Сыромѣтниковъ (Сигма). Изъ жизни современнаго сердца. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

В. Буренинъ. Театръ. Т. I. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Г. А. Любичъ-Колшуровъ. Братъ человѣчества. Изданіе Д. П. Ефимова. М. Ц. 75 к.

И. Рановичъ. Любовь побѣдила. Романъ въ 6-ти частяхъ. Спб. 1904.

«Къ правдѣ». Литературно-публицистическій сборникъ. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». М. 1904 Ц. 1 р. 50 к.

Образцы изящной русской рѣчи. (Для взрослыхъ). Собралъ Алексѣй Ачкасовъ. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Ц. 1 р.

И. Н. Бажеряновъ и Н. Н. Карповъ. Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX вѣка. Т. I. Вып. I. Спб. 1903. Подписная ц. 12 р., съ дост. въ Спб. 13 р., съ перес. 14 р.

Альбомъ выставки XII археологиче-

скаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Подъ редакціей и съ объяснительнымъ текстомъ проф. *Е. К. Рѣдина*. Исполнена и издана фототипіей К. А. Фишеръ. М. 1903.

Я. В. Шницеръ. Иллюстрированная всеобщая исторія письменъ. Съ 155 рис. и 19 отдѣльными таблицами. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1903. Ц. 4 р.

К. І. Храевичъ. Очерки новѣйшей польской литературы. Изданіе т-ва «Литература и наука». Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Филиппъ Монье. Опытъ литературной исторіи Италіи XV вѣка. Кватроченто. Переводъ съ франц. К. С. Шварсалона. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1904. Ц. 4 р.

В. П. Батуриновскій. А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ Россіи. Изданіе Г. О. Львовича. Т. I. Съ двумя портретами Герцена, портретомъ Огарева и снимкомъ съ памятника Герцену въ Ниццѣ. Спб. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Л. Туркина. П. И. Чайковский. Къ десятилѣтію его кончины. Спб. 1903. Ц. 20 к.

Вячеславъ Врядій. Краски у М. Горькаго. Спб. 1903. Ц. 20 к.

С. Л. Федоровскій. Утѣхи гордости. О «человѣкѣ» въ «На днѣ» М. Горькаго. Спб. 1903. Ц. 35 к.

Алоизъ Риль. Введеніе въ современную философію. Переводъ съ нѣм. Г. А. Котляра. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Ц. 1 р.

Освальдъ Кюльпе. Современная философія въ Германіи. Переводъ съ нѣм. М. Лемберка. Подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Н. Н. Ланге. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Ц. 80 к.

Основы ученія о функціяхъ мозга. *В. Бехтерева*. Вып. I. Изданіе Брокгаузъ и Ефронъ. Спб. 1903.

О памяти и мнемоникѣ. Популярный этюдъ проф. *Г. Челпанова*. Изданіе 2-е, редакціи «Міра Божія». Спб. 1903. Ц. 60 к.

С. С. Арнольди. Современныя ученія о нравственности и ея исторія. Спб. 1903/4. Ц. 1 р.

С. С. Арнольди. Цивилизація и дикая племена. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Ф. В. Хеттонъ. Чтенія объ эволюціи. Переводъ съ англ. М. Александровича. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1903. Ц. 40 к.

Н. Прокофьевъ. Панорама міра. Міровой эфиръ, какъ матерія-элементъ

и причина свѣта. Съ 19 рис. въ текстѣ. Спб. 1903. Ц. 30 к.

Самобытный общественный «мыслитель». Еп. Теофанъ въ письмахъ на общественныя темы. Изданіе Оомы Прискорбнаго. Спб. 1903. Ц. 20 к.

Скиффъ. Бесѣды въ минуты вдохновенія. Четвертая бесѣда. Одесса. 1903. Ц. 20 к.

Е. Каутскій. Національность нашего времени. Переводъ Г. О. Львовича (Всеобщая бібліотека Г. О. Львовича). Спб. 1903. Ц. 10 к.

А. А. Черевкова. (Женщина-врачъ). Очерки современной Японіи. Съ 12 гравюрами. Изданіе 2-е Н. П. Карбасникова. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

На новой землѣ. Очерки и наброски. *Е. Д. Носиловъ*. Съ 38 рис. въ текстѣ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1903. Ц. 1 р. 75 к.

А. В. Адриановъ. Очерки Минусинскаго края. Томскъ. 1904. Ц. 60 к.

Я. Я. Полферовъ. Среди инородцевъ. Спб. 1903. Ц. 75 к.

Дмитрій Вольфсонъ. Томскъ. 1903. Сибирскія воскресныя школы. Ц. 1 р.—Отчетность воскресной школы. Ц. 15 к.

Проф. *С. Гюнтеръ*. Вѣкъ великихъ открытій. Переводъ П. Ю. Шмидта. Съ 50 рис. и двумя картами. Изданіе А. Ф. Деаріена. Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Европа и австрійскій вопросъ на рубежѣ XX столѣтія. *А. Шерадамъ*. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Г. Ганото. Франція передъ Ришпилье. Переводъ съ франц. С. П. Мельгунова. Подъ редакціей С. П. Моравскаго. Изданіе В. А. Карцева. М. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Тонвилъ. Старый порядокъ и революція. Переводъ подъ редакціей проф. П. Г. Виноградова. 3-е изданіе. М. 1903. Ц. 50 к.

Краткая и всемірная исторія. *З. А. Рагозиной*. Изданіе А. Ф. Маркса. Вып. I. Древнѣйшіе народы.—Вып. II. Древнѣйшій Египетъ. Ц. 60 к., съ перес. 75 к. за вып.

В. Ефреименковъ. По поводу обзора русской исторіи, печатаемаго въ журналѣ «Міръ Божій». Тифлисъ. 1903.

Посадская община въ Россіи XVIII ст. *А. А. Кизеветтеръ*. М. 1903. Ц. 5 р.

А. С. Пругавинъ. Старообрядческіе архіерен въ Суздальской крѣпости. Спб. 1903. Ц. 25 к.

Уго Раббено. Аграрный вопросъ въ австралійскихъ колоніяхъ. Переводъ

съ итал. А. Ульяновой. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Земледѣльческій отходъ крестьянъ. Кн. **Н. В. Шаховского**. Спб. 1903.

А. О. Колбъ. О направленіи хлѣбныхъ дѣлъ. Каменецъ-Подольскъ. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Опытъ изслѣдованія Пензенской губ. и юго-восточной Россіи въ сельскохозяйственномъ отношеніи. **Д. Ив. Дубовицкаго**. Части II и III. Пенза. 1903.

Краткое описаніе трудовъ статистическаго отдѣленія Новгородской губернской земской управы, изданныхъ съ 1879 по 1903 г. Новгородъ. 1903.

Краткій обзоръ экономической дѣятельности Новгородскаго земства. Новгородъ. 1903.

Б бюджетовъ крестьянскихъ хозяйствъ с. Демьяновки, Полтавской губ., Хорольскаго уѣзда. Приложение къ журналу «Хуторянинъ». Полтава. 1903.

Основы санитарной статистики. Курсъ для фельдшерскихъ школъ. Съ картограммою и діаграммами. Составилъ **Н. И. Тезяковъ**. Спб. 1903. Ц. 60 к.

Губернскіе сѣзды и совѣщанія земскихъ врачей и представителей земскихъ управъ Саратовской губ. съ

1876 по 1894 годы. Сводъ постановлений. Составленъ **П. А. Калининъ** подъ редакціей Н. И. Тезякова. Саратовъ. 1903.

О санитарныхъ условіяхъ кожевеннаго производства въ Нижегородской губ. **П. А. Лоцилова**. Изданіе губернскаго земства. Нижній-Новгородъ. 1902. Ц. 1 р.

Н. Т. и П. Ш. Новые законы служащихъ и рабочихъ, занятыхъ въ промышленныхъ предіриятіяхъ и на желѣзныхъ дорогахъ. М. 1904. Ц. 25 к.

Е. А. Айзенштейнъ. Что долженъ знать каждый по страхованію жизни. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Разборъ способа предсказаній погоды Н. А. Демчинскаго. **А. Елоссовскаго**. Одесса. 1903.

Русскій сельскій календарь на 1904 годъ. Составилъ **И. Горбуновъ-Посадовъ**. М. 1903. Ц. 20 к.

Русскій деревенскій календарь на 1904 г. **И. Горбунова-Посадова**. М. 1903. Ц. 5 к.

Домашнія бібліотеки. Опытъ систематическаго указателя книгъ для самообразованія. **А. В. Пановъ**. Изданіе 2-е. В. К. Самсонова. Саратовъ. 1903. Ц. 40 к.

Еще о школѣ и жизни.

Что посѣешь, то и пожнешь.

Русская пословица.

I.

Заходящее солнце XIX столѣтія смѣнялось первыми лучами XX вѣка, когда я окончилъ курсъ гимназій, пробывъ въ ней восемь лѣтъ, въ томъ числѣ два года въ VIII классѣ. Никогда не забуду того ощущенія, которое я испыталъ, придя домой съ полѣдняго выпускного экзамена и въ послѣдній разъ въ жизни сбросивъ съ себя гимназическій мундиръ, одѣлъ какую-то смѣшанную форму, состоящую изъ студенческой университетской тужурки и фуражки, на которыя я не имѣлъ никакого права, черныхъ гимназическихъ брюкъ и партикулярнаго сѣраго пальто. Выйдя немедленно на улицу, я купилъ у развозчика-татарина

трось кавказской работы, закурил горделиво папиросу и пошел по Невскому проспекту съ видомъ побѣдителя міра. Вечеромъ этого дня я и всѣ мои товарищи были пьяны и воображали, что это такъ и слѣдуетъ, что это очень хорошо, что это доказываетъ, что мы взрослые, „зрѣлые“ мужчины. А на другой день мы уже хвастались другъ передъ другомъ, что забыли все, что только что сдавали на экзаменахъ, и тоже воображали, что незнаніе и невѣжество есть признакъ взрослого человѣка.

Когда одинъ изъ насъ говорилъ товарищамъ, что онъ идетъ на математическій факультетъ, всѣ удивлялись ему, что за побужденія такіе толкнули его на этотъ путь. И отвѣтъ: „интересъ къ чистой наукѣ“ возбудилъ смѣхъ. Наука и интересъ къ ней казались товарищамъ чуть ли не позорными.

И въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ окончанія гимназическаго курса, имя гимназіи повторялось многими изъ насъ не иначе, какъ съ эпитетами „проклятая“, „подлая“ и т. д.

А между тѣмъ... не думайте, читатель, что гимназія наша была скверною; наоборотъ, это было одно изъ самыхъ симпатичныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, которыя я знаю, по своимъ внутреннимъ порядкамъ, по гуманности и образованности начальства, по подготовленности учителей. Какая же причина нашему странному поведенію при выпускѣ, нашему непонятно-враждебному отношенію къ тому учебному заведенію, гдѣ мы пробыли *тѣмъ* 8 лѣтъ, гдѣ мы получили фундаментъ нашего образованія, гдѣ протекло наше дѣтство, отрочество и начало нашей молодости?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ пусть послужитъ все дальнѣйшее.

Въ первый же день моего поступленія въ гимназію со мной произошелъ маленькій случай, весьма похожій на анекдотъ. Передъ первымъ урокомъ меня позвали за какими-то справками въ канцелярію, такъ что вернулся я въ классъ уже послѣ начала урока. Въ классѣ стоялъ передъ первой скамейкой полный и довольно высокій учитель въ очкахъ съ мясистыми руками и лицомъ и очень наглядно и подробно, со множествомъ пояснительныхъ жестовъ объяснялъ, какъ въ деревняхъ ленъ треплютъ. Я сѣлъ на свое мѣсто и, внимательно прислушиваясь къ его рѣчамъ, минутъ съ десять соображалъ, какой это можетъ быть урокъ. Въ концѣ-концовъ я рѣшилъ, что описаніе сельско-хозяйственныхъ производствъ болѣе всего относится къ географіи. Однако, оказалось, что это былъ урокъ русскаго языка, и описаніе трепанія льна относилось къ курсу русской грамматики. Этотъ фактъ поразилъ меня, но вскорѣ я пересталъ этому изумляться.

Въ гимназіи насъ учили писать сочиненія по заранѣе заду-

манному плану съ подраздѣленіями трехъ главныхъ частей сочиненія на части второстепенныя, третъестепенныя, четвертаго, пятаго и т. д. порядка маловажности. Чтобы не уронить престижа гимназической науки, я и въ настоящей статьѣ попытаюсь выдержать заранѣе составленный планъ: сперва я разберу преподаваніе въ гимназіи отдѣльныхъ предметовъ, потомъ выскажу свой взглядъ на цѣлесообразность такой постановки дѣла и въ заключеніе прибавлю примѣрную программу болѣе рациональнаго преподаванія и воспитанія.

Итакъ, я начинаю говорить о преподаваніи русскаго языка и словесности. Русскій языкъ! Русская словесность!.

... Сколько въ этомъ словѣ
Для сердца русскаго слилось.

Казалось бы, этотъ предметъ одинъ изъ самыхъ удобныхъ для особеннаго вліянія на умственное и нравственное развитіе дѣтей и юношей. Изучая тотъ языкъ, на которомъ эти дѣти и юноши говорятъ съ перваго или втораго года жизни; обращая ихъ вниманіе на особенности этого языка, всегда такъ ярко отражающія духъ и характеръ народа; изслѣдуя послѣдовательно произведенія устной и письменной словесности народной; слѣдя, такимъ образомъ, за самымъ развитіемъ народнаго самосознанія, народной исторической мысли—казалось, можно было бы указать ученикамъ на историческую, культурную миссію ихъ родины, внушить имъ живое желаніе принять участіе въ исполненіи этой задачи...

Не такъ было на самомъ дѣлѣ. Съ приготовительнаго до четвертаго класса включительно мы изучали премудрости російской грамматики, къ которой я также причисляю ученіе о періодахъ, проходимое въ четвертомъ классѣ. Не знаю, насколько способствовало это умѣнью правильно писать, ибо и въ выпускномъ классѣ многіе изъ насъ дѣлали орфографическія ошибки, меня же учителя, готовившіе меня въ гимназію, научили писать почти безъ ошибокъ въ гораздо болѣе короткій срокъ, чѣмъ эти пять лѣтъ. Никто не станетъ спорить, изученіе грамматики необходимо, но, на мой личный взглядъ, оно имѣетъ значеніе скорѣе для развитія логическихъ понятій учащихся, чѣмъ для обученія ихъ правописанію, которое усваивается механически. Мнѣ вполне понятно, что ученикъ долженъ умѣть различать понятія предмета — „существительнаго“, свойства или качества — „прилагательнаго“, дѣйствія — „глагола“ и т. д.; понятно также, что онъ долженъ умѣть правильно склонять и спрягать; но зачѣмъ ему учить раздѣленіе окончанія на суффиксъ и флексію (слова непонятныя ребенку, замѣчу кстати) и даже зубрить виды суффиксовъ: енъ, — оват, — тел —, еств—, и т. п. (а иначе, какъ зубря наизусть, ребенокъ ихъ не усваиваетъ)—этого я не

понимаю. Такія тонкости могутъ быть важны и интересны только филологу-специалисту. Да и сама-то російская грамматика находится въ такомъ состояніи, что считать ее за науку рискованно. У меня былъ ученикъ, котораго въ одной гимназій учили, что въ русскомъ языкѣ есть два склоненія и слово „хмѣль“ пишется черезъ букву „ѣ“; а перейдя въ гимназію другого города, онъ узналъ, что въ русскомъ языкѣ есть три склоненія и то же самое слово пишется черезъ букву „е“ (хмель). Въ одномъ учебникѣ подъ первое склоненіе подводятся слова съ однимъ окончаніемъ, въ другомъ—съ другими. Слова „лѣчить, лѣчебница“ одинъ учитель пишетъ черезъ „ѣ“ послѣ „л“, другой—черезъ „е“, а первое правописаніе считаетъ за ошибку. Слово „близъ“ (близъ дома) одинъ пишетъ съ твердымъ, другой съ мягкимъ знакомъ на концѣ. Тоже можно сказать о словахъ „наизусть“, „ужъ“, „покамѣстъ“; „мачеха“ пишется черезъ „е“ и „и“; словомъ—примѣровъ такихъ множество. Такова наша орфографія, таковы же многія этимологическія и синтаксическія понятія.

Не имѣя подъ рукою учебниковъ русской грамматики, я не имѣю возможности указать на тотъ тяжеловѣсный и для взрослыхъ мозговъ языкъ, которымъ пишутся наши грамматики, но всякій, кому приходилось заниматься этимъ предметомъ съ дѣтьми, хорошо знаетъ, какъ трудно усваиваютъ они эту кабалистическую терминологию и этотъ запутанный слогъ. Дѣло кончается тѣмъ, что дѣти зубрятъ, и эта трудно искоренимая привычка вѣдается такъ, что слѣды ея отражаются на всемъ развитіи ребенка. А сути-то науки, скрытой подъ этими ненавистными параграфами, исключеніями и примѣчаніями, дѣти все-таки не знаютъ, и любой деревенскій мальчишка поймаетъ ихъ на незнаніи родного языка.

Въ четвертомъ классѣ начинается изученіе періодической рѣчи. Періоды дѣлятся на уступительные, повѣствовательные, сравнительные, условные и т. д. (извиняюсь передъ г.г. словесниками, если я варварски переставилъ порядокъ, въ которомъ ихъ принято перечислять), періоды разбиваютъ на повышенія и пониженія, на главные и второстепенные члены; но мое дѣтское чутье уже тогда съ горечью отмѣчало тотъ фактъ, что за этимъ анатомированіемъ челоуѣческой мысли не замѣчаютъ красоты ея изложенія и той силы, которую она пріобрѣтаетъ въ этой формѣ. И съ тѣхъ поръ въ насъ вкоренилось какое-то презрѣніе къ ней, такъ какъ всякій періодъ соединялся въ нашемъ представленіи съ этой маленькой, но „ехидной“ книжкой, съ этой утомительной и подчасъ непонятной классификаціей. А чтобы мы лучше „усваивали“ ея сущность, насъ заставляли зазубривать длиннѣйшіе періоды изъ Карамзина и Ломоносова. Укажу изъ Карамзинскихъ на всѣмъ извѣстный періодъ: „Іоанъ III, рожденный, воспитанный данникомъ степной орды, подобной нынѣшнимъ

киргизскимъ "... т. д., а изъ Ломоносовскихъ—на періодъ: „Если-бы въ сей пресвѣтлый день“... У кого изъ моихъ читателей найдется время и охота отыскать эти періоды, тѣ, надѣюсь, согласятся со мною, что зазубриваніе подобныхъ отрывковъ можетъ вселить только отвращеніе къ столь красивой рѣчи, какъ періодическая, но отнюдь не восхищеніе передъ ея красотами. Знаю, найдутся многіе педагоги, которымъ никакъ не удастся понять ученіе безъ такого зазубриванья. Они возражаютъ мнѣ, что если не заставлятъ учениковъ заучивать образцы литературной рѣчи наизусть, то они не станутъ вовсе обращать на нихъ вниманія и, изучая правила періодической рѣчи, такъ-таки и не усвоятъ сущности.

Я могу очень многое отвѣтить на это возраженіе. Пора отрѣшиться отъ взгляда, что всякій ученикъ—непремѣнно лѣнтяй и враждебно относится къ преподаваемому ему знанію. Мальчикъ 14—15 лѣтъ, находясь въ IV классѣ, уже достаточно созрѣлъ для болѣе довѣрчиваго отношенія къ нему. У меня были товарищи въ этомъ возрастѣ, которые уже и сами пробовали свои силы въ литературномъ творествѣ и, тѣмъ болѣе, уже много читали и, слѣдовательно, вполне сознательно могли усваивать художественность того или другого образца. И это были не единичныя личности, а значительный процентъ изъ всѣхъ учениковъ моего класса.

То же самое можно сказать и объ изученіи образцовъ нашей древней и новой словесности. Въ IV классѣ мы изучали грамматику славянскаго языка; изучали ее чуть-ли не подробнѣе, чѣмъ въ свое время грамматику русскую; изучали—Богъ вѣдаетъ, зачѣмъ, чисто филологическіе законы о повышеніи и пониженіи гласныхъ, о классификаціи согласныхъ на гортанныя, зубныя, свистящія и шипящія, о разложеніи буквы „у“ на буквы „ов“, буквы „ы“ на буквы „тъ“, о составныхъ звукахъ юсовъ большого и малаго, и о томъ, какъ слово „чадо“ оказывается одного корня съ нѣмецкимъ „Kind“ и т. д. И опять зубрежка всѣхъ этихъ повышеній, пониженій, разложеній и классификацій, чуждыхъ и непонятныхъ юному мозгу, отвращала насъ отъ „славянщины“. На переводы со славянскаго языка на русскій вовсе не обращали вниманія, и, когда мы въ V классѣ приступили къ изученію первыхъ проблесковъ русской цивилизаціи, то есть къ чтенію лѣтописей и былинъ, то ихъ текстъ былъ намъ немногимъ болѣе понятенъ, чѣмъ тексты Овидія или Ксенофонта и Платона. Да не много мы и читали ихъ. Ниже мнѣ придется говорить о томъ, какъ терялось время въ классѣ; а пока попрошу читателя повѣрить мнѣ на слово, что мы прыгали по „исторической хрестоматіи“ Ѳ. Буслаева, буквально изучая черезъ 50 страницъ по полустраницѣ. А между тѣмъ, книга эта имѣетъ такой объемъ, что при крайне медленномъ чтеніи ее всю можно прочесть въ классѣ въ теченіе пяти-шести учебныхъ мѣсяцевъ. Разумѣется,

для успѣха въ этомъ дѣлѣ, учителю пришлось-бы отказаться отъ разсказовъ о томъ, какъ въ деревняхъ треплютъ ленъ, или о томъ, какъ онъ, учитель, сидя на вершинѣ какой-то Кавказской горы, видѣлъ съ одной стороны Черное море, а съ другой—Каспійское. Очевидно, онъ считалъ это болѣе важнымъ и поучительнымъ...

Итакъ, въ теченіе трехъ лѣтъ (V, VI и VII классы) мы изучали русскую словесность и, если-бы внѣ школы не существовало другой жизни, которая задѣвала и насъ, то мы принуждены были-бы со стыдомъ полагать, что, кромѣ всѣхъ ужасовъ Симеона Полоцкого, Кантемира, Третьяковского, Сумарокова и Озерова, русскій геній какимъ то чудомъ создалъ Пушкина, Лермонтова и Гоголя и... угасъ навѣки. Далѣе идетъ какая-то безпросвѣтная тьма, и вся литература ограничивается учебниками да развѣ еще „Новымъ Временемъ“ и „Петербургскимъ Листкомъ“. Я назвалъ произведенія нашей литературы до XIX вѣка „ужасами“, и именно таковыми они и представлялись намъ: мы видѣли въ нихъ дикую форму, тяжеловѣсность слога, странныя особенности языка—и, конечно, не понимали ничего этого, такъ какъ ничего не знали о связи этой литературы съ современной ей жизнью Россіи, съ развитіемъ русскаго общества, съ идеями и нравами, царившими въ ней въ разные эпохи, съ состояніемъ русскаго знанія и образованности. Мы понимали и чувствовали только одно: что насъ заставляютъ заучивать что-то чуждое, непонятное намъ, и что намъ это тяжело и противно.

Въ VIII классѣ мы изучали теорію словесности. Не стоитъ говорить о томъ, можетъ-ли быть теорія у такой вещи, какъ искусство; это будетъ споръ слишкомъ принципиальный. Я слишкомъ далекъ отъ области искусства, чтобы увѣренно доказывать противное; скажу только одно: когда намъ говорили, что „серьзная“ драма должна имѣть 5 актовъ; съ 1-го до 3-го должно идти усиленіе интриги, а съ 3-го до 5-го ея ослабѣваніе, при чемъ въ 3-ьемъ, а не во второмъ и не въ четвертомъ, долженъ быть кульминаціонный моментъ драмы,—когда намъ говорили такія вещи, то мы были уже настолько взрослые, что только и могли смѣяться надъ такими рамками для художественнаго творчества. А затѣмъ не могу не упомянуть о томъ, какъ насъ учили, чтобы въ сочиненіяхъ не встрѣчалось стеченія многихъ гласныхъ подрядъ („И у Іова, и у Ильи“) или многихъ согласныхъ („Быстръ страхъ смерти“). Къ чему это? Тѣ изъ насъ, которые имѣли склонность и способность къ писанію, сами замѣчали подобные промахи и избѣгали ихъ; тѣ-же, которые такихъ способностей не имѣли, никогда этихъ правилъ запомнить не могли, да врядъ-ли когда-нибудь въ послѣдствіи имъ и понадобились они.

Вмѣсто всѣхъ этихъ „теорій“ было-бы въ тысячу разъ по-

лезнѣе сообщить ученикамъ исторію литературныхъ формъ. Это созналъ новый учитель нашъ, смѣнившій въ VIII классѣ того, который съ Кавказской вершины обозрѣвалъ два моря. Молодой учитель составилъ дополненіе къ теоріи словесности, въ которомъ изложилъ исторію развитія литературныхъ формъ. Дополненіе это было имъ напечатано и роздано намъ съ вѣдома и разрѣшенія директора, однако-же, онъ рекомендовалъ намъ, въ случаѣ посѣщенія гимназіи окружнымъ инспекторомъ, тетрадку эту спрятать въ ранецъ и, по возможности, не упоминать о ней...

Для вѣщаго усвоенія нами приѣмовъ литературнаго искусства, мы писали въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ „сочиненія“. Нечего и говорить о важности этого упражненія; но въ томъ видѣ, въ какомъ оно производилось у насъ, это упражненіе скорѣе отучало писать, чѣмъ приучало. Размѣры сочиненія были узко намѣчены, и переступать ихъ не разрѣшалось. Темы были такого рода: „Море и пустыня“, „Мой лучшій другъ“, „Художественность произведеній Гоголя“, „Пушкинъ, какъ народный поэтъ“. Изъ года въ годъ повторялись эти шаблонныя темы, и все, что на нихъ писалъ одинъ выпускъ, писалъ и слѣдующій за нимъ, повторяя тѣ-же мысли, тѣ-же доказательства, тѣ-же примѣры.

Кстати будетъ разсказать одинъ забавный и въ то-же время грустный случай. Со мной на одной скамейкѣ сидѣлъ въ теченіе 6 лѣтъ одинъ товарищъ, хорошій математикъ и, какъ часто бываетъ съ математиками, плохой словесникъ. Зная, что на первое сочиненіе въ VII классѣ могутъ дать одну изъ пяти-шести темъ вродѣ „Художественность произведеній Гоголя“ или „Характеристика Онѣгина“, онъ списалъ у товарищей восемь такихъ сочиненій и пронесъ ихъ въ гимназію на тотъ урокъ, когда предполагалось классное сочиненіе. И, дѣйствительно, тема досталась одна изъ имѣвшихся у него. Поцарапавъ для виду въ теченіе получаса по бумагѣ, онъ подалъ заранѣе списанное чужое сочиненіе и, такимъ образомъ, удостоился хорошей отмѣтки въ „четверти“.

А въ VI классѣ были вещи и еще хуже. Намъ сообщали, что въ эпоху господства схоластики образцомъ сочиненій считались „хріи“, написанныя по разъ установленному шаблону: сперва вступленіе, потомъ изложеніе темы, потомъ этиологія—разборъ, потомъ раздѣленіе и т. д. И, сообщая намъ, что это—схоластическая, слѣдовательно, устарѣлая, отброшенная форма, интересная лишь въ археологическомъ смыслѣ,—сообщая это, насъ заставляли писать именно „хріи“.

Съ преподаваніемъ русскаго языка въ большинствѣ гимназій, какъ и въ нашей, совмѣщается почему-то и преподаваніе логики. Относительно преподаванія въ гимназіи этого послѣдняго предмета я могу высказать только одно: было-бы весьма желательно,

чтобы эта серьезная наука преподавалась особымъ учителемъ, такъ какъ при совмѣщеніи логики и русскаго языка въ рукахъ одного педагога слишкомъ много „логическихъ“ часовъ уходитъ на рассказы о кавказскихъ вершинахъ и о производствѣ въ деревняхъ пива, браги, сусли и т. п.

Вполнѣ понятно, что при такой постановкѣ преподаванія русскаго языка новые языки занимаютъ въ гимназіяхъ еще болѣе приниженное положеніе. Уроки этихъ языковъ представляютъ собою прямо-таки водевильныя сценки. Я помню двухъ преподавателей нѣмецкаго языка. Одинъ изъ нихъ былъ даже не нѣмецъ, а латышъ или эстъ, о чемъ онъ самъ говорилъ неоднократно. Какое образованіе онъ получилъ—это такъ и осталось покрытымъ мракомъ неизвѣстности не только для учениковъ, но, кажется, и для начальства. Фактъ тотъ, что онъ все-таки преподавалъ. Это былъ нервный, капризный и несдержанный господинъ, который въ младшихъ классахъ нагонялъ ужасъ на учениковъ тѣмъ, что мазалъ имъ мѣломъ носъ и тыкалъ ученика лицомъ въ доску, на которой были написаны невѣрные склоненія. А въ старшихъ классахъ этотъ-же учитель сдѣлался посмѣшищемъ всего класса. Съ полудѣтской еще жестокостью вымѣщали ему ученики всѣ прежнія обиды: цѣлымъ классомъ его дразнили, жестоко издѣваясь надъ его физическимъ недостаткомъ, высмѣивая его голосъ и акцентъ, доводя его дерзостями до бѣлаго каленія. Въ концѣ концовъ начальство рѣшило, что такое положеніе подрываетъ престижъ учительскаго достоинства, и его попросили уйти изъ гимназіи. А можетъ быть, онъ сдѣлалъ это и по доброй волѣ. Во всякомъ случаѣ, начальство обратило вниманіе на этотъ эпизодъ.

Другой нѣмецъ былъ уже старикъ. Довольно бодрый на видъ, это былъ уже полуслѣпой и полуглухой, весьма добродушный человѣкъ. Изъ класса у него свободно уходили курить и не менѣе свободно разгуливали по классу: старикъ ничего этого не видѣлъ. Однажды съ его урока ушло болѣе половины учениковъ. И вдругъ директору вздумалось заглянуть въ его классъ. Сдержанный, обыкновенно державшій себя весьма важно, директоръ пришелъ въ ярость.

— Гдѣ-же ваши ученики? Что это за безобразіе!—закричалъ онъ.

Нѣмецъ немного растерялся.

— А сегодня... католическій праздникъ!—выпалилъ онъ... Много учениковъ пошли въ костель.

Съ этихъ поръ до самаго окончанія нами курса царило, а можетъ быть, и теперь царить въ гимназіи названіе „католическій праздникъ“ для пустующаго по тѣмъ или другимъ причинамъ урока.

Въ классѣ всегда бывало двое, трое „нѣмцевъ“, т. е. учени-

ковъ, знавшихъ нѣмецкій языкъ. Эти двое или трое переводили и отвѣчали за весь классъ. Позовешь, бывало, нѣмецъ какого-нибудь ученика; тотъ сейчасъ вслухъ зоветъ товарища-„нѣмца“. „Нѣмецъ“ лѣзетъ черезъ всѣ скамейки, усаживается рядомъ съ вызваннымъ и вслухъ диктуетъ ему переводъ или грамматику, а тотъ еще громче кричитъ подсказанное учителю. Послѣдній при громкомъ смѣхѣ класса ставитъ ему пятерку, ничего не видя и не слыша.

— И чего вы смѣтаетесь?—спрашиваетъ онъ учениковъ и самъ неизвѣстно чему начинаетъ улыбаться.—Вы у меня хорошій классъ,—говоритъ онъ,—даже послѣдній ученикъ имѣетъ четверку.

Такую-же комическую или, если глубже вдуматься, трагикомическую роль играетъ въ нашей средней школѣ и французскій языкъ. Я не буду долго останавливаться на немъ, не желая слово въ слово повторять сказанное о нѣмецкомъ языкѣ. Въ нашемъ классѣ въ теченіе 8 лѣтъ перемѣнилось пять французовъ. Двое изъ нихъ и сами ничего не хотѣли дѣлать: одинъ былъ слишкомъ старъ, другой былъ гувернеромъ у дѣтей какого-то графа и поэтому, должно быть, не желалъ метать бисеръ передъ „кухаркиными сыновьями“. Изъ остальныхъ трехъ одинъ ушелъ изъ гимназіи именно потому, что, какъ онъ мнѣ говорилъ, даромъ брать денегъ онъ не хотѣлъ, учить-же было невозможно при томъ положеніи, въ которое поставленъ преподаватель новыхъ языковъ въ современной гимназіи. Другой былъ не французъ, а полякъ, что ему не мѣшало прекрасно знать французскій языкъ. Это былъ джентельмэнъ въ лучшемъ смыслѣ слова, сумѣвшій поставить себя весьма высоко въ смыслѣ отношенія къ нему учениковъ; къ послѣднимъ онъ относился, какъ къ взрослымъ, уговаривалъ ихъ заниматься, хотѣлъ знакомить ихъ съ содержаніемъ и значеніемъ французской литературы; такъ, напримѣръ, переводя Бомарше, онъ весьма подробно говорилъ о его жизни, о вліяніи на французское общество и т. д. Но... ему было отведено слишкомъ мало часовъ въ недѣлю, а ученики слишкомъ закоренѣли въ своемъ шутливо пренебрежительномъ отношеніи къ языкамъ. И ему не удалось сдѣлать ничего, кромѣ только того, что у нѣсколькихъ изъ нашихъ товарищей остался въ памяти одинъ лишній примѣръ педагога—человѣка, а не чиновника.

Наконецъ, третій изъ французовъ, порывавшихся что-то дѣлать, поступилъ къ намъ, когда мы были уже въ восьмомъ классѣ. Это былъ человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, умный, гуманный и весьма симпатичный. Первое, что онъ сказалъ намъ, послѣ того, какъ директоръ, представивъ его намъ, вышелъ изъ класса, было заявленіе, что онъ будетъ разговаривать съ нами по-французски. Въ классѣ поднялся шумъ и смѣхъ.

— Да мы читать-то по французски не всё умѣемъ,— возразили учителю,— а не то, что говорить. Васъ никто не пойметъ.— Учитель опѣшилъ.

— Какъ, въ восьмомъ классѣ вы не умѣете читать?— недоумѣвающе воскликнулъ онъ.— Что-же вы дѣлали до сихъ поръ?

— Ничего!—хоромъ отвѣтилъ классъ.

Учитель попытался отстоять свой планъ.

— Господа,—сказалъ онъ,—да вѣдь такъ вы никогда не научитесь. По новымъ программамъ намъ вмѣняется въ обязанность.

— Такъ вы и учите по новымъ программамъ новопоступившихъ въ младшіе классы учениковъ,—сказали ему.— А мы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ кончаемъ гимназію: насъ уже поздно переучивать.

Учитель началъ сдаваться. Споръ продолжался еще нѣсколько минутъ. Рѣшено было, что онъ будетъ говорить по французски съ тѣми, кто можетъ и хочетъ. Въ классѣ изъ сорока человѣкъ нашлось такихъ любителей двое...

Прошло полчаса, и въ классѣ царила обычная картина. На задней скамейкѣ двое учениковъ играли въ шахматы на миниатюрной складной доскѣ; надъ ними, наклонившись и спиною къ учителю, полустояли, полусидѣли другіе товарищи и слѣдили за игрой. Другіе двое читали газету. На первой скамейкѣ кто-то стригъ ногти. Вдоль стѣны, прилегавшей къ улицѣ, человѣкъ пять учениковъ сидѣли, зѣвая въ окно на прохожихъ, на извозчиковъ и мечтая объ окончаніи урока и давно желанной папирскѣ во время рекреации. А на каедрѣ сидѣлъ учитель и, неизвѣстно къ кому обращаясь, говорилъ о музыкѣ, о ея значеніи, о томъ, что національная музыка умретъ, а интернациональная—вѣчна, и что поэтому „Евгеній Онѣгинъ“ осужденъ на забвеніе въ будущемъ, а „Фаустъ“ будетъ любимой оперой и въ XX-омъ, и въ XXX-омъ столѣтіи.

Передъ тѣмъ, какъ перейти къ тѣмъ двумъ языкамъ, по имени которыхъ и вся наша гимназія носить названіе классической, скажу нѣсколько словъ о преподаваніи исторіи.

Исторію преподавалъ у насъ человѣкъ, которому мѣсто было скорѣе на университетской каедрѣ, чѣмъ въ гимназіи. Это былъ человѣкъ, понимавшій исторію не какъ списокъ отдѣльных фактовъ, болѣе или менѣе интересныхъ, а какъ логически законченную и правильную эволюцію человѣческой культуры. Онъ требовалъ отъ учениковъ безусловнаго пониманія смысла той или другой эпохи; требовалъ, чтобы они вполне отдавали себѣ отчетъ въ томъ, какое для кого то или другое событіе имѣло значеніе, въ чьихъ выгодахъ было оно, чѣмъ оно обуславливалось и что

въ свою очередь оно должно было вызвать. Часто случалось, что, вызвавъ ученика, онъ замѣчалъ, что онъ не понимаетъ урока, и въ такомъ случаѣ онъ не давалъ ему продолжать отвѣтъ, а наводилъ его на правильную оцѣнку событія, спрашивалъ мнѣніе у другихъ учениковъ; часто задавалъ онъ по очереди одинъ и тотъ-же вопросъ всѣмъ ученикамъ класса, и цѣлый часъ въ классѣ рѣшался всего только одинъ частный вопросъ, пока, наконецъ, кто-нибудь не нападетъ на вѣрную мысль, или же самъ учитель не скажетъ окончательнаго опредѣленія. При объясненіи урока учитель не рассказывалъ почти никакихъ фактовъ, а пояснялъ значеніе ихъ, рисовалъ картину эпохи, взаимодѣйствіе общественныхъ силъ и культурное состояніе эпохи, націи и страны. И на его урокахъ никто не спалъ, а весь классъ напряженно слушалъ и работалъ мозгами, такъ какъ всѣ объясненія свои учитель требовалъ помнить. Однажды, спросивъ ученика, какую эпоху мы называемъ новой исторіей, учитель получилъ неточный отвѣтъ. Тогда онъ спросилъ его, что вообще называется исторіей, и тоже получилъ неясное опредѣленіе. Посадивъ ученика на мѣсто, учитель задалъ классу вопросы: „что такое исторія? что такое цивилизація? что такое прогрессъ?“ И эти три вопроса рѣшались на протяженіи пяти-шести уроковъ, и учитель считалъ это болѣе важнымъ, чѣмъ рассказъ о Кальмарской уніи, которая была задана на этотъ урокъ. Отмѣтокъ за разовые отвѣты онъ не ставилъ, а въ „четверти“ выставялъ отмѣтку на основаніи своего сужденія объ общемъ развитіи ученика, которое у него складывалось по отдѣльнымъ отвѣтамъ послѣдняго.

Впрочемъ, были такія эпохи, которыя онъ считалъ особо важными. Такія мѣста онъ освѣщалъ особенно подробно, рассказывая даже мелкія подробности фактической сторсны дѣла. И съ восторгомъ вспоминаю я теперь его краснорѣчивыя, художественныя, отдѣланныя рѣчи. Обычная иронія, съ которой онъ обращался къ ученикамъ, исчезала; онъ воодушевлялся, и твердая убѣжденность, глубокое пониманіе дѣла, интересъ къ судьбамъ человѣчества и любовь къ нему мелькали тогда въ его остроумной и подчасъ саркастической рѣчи. Такъ передавалъ онъ намъ эпоху Гракховъ, переселеніе народовъ и образованіе феодальныхъ отношеній, реформаціонный періодъ и французскую революцію; изъ русской исторіи съ такимъ особеннымъ вниманіемъ относился онъ къ князьямъ-собирателямъ Руси, къ Петру Великому и реформамъ Александра II.

Учителя этого уважали, боялись, но... не любили. Онъ былъ бы полезенъ, если бы средняя школа давала достаточно развитіе для сознательнаго отношенія къ знанію; но рядомъ съ такимъ серьезнымъ, научнымъ преподаваніемъ исторіи ученики слушали рассказы о трепаніи льна — на русскихъ урокахъ, о музыкѣ и балетѣ — на французскихъ, и мозги учениковъ, расслабленные

такую пищей, не могли переваривать пищи болѣе здоровой—настоящей науки. Въ концѣ концовъ учителя исторіи понимали изъ всего класса двое-трое человѣкъ; учитель хорошо это видѣлъ, и подѣ старость изъ него выработался очень распространенный типъ учителя, презрительно глядящаго на ограниченность учениковъ и высмѣивающаго ихъ узкій кругозоръ. И его уважали, чувствуя въ немъ талантъ и умъ, но не любили. Никому изъ учениковъ не приходило въ голову, что за этой величавой, выдержанной внѣшностью, за этой безпощадной и мѣткой ироніей скрывается много горечи; человѣкъ хотѣлъ работать, трудиться, учить, воспитывать, но атмосфера, обстановка школы не дали возможности осуществить эти благія намѣренія...

Я приступаю къ древнимъ языкамъ, къ тому фундаменту, на которомъ авторы классической системы хотѣли построить цѣлое зданіе благоденствія Россіи, породить цѣлую расу людей, выточенныхъ по одной благодѣтельной мѣркѣ. И боюсь, что я буду слишкомъ кратокъ, что читатель не повѣритъ простотѣ той картины, которая представится его глазамъ.

Когда года два или три назадъ пробилъ смертный часъ классической системѣ, когда о ней заговорили по всей Россіи съ нескрываемымъ озлобленіемъ не только заклятые враги ея, молчавшіе до этого времени, но даже недавніе друзья классическаго образованія, я былъ очень удивленъ одной вещью. А именно—меня удивило, что люди говорили о классицизмѣ, какъ о системѣ, построенной на томъ, чтобы душить несчастныхъ дѣтей и юношей непосильной зубрежкой, подавляя сухимъ, педантичнымъ и мертвящимъ преподаваніемъ всѣ живыя силы молодежи. Можетъ быть, когда-нибудь это такъ и было, но въ наше время отъ подобныхъ ужасовъ не осталось и слѣда. Наше поколѣніе гимназистовъ тоже съ отвращеніемъ вспоминаетъ классицизмъ, но совсѣмъ по другой причинѣ: онъ отучалъ насъ работать, а никакъ не душилъ непосильнымъ трудомъ. И если было въ немъ нѣчто растлѣвающее,—такъ это именно тотъ развратъ бездѣлья, которымъ онъ пропиталъ всю обстановку нашей школы. И типъ гимназическаго лѣнтяя и тушицы, воюющаго съ Кюнеромъ и ему подобными, отошелъ уже въ вѣчность. Напротивъ того, лѣнтяи нашего времени проживали въ полномъ мирѣ съ классиками, и уроки послѣднихъ являлись для нихъ чуть-ли не отдыхомъ. Исторія имѣетъ свои законы, противъ которыхъ идти нельзя; если какое-нибудь явление существуетъ, то оно, значитъ, еще имѣетъ извѣстный *raison d'être*, и наоборотъ: если вещь потеряла свою цѣну для людей, она падетъ, какъ только придетъ ея часъ. Часъ классицизма пробилъ, и неминуемо онъ долженъ былъ выродиться въ ту нелѣпую и комическую форму, въ которой я его засталъ.

Съ перваго до восьмого класса включительно мы изучали латинскій языкъ, а съ третьяго до восьмого—греческій. На изученіе

этихъ языковъ мы тратили по шести-семи уроковъ въ недѣлю на каждый изъ нихъ и, кончая гимназію, мы еле-еле читали. Я и нѣкоторые изъ моихъ товарищей, принужденные въ старшихъ классахъ гимназіи давать уроки, поневолѣ выучили древніе языки и сдѣлали это въ два-три мѣсяца; у меня были ученики и ученицы, которыхъ я готовилъ къ экзаменамъ по латинскому языку, напримѣръ, для поступленія въ женскій медицинскій институтъ; и мнѣ безъ труда удавалось въ три-четыре мѣсяца настолько ставить ихъ на ноги, что они свободно переводили Цезаря à livre ouvert. Уже изъ одного этого видно, что классическая премудрость вовсе не такъ тяжела, чтобы ею было можно такъ легко забивать цѣлыя поколѣнія юношей. Тѣ-же изъ моихъ товарищей, которые уроковъ не давали, за всѣ восемь лѣтъ не усваивали латинскаго синтаксиса и греческихъ спряженій и на выпускномъ экзаменѣ отпускали такія ошибки, за которыя я бранилъ своихъ учениковъ уже на второмъ мѣсяцѣ занятій.

Латинскій языкъ, какъ я уже сказалъ, изучался у насъ съ перваго класса. Въ первомъ и второмъ классѣ мы постепенно проходили грамматику, подготовляясь къ чтенію классиковъ, изъ которыхъ первымъ мы читали Корнелія Непота (въ третьемъ классѣ). Но что скажетъ мой благосклонный читатель, если услышитъ, что окончательно мы разставались съ латинской грамматикой лишь въ шестомъ классѣ, да и то лишь оффиціально, на самомъ-же дѣлѣ мы повторяли ее и въ седьмомъ, и въ восьмомъ! Восемь лѣтъ для того, чтобы выучить книжку въ 100—200 страницъ, изъ которыхъ половина выпускалась, а изъ этой половины тоже добрая половина состояла изъ примѣровъ, которыхъ, конечно, никто не училъ. Итакъ, восемь лѣтъ тратилось на то, чтобы выучить какихъ-нибудь пятьдесятъ страницъ. Казалось-бы, что за то мы должны были знать эти пятьдесятъ страницъ, какъ священникъ литургію или вечерню; но на самомъ дѣлѣ мы имѣли такъ мало познаній, что передъ выпускными экзаменами нашъ латинистъ принужденъ былъ еще разъ *конспективно* изложить намъ эту глубокомысленную науку.

Съ перваго до шестого класса мы писали, такъ называемыя, экстемпоралии, т. е. классныя письменныя работы, состоявшія въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій простыхъ фразъ, пріуроченныхъ къ элементарнѣйшимъ правиламъ грамматики. Экстемпоралии писались раза два или три въ мѣсяцъ, т. е. за шесть упомянутыхъ лѣтъ мы написали около *ста* экстемпоралій (цифра солидная, хотя я беру далеко не maximum). И все-таки въ шестомъ классѣ повторялись тѣ же ошибки, которыя дѣлались и годомъ, и двумя раньше. Число двоекъ за каждую работу нерѣдко доходило до 50% числа учениковъ, тогда какъ число двоекъ за письменныя работы по математикѣ или русскому языку ни-

когда не превышало очень постоянного, незначительного процента.

Чѣмъ же надо объяснить такое явленіе? Прежде всего полномъ равнодушіемъ, какъ всѣхъ поголовно учениковъ, такъ и подавляющаго большинства учителей къ изученію древнихъ языковъ. Наши учителя русскаго языка, математики, исторіи, физики, географіи тоже не были богами; не были они и восторженными фанатиками своихъ предметовъ, но на ихъ урокахъ я никогда не видѣлъ такой единодушной спячки учителя и учениковъ, какъ на урокахъ древнихъ языковъ. У нихъ по большей части видно было, если и не интересъ къ наукѣ, то хоть малѣйшее желаніе втолковать предметъ въ голову ученика. Всѣ же наши классики, за исключеніемъ одного, отличались олимпійски-спокойнымъ равнодушіемъ ко всему на свѣтѣ и прежде всего—къ успѣхамъ учениковъ. Съ одинаковымъ спокойствіемъ ставили они пятерку ученику, выдолбившему три параграфа и два примѣчанія къ нимъ по грамматикѣ или правильно сумѣвшему перевести восемь строчекъ изъ какого-нибудь классика, и двойку другому ученику, непокорная голова котораго никакъ не могла справиться съ этими премудростями. Впрочемъ, надо сказать, что на устныхъ отвѣтахъ рѣдко кто получалъ неудовлетворительную отмѣтку: приготовить переводъ отрывка изъ классика ровно ничего не стоило; достаточно было только за гривенникъ пріобрѣсти у букиниста такъ называемый „подстрочникъ“, т. е. дословный переводъ классика на русскій языкъ. Тамъ же были выписаны встрѣчающіяся въ переводѣ слова, такъ что и въ словарѣ порыться не было надобности. Вся работа была сдѣлана за ученика. Придя въ гимназію, онъ передъ урокомъ проглядывалъ текстъ, сравнивалъ его съ подстрочникомъ — и урокъ приготовленъ. Другіе, болѣе лѣнныя, но болѣе смѣлые, просто вырѣзывали листъ изъ подстрочника, вкладывали его въ книгу и уже тогда, когда ихъ вызывали, сравнивали латинскій и русскій тексты.

При переводѣ, на смыслъ, содержаніе, ходъ мыслей сочиненія вовсе не обращалось вниманія. Ученика заставляли прочесть фразу на древнемъ языкѣ, затѣмъ перевести на русскій. Когда онъ благополучно совершалъ это, начинался „разборъ“, т. е. ученикъ долженъ былъ объяснить, почему поставленъ дательный, а не родительный падежъ; гдѣ находится прямое дополненіе; въ зависимости отъ какого союза стоитъ сослагательное наклоненіе и т. п. Когда же и эти вопросы были разрѣшены, то ученику выставлялась отмѣтка и тѣмъ дѣло кончалось. Слѣдующій вызванный ученикъ начиналъ отвѣтъ обыкновенно съ того, что спрашивалъ товарищей, а то и учителя, на чемъ его предшественникъ окончилъ переводъ, такъ какъ, конечно, никто въ классѣ не слушалъ отвѣта товарищей. И всѣ находили это настолько

естественнымъ, что большинство учителей этимъ нисколько не возмущались и сами указывали, откуда надо начинать переводъ.

И если бы въ концѣ урока кто нибудь задалъ всему классу вопросъ: „о чемъ сегодня переводили?“, то, клянусь честию гимназіи, никто не отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ. Во всякомъ случаѣ я могу утверждать, что когда встрѣчались въ переводѣ десятки разъ встрѣчавшіяся имена, то никто ихъ не помнилъ и не различалъ дѣйствующихъ лицъ. Да это и не требовалось отъ насъ...

Я ограничиваюсь сказаннымъ о латинскомъ языкѣ. То же самое пришлось бы повторить о греческомъ. И это не сказка изъ Шехерезады, не басня Лафонтена и не рассказъ изъ библейской исторіи, а картина того, что происходило въ учебномъ заведеніи крупнаго умственного центра Россіи пять-шесть лѣтъ тому назадъ и даже ближе. Такъ проходилъ одинъ урокъ за другимъ, день за днемъ, недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ. И мы переходили изъ класса въ классъ, изъ ребятшекъ обращались въ отроковъ, изъ отроковъ въ юношей, сучая съ каждымъ годомъ все тоскливѣе и мучительнѣе, и, наконецъ, пройдя черезъ всѣ Сциллы и Харибды этой инквизиціи бездѣлья, получали „аттестатъ зрѣлости“, который не дается реалистамъ, потому что они не знакомы съ классицизмомъ. Какая иронія, какой сарказмъ въ этомъ названіи „аттестатъ зрѣлости“! Къ сожалѣнію, классическая гимназія выпускала или недозрѣлыхъ, или потерявшихъ разъ навсегда способность когда бы то ни было созрѣть. Но объ этомъ послѣ.

Чтобы окончить разборъ преподаванія отдѣльных предметовъ гимназическаго курса, я перейду къ группѣ предметовъ физико-математическихъ. Таковыхъ въ гимназіи четыре: математика, физика, географія и космографія. Подъ математикой подразумѣвается элементарная часть ея, да и то не полностью: ариметика, алгебра, геометрія и тригонометрія. Всѣ эти науки, кромѣ геометріи, проходятся съ извѣстными, иногда довольно значительными, выпусками изъ извѣстныхъ курсовъ Киселева и Шапошникова. О такъ называемомъ приложеніи алгебры къ геометріи не дается никакого понятія.

Объ ариметикѣ я говорить не стану: преподаваніе ея поставлено въ гимназіи весьма порядочно и фундаментально. Она проходитъ съ приготовительнаго класса до третьяго включительно. Въ третьемъ же классѣ начинается преподаваніе алгебры, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинается какое-то коренное недоразумѣніе, вызывающее многіе вопросы. Дѣло въ томъ, что въ третьемъ классѣ гимназіи изъ всей алгебры проходятся только первые четыре дѣйствія; даже алгебраическія дроби перенесены въ четвертый. Въ реальныхъ же училищахъ въ третьемъ классѣ проходитъ гораздо больше. Возникаетъ вопросъ: чѣмъ объяснить эту разницу? Ужъ не тѣмъ

ли, что ученики реального училища от природы надѣлены способностью воспринимать математическія познанія легче, чѣмъ гимназисты? Но вѣдь новорожденные младенцы не раздѣляются на гимназистовъ и реалистовъ, и, право, ученики третьяго класса гимназій и реальныхъ училищъ ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. А между тѣмъ, различіе въ программѣ математики растеть съ каждымъ годомъ. Въ четвертомъ классѣ реалисты уже знаютъ уравненія, а мы только-только подбирались къ нимъ. То же самое можно сказать и о геометріи. Въ шестомъ классѣ реалисты уже кончили алгебру, а мы кончали ее только въ седьмомъ, и притомъ не знали многихъ статей ея, которыя успѣвали проходить реалисты. Въ седьмомъ, дополнительномъ классѣ, реалисты изучали, и довольно солидно, даже начертательную геометрію, мы же и элементарной не знали полностью. Такимъ образомъ, выходило, что реалисты въ семь лѣтъ успѣвали проходить весьма подробно всю элементарную математику, да еще начертательную геометрію и приложеніе алгебры къ геометріи, мы же въ восемь лѣтъ, не говоря уже о двухъ послѣднихъ предметахъ, и остальное-то знали съ грѣхомъ пополамъ. Такъ, напримѣръ, задачъ по геометріи мы почти вовсе не рѣшали; правда, въ восьмомъ классѣ намъ давали задачи на вычисленіе объемовъ и поверхностей простѣйшихъ геометрическихъ тѣлъ: пирамиды, призмы, конуса, цилиндра, шара, но эти задачи требовали лишь за-поминанія десятка — другого формулъ стереометріи и тригонометріи и состояли лишь въ подстановкѣ данныхъ цифръ въ общеизвѣстныя формулы, не требуя никакой сообразительности. Такихъ же задачъ, которыя, съ одной стороны, содержатъ самую суть геометріи, а съ другой—наиболѣе приучаютъ къ сознательной, творческой наукѣ (я разумѣю здѣсь задачи на построеніе), этихъ задачъ намъ вовсе не предлагали, за исключеніемъ трехъ-четырехъ простѣйшихъ и при томъ рѣшенныхъ въ текстѣ учебника (раздѣлить прямую на двѣ или нѣсколько частей, провести прямую, параллельную данной, построить треугольникъ по тремъ сторонамъ и т. п.).

Всякому, кто имѣлъ дѣло съ математикой, извѣстна пропасть, отдѣляющая элементарную математику отъ высшей. Въ элементарной все такъ неподвижно, мертво, словно застыло и окаменѣло въ формахъ; въ высшей—все движется, мѣняется; и составить себѣ понятіе о *движущемся количествѣ*, о *функции* и *аргументѣ*, о предѣлахъ и безконечно-малыхъ очень трудно, просидѣвъ нѣсколько лѣтъ надъ элементарной математикой и воспитавшись на ея косолапыхъ пріемахъ.

Постепенный переходъ отъ нея къ высшимъ частямъ математики нѣсколько облегчается существованіемъ тригонометріи. Въ ней встрѣчаемъ мы уже аргументы и *функции*, постоянныя и переменныя величины, сталкиваемся съ безконечно большими и

безконечно-малыми величинами. Но, къ сожалѣнію, въ средней школѣ именно это-то и игнорируется; обо всемъ этомъ говорится вскользь, и на второмъ урокѣ тригонометріи обыкновенно переходятъ къ изложенію зависимости между тригонометрическими функціями; такимъ образомъ, отъ тригонометріи остаются однѣ голыя формулы.

Не смотря на все это, математика есть предметъ, наиболѣе раціонально поставленный въ современныхъ гимназіяхъ. Это единственная изъ гимназическихъ наукъ, которую абитуріенты гимназіи хоть какъ-нибудь знали, такъ какъ остальные науки забывались по мѣрѣ ихъ изученія, если позволенъ будетъ мнѣ этотъ каламбуръ. Что всего характернѣе, такъ это то, что математику сами ученики какъ-то выдѣляли изъ круга другихъ предметовъ. На ея урокахъ сидѣли гораздо внимательнѣе, чѣмъ на другихъ; по математикѣ всегда бывало гораздо меньше неуспѣвающихъ; математику ученики готовили къ уроку дома, а не въ гимназіи, передъ самымъ урокомъ, какъ это дѣлалось съ русскимъ языкомъ, географіей, обоими древними и обоими новыми языками. Получить по древнимъ языкамъ двойку считалось удачею: этимъ хвастались товарищи другъ передъ другомъ. Двойкой же по математикѣ никто не хвастался, и въ этомъ нельзя не усмотрѣть сознательнаго отношенія. Въ математикѣ мы все-таки видѣли науку, а не искусственно созданный „предметъ“.

Нельзя повторять о физикѣ всего, сказаннаго о математикѣ. Физика, вторая изъ точныхъ наукъ, проходимыхъ въ гимназіи и не менѣе, если не болѣе развивающая и расширяющая умственный кругозоръ молодыхъ людей, находилась у насъ не въ авантажѣ. Учебникъ ея былъ толстый, солидный, но... добрая половина его состояла изъ пресловутаго мелкаго шрифта, предназначеннаго для любознательности учащихся, а изъ остальной половины проходила тоже половина. Не смотря на то, что у насъ былъ физическій кабинетъ, и довольно богатый, опытовъ намъ показывали немного, такъ какъ двѣ трети приборовъ по таинственной причинѣ вѣчно были испорчены. Когда я былъ въ седьмомъ классѣ, новый учитель потребовалъ у начальства крупной ассигновки на обновленіе кабинета, завелъ три-четыре новыхъ шкафа приборовъ, но и эти новые приборы, подчиняясь какой-то враждебной силѣ, частенько-таки отказывались работать. Я не преувеличу, если скажу, что изъ десяти опытовъ вполнѣ удавалось максимумъ—2, не вполнѣ удавалось опыта 4, а остальные вовсе не удавались. Производство опыта почти всегда оканчивалось классической фразой: „опытъ, господа, не вполнѣ хорошо вышелъ, но вѣдь идею-то вы поняли, а это—главное“!

Недавно я слышалъ, что въ одной изъ петербургскихъ гимназій учитель физики предложилъ ученикамъ вечернія занятія практическаго характера: ученики подъ его руководствомъ *сами*

дѣлають простѣйшіе физическіе опыты и наблюденія, напр., опредѣленіе удѣльнаго вѣса, плотности, коэффициента расширенія, показателя преломленія и т. п. Нельзя не пожелать успѣха этому доброму начинанію. Но нельзя не прибавить еще къ этому, что успѣхи и развитіе учениковъ много выиграли-бы, если-бы эти занятія были сдѣланы даже обязательными. Я, по крайней мѣрѣ, по собственному опыту вижу, что физику только тогда начинаешь понимать, когда самъ примешься за работу съ приборами, когда самъ произведешь опыты и измѣренія. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Въ восьмомъ классѣ проходится космографія или математическая географія. Существованіе этого предмета рѣшительно ничѣмъ не оправдывается. Это ни астрономія, ни географія, ни метеорологія, а и то, и другое и третье, вмѣстѣ. Одинъ урокъ въ недѣлю, при чемъ преподаваніе длится только одинъ годъ; много-ли можно выучить при такихъ условіяхъ? Ученики узнають, что есть какія-то двѣ координатныя системы, которыми опредѣляется положеніе свѣтилъ; но, не зная вообще координатнаго метода, такъ какъ въ гимназій не проходится аналитическая геометрія,—они, конечно, весьма плохо представляютъ себѣ эти системы. О томъ, что существуютъ неподвижныя свѣтила, планеты, спутники и кометы, ученики знаютъ и безъ космографіи; а кромѣ этого, имъ о свѣтилахъ ничего не говорится. Получается, что ученики знаютъ, какими плоскостями и углами опредѣляется положеніе планетъ, но что такое онѣ представляютъ изъ себя, каковы ихъ свойства, величина, химическій составъ, обитаемость, атмосфера—этого они не знаютъ, такъ какъ описательная космографія, такъ-же, какъ и физическая географія, не проходится. Спрашивается, развивается-ли космографія учениковъ? А вѣдь время-то она отнимаетъ: въ этотъ лишній часъ въ недѣлѣ можно-бы было передѣлать два-три неудавшихся на послѣднемъ урокѣ физики опыта.

Остается сказать нѣсколько словъ о географіи, проходимой съ перваго до четвертаго класса гимназій. Четыре года—урокъ солидный, а между тѣмъ проходится довольно тощенькій курсъ. Богъ вѣдаетъ, почему такъ добродушно-снисходительно относятся къ этому предмету въ гимназій. Не говоря уже о томъ, есть-ли основаніе въ общеобразовательномъ учебномъ заведеніи раздѣлять предметы на главные и второстепенные, мнѣ кажется глубоко-несправедливымъ помѣщеніе географіи въ разрядъ второстепенныхъ. Въ наше время, когда жизнь не замыкается въ узкія рамки одного государства, а когда міръ научный, міръ торговый, міръ искусства, промышленности, дипломатіи, техники дышатъ одною общею жизнью въ самыхъ отдаленныхъ и разрозненныхъ частяхъ свѣта, чувствуется большой пробѣлъ въ нашихъ познаніяхъ. Наше общество въ общемъ почти не знаетъ

географіи. Это не парадоксъ и не гипербола. Знать географію не значитъ знать, гдѣ полуостровъ Малакка и гдѣ озеро Чадъ, а значитъ знать, кто живетъ на этомъ полуостровѣ и у этого озера, что тамъ дѣлается, какая тамъ природа, какое населеніе, какая культурная и промышленная жизнь и т. д. А этого-то мы и не знаемъ о большей части земнаго шара. Многіе-ли знали о существованіи Трансваала и Оранжевой республики до начала ихъ трагической борьбы съ Англіей? Многіе-ли увѣренно отвѣтятъ, болгарами-ли или сербами преимущественно населена Македонія? Многіе-ли, наконецъ, ясно представляютъ, какая промышленность развита въ Пензенской губерніи и какая—въ Олонеккой? Мы не знаемъ даже своей родины.

Мнѣ всегда представлялось большой ошибкой, что географія преподается въ младшихъ классахъ гимназій: это совсѣмъ не дѣтская наука. Если въ младшихъ классахъ усилить преподаваніе русскаго языка, естествовѣденія, новыхъ языковъ, и ослабить преподаваніе русскаго языка въ старшихъ классахъ, то въ этихъ послѣднихъ нашлось-бы свободное мѣстечко для забытой географіи. А отъ этого выиграли-бы познанія гимназистовъ въ высокой степени. Во-первыхъ, память въ этомъ возрастѣ уже крѣпче, чѣмъ у малышей перваго или втораго класса; а во-вторыхъ только послѣ извѣстнаго знакомства съ естествовѣденіемъ можно понимать географію, да и интереса къ ней въ этомъ возрастѣ будетъ больше.

II.

Изъ вышеизложеннаго читатель уже можетъ составить себѣ извѣстное представленіе о томъ, много-ли свѣдѣній дала намъ гимназія. Но всего этого мало. Я приступаю теперь къ изображенію порядка преподаванія, переходя отъ изложенія программы нашей средней школы къ изложенію самой системы преподаванія. Но прежде всего мнѣ хочется дать рядъ картинъ нашего учебнаго дня.

Занятія начинались въ 9 часовъ, кончались въ половинѣ третьяго. До 12 часовъ было три урока и послѣ полчасовой перемѣны—еще два урока. Въ младшихъ классахъ ученики являлись аккуратно къ молитвѣ, т. е. за четверть часа до 9 ч. утра. Но уже съ 5—6-го класса они являлись ежедневно позже, опаздывая даже къ началу перваго урока, не говоря уже о молитвѣ. А въ 8-мъ классѣ, пользуясь почему-то всяческими привилегіями, они приходили сплошь и рядомъ прямо ко второму уроку. И такія нарушенія дисциплины никого особенно не волновали; ученику дѣлалось замѣчаніе, на которое не ждали ни возраженія, ни оправданія, и тѣмъ дѣло кончалось... до слѣдующаго дня.

Да и какъ сталъ-бы дѣлать учитель замѣчаніе ученику за опаздываніе, когда самъ онъ по какой-то традиціи опаздывалъ

въ классъ ежедневно. По правиламъ, рекреация между уроками или, какъ ее называли у насъ, „перемѣна“, продолжалась 5—10 минутъ. Но вотъ звонокъ, означающій конецъ перемѣны, уже данъ. Что же вы думаете: ученики идутъ въ классъ, куда немедленно приходитъ и учитель? Нѣтъ, ученики, не торопясь, идутъ изъ рекреационнаго зала въ „курилку“, вынимаютъ портсигары и безопасно раскуриваютъ папиросы. Кто-нибудь всегда сторожитъ у двери, чтобы оповѣстить товарищей, если увидитъ приближеніе воспитателя, дежурящаго въ залѣ. Впрочемъ, внезапное его появленіе никого особенно не пугало. „Васильевъ, бросьте папироску!“ — равнодушно говорилъ воспитатель, увидѣвъ курящаго гимназиста. И Васильевъ такъ-же спокойно бросалъ папироску и уходилъ въ классъ. Болѣе молодые воспитатели даже прямо разрѣшали курить и требовали только того, чтобы не курили при маленькихъ и не подавали имъ примѣра. Разумѣется, на это требованіе никто не обращалъ вниманія.

Вдоволь накурившись и надышавшись душной и зловонной атмосферой „курилки“, ученики брели въ классъ. Минутъ десять уже прошло послѣ звонка, но учитель еще и не показывался. Ученики разваливались на скамейкахъ; кто читалъ газету, кто рассказывалъ анекдоты, кто готовилъ урокъ или списывалъ у товарища задачу и т. д. Такъ проходило еще минутъ десять, пока, наконецъ, около классной двери не показывался учитель. И около двери онъ еще останавливался, чтобы докончить разговоръ съ другомъ учителемъ или съ воспитателемъ. Словомъ, урокъ начинался за полчаса до своего окончанія. Къ вошедшему учителю подходилъ дежурный ученикъ и докладывалъ, кого нѣтъ въ классѣ.

Если ученики боялись, что учитель будетъ не объяснять новый урокъ, а спрашивать заданный, то ничего не стоило затянуть начало урока еще на нѣсколько времени. Одинъ за другимъ поднимались ученики и задавали учителю вопросы о заданномъ урокѣ; потомъ вдругъ оказывалось, что на доскахъ нѣтъ мѣлу или на стѣнѣ нѣтъ нужной карты и т. п. А если учитель былъ класснымъ наставникомъ, на обязанности котораго лежало выясненіе всѣхъ недоразумѣній между учениками и прочими учителями, выставленіе отмѣтокъ въ тетрадки, выдававшіяся для подписи родителей, переговоры съ послѣдними и пр., то на его урокѣ пропадало и еще больше времени. Я всегда удивлялся тому, какъ взрослые люди могли давать ученикамъ себя морочить. Но фактъ тотъ, что рѣдкій учитель умѣлъ отклонять всѣ эти оттягиванія времени.

Такимъ образомъ большая часть урока проходила. Минутъ двадцать пять, а то и двадцать оставалось до конца его. Если учитель „спрашивалъ“, то на большинствѣ уроковъ спали всѣ, кромѣ спрашиваемаго. Я помню всего троихъ учителей, у кото-

рыхъ парило вниманіе въ классѣ. Это были: упомянутый уже выше учитель исторіи и двое учителей математики. У остальныхъ учителей классъ спалъ. Разница между ними была лишь въ томъ, что одни изъ этихъ остальныхъ возмущались этимъ сномъ, нервничали, сердились, грозили; другіе-же, примирившіеся или просто равнодушные, не думали даже и требовать вниманія. Впрочемъ, я долженъ оговориться: кромѣ спрашиваемого ученика не спалъ еще тотъ, который ему подсказывалъ. Ловкость и изворотливость учениковъ, съ которыми они пользовались подсказываньемъ, списываньемъ и другими средствами, облегчающими ничегонедѣланье—прямо поразительны. На такъ называемыхъ „нѣмыхъ“ географическихъ картахъ надписывались всѣ мѣстности; въ латинскихъ и греческихъ книгахъ подъ текстомъ подписывался его переводъ или вкладывался листъ изъ „подстрочника“; для отвѣтовъ у доски по математикѣ изготавлялись маленькія бумажечки, „шпаргалки“, на которыхъ писались микроскопическимъ шрифтомъ формулы; ихъ-же писали на манжетахъ или на ладони; когда ученики ожидали классной письменной работы, то проносили въ классъ карманные словарики, конспекты, „шпаргалки“ и прочее. Словомъ, работа облегчалась, насколько возможно. Но всего страннѣе въ данномъ случаѣ отношеніе ко всему этому учителей. Часто учениковъ распекали за совершенно невинные проступки, а что касается всѣхъ этихъ мошенническихъ продѣлокъ, то онѣ сходили довольно легко. Находилъ учитель у ученика подстрочникъ или шпаргалку—онъ ее отбиралъ и ставилъ ученику двойку или единицу, но почти всегда дѣло тѣмъ и кончалось. Часто это дѣлалось молча, а иногда даже сопровождалось шуточками или насмѣшливой ироніей надъ... неловкостью попавшагося. Былъ у насъ, правда, одинъ учитель, который и волновался, и страдалъ душою при обнаруженіи такихъ поступковъ. Но его не уважали. Онъ былъ слишкомъ нервнъ для того, чтобы успѣшно вліять на учениковъ; а гимназическая обстановка вся такъ пропитана ложью и обманомъ, что его взволнованныя званія къ чести и честности казались большинству изъ насъ смѣшными. „Фанатикъ!“—говорили о немъ, и это слово стало прозвищемъ.

Еще болѣе глубокій сонъ нисходилъ на весь классъ, когда учитель посвящалъ урокъ объясненію заданнаго на слѣдующій разъ. Спали тутъ всѣ, „безъ различія вѣроисповѣданія, возраста и національности“ — какъ сострилъ одинъ изъ насъ, вспоминая въ день окончанія курса прошедшіе годы. Спали дружно, спали съ одушевленіемъ, спали какимъ-то особеннымъ образомъ, сохраняя наружный видъ бодрствующаго, а иногда даже устремивъ открытые глаза на учителя. Это было какое-то особенное состояніе, при которомъ человѣкъ глядѣлъ и не видѣлъ, слушалъ и ничего не слышалъ, ничего не замѣчалъ и не понималъ, а

главное—ничего не думать. Часто бывало, что ученика вызовутъ, а онъ сидитъ, не шевелясь и глядя на учителя какими-то оупѣвшими, мутными глазами. Обстановка вполне располагала къ такому небытію. Въ классѣ было пыльно и душно; тишина была полная; всѣ кругомъ спали, а учитель ходилъ передъ скамейками или сидѣлъ на кафедрѣ, часто глядя въ сторону и иногда даже думая, повидимому, вовсе не о томъ, что онъ объясняетъ. Особенно равнодушны были къ своему предмету наши классики. Были, конечно, и такіе учителя, которые хотѣли, повидимому, внести нѣкоторую осмысленность въ преподаваніе. Это были всегда люди молодые. Но скоро сталкивались они съ полной невозможностью привести въ исполненіе свои планы и *ria desideria*. И въ короткій срокъ они опускали руки и, махнувъ на все, уподоблялись своимъ старымъ товарищамъ. Такъ проходилъ урокъ за урокомъ. И уже послѣ третьяго урока, т. е. къ 12 часамъ мы чувствовали себя страшно утомленными, не совершивъ никакой работы. На послѣднихъ двухъ урокахъ даже самые прилежные и внимательные изъ насъ чувствовали полную неспособность слушать и понимать. А на послѣднемъ урокѣ у многихъ уже болѣла голова, появлялась нездоровая зѣвота, и съ минуты на минуту ждали всѣ желаннаго звонка. Учителя обижались, что при этомъ звонкѣ мы вскакивали съ мѣстъ, забывая всякую вѣжливость по отношенію къ нимъ, но, по моему, это было весьма естественно.

И вотъ, вернувшись къ тремъ часамъ домой, гимназистъ уступалъ неодолжимоу стремленію развалиться на диванѣ или на кровати, и невольно каждый день приходила въ голову мысль: „Отчего я такъ усталъ? Вѣдь я *ничего* не сдѣлалъ“. А отвѣтъ такъ простъ: оттого-то онъ и усталъ, и разбитъ, что онъ пять часовъ сидѣлъ въ душевной комнатѣ и ничего не дѣлалъ.

„Да неужели же такъ-таки ничего и не дѣлалось въ классѣ? Не можетъ этого быть!“—воскликнетъ мой читатель. Признаюсь, я и самъ до сихъ поръ не рѣшилъ, *можетъ ли это быть*; но что это *было*—за это ручаюсь.

Учителя, которыхъ я засталъ въ гимназіи, раздѣлялись на двѣ категоріи. Одни, ничего общаго съ педагогіей не имѣющие, никогда, очевидно, и не задавались воспитательными планами, а смотрѣли на преподаваніе, какъ мелкій средній чиновникъ на свое хожденіе въ департаментъ. О такихъ учителяхъ нечего, разумѣется, и говорить. Представители другой категоріи, поступая въ гимназію, задавались извѣстными планами, но всѣ они разбивались въ прахъ о рутину гимназической жизни. И такихъ учителей ждалъ двойкій исходъ. Одни изъ нихъ, съ болѣе крѣпкими нервами, успокаивались, становились равнодушными педантами, пропитанными обычнымъ чиновничьимъ формализмомъ; въ глубинѣ души такіе люди смѣялись надъ ограниченностью и тупостью

большинства учениковъ, надъ трагической безсмысленностью всей гимназической науки, надъ своими же былыми порывами. Другіе, болѣе нервные, становились рѣзкими, неровными, желчными и придирчивыми субъектами, которыхъ все волновало, бѣсило, которые во всемъ видѣли умышленную обиду, для которыхъ подчасъ въ тягость была и вся эта карриатура на ученіе и воспитанье, и вся эта лживая обстановка, а подчасъ, быть можетъ, и собственная жизнь. На моихъ глазахъ рѣзко мѣнялись люди: поступали въ преподаватели молодые люди, только что окончившіе курсъ университета, и въ два-три года они уже дѣлались отиѣтыми. Между учениками и учителями устанавливались глубоко печальныя отношенія. Съ одной стороны, желаніе поймать, уловить, наказать, глубокое недовѣріе, злобное презрѣніе; съ другой — стремленіе обмануть, провести, избѣжать, тоже глубокое недовѣріе—вотъ отношенія учителей къ ученикамъ и учениковъ къ учителямъ. У насъ были разные учителя: однихъ боялись, къ другимъ относились равнодушно; третьихъ ненавидѣли; надъ четвертыми смѣялись. Но, какъ ни грустно сознаться, я не помню ни одного учителя, котораго бы любилъ. Я никогда не видѣлъ того типа гуманнаго, сердечнаго учителя, имѣющаго вліяніе и пользующагося авторитетомъ среди учащихся, который встрѣчался мнѣ неоднократно въ литературѣ.

Объясняется это прежде всего тѣмъ духомъ, которымъ проникнута была классическая гимназія. Какъ солдаты въ гвардейскихъ полкахъ должны быть подобраны подъ одинъ ростъ, а въ нѣкоторыхъ—даже подъ одну наружность, такъ и ученики гимназій должны были быть обтесанными подъ одну казенную мѣрку. Индивидуальность была отиѣнена. Въ дневникахъ для записыванія уроковъ были напечатаны правила для учениковъ; это были катехизисы гимназистовъ. Тамъ было самымъ подробнымъ образомъ объяснено, чего гимназисту нельзя носить, чего нельзя пить и курить, куда нельзя ходить, чего нельзя смотрѣть, было сказано, сколько металлическихъ пуговицъ должно быть на его будничной курткѣ, сколько времени долженъ онъ готовить уроки; были, на примѣръ, даже такія правила, что послѣ окончанія уроковъ ученикъ долженъ, застегнувъ пальто на всѣ пуговицы и надѣвъ ранецъ непременно на спину (почему нельзя было его носить въ рукахъ — неизвѣстно, но за исполненіемъ правила этого строго слѣдили), немедленно направляться домой. Почему нельзя было ученику идти, разстегнувъ пальто (вслучаѣ жары, на примѣръ), или почему долженъ онъ быть, не останавливаясь, немедленно идти домой, почему не могъ онъ подождать у дверей гимназій товарища и пойти къ нему или пойти погулять—все это очень мало понято, но все-таки все это было предусмотрено и воспрещено. Воспрещалось носить цѣпочки для часовъ, воспрещалось гулять на улицѣ позже извѣст-

наго часа (9 или 10 часовъ—не помню), воспрещалось ходить въ рестораны и кофейни, не было только ничего сказано о томъ, что-же позволялось. Впрочемъ, это ученики должны были договориться сами: позволялось быть прилежнымъ, позволялось учить уроки, позволялось носить ранецъ на спинѣ, позволялось обѣдать, позволялось ночью спать. Правила вмѣшивались не только въ личную жизнь, но даже въ жизнь семейную, въ дѣло воспитанія дѣтей родителями. Такъ, напримѣръ, когда мой отецъ отпустилъ однажды прислугу въ гости и пошелъ со мной обѣдать въ ресторанъ, насъ не пустили туда, сославшись на то, что мнѣ по гимназическому уставу нельзя посѣщать рестораны. Въ другой разъ одного изъ моихъ товарищей не пустили тоже съ его отцомъ на представленіе пьесы „Власть тьмы“, заявивъ, что пьеса эта причисляется учебнымъ начальствомъ къ разряду „пьесъ сомнительнаго содержанія“. Такимъ образомъ, авторитетъ нашихъ правилъ ставился выше авторитета родителей, подрывая его въ глазахъ дѣтей. А естественное неудовольствіе родителей, въ свою очередь, подрывало въ глазахъ дѣтей авторитетъ учебнаго заведенія.

Разумѣется, большинство правилъ обходилось, а чаще всего просто нарушалось. Составители ихъ, если бы дожили до нашихъ дней, съ ужасомъ увидѣли бы, что гимназисты ходятъ по улицѣ, застегнувъ пальто не на всѣ пуговицы, что проголодавшійся на поздно окончившемся спектаклѣ гимназистъ заходитъ нерѣдко въ кондитерскую и уничтожаетъ пирожки, а то — *horribile dictu*—даже садится за столикъ и пьетъ чай. Но въ томъ-то вся и бѣда, что гимназія предъявляла намъ такія требованія, которыя никто изъ насъ исполнить не могъ. Получалось то, что, нарушая правила въ силу необходимости, ученики въ самомъ раннемъ возрастѣ теряли всякое уваженіе къ закону и къ порядку. Это усиливалось еще тѣмъ, что учебное начальство не могло, конечно, слѣдить за выполненіемъ всѣхъ своихъ предписаній, и ученики были вполне увѣрены въ своей безнаказанности. Правда, были попытки и ловить юныхъ преступниковъ на мѣстѣ преступленія: такъ, напримѣръ, ежедневно кто-нибудь изъ воспитателей долженъ былъ ходить вечеромъ по улицамъ и ловить учениковъ, гуляющихъ послѣ указанного часа. Грустно вспомнить, какъ лица, иногда даже съ университетскимъ образованіемъ, принуждены были исполнять функціи мелкихъ чиновъ сыскаго полиціи, и это поселяло въ ученикахъ еще большее недоувѣріе и отвращеніе къ своей школѣ. Впрочемъ, начальство вскорѣ поняло, что его усердіе перешло черезъ край, и теперь что-то не видно по вечерамъ этихъ хмурыхъ лицъ на улицахъ уснувшего города.

Нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о положеніи тѣхъ учениковъ, которые, не имѣя родныхъ, принуждены были жить на

частной квартирѣ, нанимая комнату. Если не ошибаюсь, официально это даже не разрѣшалось; дѣлались только исключенія изъ этого правила. Фактически-же, конечно, эти исключенія распространялись на всѣхъ, у кого не было родителей. Я самъ вынесъ на себѣ всю тягость этого положенія. Официально классный наставникъ долженъ былъ періодически навѣщать такихъ учениковъ, конечно, не предупреждая ихъ объ этомъ заранее дабы, въ случаѣ нарушенія ученикомъ гимназическаго законодательства, изловить и представить. Гимназическія правила позабыли о томъ, что тѣмъ ученикамъ, кому приходилось въ столь юномъ возрастѣ нести тяжелую лямку трудовой жизни, было не до нарушеній гимназическаго кодекса. Визиты-же классныхъ наставниковъ, имѣя характеръ какого-то внезапнаго обыска, настолько оскорбляли учениковъ, что въ нашей гимназіи, къ чести ея сказать, у начальства было слишкомъ много гуманности, чтобы исполнять это правило. Ко мнѣ, по крайней мѣрѣ, за три года моего одинокаго существованія въ послѣднихъ трехъ классахъ гимназіи, классный наставникъ приходилъ только одинъ разъ, но и то онъ выбралъ для этого такое время, когда я былъ въ гимназіи, поговорилъ только съ квартирной хозяйкой и, узнавъ, что я живу смирно, даю уроки, незаконныхъ сборищъ и заговоровъ не произвожу, ушелъ, даже не заглянувъ въ мою комнату, и болѣе за всѣ три года ко мнѣ не показывался.

Но этими визитами дѣло не ограничивалось. Вполнѣ естественно, что гимназія желала знать, какъ обставлена жизнь ея питомца; жаль только, что она ради этой цѣли не стѣснялась ни самолюбіемъ учащихся, ни чѣмъ другимъ. За тѣ три года, которые я провелъ въ гимназіи послѣ смерти отца, меня разъ пять спрашивали передъ цѣлымъ классомъ, то классный наставникъ, то директоръ, то инспекторъ: „а у кого вы живете? А у кого вы обѣдаете? И даромъ-ли или за плату? А чѣмъ вы живете? А сколько вы зарабатываете? А чѣмъ вы питаетесь? А гдѣ вы лѣтомъ будете? А кто такіе тѣ люди, куда вы ѣздили прошлое лѣто?“ и т. д., и т. д.

Не спорю, все это было весьма важно знать. Кто, какъ не гимназія, могъ оградить меня отъ дурнаго вліянія дурныхъ людей, отъ дурнаго питанія, отъ дурной, тяжелой работы? Но зачѣмъ-же выспрашивать все это передъ всѣмъ классомъ, передъ дѣтски-жестокой, не деликатной еще средой, зачѣмъ раскрывать передъ всѣми этими юными дикарями ту гордую нищету, которая не проситъ о помощи, не проситъ о жалости и состраданіи, но которая такъ чутка ко всему, что затрогиваетъ личную жизнь, личные печали и горести бѣдняка! Жестокое милосердіе! Съ гордостью скажутъ бывшіе питомцы гимназіи, грудью своей пробившіе себѣ путь къ наукѣ, что если они достигли чего-нибудь, то

сами они сдѣлали это, гимназія же, кромѣ участливыхъ, хоть и беззащитныхъ разспросовъ, не сдѣлала для нихъ ничего.

Особенное недоумѣніе и перополохъ вызывало то обстоятельство, что у одинокихъ гимназистовъ некому было подписывать тетрадки съ баллами, полученными за недѣлю, которыя выдавались для свѣдѣнія родителей. Какъ это такъ вдругъ ученикъ не состоитъ ни подъ чьимъ надзоромъ!—Да у васъ есть же опекуны?—спрашивали меня.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—мнѣ шестнадцать лѣтъ.

— Но въ такомъ случаѣ у васъ долженъ быть попечитель.

— И попечителя нѣтъ, такъ какъ попечитель назначается не къ личности, а къ имуществу опекаемого, а у меня все мое имущество надѣто на мнѣ.

— Такъ что-же, вы, значитъ, вполне самостоятельный человекъ?—иронически говорили мнѣ, и этотъ аргументъ считался неоспоримымъ. Отвѣта, конечно, не ждали. Допустить, что ученикъ дѣйствительно самостоятельный человекъ, было для гимназіи невозможно. Вѣдь это значило бы допустить, что онъ можетъ распоряжаться своей личностью, что гимназія—это продавецъ науки, а ученикъ—покупатель, который хочетъ — покупаетъ ее, а не хочетъ, такъ и уйдетъ изъ стѣнъ *almae matris*, словомъ — это значило бы подрывать высокій престижъ ея.

Еще больше недоразумѣній получалось, когда кто нибудь изъ одинокихъ учениковъ пропускалъ уроки. Другіе ученики въ такихъ случаяхъ приносили записку отъ родителей, въ которой объяснялись причины неявки. Что запискамъ этимъ никто не вѣрилъ, ясно изъ того, что за годъ число заболѣваній головной болью, какъ выяснялось изъ годового отчета о дѣятельности гимназіи, простиралось до 1200—1400 случаевъ при составѣ гимназіи въ 400 человекъ; зубною болью тоже свыше 1200; „домашнихъ обстоятельствъ“ случалось съ учениками еще больше: я не говорю уже о другихъ безчисленныхъ оправданіяхъ неявки. Въ среднемъ выходило, что за 8—9 мѣсяцевъ учебнаго года на каждого ученика приходилось 6—7—8 заболѣваній, т. е. около одного въ мѣсяць. Если представить себѣ человека, каждый мѣсяць страдающаго настолько, что въ гимназію онъ ходить не можетъ, то остается весь контингентъ гимназистовъ признать совершенно больными людьми. Ясно, насколько мало вѣрили всѣмъ этимъ запискамъ: но разъ такая записка была представлена, неявка считалась законной.

Другое дѣло — неявка одинокаго ученика. Записки, разумѣется, ему было не отъ кого представить, и всѣ его неявки оказывались незаконными. О пропущеніи одного урока приходилось объясняться чуть-ли не цѣлый часъ. И въ концѣ-концовъ ученику никогда не вѣрили въ законность его отсутствія. Ученикъ не могъ быть самостоятельнымъ, не могъ онъ быть и достойнымъ

довѣрія. Ученика всегда во всемъ подозрѣвали и уличали, а если онъ былъ предоставленъ самому себѣ, то, вмѣсто сочувствія, онъ привлекалъ къ себѣ только особенное, подозрительное вниманіе. Словомъ, ученикъ чуть ли не виноватымъ оказывался въ томъ, что онъ сирота.

Не слѣдуетъ объяснять такое отношеніе черствостью или жестокостью нашего педагогическаго персонала. Нѣтъ, я уже не разъ говорилъ, что наши начальники и преподаватели были сами по себѣ люди гуманные. Но ученикъ, не могущій принести записокъ отъ родителей, самымъ фактомъ своего одиночества противорѣчилъ буквѣ гимназическихъ уставовъ, предполагающихъ, что всякій ученикъ находится подъ чьей-либо ферулой, и посему онъ являлся элементомъ, не подходящимъ подъ общую мѣрку ученика. А между тѣмъ, въ гимназіи именно и замѣчалось это стремленіе всѣхъ поцвести подъ одну мѣрку; правда, въ старшихъ классахъ ученику говорили „вы“, а въ младшихъ—„ты“; ученику старшаго класса дѣлали въ вѣжливой формѣ замѣчаніе въ тѣхъ случаяхъ, когда ученика младшаго класса иной воспитатель грубо хваталъ за плечо и тащилъ къ стѣнѣ; правда, въ старшихъ классахъ воспитатели иногда даже фамиллярничали съ учениками, а на учениковъ младшихъ классовъ и прикрикивали и шлепка подчасъ давали. Все это такъ, но въ то же время ученику выпускнаго класса предписывалось и воспрещалось буквально то же самое, что и первокласснику. Усатый абитуриентъ, какъ у насъ во время весны называли кончающихъ товарищей, долженъ былъ точно такъ же нести ранецъ на спинѣ, какъ и карапузъ изъ приготовительнаго класса. Ихъ обоихъ одинаково могли посадить въ карцеръ, имъ обоимъ одинаково воспрещалось приносить въ гимназію книги и газеты, ихъ обоихъ одинаково ловили въ „курилкѣ“, одинаково воспрещали гулять послѣ извѣстнаго часа, отъ нихъ одинаково требовали записокъ отъ родителей о причинахъ неявки въ гимназію, и оба они, скажу кстати, одинаково ловко сами фабриковали подчасъ эти записки въ гимназіи.

А между тѣмъ, въ восьмомъ классѣ сидѣли уже не тѣ шаловливые, неразвитые, трусливые и дѣтски-лживые ребятки, которые восемь, а то и больше лѣтъ тому назадъ поступали въ гимназію. Тутъ сидѣли юноши, нерѣдко знавшіе жизнь со всѣми ея прелестями и со всѣми ея ужасами, люди, подчасъ уже попробовавшіе того, что называется борьбой за существованіе, люди, читавшіе, наблюдавшіе, думавшіе, переживавшіе, быть можетъ, гораздо больше, чѣмъ это предполагалъ патріархальный гимназическій уставъ. И было весьма наивно относиться и къ этимъ людямъ, какъ къ малымъ ребятамъ, предъявлять къ нимъ тѣ же требованія, преподносить имъ ту же умственную пищу. Ученикъ седьмого или восьмого класса у себя дома всѣми считался за

взрослаго, читалъ серьезныя книги, вращался въ обществѣ зрѣлыхъ, развитыхъ людей, былъ занятъ уже вопросомъ о выборѣ своей будущей спеціальности, сознавалъ въ себѣ молодого гражданина, имѣющаго свои обязанности передъ отечествомъ и обществомъ, но сознавалъ и свои права, какъ взрослому или почти взрослому человѣку, на индивидуальныя особенности, право на личность. А гимназія личности не признавала и, не будь другой жизни, которая кипѣла за стѣнами гимназіи, изъ стѣнъ ея выходили бы юноши одного типа, однихъ принциповъ, однихъ и тѣхъ же представленій о мірѣ и о жизни; выходили бы люди, одинаково знающіе всѣ примѣты всѣхъ семи царей римскихъ и одинаково признающихъ Державина и Ломоносова великими и безсмертными. Но эти же юноши также одинаково не знали бы, изъ чего дѣлается мыло, открыть ли сѣверный полюсъ, и писаль ли кто-нибудь въ Россіи послѣ Гоголя.

Но гимназисты упорно росли, упорно развивались и все дальше и дальше шла дифференціація ихъ умственного развитія, ихъ интересовъ, ихъ духовнаго міра. Мѣсто Робинзона Крузо замѣняли Жюль Вернъ и Майнъ-Ридъ, ихъ мѣсто заняли Вальтеръ-Скоттъ и Диккенсъ, затѣмъ Тургеневъ, Толстой, наконецъ, современная литература. Въмѣсто игры въ пятнашки, ученики увлекались шахматами, театромъ, наконецъ, просто интересной бесѣдой о такихъ вещахъ, которыхъ въ учебникахъ не было. Заходили разговоры о томъ, Колумбъ ли открылъ Америку или кто-нибудь раньше его. Скептицизмъ доходилъ до того, что многіе не вѣрили въ призваніе варяговъ и походы Олега и Игоря въ Византію. Словомъ, съ каждымъ днемъ все больше и тяжелѣе чувствовалось, что мы выросли изъ гимназической обстановки, и что въ ней становится все душнѣе и душнѣе.

Одни изъ насъ, счастливые любимцы природы, богато одаренные способностями, волею и инициативою, не пострадали въ этой незамѣтной, но тяжелой драмѣ. Эти люди—ихъ было не много—во время поняли, что гимназія имъ ничего болѣе не дастъ, кромѣ того, что уже дала. И они относились къ занятіямъ съ равнодушной, если не презрительной усмѣшкой, найдя свой путь, свое дѣло. Жажда истиннаго знанія, вѣра въ трудъ, который не обманетъ человѣка, вѣра въ себя, бодрое стремленіе къ развитію и труду на пользу себѣ и другихъ — все это спасло ихъ. Они не пали духомъ, не опустили нравственно и умственно. Одинъ изъ моихъ товарищей въ седьмомъ классѣ уже зналъ химію въ объемѣ знаменитыхъ „Основъ химіи“ Менделѣева. Другой, кончая гимназію, былъ знатокомъ политической экономіи... Но, повторяю, такихъ людей было мало.

Другіе, болѣе многочисленные, не будучи заинтересованы гимназической наукой, не найдя въ ней пищи для ума и сердца, дѣтски поспѣшно рѣшали, что всякая наука—глупость, выдумки

старыхъ сухихъ педантовъ. Она воплощалась для нихъ въ образѣ какого-нибудь „придиры“—учителя физики. И они безповоротно рѣшали, что знать что-нибудь — постыдно; наоборотъ, получить „пару“ всегда весьма благородный поступокъ. Эти многочисленные жертвы гимназическаго утомительнаго, сушащаго бездѣлья въ гимназіи спали за уроками и просыпались только для того, чтобы получить двойку или выкурить папиросу. Дома эти господа читали романы изъ парижскихъ нравовъ, ѣли, пили, спали, курили; вечеромъ они ходили другъ къ другу, слушали и рассказывали анекдоты, шатались по улицамъ, тайкомъ посѣщали и оперетку, и фарсъ; даже нравы открытой сцены, мѣсть, проклятыхъ въ гимназическомъ уставѣ, не были имъ незнакомы. Эти жалкіе, бѣдные подростки гордились своею распущенностью, считали себя взрослыми и презирали тѣхъ, кто учился, читалъ серьезные книги и думалъ и говорилъ о серьезныхъ вещахъ.

Наконецъ, былъ еще третій типъ гимназиста, къ сожалѣнію, не мало распространенный. Признавая, какъ первые и вторые, всю ничтожность и бесполезность гимназической науки, они не сумѣли, какъ первые, найти самостоятельный путь для своего ума. Но въ то же время ихъ потребности не удовлетворялись образомъ жизни товарищей второй категоріи, и они метались, искали, ныли, жаловались, издѣвались и надъ гимназіей, и надъ собою.

Изъ представителей первой категоріи выходили люди съ твердой волей, съ достойной поклоненія вѣрой въ себя, съ сознаниемъ собственнаго достоинства и съ глубокимъ отвращеніемъ къ родной обстановкѣ. Крупнымъ недостаткомъ этихъ людей оставалась на всю жизнь жесткость и рѣзкость взглядовъ, жестокая прямолинейность поступковъ и неисправимый фанатизмъ—обычное качество людей, которые сами должны были создавать себѣ новую религію, новое мировоззрѣніе.

Типъ этотъ настолько извѣстенъ многострадальной Руси, что говорить о немъ—значить писать трактатъ о русской азбукѣ.

Юноши второй категоріи заполняли собой канцеляріи. Изъ нихъ выходятъ люди мягкіе, покладистые, не предъявляющіе ни къ себѣ, ни къ другимъ никакихъ нравственныхъ требованій. Они считаютъ бессмысленными часы, проводимые ученымъ въ его лабораторіи или библіотекѣ, имъ непонятны и смѣшны споры и ссоры изъ-за идей и идеаловъ. Имъ за то глубоко-интересенъ споръ о томъ, Василій ли Петровичъ или Михаилъ Ильичъ получить раньше повышение, и французенка ли или еврейка востательница сердца и кармана помощника директора. Эти безобидные, безвредные и бесполезные Иваны Ивановичи послѣ смерти оставляютъ человѣчеству только воспоминаніе о томъ, что былъ Иванъ Ивановичъ, который сперва жилъ, а потомъ умеръ, но, впрочемъ, астрономіи не любилъ.

Изъ дѣтей третьей категоріи выходятъ люди, которыхъ у насъ

въ древности считали опасными, но съ тѣхъ поръ, какъ было открыто, что такое обломовщина, всѣ убѣдились, что это-то и есть самые безвредные. Эти люди всю жизнь ноютъ и гамлетствуютъ, вѣчно жалуются, что имъ не везетъ, что ихъ не понимаютъ, что имъ душно, что они вотъ-вотъ умрутъ въ припадкѣ гражданской скорби. Но въ тоже время эти люди весьма живучій народъ и, не смотря на всю гражданскую скорбь, живутъ предолго, всюду лѣзутъ, вездѣ подаютъ совѣты, вездѣ возмущаются, то презрительно фыркая, то произнося грозныя филиппики, но очень часто умолкаютъ. Ихъ вѣчно преслѣдуетъ судьба, мѣшающая имъ осуществить свои идеалы на дѣлѣ. А если бы не эта судьба, то, конечно, они сдѣлали бы такъ, чтобы весь міръ одновременно блаженствовалъ. Единственное достоинство этихъ людей въ томъ, что они—идеалисты.

Разные люди выходили изъ лицъ этихъ трехъ категорій, но ихъ всѣхъ соединяло одно—презрѣніе, если не враждебность къ своей alma mater, къ ея нравамъ, къ той наукѣ, которая тамъ преподавалась. Были, конечно, и такіе люди, которые не подходили ни подъ одну изъ этихъ трехъ категорій, но это были отдѣльные и немногочисленные экземпляры вида homo scholaris. Но у нихъ, при всей ихъ безличности, ярко выражалось то же чувство враждебности къ гимназіи, въ стѣнахъ которой они почти выросли. И когда весной каждаго года растворялись съ шумомъ двери дореформенной средней школы,—не было среди кончающихъ юношей ни одного, который оглянулся бы назадъ съ благодарной улыбкой.

III.

Все написанное выше не имѣло цѣлью дать рядъ картинъ и сценокъ — для этого пришлось бы написать цѣлый томъ. Теперь, накопивъ извѣстный матеріалъ, я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько выводовъ относительно того, почему гимназія выпускала такихъ невѣжественныхъ, неразвитыхъ и больныхъ людей.

Дореформенная средняя школа была восьмилѣтнимъ упражненіемъ въ сидѣніи ежедневно на одномъ и томъ же мѣстѣ — и только. Науки, въ сущности, никакой не проходило, работать никому не приходилось, развитіе учениковъ шло помимо школы — вотъ все, что я хочу показать своей статьей.

Изъ предыдущаго читателю совершенно ясно, что на урокахъ, за немногими исключеніями, царилъ сонъ, дома ученики почти ничего не дѣлали, всякія упражненія вродѣ сочиненій и письменныхъ работъ сводились къ списыванію или употребленію „шпаргалокъ“. Почему царилъ дремота въ классѣ на урокахъ почти всѣхъ предметовъ? — вотъ первый вопросъ. Я осмѣливаюсь

высказать по этому вопросу свое мнѣніе: потому, что самимъ учителямъ было скучно преподавать. Программа, разъ навсегда определенная и утвержденная, не ограничивалась требованіемъ пройти въ такомъ-то классѣ такой-то предметъ. Она самымъ точнымъ образомъ регламентировала по подробнымъ пунктамъ отъ альфы до омеги все, что учитель долженъ былъ сообщить ученикамъ.

Внести въ программу что-либо новое, освѣтить вопросъ согласно новѣйшимъ научнымъ воззрѣніямъ, остановиться подробнѣе на одномъ вопросѣ и сократить разсмотрѣніе другого—на все это учитель не имѣлъ права. Изъ года въ годъ долженъ былъ онъ повторять одно и то же, чуть ли не въ тѣхъ же словахъ. Мудрено ли, что эти люди скоро становились равнодушными къ своему предмету, что они отставали отъ всякой науки и утрачивали даже способность научно мыслить, что всегда случается съ людьми, для которыхъ наука есть не нѣчто движущееся, а нѣчто застывшее въ окаменѣвшихъ формахъ. А какую форму и какое содержаніе имѣла наука въ ихъ изложеніи — объ этомъ я уже говорилъ выше, и, падѣюсь, читатель не нуждается въ повтореніи.

Науки не было въ гимназій, знаній она не давала. Но еще это не главная бѣда. Я имѣю смѣлость сказать, что задача средней школы не въ томъ, чтобы давать познанія, излагать науки. Ея назначеніе въ томъ, чтобы научить работать и показать, въ какихъ направленіяхъ при современномъ состояніи человѣческой культуры возможно работать. Если бы средняя школа имѣла цѣлью дать молодымъ людямъ вполне законченный, хотя и не высокій курсъ общеобразовательныхъ наукъ, тогда можно было бы требовать отъ нея дѣйствительно прочныхъ и ясныхъ познаній въ каждомъ предметѣ пропорціонально его важности. Но вѣдь средняя школа существуетъ для подготовки къ высшему образованію. А въ такомъ случаѣ ея главная задача — дать ученикамъ понятіе, хотя бы и краткое, о всѣхъ существующихъ знаніяхъ, чтобы кончая гимназію, ученикъ вполне сознательно выбиралъ свою будущую профессію и не ошибался въ ея выборѣ. А для этого надо, чтобы всѣ предметы были поставлены въ школѣ на одну доску, чтобы не было предметовъ главныхъ и второстепенныхъ, чтобы на каждый предметъ удѣлялось одинаковое количество учебныхъ часовъ. Профессіональные педагоги возражать мнѣ, что если удѣлить одинаковое число часовъ на математику, исторію и космографію, то ученики не будутъ имѣть твердыхъ и систематическихъ познаній ни въ одномъ изъ этихъ трехъ предметовъ. Я отвѣчу на это такъ: а при современной постановкѣ дѣла ученики хорошо знаютъ математику, но вовсе не знаютъ ни исторіи, ни космографіи. А врядъ ли легко доказать, что математика важнѣе исторіи и космографіи. Юристу, конечно, исторія важнѣе.

физики; инженеру математика важнѣе исторіи; врачу физика важнѣе логики; но для того, чтобы рѣшить, къ юриспруденціи, технику или медицину лежитъ призваніе юноши, ему надо *въ одинаковой степени* быть знакомымъ со всѣми этими предметами. Вовсе не важно для этой цѣли помнить имена всѣхъ героевъ троянской войны, всѣ поправки Реньо къ формуламъ другихъ ученыхъ или всѣ фигуры силлогизмовъ. Но надо знать общій духъ, методы и цѣли всѣхъ наукъ или, вѣрнѣе, ихъ главныхъ отраслей. Пусть въ гимназіи не будетъ главныхъ и второстепенныхъ предметовъ; пусть будутъ сокращены часы занятій древними и русскимъ языками; пусть введены будутъ въ программу школы, хотя бы въ самомъ краткомъ объемѣ, естественныя науки; пусть ученика заставляютъ сдѣлать хоть по одной пустячной работѣ по каждой проходимой имъ наукѣ; и вотъ только тогда сумѣетъ онъ сознательно сказать, тянетъ ли его къ агрономіи, къ филологіи или къ медицинѣ.

Поговоримъ подробнѣе объ этомъ. Наша гимназія называется классической. Какъ читателю, вѣроятно, уже достаточно выяснилось, классицизмъ въ ней не процвѣталъ; процвѣтало лишь бездѣлье. Но характерно самое стремленіе средней школѣ дать извѣстную спеціализацію образованія. Средняя школа не должна быть ни классической, ни реальной, она должна быть въ самомъ широкомъ смыслѣ общеобразовательной. Классической наша гимназія въ нашу эпоху уже перестала быть; но тяготѣніе къ словеснымъ наукамъ въ ней осталось. Перечтемъ словесныя науки, проходимыя въ гимназіи: русскій языкъ, славянскій языкъ, греческій, латинскій, нѣмецкій, французскій языки, исторія и логика—итого 8 предметовъ; изъ математическихъ наукъ—арифметика, алгебра, геометрія, тригонометрія, космографія — итого 5 предметовъ; изъ естественныхъ, опытно-наблюдательныхъ наукъ, проходится только одна физика; наконецъ, въ сторонѣ отъ этихъ группъ стоитъ географія. Явный перевѣсъ виденъ на сторонѣ 8 словесныхъ предметовъ, не только по ихъ числу, но и по количеству часовъ, удѣляемыхъ большинству изъ нихъ. Далѣе, на второмъ уже планѣ, стоитъ математическая группа; но, за исключеніемъ космографіи, она образуетъ одинъ предметъ, по которому и ставится одна общая отмѣтка. На всю эту группу тратится не мало часовъ, но на каждый предметъ въ отдѣльности очень мало. Наконецъ, передъ нами одиноко стоитъ физика — единственная представительница точнаго знанія. Почему же нѣтъ химіи, ботаники, зоологіи, геологіи, почему изъ космографіи проходится только математическое ученіе объ астрономическихъ координатныхъ системахъ, а выброшено ученіе о геологическомъ строеніи земли, о составѣ почвы, о метеорологическихъ явленіяхъ? Почему, однимъ словомъ, гимназическая программа объявила войну всему опытному знанію, всѣмъ естественнымъ наукамъ,

этому фундаменту нашей культуры и нашего могущества надъ природой? Развѣ только преднамѣренно; но съ какой пѣлюю?

Невольно вспоминается одинъ эпизодъ изъ исторіи нашей школы. При императорѣ Николаѣ I министръ народнаго просвѣщенія кн. Ширинскій-Шахматовъ изгналъ изъ гимназій классическіе языки, дабы юные питомцы ея на примѣрахъ Греціи и Рима не воспитывались въ республиканскомъ духѣ. Изгнанныхъ классиковъ онъ замѣнилъ естествознаніемъ. При императорѣ Александрѣ II министръ народнаго просвѣщенія гр. Толстой увидѣлъ главную причину всѣхъ смутъ и броженій въ распространеніи естественно-научныхъ знаній и, упразднивъ преподаваніе ихъ въ гимназіяхъ, ввелъ классицизмъ, какъ основу для воспитанія въ благонамѣренномъ духѣ и направленіи.

Такимъ образомъ, классицизмъ и естествознаніе дважды мѣнялись ролями подозрѣваемаго и рекомендуемаго предметовъ, и гр. Толстому, уничтожившему преподаваніе естествознанія въ гимназіяхъ, можно было бы возразить, что за поколѣніе до него на эти науки глядѣли какъ разъ наоборотъ.

Но удѣлить по одинаковому числу часовъ на всѣ предметы программы, введя даже въ нее необходимые отдѣлы естествознанія—это еще не значить рѣшить задачу средняго образованія. Повторяю, задача этого образованія состоитъ въ томъ, чтобы дать ученику возможность вполне сознательно выбрать ту или другую отрасль высшаго образованія. А для этого мало познакомить его съ главнѣйшими отраслями знанія; надо еще, чтобы онъ самъ попробовалъ поработать въ каждой изъ нихъ и уже на личномъ опытѣ убѣдился, въ которой онъ легче можетъ работать, которая своимъ содержаніемъ и методомъ наиболѣе привлекаетъ его.

Система, которою пользуется современная средняя школа, похожа на то, какъ если-бы я, желая научить ученика игрѣ на скрипкѣ, сталъ разыгрывать передъ нимъ разныя пьесы, не заставляя играть его самого. Ученикамъ преподается математика, исторія, логика; и вся ихъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобы заучить эти пріобрѣтенія чужого мозга, эту работу другихъ людей, развивая такимъ образомъ только способность памяти, а не способность самостоятельнаго мышленія. Мы изучаемъ геометрію, но при этомъ мы лишь вы зубриваемъ теоремы, доказанныя другими людьми, и не ломаемъ своей головы ни разу, чтобы самостоятельно доказать какое-нибудь математическое положеніе; мы учимъ физику, и при этомъ опять лишь заучиваемъ чужія мысли, чужіе опыты и наблюденія, не подержавъ въ рукахъ ни вѣсовъ, ни барометра, ни калориметра. Мы проходимъ исторію, награждая въ головѣ цѣлыя полчища фактовъ, годовъ и именъ, но не попробовавъ сдѣлать ни одного самостоятельнаго изслѣдованія и освѣщенія факта или эпохи. Но естественно рождается вопросъ:

можетъ ли человѣкъ, кончая гимназію, сказать, что онъ чувствуетъ призваніе быть физикомъ, если онъ только читалъ курсъ ея, если онъ не знаетъ, какъ добываются всѣ эти научныя данныя, если онъ ни разу не производилъ наблюденія, никогда не придумывалъ опыта и не бился надъ тѣмъ, чтобы извлечь изъ него отвѣтъ на интересующій его вопросъ? Можетъ ли человѣкъ сказать, что его тянетъ быть историкомъ, если онъ не знаетъ, откуда берутъ историки матеріалъ для своихъ работъ, если ему ни разу не приходилось сравнивать два противорѣчивыхъ изложенія одного и того же событія, критикуя достовѣрность и безпристрастіе того и другого и ломая голову надъ тѣмъ, которому можно довѣриться? Поставлю вопросъ еще шире: можетъ ли вообще человѣкъ чувствовать призваніе къ наукѣ, если онъ не знаетъ, какихъ трудовъ, какого терпѣнія, трудолюбія, сознательности, осторожности въ выводахъ требуетъ наука, какими усиліями достигается каждый шагъ къ ней, если онъ не знаетъ даже, чѣмъ надо пользоваться при научной работѣ, какъ надо пользоваться даннымъ матеріаломъ, и даже, съ чего начать работу?

Нѣтъ, не можетъ,—скажу я и буду настаивать на этомъ мнѣніи. И всякая школа, не дающая такой сознательности, не имѣетъ оправданія себѣ. Пусть, кончая гимназію, мы великолѣпно знаемъ (это только допущеніе, конечно) хронологію, шесть грамматикъ, теоремы стереометріи, законы Ньютона и Архимеда; но если при этомъ мы не знакомы съ методами, которыми добыты всѣ эти свѣдѣнія, то сознательно избрать отрасль будущей спеціализаціи мы не можемъ, и, слѣдовательно, восемь лѣтъ, проведенныхъ на гимназической скамьѣ, пропали безцѣльно, бессмысленно, безплодно; средняя школа не выполнила своей задачи.

Но какъ же добиться желаемой сознательности?—спросятъ меня.—Ужъ не заставлятъ ли учениковъ гимназіи дѣлать открытія и писать диссертациі? О, нѣтъ, я далекъ отъ такой мысли. Я вовсе не предполагаю скрытыхъ гениевъ въ каждомъ „кухаркинѣ сынѣ“, который сидитъ, къ ужасу князя Мещерскаго, на одной скамейкѣ съ сыновьями генералъ-маіоровъ и статскихъ совѣтниковъ. Но я личнымъ наблюденіемъ убѣдился, что наши высшія учебныя заведенія переполнены молодыми людьми, имѣющими столь же мало интереса и наклонностей къ наукѣ, сколько къ самоубійству. И надо, чтобы средняя школа допускала въ высшую лишь тѣхъ, кто дѣйствительно хочетъ и можетъ работать. Я вовсе не хочу этимъ сказать, чтобы законодательнымъ путемъ надо было ограничить число студентовъ. Нѣтъ, пусть средняя школа дастъ хоть намекъ на научную работу, предстоящую впереди. Нашъ гимназическій курсъ смѣло можно, даже со включеніемъ естествознанія въ его программу, сжать въ шестилѣтній изъ восьмилѣтняго. И пусть этотъ шестилѣтній курсъ даетъ всѣ тѣ

права, что и восьмилѣтній, кромѣ права поступленія въ высшую школу. Седьмой же и восьмой классы пусть будутъ посвящены развитію способностей къ самостоятельному научному труду. За шесть лѣтъ ученику будетъ уже данъ достаточный матеріалъ. Въ седьмомъ классѣ каждый учитель можетъ прочесть подробно разработанный курсъ какого-нибудь отдѣла своей науки, при чемъ эти отдѣлы должны ежегодно мѣняться, такъ что учитель русской словесности одинъ годъ можетъ прочесть курсъ исторіи русскаго романтизма, на другой годъ—о Тургеневѣ, третій—о литературѣ Петровской эпохи. Историкъ можетъ одинъ годъ читать ученикамъ седьмого класса о крестовыхъ походахъ, на слѣдующій годъ—исторію ислама, третій годъ посвятить удѣльно-вѣчевому періоду русской исторіи. Физикъ одинъ годъ можетъ читать курсъ теплоты, на другой—свѣта, на третій—электричества и т. д. Разумѣется, задаваніе и спрашиваніе уроковъ тутъ уже должно быть устранено, такъ какъ чтеніе этихъ курсовъ служить уже не для пріобрѣтенія знаній, а для того, чтобы ученики наглядно видѣли, какъ разрабатываются научныя идеи, чѣмъ и какъ пользуются въ наукѣ для ея развитія.

Послѣдній, восьмой годъ пребыванія въ гимназіи долженъ послужить для самостоятельныхъ работъ учениковъ въ каждой области. Ученикъ слышалъ въ седьмомъ классѣ разработку исторіи ислама; на ней онъ познакомился съ методомъ и матеріалами исторіи. Пусть же теперь ему заведутъ работу хотябы по исторіи Англіи; пусть онъ самъ попытается разобрать и изобразить эпоху. По физикѣ онъ слышалъ курсъ теплоты; пусть же онъ напишетъ какую-нибудь работу по отдѣлу звука и т. д. Всѣ эти работы, конечно, не должны быть учеными изслѣдованіями, я вовсе не это хочу сказать. Нѣтъ нужды, что эти работы будутъ заключать въ себѣ младенческій лепетъ, ребяческія мысли, будутъ по дѣтски и изложены; но вѣдь отъ гимназиста никто и не ждетъ вклада въ науку. Но пусть онъ пороется въ библіотекѣ, пусть онъ повозится съ колбами, вѣсами, манометрами въ лабораторіи, пусть онъ, однимъ словомъ, познакомится съ самостоятельной работой. У него не прибавится познаній отъ этого, но, кончая гимназію, онъ будетъ знать, въ какой области знанія онъ можетъ самостоятельно и сознательно работать и въ какой не можетъ.

Работы, о которыхъ я говорю, должны быть легки и невелики; въ теченіе года пусть каждый ученикъ сдѣлаетъ по нѣсколькимъ такимъ работамъ; по мѣрѣ возможности работы эти должны разбираться въ классѣ; выпускные же экзамены могутъ быть совершенно уничтожены, такъ какъ за послѣдніе два года ученикъ никакихъ новыхъ свѣдѣній не пріобрѣлъ, а вопросъ о томъ, можетъ ли онъ быть допущенъ къ высшему образованію, рѣшается качествомъ работъ ученика.

Мнѣ возразятъ, что для такой постановки дѣла нужны большія средства на лабораторіи, кабинеты, библіотеки. Но съ этимъ нельзя согласиться. Въ гимназіяхъ уже и теперь есть такъ называемыя „фундаментальныя“ библіотеки, только пользоваться ими разрѣшается почему-то лишь учителямъ; лабораторій никакихъ новыхъ не надо; физическіе кабинеты есть вездѣ, только надо допустить въ нихъ учениковъ, а не держать приборы въ запертыхъ шкафахъ „по причинѣ неисправности“, на которую никто не обращаетъ вниманія, такъ что по нѣскольку лѣтъ подрядъ многіе приборы не показываются на свѣтъ Божій. Все, что нужно для работы, есть, дайте только разрѣшеніе работать.

Пора резюмировать мою статью. Я не педагогъ и, вѣроятно, никогда имъ не буду, такъ какъ специальность, которой я посвятилъ себя по окончаніи гимназіи, ничего общаго съ педагогіей не имѣетъ. А поэтому предупреждаю читателя, что не смѣю настаивать на тѣхъ именно мѣрахъ, которыя я предложилъ въ этой послѣдней главѣ. Очень можетъ быть, что такое расположеніе курса въ практическомъ отношеніи и неудобно. Профессіональные педагоги могутъ разбить мое предложеніе и предложить сотни другихъ системъ. Имъ и книги въ руки, и въ этомъ отношеніи я не вступлю въ полемику съ ними. Но на той цѣли, которой должно служить предложенное мною измѣненіе строя школы, я настаиваю: надо учить дѣтей и юношей работать, а не только терпѣливо сидѣть восемь лѣтъ на скамейкѣ.

Вотъ тѣ положенія, которыя я старался развить въ настоящей статьѣ:

1) Современная средняя школа никакихъ положительныхъ и мало-мальски относящихся къ жизни свѣдѣній не даетъ; все, что проходитъ въ гимназіи, или представляетъ собою отсталую, чуть ли не средневѣковую науку, или пригодно и интересно лишь специалистамъ, или же, наконецъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ даетъ только внѣшнюю сторону познанія—голые факты, безъ проникновенія въ суть и смыслъ науки. Къ предметамъ первой категоріи можно отнести прямо-таки схоластически поставленную логику, грамматику, теорію словесности; ко второй—классическія древности; къ третьей—физику и исторію. Всѣмъ извѣстно, что въ университетахъ многіе профессора первую лекцію новопоступившимъ студентамъ посвящаютъ убѣдительнымъ просьбамъ выкинуть изъ головы всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя дала гимназія. Что же это за наука такая, что ее надо выкидывать изъ головы, какъ только человѣкъ рѣшилъ присѣсть за серьезныя занятія. Вѣдь задача средней школы—подготовить къ высшей школѣ; а на дѣлѣ оказывается, что она только мѣшаетъ усвоенію высшей школы. Въ гимназіи мы учимъ, что въ Римѣ было

семь царей, знаемъ ихъ имена и годы жизни и царствованія; въ университетѣ намъ говорятъ, что не только годы эти весьма сомнительны, но даже неизвѣстно, было ли ихъ семь, а не шесть и не восемь. Въ гимназіи намъ говорятъ, что матерія непроницаема, что эфиръ существуетъ; съ университетской кафедры мы слышимъ, что относительно того, что называть непроницаемостью, надо еще условиться, а существованіе эфира представляетъ еще большой вопросъ. Въ гимназіи намъ краснорѣчиво доказываютъ, что Карамзинъ былъ первый русскій историкъ, чуть ли не открывшій Нестора; въ университетѣ мы узнаемъ, что до Карамзина были Татищевъ, Болтинъ, Шлецеръ, Миллеръ, Щербатовъ, что первый томъ его „Исторіи Государства Россійскаго“, посвященный первобытной этнографіи Россіи, вовсе не цѣликомъ его открытіе, что Карамзинъ пользовался и древней географіей Маннетра, и *Nordische Geschichte Шлецера*, только у Карамзина не было привычки указывать первоисточники (см. Милюковъ. Главныя теченія русской исторической мысли. Москва 1898, стр. 155). Что же сей сонъ означаетъ? Кто правѣе, университетъ или гимназія? Если университетская наука ложна, то надо реформировать ее, уничтожить эту ложную науку и заставить профессоровъ читать свои курсы по гимназическимъ учебникамъ. Если же ложна не университетская, а гимназическая наука, то надо вышвырнуть въ печку всѣ эти гимназическіе учебники и поставить дѣло преподаванія такъ, чтобы юношамъ не приходилось задумываться надъ тѣмъ, кто ему вретъ и кто читаетъ настоящую науку.

2) Гимназія не приучаетъ къ труду, не внушаетъ любви къ нему, любви къ наукѣ. Въ гимназіи мы изучаемъ математику, исторію, логику, языки, но не изучаемъ науки. Всѣ предметы поставлены такъ, какъ будто бы они были совершенно самостоятельны, какъ будто бы между ними нѣтъ никакой связи. Мы знаемъ, что есть логика и географія, которыя зачѣмъ-то надо знать, но что есть *наука вообще*, какъ нѣчто цѣльное, стройное, ведущее людей къ побѣдамъ надъ природой, къ совершенствованію, благу и прогрессу, — этого мы не слышимъ въ средней школѣ, не слышимъ даже слова „наука“. Гимназическая наука не увлекаетъ никого; сухая, застывшая чуть ли не въ кристаллической формѣ, она отвращаетъ отъ труда, она приучаетъ къ формальному, а то и мошенническому отношенію къ своимъ обязанностямъ, къ своему труду. Гимназисты привыкаютъ къ тому, что хорошіе баллы можно получить безъ всякаго труда, пользуясь подсказкой, списываньемъ, шпаргалками и другими обманами. Такимъ образомъ, они приучаются и вообще думаютъ, что успѣхъ въ жизни зависитъ не отъ труда, а отъ ловкости. Теряется всякое идеальное отношеніе къ жизни, пріобрѣтается пошлое міровоззрѣніе, и изъ стѣнъ гимназій выходятъ люди, за-

частую глубоко развращенные, не смотря на всю ту прописную мораль, которую имъ преподносятъ равнодушно, но настойчиво съ гимназической кафедръ. Скажу даже болѣе: эта прописная мораль, благодаря своей шаблонности, на учениковъ дѣйствовала какъ разъ въ обратномъ смыслѣ: всякая мораль казалась имъ послѣ этого прописною, и у нихъ получалось отвращеніе ко всякой нравственной проповѣди. Намъ говорили: „трудитесь, трудъ—это назначеніе человѣка“. Но на это, если бы смѣли, гимназисты хоромъ отвѣтили бы словами горьковскаго героя: „сдѣлайте трудъ интереснымъ, и я буду работать“. А это сдѣлать не трудно: покажите только смыслъ и цѣль этого труда, оживите его сознаниемъ того, что вся потраченная энергія не испаряется въ видѣ одного пота, а превращается въ нѣчто цѣнное и для самого учащагося, а во послѣдствіи и для другихъ. А между тѣмъ, именно цѣли-то у всей этой гимназической науки и не видѣли. Какъ часто бывало съ нами, что, сидя за скучнымъ урокомъ, глядѣли мы въ окно на улицу и наблюдали движеніе людей, экипажей, конокъ; по улицамъ ходили, ѣздили, бѣгали люди, каждый несъ въ головѣ какую-нибудь думу, какой-нибудь планъ, какую-нибудь мечту; все это стремилось впередъ, добивалось чего-нибудь, искало, устраивало, созидало,—словомъ, за стѣною класса пульсировала настоящая жизнь. И невольно думалось, какая же, наконецъ, связь между какимъ-то анекдотомъ о Кирѣ Младшемъ или даже Сервіи Туллиіи и этой кипучей жизнью, которая бьется тамъ за этой стѣной? Вѣдь къ этой же жизни мы готовимся, такъ отчего же намъ ничего не говорятъ о ней, объ этой борьбѣ людей съ природой, объ этомъ стремленіи по пути къ общему счастью людей и о томъ, какъ найти этотъ путь? Отчего намъ говорятъ о Сервіи Туллиіи больше, чѣмъ объ Александрѣ II; отчего мы знаемъ о силлогизмахъ третьей фигуры больше, чѣмъ о сельскомъ хозяйствѣ; отчего намъ объясняютъ происхожденіе юсовъ большого и малаго, но не говорятъ о Тургеневѣ?

И одинъ только отвѣтъ на всѣ эти сомнѣнія приходилъ въ юныя головы: отъ гимназіи ждать нечего, надо или учиться помимо ея, или терпѣливо выжидать, пока не пройдутъ, наконецъ, эти 8 лѣтъ, и пока волею судебъ не придется оказаться въ самой гущѣ этой жизни, которая такъ далека отъ нашей школы, какъ средневѣковой монастырь былъ далекъ отъ шумнаго карнавала. И ничего... терпѣли, выжидали. Но сколько людей, могшихъ сдѣлаться полезными дѣятелями, крупными тружениками науки, искусства, техники, администраціи, сколько сердецъ, бившихся любовью къ родинѣ, къ ближнимъ, къ труду, сколько ихъ задохлось въ этомъ ожиданіи. Энергія падала, жизнь требовала одного, а гимназія—другого. И у тысячи юношей падали руки, и они опускались и развращались навсегда.

И когда я слышу или читаю, что у насъ людей нѣтъ, что у

насъ нѣтъ патріотовъ, нѣтъ тружениковъ, мнѣ хочется показать пальцемъ на гимназію и крикнуть: Тамъ! Тамъ люди, тамъ патріоты, тамъ труженики—всѣ тамъ остались. Поищите въ пыли, среди сухихъ фоліантовъ древнихъ классиковъ и подстрочниковъ къ нимъ, среди тетрадокъ съ сочиненіями о морѣ и пустынь или о народности произведеній Пушкина, среди дневниковъ съ прівилами о числѣ застегнутыхъ пуговицъ, среди записокъ отъ родителей объ опозданіи къ первому уроку, среди пыли и духоты классовъ и вонючей „курилки“. И вы найдете тамъ погребенными много плановъ и мечтаній юношей, много разбитыхъ надеждъ ихъ родителей и всего нашего общества.

Пара мнѣ умолкнуть; я и такъ уже, быть можетъ, сказалъ слишкомъ много; знаю, на меня обрушатся теперь цѣлыя арміи педагоговъ, которые и въ мои учебные годы причиняли мнѣ не мало тяжелыхъ минутъ, хотъ и выпустили меня изъ гимназіи съ медалью „во вниманіе къ постоянно отличному поведенію и прилежанію и къ отличнымъ успѣхамъ въ наукахъ“. Къ чему этотъ злой сарказмъ! Не лучше ли было бы прямо сказать „за терпѣніе“... И какъ въ тѣ тяжелые годы на каждомъ шагѣ мнѣ говорили, что я еще слишкомъ молодъ, что я еще слишкомъ мало знаю, чтобы смѣть свое сужденіе имѣть, такъ и сейчасъ найдутся оппоненты, которые накинута на меня за то, что я осмѣливаюсь судить о нашей школѣ, не зная ни педагогики, ни исторіи нашей и западной школы, исторіи классическаго и реального образованія и т. д., и т. д. Скажутъ, пожалуй, что моя статейка есть умышленно-злой пасквиль на школу, въ которой я плохо учился, что это просто рядъ ничего не показывающихъ картинокъ, что я говорю не о сути, а о мелочахъ и т. д.

Что моя статья не пасквиль на отдѣльныхъ лицъ, это видно уже изъ того, что я вездѣ, гдѣ было можно, повторялъ, что во всѣхъ безобразіяхъ нашей школы виню не педагогическій составъ ея, а тотъ кодексъ, на которомъ основана вся ея жизнь, тотъ духъ, которымъ пропитано преподаваніе, помимо, а то и вопреки волѣ отдѣльныхъ учителей. Соглашаюсь съ тѣмъ, что я не педагогъ. Я и не осмѣлился бы писать на педагогическую тему, если бы не видѣлъ, какъ живое и святое дѣло гимназической реформы какъ-то заглохло, и общество въ лицѣ нашей общей и специально-педагогической печати перешло отъ живыхъ вопросовъ воспитанія здороваго дѣятельнаго поколѣнія—къ обсужденію вопросовъ о необязательности греческаго языка и о томъ, какъ распредѣлить эти необязательные уроки. А язва остается язвой. Гимназія по прежнему выпускаетъ вялыхъ, безхарактерныхъ юношей, безъ способности и склонности къ труду, безъ любви къ наукамъ, безъ любви и интереса къ родинѣ, съ презрительнымъ

отношеніемъ къ понятію долга, труда, науки, чести. Изъ стѣнъ средней школы выходятъ по прежнему люди, интересующіеся лишь порнографической литературой, картами и карьерой. Приглядитесь къ этимъ тысячамъ юношей, ежегодно поступающихъ на юридическій факультетъ, потому что тамъ будто бы „можно ничего не дѣлать“; приглядитесь къ этой тысячной же толпѣ, подающей ежегодно прошенія сразу въ четыре-пять спеціальныхъ техническихъ высшихъ учебныхъ заведеній, лишь бы попасть куда-нибудь и современемъ сдѣлаться инженеромъ, потому что „папа и дядя“ говорятъ, что инженеромъ теперь быть выгоднѣе всего. Обратите вниманіе на то, что изъ 300, поступившихъ въ институтъ на I курсъ, переходитъ на второй 200, а на III-ій 150—140. Почему же исчезаютъ остальные 150? Отвѣтъ ясенъ: это были 150 человекъ, не имѣвшихъ никакого интереса къ избранному дѣлу и попавшихъ въ высшее учебное заведеніе благодаря „натаскиванію“ у дипломированныхъ шарлатановъ. Приглядитесь ко всѣмъ этимъ явленіямъ, къ этому поколѣнію безо всякой религіи въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Я далекъ отъ желанія оклеветать то молодое поколѣніе, къ которому я еще и самъ принадлежу; но я не могу и не хочу скрывать отъ себя истины: здоровыми насъ назвать нельзя. Гдѣ же корень зла? Въ гимназій, подавляющей интересъ къ наукѣ и къ труду, въ гимназій, уничтожающей индивидуальность учащихся, въ гимназій, выпускающей Ивановъ Ивановичей Ивановыхъ, рядовыхъ несмѣтной арміи титулярныхъ совѣтниковъ, похожихъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды, и не похожихъ на идеалъ развитого, нравственнаго и полезнаго человека, какъ земля на небо. Спрашивается, кому выгодна такая школа, такое образованіе и воспитаніе? Государству? Нѣтъ: оно нуждается въ энергическихъ, дѣятельныхъ администраторахъ, судьяхъ, чиновникахъ, агрономахъ, учителяхъ, врачахъ. Обществу? Нѣтъ: оно давно жалуется на отсутствіе общественной самодѣятельности, ему нужны тоже врачи, учителя, литераторы, артисты, ученые, общественные дѣятели.

Кому-же, какому же Ваалу приносится русское молодое поколѣніе? Ради какой цѣли совершается эта безкровная жертва?

Не берусь рѣшить. Пусть каждый читатель рѣшаетъ по своему. Скажу одно: пока средняя школа не будетъ давать намъ людей, а не титулярныхъ совѣтниковъ, хотя бы и въ студенческомъ скруткѣ, до тѣхъ поръ мы будемъ ныть и недоумѣвающе скорбѣть объ отсутствіи у насъ „настоящихъ людей“. „Что посеешь, то и пожнешь“—эту пословицу я взялъ эпиграфомъ къ своей статьѣ. А сѣять въ душу человека уже поздно, когда онъ въ высшемъ учебномъ заведеніи. Тогда уже въ немъ проростають сѣмена, брошенные раньше.

Caveant consules... Такимъ путемъ мы придемъ, Богъ вѣсть, куда. Бойтесь этого безвольнаго и безличнаго поколѣнія. Оно

угрожаетъ нашей культурѣ, грозитъ упадкомъ нашему искусству, нашей наукѣ, оно опасно для развитія нашего общества и для процвѣтанія нашего отечества.

В. Звальдъ.

Литература и жизнь.

Гр. Л. Н. Толстой о ежемѣсячныхъ журналахъ.—Г. Буренинъ о нихъ же. — «Текущiе», «мнимые» и истекшiй.—О г. Меньшиковѣ.—О Накрохинѣ и о томъ, кто виноватъ въ его несчастной судьбѣ.—Книга Спенсера «Факты и комментариі».—О любви къ отечеству и народной гордости.

Нѣкій г. Драгановъ уличилъ меня недавно въ лицемеріи. А именно: неодобрительно отозвавшись о Л. Н. Толстомъ, я черезъ нѣкоторое время принялъ участіе въ литературномъ вечерѣ въ честь Л. Н. Толстого. Я по этому поводу могу сказать только одно: г. Драгановъ, надѣленный, надѣюсь, всѣми добродѣтелями, не блистаетъ умомъ. Но „Вѣстникъ Европы“, изъ котораго я узналъ объ уличеніи меня г. Драгановымъ въ лицемеріи, счелъ нужнымъ пояснить ему, что, можетъ быть, дескать, г. Михайловскій, уважая Толстого вообще, относится отрицательно къ той или другой сторонѣ его дѣятельности въ частности, а можетъ быть, въ промежутокъ времени между статьей и литературнымъ вечеромъ измѣнилъ свое мнѣніе о Толстомъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ о лицемеріи не можетъ быть рѣчи...

Полагаю, что не можетъ... Но изъ двухъ предположеній „Вѣстника Европы“ я могу принять только первое. Мое мнѣніе о Толстомъ сложилось очень давно, и какъ ни измѣнялся въ послѣдніе двадцать лѣтъ самъ Толстой, и какъ ни клянетъ онъ самъ свое прошлое, для меня нѣтъ неожиданностей въ его эволюціи. Онъ представляетъ собою очень сложную фигуру. Онъ, къмъ справедливо гордится русская литература передъ цѣлымъ міромъ, высказываетъ подчасъ такіа ребячески-странныя мысли, что только развѣ г. Драгановъ и можетъ видѣть лицемеріе въ томъ, въ чемъ онъ его увидѣлъ.

Одну изъ такихъ странныхъ мыслей представляетъ „сообщенное—по словамъ г. Буренина, — недавно въ газетахъ“ мнѣніе гр. Толстого о нашихъ ежемѣсячныхъ журналахъ: „Мнѣ кажется, — сказалъ кому-то Л. Н., — что издаются и пишутся они не въ Петербургѣ и Москвѣ, почему-то ставящихъ себя во главѣ Россіи, а гдѣ нибудь въ самой глухой провинціи, откуда въ три года ни до какаго государства не доскачешь. Какая-то печать глу-

бокаго провинціализма и шаблонности лежитъ на всѣхъ этихъ столичныхъ писаніяхъ и, скажу, провинціализма дурного тона“. „Указывая,—продолжаетъ г. Буренинъ отъ себя,—на обычныя полемики въ нашихъ ежемѣсячникахъ „гг. Благолѣпова и Нелѣпова“, на пережевываніе Богъ знаетъ въ который разъ того, что было высказано Бѣлинскимъ, Добролюбовымъ, Чернышевскимъ, Л. Н. говорить, что „дѣлать изъ Бѣлинскаго и Добролюбова какихъ-то пророковъ и апостоловъ по меньшей мѣрѣ смѣшно. Совсѣмъ изъ-за нихъ готовы забыть, что дѣйствительно великаго и существеннаго выдуманно и происходитъ у насъ въ Россіи, въ Европѣ и Азіи. Совсѣмъ, говорю я, какъ провинціалы, которые департаментскаго курьера принимаютъ за генерала. Смѣшно это и надо бы всѣмъ на свѣжій воздухъ“.

Я не знаю, кѣмъ и въ какихъ газетахъ было „сообщено“ это сужденіе гр. Толстого; все ли оно тутъ или это только часть сужденія о нашей литературѣ вообще, въ томъ числѣ и газетной, какъ столичной, такъ и провинціальной, и книжной; вѣрно ли передаетъ г. Буренинъ то, что сообщено въ газетахъ (къ цитатамъ этого писателя, какъ и „Новаго Времени“ вообще, надо относиться съ осторожностью). Но я допускаю, что гр. Толстой могъ высказать такое сужденіе. Съ высоты того пьедестала, на которомъ онъ стоитъ, можетъ быть, дѣйствительно въ нашей журналистикѣ не видно ничего, кромѣ тѣней Бѣлинскаго, Добролюбова и Чернышевскаго, да и тѣ ему представляются чѣмъ-то въ родѣ департаментскихъ курьеровъ. Но мы, внизу живущіе,—положеніе иногда болѣе выгодное для наблюденій,—видимъ нѣчто иное. Я отнюдь не думаю защищать наши ежемѣсячники, всѣ они очень далеки отъ идеала (да не подумаетъ ктонибудь, что я исключаю „Русское Богатство“), и на это есть свои причины, о которыхъ здѣсь распространяться не приходится. Но обвинять ихъ въ повтореніи давнымъ давно сказаннаго Бѣлинскимъ, Добролюбовымъ и Чернышевскимъ,—по малой мѣрѣ, странно. Къ сожалѣнію, изъ цитатъ г. Буренина не видно, что именно считаетъ гр. Толстой „дѣйствительно великимъ и существеннымъ, вымышленнымъ и происходящимъ у насъ въ Россіи, въ Европѣ и Азіи“. Многое дѣйствительно значительное, что „происходитъ“ въ Россіи, Европѣ и Азіи, въ настоящую минуту находится внѣ компетенціи журналистики за исключеніемъ нѣсколькихъ счастливицевъ, которые, встати сказать, видятъ въ Бѣлинскомъ, Чернышевскомъ и Добролюбовѣ, подобно гр. Толстому, ни болѣе, какъ департаментскихъ курьеровъ. А что касается того, что „выдуманно“... Да вотъ, напримѣръ, гр. Толстымъ было „выдуманно“ когда-то „толстовство“ съ непротивленіемъ злу, неестественностью естества, четырьмя упряжками и проч., и проч. И въ свое время наши ежемѣсячники удѣляли очень много вниманія этой „выдумкѣ“ и только съ недавняго сравнительно времени стали об-

ходить почтительнымъ молчаніемъ эти грѣхи великаго писателя. Да и теперь безчисленные репортеры и интервьюеры сообщаютъ *ubi et ubi* о своихъ бесѣдахъ съ гр. Толстымъ на всевозможныя темы. Правда, ежемѣсячники не участвуютъ въ этихъ бесѣдахъ, но надо принять во вниманіе хотя бы то, что они слишкомъ тяжеловѣсны, чтобы бѣгать въ Ясную Поляну...

На смѣну толстовства, не считая разныхъ мелкихъ и быстро стершихся „новыхъ мозговыхъ линій“, явился марксизмъ, марксизмъ обернулся идеализмомъ, идеализмъ осложнился нищенствомъ и декадентствомъ... Помилуйте! Какіе же тутъ Бѣлинскій, Чернышевскій, Добролюбовъ! Ихъ еле видно изъ-за этихъ быстро смѣняющихся „выдумокъ“, и если бы они встали изъ своихъ гробовъ, они бы только руками развели. А между тѣмъ, все это находило и находить своихъ учениковъ и апологетовъ и въ нашихъ ежемѣсячникахъ...

Повторяю, гр. Толстой съ высоты своего пьедестала, почти равной высотѣ птичьяго полета, могъ не замѣтить всего этого. Но г. Буренину эти явленія нашей журналистики очень хорошо извѣстны, онъ самъ не разъ отмѣчалъ ихъ. Да и не мудрено: онъ то вѣдь не на пьедесталѣ живетъ, а такъ же внизу, какъ и мы, грѣшныя, и даже гораздо ниже насъ, ибо, поддержавъ сужденіе гр. Толстого всею мощью своего авторитета, дополнилъ его лужей сплетенъ и „намековъ тонкихъ на то, чего не вѣдаетъ никто“. Сомнѣваюсь, чтобы гр. Толстой остался доволенъ такой поддержкой...

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ Петербургѣ ходила слѣдующая эпиграмма неизвѣстнаго мнѣ автора:

Бѣжить по улицѣ собака,
Идетъ Буренинъ—тихъ и милъ.
Смотри, городской, однако,
Чтобъ онъ ее не укусил!

Для собакъ г. Буренинъ, конечно, никогда не былъ опасенъ, но мимоходящихъ людей онъ и доселѣ наравитъ покусать. Только, увы! зубы у него повыпадали, и онъ напоминаетъ собою ту беззубую Жучку, которая, задыхаясь отъ злости, можетъ только хрипло гавкать на мимоходящихъ. Мимоходящіе не обращаютъ на Жучку вниманія и идутъ себѣ дальше каждый по своему дѣлу, пока, наконецъ, кто нибудь, выведенный изъ терпѣнія этимъ приставаніемъ, не пнетъ Жучку ногой,—отвяжись, дескать. И знаетъ этотъ выведенный изъ терпѣнія человѣкъ, что Жучка не отвяжется, а еще пуще заляется, наровя хватить беззубымъ ртомъ за икры, да ужъ очень надоѣла.

Вотъ уже года два, если не больше, какъ г. Буренинъ, говоря о нашихъ ежемѣсячникахъ, съ особенно злобною настойчивостью гавкаетъ два слова, точно подрядившись наполнить ими вселен-

ную. Онъ ихъ повторяетъ десятки разъ въ каждомъ фельетонѣ. Это, во-первыхъ, нарѣчіе „мнимо“ въ сопровожденіи прилагательныхъ „либеральный“ и „радикальный“ и, во-вторыхъ, прилагательное „текущій“ въ сопровожденіи существительныхъ „литература“, „литераторъ“. При этомъ слово „текущій“ онъ ставитъ въ язвительно ироническія кавычки, сердито подтрунивая не то надъ самымъ словомъ, не то надъ кѣмъ-то, употребляющимъ его. Но кто же не употребляетъ этого обыкновеннѣйшаго русскаго слова? Конечно, „текущій литераторъ“ есть просто бессмыслица, придуманная г. Буренинымъ для пущей язвительности. Но текущая литература, текущая жизнь, текущая дѣйствительность, текущій годъ—все это сочетанія словъ столь же понятныя, сколь и общепотребительныя. Почему же г. Буренинъ съ такою настойчивостью и язвительностію прилагаетъ эпитетъ „текущій“ къ нашимъ ежемѣсячнымъ журналамъ, когда онъ въ такой же мѣрѣ приложимъ и къ газетамъ, въ томъ числѣ и къ „Новому Времени“? Почему онъ даже сочинилъ „текущаго литератора“? Текущій годъ противопоставляется истекшему. Очевидно, г. Буренинъ самъ признаетъ себя „истекшимъ“ писателемъ и именно поэтому злобно ворчитъ на мимоходящихъ: текущій, текущій, текущій... Ну, а „мнимо-либеральный“, „мнимо-радикальный“, — эпитеты, столь же надоедливо и столь же злобно расточаемые г. Буренинымъ? Не означаютъ ли они, что г. Буренинъ жаждетъ истиннаго либерализма или истиннаго радикализма и, находя ихъ лишь въ „Новомъ Времени“, очень сердится? Такъ или иначе, но сердится: мнимые вы, говоритъ, мнимые, мнимые, сто разъ мнимые, десять тысячъ разъ мнимые... А настоящихъ-то, хитрый человекъ! не показываетъ, про себя держитъ...

Не одинъ г. Буренинъ такъ недоволенъ ежемѣсячными журналами, недоволенъ и его сотрудникъ, г. Н. Энгельгардтъ. Но этотъ гораздо забавнѣе. Не такъ давно онъ объявилъ, что наши толстые журналы суть—„хулиганы“, а просвѣщеніе, благородство, честность, деликатность процвѣтаютъ въ газетахъ и главнымъ образомъ, конечно, въ „Новомъ Времени“. Забавникъ!

Поминаетъ литературныхъ хулигановъ и третій сотрудникъ „Новаго Времени“, г. Меньшиковъ. Но на этомъ замѣчательномъ въ своемъ родѣ писателѣ я остановлюсь нѣсколько дольше.

Свою литературную карьеру г. Меньшиковъ началъ, если не ошибаюсь, въ „Недѣлѣ“ и ежемѣсячныхъ „Книжкахъ Недѣли“. По поводу какой-то его статьи въ „Книжкахъ Недѣли“, г. Розановъ, нынѣ помѣщающійся рядомъ съ нимъ подъ гостепріимной кровлей „Новаго Времени“ (тамъ это просто, они не хулиганы какіе нибудь, которые, по словамъ г. Меньшикова, „раздаютъ затрещины и не гоняются за тычкомъ“), обличалъ его въ „прямой и беззащѣтной лжи“. Но не эти жестокія слова инте-

ресны въ статьѣ г. Розанова, а слѣдующая общая характеристика г. Меньшикова:

„Это писатель-мелодистъ; не богата и проста его мелодія:

Чижики, чижики, гдѣ ты былъ?

Но она льется, не утомляя и убаюкивая слухъ читателя, изъ страницы въ страницу, изъ книжки въ книжку журнала, переливается изъ одной темы на другую и, кажется, сгинь всѣ сотрудники „Книжекъ Недѣли“, г. Меньшиковъ безъ всякаго напряженія ума и утомленія слова могъ бы замѣнить ихъ всѣхъ. Если вы не подвержены чувству умственной скуки, вы никогда не устанете его читать; равно какъ если въ васъ есть этотъ скверный червякъ, вы никогда его читать не начнете“.

„Мелодія“ писаній г. Меньшикова, пожалуй, и теперь, по перенесеніи ихъ изъ „Недѣли“ въ „Новое Время“, осталась все тою же; по прежнему она переливается изъ фельетона въ фельетонъ, съ одной темы на другую, и по прежнему внимать ей необыкновенно скучно. Я, по крайней мѣрѣ, почти всегда отказываю себѣ въ этомъ удовольствіи и, признаюсь, даже съ нѣкоторымъ ужасомъ смотрю на огромные фельетоны, озаглавленные „Изъ писемъ къ ближнимъ“: эка, скуки-то сколько! Но иногда, заинтересовавшись темой, я втягиваюсь въ эту безконечную канитель, какъ невольно втягиваешься въ скучныя, словоточивыя рѣчи Іудушки Головлева. И если г. Розановъ и прежде находилъ „прямую и беззащитную ложь“ въ чижиковой мелодіи, то теперь г. Меньшиковъ окончательно развернулся, какъ развертывается все въ „Новомъ Времени“. Злобы и лжи въ этомъ елейномъ словоточивомъ писателѣ не меньше, чѣмъ въ грубомъ г. Буренинѣ, въ распоряженіи котораго только и осталось, что пародія на декадентскія стихотворенія, которыя и сами представляютъ собою пародію на поэзію, да шипѣнія по адресу „текущихъ“ и „мнимыхъ“. Если г. Буренинъ есть истекшій писатель, то г. Меньшиковъ есть писатель неизсякаемый, какъ неизсякаемъ Іудушка Головлевъ, и именно съ тою же смѣсью холодной елейности и холодной злости, которая такъ характерна для безсмертнаго созданія Щедрина. Слова, слова и слова безъ конца льются изъ-подъ пера г. Меньшикова, и ему нѣтъ дѣла до того, что они иной разъ рѣзко противорѣчатъ другъ-другу на одной и той же страницѣ: лишь бы были слова; какъ можно больше словъ.

Недавно умеръ писатель Накрохинъ, умеръ 53-хъ лѣтъ, въ бѣдности и въ больницѣ для душевно-больныхъ. Его бывшіе товарищи по „Недѣлѣ“, гг. Н. Энгельгардтъ и Меньшиковъ посвятили его памяти по статьѣ въ „Новомъ Времени“, г. Энгельгардтъ—краткую, г. Меньшиковъ—по обыкновенію словоточивую. По г. Меньшикову, покойный писатель былъ крупный талантъ

и рѣдкой душевной чистоты человѣкъ. Я не зналъ Накрохина, почти ничего не слыхалъ о немъ и изъ его трудовъ знакомъ только съ маленькой книжкой рассказовъ „Идилли въ прозѣ“, но, кажется, это и все, что послѣ него осталось. Кромѣ того, какъ видно изъ сообщенія г. Меньшикова, Накрохинъ былъ еще редакторомъ беллетристическаго отдѣла въ „Писипкахъ Недѣли“ и однимъ изъ „столцовъ“ этого изданія, при томъ довольно долгое время, такъ какъ вступилъ въ редакцію еще при старикѣ, Павлѣ Гайдебуровѣ. Что касается его таланта, то я не думаю, чтобы его можно было назвать крупнымъ, но, въ противоположность большинству расплодившихся нынѣ авторовъ мелкихъ рассказовъ, онъ имѣлъ свою, довольно, впрочемъ, блѣдную, фizioномію. Г. Меньшиковъ особенно хвалитъ рассказъ „Воръ“. По его словамъ, нельзя читать этотъ рассказъ „безъ слезъ“, „необыкновенной прелестью души, весеннимъ ароматомъ отъ него дышало. Тяжелая драма маленькаго актера рассказывалась съ такимъ милымъ юморомъ и съ тѣмъ жаркимъ сочувствіемъ, какъ когда-то у Диккенса“.

Не обладая чувствительной душой г. Меньшикова, я, долженъ покаяться, читалъ рассказъ „Воръ“ безъ слезъ. Думаю также, что разстояніе между Накрохинымъ и Диккенсомъ—„дистанція огромнаго размѣра“. Но „Воръ“ очень типиченъ для Накрохина. Вотъ его содержаніе. Молодой рабочій Савва, жаждущій просвѣщенія, не пьющій и франтоватый, гулялъ въ Екатерингофѣ и, присѣвъ на травку съ книжкой („Фортификація“ ему попалась), заснулъ надъ ней. Проснувшись, онъ не нашелъ при себѣ часовъ: ихъ у него, соннаго, кто-то вытащилъ изъ кармана. Часы были грошове и даже просто никуда не годные, потому что шли, когда имъ вздумается и какъ вздумается, но они составляли предметъ гордости Саввы, и поэтому онъ былъ очень сердитъ на вора. Въ этомъ сердитомъ состояніи онъ зашелъ въ трактиръ и тамъ встрѣтилъ какого-то оборванца, который поразилъ его своимъ разговоромъ: литературный языкъ, новыя для него, Саввы, идеи, какая то особенная гордость манеръ. Савва подселъ къ оборванцу, угостилъ его водкой, разговорились. Оборванецъ оказался спившимся мелкимъ актеромъ Бѣлесовымъ (по сценѣ Градовъ-Леонскій). Достаточно угостившись и сойдясь съ Саввой „на ты“, Бѣлесовъ рассказалъ ему свою исторію: какъ его изъ нѣсколькихъ гимназій выгоняли, какъ онъ совсѣмъ нечаянно женился, какъ умерла его жена, оставивъ ему маленькаго сына, какъ антрепренеры—„чортъ ихъ возьми совсѣмъ подлецовъ“!—не даютъ ему хорошихъ ролей, какъ онъ отъ всѣхъ этихъ горей и бѣдъ пьянствуетъ и какъ, наконецъ, до того дошелъ, что недавно у соннаго мастерового въ Екатерингофѣ часы укралъ... Происходитъ объясненіе, и Савва, только что передъ приходомъ въ трактиръ грозившій избить вора,

если бы онъ ему попался, теперь, тронутый рассказомъ Бѣлосова о претерпѣнныхъ и претерпѣваемыхъ имъ бѣдахъ, перелагаетъ гнѣвъ на милость.

Таковы всѣ рассказы Накрохина: какой нибудь анекдотъ, случайное совпаденіе въ основѣ и мягкій, ласкающій, примирительный моментъ въ концѣ (нѣсколько сложнѣе и лучше другихъ рассказъ „Стихія“). Сдѣлано это всегда прилично, попадаютъ счастливыя выраженія, удачны отдѣльные образы, но Диккенсъ все таки самъ по себѣ, а Накрохинъ самъ по себѣ.

Прекраснымъ же душевнымъ качествомъ бѣднаго Накрохина я вполне готовъ вѣрить. Нѣкоторымъ свидѣтельствомъ ихъ служить для меня уже то обстоятельство, что Накрохинъ не перекочевалъ, вмѣстѣ съ гг. Энгельгардтомъ и Меньшиковымъ, изъ „Недѣли“ въ „Новое Время“. Правда, для г. Меньшикова разницы между этими двумя органами печати, кажется, нѣтъ. А можетъ быть, впрочемъ, и есть, не знаю. Г. Меньшиковъ пишетъ о „Недѣлѣ“: „Либерализмъ ея отличался гуманностью и широтой, какъ истинно народный либерализмъ... Мы были (и до сихъ поръ остаемся) вѣрными началамъ цивилизаціи, гуманности, культуры добра, мы стояли за человѣческое достоинство, за права простого народа, какъ права самой націи. Но, какъ и многимъ старымъ либераламъ, намъ казалось, что хорошія цѣли требуютъ хорошихъ средствъ, и радикалы не могли намъ простить этого“.

Вотъ образчикъ словоточивости г. Меньшикова, и попробуйте же въ немъ разобраться, попробуйте ухватиться въ этомъ журчащемъ ручейкѣ словъ за что нибудь твердое, ясное, определенное, отличающее покойную „Недѣлю“ отъ благополучно здравствующаго „Новаго Времени“. Кто эти „мы“, которые „и до сихъ поръ остаются“ и т. д.? Отречется ли мало почтенная газета, которую нынѣ заливаютъ ручьями и морями словъ г. Меньшиковъ, отъ началъ цивилизаціи, гуманности, культуры добра? Признаетъ ли она себя защитницей дурныхъ цѣлей или дурныхъ средствъ? Правда, г. Меньшиковъ вводитъ въ свою программу либерализмъ, но вѣдь и г. Буренину не даетъ спокойно спать только „мнимый“ либерализмъ. Словомъ, весь потокъ банальныхъ, ничего не значущихъ словъ г. Меньшикова „Новое Время“, какъ и многіе другіе органы, можетъ принять на свой счетъ, тѣмъ болѣе, что „мы были и теперь остаемся“. Въ дѣйствительности же скачокъ изъ „Недѣли“ въ „Новое Время“ есть своего рода salto mortale. Г. Меньшиковъ рискнулъ прыгнуть и остался цѣлъ и невредимъ, а вотъ Накрохинъ не рискнулъ и не уцѣлѣлъ, и г. Меньшиковъ проливаетъ надъ нимъ слезы:

Хоронили нашего бѣднаго рыцаря бѣдно, какъ онъ и жилъ. Отпѣвали, представляйте себѣ, за общей обѣдней. Рядомъ съ гробомъ Накрохина въ церкви стояли два чьи-то дѣтскіе крохотные гробика, розовый и бѣлый. До чего это вышло трогательно, и сказать нельзя. Душа его, невинная, какъ

ребенка, пошла, точно окруженная херувимами, среди молитвъ бѣдняковъ. Вѣнковъ тоже не было; былъ лишь маленькій вѣнокъ Общества спасанія на водахъ, гдѣ онъ когда-то служилъ. Изъ товарищей-писателей собрались трое-четверо. Такъ-то оно и лучше. Петербургъ, городъ миллионеровъ, городъ литературы и гордой интеллигенціи! Ты проспалъ и эти похороны, какъ и жизнь замѣчательнаго человѣка. Ты сумѣлъ только отравить его нуждой и горемъ, ядомъ гнилыхъ своихъ кухмистерскихъ и каторжнаго труда...

Вынесли гробъ изъ церкви—первымъ встрѣтилъ его бюстъ Тургенева, глядѣвшій съ могилы великаго романиста. Когда опустили гробъ въ темную яму, не было рѣчей. Плакала бѣдная жена, мы молчали. Только кучка откуда-то взявшихся кладбищенскихъ ребятишекъ—опять какъ любопытные херувимы, заглядывала въ могилу и щебетала весело.

Спи же мирно, голубчикъ нашъ. Спасибо тебѣ вѣчное за то, что ты посвѣтилъ намъ своею кроткой душою. Этотъ свѣтъ въ нашей памяти, пока мы живы, не погаснетъ.

Я вѣрю искренности скорби г. Меньшикова по случаю смерти Накрохина, который былъ для него, по его словамъ, идеаломъ чести и добра. Но обратите вниманіе, какъ даже въ эти искреннія минуты г. Меньшиковъ напоминаетъ собою Іудушку Головлева: хоронили бѣдно, отпѣвали, „представьте себѣ!“ за общей обѣдней. Были у покойника товарищи, изъ нихъ иные много пишутъ, хорошіе гонорары получаютъ и могли бы какъ нибудь получше эту послѣднюю церемонію устроить, да попроще то оно лучше вышло: съ одного боку розовенькій гробикъ, съ другого бѣленькій гробикъ, и такъ съ херувимами его невинная душевья и вознеслась къ Всевышнему... Вѣнковъ тоже не было. Былъ одинъ маленький, Общество спасанія на водахъ прислало, а товарищи не принесли,—все рублей 20—25 на цивилизаційцу да на маслице за упокой души останется. И таково хорошо вышло: бюстъ Тургенева при выходѣ изъ церкви покойника встрѣтилъ. Кладбищенскіе херувимы весело щебетали: подайте, Христа ради! И до того это трогательно вышло...

И вдругъ паюсъ, который вѣдь и Іудушкѣ въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ не чуждъ былъ: „Ты, Петербургъ, городъ миллионеровъ, городъ литературы и гордой интеллигенціи, ты отравилъ его нуждой и горемъ, ядомъ своихъ гнилыхъ кухмистерскихъ и каторжнаго труда...!.. Позвольте, однако, при чемъ же тутъ миллионеры? Что имъ Гекуба и что они Гекубъ? Другое дѣло литература и гордая интеллигенція. Но вѣдь не всю же ее можно винить въ отравленіи Накрохина гнилыми кухмистерскими и каторжнымъ трудомъ. Не всю, а только ту часть ея, которая знала прекрасныя качества души покойнаго писателя, высоко цѣнила его умъ, талантъ и работоспособность,—то есть редакцію и сотрудниковъ „Недѣли“ и въ частности тѣхъ, которые, ради пущаго благолѣпія похоронъ среди бѣленькихъ и розовенькихъ гробиковъ и кладбищенскихъ херувимчиковъ, на маслице да на цивилизаційцу у себя въ карманѣ деньги оставили. Іудушка, который никогда за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, можетъ

по этому поводу распространиться на тему о тщетѣ пышныхъ похоронѣ, хотя только что негодовалъ на то, что Петербургъ „проспалъ“ похороны Накрохина. Но дѣло не въ похоронахъ, а въ жизни. Мертвому, конечно, все равно, какъ его хоронятъ, но живому не все равно, какъ ему жить приходится. Накрохину жилось очень скверно, но винить въ этомъ литературу и гордую интеллигенцію тѣмъ паче нѣтъ резона, что, какъ рассказываетъ г. Меньшиковъ, „къ писательскому кругу онъ не подходилъ, сближался очень трудно... Онъ какъ бы боялся этого черевчуръ ужъ пестраго и шумнаго міра“. Значить, вина отравы нуждой и горемъ, гнилыми кухмистерскими и каторжнымъ трудомъ лежить исключительно на тѣхъ, кто вмѣстѣ съ нимъ работалъ, кто зналъ какъ высокія качества его ума и сердца, такъ и его нужду. Г. Меньшиковъ восклицаетъ: „О, эти гнусныя петербургскія кухмистерскія! Казалось страннымъ, какъ это человѣкъ пожилой, безукоризненной жизни, огромнаго и тонкаго труда, человѣкъ замѣчательнаго таланта шагаетъ по мокрой панели со своей больной печенью въ смрадное заведеніе. Какъ это быть фактическимъ редакторомъ въ старомъ и богатомъ журналѣ и не имѣть права на здоровый, хотя бы мужицкій обѣдъ. *Это одна изъ тайнъ нашего чуднаго времени (курсивъ мой. Н. М.)* Мелкіе приказчики, бѣдняки-студенты, чиновники, интеллигенты—въ ихъ бѣдной толпѣ замѣшивался человѣкъ, который гдѣ нибудь на родинѣ Бурже жилъ бы какъ герцогъ“.

Пусть читатель обратитъ вниманіе на подчеркнутую мною въ этой тирадѣ фразу: „это одна изъ тайнъ нашего чуднаго времени“. Какая же тутъ тайна, когда совершенно ясно, что редакция стараго и богатаго журнала, проповѣдывавшаго широкую гуманность, культуру добра и т. д., держала своего фактического редактора впроголодь? Г. Меньшиковъ самъ рассказываетъ: „Что очаровало въ Накрохинѣ стараго Гайдебурова—не только талантъ, но и рекомендація его въ томъ вѣдомствѣ, гдѣ онъ служилъ: „работаетъ за четверыхъ“. Поступилъ этотъ золотой работникъ на жалованье въ сорокъ рублей и много лѣтъ сидѣлъ на 50, на 75. Это платятъ писарю, а Накрохинъ былъ прирожденный художникъ, человѣкъ изящнаго вкуса, и несъ самую тонкую, самую дорогую службу—редактировалъ беллетристику, читалъ редакторскія корректуры“. Ну то-то и есть. При чемъ же тутъ „тайна нашего времени“, миллионеры, гордая интеллигенція и всѣ прочія слова, слова, слова? Съ свойственною ему способностью нанизывать слова на слова, не заботясь о смыслѣ и правдѣ, а лишь бы выходили предложенія съ подлежащими, сказуемыми, опредѣленіями и дополненіями, г. Меньшиковъ продолжаетъ: „Случалось, ему предлагали прибавить жалованья, онъ пугался этого и отказывался... Никакими силами нельзя было помочь ему, дать, на примѣръ, въ долгъ,—онъ обижался и отказывался“. Бываютъ люди,

до такой степени щепетильные, что отказываются кредитоваться даже у близких людей, у товарищей, но чтобы человекъ, „работая за четверыхъ“ и находясь въ крайней нуждѣ, отказался отъ предложенной ему законнѣйшей прибавки вознагражденія,—этому я не вѣрю. И имѣю право не вѣрить: принималъ же Накрохинъ увеличеніе жалованья съ 40 рублей на 50, 75... Но допустимъ, что здѣсь нѣтъ „прямой и беззащитной лжи“. Спрашивается, если Накрохинъ былъ такой человекъ, что ему „никакими силами“ нельзя было помочь даже увеличеніемъ рабочей платы, сколько нибудь сообразнымъ съ его „каторжнымъ трудомъ“, не говоря уже о пріятельскомъ, товарищескомъ кредитѣ, то за что же г. Меньшиковъ гнѣвается на постороннихъ людей? Отъ нихъ-то вѣдь и подавно Накрохинъ не принялъ бы помощи.

Слишкомъ много цвѣтовъ, г. Меньшиковъ! Слишкомъ много цвѣтовъ не только на гробъ Накрохина,—это въ минуту траура простительно,—но и на головы товарищей несчастнаго писателя, что уже совершенно непростительно въ устахъ одного изъ нихъ. Слишкомъ много цвѣтовъ въ эту сторону и слишкомъ много змѣйнаго шипа по адресу „тайнъ нашего чуднаго времени“, которыя разгадываются такъ просто, и людей, ни сномъ, ни духомъ неповинныхъ въ несчастной судьбѣ Накрохина.

Змѣинный шипъ г. Меньшикова приведеннымъ не ограничивается. Онъ продолжаетъ о Накрохинѣ: „При его положеніи въ редакціи, при его талантѣ ему ничего бы не стоило выдвинуться, „прогремѣть“, но для этого нужно было многое, на что Накрохинъ былъ неспособенъ. Чтобы сдѣлать себѣ „карьеру въ печати“ нынче—нужно окунуться съ головою въ лужу журнализма, примкнуть къ крайней партіи, записаться въ „союзы“, бывать на митингахъ нашихъ и обѣдахъ, ухаживать за либеральными дамами и „вождями“. Все это скучно и глупо, и Накрохинъ былъ слишкомъ порядоченъ для всего этого“.

Тутъ мы опять натыкаемся на лужу сплетень и намековъ тонкихъ на то, чего не вѣдаетъ никто, которую я изъ брезгливости обошелъ, говоря о г. Буренинѣ. Не трону ея и для г. Меньшикова,—онъ, вѣроятно, думаетъ, что такая лужа есть „хорошее средство для хорошей цѣли“, ну и пусть себѣ думаетъ. Я же скажу лишь слѣдующее: Накрохинъ не „прогремѣлъ“ и не сдѣлалъ „карьеру“ частью потому, что талантъ его былъ для этого недостаточно силенъ и оригиналенъ, а частью потому, что редакция „Недѣли“, держа его впроголодь, навалила на него черной работы за четверыхъ. Но что такое „карьера“ для писателя? Г. Меньшиковъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи еженедѣльно огромное пространство въ богатѣйшей и распространеннѣйшей изъ нашихъ газетъ. По моему, это „карьера“ (что онъ выбралъ именно эту газету и что на отведенномъ ему пространствѣ онъ бобы разводитъ, это уже дѣло его вкуса). А между тѣмъ, онъ

видимо недоволенъ. Не значить ли это, что онъ, подобно щедринскимъ Добродѣтелямъ, втайнѣ завидуетъ Пороку? Не значить ли это даже, что онъ не Добродѣтели, а Лицемѣрю подобенъ?

Я остановилъ вниманіе читателей только на двухъ фельетонахъ „Новаго Времени“, но очень типичныхъ, какъ для ихъ авторовъ, такъ и для всего облика газеты, хотя, понятное дѣло, и отдаленнѣйшимъ образомъ не исчерпывающихъ всей той отравы, которую „Новое Время“ съ изумительно броненосною совѣстью ежедневно вноситъ въ умы и сердца десятковъ тысячъ читателей въ теченіе десятковъ лѣтъ. Особенно подчеркиваю типичность фельетона г. Меньшикова. Онъ посвященъ частному событію, — судьбѣ и смерти мало извѣстнаго писателя, — но въ немъ отразились главные черты не только автора, а и предоставившаго ему свои столбцы органа. Вѣдь нѣтъ же никакого сомнѣнія въ томъ, что Накрохина заѣздили пріатели-товарищи, которые будто бы „никакими силами“ не могли ни помочь ему, ни облегчить его работу за четверыхъ. Но г. Меньшиковъ не только не чувствуетъ по этому поводу ни угрызений совѣсти, ни гнѣва по адресу редакціи, въ которой работалъ вмѣстѣ съ Накрохинымъ, а пишетъ, при такомъ удобномъ случаѣ, панегирикъ своей гуманности, культурѣ добра и прочимъ добродѣтелямъ; виновниковъ же ищетъ среди какихъ-то миллионеровъ, да совершенно чужихъ покойнику писателей и кстати пускаетъ ядовитыя стрѣлы въ тѣхъ, кто дѣлаетъ „карьеру“ въ „союзахъ“ и проч. Не достаетъ только, чтобы онъ притянулъ къ отвѣту за Накрохина евреевъ, армянъ, финновъ, которые дѣйствительно ровно столько же виноваты въ печальной судьбѣ покойнаго, какъ и всѣ обвиняемые г. Меньшиковымъ. И такова обычная тактика „Новаго Времени“. Съ видомъ гордаго самодовольства сидя по горло въ лужѣ, оно какъ бы не замѣчаетъ этого, но это не мѣшаетъ ему, то игриво, то злобно, брызгать грязью изъ этой лужи въ мимоходящихъ.

Слѣдовало бы остановиться на патріотизмѣ „Новаго Времени“. Это конекъ, который осѣдлывается поочередно чуть не всѣми сотрудниками этой газеты и состоитъ въ томъ, чтобы подъ флагомъ любви къ отечеству, возбуждать вездѣ гдѣ можно, ненависть къ этому отечеству. Но я принялъ уже достаточную порцію „Новаго Времени“. Хочется отдохнуть на чемъ-нибудь почище.

Недавно вышла въ русскомъ переводѣ книга Герберта Спенсера подъ заглавіемъ „Факты и комментаріи“. Это—сборникъ небольшихъ статейка самаго разнообразнаго содержанія, размѣромъ иногда въ одну, двѣ страницы. Сборникъ можно было бы считать чѣмъ-то вродѣ записной книжки, куда авторъ заносилъ

разные материалы для своих будущих работ, если бы не неоднократно оговорки, что это скорѣе дополнение къ его напечатаннымъ уже трудамъ, новыхъ изданій которыхъ онъ, по старости и болѣзненному состоянію, не рассчитываетъ дожидаться. О разнообразіи предметовъ, останавливающихъ на себѣ вниманіе престарѣлаго мыслителя (Спенсеръ родился въ 1820 г.), можно судить по заглавіямъ нѣкоторыхъ изъ статей, вошедшихъ въ составъ „Фактовъ и комментаріевъ“: „Присутствіе духа“, „Искаженіе музыки“, „Самопроизвольныя реформы“, „Чувство и разумъ“, „Государственное народное образованіе“, „Стиль“, „Любовь къ отечеству“, „Субординація“, „Предсказаніе погоды“, „Санитарное дѣло на теоріи и на практикѣ“, „Къ вопросу о наслѣдственности“, „Измѣненіе закона объ акціонерныхъ обществахъ“, „Кое какія ереси въ музыкѣ“ и т. д.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ маленькихъ этюдовъ („Чувство и разумъ“, „Цѣль искусства“) Спенсеръ протестуетъ противъ преобладающей роли, которая, какъ въ теоріи, такъ и въ педагогической практикѣ, отводится разуму, мыслительному элементу, сравнительно съ эмоціональнымъ, чувствомъ. Но въ немъ самомъ интеллектуальный элементъ несомнѣнно преобладаетъ. Очень характерна въ этомъ отношеніи одна мимоходомъ сообщаемая имъ автобіографическая черта. Съ 1889 г. онъ проводитъ лѣто на югѣ Англіи въ какой-нибудь усадьбѣ, гдѣ есть молодежь. На свои ежедневныя прогулки въ экипажѣ онъ беретъ обыкновенно съ собой двухъ барышень. Но ему трудно поддерживать или даже слушать непрерывный разговоръ. Поэтому время отъ времени онъ задаетъ своимъ юнымъ спутницамъ такіе вопросы, для отвѣта на которые надо подумать. „При этихъ обстоятельствахъ“, говоритъ онъ, „у меня выработалась мало-по-малу привычка задавать подобныя вопросы какъ для ознакомленія со свѣдѣніями молодыхъ людей, такъ и для упражненія ихъ умственныхъ способностей“. И вотъ образчики этихъ вопросовъ: „Отчего утка ходитъ, переваливаясь съ боку на бокъ? Для какихъ именно цѣлей выработались особенности строенія, обусловливающія такую походку?“ Или: „Какимъ образомъ жаворонокъ, парящій въ воздухѣ, можетъ безостановочно лѣтъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ?“ Или еще: „Коровы и лошади пьютъ воду такимъ же образомъ, какъ и люди, тогда какъ собаки и лошади ее лакаютъ. Чѣмъ именно объясняется эта разница?“ И т. д. „Меня изумляли и поражали не столько ошибочные отвѣты,—замѣчаетъ Спенсеръ,—сколько выяснявшееся изъ нихъ отсутствіе представленія о потребности соответствія между разсматриваемымъ явленіемъ и предполагаемой для него причиной“. Надо, однако, войти и въ положеніе юныхъ спутницъ мыслителя, которыя въ прекрасную погоду и среди красивой мѣстности, естественно настраивающихъ извѣстнымъ образомъ чувства, должны ломать себѣ голову надъ

вопросом—почему утка ходитъ, переваливаясь съ боку на бокъ?

Въ замѣткѣ „Преувеличенія и неточности“, между прочимъ, читаемъ: „Въ порывѣ чувства мы расположены употреблять болѣе сильныя выраженія, чѣмъ бы слѣдовало... Сознаюсь, что я и самъ заслуживаю порицанія за подобныя неточности въ выраженіи мыслей. Перечитывая свои рукописи, я нерѣдко находилъ, на-примѣръ, что слова: „очень“ и „весьма“ употреблялись тамъ безъ надобности“. Вотъ до какой степени остерегается англійскій мыслитель отдаться „порыву чувства“ или повліять на чувства своего читателя. Онъ хочетъ внушить ему только истину, и тонъ, которымъ онъ задаетъ вопросъ о переваливающейся съ боку на бокъ уткѣ, ничѣмъ не отличается отъ того, которымъ онъ предлагаетъ новый способъ быстрой и безболѣзненной смертной казни („Пресѣченіе жизни“). Послѣдняя замѣтка сборника („Неразрѣшенные вопросы“) оканчивается слѣдующими словами: „За послѣдніе годы сознаніе безначальности, безпричинности и вѣчности бытія безпредѣльнаго пространства порождаетъ во мнѣ чувство, отъ котораго я прихожу въ трепетъ“. И больше ни единого слова о своемъ „трепетѣ“ Спенсеръ не говоритъ. Холодно-спокойный тонъ этихъ заключительныхъ словъ статьи, такъ рѣзко контрастирующій съ ихъ содержаніемъ,—точно о совѣмъ постороннемъ человѣкѣ рѣчь идетъ,—напоминаетъ собою авторскія ремарки въ драматическихъ произведеніяхъ: (*трепететь*), (*стрѣляетъ*), (*умираетъ*) и т. д.

Это не значитъ, конечно, что Спенсеръ лишенъ способности различать добро и зло. Напротивъ, его по-истинѣ необыкновенная сдержанность и боязнь „преувеличеній и неточностей“ придаютъ особенную вѣскость нѣкоторымъ его размышленіямъ на нравственно-политическія темы.

Въ знаменитой статьѣ „О любви къ отечеству и народной гордости“—думаю, впрочемъ, что большинству современниковъ болѣе знакомо это часто поминаемое заглавіе, чѣмъ самое содержаніе статьи—Карамзинъ хвалитъ англичанъ за то, что они „лучше хотятъ свистать и шипѣть по-англійски своимъ, нежели говорить чужимъ языкомъ, извѣстнымъ почти всякому изъ нихъ“. Карамзинъ видитъ въ этомъ свидѣтельство патріотизма, которымъ англичане вообще славятся. Посмотримъ же, что говоритъ о патріотизмѣ сдержанный, не подкупный для какого бы то ни было краснаго словца и въ своемъ родѣ очень типичный англичанинъ—Спенсеръ.

„Затронутый за живое, если бы кто-нибудь обозвалъ меня не честнымъ или несправедливымъ, я остался бы совершенно равнодушнымъ, если бы обо мнѣ сказали, что я—не патріотъ“. Такъ начинается замѣтка „Любовь къ отечеству“ въ сборникѣ „Факты и комментаріи“. Дѣло въ томъ, что вопросъ о патріотизмѣ

представляется Спенсеру въ гораздо болѣе сложномъ видѣ, чѣмъ онъ представлялся Карамзину, хотя тотъ и дѣлилъ любовь къ отечеству на физическую, нравственную и политическую, а Спенсеръ совсѣмъ не касается двухъ первыхъ. Онъ знаетъ многія черты жизни англійскаго народа, „о которыхъ позволительно вспоминать съ гордостью“. Къ такимъ чертамъ,—говоритъ онъ,—„принадлежать, напримѣръ: давнишняя отмѣна крѣпостного права, давнишнее же развитіе свободныхъ учрежденій и признаніе народныхъ правъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ это произошло на материкѣ Европы послѣ того, какъ съ упадкомъ феодализма прекратилось прикрѣпленіе народа къ землѣ. Постановляя, что каждый рабъ немедленно освобождается, какъ только ему удалось ощупать у себя подъ ногами англійскую почву; прекращая ввозъ рабовъ въ англійскія колоніи; уплачивая двѣсти милліоновъ рублей за освобожденіе рабовъ въ Вестъ-Индіи и держа (хотя и въ убытокъ себѣ) цѣлый флотъ для пресѣченія торговли невольниками, мои соотечественники, разумѣется, поступали весьма похвально. Давая у себя пріютъ политическимъ бѣглецамъ и вступаясь за маленькія государства, изнемогавшія въ борьбѣ за свободу, Англія опять-таки обнаруживала благородныя черты, возбуждающія сочувствіе“.

Такимъ образомъ, хотя Спенсеръ и заявляетъ, что онъ останется равнодушнымъ, если его назовутъ не патріотомъ, но ему отнюдь не чужды ни любовь къ отечеству, ни народная гордость. Но любовь къ отечеству, какъ и всякая другая любовь, бываетъ разная. Есть люди, по тѣмъ или другимъ побужденіямъ намѣренно закрывающіе глаза на уродливыя или позорныя черты любимаго лица или предмета, есть и искренно слѣпыя въ этомъ отношеніи, есть, наконецъ, и такіе, которыхъ подобныя изъязы особенно огорчаютъ и оскорбляютъ,—къ чужимъ, далекимъ слабостямъ, и позорамъ они отнеслись бы гораздо холоднѣе. Спенсеръ принадлежитъ къ послѣднимъ. Именно потому, что онъ вовсе не равнодушенъ къ сущности дѣла, онъ говоритъ о нѣкоторыхъ мрачныхъ сторонахъ англійской исторіи и жизни съ негодованіемъ, на какое только способенъ его сдержанный языкъ. „Возгласъ: „За родину, будь она права или нѣтъ!“—говоритъ онъ—кажется мнѣ положительно мерзостнымъ“. Представимъ себѣ,—продолжаетъ онъ,—что Англія „завладѣла чужой территоріей или же навязываетъ съ оружіемъ въ рукахъ свои товары (напр., опиумъ) народу, не желающему допускать ихъ къ себѣ, что она, вступаясь за своихъ резидентовъ, намѣревается „покарать“ тѣхъ, кто дерзнулъ противъ нихъ возмущаться, короче, допустимъ, что Англія поступаетъ несправедливо. Что именно означаетъ въ такомъ случаѣ возгласъ: „за родину, будь она права или нѣтъ?“ Право тогда оказывается на сторонѣ нашихъ противниковъ, а несправедливость на нашей сторонѣ. Какимъ образомъ слѣдовало

бы, при такихъ обстоятельствахъ, точнѣе выразить патріотическія наши пожеланія? Очевидно, для этого оказались бы самыми подходящими словами: „долой право! пусть торжествуетъ несправедливостъ!“... Въ старину вѣрили, а многіе вѣрятъ и до сихъ поръ, въ бытіе олицетвореннаго принципа зла, въ существо, которое повсемѣстно ведетъ борьбу противъ добра и пособляетъ торжеству зла. Трудно было бы короче выразить цѣли и стремленія этого существа, какъ тѣми же словами: „долой справедливостъ! пусть торжествуетъ несправедливостъ!“ Не знаю, понравится ли такъ называемымъ патріотамъ это сопоставленіе“.

Можно съ увѣренностью сказать, что сопоставленіе это не понравится англійскимъ „такъ называемымъ патріотамъ“, собственно потому, что Спенсеръ иллюстрируетъ его примѣрами изъ англійской жизни, но по той же самой причинѣ оно, можетъ быть, даже очень понравится германскимъ или какимъ инымъ такъ называемымъ патріотамъ. Особенно когда Спенсеръ входитъ въ подробности и негодуетъ на способы, какими пріобрѣтены Англіей, подъ именемъ факторій, колоній, протекторатовъ и т. п., слишкомъ восемьдесятъ владѣній, на войну съ бурями, на разнообразныя проявленія растущаго англійскаго имперіализма и т. д. Тутъ вѣсьмъ не-англійскимъ такъ называемымъ патріотамъ открывается обширное поле для „киваній на Петра“, и они охотно признаютъ, что сопоставленіе англійской политики съ дьяволомъ очень удачно и вѣрно. Это не помѣшаетъ, однако, напримѣръ, германскимъ патріотамъ считать отторженіе Шлезвига отъ Даніи или Эльзаса и Лотарингіи отъ Франціи дѣломъ высшей справедливости.

Спенсеръ возвращается къ этой темѣ и въ другихъ своихъ замѣткахъ. Въ одной изъ нихъ онъ развиваетъ ту мысль, что народы-побѣдители, собственно говоря, такіе-же рабы, какъ и покоренные ими народы. Онъ начинаетъ съ образа, часто попадающагося на ассирійскихъ барельефахъ: плѣнника со связанными руками и съ веревкой на шеѣ ведетъ за эту веревку свирѣпый побѣдитель. По толкованію Спенсера, тутъ не одинъ невольникъ, какъ кажется на первый поверхностный взглядъ, а два. „Здѣсь проявляется въ простѣйшей наглядной формѣ міровая истина, заключающаяся въ томъ, что орудія, которыми достигается подчиненіе другихъ, въ свою очередь подчиняютъ себѣ побѣдителя или властелина“. Съ свойственною ему даже въ излишествахъ обстоятельностью Спенсеръ доказываетъ, что ассирійскій побѣдитель такъ же привязанъ къ веревкѣ, какъ и его рабъ: онъ стѣсненъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ, долженъ, если захочетъ напиться изъ протекающаго тутъ же ручейка, предварительно привязать плѣнника, долженъ заботиться не о своемъ только, а и о его прокормленіи и т. д. Этотъ символическій образъ облекается въ живую плоть и кровь на всемъ протяженіи исторіи, на-

чиная съ древнѣйшихъ временъ. „Соотношеніе между покореніемъ чужеземныхъ народовъ и ограниченіемъ свободы самихъ завоевателей свидѣтельствуется, между прочимъ, надписью въ Карнакѣ, повѣствующей о томъ, „какъ горько расплачивался Египетъ за свои завоеванія тяжкими налогами, обусловленными необходимостью содержать многочисленную армию“. И самъ владыка фараонъ, державшій, иносказательно выражаясь, на веревкѣ цѣлый рядъ подвластныхъ ему племенъ, отнюдь не былъ свободенъ: каждый часъ его времени, каждый глотокъ его пищи были строго регламентированы закономъ. Таково же было положеніе римскаго императора, бывшаго, по словамъ Гиббона, „первымъ рабомъ установленнаго имъ церемоніала“ и сдѣлавшагося подъ конецъ „игрушкою преторіанской гвардіи, которая являлась для него одновременно и средствомъ охраны, и грозной опасностью“. Приведя еще нѣсколько подобныхъ фактовъ и соображеній, Спенсеръ возвращается къ своему отечеству и дѣлаетъ примѣрный расчетъ, во что обходятся англичанину приобрѣтеніе и содержаніе восьмидесяти слишкомъ англійскихъ колоній, факторій и протекторатовъ. Онъ называетъ „надневольной работой“ ту, которая идетъ на уплату налоговъ вмѣсто того, чтобы быть затраченной на улучшеніе жизненныхъ условій самого гражданина и его семьи. И „по мѣрѣ того, какъ въ Великобританіи съ возрастаніемъ имперіализма увеличивается количество такой подневольной работы, каждый изъ сыновъ Альбіона становится все въ большей степени рабомъ государства“. Къ этому надо еще прибавить тяжесть военной службы. „Участвовавшіе въ южно-африканской войнѣ могутъ удостовѣрить, что, не смотря на красивыя фразы, служба въ британской арміи въ военное время является рабствомъ, худшимъ, чѣмъ то, въ которомъ находились негры у плантаторовъ и, къ тому же, осложняющимся еще рискомъ насильственной смерти“.

„Впрочемъ,—заключаетъ Спенсеръ,—даже если бы и удалось уяснить сынамъ Альбіона, въ какой степени условія ихъ жизненной обстановки зависятъ отъ размѣровъ государственныхъ нуждъ, съ возрастаніемъ которыхъ должно оставаться все меньше средствъ на удовлетвореніе личныхъ потребностей каждаго гражданина, то это произвело бы въ настоящее время лишь слабое впечатлѣніе. Пока страсть къ господству беретъ у большинства англичанъ верхъ надъ всѣмъ остальнымъ, они будутъ мириться съ рабствомъ, которое неразлучно съ имперіализмомъ. Для людей, гордящихся чертами характера, свойственными не исключительно человѣку только, а также и грубому звѣрю, для людей, считающихъ храбрость бульдога равноцѣнной мужеству и заимствующихъ понятіе о долгѣ и чести изъ кулачнаго боя на призы, гдѣ участники добровольно подвергаются физической боли, увѣчьямъ и даже рискуютъ жизнью для того, чтобы взять верхъ надъ

противникомъ, всё приведенныя здѣсь соображенія покажутся не заслуживающими вниманія“.

Очень вѣроятно... Но не потому, или, по крайней мѣрѣ, далеко не только потому, что сыны Альбіона, какъ и сыны всякой другой европейской страны, одолѣваются „жаждой господства“ и видятъ свою честь въ томъ, чтобы „взять верхъ надъ противникомъ“. Этотъ мотивъ въ современныхъ цивилизованныхъ странахъ осложняется гораздо болѣе реальными побужденіями. По Спенсеру выходитъ такъ, что существуетъ Англія и въ ней англичане, „граждане“, преслѣдуемые мечтами о господствѣ надъ другими народами и претерпѣвающіе убытки, благодаря имперіалистской политикѣ Англіи. Въ дѣйствительности англичане отнюдь не всё и каждый терпятъ эти убытки. Колоніи, факторіи, протектораты представляютъ собою новые рынки для сбыта англійскихъ товаровъ или же, какъ бывшія бурскія республики, поприще для эксплуатаціи огромныхъ мѣстныхъ богатствъ. Всякаго рода поставщики оружія, одежды, пищевыхъ продуктовъ наживаются въ военное время колоссальныя состоянія. Вообще существуютъ группы, и при томъ наиболѣе вліятельныя, лицъ, увлекающихъ изъ имперіалистской политики крупныя выгоды. Что они руководствуются совсѣмъ не жадной господства, это видно изъ примѣра англійскихъ и германскихъ торговыхъ фирмъ, снабжавшихъ Китай оружіемъ и передъ минувшей войной съ Китаемъ, и передъ вѣроятной будущей. Среди нихъ и надъ ними могутъ быть и мечтатели-честолюбцы (какъ, напримѣръ, прозванный африканскимъ Наполеономъ Родсъ), признающіе правильнымъ мнѣніе Людовика XIV, что первое удовольствіе королей состоитъ въ расширеніи владѣній. А ниже ихъ—слѣпая масса, сама по себѣ мирная и ни о какомъ господствѣ не думающая, но легко воспламеняемая злыми словами о чужихъ людяхъ, которыхъ слѣдуетъ покорить, подчинить, хотя подчинены эти чужіе люди будутъ во всякомъ случаѣ не этой слѣпой массѣ, а тѣмъ, кому она и сама подчинена...

Ник. Михайловскій.

Наша текущая жизнь.

(«Вѣстникъ Европы», «Миръ Божій», «Русская Мысль», «Образованіе»).

Приступая къ обычному обозрѣнію, я чувствую съ каждымъ лишнимъ разомъ все сильнѣе и сильнѣе несоотвѣтствіе между первоначальною задачею, которую я поставилъ себѣ и выразилъ, между прочимъ, и въ общемъ заглавіи этихъ статей, и характеромъ, какой онѣ принимаютъ фактически. „Наша текущая жизнь“ имѣла своею цѣлью слѣдить за проявленіями русской дѣйствительности въ публицистической и художественной литературѣ, отмѣчать и оцѣнивать бѣненіе пульса общественной жизни въ нашей періодической печати. Но именно этихъ-то пульсацій всего менѣе можно найти теперь въ произведеніяхъ нашей прессы. Онѣ такъ слабы, доносясь словно сквозь толстый слой войлока, что надо изощренное ухо русскаго читателя, чтобы распознать въ этихъ шумахъ и шорохахъ, вздохахъ и междометіяхъ отголосокъ „нашей текущей жизни“. А въ тѣхъ случаяхъ, когда доходятъ ясно и отчетливо, — онѣ идутъ отъ тѣхъ своеобразныхъ резонаторовъ, какими являются органы печати, обладающіе, какъ я сказалъ прошлый разъ, фактической монополіей сообщенія важныхъ свѣдѣній и обсужденія жгучихъ вопросовъ... Мы же не знаемъ, насколько соотвѣтствуютъ дѣйствительности монологи „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Гражданина“, „Новаго Времени“ и „Русскаго Вѣстника“...

Да будетъ мнѣ позволено одно сравненіе. Оно не мое, а „божественнаго“ Платона... Читатель, надѣюсь, оцѣнитъ по заслугамъ мою безкорыстную экскурсію въ область „священной музыки мыслящихъ душъ“ (такъ называлъ, если не ошибаюсь, платоновскую философію Ренанъ) въ то время, какъ почти все поголовно населеніе классическихъ гимназій пускается въ бѣга — и не безъ основанія — отъ признаннаго необязательнымъ греко-чешскаго языка, положеннаго нѣкогда во главу угла толстовской „реформы“. Итакъ, прислушаемся къ этой музыкѣ „Диалоговъ“:

— Представь себѣ людей въ подземномъ пещерообразномъ жилищѣ съ длиннымъ выходомъ, идущимъ къ свѣту чрезъ всю пещеру. Тамъ они находятся съ дѣтства, и узмы отягчаютъ ихъ шею и ноги, такъ что они остаются на одномъ мѣстѣ и могутъ смотрѣть лишь прямо передъ собою, поворачивать же голову не могутъ по причинѣ оковъ. Повади ихъ, далеко вверхъ, свѣтъ отъ горящаго огня. А между свѣтомъ и узниками путь вверхъ, и на пути стѣна вродѣ той перегородки, которую ставятъ передъ людьми фокусники (Θαυματοποιός), когда показываютъ имъ свои диковины.

— Представилъ,—сказалъ собесѣдникъ.

— Представь себѣ, что около этой стѣны проходятъ люди, проносящіе надъ ней различную утварь, человѣческихъ истукановъ, всевозможныя другія изваянія животныхъ изъ камня и дерева; и, пронося, какъ и полагается, одни говорятъ, другіе молчатъ...

— Что за странный образъ рисуешь ты,—сказалъ онъ,—и что за удивительныхъ узниковъ...

— Подобныхъ намъ,—возразилъ я.—И, прежде всего, что же, думаешь ты, увидать они въ этомъ положеніи иное и въ себѣ, и въ другихъ, кромѣ тѣней отъ огня, падающихъ на противоположную часть пещеры?

— Конечно,—сказалъ онъ,—ничего иного, если они силою вынуждены держать неподвижно голову.

— Ну, а изъ тѣхъ вещей, которыя проносятся, что иное, кромѣ опять-таки тѣней?

— И изъ нихъ ничего иного.

— Если, значить, они могли бы переговариваться между собою, то не думаешь-ли ты, что они воображали бы, будто даютъ имена вещамъ, въ то время, какъ называли бы лишь тѣни?

— Неизбѣжно.

— А если, кромѣ того, изъ противоположной части темницы раздавалось бы эхо всякій разъ, какъ говорилъ кто-нибудь изъ проходящихъ, то не думаешь-ли ты, что узники полагали бы, что они слышатъ не что иное, какъ проходящую тѣнь?

— Конечно, клянусь Зевсомъ,—вскричалъ онъ.

— Такимъ образомъ они считали бы истиннымъ не иное что, какъ тѣни изваяній?

— Разумѣется, такъ.

— Подумай же теперь,—молвилъ я,—каково бы было ихъ освобожденіе и исцѣленіе отъ узъ и отъ невѣжества, если бы...

Здѣсь мы можемъ остановиться: о томъ, что случится съ узниками Платона, когда съ нихъ спадутъ оковы, и имъ дозволено будетъ посмотрѣть на дѣйствительный міръ сначала при свѣтѣ огня въ подземельѣ, а затѣмъ и яркаго солнца внѣ пещеры, объ этомъ говорить еще успѣется. Мы же остаемся пока въ рамкахъ начальнаго платоновскаго сравненія. Разумѣется, его не надо прилагать къ намъ буквально. Никакой пещеры, никакихъ оковъ и никакихъ узниковъ, говоря вообще, въ русской общественной жизни нѣтъ. Но по отношенію къ частному занимающему насъ вопросу „странный образъ“ пріобрѣтаетъ вполне реальное значеніе... „Фокусники“ охранительной прессы проводятъ предъ нашими глазами на своихъ столбцахъ и страницахъ рядъ „тѣней“, чудовищныхъ образовъ, истукановъ, идоловъ, изображений страшныхъ животныхъ и сопровождаютъ это представленіе громогласными комментаріями.

Но, спрашивается, какой смыслъ имѣютъ для средняго русскаго обывателя эти комментаріи, когда мы даже не знаемъ, въ какой степени реальны всѣ эти ужасы, которые мы видимъ отпечатаемыми чернымъ по бѣлому на „перегородкахъ фокусниковъ“ и которые, можетъ быть, представляютъ собою умышленную фантасмагорію фактическихъ монополистовъ нашей печати. Мы „смотримъ прямо передъ собой“ и, разумѣется, ничего не видимъ.

Но вотъ является г. Spectator, и на простынѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ отпечатывается гигантскій образъ какого-то чудовища, нѣчто вродѣ классической гидры съ семью головами, которыя отростаютъ по мѣрѣ того, какъ ихъ рубить Геркулесъ Страстного бульвара: „финляндская интрига“ или „армянская крамола“, раздается мрачный басъ спасителя отечества: *saveant consules* и т. п., все въ томъ же трагически-кладбищенскомъ стилѣ.

И опять мы „смотримъ“ и опять ничего не видимъ. Но вотъ, новый шорохъ и новое чудище, на сей разъ на французско-нижегородскомъ экранѣ „Гражданина“: Мирабо на трибунѣ, потрясающій безконечно-длинными руками и въ пылу краснорѣчія зацѣпляющій и сбрасывающій со свода небеснаго звѣзды всевозможныхъ величинъ, въ то время, какъ фальцетъ одного изъ самыхъ типичныхъ нашихъ „назадняковъ“ раздается надъ ухомъ ошеломленныхъ зрителей: *mesdames, et messieurs! voyez et tremblez!* Се русскій земецъ—конституціоналистъ, низвергающій всѣ основы общежитія!

И много проходитъ передъ нашими глазами ужасныхъ образовъ; и воздухъ прорѣзывается непрерывными криками спасителей отечества; всѣхъ этихъ гг. Грингмутовъ, Бодиско, Мешерскихъ и прочихъ Величекъ. А средній читающій и пишущій человѣкъ все смотритъ и смотритъ въ одну сторону, не имѣя возможности ни публично оцѣнить по достоинству фокусничество фактическихъ монополистовъ печати, ни даже повернуть голову, чтобы сравнить явленія дѣйствительности съ тѣнями, грозящими ему со страницъ и столбцовъ охранительной прессы.

Поневолѣ сирашиваешь себя: неужели для великой страны, находящейся въ очень сложномъ процессѣ эволюціи, выгодноѣ суживать свое самосознаніе, доводя до него звукъ лишь одного колокола,—на сей разъ надтреснутаго колокола „Московскихъ Вѣдомостей“ или „Гражданина“,—чѣмъ считаться съ неудобствами широкой самокритики, слагающейся изъ гласныхъ выраженій различныхъ живыхъ потребностей, ощущаемыхъ различными частями цѣлаго? Казалось бы, достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы отвѣтить на него: нѣтъ! А между тѣмъ, въ нашей печати право такой общей самокритики установилось—лишь по отношенію къ прошедшимъ и къ давно прошедшимъ временамъ, представляющимъ въ извѣстномъ смыслѣ академическій интересъ.

Эти мысли неизбѣжно приходятъ въ голову, когда прочитываешь статьи, посвященныя исторіи нѣкоторыхъ нашихъ жгучихъ вопросовъ.

Возьмите, напр., такія вещи, какъ „Московскій университетъ въ половинѣ 20-хъ годовъ“ г. Д. М. Щепкина (въ июльской книжкѣ „Вѣстника Европы“), „Изъ исторіи русской сатирической журналистики“ г. Мих. Лемке (іюнь—августъ „Міра Божія“), еще

неоконченный (въ октябрьской книжкѣ „Образованія“) этюдъ г. А. Ершова „Къ исторіи русской журналистики“. Всякій мало-мальски безпристрастный и разсудительный читатель, каковы бы ни были его убѣжденія, хотя бы самого консервативнаго характера, не можетъ, пробѣгая эти очерки давноминувшихъ (казалось бы) дней, отдѣлаться отъ серьезнаго раздумья: неужели нужно было въ интересахъ здоровья и развитія Россіи окружать атмосферой недовѣрія такіе важные органы общественнаго самочувствія, каковы университетская наука, печать и т. д. для того, чтобы снова и снова, иной разъ по простествіи пѣлаго ряда лѣтъ, становиться передъ вопросомъ объ условіяхъ ихъ правильнаго функционированія?

Спрашивается, напр., — необходимо ли, желательно ли; наконецъ, просто полезно ли было для великой страны, нуждавшейся прежде всего въ свѣтѣ науки, отдавать судьбы хотя бы московскаго университета во второй половинѣ 20-хъ годовъ такимъ руководителямъ, каковымъ былъ генералъ Писаревъ, поставленный попечителемъ этого университета для наблюденія за характеромъ преподаванія? Въ самомъ дѣлѣ, прислушайтесь къ взглядамъ этого своеобразнаго опекуна просвѣщенія на безкорыстное знаніе:

«Въ немъ облекается человѣкъ въ какую-то глупую самонадѣянность, упрямство и смѣшное ячество, и дѣлается ни къ чему негоднымъ, ни къ служенію военному, ни къ гражданскому, и вреденъ на каедрѣ! Сей, такъ сказать, политическій пигмей не отъ чего другого порождается на свѣтѣ, какъ отъ умственно расплодившихся наукъ, педантствомъ возлелѣянныхъ!»! Слѣдуетъ преподавать лишь науки, отъ которыхъ государство имѣетъ пользу: «военнымъ людямъ — военныя науки, статскимъ — гражданскія, промышленникамъ — коммерческія науки». Сообразно съ этимъ опредѣляется достоинство педагога; онъ долженъ «изъ всеобщей полиматикѣ» преподавать только то, что полезно этимъ людямъ, отбросивъ все излишнее: «умственное, мистическое, непричастное ни къ чему». «Станетъ ли вѣка человѣческаго, — удивляется далѣе Писаревъ, — изучиться всѣмъ отраслямъ наукъ, которыя вымышлены и раздроблены досужными энциклопедистами? Безъ вѣры и нравственности и самый филомаѣъ есть только гроза для здраваго разсудка, а посему опередимъ вѣрою и нравственностью, и начнемъ ученіе наше съ сихъ спасительныхъ словъ: начало премудрости — страхъ Господень!» («Вѣстникъ Европы», июль, стр. 257—258).

И что же? Три четверти вѣка спустя, т. е. въ наши дни, ни одинъ консерваторъ самаго реакціоннаго направленія, — кромѣ развѣ кн. Мещерскаго — не рѣшится вооружаться противъ науки въ каррикатурной формѣ аргументаціи, пущенной въ ходъ генераломъ Писаревымъ. Наоборотъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, когда вводилась „реформа“ г-ра Толстого, наши охранители перегибали наизусть аргументацію блаженной памяти попечителя уже въ совершенно другую сторону и, если придавали ей комическій характеръ, то преувеличивая „безкорыстіе“ науки, напр., утверждая, что классическое образованіе тѣмъ и хорошо, что ровно ни къ чему не годится въ жизни. Спрашивается теперь, неужели въ инте-

ресахъ здороваго развитія русской науки не было бы желательно, чтобы въ лѣтописяхъ нашихъ университетовъ совершенно отсутствовали страницы, заполненныя „мыслями“, а главное властною дѣятельностью штатскихъ и военныхъ Писаревыхъ? А вѣдь такихъ страницъ едва ли не больше въ университетской исторіи, чѣмъ полосъ нормальнаго развитія. И въ результатѣ, цѣлые годы прозябанія русской науки на задворкахъ, для того, чтобы придти къ правильной постановкѣ вопроса, отъ которой люди отклонились десятки лѣтъ тому назадъ, и отклонились совершенно сознательно, не колеблясь вырывать чуть не съ корнемъ ростки только что начинавшей развиваться русской науки. Не удивляйтесь же, что она въ общемъ такъ слаба у насъ и такъ мало самостоятельна.

Возьмемъ другой примѣръ, историческое положеніе нашей печати. Вотъ что пишетъ о тяжелыхъ условіяхъ своей работы почти умирающій Бѣлинскій, котораго г. Ершовъ цитируетъ по извѣстному труду г. Пыпина:

«Я могу писать порядочно только на основаніи моей натуры, моихъ естественныхъ средствъ. Выходя изъ нихъ (по расчету или необходимости), я дѣлаюсь ни то, ни се, ни ракъ, ни рыба. Теперь слушай: кромѣ того, что я боленъ, и что мнѣ опротивѣла и литература, и критика, я еще принужденъ дѣйствовать внѣ моей натуры. Природа осудила меня лаять собакою и вить шакаломъ, а обстоятельства велятъ мнѣ мурлыкать кошкою, вертѣть хвостомъ по-лисы. Некрасовъ вычеркнулъ у меня часть выписокъ изъ книги (Гоголя), да еще дрожалъ за то, что оставилъ въ моей статьѣ. Моего, онъ и цензора, вычеркнули цѣлую треть, а въ статьѣ обдуманной пометка слова—важное дѣло» («Образованіе», октябрь, стр. 116—117).

Теперь сочиненія Бѣлинскаго, надъ уродованіемъ которыхъ горькій фатумъ русской общественной жизни заставлялъ трудиться вмѣстѣ съ цензоромъ такого крупнаго и страстно любившаго литературу писателя, какъ Некрасовъ, теперь, говорю я, сочиненія Бѣлинскаго печатаются, за немногими исключеніями, почти цѣлкомъ; самъ онъ считается даже оффиціальными цѣнителями гордостью, украшеніемъ русской словесности (конечно, кромѣ нѣкоторыхъ сторонъ своей дѣятельности); и имъ же наши охранители при случаѣ не упустятъ козырнуть, борясь съ современными продолжателями Бѣлинскаго. Опять таки спрашивается, неужели не было бы громадной экономіей при и безъ того расточительной тратѣ русской литературной мысли, если бы Бѣлинскій уже шесть-десять лѣтъ тому назадъ могъ являться передъ читателями въ не исковерканномъ видѣ, и его гениальный умъ и удивительное эстетическое чутье уже полвѣка могли бы безпрепятственно вліять на русскую публику?

И еще примѣръ, все изъ области той же печати, хотя уже въ болѣе близкія къ намъ времена. Вотъ какъ заканчивается г. Лемке свой интересный этюдъ о русской сатирической журналистикѣ, воплощенной главнымъ образомъ въ знаменитой въ свою пору „Искрѣ“:

...Нѣсколько словъ о стороннихъ обстоятельствахъ, тяготѣвшихъ надъ *Искрой* съ самаго перваго ея шага и, въ концѣ-концовъ, заставившихъ ее влачить, сравнительно съ прошлымъ, жалкое существованіе. Вся политика министерства народнаго просвѣщенія, а съ 1863 года министерства внутреннихъ дѣлъ, — какъ центровъ цензурнаго воздѣйствія, — сводилась лишь къ «терпѣнію» сатирической журналистики. Обличеніе злоупотребленій, неразвитости, иногда просто тупости должностныхъ лицъ никогда не пользовалось поощреніемъ, даже безразличнымъ къ себѣ отношеніемъ. Въ результатѣ — кульминаціонный пунктъ «эзоповщины», цѣлая наука проскочить сквозь игольное ушко съ какимъ-нибудь толстогривымъ взяточникомъ... Вотъ тѣ условія, въ которыхъ проходила жизнь *Искры* и благодаря которымъ 1864 г. нужно считать послѣдней ея лебединой пѣснью («Міръ Божій», августъ, стр. 263).

Теперь мы, какъ извѣстно, можемъ, говоря вообще, не только обличать взяточниковъ, но даже видѣть ихъ осужденіе гласнымъ судомъ, какъ то было съ бывшимъ кронштадтскимъ полиціймейстеромъ и т. п. И опять таки невольно задаешься вопросомъ, неужели нельзя было сдѣлать экономію въ сорокъ лѣтъ и дать возможность обществу обличать злоупотребленія, когда они были особенно сильны и составляли суть тогдашняго склада вещей?

А теперь отъ историческихъ статей перейдемъ къ современнымъ, останавливаясь на болѣе общихъ теоретическихъ вопросахъ, затрагивающихъ, однако, своими примѣненіями нѣкоторыя существенныя стороны жизненной дѣятельности.

Я думаю, между этими теоретическими, но связанными съ жизнью вопросами, наиболѣе замѣтное мѣсто занимаетъ въ послѣднее время пересмотръ общаго, социологическаго міровоззрѣнія, какъ основанія для общественной дѣятельности. А въ частности, дѣло идетъ, главнымъ образомъ о „переоцѣнкѣ цѣнностей“ такъ называемаго марксизма, поскольку онъ былъ господствующимъ идейнымъ теченіемъ, исключавшимъ въ періодъ своего торжества мало-мальски самостоятельное отношеніе своихъ адептовъ къ теоріи „экономическаго“, „историческаго“ „діалектическаго“ и какъ еще тамъ „матеріализма“.

Теперь такое пассивное отношеніе къ марксизму кончилось; и кончилось не только у насъ, но, какъ слѣдовало ожидать, еще раньше и въ Западной Европѣ, задающей обыкновенно намъ тонъ въ идейной области. Чтобы теперь ни говорили правовѣрные сторонники ученія, теперешній марксизмъ—даже въ ихъ формулировкѣ—уже не тотъ, какимъ былъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Теоретически эта перемѣна выражается, напр., въ томъ, что наиболѣе разсудительные „ортодоксы“, вродѣ Каутскаго и главныхъ сотрудниковъ „Die Neue Zeit“, считаютъ сами нужнымъ заявлять, что доктрина Маркса нуждается въ дополненіяхъ, которыя, молъ, были бы уже давно сдѣланы ими же, „ортодоксами“,

не открой „критики“ свою бесплодную и стоящую на фальшивой почвѣ кампанію, заставившую правовѣрныхъ отстаивать во что бы то ни стало старыя позиціи. А практическое проявленіе упомянутой переменны можно видѣть хотя бы въ томъ, что во Франціи наиболѣе рѣшительные элементы партіи труда, борясь съ жоресистами, слились, не смотря на свое различное историческое происхожденіе и различныя политическія традиціи, въ одномъ высшемъ „единствѣ“, поглотившемъ какъ марксистовъ, бывшихъ по преимуществу апостолами „естественнаго хода вещей“ и фатальнаго крушенія капиталистическаго строя, такъ и бланкистовъ, всегда подчеркивавшихъ важность энергичной дѣятельности „личностей“, „меньшинства“ и „организациі“.

Можно, пожалуй, даже сказать: „кризисъ“ марксизма выдвинулъ, наконецъ, такихъ удивительныхъ критиковъ, что теперь и тѣмъ, кто самостоятельно относился къ Марксу въ періодъ безраздѣльнаго увлеченія имъ, но не желаетъ сходить съ рациональной точки зрѣнія, приходится отстаивать отъ нападеній упомянутыхъ „критиковъ“ тотъ цѣнный кусокъ научнаго міровоззрѣнія, который заключался въ доктринѣ Маркса. Ибо если марксизмъ кончился въ смыслѣ идейнаго гипноза, то основатель ученія остается однимъ изъ творцовъ современной социологіи. Именно теперь, не вызывая опасности усиливать догматическое теченіе мысли, вы можете съ чистою совѣстью и, по крайней мѣрѣ, временно, — пока наука объ обществѣ не вышла еще изъ фазиса догадокъ, и здоровый скептицизмъ упорно напоминаетъ объ этомъ, — разсматривать доктрину Маркса, какъ одно изъ наиболѣе интересныхъ и сравнительно наименѣе неудачныхъ социологическихъ обобщеній для крупнаго періода человѣческой исторіи.

Мысль о томъ, что постепенно выдѣляющееся изъ міра животныхъ человѣчество проходитъ различные этапы своего развитія путемъ борьбы за существованіе, но борьбы не между отдѣльными личностями, а между группами, основанными на большей или меньшей внутренней солидарности и отстаивающими свои коллективные интересы, пока, наконецъ, личность не станетъ въ прекратившемъ эту классовую борьбу обществѣ лицомъ къ лицу съ солидарнымъ союзомъ всѣхъ людей-братьевъ, — эта мысль вносила значительную законосообразность въ пестрый міръ человѣческой исторіи. А поддерживающая эту мысль гипотеза о „материальной“ почвѣ этой борьбы въ видѣ роста производительныхъ силъ, направленныхъ на порабощеніе природы въ историческихъ рамкахъ порабощенія однихъ классовъ другими, выдвигала объективное мѣрило общественной эволюціи, заключающееся въ общественной же технологіи.

Въ этомъ, если не ошибаюсь, состояла сущность новой социологической теоріи, если отбросить заостренія и преувеличенія, вызывавшіяся полемикой и служившія предметомъ сожалѣ-

нія самого Энгельса въ послѣдніе годы его жизни (вспомните хотя бы его сужденія о „молодыхъ“ и „недавнихъ—марксистахъ“ въ письмахъ, напечатанныхъ послѣ смерти). И отъ этого исходнаго пункта должны были бы, казалось, отправляться въ своихъ изслѣдованіяхъ люди, считавшіе себя учениками Маркса, для того, чтобы подвергать эту доктрину дальнѣйшему уясненію и детальной разработкѣ. Къ сожалѣнію, по причинамъ, которыя здѣсь придется оставить въ сторонѣ, на долю Маркса (и Энгельса) не выпало того счастья, какимъ судьба наградила хотя бы Дарвина, счастья—найти между своими послѣдователями крупныхъ и оригинальныхъ теоретиковъ, каковы, напр., въ исторіи дарвинизма Гексли, Геккель, Вирховъ и т. п. Врядъ ли между сторонниками марксизма были даже люди теоретическаго калибра Карла Фогта, котораго адепты „экономическаго матеріализма“ напоминаютъ развѣ склонностью къ рѣшительнымъ и поверхностнымъ обличеніямъ. Словомъ, марксизмъ выдвинулъ много талантливыхъ вулгаризаторовъ, бойкихъ публицистовъ, самоотверженныхъ практическихъ дѣятелей. Но до сихъ поръ онъ крайне бѣденъ самостоятельными умами, дѣйствительно разрабатывающими далѣе, а не повторяющими только въ новомъ видѣ формулу учителя.

Въ силу такого положенія вещей и получилась та своеобразная картина, что, по минованіи идейнаго гипноза марксизма, изъ двухъ крыльевъ, на которыя распался лагерь марксистовъ, „критики“ явились прежде всего метафизиками, утопившими зерно дѣйствительно критической оцѣнки (раньше предпринятой, кстати сказать, не ими) въ волнахъ идеалистической философіи, враждебной научной постановкѣ вопросовъ; а „ортодоксы“ оказались застигнутыми врасплохъ происшедшимъ „кризисомъ“ и потому только теперь принимаются за серьезный пересмотръ доктрины Маркса. И ждать научныхъ результатовъ этой работы мысли, „развивающейся по противоположностямъ“, можно лишь тогда, когда „критики“ совсѣмъ уйдутъ съ поля изслѣдованія реальныхъ вопросовъ, удалившись окончательно въ славный городъ „Кукушинскъ на облакахъ“ (говоря языкомъ Аристофана), населенный абсолютами Истины, Добра и Красоты; а „ортодоксы“ бокъ-о-бокъ со сторонниками самостоятельнаго, но во всякомъ случаѣ раціональнаго изслѣдованія, станутъ дѣйствительными „критиками“, которые подвергнутъ дальнѣйшей выработкѣ теорію Маркса.

Дѣйствительно, въ виду практическаго распространенія марксизма и теоретическаго интереса, возбуждаемаго теперь ученіемъ съ положительной или отрицательной стороны даже въ чисто научныхъ сферахъ, можно предположить съ значительной вѣроятностью, что ближайшіе успѣхи соціологіи будутъ заключаться, если можно такъ выразиться, въ доктринальной ликвидаціи ги

потезы Маркса, въ безпристрастномъ подведеніи ея научнаго баланса. Придется сдѣлать упорную и обширную попытку приложить еще разъ эту теорію къ объясненію различныхъ соціологическихъ фактовъ и ясно отграничить тотъ кругъ общественныхъ явленій, который болѣе или менѣе удачно объясняется ею, отъ того круга, истолкованіе котораго въ духѣ ея будетъ лишь натяжкой.

Дѣло въ томъ, что современная соціологія со всѣми своими различными школами и направленіями даетъ такъ мало цѣльнаго и прочнаго, что всякій искренній изслѣдователь не можетъ не относиться скептически къ этой сомнительной пока наукѣ. Различныя гипотезы возникаютъ здѣсь и сталкиваются между собой чуть не каждый день; и почва изслѣдованія уже устѣяна обломками этихъ эфемерныхъ теорій. Было бы поэтому невыгодно съ точки зрѣнія научнаго прогресса—да, пожалуй, и фактически невозможно—не подвергнуть прежде всего тщательной критической разработкѣ ту изъ общественныхъ гипотезъ, которая въ данный моментъ представляетъ сравнительно живучій продуктъ соціологической мысли, такъ какъ практически удовлетворяетъ громадную долю тѣхъ слоевъ трудящагося большинства, что уже проснулись къ сознательной исторической жизни, а теоретически наиболѣе занимаетъ умы современниковъ. Можно, пожалуй, даже сказать, что, не смотря на всѣ свои изъязы и пробѣлы, она все же менѣе неудачно объясняетъ хотя бы нѣкоторыя стороны общественной эволюціи, чѣмъ различныя другія вновь возникающія или уже отмирающія теоріи.

Достаточно упомянуть нѣсколько соціологическихъ гипотезъ, чтобы на ихъ примѣрѣ убѣдиться въ шаткости построеній, при помощи которыхъ изслѣдователи общества пытаются понять его структуру, а особенно его эволюцію. И прежде всего я лишь, что называется, для порядка вызову въ памяти читателей гипотезу интеллектуализма, или преобладающаго дѣйствія идей на развитіе общества. Замѣчательная для своего времени теорія Конта и ея популяризація и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое вульгаризированіе Боклемъ врядъ ли имѣютъ въ настоящее время много сторонниковъ. Сама практика жизни должна убѣдить всякаго человѣка, не загнипотизированнаго формулой, въ сравнительно слабости развитія умственныхъ побужденій среди громаднаго большинства человѣчества.

Какъ реакція только что упомянутой доктринѣ, возникла цѣлая группа гипотезъ, связывающихъ эволюцію человѣчества, наоборотъ, съ его нравственной или, говоря общѣ, аффективной стороной. Но общій недостатокъ этой теоріи преобладанія „чувства“, хотя и болѣе считающейся съ условіями дѣйствительности, заключается, однако, въ томъ, что въ ней почти отсутствуетъ указаніе на причины эволюціи самихъ аффектовъ, а, стало быть,

и общественнаго развитія. Дѣйствительно, возьмете ли вы Милля съ его эволюціей этическихъ (въ сущности умственно-аффективныхъ) мотивовъ; Уорда съ его признаніемъ „движущей силы, заключающейся въ страстяхъ массъ“ (impelling force residing in the passions of the masses); Гиддингса съ его смѣшаннымъ—полу-аффективнымъ, полу-умственнымъ—факторомъ „сознанія принадлежности къ одному роду“ или, если хотите „родового сознанія“ (consciousness of kind), и т. д.,—вы или не найдете у этихъ авторовъ яснаго изображенія причинъ эволюціи упомянутыхъ факторовъ; или же, довольно неожиданно, встрѣтитесь съ построеніями, сбивающимися на „экономическій матеріализмъ“ и, значитъ, отступающими отъ послѣдовательнаго приложенія основнаго принципа. Такъ, Уордъ въ своей „Динамической социологіи“ признаетъ голодъ (и холодъ) „существенными социальными силами“ и заключаетъ, что „постоянная дѣятельность, развиваемая для удовлетворенія безпрестанно возобновляющихся потребностей и для добыванія различныхъ видовъ пропитанія, и производитъ на поверхности земнаго шара тѣ результаты, которые составляютъ цивилизацію“. Такъ, съ своей стороны, Гиддингсъ, анализируя, въ „Основаніяхъ социологіи“, развитіе общественной психологіи, считаетъ нужнымъ замѣтить, что „между общими идеями, составляющими содержаніе общественнаго сознанія (content of social mind), экономическія идеи должны разсматриваться за основныя“.

Если теперь мы возьмемъ гипотезы, исходящія изъ анализа главнѣйшихъ отдѣльныхъ потребностей человѣка и опирающіяся на признаніе между ними такихъ, которыя не менѣе настоятельно нуждаются въ удовлетвореніи, чѣмъ собственно экономическія, то и здѣсь мы встрѣтимся съ немалыми затрудненіями, какъ только захотимъ приложить избранный нами социологическій факторъ къ эволюціи человѣчества въ цѣломъ. Несомнѣнно, напр., что потребность въ безопасности есть одна изъ коренныхъ человѣческихъ потребностей, въ извѣстномъ смыслѣ даже болѣе коренная, чѣмъ потребность экономическая, ибо прежде, чѣмъ рѣшать „вопросъ желудка“, прежде, чѣмъ наполнить желудокъ, надо еще быть увѣреннымъ, что его не распоретъ врагъ. Несомнѣнно, далѣе, что, стремясь къ удовлетворенію потребности въ безопасности и встрѣчаясь съ сосѣдями, люди развиваютъ въ себѣ и другихъ инстинкты хищничества, вкусы къ насилію, чувства вражды, жажду власти и т. д. И мы знаемъ, что есть социологи, которые строятъ эволюцію общественныхъ формъ именно на политической категоріи „власти“ и „насилія“, разсматривая самую экономику, какъ отраженіе и результатъ политики.

Приложимъ, однако, эту точку зрѣнія къ совокупности человѣческой эволюціи и посмотримъ, насколько она примѣнима къ

главнѣйшимъ періодамъ человѣческой исторіи. Мы, конечно, можемъ оставить въ сторонѣ такихъ соціологовъ-политиковъ, для которыхъ въ сущности даже не существуетъ эволюціи, а лишь непрерывное группированіе, столкновеніе и разложеніе враждебныхъ человѣческихъ коллективностей, словомъ, вѣчное повтореніе процесса вражды (таковъ, напр., Гумпловичъ въ его „Расовой борьбѣ“ и „Очеркѣ соціологіи“). Но вотъ вамъ мыслитель, который видитъ—или, вѣрнѣе, видѣлъ—въ исторіи подготовленіе къ выработкѣ лучшаго типа человѣка („суверенной личности“) въ высшемъ („соціетарномъ“) строѣ путемъ смягченія и, наконецъ, окончательнаго уничтоженія различныхъ формъ гнета. Я назвалъ Дюринга, который считаетъ „первоначальнымъ“ элементомъ „непосредственную политическую силу“, а въ экономической зависимости усматриваетъ лишь „отраженное воздѣйствіе второго порядка“ *).

Спрашивается, насколько эта гипотеза можетъ претендовать на всеобщую примѣнимость? Уже въ самомъ началѣ человѣческой исторіи потребность безопасности, являясь въ извѣстные моменты наиболѣе важной, наиболѣе непосредственной, уступаетъ, однако, потребности питанія въ обыденно-ги и частотѣ проявленій (точка зрѣнія, которую особенно подчеркиваетъ одинъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ соціологовъ, а именно авторъ „Опыта исторіи мысли“). А еще болѣе этотъ политическій факторъ отступаетъ передъ экономическимъ въ будничной жизни послѣдующихъ періодовъ, когда уже установились извѣстные учрежденія, удовлетворяющія, по крайней мѣрѣ, въ грубомъ видѣ потребности обычной безопасности. И знаменательно, что даже въ формулировкѣ Дюринга прорывается это признаніе усиливающегося значенія экономическихъ условій, напр., въ современномъ капиталистическомъ строѣ. Такъ, признавъ за ними лишь отраженное дѣйствіе, авторъ замѣчаетъ, что эти вліянія „второго порядка“ „существовали во всякомъ случаѣ всегда, а въ настоящее время чувствуются всего сильнѣе“ (in der Gegenwart am meisten fühlbar).

Такимъ образомъ, можно сказать, что изъ двухъ наиболѣе правдоподобныхъ теорій, экономическая имѣетъ, повидимому, преимущество для объясненія болѣе обыденныхъ явленій общественной жизни, и тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ дальше продвинулось общество по пути развитія. Напр., не смотря на громадную важ-

---

*) Здѣсь я говорю о Дюрингѣ, поскольку, не смотря на странныя и прямо болѣзненные свойства своего ума, онъ стоялъ все же на общей почвѣ современнаго міровоззрѣнія труда. Теперь въ четвертомъ изданіи (1900 г.) своей «Критической исторіи національной экономіи и социализма» онъ считаетъ «ассоціацію чисто пролетарскихъ существованій» вещь «очень проблематичной» и называетъ себя, въ пику современнымъ взглядамъ трудящихся, выразителемъ лишь «расширеннаго персонализма» (erweiterten Personalismus), пессимистически смотрящаго на вырабатывающееся міровоззрѣніе.

ность рѣшенія непосредственныхъ политическихъ вопросовъ въ менѣ культурныхъ государствахъ, пришедшихъ къ узловой точкѣ своей эволюціи, передовыя страны современнаго историческаго періода, основаннаго на конкуренціи, стоятъ предъ рѣшеніемъ,—разумѣется, политическими средствами,—великаго экономическаго вопроса: какъ, путемъ передачи орудій производства въ руки коллективности, обезпечить разъ навсегда безпрепятственное удовлетвореніе потребности въ питаніи для всѣхъ трудящихся?

Мы можемъ удлинить этотъ перечень различныхъ социологическихъ теорій, и найдемъ, что большинство ихъ еще менѣ можетъ претендовать на достаточно реальное (а не формальное только) и вмѣстѣ на достаточно общее объясненіе человѣческой эволюціи. Однѣ изъ нихъ, какъ, напр., теорія Спенсера, обманываютъ своею мнимою объективностью и всеобщностью, а при ближайшемъ изслѣдованіи оказываются простымъ и не всегда точнымъ описаніемъ социальныхъ явленій разныхъ періодовъ. При чемъ законосообразность ихъ эволюціи, въ сущности, не объясняется, а или дѣлается ссылка на крайне абстрактный, чисто формальный законъ „дифференціаціи цѣлаго и интеграціи частей“, или же подбираются самыя детальныя и вмѣстѣ натянутыя, порою доходящія до комичнаго, аналогіи между общественнымъ и біологическимъ организмомъ.

Другія теоріи, давая сами по себѣ интересныя указанія на нѣкоторыя дѣйствительно наблюденныя стороны общественнаго процесса, грѣшатъ тѣмъ, что стараются распространить эти частныя обобщенія на всю совокупность социальныхъ явленій. Напомню хотя бы Тарда съ его гипотезою „подражанія“ (imitation) и дополняющаго его „изобрѣтенія“ (invention), гипотезою, которою этотъ авторъ думаетъ вскрыть весь смыслъ человѣческаго развитія, между тѣмъ, какъ она касается спеціальнаго вопроса о нѣкоторыхъ формахъ психическаго взаимодействія между членами даннаго общества. Кстати сказать, русскій читатель имѣлъ уже эту теорію предвосхищенною болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ въ работахъ Н. К. Михайловскаго: для насъ она въ этомъ смыслѣ не новость. И достаточно сравнительно небольшого усилія мысли, чтобы понять, какъ въ „героѣ“ уже заключается элементъ „изобрѣтенія“, а въ „толпѣ“ элементъ „подражанія“. Однако, русскій социологъ отнюдь не думалъ придавать этой очень любопытной, но частной гипотезѣ значеніе той волшебной Аладиновой лампы, которую видитъ въ ней авторъ „Законовъ подражанія“ и „Социальной логики“.

Еще менѣ общаго значенія, можетъ быть, имѣютъ теоріи социальной нормировки, будутъ-ли онѣ подчеркивать элементъ лежащихъ въѣ личности юридически-принудительныхъ формъ мысли и дѣйствія, какъ то случается съ Дюркгеймомъ въ его

„Общественномъ раздѣленіи труда“ (и съ вдохновеннымъ, какъ мнѣ кажется, этой книгой Штаммлеромъ въ его „Хозяйствѣ и правѣ“), или же обращать преимущественное вниманіе на элементъ свободнаго договора личностей, какъ это мы видимъ во „Введеніи въ социологію“ де-Грефа. Ибо сказать, что эволюція человѣчества происходитъ на основаніи принудительныхъ или свободныхъ нормъ, окружающихъ личность, живущую въ обществѣ, значитъ просто-на-просто передвинуть вопросъ, поставивъ изслѣдователя передъ новой задачей: а чѣмъ же опредѣляется само направленіе, въ которомъ развиваются эти нормы?

Словомъ, самое поверхностное обозрѣніе современныхъ социологическихъ теорій указываетъ на слабость этихъ построений и оправдываетъ въ достаточной степени тотъ скептицизмъ, который обнаруживаютъ зачастую очень незаурядные умы нашей эпохи, когда рѣчь заходитъ о социологическихъ законахъ. Вотъ почему,—особенно въ виду развитыхъ мною выше соображеній о теоретическомъ и практическомъ интересѣ, возбужденномъ теперь доктриною Маркса,—и было бы цѣлесообразно попробовать прикладывать преимущественно эту гипотезу къ объясненію общественныхъ явленій, хотя бы въ формѣ временнаго приѣма изслѣдованія. Но прикладывать, само собою разумѣется, не такъ какъ это еще недавно дѣлали загипнотизированные идеальной вѣрою „ученики“, а какъ изслѣдователи, свободные отъ этого закрѣпощенія мысли и желающіе установить границы примѣненія популярной теоріи путемъ возможно безпристрастнаго наблюденія явленій.

При этомъ, можетъ быть, съ самаго начала пришлось бы устранить нѣкоторые недоразумѣнія. Было бы, напр., небезполезно, принимая правдоподобность гипотезы о роли классовой борьбы въ эволюціи человѣчества, задаться вопросомъ, должны ли мы понимать эту борьбу лишь какъ столкновеніе экономическихъ интересовъ, или же видѣть въ социальныхъ классахъ группировку лицъ, связанныхъ не только задачами пропитанія, но и политическими, юридическими, идейными и т. п. стремленіями, и при томъ отнюдь не въ смыслѣ лишь „отраженныхъ воздѣйствій“? Не говоря уже о первобытныхъ временахъ, гдѣ дѣленія основывались на родовомъ началѣ, мы встрѣчаемъ съ очень раннихъ поръ въ общественныхъ классахъ продукты не только хозяйственной, но и политической, правовой и т. п. розни интересовъ, между которыми экономическіе интересы особенно подчеркивались лишь на извѣстной—по большей части позднѣйшей—стадіи развитія. Всадники, геоморы, метеки, періеки и т. п. классы древней Греціи; патриціи, кліенты, плебеи древняго Рима; циваты и колонны Византіи; литы и свободные варварской Германіи; пестрая лѣстница феодальныхъ крѣпостныхъ классовъ средневѣковой Европы; сословія абсолютныхъ монархій,—для

того, чтобы остановиться лишь на некоторых образчиках классовых дѣлений,—отграничивались другъ отъ друга не только богатствомъ, но и политическими и юридическими правами, возрѣніями и предрасудками. И ихъ классовая борьба велась, очевидно, по всей линіи этихъ сложныхъ интересовъ.

Точно также, допуская среднее преобладаніе экономическихъ факторовъ надъ другими социальными факторами (скажемъ, въ грубо наглядной формѣ: 60% человѣческихъ дѣйствій опредѣляются „экономикой“), не умѣстно ли будетъ опредѣлить, какъ измѣняется это среднее отношеніе по различнымъ историческимъ періодамъ, въ инныя эпохи поднимаясь до гораздо высшей пропорціи, но за то въ другія уступая совокупности всѣхъ остальныхъ? Мы знаемъ, напр., что общее преобладаніе хозяйственныхъ задачъ въ значительной степени парализуется, скажемъ, въ періодѣ родовыхъ и вообще первобытныхъ организацій, когда личные интересы и ихъ комбинація въ классовомъ интересѣ подавляются господствомъ различныхъ формъ обычая. Съ другой стороны, на другомъ концѣ эволюціи, и именно въ нашу, казалось бы, по преимуществу „экономическій“ періодъ, не начинаютъ ли уже оказывать пертурбаціонное дѣйствіе на чистоту хозяйственной борьбы классовъ элементы сознательныхъ и безкорыстныхъ взглядовъ? Не въ этомъ ли уже обнаруживаются первые симптомы того предстоящаго „скачка“, который современное общество должно сдѣлать, по гегельянской терминологіи Маркса-Энгельса, изъ „міра необходимости“ въ „міръ свободы“?

Или, напр., признавая въ развитіи технологіи одинъ изъ самыхъ могущественныхъ факторовъ социальной эволюціи, не пришлось ли бы уже въ самомъ началѣ изслѣдованія одухотворить, такъ сказать, этотъ „матеріальный“ базисъ общественнаго строя, указавъ на то, что если человѣку и приходится прибѣгать къ самымъ грубо осязательнымъ приемамъ производства, то очень часто для удовлетворенія гораздо болѣе идеальныхъ потребностей, чѣмъ потребности собственно питанія.

Не знаменательно ли, что на первой же страницѣ „Капитала“, гдѣ Марксъ опредѣляетъ богатство капиталистическаго общества, какъ „громадное скопленіе товаровъ“, а товаръ, какъ „вещь, удовлетворяющую всякимъ человѣческимъ потребностямъ“, онъ считаетъ долгомъ замѣтить, что „природа этихъ потребностей, т. е. проистекаютъ ли онѣ изъ желудка или изъ фантазіи, не измѣняетъ сущности дѣла“. Онъ приводитъ даже характерную цитату изъ Николая Барбона, экономиста XVII-го вѣка: „Желаніе подразумѣваетъ потребность; оно есть аппетитъ ума, и столь же естественно, какъ и голодъ для тѣла... Громадное большинство вещей извлекаютъ свою цѣнность изъ того, что удовлетворяютъ потребностямъ ума“. Если вдуматься хорошенько въ исключительную роль технологіи и производительныхъ силъ по

теории Маркса, то не заставляют ли выше приведенные строки заключить, что на самом пороге учения мы встречаемся с таким отблеском мысли Маркса, который бросает несколько иной свет на центр тяжести доктрины, чем то наблюдается зачастую в спорах между марксистами и их противниками?

В самом деле, вопрос о преобладающем значении „экономических“ потребностей не отступает ли в данном случае на задний план перед вопросом об удовлетворении „человеческих“ потребностей вообще? Имѣет ли даже, строго говоря, большое значение и самая задача взаимного сравнения потребностей по их важности для общественной эволюции, когда суть дела рисуется здесь у Маркса независящею от источника потребностей? Если дикарь цѣлые мѣсяцы, а иногда годы употребляет на изготовленіе ожерелья, т. е. на удовлетвореніе эстетической потребности; если въ современномъ обществѣ существуетъ спросъ на телескопы, служащіе ученому для изслѣдованія туманностей, т. е. удовлетворяющіе идеальную потребность знанія, то не приходится ли технологии имѣть дѣло съ цѣлостною личностью, а не съ абстрактнымъ homo oeconomicus, имѣющимъ лишь грубо матеріальныя побужденія? А между тѣмъ, согласно Марксу же, именно эволюція технологии даетъ первый толчокъ общественному процессу. Что же въ такомъ случаѣ важнѣе, по крайней мѣрѣ, для динамики общества: изслѣдованіе ли роста производительныхъ силъ, отвлекаясь отъ сравненія человеческихъ потребностей; или же установленіе сравнительной іерархіи этихъ потребностей? И если вы отвѣтите „да“ на первую половину вопроса, то вамъ предстоитъ привести въ большую гармонію такое толкованіе эволюціи съ обычнымъ подчеркиваніемъ собственно „экономическаго“ фактора.

Какъ видите, добросовѣстное приложеніе социологической теории Маркса къ явленіямъ дѣйствительности съ самаго же начала вызываетъ рядъ недоумѣній и требуетъ поправокъ и развитія.

Этой работы, казалось бы, всего естественнѣе ждать отъ людей, которые еще недавно называли себя всѣ вмѣстѣ „учениками“ Маркса, а теперь разошлись въ разные стороны. Къ сожалѣнію, процессъ дѣйствительнаго самоанализа марксизма едва начался за границей; а у насъ, отстающихъ по обыкновенію отъ теченій Запада, онъ или почти отсутствуетъ, или вырождается въ такой „критицизмъ“, который сходитъ съ поля рачіональнаго изслѣдованія. Эти мысли вызываются во мнѣ, главнымъ образомъ, статьей г. Николая Бердяева „Критика историческаго матеріализма“ въ октябрьской книжкѣ „Міра Божія“ и отчасти (мы увидимъ ниже, съ какими ограниченіями) начатыми въ октябрьской же книжкѣ „Образованія“ этюдами г. І. Давыдова о „Социологическихъ основахъ историческаго матеріализма“.

Г. Бердяевъ тѣмъ дальше заходитъ въ лѣсъ метафизики, тѣмъ съ большею увѣренностью продолжаетъ свой путь. Въ сущности, въ послѣдней статьѣ онъ не столько уже „критикуетъ“, сколько утверждаетъ, декретируетъ и прорицаетъ. Въ большинствѣ случаевъ чувствуешь даже неловкость полемизировать: онъ не только говоритъ на разномъ съ вами языкѣ, но, какъ принято теперь выражаться, и въ совершенно разной плоскости. Эту неловкость ощущенія можно бы, пожалуй, характеризовать такъ: себя вы считаете человѣкомъ свѣтскимъ, пишущимъ въ свѣтскомъ журналѣ и о свѣтскихъ вопросахъ; г. же Бердяевъ является важнымъ духовнымъ лицомъ, скажемъ папою, который въ разбираемой статьѣ (особенно въ первой части) совершаетъ сплошной актъ вѣры и говоритъ *ex cathedra papali*...

Говоря такъ, я нисколько не думаю иронизировать и по большей части не чувствую никакого идейнаго раздраженія къ г. Бердяеву, какъ чувствуешь къ противнику, съ которымъ есть хоть небольшой клочекъ общей земли, гдѣ стоишь и изъ-за чего борешься. Г. Бердяевъ чаще всего находится внѣ моего бѣднаго простаго міра съ тремя измѣреніями и лишь изрѣдка показывается въ немъ, позволяя прилагать къ себѣ приемы свѣтской оцѣнки. Обыкновенно же онъ только изрекаетъ: „я вѣрю“, „я не вѣрю“, „я убѣжденъ“, при чемъ эти изреченія относятся въ буквальномъ, а не переносномъ смыслѣ къ вещамъ не отъ міра сего. За его „критикой историческаго матеріализма“ нельзя слѣдовать обыкновенному читателю, не совершивши самому аналогичнаго же акта вѣры. За что бы ни взялся авторъ, онъ васъ немедленно же вышибаетъ изъ міра опыта и наблюденія, міра понятныхъ вещей и заводитъ въ трансцендентныя эмпиреи.

Станетъ-ли, напр., онъ говорить о „развитіи“, онъ сейчасъ же поставитъ васъ лицомъ къ лицу съ „качествами, изначально заложенными въ духовной, внутренней природѣ міра“ и, провѣщавъ съ полстраницы о сихъ „субъектахъ или субстратахъ развитія, которые раскрываются и разворачиваются взаимодействующими рядами“, вдругъ окончательно добьетъ васъ энергичнымъ и даже у него нѣсколько неожиданнымъ примѣчаніемъ: „эта теорія развитія предполагаетъ метафизическій плюрализмъ, спиритуалистическую монадологію и восходитъ къ Платоновскому ученію объ идеяхъ“ (стр. 11)...

Будемъ, однако, говорить серьезно. Я понимаю, что можно восхищаться той поэтической системой идей, которую развиваетъ въ процессѣ творческаго паеоса великій метафизикъ художникъ. Но какъ можно серьезно, если только не находишься въ состояніи экстаза вѣрующаго, тревожить тѣнь Платона съ цѣлью критики современной „эволюціи“, т. е. научной, основанной на опытѣ гипотезы, обязательной для человѣка положительнаго мышленія, будь то марксистъ или не-марксистъ? Какое значеніе имѣетъ вся

эта метафизическая поэзия для современного пониманія, которое опирается на данныя, совершенно неизвѣстныя Платону? Неужели, кстати сказать, нашъ платонизирующий юноша не знаетъ, что до сихъ поръ специалисты не могутъ свести концы съ концами въ ученіи вдохновляющаго его философа именно объ идеяхъ? Неужели, напр., онъ забылъ, что еще бѣдныя александрійцы ломали себѣ голову надъ Платономъ, тщетно „пытаясь вывести изъ изученія „Диалоговъ“—какимъ же собственно вещамъ присущи идеи и какимъ нѣтъ, по мнѣнію вдохновеннаго, но очень неяснаго въ этомъ пунктѣ философа?

Или, можетъ быть, г. Бердяевъ пригласить насъ вѣрить въ реальное существованіе такихъ идей, которыя для насъ то являются лишь простыми абстракціями, какова, напр., „старость“, „медленность“, „здоровье“, и даже—о! верхъ идейнаго „реализма“, достойнаго средневѣковыхъ споровъ!—въ существованіе, помимо конкретныхъ людей, быковъ, постелей, еще „человѣка въ самомъ себѣ“, „быка въ самомъ себѣ“ и даже „постели самой въ себѣ“? Это все вѣдь имѣется у Платона. И, съ другой стороны, не характерно-ли для г. Бердяева, который все же живетъ въ періодѣ опытнаго знанія, „возвращеніе“ къ такому мыслителю, который въ чувственныхъ воспріятіяхъ не видѣлъ ничего, кромѣ обмана, и который мало того, что презиралъ „многознаніе“, разъ оно не управляется мистическимъ созерцаніемъ высшаго Блага—это бы еще ничего, — но презиралъ „многоопытность“ (πολυπειρία), т. е. именно возможность многократной провѣрки чувственныхъ воспріятій?

Любопытнѣе-то всего, можетъ быть, то обстоятельство, что въ то время, какъ Платонъ, этотъ „Гомеръ философіи“, самъ чувствовалъ пороку, что въ его построеніяхъ дѣло идетъ о поэзіи метафизики или, какъ говорятъ нѣкоторые, объ „эстетическомъ философствованіи“, г. Бердяевъ даетъ намъ Платона въ руководители по вполне научному вопросу объ эволюціи. Въ одномъ мѣстѣ (вслѣдъ за великолѣпнымъ образомъ, съ котораго я началъ эту статью), нашъ „Гомеръ философіи“ какъ бы спохватывается и даже самъ явственно подчеркиваетъ элементъ сомнѣнія въ дѣйствительной истинности своихъ построеній: „моя надежда“ (Шлейермахеръ перевелъ, какъ извѣстно, во вкусѣ пасторской профессіи „моя вѣра“), что ты, молю, „не ошибешься, если выслушаешь мое мнѣніе; но богъ лишь знаетъ, истинно ли оно“. А вотъ платоническій юноша серьезно приглашаетъ насъ за разъясненіемъ эволюціи обратиться сначала къ его „разворачивающимся взаимодействующими рядами субъектамъ“, а затѣмъ къ ученію объ идеяхъ поэта философскихъ образовъ!..

Борясь съ преувеличеніями марксистовъ, которые все выводили изъ „экономики“, г. Бердяевъ является такимъ союзникомъ немарксистовъ, отъ котораго эти [последніе, конечно, откажутся,

если имъ дороги интересы научной мысли. Обрушиваясь на „метафизическій матеріализмъ“ своихъ бывшихъ друзей, г. „критикъ“ такъ формулируетъ центральный пунктъ своихъ возраженій:

Что такое метафизическій эволюціонизмъ въ социологін? Это попытка вывести всѣ качества человеческого общества и человеческой культуры, такіа ея цѣнныя блага, какъ познаніе и нравственность, религію и право и т. д., изъ безкачественной социальной матеріи—экономики. Все оказывается продуктомъ социальнаго развитія, кромѣ того или другого количества социальной матеріи. Понятіе причинности примѣняется къ отношенію между экономикой и другими сторонами социальнаго развитія въ самомъ произвольномъ смыслѣ этого слова. Механическое пониманіе причинности совершенно неприемлемо къ социологін, что уже достаточно часто выяснялось. Всѣ качественно самостоятельныя ряды міровой и социальной жизни можно было бы свести къ единству только въ метафизическомъ понятіи міровой субстанціи, которое для науки не имѣетъ значенія (стр. 12). И т. д.

Аминь! Не надо, конечно, забывать, что сами догматическіе марксисты, еще недавно заключавшіе въ своихъ рядахъ потенциальныхъ „критиковъ“, дали отчасти поводъ къ этой тирадѣ, такъ какъ отождествляли „матерію“ съ „экономикой“ и „материальныя“ потребности дѣлали строго равными „экономическимъ“. Эти взгляды и были одною изъ причинъ появленія такихъ метафизиковъ, какъ Штаммлеръ, который, всячески раскланиваясь передъ марксистами, проводилъ свои отчаянно-идеалистическія воззрѣнія нехитрымъ путемъ различенія между „содержаніемъ“ общественнаго процесса,—это, молъ, матерія“, „экономика“: получите ее, мои дорогіе друзья,—и между „формой“ этого процесса: а это, молъ, уже „право“ и духъ, каковая область полагается мнѣ по штату.

Но изъ того, что догматическіе марксисты ошибочно ставили знакъ равенства между социологической „матеріей“ и „экономикой“, какъ если бы, напр., потребность безопасности или половая потребность и вытекающіе отсюда политическіе и родовые союзы не составляли очень осязательной „социальной матеріи“,—изъ этого еще не слѣдуетъ, что мы должны перейти на точку зрѣнія критика. Въ чемъ, дѣйствительно, смыслъ его возраженія? Въ томъ, что онъ проникнуть метафизическимъ негодованіемъ на то, какъ это люди осмѣливаются „такія цѣнныя блага, какъ познаніе и нравственность, религію и право“ выводить изъ „безкачественной социальной матеріи“, т. е., иначе говоря, изъ міра реальной людской эволюціи. Потому что вы можете расширить понятіе „социальной матеріи“ далеко за предѣлы собственно такъ называемой экономики; можете включить сюда всѣ реальныя потребности человека, живущаго въ обществѣ и создающаго въ теченіе исторіи изъ элементарныхъ побужденій самыя возвышенныя формы мысли и чувства,—г. Бердяевъ будетъ по прежнему стоять предъ вами съ высоко поднятою идеалистическою фѣрулою и преслѣдовать васъ за дерзость ученія эволюціонизма или, лучше сказать,

трансформизма, ищущаго въ первыхъ движеніяхъ органическаго вещества „матеріальной“ почвы для всего послѣдующаго великолѣпнаго расцвѣта живыхъ существъ.

Для платоническаго юноши вопросъ не въ большей или меньшей „экономичности“ соціологической гипотезы: ему претитъ самая мысль охватывать одной гипотезой первые рефлексъ царства протистовъ и нервно-мозговые процессы мыслителя, создающаго, скажемъ, грандіозное „ученіе объ идеяхъ“. Поэтому не обольщайтесь тѣмъ, что г. Бердяевъ критикуетъ соціологию „экономическихъ матеріалистовъ“. Онъ въ сущности вооружается противъ всякой научной соціологіи, основанной на ученіи эволюціонизма.

Возьмемъ, для примѣра,—говоритъ онъ,—такое идеальное качество, какъ нравственность. Общественная наука констатируетъ фактъ развитія нравственности въ историческомъ процессѣ. Каково должно быть правильное отношеніе соціологіи къ этому факту? Прежде всего соціологія должна (*категорическій императивъ!*) брать нравственность, какъ апріорную предпосылку (*почему?*), какъ изначальное качество (*опять-таки почему?*), невыводимое ни изъ какого другого качества, въ рядѣ нравственнаго развитія она не можетъ (*опять категорическій императивъ, выраженный на сей разъ въ мнимо-объективной формѣ!*) допустить перерывъ, до котораго не было бы нравственности, какъ особаго качества человѣческаго духа (*разсужденіе, которое въ приложеніи къ ребенку сводилось бы къ запрещенію измѣловать эмбриологію зубовъ, такъ какъ у младенца таковыя обыкновенно не имѣются*), она должна (*опять и опять категорическій императивъ!*) мыслить этотъ рядъ до безконечности, теряющимся въ нѣдрахъ міровой жизни (*ну, а это или не значитъ ничего, кромѣ туманнаго пантеизма, или же даетъ намъ разрѣшеніе заниматься происхожденіемъ нравственности*). Этотъ рядъ нравственнаго развитія исходить изъ идеальной стороны человѣческой природы, которая изначальна (*а вотъ это требуется доказать!*) и невыводима ни изъ чего внѣшняго и чуждаго ей (*зубовъ ребенка и не ищутъ внѣ зародыша, хотя не будь оплодотвореннаго яйца, не было бы, вѣроятно—или какъ, г. Бердяевъ?—и самого ребенка*), въ этомъ ряду развитіе всякаго нравственнаго качества порождается нравственнымъ же качествомъ (*напр., развитіе зубовъ порождается—зубами же!*), есть результатъ его нарастанія изнутри (*это «изнутри» слѣдовало бы поставить девизомъ ко всей метафизикѣ г. Бердяева; но такъ какъ мнѣ не хочется пожинать дешевыхъ лавровъ надъ критикой этого скорѣе комичнаго слова, то я сплыву, оставаясь на почвѣ удобнаго сравненія, извѣститъ платоническаго юношу, что если зубы начинаютъ формироваться у двухмѣсячнаго зародыша въ видѣ маленькихъ пузырьковъ, помѣщенныхъ внутри особыяго улубленной челюсти, то все же для нѣхъ развитія надо, кромѣ «изнутри», еще и нечто внѣшнее, напр., пластическій матеріалъ клеточекъ организма*). (стр. 13 *).

Итакъ: „можетъ“, „не можетъ“, „должна“, „не должна“,—словомъ, рядъ декретовъ въ положительной или отрицательной формѣ и все это на фонѣ совершенно недоказанныхъ, а порою прямо странныхъ мыслей,—вотъ къ чему сводится опредѣленіе задачи соціологіи отъ противнаго, т. е. чѣмъ ей не слѣдуетъ быть, по

*) Мѣста курсивомъ въ скобкахъ принадлежатъ, конечно, мнѣ.

убѣжденію г. Бердяева. Но должна же быть и положительная задача соціологическаго изслѣдованія? Таковая имѣется, но платоническій любовникъ Истины и ее опредѣляетъ больше отрицательно, противопоставляя „соціологию“ „метафизику“, „этику“ и „философію исторіи“, при чемъ поражаетъ крайнимъ неравенствомъ въ обращеніи съ этими отвлеченными дамами (и почему бы имъ не быть таковыми? была же у Данта „дама Теологія“, заставлявшая поэта забывать все,—*Quella qu'ad altro intender m'avea chiuso*).

Всѣ симпатіи г. Бердяева на сторонѣ философіи и ея родственницъ, Метафизики и Этики, которыя одні допускаются до лицеизврѣнія „внутренняго человѣка“, человѣка „безъ оболочки“ или „духа“; бѣдная же Соціологія находится на черной половинѣ и возится — словно несчастная судомойка — надъ „внѣшними наслоеніями, нарастающими на внутренней природѣ“. Да вотъ, судите сами:

Соціологія не властна утверждать, что внутреннія идеальныя качества личности создаются внѣшней соціальной средой, этимъ вопросомъ она и не задается, она беретъ только внѣшнія общественныя наслоенія, нарастающія на внутренней природѣ человѣческаго духа и образующія внѣшняго общественнаго человѣка. Соціологія имѣетъ дѣло только съ внѣшнимъ групповымъ человѣкомъ, на которомъ лежитъ печать внѣшнихъ наслоеній соціальнаго процесса. Только философія исторіи, этика и метафизика открываютъ за этимъ групповымъ человѣкомъ *общечеловѣка*. Можно сказать, что соціологія имѣетъ дѣло не съ человѣкомъ, а только съ его оболочкой. И потому соціологія не должна, какъ это пытается дѣлать историческій матеріализмъ, смотрѣть на соціальныя процессы, какъ на лабораторію, въ которой готовится *человѣкъ*; человѣка не можетъ создать внѣшняя, матеріальная соціальная среда, какъ бы ни было велико ея вліяніе; человѣкъ есть духъ, онъ образъ и подобіе Божества, и онъ предполагается соціологіей, какъ данное. Соціологія показываетъ только, какъ изъ-подъ внѣшней соціальной оболочки показывается человѣкъ, какъ въ борьбѣ группъ подымаетъ голову общечеловѣкъ (стр. 19).

На сей разъ я ни единымъ примѣчаніемъ не прервалъ теченія авторской мысли; я оставилъ ему его многозначительные курсивы и весь ходъ его разсужденій. И я думаю, что если читателю дороги интересы научной мысли, а не теологическаго строенія, то онъ въ достаточной степени энергично будетъ протестовать противъ этого удивительнаго мировоззрѣнія, которое переноситъ насъ въ худшія времена схоластическаго неоплатонизма и гностицизма. Характерны, вѣстакъ сказать, невѣроятныя похвалы, расточаемыя г. Бердяевымъ (см. стр. 16 и особенно прим.) нашему „замѣчательнѣйшему философу“ Вл. Соловьеву, который въ сущности-то на порогѣ XX-го вѣка мыслитъ не лучше и не научнѣе, чѣмъ какой-нибудь мистикъ II-го, скажемъ, хоть Валентинъ. Пусть г. Бердяевъ прославляетъ „глубокіе“ и „оригинальные труды“ Соловьева (я говорю о послѣднемъ, какъ о мыслителѣ) въ пику „всѣмъ экономическимъ матеріалистамъ

вмѣстѣ взятымъ“. Намъ-то отъ этого ничуть не легче, ибо если „экономическіе матеріалисты“ были узки, догматичны, пороку по истинѣ фетишистически оперировали съ такими понятіями, какъ „отношенія производства“, то все же съ ними можно было найти общую почву спора,—по крайней мѣрѣ, теоретическое признаніе изученія дѣйствительности. Но съ г. Бердяевымъ всякіе споры совершенно бесполезны: столь велико различіе въ самомъ типѣ мышленія.

Вы, напр., желаете изучать эволюцію человѣка, живущаго въ обществѣ, т. е. отмѣчать извѣстную смѣну соціологическихъ формъ и пытаться устанавливать относительно ея извѣстныя гипотезы: г. Бердяевъ съ самаго начала огоршитъ васъ заявленіемъ, что „соціологія имѣетъ дѣло не съ человѣкомъ, а только съ оболочкой“. Вы хотите прослѣдить, какъ вырабатывается человѣкъ подъ вліяніемъ общественной среды и какъ онъ въ свою очередь воздѣйствуетъ на нее: въ отвѣтъ на это г. Бердяевъ принимается толковать, что „человѣка не можетъ создать внѣшняя среда“, что „человѣкъ есть духъ, образъ и подобіе Божества“. Замѣтите, ни вы, ни г. идеалистъ не видали этого духа, этотъ образъ и подобіе Божества, помимо „внѣшнихъ наслоеній“, т. е. въ сущности помимо дѣйствительно существующаго человѣка. О чемъ же будетъ разговоръ? Объ идеяхъ Платона? Но врядъ ли изученіе соціологіи отъ этого подвинется. Г. Бердяевъ будетъ, напр., на разные лады и въ разныхъ временахъ и наклоненіяхъ утверждать, что такой человѣкъ существуетъ, что онъ доподлинно объ этомъ знаетъ, или, вѣрнѣе, въ томъ религіозно убѣжденъ, на основаніи какой-нибудь „спиритуалистической монадологіи“ или „метафизическаго плюрализма“. Вы же отвѣтите ему, что это относится къ творчеству метафизическихъ образовъ, а не къ изученію интересующаго васъ вопроса —и опять разговоръ конченъ, опять вы идете параллельными, не встрѣчающимися одна съ другой линіями разсужденій.

И снова вамъ не легче отъ того, что, развивая свое метафизическое воззрѣніе, авторъ борется съ „экономическими матеріалистами“, которые внѣшнюю „матеріальную“ среду разумѣли исключительно, какъ среду экономическихъ отношеній. Ибо, если вы расширите это понятіе, введя въ него и другія, очень реальныя отношенія, то г. Бердяевъ отнесется къ вашей попыткѣ съ одинаково сильнымъ неодобреніемъ: для него все, что онъ называетъ „духомъ“ человѣка, не подлежитъ соціологическому изученію. Не надо, впрочемъ, забывать, что отъ пребыванія въ лагерѣ марксистовъ у г. Бердяева осталась манера все время отождествлять слова „внѣшній“ и „экономическій“; нелегко отказаться отъ привычекъ первоначальной мысли. Это же, между прочимъ, объясняетъ, какимъ образомъ онъ успѣваетъ въ своей метафизической (лучше сказать, теологической) „критикѣ“ наго-

ворить немало комплиментов „экономическимъ матеріалистамъ“. Пріемъ этотъ какъ нельзя болѣе логиченъ для мыслителя, которому въ сущности все равно, подъ какимъ „матеріальнымъ“ соусомъ реальная исторія будетъ ѣсть „внѣшняго человѣка“: дайте ему только „внутренняго“, его „духъ, образъ и подобіе Божества“,—съ него вполне достаточно этого.

Въ самомъ дѣлѣ, вникните въ смыслъ слѣдующей апологіи марксизма въ устахъ г. Бердяева:

Нужно признать большой заслугой историческаго матеріализма, что онъ указалъ на огромное самостоятельное значеніе матеріальнаго экономическаго развитія и пересталъ искать причинъ этого развитія въ идеальныхъ порывахъ человѣческой личности, которая не можетъ создать социальной матеріи и социологически зависить отъ матеріальныхъ производительныхъ силъ (стр. 15).

Это значить вотъ что: вы, гг. социологи, пожалуйста, перестаньте изслѣдовать „идеальные порывы человѣческой личности“; не вашими жесткими научнымъ носомъ эту метафизическую рябину клевать, рябина ягода нѣжная. Будетъ съ васъ и того, что вы займетесь „матеріальнымъ экономическимъ развитіемъ“ и „матеріальными производительными силами“, отъ которыхъ зависить социологическій, т. е. вашъ внѣшній человѣкъ. А мое царство не отъ міра сего; тамъ я нахожусь въ платоническомъ общеніи съ „духами, образами и подобіями“, которымъ нѣтъ дѣла до вашей грубой и чувственной „матеріальной“ юдоли плача. Когда я говорю, что матеріальное развитіе независимо отъ идеологіи, я говорю еще болѣе того и обратно: идеологія независима отъ матеріальнаго развитія. Между „внутреннимъ человекомъ“ и „внѣшнимъ“ такая же незаполнимая пропасть, какъ и между міромъ платоновскихъ идей и міромъ чувственныхъ воспріятій. Да здравствуетъ же „историческій (или лучше сказать, „экономическій“) матеріализмъ“, который констатировалъ эту грубость „внѣшняго“, т. е. реальнаго человѣка, и отдалъ мнѣ въ полное распоряженіе человѣка „внутренняго“, метафизическаго, который на самомъ то дѣлѣ и есть истина изъ истинъ и субъектъ изъ субъектовъ. И анафема той социологіи, которая ослабляетъ сознаніе этой пропасти между „оболочкой“ и „духомъ“, ища въ матеріальной, хотя и не исключительно экономической, средѣ объясненіе и развитіе всѣхъ „порывовъ человѣческой личности“, вплоть до самыхъ „идеальныхъ“!..

Я знаю, что въ настоящее время есть не мало людей, которыхъ я глубоко уважаю, полагающихъ, что изъ метафизическихъ посылокъ г. Бердяевъ и присные ему по „духу“ дѣлаютъ надлежащіе практическіе выводы; и потому намъ не только нечего бороться съ ними, но даже слѣдуетъ идти рука объ руку и плечо

въ плечо. Отвѣчаю: въ сущности я, какъ уже сказано въ самомъ началѣ, не только не борюсь въ области чистой метафизики съ г. Бердяевымъ, но даже и не чувствую къ нему раздраженія, какъ можно чувствовать къ врагу, съ которымъ приходится дѣлать нѣчто общее. Тамъ, гдѣ г. Бердяевъ паритъ въ сверхчужденномъ мірѣ, онъ мнѣ совершенно чуждъ, какъ и я ему: тебѣ, Миша, вершки, а мнѣ корешки,—пусть читатель проститъ мнѣ этотъ каламбуръ „внѣшняго“ русскаго мужика. И лишь тамъ, гдѣ платоникъ попадаетъ въ знакомый мнѣ міръ трехъ измѣреній и чувственныхъ воспріятій, мнѣ приходится считаться съ нимъ и его воззрѣніями.

И я думаю: въ этомъ мірѣ есть живые и дорогіе мнѣ люди, отъ большаго или меньшаго участія которыхъ въ сознательной исторической дѣятельности зависитъ прогрессъ истины, добра и красоты (все, видите ли, съ малой буквы) въ великой странѣ. Мировоззрѣніе этихъ людей въ значительной степени опредѣляетъ и характеръ ихъ работы. Поэтому все, что придаетъ вредный для общественной дѣятельности отпечатокъ мировоззрѣнію, должно встрѣчать нашъ отпоръ. Къ числу такихъ вредно дѣйствующихъ элементовъ, несомнѣнно, принадлежитъ и метафизическій (или лучше теологическій) взглядъ на „внутренняго“ челоѣка, который есть все, и „внѣшняго“, который есть лишь „оболочка“. Самъ г. Бердяевъ, благодаря своему благородству, можетъ быть, и остается свободенъ отъ вреднаго дѣйствія такого мировоззрѣнія. Но въ мірѣ „идеальныхъ порывовъ личности“ есть своя логика, законы которой въ извѣстномъ смыслѣ столь же могущественны, какъ и законы „внѣшняго“ міра. Мировоззрѣніе г. Бердяева должно рано или поздно приводить къ вреднымъ, ослабляющимъ практическую энергію, результатамъ, и если г. Бердяевъ самъ лично останется невредимымъ, то оно, это мировоззрѣніе, проявитъ свое печальное дѣйствіе на его адептахъ. Вспомните хотя бы г. Булгакова, котораго внутренніе законы логики привели къ славянофильствующему мистицизму. И пусть примѣръ этого, во всякомъ случаѣ не совершенно зауряднаго челоѣка предостережетъ отъ увлеченія метафизическою мыслью тѣхъ, кто намѣренъ энергично дѣйствовать во имя общественнаго прогресса. Повѣрьте, на очереди у насъ стоитъ столько живыхъ и неотложныхъ вопросовъ, что этого социальнаго идеализма, отдѣляющагося отъ нихъ, совершенно достаточно, чтобы не прибѣгать къ наркозамъ метафизическаго идеализма.

И, далѣе, точно ли такъ уже безупречны практическіе выводы, которые дѣлаетъ изъ своихъ хотя бы и ложныхъ посылокъ г. Бердяевъ? Какъ разъ въ „критикѣ историческаго матеріализма“ обратили на себя мое вниманіе два-три мѣста, показывающія, что и у метафизическаго обоснованія жизненной дѣятельности есть свои логическіе законы. На стр. 19—20 авторъ, критикуя мар-

ксизмъ въ вопросѣ о классовой борьбѣ, упрекаетъ его въ томъ, что онъ „преувеличилъ противоположность классовъ, вырылъ между группами непроходимую пропасть“; и въ противоположность этому утверждаетъ, что „общественное развитіе знаменуетъ собою сближеніе между общественными группами, ослабленіе пропасти“. Намъ нечего останавливаться на томъ, въ какой степени марксизмъ былъ не правъ, видя въ классовой борьбѣ почти исключительно борьбу экономическихъ интересовъ. Выше, стараясь разсматривать доктрину Маркса, какъ наименѣе неудачную гипотезу, мы указали, что понятіе классовой борьбы должно подлежать расширенію; и что какъ экономическія потребности составляютъ—особенно въ извѣстные періоды—если не господствующія, то далеко не исключительныя побужденія, такъ и борьба классовъ должна вестись по всему извилистому фронту различныхъ интересовъ.

Но дѣло не только въ этомъ. Критикуя узкую точку зрѣнія, г. Бердяевъ бросаетъ упрекъ, который относится къ теоріи классовой борьбы, какъ бы широко ни понимали ее. Что значить, что марксизмъ „преувеличилъ антагонизмъ“, „противоположность“ и вырылъ „пропасть“ между группами? Авторъ, вѣроятно, не хочетъ сказать, что марксизмъ искусственно создалъ на практикѣ такую „противоположность“. Ибо такія крупныя вещи искусственно не создаются, и надо стать на точку зрѣнія буржуарнаго Панглосса, чтобы утверждать, будто все было бы къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ, если бы только не нагадили люди, которые искусственно вызвали или, по крайней мѣрѣ, усилили различія между социальными классами.

Авторъ, значить, хочетъ сказать, что марксизмъ преувеличилъ въ теоріи рознь между этими общественными дѣленіями, что пропасть эта на самомъ дѣлѣ не такъ велика и, во всякомъ случаѣ, но мѣрѣ общественнаго развитія уменьшается. Но это положеніе требовалось бы доказать историческими и современными фактами, а не парадоксами (какъ самъ же г. Бердяевъ отчасти чувствуетъ) въ родѣ того, что „сама классовая борьба... возможна, только благодаря ослабленію классовыхъ антагонизмовъ“. Можно утверждать, что низшіе классы не падаютъ абсолютно все ниже и ниже, какъ то часто заявлялось. Но отрицать, что сознаніе небезопасности, неустойчивости положенія и разницы между классами не растетъ среди низшихъ классовъ; равно какъ закрывать глаза на упорность и заостренность борьбы имущихъ противъ неимущихъ, по мѣрѣ того, какъ современный строй продвигаетъ все дальше и дальше свои общественныя посылки,—значить быть лишеннымъ способности наблюденія и чутья дѣйствительности.

Вспомните, что въ тотъ самый моментъ, какъ Бернштейнъ развиваетъ свою теорію сотрудничества классовъ, почти всѣ фракціи нѣмецкой буржуазіи соединяются противъ партіи труда, какъ

то доказала особенно перебаллотировка на послѣднихъ выборахъ въ парламентъ и какъ то доказываютъ выборы въ прусскій ландтагъ. Не забудьте, что въ этотъ самый моментъ и въ Англіи наиболѣе передовая либеральная буржуазія, которая кокентничала съ представителями труда во время бурской войны, теперь готова допустить выборъ консерваторовъ, лишь бы не проводить рабочихъ депутатовъ въ парламентъ.

Даже тамъ, гдѣ г. Бердяевъ говоритъ какъ будто хорошія вещи, которыя отрицались марксистами въ періодъ идейнаго гипноза, онъ говоритъ ихъ въ такой формѣ, въ такой связи съ общими своими послылками, что эти взгляды становятся сомнительными. Такъ, напр., было время, когда марксисты фыркали на интеллигенцію (съ тѣхъ поръ они многое забыли въ этомъ отношеніи и кой-чему научились). Г. Бердяевъ хочетъ реабилитировать интеллигенцію, какъ группу, стоящую внѣ классовъ, борющихся за свои интересы:

Носителемъ и творцомъ политической идеологіи является между-классовая или, вѣрнѣе, сверхклассовая интеллигенція, т. е. та часть человѣчества, въ которой идеальная сторона человѣческаго духа побѣдила групповую ограниченность. Интеллигентъ не имѣетъ непосредственной связи съ той или иной экономической группой, это человѣкъ съ наибольшей внутренней свободой, онъ живетъ прежде всего интересами разума, интеллекта, духовный голодъ есть его преобладающая страсть (стр. 28).

Если оставить всѣ эти „стороны духа“ и „внутреннія свободы“, составляющія обыкновенную фразеологію теолого-метафизиковъ, то выходитъ съ нашей точки зрѣнія даже какъ будто совсѣмъ хорошо. Въ приведенной цитатѣ мысли автора напоминаютъ не только то, что говорилось нами раньше объ усиливающемся вліяніи безкорыстныхъ убѣжденій накануне скачка человѣчества изъ „міра необходимости“ въ „міръ свободы“. Онѣ, эти мысли, напоминаютъ еще хорошія и многимъ памятные слова, сказанныя болѣе 20 лѣтъ тому назадъ „Отечественными Записками“ и вызвавшія цѣлую литературу полемики. Помните: „мы—интеллигенція, потому что мы многое знаемъ, обо многомъ размышляли... Слѣпымъ историческимъ процессомъ мы оторваны отъ народа, мы—чужіе ему, какъ и всѣ такъ называемые цивилизованные люди, но мы не враги его, ибо сердце и разумъ нашъ съ нимъ“.

Итакъ вотъ: диенамбъ г. Бердяева въ честь интеллигенціи какъ будто напоминаетъ слова публициста, выражавшаго въ трудныя минуты историческую роль русской интеллигенціи; а между тѣмъ, тожъ да не тожъ и даже далеко не тожъ. Вѣрный своему взгляду на ослабленіе классовой борьбы и сотрудничество классовъ, г. Бердяевъ выводитъ и свою внѣклассовую интеллигенцію изъ этого якобы происходящаго въ дѣйствительности притупленія противорѣчій. Но смѣю увѣрить, роль интеллигенціи, какъ ее понимали „Отечествен-

ныя Записки“, отнюдь не заключалась въ этомъ смазываніи противоположнаго и примиреніи непримиримаго. Если вы отбросите мелочи, характеризовавшія эпоху, и вдвинете *profession de foi* публициста въ историческую перспективу, то вы увидите, что эта интеллигенція была идейною выразительницею „народа“, какъ говорилось тогда, „народа въ смыслѣ не націи, а совокупности трудящагося люда“, народа, какъ трудящагося класса, противопоставленнаго другому враждебному классу, классу, питающемуся чужимъ трудомъ народа и заключающему въ себѣ „ядро нашей буржуазіи“, „Колупаевыхъ и Разуваевыхъ“, которые могли по народному одѣваться, но не переставали быть злѣйшими врагами народа.

Что же,—эта интеллигенція ставила себѣ задачею притуплять противоположность между „нашей буржуазіей“ и „народомъ“? Или она проявляла свой виѣклассовой характеръ въ томъ, что хотѣла служить немножко интересамъ „Колупаевыхъ и Разуваевыхъ“ и немножко интересамъ „трудящагося люда“? Нисколько! Она поддерживала исключительно интересы народа и во имя этихъ интересовъ, которые, по ея мнѣнію, совпадали съ ея идеаломъ справедливости, она объявляла непримиримую борьбу врагамъ народа. Можно, конечно, привязываться къ терминологіи, исторически сложившейся у насъ двадцать лѣтъ тому назадъ и нѣсколько непохожей — своими оттѣнками — на современную терминологію. Можно съ развязностью догматика-геллертера упрекать „Отечественныя Записки“ заднимъ числомъ, отчего онѣ уже тогда не служили интересамъ трудящихся такъ, какъ могли бы служить сейчасъ, при сильно измѣнившихся общественныхъ условіяхъ. Но чего нельзя, такъ это истолковывать роль тогдашней интеллигенціи, какъ пропаганду „сотрудничества классовъ“. А потому нельзя и въ хорошихъ, *по-видимому*, словахъ г. Бердяева насчетъ виѣклассовой интеллигенціи видѣть тотъ смыслъ, который заключался въ *дѣйствительно* хорошихъ словахъ „Отечественныхъ Записокъ“. И я прошу своихъ идейныхъ товарищей, воспитывавшихся на понятіяхъ „народа“ и „трудящагося люда“, не обольщать себя иллюзіями, будто „критики“, признавшіе значеніе интеллигенціи, такъ же представляютъ себѣ ея историческую миссію, какъ представляли ее себѣ мы.

Начатые г. І. Давыдовымъ въ октябрьской книжкѣ „Образованія“ этюды о „Соціологическихъ основахъ историческаго матеріализма“,—объ этой статьѣ намъ еще придется говорить,—производятъ болѣе пріятное, болѣе свѣтское впечатлѣніе, чѣмъ „вдохновенныя“ писанія г. Бердяева. И это понятно: г. Бердяевъ уже вошелъ въ градъ Кукушинскъ, что на облакахъ,—г. Давыдовъ только взыскуетъ этого града; г. Бердяевъ обладаетъ вѣч-

ной истиной и успокоился,—г. Давыдовъ лишь стремится къ ней и исполненъ безпокойства. Его исканія обнаруживаютъ даже порою серьезное стремленіе самостоятельно отнестись къ вопросу, и намъ приходится лишь пожалѣть, что, по теперешнимъ метафизическимъ временамъ, и г. Давыдова коснулось желаніе проникать „по ту сторону“ доступнаго намъ міра.

Я оставляю въ сторонѣ первую часть статьи г. Давыдова, въ которой авторъ пытается анализировать нѣкоторыя основныя понятія марксизма: „производственные отношенія“, „матеріальныя производственные силы“, „правовую и юридическую надстройку“. Г. Давыдовъ тоже принадлежитъ къ числу „критиковъ“, но тоже ведетъ эту критику на почвѣ метафизической игры въ абстрактныя понятія. Онъ съ самаго же начала упрекаетъ ученіе Маркса въ „позитивизмъ“ и „реалистическомъ духѣ“, упрекаетъ, конечно, какъ и полагается современнымъ критикамъ марксизма, вышедшимъ изъ этого же лагеря, на половину: тутъ, молъ, есть и сильныя, и слабыя стороны. Онъ противопоставляетъ „простымъ архитектурнымъ сравненіямъ“ Маркса (напр., почвы, надстройки и т. д.) свой „гносеологическій анализъ“ и „строго-логическую отчетливость абстрактныхъ понятій“. Къ сожалѣнію, эта часть, которая могла бы быть дѣйствительно интересной, испорчена излишними чисто-формальными расчлененіями анализируемыхъ положеній, а въ то же время останавливаетъ анализъ на самомъ порогѣ нѣкоторыхъ очень существенныхъ вопросовъ. Такъ, напр., г. Давыдовъ слишкомъ легко (стр. 31) отдѣлался нѣсколькими строками отъ анализа „техники производства“ и „производственного отношенія“, съ одной стороны, полагая, что это простая тавтологія, что и тотъ, и другой терминъ выражаютъ одну и ту же вещь; а съ другой, въ силу этого ошибочнаго мнѣнія, отказавшись отъ обсужденія дѣйствительно интересной задачи: въ какой степени именно между „техникой производства“, т. е. большими или меньшими размѣрами орудій, болѣе индивидуальнымъ или болѣе коллективнымъ характеромъ пользованія ими, и между „производственными отношеніями“, т. е. группировкой людей въ процессъ труда, можно установить извѣстную причинную зависимость.

Меня гораздо болѣе заинтересовали соображенія автора во второй части его статьи, когда онъ пытается установить предметъ социологіи и, находя его въ „обществѣ“, анализируетъ это понятіе. И опять таки и здѣсь метафизическія вѣянія не прошли даромъ для г. Давыдова: онъ оказался органистомъ (или, если хотите, органицистомъ, чтобъ не обидѣть почтенную профессію шарманщиковъ), но органистомъ идеалистическаго типа. А именно онъ проводитъ аналогію не между тѣлеснымъ и общественнымъ организмомъ, а между индивидуальной „душой“ и „душой общественной“. Какъ, молъ, наше „я“ складывается изъ

различныхъ душевныхъ элементовъ, такъ и общественная душа слагается изъ индивидуальныхъ душъ, слагается такимъ образомъ, что возникаетъ не простая суммирование отдѣльныхъ сознаний и даже не ихъ взаимодействие, а нѣчто особое, сверхъ-индивидуальное. Авторъ приходитъ къ

необходимости допустить существованіе реальностей надъ или сверхъ-индивидуальныхъ; реальности эти мыслимы лишь какъ единства, какъ образованія психическаго характера... Среди этихъ реальностей особенно выдѣляется, по своему значенію, одна, которая обладаетъ наиболѣе общимъ характеромъ и служитъ источникомъ и вдохновителемъ всей жизни и дѣятельности людей: это—та сверхъ-индивидуальная реальность, которую мы называли «общественной душой», и которая обыкновенно носитъ названіе общественной жизни, общественныхъ отношеній (стр. 46)

И далѣе:

общественно-цѣлое, общественная душа не есть нѣчто субъективно-произвольно сконструированное; въ предѣлахъ того многообразнаго сложнаго, которое именуется общественными явленіями, общественными отношеніями, существуетъ между послѣдними не подлежащая никакому сомнѣнію опредѣленная функциональная, динамическая связь, которая и *принуждаетъ* наше сознание сочетать все это многообразие въ единство, обладающее всѣми признаками дѣйствительности, реальности. Все это склонено упускать изъ виду индивидуализмъ, который, обыкновенно, безапелляціонно заявляетъ, что единственною реальностью въ мірѣ человѣческихъ отношеній является отдѣльный человекъ, индивидуумъ. Индивидуализмъ утверждаетъ абсолютную неразложимость личности. Но понятіе и т. д... (стр. 4)

Слѣдуетъ далѣе критика „понятія неразложимости“, выдвигаемаго „индивидуализмомъ“. Но индивидуализмъ индивидуализму рознь. Наиболѣе сильные умы успѣли разложить именно „личность“, „я“ и „душу“ на рядъ взаимодействующихъ элементовъ, которые объединяются—что, впрочемъ, простая тавтологія—лишь фактомъ сознанія, къ каковому мы и апеллируемъ въ практической жизни. Вспомните гениальнаго Юма, который, начиная съ ироніи надъ метафизическими философами, поднимается до безпощаднаго анализа всѣхъ этихъ духовныхъ сущностей, выдвигаемыхъ ими:

Онъ (такой метафизикъ), можетъ быть, въ состояніи воспринимать нѣчто простое и дѣющееся (continued) въ томъ, что онъ называетъ *собою*, хотя я-то увѣренъ, что во мнѣ такого начала нѣтъ. Но, оставляя въ сторонѣ нѣсколькихъ метафизиковъ такого рода, я осмѣливаюсь утверждать объ остальномъ человѣчествѣ, что люди суть не что иное, какъ пучокъ или собраніе (bundle or collection) различныхъ воспріятій, которыя слѣдуютъ одно за другимъ съ непредставимой быстротой и находятся въ непрерывномъ потокѣ и движеніи... Духъ есть родъ театра, на которомъ отдѣльныя воспріятія послѣдовательно появляются, проходятъ, снова проходятъ, удаляются, скользя (glide away), и смѣшиваются въ безконечномъ разнообразіи позъ и положеній. Собственно говоря, въ немъ нѣтъ ни *простоты* въ одно время, ни *тождественности* въ различныя времена, какова бы ни была наша естественная склонность воображать эту простоту и эту тождественность (*Treatise of human nature*).

Или вотъ еще энергичныя строки Тэна, вдохновеннаго, какъ мнѣ кажется, въ этомъ мѣстѣ непосредственно Юмъ:

Оставляя эту (обыкновенную) точку зрѣнія, замѣчаешь, что во мнѣ нѣтъ ничего реальнаго, кромѣ вереницы событій; что эти событія различнаго характера по существу, одни и тѣ же и всѣ сводятся къ ощущенію; что само ощущеніе, рассматриваемое извнѣ и тѣмъ косвеннымъ путемъ (*par se mouen indirect*), который называется внѣшнимъ воспріятіемъ, сводится къ группѣ молекулярныхъ движеній. Потокъ и пучокъ ощущений и импульсовъ, которые, рассматриваясь съ другого конца, являются потокомъ и пучкомъ нервныхъ колебаній, вотъ что духъ (или умъ: *esprit* аналогично *mind* Юма, которое тоже можно переводить духъ или умъ. В. П.). Этотъ безконечно разнообразный и сложный фейерверкъ поднимается и безпрестанно возобновляется цѣлыми мірадами ракетъ; но мы замѣчаемъ лишь его вершину. Внизу и рядомъ съ идеями, образами, ощущеніями, яркими импульсами, о которыхъ у насъ есть сознаніе, существуютъ еще цѣлыя мірады и миллионы, которые вспыхиваютъ и группируются въ насъ, не доходя до нашихъ взглядовъ такъ что наибольшая часть насъ самихъ остается внѣ нашей сферы (слабый и неудачный переводъ французскаго *hors de nos prises*), и что видимое «я» несравненно меньше «я» темнаго, и т. д. (*De l'intelligence*).

И такъ вотъ: враги метафизики расчленили нашего духовнаго индивидуума на части, и вмѣсто цѣлостнаго „я“ оказался потокъ и пучокъ ощущений, мыслей, чувствъ и т. д. И это расчлененіе происходитъ въ болѣзненной формѣ и на практикѣ, когда въ „душѣ“ отдѣльной личности начинаютъ жить нѣсколько „я“. Но въ обыденной жизни наше „я“ есть необходимая форма сознанія, и изъ него исходитъ практически и наше личное, и коллективное существованіе,—не болѣе того.

Что же, спрашивается, можетъ означать психологическая аналогія между личностью и обществомъ и признаніе душъ за обоими, разъ цѣлостность нашего духовнаго индивидуума есть не больше, какъ констатированіе извѣстнаго типа или, если хотите, тембра нашего *сознанія*, тогда какъ въ обществѣ мы не видимъ этого коллективнаго сознанія, а лишь совокупность и взаимодействіе сознательныхъ личностей. Наше личное сознаніе „я“ дается намъ—говорю о взрослой и нормальной особи—непосредственно, и надобенъ логическій и психологическій анализъ, чтобы расчленить его на части, какъ это сдѣлалъ безсмертный Юмъ. Но коллективное сознаніе, но общественная душа не дается намъ непосредственно; и надобна, наоборотъ, работа синтеза и—почему бы не сказать этого прямо?—фантазія, чтобы получить философскаго *homunculus'a*, именуемаго „общественной душой“.

Вы можете, разумѣется, строить аналогіи между біологическимъ и соціологическимъ организмами. Но не забывайте основной и существенной разницы между ними: особь слагается изъ біологическихъ клѣтокъ, сознаніе которыхъ уснуло (я оставляю вопросъ о генезисѣ организмовъ въ сторонѣ) въ пользу цѣлаго; общество слагается изъ личностей, которыя сознательно стремятся къ солидарности цѣлаго, обладающаго, наоборотъ, созна-

нієм лиш метафорически. Ибо все, что мы видимъ въ обществѣ, это ряды взаимодействій сознательныхъ индивидуумовъ, которые вырабатываютъ общіе (т. е. въ сущности сходные) инстинкты, чувства, идеи, интересы, убѣжденія, словомъ все, носящее названіе солидарности, явленія которой и изучаются въ социологіи.

Вы можете анализировать и синтезировать, сколько вамъ угодно, понятіе о человѣческомъ обществѣ: если вы не хотите метафоры и красиваго образа, то общества, какъ „сверхъ-индивидуальной реальности“, вы не найдете. Живые люди, различно реагирующие на вѣшнюю среду и другъ на друга, вотъ суть социологическихъ явленій; и за нею вы не встрѣтитесь ни съ какимъ алхимическимъ остаткомъ, ни съ какимъ мистическимъ residum. Если, напр., Контъ говоритъ, что чѣмъ дальше развивается общественный организмъ, тѣмъ больше растетъ роль мертвыхъ въ управленіи живыми, то это значитъ,—и иначе нельзя истолковывать Конта,—что у существующихъ въ данный моментъ людей получились извѣстные аффективные и нравственные, вообще говоря, психологическіе навыки, которые приобрѣтены въ теченіе исторіи при помощи біологическаго и идейнаго наслѣдованія отъ предковъ совокупностью отдѣльныхъ живыхъ людей, извѣстнымъ образомъ вліяющихъ на нервно-мозговые процессы другъ-друга. Или если иные социологи говорятъ о человѣческихъ „учрежденіяхъ“, какъ объ объективныхъ проявленіяхъ, такъ сказать кристаллизаціяхъ коллективнаго сознанія общества, то опять-таки всѣ эти учрежденія означаютъ ни много ни мало, какъ обычные приемы сходнаго реагирования нервно-мозговой системы у различныхъ живыхъ индивидуумовъ. Экономическія, юридическія, политическія отношенія представляютъ собою ни больше ни меньше, какъ формы взаимодействия и координаціи отдѣльныхъ живыхъ личностей, которыя приспосаблиются къ извѣстному складу обычныхъ реакцій окружающихъ ихъ опять-таки живыхъ личностей.

Законъ, капиталъ, религія, право и прочія „историческія категоріи“ на самомъ-то дѣлѣ являются обычными, привычными формами реагирования судьи и подсудимаго, владѣльца средствъ производства и рабочаго, жреца и вѣрующаго и т. д. Живые люди въ теченіе извѣстнаго времени реагировали извѣстнымъ образомъ другъ на друга и въ этихъ различныхъ столкновеніяхъ выработали нѣкоторые сходные приемы этого реагирования. Они сошли затѣмъ со сцены и уступили мѣсто другому поколѣнію живыхъ людей, которые будутъ взаимодействовать другъ на друга отчасти сходно съ обычнымъ типомъ реагирования предковъ, отчасти несходно. И вотъ изъ новыхъ нервно-мозговыхъ навыковъ выработается новая координація, и старая „историческая категорія“ смѣнится новой.

Г. Давыдовъ полемизируетъ въ одномъ мѣстѣ съ правовѣрными марксистами и изобличаетъ ихъ въ непоследовательности, говоря, что они допускаютъ классовое самосознаніе, но не допускаютъ общественнаго. Это, конечно, ихъ дѣло, дѣло такихъ марксистовъ. Но въ сущности развѣ нельзя обосновать „классового самосознанія“, столь же мало прибѣгая здѣсь къ построенію несуществующей реальности, какъ и въ любомъ другомъ случаѣ анализа общественныхъ отношеній. Что значить „классовое самосознаніе“? Метафорическое выраженіе, служащее для обозначенія того психическаго явленія, что живые люди, дѣйствующие при извѣстныхъ сходныхъ условіяхъ, и реагируютъ сходно на извѣстные явленія, а потому и болѣе солидарно идутъ къ одной общей (т. е. болѣе или менѣе сходно сознаваемой каждымъ) цѣли. Изъ взаимодействія отдѣльныхъ стремленій вырабатывается такая форма ихъ координаціи, что каждый индивидуумъ пригибаетъ свою дѣятельность къ обычной, т. е. наиболѣе распространенной въ его „классѣ“ нормѣ дѣйствій. Ни болѣе, ни менѣе. Говоря о своей гипотезѣ „сознанія принадлежности къ роду“ или „родового сознанія“, Гиддингсъ даетъ намъ хорошую иллюстрацію для только что отмѣченнаго процесса:

Родовое сознаніе вмѣшивается въ дѣйствительной жизни въ теоретически чистое дѣйствіе (perfect operation) экономическихъ, политическихъ и религіозныхъ мотивовъ. Рабочій, который, преслѣдуя свой экономическій интересъ, желаетъ получить возможно лучшую плату, скорѣе присоединится къ стачкѣ, которую даже не понимаетъ или не одобряетъ, чѣмъ отрѣжетъ себя отъ товарищей, чтобъ стать измѣнникомъ среди измѣнниковъ (scab among scabs).

Намъ дѣла нѣтъ до нѣкоторыхъ недоумѣній, возбуждаемыхъ теоретическою стороною этихъ разсужденій. Важенъ тотъ фактъ, выдвигаемый авторомъ, что человѣкъ подчиняется общему ходу дѣйствій группы. Но что это значить? Что онъ реагируетъ на обычный типъ сходной дѣятельности своихъ сотоварищей, приспособляя и свои поступки къ этой координаціи дѣйствій каждой отдѣльной личности и всѣхъ вмѣстѣ. Но такъ какъ именно каждый поступаетъ въ среднемъ такъ же, то вотъ вамъ и „классъ“, вотъ вамъ и „классовое самосознаніе“, хотя и этого класса, и этого самосознанія, конечно, нигдѣ нѣтъ, помимо живыхъ и отдѣльныхъ личностей. Пора перестать быть средневѣковыми „реалистами“!..

Я прерываю пока на этомъ разборъ статьи г. Давыдова, носящей на себѣ отпечатокъ общихъ метафизическихъ вѣяній эпохи, тоже, кстати сказать, не существующихъ внѣ живыхъ (*lucis a non lucendo*) личностей нашихъ метафизиковъ, выработывавшихся при неблагоприятныхъ условіяхъ. Я вижу, однако, сравнительно свѣтлую точку на общемъ печальномъ фонѣ увлеченія идеалистической философіей. И эта точка, разрастаясь и расширяясь,

можетъ быть тѣмъ штандпунктомъ, ставъ на который, философствующая часть нашей интеллигенціи придетъ къ болѣе трезвому мировоззрѣнію. Я говорю объ „эмпирио-критицизмѣ“ Авенаріуса, интересъ къ которому замѣтно растетъ въ нѣкоторыхъ интеллигентныхъ слояхъ, что отчасти доказывается рядомъ статей, посвященныхъ въ послѣднее время этому здоровому направленію, которое возвращается не къ Канту—во всякомъ случаѣ не къ Канту „Практическаго разума“, а, по моему мнѣнію, къ Юму. И мнѣ хотѣлось бы поговорить съ читателемъ хотя бы насчетъ двухъ статей, посвященныхъ этому вопросу въ лѣтнихъ книжкахъ „Русской Мысли“: „Предпосылокъ эмпириокритицизма въ критикѣ В. Вундта“ г. С. Каблешкова (іюль) и „Къ вопросу о познаніи“ г. А. Луначарскаго (августъ). Но объ этомъ слѣдующій разъ.

Недовольный моими замѣчаніями насчетъ статьи о психологіи авторитарнаго міра, авторъ ея (статьи, а не психологіи, а, впрочемъ, пожалуй, и обѣихъ), г. Богдановъ счелъ должнымъ направить въ редакцію „Образованія“ „Нѣсколько словъ“, каковыя и напечатаны въ октябрьской книжкѣ журнала. Цѣль сихъ словъ показать, что „критическія замѣчанія г. Подарскаго не имѣютъ отношенія къ дѣлу“ и заподозрить меня въ какихъ-то „неизвѣстныхъ причинахъ“, которыя будто только и заставили меня занести святотатственную руку критики на произведеніе г. Богданова. Я сначала колебался, стоитъ ли обращать вниманіе на „слова“, гораздо болѣе имѣющія отношеніе къ психологіи г. Богданова, чѣмъ къ психологіи первобытнаго міра. А потомъ рѣшилъ отвѣтить, но отвѣтить краткимъ „апологомъ“, какъ говорили въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка.

Итакъ, былъ однажды судья, который плохо видѣлъ; приходитъ красильщикъ, который долженъ былъ принести присягу. Красильщикъ поднимаетъ голубую руку. Тогда судья кричитъ: „Что за безуміе! кто клянется въ перчаткѣ? долой перчатку!“—„Нѣтъ,—воскликнулъ въ свою очередь красильщикъ,—долой съ носа очки!“ Вотъ именно:

Wer schwört im Handschuh? Handschuh aus!
Nein, ruft der Färber, Brill'heraus!.

Апологъ не мой, а Лессинга; красильщикъ это я, поднявшій руку критики на „психологію“ г. Богданова; а строгій судья въ очкахъ это г. Богдановъ, увѣряющій, что это-то не критика, и что дерзкая рука голубая. „Долой съ носа очки!“—единственно, что могу воскликнуть я, надѣясь, что настоящимъ судьей и авторомъ, и критикомъ является публика, каковой и передаю нашу великую тяжбу съ г. Богдановымъ. Ей судить, къ дѣлу или не къ дѣлу относились мои замѣчанія. Пока все...

В. Г. Подарскій.

П о л и т и к а.

Дѣла Дальняго Востока.—Еще къ еврейскому вопросу.

I.

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ весь міръ съ напряженнымъ интересомъ слѣдитъ за развитіемъ событій на Дальнемъ Востокѣ. Ожидается война между Японіей и Россіей. Кризисъ то обостряется, то снова какъ будто успокаивается и слабѣетъ, чтобы черезъ нѣкоторое время снова усилиться, снова тревожить и волновать міръ... Изъ-за чего же эти волненія и тревоги, которыя сами по себѣ и безъ войны отражаются самымъ пагубнымъ образомъ и на экономическомъ положеніи обѣихъ странъ, и на ихъ финансахъ, и на интересахъ многихъ другихъ націй? Изъ за чего-же?

Точный отвѣтъ на этотъ вопросъ, по странному сплетенію обстоятельствъ, неизвѣстенъ. Ни точка зрѣнія русской дипломатіи, ни намѣренія Японіи нигдѣ официально не заявлены, и для пониманія положенія столь важныхъ дѣлъ остаются преимущественно гипотезы, между которыми такъ много сенсационныхъ измышленій, что пользоваться газетнымъ матеріаломъ почти невозможно. Это обстоятельство и было причиною, что мы все откладывали бесѣду объ этихъ дѣлахъ, не смотря на ихъ первостепенную важность. Компетентныхъ сообщеній мы не дождались и до сихъ поръ, но дальше откладывать обсужденіе опаснаго положенія дѣлъ на Дальномъ Востокѣ значило бы обходить молчаніемъ самый важный политическій вопросъ современной минуты. Остается, слѣдовательно, оставивъ въ сторонѣ неизвѣстныя намъ планы Россіи и Японіи, изложить фактическое положеніе дѣлъ и уже совершившіяся событія, указать соотношеніе силъ и возможные шансы, наконецъ, найти аріаднину нить для обозрѣнія этого лабиринта и опредѣленія правомѣрныхъ интересовъ и цѣлесообразныхъ средствъ. Такое обозрѣніе и безъ знанія дипломатическихъ секретовъ не будетъ бесполезно и бесплодно.

Начнемъ съ военнаго положенія. На первый взглядъ война между Россіей и Японіей кажется какою то несообразностью. Сравнимъ силы:

	Россія.	Японія.
Батальоновъ	1600	156
Эскадроновъ	1250	51
Батарей	680	114
Орудій	5300	684

Комбатантовъ же, по штатамъ военнаго времени, Россія представляетъ $3\frac{1}{2}$ милліона, а Японія около 400 тыс.: столкновение льва съ шакаломъ! Несообразность эта, однако, замѣчается лишь при поверхностномъ взглядѣ: Россія не можетъ направить на Дальній Востокъ, не говоря даже о *всѣхъ* ея силахъ, но даже значительную ихъ часть. Этимъ будетъ нарушено политическое равновѣсіе Европы и могутъ пострадать самые существенные интересы самой Россіи и ея европейскихъ друзей и союзниковъ. Наконецъ, ни перевезти, ни прокормить тамъ милліонную армію невозможно. Надо считаться съ возможностью и съ дѣйствительностью, а эта дѣйствительность покуда выражается въ цифрѣ 180 тыс. комбатантовъ, до каковаго числа, повидимому, уже достигла русская восточно-азиатская армія... Эта очень крупная сила для того края и обходится она Россіи въ огромную цѣну. Чтобы ее удвоить только, нужны и большой срокъ, и непомерные расходы, а удвоеніе все-таки даетъ только 360 тыс. противъ 400 тыс. японцевъ, не считая китайцевъ и корейцевъ, которые, повидимому, склонны принять участіе въ столкновении на сторонѣ японцевъ... Какъ бы ни цѣнили высоко боевыя качества и боевую опытность русской арміи, нельзя говорить о перевѣсѣ русскихъ силъ и при томъ послѣ маловероятнаго и маловозможнаго удвоенія этихъ силъ. Теперь же явный перевѣсъ даже сухопутныхъ силъ на сторонѣ противниковъ Россіи. Остановимся на морскихъ силахъ, которыя призваны будутъ сыграть едва ли не главную роль въ случаѣ вооруженнаго столкновения между Россіей и Японіей.

Еще лѣтъ десять тому назадъ Японія была *quantité negligible* въ морской войнѣ съ великою европейскою державою: 3 броненосныхъ крейсера и 1 броненосецъ береговой обороны, этимъ почти исчерпывались суда современнаго типа. Россія тогда содержала въ Тихомъ Океанѣ 6 броненосныхъ крейсеровъ I ранга, что совершенно подавляло японскія силы. Впрочемъ, и сопоставлять ихъ никто не сопоставлялъ, потому что Японія была другомъ русскихъ, и о войнѣ между этими державами никто и не помышлялъ. Съ тѣхъ поръ положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось. О русско-японской войнѣ всѣ помышляютъ, а флотъ Японіи выросъ въ грозную силу.

Изъ телеграммъ извѣстно, что адмиралу Алексѣеву удалось собрать морскую силу въ 105 вымпеловъ, но дѣло не въ числѣ, а въ качествѣ. Теперь принято одѣнывать упрощеннымъ способомъ по числу и достоинству броненосцевъ эскадреннаго боя, соответствующихъ прежнимъ линейнымъ караблямъ. Такихъ судовъ въ составѣ русскихъ тихо-океанскихъ эскадръ въ настоящее время семь, именно:

	Водоизмѣ- щеніе.	Орудія.	Численность экипажей.
Полтава	10000	40	632
Петропавловскъ	10000	40	632
Севастополь	10000	40	632
Пересвѣтъ	12700	44	752
Ретвизанъ	9000	36	207
Цесаревичъ	9000	36	207
Побѣда	10000	40	632
Итого	70700	276	3694

Противъ этого японцы имѣютъ семь броненосцевъ эскадреннаго боя съ водоизмѣщеніемъ въ 92.400 тоннъ, 302 орудіями о 4.820 комбатантами. Приблизительно такой же перевѣсъ при сравненіи крейсеровъ I ранга и гораздо болѣе значительный для судовъ II и III ранга. Конечно, если бы Россія двинула въ Тихій океанъ весь свой флотъ, то перевѣсъ перешелъ бы на ея сторону, но это такъ же невозможно, какъ и двинуть туда всю армію. Значительная часть флота заперта въ Черномъ морѣ (восемь броненосцевъ эскадреннаго боя), другая часть не можетъ оставить Средиземное море въ виду постоянно угрожающаго положенія на турецкомъ Востокѣ, третья часть только что вернулась съ Дальняго Востока и нуждается въ реставраціи и ремонтѣ; нельзя оставить безъ всякой защиты и Балтійское море. Что можно выслать въ Тихій океанъ, все выслано или высылается: въ пути туда два броненосца эскадреннаго боя („Ослябя“ и „Александръ III“, но оба еще въ Средиземномъ морѣ), два крейсера I ранга и нѣсколько мореходныхъ миноносцевъ. По прибытіи этихъ судовъ на мѣсто назначенія, силы I ранга приблизительно уравниваются, но въ остальномъ останется перевѣсъ на сторонѣ Японіи, къ которой присоединится еще и китайскій флотъ.

Такимъ образомъ, въ морской войнѣ только военный геній, счастливая случайность или значительная отсрочка могутъ дать шансы русской сторонѣ, а неудача Россіи на морѣ дѣлаетъ Японію неуязвимою и открываетъ японцамъ возможность свободного выбора любого плана нападенія, заставляя русскихъ растягивать и разбрасывать силы на огромное пространство, что въ сущности подготавливаетъ неудачу и на сушѣ. Конечно, если бы война затянулась надолго и не осложнялась бы никакими европейскими дѣлами, Россія должна одолѣть Японію, но въ настоящее время японцы имѣютъ большіе шансы на успѣхъ. Это обстоятельство не можетъ не побуждать Россію къ большей осторожности, тогда какъ перспектива будущаго должна бы охлаждать пылъ японцевъ. Въ этомъ двойномъ предостереженіи по адресу обоихъ противниковъ, исторія какъ бы уравниваетъ шансы и открываетъ перспективы для мирнаго разрѣшенія спорныхъ вопросовъ.

II.

Изъ этого краткаго обзора современнаго соотношенія силъ и шансовъ читатели могутъ заключить, что русско-японская война могла бы быть оправдана и для Россіи, и для Японіи лишь въ случаѣ опасности жизненнымъ интересамъ которой либо изъ сторонъ. Поэтому, прежде всего необходимо, чтобы каждая сторона уяснила себѣ свои дѣйствительно серьезные интересы и ограничилась бы защитой только ихъ, а съ другой стороны, что бы такъ же выяснила бы себѣ и серьезные интересы другой стороны и не угрожала бы имъ. Постараемся, хотя бы отчасти, подойти къ этимъ вопросамъ, поскольку то позволять не всегда точныя и полныя данныя, сюда относящіяся.

Итакъ, каковы наши жизненные интересы на Тихомъ океанѣ? Можно ихъ формулировать коротко и ясно въ трехъ пунктахъ:

Мѣсто для колонизаціи.

Удобный выходъ къ морю.

Обезпеченіе великаго трансъазіятскаго пути, нами выстроеннаго.

Это три кардинальныхъ интереса Россіи въ тѣхъ краяхъ. Какъ ихъ дополненіе, естественно отъ нихъ вытекающее, но самостоятельное значеніе имѣющее не первоклассное: удобства обороны трехъ кардинальныхъ интересовъ и безопасное пользованіе сѣтью рѣчныхъ путей, пересѣкаемыхъ великою сибирскою магистралью.

Если взглянуть на карту той страны, въ которой находятся вышеупомянутые русскіе интересы, то увидимъ, что она распадается на три естественныя области, очень рѣзко отличающіяся другъ отъ друга по своимъ физическимъ качествамъ, по населенности, по культурѣ и по своему значенію для русскихъ интересовъ. Бассейнъ Амура, бассейнъ рѣки Ляо-хэ съ его продолженіемъ въ видѣ Ляо-дунскаго (Квантунскаго) полуострова и Корея,—таковы эти три части того Дальняго Востока, изъ-за устройства котораго нынѣ спорятъ Россія, Японія и Китай. Корея представляетъ собою полуостровъ, очень гористый, съ суровымъ климатомъ (кромѣ узкаго побережья) и съ населеніемъ, относительно густымъ, именно 40 душъ на кв. километръ. Европейская Россія имѣетъ вдвое менѣе плотное населеніе; въ среднемъ, по переписи 1897 года, приходится на кв. километръ только 19 человѣкъ. При этомъ около 40 на кв. километръ имѣютъ губерніи: Орловская, Тульская, Рязанская, Симбирская, Харьковская, Черниговская, Волынская и т. д., все мѣстности, уже давно высылающія избытокъ своего населенія на малонаселенныя окраины и въ азіатскія владѣнія. Очевидно, если Корея еще и могла бы принять нѣкоторый контингентъ населенія, то городского,

торгово-промышленнаго, техникувъ, разнаго рода инструкторовъ, носителей высшей культуры, а для земледѣльческой колонизаціи Корея непригодна. Корея богата прекраснымъ лѣсомъ, и все заставляетъ думать, что она не бѣдна и полезными ископаемыми. И то, и другое можетъ быть съ выгодною эксплуатируемо иностранными капиталами, но это уже не имѣетъ никакого отношенія къ вышенамѣченнымъ жизненнымъ интересамъ Россіи. Корея не можетъ служить мѣстомъ русской колонизаціи, отъ нея совершенно не зависитъ безопасность сибирской магистрали, она не заграждаетъ намъ выхода къ морю, она не нужна для обороны русскихъ интересовъ, въ нее не входитъ вовсе сѣть водныхъ путей, питающихъ сибирскую желѣзную дорогу. Въ 1899 году изъ 20 тыс. иностранцевъ, проживавшихъ въ Корей, японцевъ было 16¹/₂ тыс., а русскихъ всего 48 человекъ! Словомъ, Корея находится внѣ сферы русскихъ интересовъ и ссориться изъ-за нея съ кѣмъ бы то ни было совершенно не стоитъ.

Вторая изъ вышеназванныхъ областей — бассейнъ Ляо-хе съ Ляодунскимъ полуостровомъ, — заключаетъ въ себѣ Мукденскую провинцію Маньчжуріи и „арендованную“ на 25 лѣтъ у Китая русскими Квантунскую область, всего въ круглыхъ цифрахъ 80 тыс. кв. килом. при 6 милліонахъ жителей, или 75 человекъ на километръ. Въ Россіи такую же приблизительно плотность населенія имѣютъ Царство Польское и губерніи: Кіевская, Московская и Подольская. Очевидно, и эта часть Дальняго Востока для русской колонизаціи совершенно непригодна. Она для нея непригодна или малопригодна и потому еще, что здѣсь культивируются совершенно другія растенія и при совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ въ Россіи.

Въ этой области, однако, арендована часть Ляодунскаго полуострова, черезъ нея въ арендованную территорію проведена желѣзная дорога (вѣтвь магистрали), и здѣсь же создана военная гавань Портъ-Артуръ и коммерческая Дальній. На все это затрачено 300—400 милл. рублей и все это было сдѣлано въ тѣхъ видахъ, что искали „не замерзающаго“ выхода къ морю и думали его найти въ портахъ Квантунской области. Опытъ показалъ, что рейдъ Дальняго не замерзалъ по той же причинѣ, по которой не замерзалъ и рейдъ Либавы, по причинѣ сильнаго морского прибоя. И въ Либавѣ, и въ Дальнемъ гавани стали замерзать, какъ только оградили ихъ отъ прибоя брекватерами. Гавани стали безопасными, но замерзающими, и между выходомъ къ морю во Владивостокъ и въ Дальнемъ разница исчезла. Море и тамъ, и здѣсь не замерзаетъ, а спокойныя и безопасныя гавани замерзаютъ обѣ и обѣ нуждаются въ ледоколѣ, который рѣшаетъ вопросъ категорически, именно благодаря незамерзаемости морей, отвѣтвленіями которыхъ являются эти гавани. Надо замѣтить, что въ непосредственной близости отъ Владивостока

находятся три небольших бухты (Диомидъ, Улиссъ и Патроклъ), замерзающія на меньшій срокъ, чѣмъ бухта Золотой Рогъ Восточный, на которомъ стоитъ Владивостокъ и къ берегу которой проведена желѣзная дорога. Можно провести ее и къ берегамъ сосѣднихъ бухтъ: это какихъ-нибудь десять-двѣнадцать верстъ. То же обстоятельство, что пробѣгъ грузовъ отъ Владивостока въ Сибирь и Европу на 153 версты короче пробѣга грузовъ туда же изъ Дальняго, дѣлаетъ Владивостокъ коммерчески выгоднѣе Дальняго. Мы имѣли выходъ къ морю во Владивостокѣ. Мы его сохраняемъ, и никто и не думаетъ его оспаривать. Этотъ выходъ выгоднѣе выхода черезъ Квантунъ, занятіе котораго надо признать серьезною ошибкою, тѣмъ болѣе серьезною, что именно это занятіе требуетъ безопасности Квантунской вѣтви желѣзной дороги и влечетъ оккупацию густо-населенной Мукденской провинціи, наиболѣе возбуждающую японцевъ и китайцевъ, отчасти европейцевъ и американцевъ.

Здѣсь, въ Мукденѣ усыпальница первыхъ императоровъ нынѣ царствующей китайской династіи Дай-Цинь. Мукденъ—священный городъ, своего рода Мекка китайцевъ, а Мукденская провинція густо населена, какъ мы видѣли, и при томъ китайцами. Немногочисленные маньчжуры и корейцы вполне окитаились. Все это дѣлаетъ утрату этой южной части Маньчжуріи очень чувствительною, отчасти даже унижительною для Китая. Для японцевъ же, а также для всѣхъ европейцевъ и американцевъ эта часть Маньчжуріи до оккупации ея Россіей уже была оккупирована ихъ торговлею и ихъ миссіями, и, слѣдовательно, имъ здѣсь есть что терять. Ими же построена желѣзная дорога изъ Шанхай-Гуаня на границѣ провинціи Печилійской (гдѣ Пекинъ) и Мукденской до Нью-Чжуана, недалеко отъ Мукдена, на р. Ляохэ. Такимъ образомъ, именно оккупация русскими Мукденской провинціи и является узломъ всѣхъ настоящихъ затрудненій и осложненій между Россіей, съ одной стороны, и Японіею и Китаемъ—съ другой, при сочувствіи японцамъ со стороны большинства націй міра. Едва ли не одни только нѣмцы готовы поощрять насъ къ неуступчивости. Ихъ примѣръ захвата Кяо-Чао увлекъ насъ къ занятію Квантуна въ предположеніи найти здѣсь выходъ къ не замерзающему порту.

Выхода мы не нашли, издержали сотни милліоновъ, должны готовиться къ войнѣ и затрачивать новыя и новыя сотни милліоновъ, не видя конца-края разорительныхъ жертвъ, не оправдываемыхъ никакими выгодами. Словомъ, если бы была какая нибудь возможность продать и свою аренду, и свои многомилліонныя сооруженія, это былъ бы лучшій исходъ. Конечно, продать нужно такъ, чтобы эти сооруженія не могли бы быть обращены противъ насъ же самихъ.

Переходимъ къ третьей области, бассейну Амура, раздѣлен-

ному между русскими владѣніями, составляющими пріамурское генераль-губернаторство, и китайскими маньчжурскими провинціями, Цицикарской и Гиринской. Эта сѣверная Маньчжурія занимаетъ $\frac{5}{6}$ всей Маньчжуріи, но населенія включаетъ лишь половину, такъ что на кв. километръ приходится только 15 человѣкъ. По климату, естественнымъ произведеніямъ и и условіямъ культуры она болѣе походитъ на сосѣднія русскія, чѣмъ на сосѣднія китайскія территоріи; ее пересѣкаетъ сибирская магистраль; на ней вѣтвятся рѣки, служащія подвозными путями для этой магистрали. Словомъ, только здѣсь мы находимъ серьезные русскіе интересы, которые только здѣсь и надобно отстаивать, но и здѣсь надобно точнѣе опредѣлить сферу интересовъ, не распространяя ее на мѣстности, мало пригодныя для колонизаціи и не опасныя для сибирской магистрали.

Мы уже сказали, что сѣверная Маньчжурія дѣлится на двѣ провинціи. Изъ нихъ сѣверо-восточная, Цицикарская (или Хей-Лу-Цзянская) занимаетъ 250 тыс. кв. килом., съ населеніемъ около 1 милліона (4 человѣка на кв. килом.),—край, совершенно подобный Забайкалью, съ суровою природою. Населеніе состоитъ изъ монголовъ, дауровъ, солонговъ, манегровъ, гольдовъ, ороحوновъ и небольшого числа маньчжуровъ и китайцевъ (преимущественно въ городахъ). Сибирская магистраль пересѣкаетъ эту провинцію вдоль ея южной и юго-западной границы. Такіе водные пути, какъ Амуръ и Сунгари, составляютъ ея границы. Словомъ, этотъ край, почти ненужный Китаю, необходимъ Россіи послѣ того, какъ была допущена ошибка проведенія сибирской магистрали по китайской территоріи. По счастью, эта территорія для Китая малоцѣнна.

Юго-восточная провинція сѣверной Маньчжуріи, Гиринская, для Китая гораздо цѣннѣе. Здѣсь на 150,000 кв. килом. живетъ пять милліоновъ человѣкъ, при томъ большею частью китайцевъ и маньчжуровъ. Климатъ мягче, а въ южной части, примыкающей къ Муьденской провинціи, условія для китайской колонизаціи, уже и теперь значительной, довольно благопріятны. По счастью, сибирская магистраль пересѣкаетъ эту провинцію въ ея сѣверной части, оставляя большую и лучшую часть въ сторонѣ и отрѣзывая сѣверную часть, около 60—70 тыс. кв. килом., съ населеніемъ тахѣмъ до милліона, отчасти инородческимъ, при плотности 15—16 челов. на кв. килом. Между тѣмъ, плотность населенія южной части Гиринской провинціи превышаетъ 40 челов. на кв. килом. Мы видѣли, что это плотность центральныхъ губерній Европейской Россіи. Итакъ, около 310—320 тыс. кв. килом. территоріи съ сѣверной природою и съ 2 милл. разнороднаго населенія, вотъ что составляетъ сферу русскихъ интересовъ. Эту территорію надо купить у Китая, продавъ аренду Квантуна, желѣзнодорожную вѣтвь отъ Харбина до Дальняго и

Портъ-Артура, портовые сооруженія Дальняго, портовые и крѣпостныя сооруженія Портъ-Артура и всякія другія сооруженія, сдѣланныя нами въ Муьденской провинціи и Квантуанской области.

Если мы сообразимъ, что Китай, продавецъ сѣверной Маньчжуріи, явится покупателемъ аренды и всѣхъ сооруженій, кромѣ желѣзной дороги, то удобство такой взаимности очень облегчило бы сдѣлку, которая укрѣпила бы дружескія отношенія между русскими и китайцами. Что касается квантунской вѣтви желѣзной дороги, то продажа ея какой либо акціонерной компаніи мелкихъ государствъ была бы безопаснымъ исходомъ. Бельгійцы, голландцы, датчане одинаково пригодны для этого. Свобода транзита по дорогѣ и свободное пароходство по верхней Сунгари до Гирина могли бы быть оформлены въ договорѣ съ Китаемъ. Можно бы даже поднять вопросъ о гарантированіи державами нейтрализаціи очищаемой части Маньчжуріи.

Приблизительно къ тѣмъ же выводамъ приходятъ, хотя нѣсколько инымъ путемъ, „Русскія Вѣдомости“ и „Вѣстникъ Европы“. Очевидно, всѣ дороги ведутъ въ Римъ, который заключается въ томъ, чтобы закрѣпить за собою сѣверную Маньчжурію, очистить южную и не вступаться въ Корею. Въ сѣверной Маньчжуріи нѣтъ ни японскихъ интересовъ, ни американскихъ или англійскихъ и очень мало китайскихъ, а обезпеченіе безопасности сибирской магистраліи составляетъ всемірный интересъ, японскій и англійскій въ особенности.

III.

Въ прошлой нашей хроникѣ мы коснулись вопроса о выселеніи евреевъ изъ Россіи и объ угандскихъ планахъ нѣкоторой части сіонистовъ. Эта бесѣда наша вызвала и печатныя, и письменныя замѣчанія. По поводу нѣкоторыхъ изъ нихъ не бесполезно будетъ возвратиться къ этому мучительно большому вопросу русской жизни, мучительно большому не для однихъ только евреевъ, но для всѣхъ, кому дороги интересы справедливости, для всѣхъ, кому дорого достоинство нашей великой родины. Я старался показать въ прошлой бесѣдѣ, что сохранить нашихъ согражданъ евреевъ отъ массоваго экзода требуется не только нашимъ достоинствомъ, но и правильно понятыми интересами. Разрѣжать и безъ того рѣдкое населеніе, лишаться и безъ того немногочисленныхъ работниковъ, вывозить и безъ того высокую культуру, выдѣлять увозимое достояніе изъ и безъ того скуднаго достоянія, — все это цѣпь такихъ утратъ, послѣ которыхъ и культура, и матеріальное благосостояніе должны понести очень ущербенный ущербъ... Остановить новый экзодъ и возвратить

русскому еврею его отечество, которому онъ служилъ и служить, какъ и другія племена, есть и нашъ нравственный долгъ, и крупный интересъ. Моя замѣтка была именно сюда направлена: убѣдить христіанъ и въ стыдѣ, и въ невыгодѣ новаго экзода и убѣдить евреевъ въ возможности и вѣроятности другого выхода изъ невыносимаго положенія.

По поводу этого моего призыва къ единенію, „Восходъ“ замѣчаетъ: „г. Южаковъ склоненъ думать, что за океанъ уходятъ тѣ, которымъ не больно отъ насъ отдѣлиться, которые еще не приобрѣли потребности для него, для этого отечества, также многострадальнаго, жить и работать. Это не совсѣмъ вѣрно. Развѣ г. Южаковъ не знаетъ, что именно еврей-эмигранты являются за-границей проводниками русской литературы, русской мысли? А можно ли что-либо проповѣдывать, насаждать, не любя? Изъ евреевъ, покинувшихъ Россію, многіе унесли съ собою страстную любовь къ ней, любовь болѣзненную, непреоборимую. А еще больше было унесено разбитыхъ надеждъ, обманутыхъ ожиданій... Мнѣ кажется, авторъ этихъ строкъ мнѣ вложилъ мысли, которыхъ я не высказывалъ, но это не важно, потому что сами по себѣ строки эти заключаютъ указанія, исполнѣ справедливыя. Мы лишаемся не только работниковъ, но во многихъ случаяхъ любящихъ сыновъ нашего общаго отечества. Цитированное замѣчаніе справедливо, но не могу сказать того же объ его продолженіи: „Стоитъ только вспомнить, какой радикальный переворотъ въ душѣ многихъ тысячъ евреевъ произвели погромы начала 80-хъ годовъ. Сколько людей, послѣ долгой душевной борьбы, логикой событій вынуждены были порвать съ Россіей, русскимъ обществомъ, и начать думать объ исканіи своего особаго пути, и самостоятельной обособленной работы“. Такъ сложились событія двадцать лѣтъ тому назадъ, — съ этимъ, къ сожалѣнію, надо согласиться, но никакъ не „логика событій“ къ этому привела, а возбужденіе, естественное и понятное, но съ логикою ничего общаго не имѣющее. Логика и тогда, какъ и теперь, требуетъ единенія культурныхъ силъ, а не раздѣленія, солидарной работы, а не обособленной, движенія по прямому широкому пути общечеловѣческаго прогресса, а не блужданія въ поискахъ за своимъ особымъ путемъ. Такихъ особыхъ путей къ правдѣ и справедливости исторія не знаетъ. Она знаетъ только *одинъ* путь, путь солидарности и терпимости.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, какъ и теперь, многое множество евреевъ, послѣ болѣе или менѣе долгой душевной борьбы, свернули съ прямой большой дороги историческаго прогресса на разныя „свои особыя“ тропинки и заблудились на нихъ вплоть до той невылазной топи, которую называютъ націонализмомъ и которая вездѣ и всюду одинаково засасываетъ добрыя чувства, плодитъ вражду и нетерпимость и задерживаетъ движеніе къ соли

дарности и гуманности. Я не рѣшаюсь поднять камень противъ этихъ заблудшихся, но протестую противъ сіонизма, какъ новой и опасной формы націонализма.

Одинъ еврейскій націоналистъ, приславши мнѣ возраженіе противъ моей замѣтки въ прошлой моей „Политикѣ“, между прочимъ, пишетъ: *„Не въ долготерпѣннѣи, — говорите вы, — спасеніе еврейскаго народа, Боже утаси!“* Значитъ нельзя намъ сидѣть, сложа руки и фатально ожидать будущаго, а нужно добиваться своихъ правъ, не надѣясь на человѣческую справедливость. Увы! Идея справедливости пока сдѣлала еще слишкомъ мало успѣховъ среди человечества, потому что требованія ея нарушаются повсюду теперь такъ же часто, какъ много вѣковъ тому назадъ. Итакъ, мы должны добиваться своихъ правъ. Но при этомъ съ нами происходитъ всякій разъ нѣчто столь же курьезное, сколько и трагическое: намъ отказываютъ въ правахъ на томъ основаніи, что мы чужіе, пришельцы, а когда мы заявляемъ о себѣ и подумываемъ объ уходѣ, насъ упрекаютъ въ томъ, что мы обособляемся и проповѣдуемъ узкій націонализмъ. Одно изъ двухъ: если мы свои, то намъ должно быть дано все, что полагается своимъ, если же мы чужіе, то вполне естественно и понятно наше обособленіе. Какой ужасный *circulus viciosus*, въ которомъ насъ заставляютъ вращаться и какъ мало людей, которые задумываются надъ этимъ!“ Однако, кто это „заставляетъ“ вращаться въ этомъ кругу? „Новое Время“ говоритъ, что евреи—чужіе, пришельцы. „Русское Богатство“ говоритъ, что евреи свои, родные, дѣти одной отчизны. „Новое Время“ нисколько не удерживаетъ евреевъ, а готово поощрять ихъ выселеніе. „Русское Богатство“ съ болью сердца смотритъ на этотъ уходъ братьевъ по родинѣ и культурѣ и не упрекаетъ ихъ (какъ не вѣрно отмѣтилъ авторъ цитированныхъ строкъ), а приглашаетъ ихъ не чуждаться братьевъ другихъ племенъ, обращаясь съ такимъ же приглашеніемъ и къ согражданамъ другихъ племенъ. Гдѣ же тутъ противорѣчіе, „столь же курьезное, сколько трагическое“? Враги евреевъ желаютъ ихъ удаленія, а друзья желаютъ ихъ удержать... Чтобы найти *circulus viciosus*, надо смѣшать враговъ съ друзьями только на томъ единственномъ основаніи, что тѣ и другіе не еврейскаго происхожденія,—логическая ошибка, свойственная всякому націонализму, считающемуся не съ принципами, а съ происхожденіемъ! Национализмъ имѣетъ свою логику, съ которой никогда несовмѣстима логика человѣчности и терпимости.

Продолжаю цитату: *„Национализмъ—врагъ человечества, — говорите вы (обращается ко мнѣ авторъ письма) и не въ созданіи новаго націонализма надо искать побѣду надъ враждою и предразсудкомъ. Но не забудьте, что для евреевъ вопросъ о націонализмѣ является вопросомъ объ ихъ существованіи (националисты всѣхъ странъ и народовъ всегда высказываютъ то же самое).*

Въ нашихъ массахъ націонализмъ будить не столько евреевъ, сколько людей (заблужденіе, тоже свойственное добросовѣстнымъ націоналистамъ всѣхъ странъ и народовъ). Онъ пробуждаетъ въ еврей утраченное сознаніе человѣческаго достоинства (есть болѣе прямые къ тому пути), надежду на лучшее будущее (эта надежда найдетъ больше опоры въ солидарности, чѣмъ въ отчужденіи) и желаніе выйти изъ того мрачнаго положенія, въ которомъ онъ находится (неужели можно серьезно утверждать, что такое естественное и неизбѣжное желаніе пробуждается только сіонизмомъ?)“. Авторъ письма, повидимому, искренній и образованный человѣкъ, а между тѣмъ, какъ видно и изъ этихъ нашихъ бѣглыхъ отиѣтокъ, запутался въ такихъ простыхъ отношеніяхъ. Да, націонализмъ имѣетъ свою логику, и тотъ, кто желаетъ служить дѣлу правды и совѣсти, дѣлу принциповъ, долженъ себя тщательно оберегать отъ всякаго общенія съ націонализмомъ и его логикой. Самая горячая любовь къ своему народу не есть еще націонализмъ, а вполнѣ естественное чувство, которое, если еще не отравлено ядомъ націонализма, не ведетъ къ отчужденію отъ прочаго человѣчества, а скорѣе скрѣпляетъ симпатію къ другимъ народностямъ и служить идеаламъ и принципамъ любви и братства.

Націонализмъ, самъ чуждаясь другихъ народностей, ведетъ и къ недовѣрію. „Но если даже допустить (пишетъ мой корреспондентъ), что дѣйствительно близокъ золотой вѣкъ, когда повсюду намъ дадутъ права, кто же сможетъ поручиться намъ, что коренные элементы странъ перестанутъ смотрѣть на насъ, какъ на чужихъ и пришельцевъ, и что въ одинъ прекрасный день опять не начнутся противъ насъ гоненія и травля, которыя превзойдутъ все, что было до сихъ поръ?“ Къ кому поручиться? Тѣ самые идеалы чести и совѣсти, тѣ самые принципы солидарности и братства, которые хотя медленно, но завоевываютъ міръ и которыхъ главнымъ врагомъ является націонализмъ, въ томъ числѣ и сіонизмъ. „Посмотрите на просвѣщенную Германію (продолжаетъ мой корреспондентъ) и на свободную Францію. Развѣ тамъ не орудуютъ Штекеры, Альвардты и Дрюмоны“?. Я тоже приглашаю посмотрѣть на Францію и Германію. Въ первой теперь нѣтъ ни одного антисемита въ парламентѣ, а въ Германіи ихъ всего нѣсколько человѣкъ. Правда, въ послѣдней парламентскіе антисемиты могутъ разсчитывать въ иныхъ случаяхъ на поддержку консерваторовъ и національ-либераловъ, т. е. партій націоналистическихъ, и склонныхъ къ гоненію не нѣмецкихъ народностей Германіи, при чемъ поляки и эльзасцы терпятъ отъ нихъ даже больше, нежели евреи. Совершенно справедливо, что антисемитизмъ, являясь позоромъ XX в., представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ продуктъ недавнихъ дней, но именно продуктъ возростанія націонализма въ разныхъ странахъ. Французскіе націоналисты—нѣмцефобы и англофобы даже больше,

чѣмъ антисемиты. Нѣмецкіе націоналисты больше проникнуты антисемитизмомъ, но не менѣе того славянофобствомъ. Наши доморожденные націоналисты не только антисемиты, но точно такъ же полны вражды къ полякамъ, балтійскимъ нѣмцамъ, финнамъ, армянамъ и т. д. Гдѣ націонализмъ, тамъ процвѣтають исключительность, нетерпимость и гоненія. Національная исключительность однихъ вызываетъ національную исключительность и другихъ въ отвѣтъ первымъ. Это естественно, и такъ выросъ сіонизмъ; но не все естественное бываетъ разумно, и постепенно накопляющаяся національная исключительность въ средѣ евреевъ неизбежно будетъ имѣть тѣ же послѣдствія, какъ и всякая другая, т. е. будетъ вызывать отвѣтную исключительность, и тутъ дѣйствительно появляется самый печальный *circulus viciosus*. Разумное управленіе своими чувствами есть лучшее украшеніе человѣческаго рода, лучшее ручательство за будущее, и можно сказать, что въ средѣ образованныхъ евреевъ нѣтъ недостатка въ этомъ разумномъ управленіи своими чувствами, въ сознаніи глубокой солидарности и достоинства, и интересовъ совѣсти всѣхъ культурныхъ силъ человѣчества вообще, Россіи въ частности и въ особенности. Такихъ евреевъ, къ ихъ чести, не мало, но напрасно думаетъ „Восходъ“, что въ русскомъ образованномъ обществѣ мало единомышленниковъ идей и воззрѣній, высказанныхъ мною на страницахъ „Русскаго Богатства“.

С. Юмаковъ.

Михель подъ ружьемъ.

(Письмо изъ Германіи).

1.

При поверхностномъ знакомствѣ съ новой Германіей легко можно придти къ убѣжденію, что эта страна — исключительно военныхъ способностей и дарованій, а нѣмецкій Михель прямо таки прирожденный солдатъ: до такой степени все здѣсь проникнуто громомъ и трескомъ всевозможной военщины, разукрашено яркими цвѣтами выпушекъ и мундировъ, преисполнено солдатской выдержки и дисциплины, солдатской грубости и силы. Куда ни оглянись — повсюду униформированныя, военнымъ духомъ проникнутыя, на военный ладъ дисциплинированныя и органи-

зованныя массы. Повсюду звуки маршей и побѣдные гимны, развѣвающиеся знамена, расцвѣченные знаками отличій груди, патріотическія рѣчи, и на первомъ планѣ налитые пивомъ „ветераны“, участники великихъ побѣдъ, современники Бисмарка и Мольтке! И отъ этихъ мундировъ, знаменъ, пива и ветерановъ, отъ этихъ маршей и барабановъ, отъ этого новаго германскаго единства, пропитаннаго французской кровью и торжествомъ прусскихъ шницъ-рутеневъ очень трудно найти спасеніе: тамъ, гдѣ кончается живая солдатчина—начинается солдатчина каменная, бронзовая, мѣдная, и окружаетъ бѣднаго Михеля цѣлой массой статуй и трофеевъ, которые не хуже живыхъ ветерановъ возвѣщаютъ ему о премудрыхъ короляхъ, преславныхъ полководцахъ, невѣроятныхъ побѣдахъ и безконечно самоотверженномъ, невыносимо храбромъ и совершенно непобѣдимомъ нѣмецкомъ воинствѣ... Вертъ и Гравелотъ, Седанъ и Парижъ—словно огненными буквами вычеканены на челѣ нѣмецкаго единства; и они-то придаютъ ему тотъ своеобразный характеръ штыками и кровью сколоченной махины, который такъ отличаетъ нѣмецкій союзъ армій и государей отъ американскаго и швейцарскаго союза народовъ.

Для того, чтобы составить себѣ представленіе о прусско-солдатскомъ обмундированіи германской имперіи, стоитъ только пройти съ вниманіемъ по Берлину и въ особенности по аллеѣ Побѣды въ Тиргартенѣ. Отличіе новой имперіи отъ старой здѣсь сразу бросается въ глаза. Среди длиннаго ряда мраморныхъ статуй, довольно безвкусно вытянутыхъ вдоль обѣихъ сторонъ аллеи, посѣтители не найдутъ ни Карла Великаго, ни саксонскихъ Оттоновъ, ни Гогенштауфеновъ или Габсбурговъ—здѣсь нѣмецкую исторію создаютъ прусскіе герцоги и бранденбургская марка; здѣсь мы видимъ цѣлый рядъ всевозможныхъ маленькихъ Іоachimовъ въ видѣ предтечъ нѣмецкаго величія, въ то время какъ извѣстно, что только развѣ со временъ „Великаго Курфюрста“ прусско-бранденбургское государство стало играть—хоть и далеко не перворазрядную—роль въ нѣмецкой политической исторіи... На мѣсто Фридриха Барбароссы или Фридриха II Гогенштауфена здѣсь стоитъ Фридрихъ II (железный?) а на мѣсто Рудольфа Габсбургскаго—Іоаннъ Циперонъ или Іоachimъ I... Но всѣ эти микроскопическіе князья имѣютъ одно преимущество передъ старыми германскими владыками „священной римской имперіи“—потихоньку и полегоньку они выковали ту Пруссію, которая, начиная съ Фридриха-Вильгельма I сумѣла выдѣлать изъ своихъ подданныхъ тысячи прусскихъ солдатъ, а затѣмъ при ихъ помощи создала и германскую армію. Железомъ и кровью въ настоящее время формуется государство, и слава тому, кто сумѣлъ превратить своихъ подданныхъ въ послушную дисциплинированную массу огонь и смерть несущаго съ собой воинскаго

механизма... И невольно вспоминается автору этихъ строкъ видѣнная имъ усыпальница старыхъ германскихъ императоровъ въ шпейерскомъ соборѣ. На берегу голубого Рейна, подъ кровомъ громадныхъ арокъ романскаго свода, въ тиши подземелья лежатъ тамъ полузабытые носители идеи священной имперіи, на гробницахъ высѣчены изъ камня ихъ одѣтыя въ латы фигуры; во время французскаго нашествія многіе изъ этихъ изображеній изуродованы варварскою рукой. Передъ гробницами висятъ лампы, тутъ-же небольшой алтарь для богослуженій и большая каменная чаша для святой воды. Полумракъ и тишина господствуютъ въ подземельи, гдѣ лежатъ Конрадъ II, Генрихи III, IV и V, Филиппъ Швабскій, Рудольфъ Габсбургскій, Рудольфъ Нассаускій, Альбрехтъ I Австрійскій... И вокругъ нихъ ни трофеевъ, ни мраморовъ, ни бюстовъ „великихъ“ людей вродѣ тѣхъ, которые красуются вокругъ статуй творцовъ прусско-бранденбургской солдатчины... Въ самомъ соборѣ, однако, имѣется памятникъ болѣе культурнаго значенія, чѣмъ всѣ бранденбургскіе князьки, взятые вмѣстѣ; это—небольшая церковка въ придѣлѣ, пристроенномъ къ собору Генрихомъ IV. Въ ней по преданію молился этотъ императоръ послѣ Каноссы и долгими годами благочестиваго подвига платилъ за свое дерзновенное возстаніе противъ папскаго всемогущества и католической идеи. Побѣжденный борецъ за свѣтское государство получилъ прощеніе и миръ своей душѣ. Онъ лежитъ, этотъ раскаявшійся грѣшникъ, подъ твердынями своихъ старыхъ враговъ. Но отъ его гробницы и до сихъ поръ вѣетъ воспоминаніями великой идейной борьбы, средневѣковая скромная церковь покинутого всѣми императора и до сихъ поръ говоритъ о тяжкихъ мученіяхъ одного изъ величайшихъ представителей „священной имперіи“, побѣдившаго папу даже въ своемъ пораженіи. Католическая теократія, какъ извѣстно, не вынесла этой борьбы. Поднявшаяся до своей вершины при Григоріи VII, она затѣмъ медленно клонилась къ упадку. Въ самой побѣдѣ надъ Генрихомъ IV были скрыты уже начатки послѣдующаго разложенія. И въ шпейерскомъ соборѣ лежитъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ этого историческаго процесса. Пораженіе бунтовщика-императора стоитъ десяти Седановъ новаго прусскаго режима.

И какую удивительную противоположность съ этой полузабытой могилой и покаянной часовней представляетъ собою аляповатая, грубая, но блистающая яркой позолотой статуя побѣды въ Тиргартенѣ. Толстый столбъ на плоскомъ постаментѣ съ наляпанными на него золочеными пушками. Шаблонные барельефы внизу, представляющіе со всей откровенностью патріотическо-солдатскаго воодушевленія, какъ одни остервенѣлые люди рѣжутъ и колютъ, словно мясники на бойнѣ, саблями, пиками и штыками своихъ ближнихъ. Грубо раззолоченныя картины не большей

исторической и художественной цѣнности въ окружающей постаментѣ галлерей. А на верху летящая статуя побѣды, покрытая густымъ слоемъ позолоты, съ развѣвающимися юбками, долженствующая изобразить собою торжество побѣдоноснаго, жестоко въ свое время побитаго французами при Іенѣ, но побившаго французовъ при Седанѣ, прусско-германскаго воинства. Статуя—торжествующей силы, грубаго солдатскаго кулака, проломившаго брешь въ стѣнѣ развращенной цезаризмомъ Франціи, соединившаго въ общности культурнаго преступленія нѣмецкихъ князей и нѣмецкія арміи. И въ pendant къ этой статуѣ, невдалекѣ отъ нея, стоитъ громадный бронзовый Бисмаркъ. Угловатымъ, неуклюжимъ колосомъ возвышается онъ на своемъ пьедесталѣ, окруженномъ громадными аллегорическими фигурами. Въ позѣ военнаго командира стоитъ онъ спиною къ рейхстагу и словно съ чувствомъ удовлетворенія смотритъ и на статую побѣды и на протянувшіеся отъ нея ряды мраморныхъ бранденбургскихъ влaстителей. Бисмарку можно радоваться. И хотя пришлось всетаки воздвигнуть цѣлый дворецъ для народныхъ германскихъ представителей, но статуя и аллея Побѣды вѣчно будутъ проповѣдывать народу о заслугахъ прусской солдатчины, о побѣдахъ прусско-германскаго воинства, объ ихъ премудрыхъ короляхъ и непобѣдимыхъ генералахъ.

И нужно отдать германскому бюргерству полную справедливость: отъ чада побѣдъ 70-го года оно не можетъ опомниться и до настоящаго времени. Если милитаризмъ не вошелъ еще окончательно въ его плоть и кровь, то, по крайней мѣрѣ, сильно окрасилъ его жизнь и общественныя отношенія. Повторяемъ, съ внѣшней стороны нѣмецкое общество носить сильную милитаристическую окраску.

Судите сами. Государственные министры Пруссіи во главѣ съ рейхканцлеромъ и имъ подобныя высокіе гражданскіе чины въ своемъ пристрастіи къ военному мундиру доходятъ до того, что въ торжественныхъ случаяхъ снимаютъ съ себя свои раззолоченные гражданскіе кафтаны и надѣваютъ вмѣсто нихъ свои старые офицерскіе мундиры различныхъ поручиковъ или майоровъ запаса. И какъ ни комично подчасъ бываетъ зрѣлище престарѣлаго министра или президента провинціи, прикрывающаго длинную сѣдою бородой легкомысленный поручицкій мундиръ, но эта мода несомнѣнно имѣетъ свое значеніе: этимъ военное званіе даже низшихъ ступеней подымается на чрезвычайную высоту, и поручикъ арміи приравнивается по общественному значенію первымъ особамъ государства. И если рейхканцлеръ даже во время заграничныхъ поѣздокъ своего государя сопровождаетъ его въ блестящихъ шнурахъ гусарскаго мундира—кажется, онъ майоръ въ отставкѣ—то и это только симптомъ въ общей вакханаліи милитаризма, которая охватила собою въ настоящее время Гер-

манію. Немудрено по этому, что здѣсь сплошь и рядомъ на визитныхъ карточкахъ „подпоручикъ запаса арміи“ предшествуетъ во всемъ остальнымъ титуламъ лица, а тѣ бюргеры, которые имѣли чатье добиться перваго офицерскаго чина, при выходѣ въ запасъ на всю жизнь сохраняютъ горделивое наименованіе запаснаго лейтенанта. Однако, далеко не одни только офицеры запаса такъ хранятъ свои военные титулы и дорожатъ своимъ положеніемъ въ запасѣ. Для рядовыхъ унтеровъ и фельдфебелей, состоящихъ въ запасѣ или вообще старослуживыхъ солдатъ имѣются особыя организаціи, которыя ставятъ своей цѣлью постоянно поддерживать въ бывшихъ воинахъ патріотическій жаръ и пропитывать ихъ постоянно наново спеціей прусскаго шовинизма. Этой миссіей облечены въ особенности безчисленные „Krieger-Verein“ы“, или воинскіе союзы, которые зорко блюдутъ не только за военнымъ воодушевленіемъ своихъ сочленовъ, но и за ихъ политическими убѣжденіями. Раскинутые по всемъ селамъ и весямъ Германіи, пользующіеся широкой поддержкой военнаго министерства, организованные въ широкія федераціи съ центральнымъ комитетомъ во главѣ, эти фѣрейны подъ контролемъ военнаго вѣдомства являются своего рода военными клубами для мирныхъ обывателей и вмѣстѣ съ тѣмъ общественнымъ представительствомъ проникнутаго патріотическимъ духомъ бюргерства. Стоитъ только во время какого нибудь праздника наблюдать роль подобнаго фѣрейна, для того, чтобы ясно усвоить себѣ его „народно-педагогическое“ значеніе. Съ оркестромъ музыки, со знаменами и лентами, украшенные военными знаками отличія и особыми значками фѣрейна, въ черныхъ сюртукахъ и цилиндрахъ съ сохраненіемъ воинскаго равненія и шага движутся грозной арміей мирные отцы семействъ и плательщики податей, судорожно прижимаютъ къ себѣ на мѣсто ружей зонтики и трости и выдѣлываютъ по командѣ старшаго различные артикулы. Преисполненные священной гордости и воинскаго пыла, вспоминая съ трудомъ командныя слова, эти почтенные булочники и сапожники, крестьяне и лавочники съ великимъ усердіемъ ассистируютъ затѣмъ при проѣздахъ высокихъ посѣтителей, составляютъ почетную стражу при всякихъ открытіяхъ и освященіяхъ и кричатъ „hoch“ въ качествѣ прямыхъ наслѣдниковъ героевъ Седана и Верта. Но самой высшей точки напряженія ихъ дѣятельность достигаетъ въ празднично-разукрашенныхъ залахъ, за бочками пива, когда тяжелое опьяненіе отъ этого національнаго напитка смѣшивается съ парами побѣднаго восторга и глубоко патріотическаго воодушевленія. Ветераны—гдѣ они есть—или просто старшіе начинаютъ вспоминать одержанныя ими или ихъ предшественниками великія побѣды, ихъ сердца подъ естественнымъ наплывомъ чувствъ преисполняются новою яростью и злобой противъ внутреннихъ и внѣшнихъ вра-

говъ отечества... Молодые стараются перешеголять стариковъ и выражаютъ ничѣмъ неистребимую готовность немедленно же разорить, размовжить или истереть въ порошокъ всѣхъ, кто осмѣлится сомнѣваться въ великолѣпіи и славѣ общаго германскаго отечества. Отъ побѣдъ и истребленій рѣчи переходятъ къ великому канцлеру и инымъ желѣзнымъ слесарямъ и кузнецамъ германскаго единства. Къ этому потоку побѣдоноснаго одушевленія присоединяется далѣе „нѣмецкая вѣрность“, „нѣмецкая семья“ и „нѣмецкая культура“, которыя должны неукоснительно пропѣвать подъ кровомъ „нѣмецкаго желѣзнаго кулака“; наконецъ, провозглашаются клики вѣрности всѣмъ отцамъ отечества по принадлежности и на этомъ солдатско-бюргерское одушевленіе ослабѣваетъ. Пиво сильно беретъ верхъ надъ патріотизмомъ, и почтенные воины постепенно переходятъ къ патріотическому, болѣе или менѣе внятному пѣнію, во время котораго исполняются и разухабистые нумера солдатскихъ пѣсенъ и различные гимны и неизбѣжныя „Wacht am Rhein“ и „Deutschland, Deutschland über alles“... Такъ укрѣпляютъ военные фѣрейны солдатскую подпочву германскаго государственнаго фундамента, такъ воспитываютъ они милитаризмъ въ широкихъ кругахъ мелкаго бюргерства и сельскаго люда. Нечего и говорить, конечно, что во время выборовъ эти фѣрейны становятся прекраснымъ орудіемъ партійной, реакціонно-юнкерской пропаганды, и въ этихъ случаяхъ патріотическое одушевленіе бывшихъ воиновъ обращается не столько на враговъ внѣшнихъ, сколько на враговъ внутреннихъ.

Страннымъ было-бы послѣ этого, если-бы чисто военная прусская организація сама по себѣ не преслѣдовала тѣхъ-же цѣлей пропаганды милитаризма, которымъ съ такимъ усердіемъ служатъ военные фѣрейны. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя не замѣтить, что ни въ одной арміи такъ не развита театральная, показная сторона дѣла, какъ въ германской. Въ то время, какъ условія современной боевой тактики требуютъ возможно менѣе замѣтной формы, а бережливость въ расходованіи народныхъ денегъ дѣлаетъ необходимымъ не только удешевленіе предметовъ обмундированія, но и болѣе практическое ихъ устройство—германская армія блещетъ такими яркими красками выпушекъ и мундировъ, такъ богата блестящими дорогими побрякушками, что положительно можно задать вопросъ о томъ, къ чему она предназначена: къ бою, или же къ военно-балетнымъ представленіямъ. И въ пользу послѣдняго утвержденія говорить, пожалуй, больше фактовъ, чѣмъ въ пользу перваго. Въ самомъ дѣлѣ. Различеніе до сихъ поръ кавалеріи на кирасирскіе, гусарскіе, уланскіе, драгунскіе, конно-стрѣлковые, легко-конные и т. п. полки приводитъ къ такому разнообразію формъ, воротниковъ, петлицъ, пуговицъ, племовъ, касокъ, кирасъ, аксельбантовъ, этишкетовъ,

эполетъ и портупей, что съ этой точки зрѣнія германская кавалерія скорѣе уподобляется массѣ разодѣтыхъ статистовъ для каруселей и цирка, чѣмъ народной арміи, единственной цѣлью которой должна быть защита отечества отъ враговъ. То же самое мы наблюдаемъ не только во всевозможныхъ артиллерійскихъ, саперныхъ, желѣзнодорожныхъ и т. п. войскахъ, но и въ самой обыкновенной армейской пѣхотѣ. Блестящіе шишаки, всевозможные султаны, громадные блестящіе пуговицы на мундирахъ, яркіе цвѣта самыхъ разнообразныхъ выпушекъ и петличекъ—все это придаетъ нѣмецкимъ батальонамъ видъ какихъ-то игрушечныхъ солдатиковъ, которые служатъ не столько къ защитѣ страны, сколько къ забавѣ различныхъ большихъ и маленькихъ „Serenissimi“, многочисленныхъ князей и властителей германскаго отечества. Если-же присоединить еще къ этому блестящее обмундированіе офицерства и генералитета и экзотическія формы различныхъ колоніальныхъ войскъ, то картина военного маскарада получается полнѣйшая. При помощи его возвышается очарованіе военного мундира, скрашивается печальная доля солдата, услаждается однообразная и скучная обстановка сѣренькаго бюргерства.

Однихъ костюмовъ, однако, было бы слишкомъ мало для постановки прусскаго военного балета и успѣшной пропаганды военно-патріотическаго духа. Кромѣ костюмовъ, нужна еще дрессировка. И въ этомъ отношеніи, надо замѣтить, нигдѣ въ мірѣ столько не было сдѣлано какъ въ Пруссіи и проникнутой ея духомъ германской арміи. Военные артикулы, выработанные еще блаженной памяти въ XVIII вѣкѣ, сохранили здѣсь и до сихъ поръ большую часть своей прелести. Какой-то удивительный парадный маршъ съ неестественно вытянутыми, напряженно поднятыми и хлопающими ногами; судорожно вывернутыя головы и груди; выбрасываемыя съ какою-то акробатической, конвульсивной быстротой руки; сплошная эквилибристика съ ружьями и саблями—однимъ словомъ, совершенно невозможное зрѣлище дрессированныхъ пружинныхъ автоматовъ, при видѣ которыхъ не знаешь, чему удивляться: тому ли, что несчастная человѣческая природа буквально все вынести можетъ, или тому, что есть люди, которые настойчиво и сознательно стремятся къ тому, чтобы такими средствами поддержать блескъ и достоинство военного мундира. И насколько намъ приходилось замѣчать, даже сплошь проникнутое милитаризмомъ нѣмецкое бюргерство, и то подчасъ недоумѣваетъ при зрѣлищѣ командъ и часовыхъ, выкидывающихъ на улицѣ свои акробатическія штуки.

Вотъ передъ нами молодой солдатъ стоитъ на часахъ на бойкой улицѣ возлѣ казеннаго зданія. Онъ не смѣетъ ни на минуту успокоиться, такъ-какъ здѣсь то и дѣло взадъ и впередъ по обѣимъ сторонамъ улицы проходятъ офицеры. Съ напряжен-

нымъ, испуганнымъ лицомъ, съ лихорадочно бѣгающими глазами онъ неустанно слѣдитъ за проходящей публикой, готовый каждую секунду вскинуться и начать свои фокусы. Но вотъ вдали показался свѣтлый шишакъ офицера. Нашъ часовой сначала весь замеръ, вывернувъ въ его сторону голову и глаза. Затѣмъ онъ сразу вздрогнулъ и сталъ съ какимъ-то ожесточеніемъ бросать ружьемъ, пока не поставилъ его прямо передъ собою. Такъ, весь выгнутый, почти безъ дыханія, онъ простоялъ нѣкоторое время каменнымъ истуканомъ, потомъ опять выкинулъ какіе-то фокусы и замеръ, и только когда офицеръ порядочно отошелъ, онъ на секунду вздохнулъ, оправился и опять сталъ выискивать новыхъ сыновъ Марса...

Но бываютъ дни, когда вся эта дрессура оказывается на своемъ мѣстѣ; когда отдѣльные исковерканные статисты сливаются въ громадныя массы военного кордебалета, и передъ изумленной публикой происходятъ чудесныя марши и ломанія фронта, невѣроятныя атаки и остановки, однимъ словомъ все то, что изобрѣла старая прусская практика въ области всевозможныхъ эволюцій, смотровъ и парадовъ на страхъ врагамъ и на утѣшеніе благонамѣреннаго бюргерства... Но здѣсь останавливается перо скромнаго бытописателя. Нужно обладать фантазіей Данте и перомъ Аріосто для того, чтобы достойно изобразить это живое движущееся море пышныхъ султановъ и знаменъ, эти звуки сотни военныхъ оркестровъ, эти удивительныя массы солдатъ, дающія, не смотря на свой непостижимо журавлиный шагъ, общую картину какого-то мудренаго и расцвѣченнаго механизма, который съ точностью машины движется и изгибается, изворачивается, останавливается и снова идетъ—то рассыпается, то соединяется, наконецъ, сливается и развивается самымъ причудливымъ образомъ, и все это по мановенію единой руки, по одному слову командира... Нѣтъ, повторяемъ, намъ совершенно не по силамъ живописаніе дивныхъ картинъ прускаго параднаго поля, мы не можемъ въ достаточной степени проникнуться энтузіазмомъ при видѣ этой грандіозной игры въ солдатики, которая такъ живо напоминаетъ намъ траги-комическую фигуру сумасшедшаго вахмистра въ новомъ романѣ Байерлейна „Іена или Седанъ“, гдѣ несчастный больной помѣшался на командованіи и передвиженіи деревянныхъ солдатиковъ согласно строгимъ требованіямъ прускаго военного устава. Правда, однажды случай доставилъ возможность автору этихъ строкъ хоть однимъ глазкомъ взглянуть на одно изъ явленій послѣдняго дѣйствія знаменитаго „Kaiserparade“. На Unter den Linden было прекращено движеніе экипажей. На тротуарѣ стояла довольно жидкая шпалера публика съ массой установленныхъ передъ ней городскихъ. Среди публики было замѣтно очень много дѣтей, такъ какъ ихъ предусмотрительно, по особому повелѣнію самого императора, распустили, не смотря на будній день,

и ребята поспраздновали два дня, такъ-какъ передъ этимъ парадъ былъ отмѣненъ вслѣдствіе дурной погоды. Но вотъ послышались сначала отдаленные, а затѣмъ все приближающіеся звуки марша, показались отряды всадниковъ, придворныхъ чиновъ, военныхъ агентовъ, а за ними и самъ Вильгельмъ II верхомъ на прекрасномъ конѣ, въ блестящей униформѣ, съ развѣвающимися перьями на шлемѣ и фельдмаршальскимъ жезломъ въ правой рукѣ. При видѣ императора въ толпѣ снимали шляпы и довольно вяло кричали „hoch“; особенно усердствовали, однако, дѣти, и поэтому, по справедливому замѣчанію одной газеты, эти крики скорѣе походили на кваканье, чѣмъ на настоящее патріотическое ура. Но зато „Fahnen - Compagnie“, та рота знаменщиковъ, которая слѣдовала за императоромъ, была воистину великолѣпна. Золотыя полотнища знаменъ мѣрно колыхались надъ оперенными головами бравыхъ гренадеръ. Ихъ каски горѣли на солнцѣ, какъ перья жаръ-птицы; петлицы и пуговицы сіяли, какъ фантастическіе пвѣты или камни; мундиры были сильно навачены и придавали даже не совсѣмъ складнымъ фигурамъ горделивый, богатырскій видъ. Словно съ Валгаллы древніе викинги вернулись обратно въ нѣмецкія палестины, одѣлись у лучшихъ военныхъ портныхъ и со стягами побѣды предприняли торжественное шествіе подъ предводительствомъ самого Одина... Зрѣлище было замѣчательное. Нѣсколько нарушали эту картину только развѣ нѣкоторые штатскіе, которые, очевидно, не зная императора въ лицо, не участвовали въ народномъ ликованіи и даже не снимали своихъ шляпъ; но эти маленькія пятна, само собою разумѣется, нисколько не портили картины, а Вильгельмъ II величественно отвѣчалъ на привѣтствія своихъ вѣрнопопданныхъ...

Таковы нѣкоторыя черты внѣшней стороны того милитаризма, который кажется на первый взглядъ положительно прирожденнымъ бравымъ пруссакамъ и изъ тяжелой и далеко подчасъ невеселой обязанности проливать кровь ради интересовъ государства дѣлаетъ предлогъ для элегантныхъ военно-балетныхъ представленій. Но если мы оказывается не всегда въ силахъ понять прусскую солдатчину и воодушевиться ею, то попробуемъ, по крайней мѣрѣ, заглянуть за кулисы военного театра и подсчитать, чего стоитъ Германіи блескъ и красота мундировъ ея арміи, дрессура ея многочисленныхъ воиновъ, весь этотъ милитаризмъ,—который придаетъ ей съ внѣшней стороны видъ и характеръ грандіознаго военного стана.

Увеличеніе арміи въ Германіи идетъ съ самыхъ 70-хъ годовъ положительно гигантскими шагами. Мирный контингентъ 1872 г. простирался до 350.000 человѣкъ, уже къ 1875 году возросъ до 401.159 человѣкъ. Но на этомъ дѣло не остановилось: въ 1881 г. мы находимъ въ Германіи армію уже въ 427.274 чел., въ 1887 г. она дошла до численности въ 468.400 чел., а въ

1890 уже до 486.983. Въ девяностыхъ годахъ этотъ постоянный ростъ арміи безостановочно продолжался; въ 1893 г. мирный контингентъ достигъ солидной цифры въ 557.093 чел.; къ этому числу въ 1899 г. было присоединено еще 19.000 чел., которые были даны правительству вмѣсто потребованныхъ имъ 26.576; вполнѣдствіи сюда присоединились еще небольшія увеличенія, которыя были результатомъ усиленія пѣшей артиллеріи и организаціи особыхъ пулеметныхъ отдѣленій (Maschinengewehr-Abteilungen). Въ 1903 г., согласно бюджету, германская армія мирнаго состава считала уже въ своихъ рядахъ 24.350 офицеровъ, 81.097 унтеръ-офицеровъ, 495.500 рядовыхъ и ефрейтеровъ, 2.206 военныхъ врачей, 1.057 цальмейстеровъ (казначеевъ-интендантовъ), чиновъ военной музыки, смотрителей мастерскихъ, 682 ветеринарныхъ врачей и 1.106 оружейниковъ, кузнецовъ и шорниковъ. Въ общемъ все это составляетъ 605.998 человекъ съ 105.642 лошадьми. Это возрастаніе арміи съ 1872 г. даетъ, такимъ образомъ, болѣе 70%. Это тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что населеніе за то же время увеличилось не болѣе какъ на 38%. При такомъ громадномъ возрастаніи арміи, не находящемся ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ приросту населенія, расходы на содержаніе военной силы страны увеличиваются съ поразительной быстротой, тѣмъ болѣе, что здѣсь къ затратамъ на сухопутную армію присоединяются еще не менѣе солидные расходы на военный флотъ. Въ 1872 г. въ имперскомъ бюджетѣ общая сумма расходовъ на армію и флотъ слагалась слѣдующимъ образомъ: постоянныхъ ассигнованій на войско предполагалось 245.210.000 марокъ и чрезвычайныхъ 3.060.000 мар., итого 248.270.000 мар. На флотъ—постоянныхъ 13.164.300 и чрезвычайныхъ 40.066.600, итого —53.230.900 мар. Общій пенсіонный фондъ для арміи и флота поглощалъ 20.122.000 мар., и проценты на имперскій долгъ для военныхъ цѣлей составляли 5.100 мар. Въ общей сложности, такимъ образомъ, военный бюджетъ страны не превосходилъ 321.028.200 мар., и при томъ въ значительной своей части былъ покрытъ изъ военной добычи 1870 г., т. е. попросту изъ пресловутыхъ французскихъ милліардовъ. Въ 1897 г. эти цифры потерпѣли уже весьма существенное измѣненіе: на сухопутную армію въ этомъ году было уже израсходовано постоянныхъ ассигнованій 496.238.000 и единовременныхъ 118.582.800 мар.; на флотъ въ томъ же году было выдано постоянныхъ 61.941.800 и чрезвычайныхъ 52.083.000 мар., пенсіонный фондъ—кромѣ инвалиднаго, который былъ цѣликомъ образованъ изъ французскихъ милліардовъ и въ счетъ не идетъ—поглотилъ 56.421.400, а проценты по имперскому долгу, поскольку онъ былъ сдѣланъ для военныхъ цѣлей, простирались уже до 61.034.000 мар. Это все вмѣстѣ дало, такимъ образомъ, уже 846.300.700 мар. вмѣсто прежнихъ 321.628.200 мар.

Но дальше пошло еще хуже. Въ 1899 г. расходы на сухопутную армию достигли 576.941.500 мар. постоянныхъ и 127.775.600 единовременныхъ. Въ 1901 г. та же статья бюджета дала 559.628.300 и 114.009.500, а въ 1903 г. правительство потребовало уже 576.333.000 и 80.409.700 мар. Подобное же возрастаніе мы замѣчаемъ и въ ассигнованіяхъ на флотъ. И здѣсь въ 1899 г. было ассигновано 71.621.200 постоянныхъ и 82.277.900 единовременныхъ расходовъ; въ 1901 г. — 79.896.400 и 127.587.800 мар., а требованія правительства на 1903 г. возрасли уже до 93.468.000 и 153.798.800 мар. Пенсіонный фондъ увеличивался въ соотвѣтствіи съ этими цифрами: съ 62.905.400 мар въ 1899 г., въ 1901 г. онъ дошелъ до 69.266.000 мар., а въ 1903 г. до 75.399.000 мар. Проценты по военно-морскому долгу, конечно, тоже не заставили себя ждать и съ суммы въ 62.933.000 мар. 1899 года поднялись въ 1901 г. до 73.787.000 и въ 1903 г. должны уже дать солидную сумму въ 83.128.000 мар.! Въ общемъ итогъ военный бюджетъ въ 1903 г. долженъ былъ возрасти до 1.062.536.500 мар.! Эти цифры говорятъ сами за себя. Стоитъ только при этомъ еще замѣтить, что отъ французскихъ миллиардовъ давно уже и помину не осталось.

Итакъ, въ 32 года военный бюджетъ Германіи увеличился на 336%! Подъ его давленіемъ важнѣйшія культурныя задачи страны сокращены до крайности. Народъ положительно задыхается подъ бременемъ вооруженій и непосильныхъ тягостей; и въ то время, какъ буквально каждый пфенигъ долженъ быть сосчитанъ, и каждая лишняя пуговица на солдатскомъ мундирѣ даетъ расходъ въ тысячи марокъ въ народномъ бюджетѣ, — военныя власти Германіи занимаются украшеніемъ военной формы не только бесполезными для боевыхъ цѣлей, но даже прямо опасными при современномъ бездымномъ порохѣ побрякушками. Въ ничѣмъ не оправдываемой растратѣ народныхъ денегъ на блестящіе шлемы и султаны, на пуговицы и гербы, на каски и кирасы, на всевозможныя отличія уланъ отъ гусаръ, драгунъ отъ кирасиръ, егерей отъ гренадеръ и т. д., нѣмецкій милитаризмъ выбрасываетъ за бортъ миллионы народныхъ денегъ, которыя съ такимъ напряженіемъ всѣхъ силъ зарабатываетъ для государства трудящійся людъ!

Этимъ, однако, вліяніе нѣмецкаго милитаризма на народную жизнь далеко не ограничивается. Рядомъ съ роскошью солдатской формы идетъ рука объ руку съ нею и жестокая дрессура для различныхъ военно-театральныхъ представленій, для смотровъ и парадовъ. При двухгодичной службѣ въ войскахъ и при новыхъ условіяхъ современнаго боя, время солдата и такъ должно быть цѣликомъ занято его чисто боевой подготовкой, чтобы за короткій сравнительно періодъ приготовить изъ него вполне сознательнаго участника вооруженной борьбы. Для репетиціи парадовъ, для изученія сложныхъ ружейныхъ приемовъ въ цѣляхъ

военной декорации, наконецъ, для усвоенія того противоестественнаго церемоніальнаго шага, какимъ до сихъ поръ маршируютъ въ Германіи, у солдата, при нормальныхъ условіяхъ обученія, уже совершенно не остается времени. Но при помощи военной дисциплины дѣлается невозможное. Время и силы солдата расходуются съ невообразимой расточительностью. Боевая подготовка вбивается въ него съ лихорадочной поспѣшностью только для того, чтобы все остальное время употребить на изученіе выправки, церемоніальнаго шага, ни къ чему не годныхъ приѣмовъ, той виѣшней вылощенности и декоративной красоты, которая не имѣетъ никакого отношенія къ способностямъ и подготовкѣ солдата, какъ участника боя. И вполнѣ естественно, что для того, чтобы достичь въ теченіе двухъ лѣтъ такихъ невѣроятныхъ результатовъ, военному начальству приходится прибѣгать къ мѣрамъ, которыя далеко выходятъ изъ границъ законной дисциплинарной власти начальствующихъ надъ подчиненными и вырождаются въ то, что технически именуется какъ „Misshandlung“ или по-русски—дурное обращеніе съ солдатами.

„Дурное обращеніе съ солдатами“—это тотъ бичъ нѣмецкой военной жизни, который является неразлучнымъ спутникомъ постоянно усиливающихся требованій въ области парадовъ, маршей и т. п. военно-балетныхъ представленій. Не смотря на господствующую въ Германіи гласность, не смотря на то, что каждый случай дурного обращенія съ солдатами, не только сейчасъ же дѣлается предметомъ живого обсужденія въ прессѣ, но самыхъ рѣзкихъ запросовъ въ рейхстагѣ, надо положительно признать, что число этихъ случаевъ не только не уменьшается, а наоборотъ, показываетъ наклонность къ повышенію. Обратимся къ хроникѣ „дурного обращенія“ въ современной прессѣ и отмѣтимъ тѣ случаи, которые или стали извѣстны, или уже были предметомъ судебного разбирательства въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ. Прослѣдимъ эти случаи въ хронологическомъ порядкѣ.

Вотъ передъ нами сержантъ Вемпе съ двумя своими ближайшими помощниками изъ 95 пѣхотнаго полка. Онъ получилъ въ свое завѣдываніе родъ штрафнаго капральства 3-й роты и воздѣйствовалъ на своихъ подчиненныхъ всѣми возможными способами. Онъ поднималъ ихъ въ 2 часа ночи и заставлялъ дѣлать самую тяжелую работу. Для поощренія пускалъ въ ходъ толчки, пинки, пощечины, удары сзади, и такіе удары кулакомъ по подбородку, что изо рта выступала кровь и расшатывались зубы. Экстреннымъ воспитательнымъ средствомъ былъ кнутъ, который служилъ для этихъ цѣлей и въ рукахъ его помощниковъ, старослужащихъ солдатъ, пользовавшихся подчасъ для избіенія подчиненныхъ еще ремнями съ желѣзными крюками

на концѣ. Всего судомъ было констатировано 22 случая противозаконнаго обращенія съ солдатами и 9 случаевъ дурнаго обращенія, и результатомъ этого было бѣгство изъ полка одного несчастнаго, Гёринга, пытавшагося потомъ, по возвращеніи, прострѣлить себѣ голову; онъ остался живъ и, конечно, попалъ подъ судъ. Сержантъ былъ приговоренъ къ 6 мѣсяцамъ тюрьмы и разжалованію, а несчастный Герингъ къ 6 мѣсяцамъ тюрьмы. Характерно также и то обстоятельство, что, изъ страха передъ своимъ начальствомъ, свидѣтели отказывались отвѣчать, и только пригрозивъ имъ каторгой, судъ добился отъ нихъ правдивыхъ показаній. Въ концѣ іюля совершенно аналогичный случай разыгрался передъ военнымъ судомъ 3-й дивизіи, согласно сообщеніямъ „Народнаго Вѣстника“ изъ Штеттина. Здѣсь унтеръ-офицеръ Ниданъ не только билъ своихъ подчиненныхъ по лицу, билъ ихъ головой объ кровати, но рвалъ у нихъ кожу до тѣхъ поръ, пока не отрывалъ ее совсѣмъ. И здѣсь одинъ изъ пострадавшихъ не выдержалъ мученій, бѣжалъ изъ полка, но скоро опять возвратился! Судъ приговорилъ унтеръ-офицера къ тремъ недѣлямъ средняго ареста... 30-го іюля, сообщаетъ „Франкфуртская Газета“, мушкатеръ Крузе изъ 17 пѣхотнаго полка покончилъ съ собою выстрѣломъ изъ ружья. Какъ показало слѣдствіе и послѣдовавшее затѣмъ судебное разбирательство, унтеръ-офицеръ Дункель имѣлъ въ своемъ завѣдываніи рекрутъ и въ цѣляхъ обученія положительно истязалъ ихъ. На судѣ было выяснено не менѣе 576 случаевъ дурнаго обращенія съ солдатами за 6 мѣсяцевъ, при чемъ судъ призналъ доказанными не менѣе 366 случаевъ. Почтенный воспитатель молодыхъ солдатъ особенно охотно прибѣгалъ къ слѣдующимъ мѣрамъ: онъ безпрестанно давалъ пощечины (одинъ мушкатеръ Лидеке получилъ ихъ не менѣе 60), онъ билъ солдатъ ногами въ животъ и спину, полосовалъ ихъ ножнами и саблей плашмя, укладывалъ на повернутые кверху ножками табуреты, заставлялъ солдатъ биться головой объ стѣну, накладывалъ въ сапоги камней и заставлялъ маршировать, разбивалъ въ кровь зубы и принуждалъ облизывать смазанныя масломъ части ружья, однимъ словомъ былъ столь же изобрѣтателенъ въ истязаніяхъ, какъ и блаженной памяти всероссійски извѣстные крѣпостники Карцевъ и Салтычиха. Свидѣтели и здѣсь, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, изъ страха не хотѣли ничего показывать на судѣ, а въ пользу Дункеля говорило то обстоятельство, что, хотя онъ и былъ уже до этого времени шесть разъ наказанъ, но изъ восточной Пруссіи у него было такое великолѣпное свидѣтельство, которое ослѣпляло его непосредственное начальство. Дункель былъ приговоренъ къ разжалованію и 2½ годамъ тюрьмы; лейтенантъ Шталь, подъ прямымъ „надзоромъ“ котораго происходило такое своеобразное „обученіе“ рекрутовъ, поплатился

только недѣльнымъ домашнимъ арестомъ. Военный судъ въ Трирѣ, по свидѣніямъ „Vorwärts'a“, констатировалъ еще болѣе интересные воспитательные опыты. Какъ выяснилось на судѣ, одинъ изъ унтеръ-офицеровъ 69 пѣхотнаго полка дошелъ до мысли ставить совершенно измученныхъ рядовыхъ возлѣ горячей печи и заставлять ихъ дѣлать ружейные приемы при помощи тяжелыхъ скамеекъ... Судъ приговорилъ истязателя къ разжалованію и шести мѣсяцамъ тюрьмы. „Народная газета“ изъ Дюссельдорфа сообщаетъ не менѣе интересныя вещи изъ зала тамошняго военного суда. Тамъ судились старые солдаты, „дядьки“ за истязаніе рекрутъ: при обученіи молодежи, дядьки били ихъ хлыстами, скамейками, обливали водой и т. д.. Ефрейторъ Циммерманъ получилъ за это мѣсяць тюрьмы, остальные шесть солдатъ отъ двухъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ тюрьмы. Подобныя же порядки, по всей вѣроятности, были причиной того, что, какъ сообщали газеты въ Мангеймѣ, тамъ въ теченіе 8 недѣль было два самоубійства въ одной и той же ротѣ 110 гренадерскаго полка. Въ августѣ мѣсяцѣ военный судъ въ Кобленцѣ, по свидѣніямъ „Франкфуртской Газеты“, за „товарищескія“ средства обученія молодыхъ солдатъ старшими „дядьками“ приговорилъ этихъ послѣднихъ къ двухъ и пятидневной высылкѣ въ тюрьмѣ. Въ томъ же мѣсяцѣ сообщалось изъ Майнца о долго практиковавшихся тяжелыхъ истязаніяхъ, которыя раскрылись только потому, что одинъ солдатъ не выдержалъ и бѣжалъ изъ полка. Когда его поймали, онъ рассказалъ правду, и его слова были подтверждены цѣликомъ товарищами, которые къ тому времени вышли въ запасъ. Эти свидѣтели уже показывали безъ боязни, они были свободными людьми: особенно тяжело имъ доставался парадный маршъ, ихъ били скамейками и тростями, ихъ заушали и истязали, они не жаловались во время службы, „потому что боялись“. Обвиненіе формулировало 84 случая дурнаго обращенія, на судѣ выяснилось вдвое больше.

Полтора года тюрьмы и лишеніе галуновъ было результатомъ судебного разбирательства. По сообщеніямъ „Vorwärts'a“, въ 23 полку полевой артиллеріи унтеръ-офицеръ Шнееръ такъ обрабатывалъ колѣнками животъ одного солдата, что тотъ нѣсколько недѣль лѣчился отъ сильнаго воспаления. Бравый унтеръ получилъ за это, по приговору военного суда, только недѣлю легкаго ареста; все было здѣсь приписано излишне нѣжной конструкции рядового. Еще хуже было дѣло, по сообщенію „Mecklenbg. Volkszeitung“, въ гарнизонѣ Гарбурга; здѣсь унтеръ-офицеръ заставилъ сапера Геннингса, сваливагося отъ слабости съ гимнастики, до тѣхъ поръ лазить на гимнастическія орудія, пока онъ не свалился снова и не разбился до смерти; и этотъ случай остался безнаказаннымъ! Болѣе веселымъ дѣломъ занимался сержантъ Гундерманъ изъ 2-го баварскаго полка полевой артилле-

рин: онъ устроилъ изъ своихъ подчиненныхъ нѣчто вродѣ цирка; не курящихъ заставлялъ курить, другихъ принуждалъ по командѣ плевать, билъ до крови по физіономіямъ, заставлялъ прыгать черезъ ручей, куда люди въ большинствѣ случаевъ падали, ставилъ солдатъ на колѣни съ полными ведрами въ вытянутыхъ рукахъ и т. п. За эти веселыя штучки унтеръ-офицеръ отдѣлался только 42 днями средняго ареста, такъ какъ военный судъ въ Вюрцбургѣ нашелъ, что отчасти этими мѣрами сержантъ хотѣлъ доставить людямъ побольше движенія. Мы не будемъ особенно останавливаться далѣе на случаѣ унтеръ-офицера Кирша изъ 176 пѣх. полка, который судился за „дурное обращеніе въ Торнѣ“. Киршъ былъ виновенъ только въ томъ, что „довольно часто“ билъ мушкетеровъ по лицу, и въ результатъ такого отеческаго обращенія было бѣгство изъ полка одного изъ нихъ, который и нашелъ пріютъ въ Швейцаріи. За свои подвиги унтеръ-офицеръ отдѣлался только 6-ю недѣлями средняго ареста. Точно также ничего выдающагося послѣ всего сказаннаго не представляетъ собою и случай съ однимъ изъ унтеръ-офицеровъ 9-го полка пѣшей артиллеріи, разбиравшійся на судѣ 23 сентября. Здѣсь дѣло ограничилось битьемъ по физіономіи и пинками, за что виновный получилъ 10 дней средняго ареста. Гораздо интереснѣе случай Бунца, въ Ульмѣ. Въ порывѣ начальническаго гнѣва этотъ унтеръ-офицеръ Бунцъ разбилъ ефрейтору Гильзу голову кухонной посудой, такъ что тотъ черезъ нѣсколько дней умеръ. Не разъ онъ выбивалъ солдатскими головами стекла въ окнахъ и пробовалъ ихъ крѣпость на деревянныхъ ящикахъ. При производствѣ дознанія по этому дѣлу, какъ выяснилось на судѣ, другой унтеръ-офицеръ, Гинце, совѣтовалъ свидѣтелямъ держать языкъ за зубами. Бунцъ былъ приговоренъ всего только къ разжалованію и 1 году 4 мѣсяцамъ тюрьмы.

Еще лучше для военнаго начальства окончился другой случай, разыгравшійся въ Ганноверѣ. Здѣсь жертвой дурнаго обращенія является студентъ химіи Кордъ (Cordes), который въ качествѣ одногодичника отбывалъ тамъ воинскую повинность. Вслѣдствіе невѣроятно-пошлыхъ и мелкихъ гадостей, которыя устраивались изо-дня въ день его начальникомъ, портупей-юнкеромъ ф. Геннигсомъ, не останавливавшимся ни передъ какими оскорбленіями, несчастный студентъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ. По отзывамъ всѣхъ его знавшихъ, это былъ замѣчательно образованный и добродушный юноша. О какомъ бы то ни было судѣ надъ Геннигсомъ до сихъ поръ ничего не слышно. Недурно себя обставилъ также унтеръ-офицеръ Бланкъ изъ 2-го желѣзно-дорожнаго полка, дѣло котораго рассматривалось передъ судомъ гвардейскаго корпуса. Этотъ начальникъ желалъ сдѣлать споспѣшнымъ къ службѣ сапера Тотенгофа, который былъ впослѣдствіи все-таки уволенъ изъ полка вслѣдствіе своей полной неспособ-

ности. Средствами для этого въ рукахъ рьянаго унтера служили не только избыльныя пощечины, но еще и своего рода домашній „сквозь строй“, который, по его приказанію, устраивали товарищу остальные саперы. Четыре раза принуждалъ Бланкъ саперовъ драть розгами Тотенгофа, и они изъ страха передъ нимъ исполняли его приказаніе. Судъ приговорилъ Бланка къ тремъ недѣлямъ средняго ареста, а остальныхъ 12 саперовъ къ одному—тремъ днямъ тюрьмы. Первоначально эти саперы показывали, что они драли „по собственному желанію“; только во второй инстанціи суда они признались въ томъ, что дѣйствовали подъ вліяніемъ угрозъ и страха передъ Бланкомъ. Мягкость наказанія и здѣсь бросается въ глаза, какъ и въ другихъ случаяхъ. Не хуже дѣйствовалъ въ качествѣ воспитателя солдатъ и унтеръ-офицеръ Шванке изъ 6-го гренадерскаго восточно-прусскаго полка: онъ въ качествѣ батальоннаго тамбуръ-мажора настолько удачно завѣдывалъ обученіемъ резервныхъ музыкантовъ, что они падали безъ чувствъ отъ усталости на новомъ военномъ полѣ близъ Познани; онъ оживлялъ тогда ихъ музыкальныя дарованія при помощи ударовъ барабанными палками по головѣ, встававшихъ же вторично сваливалъ ударами на землю...

Тамбуръ-мажоръ получилъ два мѣсяца тюрьмы даже безъ разжалованія. Унтеръ-офицеръ 63 полка полевой артиллеріи Гофманъ, бывшій конюхъ, получилъ вмѣстѣ съ нашивками въ свое полное распоряженіе конюшню и чувствовалъ себя въ ней ничѣмъ неограниченнымъ повелителемъ. Онъ дрался ежечасно. Одному рядовому онъ успѣлъ дать 100 разъ по фізіономіи, другому 50; онъ билъ и хлыстомъ, и рукояткой; онъ заставлялъ рядовыхъ стоять по нѣсколько минутъ въ невыносимомъ положеніи на согнутыхъ ногахъ съ желѣзными ведрами въ рукахъ; онъ выдралъ у одного рядового пять клоковъ волосъ въ наказаніе за то, что тотъ плохо чистилъ лошадь и не жалѣлъ конскихъ волосъ! Въ общемъ изъ 693 случаевъ дурнаго обращенія съ солдатами 10 были признаны судомъ болѣе тяжелыми, 683—менѣе тяжелыми; но такъ какъ было признано, что Гофманъ дѣйствовалъ въ чрезмѣрномъ служебномъ усердіи, то, хотя его и засадили на 9 мѣсяцевъ въ тюрьму, но не разжаловали, и ему открылась такимъ образомъ возможность послѣ высидки получить мѣсто какого-нибудь блюстителя общественнаго спокойствія, жандарма или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Мы не будемъ далѣе останавливаться на цѣломъ рядѣ случаевъ дурнаго обращенія, которые имѣли мѣсто въ 29-мъ и въ 69-мъ пѣхотномъ полку и по приговору военнаго суда въ Трирѣ были награждены въ одномъ случаѣ двумя недѣлями средняго ареста, а въ другомъ—тремя мѣсяцами и одной недѣлей тюрьмы; эти случаи очень похожи на всѣ приведенные выше: и здѣсь то же окровавливаніе солдатскихъ фізіономій, тѣ же удары и толчки въ грудь и спину.

и т. д. Нѣсколько болѣе разнообразія представляютъ собою приемы военнаго воспитанія со стороны фельдфебеля Ватерштрата, его помощника Штейнбаха и сержанта Брюггемана, которые вскрылись благодаря доносу осужденнаго унтеръ-офицера Коллера, ихъ товарища по полку, попавшагося на подлогахъ, кражѣ и т. п. Изъ дѣйствій этой достойной компаніи заслуживаетъ особаго упоминанія тотъ способъ военнаго обученія, который примѣнилъ Штейнбахъ къ мушкетеру Шульцу, чтобы исправить его плохую стрѣльбу: онъ заставилъ его стать на четвереньки на военномъ полѣ въ снѣгу, всадилъ ему ружье между зубами и въ такомъ видѣ заставилъ его ползать и поворачиваться во всѣ стороны. Еще болѣе изобрѣтательности проявилъ унтеръ-офицеръ Нейдель изъ 52 пѣх. полка: онъ особенно любилъ ночныя упражненія своихъ рекрутъ въ однихъ рубашкахъ, когда они, по его приказу, дѣлали разныя неприличныя тѣлодвиженія, производили ружейныя приемы, лазали на столы и ночные шкафики... Онъ истязалъ рекрутъ всевозможными способами, билъ кулаками по лицу, билъ нагайкой, топталъ ногами, при чемъ норовилъ попадать каблукомъ въ глаза... За эти подвиги военный судъ 5-ой дивизіи приговорилъ его къ 5 годамъ тюрьмы и разжалованію. Но всѣ эти случаи, выяснившіеся на военномъ судѣ въ Магдебургѣ и Франкфуртѣ на Од. положительно ничто по сравненію съ тѣми подвигами, которые прославили имя унтеръ-офицера Брейденбаха и заставили говорить о себѣ положительно всю Германію. Какъ выяснилось изъ судебного отчета объ этомъ дѣлѣ въ двухъ инстанціяхъ, воспитательная система молодого и честолюбиваго унтеръ-офицера 4-го гвардейскаго пѣхотнаго полка, Брейденбаха, раскрылась, благодаря чистой случайности. Одинъ изъ солдатъ, Гилль, покончилъ съ собою въ подвалѣ казармы, и при разслѣдованіи выяснилось, что причиной самоубійства былъ страхъ передъ истязаніями со стороны унтеръ-офицера. Начавшееся затѣмъ слѣдствіе раскрыло удивительныя вещи. Оказалось, что Брейденбахъ, будучи недоволенъ своими „корявыми“ и „малыми“ рекрутами, желалъ сдѣлать ихъ ловкими и складными при помощи истязаній и въ виду этого систематически и послѣдовательно подвергалъ ихъ невѣроятнымъ мученіямъ. Онъ билъ ружейнымъ прикладомъ, штыкомъ плашмя, хлыстомъ, палкою отъ щетки за каждое самое ничтожное упущеніе. Дрался онъ съ невѣроятной жестокостію; солдата Бора онъ билъ до тѣхъ поръ, пока не оборвались всѣ ремни съ его нагайки; несчастнаго Гилля онъ раскладывалъ на скамейкѣ и колотилъ кнutomъ, сколько хотѣлъ. Хлыстъ у него былъ всегда въ рукахъ, только при появленіи начальства онъ пряталъ его за занавѣску. Онъ билъ солдата Прэтке и при этомъ спрашивалъ: „билъ ли я тебя хоть разъ“,— до тѣхъ поръ, пока тотъ наконецъ, не отвѣтилъ: „нѣтъ, вы еще не ударили ни разу, г. унтеръ-офицеръ“. Когда Брейденбахъ не

пожелалъ бить рядового Радемахера собственноручно, онъ велѣлъ его товарищамъ избить его, и только попытка Радемахера покончить жизнь самоубійствомъ спасла его отъ этого избіенія... Въ общей сложности судъ констатировалъ 1500 случаевъ тяжелаго характера — и все это въ теченіе приблизительно около 9 мѣсяцевъ... Обвинительный актъ содержалъ въ себѣ еще большее число случаевъ дурного обращенія: онъ указывалъ положительно чудовищную цифру въ 1800 случаевъ! Приговоръ во второй инстанціи оцѣнилъ, однако, подвиги Брейденбаха сравнительно очень низко: онъ получилъ только разжалованіе и 8 лѣтъ тюрьмы. Солдаты до такой степени и здѣсь были терроризованы всемогущимъ унтеръ-офицеромъ, что не только во время цѣлыхъ мѣсяцевъ мученій молчали и не жаловались начальству, но даже скрывали его дѣянія и, когда ихъ спрашивали о причинахъ красноты глазъ и опухлости щекъ, отвѣчали, что наткнулись нечаянно на шкафъ.

Таковы итоги трехмѣсячнаго обзора хроники дѣлъ о дурномъ обращеніи съ солдатами въ германской арміи. Но эта хроника была бы не полна, если бы мы не упомянули еще о тѣхъ случаяхъ дурного обращенія, гдѣ дѣйствующими лицами были не полубразованные ундера, а сами господа маіоры и лейтенанты изъ числа высоко привилегированнаго и высоко прославленнаго прусско-германскаго офицерства. Вотъ нѣкоторые образчики изъ числа случаевъ, разбиравшихся за послѣдніе три мѣсяца въ здѣшнихъ военныхъ судахъ. Подпоручикъ баронъ ф. Годинъ изъ пѣхотнаго полка въ Мюнхенѣ настолько увлекался выправкой и воспитаніемъ своихъ солдатъ, что, не довольствуясь цѣлымъ словаремъ ругательствъ, билъ ихъ саблѣй плашмя по колѣнкамъ, когда они не достаточно изящно маршировали, такъ что у солдатъ распухали ноги, и оставались шрамы. За 85 случаевъ противозаконнаго обращенія съ солдатами и ихъ оскорбленія, при чемъ 2 случая падаютъ на дурное обращеніе съ употребленіемъ оружія, — ретивый подпоручикъ получилъ 28 дней домашняго ареста. Поручикъ ф. Трага, въ качествѣ одного изъ завѣдующихъ офицерскимъ собраніемъ, билъ подчиненныхъ ему солдатъ и своего денщика кулаками по лицу и щеткой по головѣ и за 8 случаевъ дурного обращенія получилъ 14 дней домашняго ареста. Капитанъ Геннингъ, командиръ батареи въ 45 полку полевой артиллеріи дѣйствовалъ еще энергичнѣе; подъ его просвѣщеннымъ руководствомъ такъ были въ батареѣ рекруты, что одинъ изъ нихъ, Гольмъ, сначала дезертировалъ, а потомъ, будучи возвращенъ родителями въ полкъ, сошелъ съ ума, такъ какъ у него въ результатѣ истязаній оказалась проломленной голова; другой солдатъ получилъ отъ ударовъ въ животъ воспаленіе брюшины. Впрочемъ, благородный капитанъ дѣйствовалъ не одними физическими средствами: несчастнаго Гольма онъ ставилъ на колѣни

передъ фронтомъ и заставляял его призывать небеснаго отца въ помощь для изученія фронтовой премудрости! Четыре мѣсяца крѣпости безъ лишенія правъ были наказаніемъ бравому капитану за искалѣченіе двухъ человѣческихъ жизней, такъ какъ и второй указанный нами рекрутъ былъ тоже отпущенъ домой инвалидомъ... Въ томъ же духѣ дѣйствовалъ и подпоручикъ Шиллингъ въ 98 пѣхотномъ полку: онъ такъ ударилъ по лицу рядового Абеля, что у того сдѣлалось сотрясеніе мозга, а вслѣдъ затѣмъ наступило и слабоуміе... Такъ дѣйствуютъ господа офицеры, когда они снисходятъ сами до „рукоприкладства“, а не предоставляютъ этого благороднаго занятія непосредственно подчиненнымъ имъ унтеръ-офицерамъ.

И судъ, нельзя этого не замѣтить, относится къ нимъ еще мягче и снисходительнѣе, чѣмъ къ подвигамъ ундеровъ; если онъ еще караетъ крѣпостью и домашнимъ арестомъ случаи заушенія и избіенія рядовыхъ господами поручиками и капитанами, то въ тѣхъ случаяхъ, когда гг. офицеры оказываются виновными только въ слабomъ надзорѣ за такими извергами, какъ всевозможные Брейденбахи, Нейцели, Гоффманы и всѣ имъ подобные, судебное разбирательство оканчивается обыкновенно или полнымъ оправданіемъ, или очень легкимъ взысканіемъ. Судъ считаетъ, повидимому, совершенно естественнымъ, что офицеры не замѣчаютъ ни выбитыхъ зубовъ, ни распухшихъ щекъ, ни фонарей подъ солдатскими глазами и охотно вѣрятъ тому, что каждый день неловкіе рекруты натыкаются то на шкафъ, то на дверь, или даже такъ неудачно падаютъ, что ломаютъ себѣ пальцы на рукахъ, разбиваютъ себѣ головы, устраиваютъ воспаления брюшины и т. п. Но совершенно мѣняется отношеніе суда въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда несчастные рядовые прусско-нѣмецкой арміи, подъ вліяніемъ ужасной обстановки, теряютъ всякое сознаніе своего положенія и проявляютъ бунтъ, дерзость и неповиновеніе. О, тогда судъ становится суровымъ и беспощаднымъ!

Остановимся здѣсь на недавнихъ случаяхъ солдатскаго „бунта“ въ Германіи, имѣвшихъ мѣсто тоже въ теченіе послѣднихъ 3-хъ мѣсяцевъ и повлекшихъ за собою такіе приговоры, которые заставили говорить о себѣ всю независимую нѣмецкую прессу. Въ 110-мъ гренадерскомъ полку, стоящемъ въ Гейдельбергѣ, солдаты сдѣлали попытку такъ же проучить унтеръ-офицера передъ своимъ уходомъ въ запасъ, какъ унтеръ-офицеры учатъ солдатъ во время службы, т. е. попросту выдрать его. Попытка эта была затѣяна въ концѣ маневровъ, но не была доведена до конца. Одинъ изъ четырехъ солдатъ, которые хотѣли устроить сѣченіе, ударилъ только ундера Петерса палкой по спинѣ, а затѣмъ убѣжалъ. Этимъ дѣло и ограничилось. Тѣмъ не менѣе, указанные четыре „бунтовщика“ получили въ общей сложности 25 лѣтъ 9 мѣся-

певъ тюрьмы, т. е. отъ трехъ до десяти лѣтъ на брата! Дѣйствіе этого чудовищнаго приговора не только на подсудимыхъ и ихъ товарищей, но и на все населеніе Гейдельберга было потрясающее. Изъ боязни враждебныхъ суду демонстрацій, для объявленія приговора судъ перемѣнилъ залъ засѣданій. Возмущенная толпа встрѣтила свистками и криками негодованія вышедшихъ изъ казармы военныхъ судей. Весь городъ принималъ участіе въ живомъ обсужденіи событія, а бюргерская газета „Neue Badische Landeszeitung“ прямо заявила, что „Ея величество военная дисциплина взшла кроваво-краснымъ заревомъ на гейдельбергскомъ горизонтѣ“!.. Но этимъ дѣло не ограничилось. По достовѣрнымъ слухамъ послѣ этого суда во многихъ мѣстахъ обѣдавшіе офицеры 110 и 111 полковъ были засыпаны камнями со стороны неизвѣстныхъ лицъ, какъ предполагають, переодѣтыхъ солдатъ. Другой случай солдатскаго „бунта“ не менѣ замѣчателенъ. Солдаты, одного расположеннаго въ восточной Пруссіи полка, праздновали въ буфетѣ своего батальона наступленіе двухсотаго дня до ихъ освобожденія изъ службы. Было изрядно выпито, много было шуму, дошло дѣло и до взаимной потасовки; досталось и унтеръ-офицеру, который явился въ буфетъ и пытался было установить порядокъ. Результатомъ было уголовное дѣло объ оскорбленіи дѣйствіемъ начальника подчиненными и приговоръ, по которому выпившіе за свою будущую свободу солдаты получили вмѣсто нея каторжныя работы срокомъ до 5 лѣтъ. Третьимъ не менѣ яркимъ случаемъ „бунта“ и его военно-уголовной опѣнки является инцидентъ съ командиромъ 1-ой батареи 75 артиллерійскаго полка, капитаномъ ф. Грисгеймомъ, который во время маневровъ въ маленькомъ городишкѣ Гёсницѣ занялся неблагодарнымъ дѣломъ извлеченія подвыпившихъ солдатъ изъ разныхъ мѣстныхъ пивныхъ и трактировъ. Когда капитанъ настигъ одного изъ канонировъ, Цинке, на улицѣ, тотъ хотѣлъ спрятаться, а когда капитанъ схватилъ его за рукавъ, Цинке попробовалъ увернуться. Тогда капитанъ крикнулъ бывшему съ нимъ унтеръ-офицеру: „бей его, собаку“, и унтеръ-офицеръ немедленно такъ ударилъ Цинке саблей, что тотъ упалъ, обливаясь кровью, на землю и лишился сознанія. Въ результатѣ канониръ Цинке былъ обвиненъ въ сопротивленіи и приговоренъ судомъ къ 1 году и 6 мѣсяцамъ тюрьмы. Ни капитанъ, ни унтеръ-офицеръ, конечно, не только не были наказаны, но даже и не предавались суду.

Въ заключеніе этой ужасной хроники истязаній и оскорбленій, возмущеній и насилій—еще нѣсколько цифръ, которыя дополняютъ наши факты данными за болѣе продолжительный срокъ. Какъ мы уже упомянули выше, наши „случаи дурного обращенія“ относятся къ послѣднимъ тремъ мѣсяцамъ текущаго года. Но вотъ цифры, которыя, на основаніи официальныхъ данныхъ,

устанавливаетъ съ приблизительной точностью „Vorwärts“. Съ конца іюня по конецъ сентября независимой прессой установлено 80 судебныхъ приговоровъ по дѣламъ о превышеніи власти и дурномъ обращеніи, при чемъ на мелкихъ и крупныхъ истязателей солдатъ всего положено 27 лѣтъ, 1 мѣсяцъ и 10 дней заключенія въ тюрьмѣ и ареста; а съ января мѣсяца по тотъ же срокъ всего было осуждено 159 истязателя, награжденныхъ за свои подвиги въ общей суммѣ 50 годами 9 мѣсяцами и 29 днями лишенія свободы. Цифры въ общемъ весьма краснорѣчивыя! И это только дѣла, которыя подвергались судебному разбирательству и получили официальное признаніе! Сколько же, спрашивается, такихъ дѣлъ погребено между четырехъ стѣнъ казармы, гдѣ ихъ придавилъ страхъ передъ всемогущимъ ундеромъ и благосклонное молчаніе лейтенантовъ, которымъ отнюдь не желательно, чтобы выступала на свѣтъ Божій обратная сторона блестящей дрессуры двухлѣтокъ-солдатъ, эта скрытая и мрачная школа истязаній, которая такъ характерно отбѣиваетъ прусскій военный балетъ.

Для насъ, однако, теперь ясной становится эта, казалось бы, прирожденная „военная жилка“ пруссаковъ, ихъ солдатская выдержка и милитаризмъ—желѣзной рукой вбивается она въ мирнаго Михеля, народными силами и стопами покупается ея казенный блескъ и великолѣпіе. И не только страшное увеличеніе народныхъ тягостей влечетъ за собою ростъ милитаризма, но и цѣлый рядъ необходимо сопутствующихъ явленій, вродѣ только что указанныхъ. И это вполнѣ естественно: гдѣ не право человеческой личности регулируетъ социальныя отношенія, а бездушная деревянная дисциплина, гдѣ нѣтъ мѣста для спасительной гласности и общественного контроля, а военная декорация замѣняетъ собою цѣли необходимой народной обороны—тамъ должна завестись плѣсень грубаго человѣконенавистничества, тамъ просыпается звѣрь въ человѣкѣ, тамъ выдвигаются на первый планъ истязатели и угнетатели, и никакимъ военнымъ судамъ, тюрьмамъ и арестамъ не вывести этого. Тутъ нужны болѣе радикальныя мѣры.

II.

Останавливаясь на цѣломъ рядѣ фактическихъ данныхъ, которые ярко рисуютъ намъ процессъ разложенія и одичанія среди культурной націи подъ вліяніемъ милитаризма, нельзя, однако, забывать, что Германія всетаки не Турція, и что въ Германіи, кромѣ прусско-нѣмецкаго военнаго начальства, есть еще и общество, а рядомъ съ обремененнымъ громадной властью правительствомъ стоитъ еще народное представительство, которое для того и существуетъ, чтобы блюсти народные интересы и останавливать правительство.

тамъ, гдѣ оно сходитъ съ правильнаго пути. Германія перестала бы быть тѣмъ, что она есть, т. е. культурнымъ правовымъ и представительнымъ государствомъ, если бы среди нея могли происходить факты, подобные указаннымъ, безъ того, чтобы противъ этого не поднялся народный протестъ, чтобы пресса не сдѣлала ихъ предметомъ злободневныхъ разсужденій, а романисты на ряду съ различными военными авторитетами не освѣтили этого вопроса со всѣхъ точекъ зрѣнія и во всѣхъ направленіяхъ.

И здѣсь нужно отдать полную справедливость нѣмецкому новѣйшему роману. Та борьба противъ милитаризма, которую такъ послѣдовательно, ожесточенно, и съ такимъ пониманіемъ дѣла ведетъ уже много десятилѣтій нѣмецкая социаль-демократія, въ современномъ романѣ нашла себѣ могущественнаго союзника, который проникъ не только въ литературные, но и въ широкіе бюргерскіе круги и ошеломилъ филистеровъ ужасной картиной одичанія и насилія, которыя свили себѣ гнѣздо подъ кровомъ военной исключительности и военной дрессуры.

Двумъ романамъ въ особенности было суждено сыграть такую замѣчательную роль. Одинъ романъ Байерлейна—„Јена или Седанъ *), другой романъ Бильзе—„Изъ маленькаго гарнизона“ **).

Романъ Байерлейна написанъ въ широкомъ стилѣ и носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды вліянія великой толстовской эпопеи. Онъ содержитъ въ себѣ сравнительно очень мало романтическихъ эпизодовъ и можетъ быть названъ художественно написанной хроникой 6-ой батареи остерландскаго артиллерійскаго полка. Формально разсказъ приуроченъ къ отбыванію воинской повинности славнымъ, здоровымъ деревенскимъ парнемъ Францемъ Фогтомъ. Съ выходомъ его изъ полка оканчивается и самый романъ. Однако, одной хроникой солдатской жизни романъ не удовлетворяется. Онъ даетъ по существу три отдѣльных хроники, если хотите, три романа, которые тянутся все время параллельно и, гдѣ нужно, взаимно пополняютъ и объясняютъ другъ друга. Одинъ развивается въ средѣ новобранцевъ и рядовыхъ, второй захватываетъ собою жизнь и бытъ вахмистровъ и унтеръ-офицеровъ, третій посвященъ жизни нѣмецкаго офицерства и въ лицѣ двухъ лучшихъ офицеровъ даетъ положительную оцѣнку новѣйшимъ военнымъ порядкамъ Германіи. Въ общемъ, однако, три романа представляютъ изъ себя единое цѣлое, ихъ объединяетъ жизнь батареи, какъ части великаго военного организма, военная организація и жизнь, исключительность военной среды съ ея особыми нравами и законами.

Солдатскую жизнь рисуетъ намъ авторъ въ общемъ въ весьма

*) Franz Adam Beyerlein, Jena oder Sedan?—Volksausgabe. Berlin 1903.

**) Fritz von Kurburg, (Leutnant Bilse), Aus einer kleinen Garnison, Braunschweig, 1903.

мрачныхъ краскахъ. Соединенные только мундиромъ и воинской дисциплиной, люди, пришедшіе въ полкъ изъ самыхъ разнообразныхъ круговъ общества и изъ различныхъ мѣстностей, съ великимъ трудомъ свыкаются съ тягостью солдатской жизни. Характерными для этой среды являются въ особенности четыре главныхъ драматическихъ эпизода, которые ярко рисуютъ намъ прусско-нѣмецкую солдатчину и являются своего рода литературнымъ отраженіемъ тѣхъ данныхъ, которыя приведены нами выше. Остановимся на нихъ нѣсколько подробнѣе. Въ первомъ случаѣ передъ нами проходитъ удивительно живо нарисованная сцена избіенія рекрутъ старыми солдатами. Обозленный на неловкость и слабость болѣзненнаго рекрута изъ городскихъ писцовъ, Клицинга, вице-вахмистръ морить изъ-за него лишніе часы на ученьи старыхъ солдатъ, а когда они изнемогаютъ отъ усталости, подстрекаетъ ихъ проучить несчастнаго. И дѣйствительно они нападаютъ на него съ кнутами, ремнями и арапниками... Клицингъ навѣрно былъ бы забитъ до смерти, если бы за него не вступились деревенщина Фогтъ, фанатикъ социаль-демократіи Вольфъ и добродушный толстый пивоваръ рекрутъ. Во всякомъ случаѣ, драка произошла ужасная, и если Клицингъ остался невредимъ, то его товарищи-рекруты оказались жестоко избитыми. Второй случай—это смерть Клицинга. Въ силу декоративныхъ соображеній подь орудіе была запряжена слабая и старая, хоть и красивая лошадь подходящая къ упряжкѣ подь масть. Результатомъ было ея паденіе на крутомъ горномъ подьемѣ, сползаніе орудія съ горы и паденіе всей остальной запряжки на землю. Подь упавшихъ лошадей угодила и Фогтъ и при томъ такъ неудачно, что раненная лошадь при одномъ изъ послѣдующихъ своихъ движеній должна была неминуемо разбить ему голову. Фогта спасъ его другъ Клицингъ, который подь копыта лошади подставилъ свою слабую грудь. Грудь была разбита, Клицингъ умеръ и заплатилъ своей смертью за красоту орудійной запряжки... Слѣдующій случай еще ужаснѣе. Вольфъ былъ социаль-демократъ, глубоко-вѣрующій идеалистъ, всей душой преданный идеѣ будущаго золотого вѣка. Онъ только страшнымъ усиліемъ воли сдерживалъ себя во время отбыванія повинности отъ выраженія протеста противъ окружающихъ его проявленій насилія и произвола. Онъ страстно, всѣмъ своимъ существомъ любилъ свободу и стремился къ ней, и если всѣ солдаты съ самаго своего зачисленія въ полкъ съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ считали дни и часы, остающіеся до выхода въ запасъ, то въ особенности мучительно ждалъ Вольфъ того дня, когда онъ, наконецъ, будетъ въ состояніи опять открыто исповѣдывать свои убѣжденія, броситься опять въ борьбу за всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ и работать надъ уничтоженіемъ всякаго зла и всякаго насилія на землѣ... И вотъ, вожделенный моментъ насталъ. Солдаты уходятъ въ запасъ и.

одѣваются въ свое гражданское платье. Вольфъ тоже готовъ навсегда разстаться съ ненавистной ему казармой. Еще моментъ, и онъ свободенъ, онъ полноправный гражданинъ представительства государства, активный членъ той партіи, которая такъ неустанно и мощно борется противъ солдатскихъ мученій и неволи. Еще шагъ—и побѣда одержана, два года страшнаго нравственнаго насилія надъ самимъ собою прошли. Вольфъ выдержалъ пытку... Но не тутъ-то было... Въ послѣдній моментъ камерный унтеръ-офицеръ въ присутствіи Вольфа учиняетъ невѣроятное издѣвательство надъ его товарищемъ и заставляетъ этого послѣдняго облизовать языкомъ грязь съ упавшихъ на землю сапогъ. Мало того, этими грязными сапогами унтеръ сталъ ѣдить несчастному по физиономіи и вытирать объ нее грязь и сало съ сапогъ... Этого Вольфъ не выдержалъ, онъ ударилъ унтеръ-офицера по лицу... Пришлось снять гражданское платье и надѣть военное, пришлось идти въ военную тюрьму, такъ какъ въ этотъ день запасные стояли еще подъ дѣйствіемъ военныхъ законовъ; вмѣсто свободы Вольфъ получилъ три года тюрьмы... Этого нашъ социаль-демократъ не могъ вынести; онъ бѣжалъ изъ тюрьмы нарочно тогда, когда въ ней занимали посты егеря, и былъ убитъ!.. Но не только социаль-демократу пришлось отвѣдать тюрьмы; лучшему солдату полка, Францу Фогту, пришлось тоже ея стѣнами закончить свою службу уже въ качествѣ оставшагося на сверхсрочную службу ефрейтора. Когда Фогтъ со своими товарищами изъ всѣхъ силъ старались обогнать другихъ канонировъ въ выполненіи задачъ по исправленію поврежденій на орудіи, и Фогтъ прибѣжалъ съ докладомъ о блестящемъ успѣхѣ къ офицеру, этотъ послѣдній не нашелъ ничего лучшаго, какъ начать издѣваться надъ ефрейторомъ, еле державшимся отъ усталости на ногахъ, и вздумалъ учить его стойкѣ, не смотря на его дрожація колѣна... Встрѣивъ вмѣсто благодарности издѣвательство, Фогтъ заупрямился и не поставилъ ногъ такъ, какъ это ему велѣлъ игривый поручикъ... Результатомъ было судебное разбирательство, на которомъ честный солдатъ выдалъ себя съ головой, такъ какъ не желалъ изворачиваться и лгать, а показалъ, по совѣсти, что въ случаѣ, если бы подобное издѣвательство надъ нимъ повторилось, онъ опять поступилъ бы по прежнему. Пять мѣсяцевъ тюрьмы было наградой ефрейтору Фогту за его честное сердце, старательную службу, и вполнѣ понятно, что въ тюрьмѣ пламенные проповѣди Вольфа нашли только слишкомъ подготовленную почву въ сердцѣ молодого солдата. Когда, не вынеся несчастія и позора сына, старый отецъ Фогта скончался, а вскорѣ затѣмъ и Францъ отбылъ свой срокъ, то онъ возвратился домой человѣкомъ совершенно сложившихся убѣжденій: Фогтъ сталъ социаль-демократомъ.

Не менѣе мрачныя картины рисуетъ намъ романистъ и изъ

тѣхъ круговъ, гдѣ вращаются фельдфебеля и вахмистры, унтеры и каптенармусы. Эти люди, поднявшіеся въ среду „начальства“ изъ далеко не лучшихъ элементовъ простыхъ солдатъ, соединяютъ въ себѣ невѣжественность и грубость низшихъ слоевъ общества съ высокомеріемъ и пороками стоящаго надъ ними офицерства. Снизу они приносятъ съ собою жестокость прошедшаго тяжелую школу выскочки, сверху они заимствуютъ пьянство, развратъ, картежничество и извращенное понятіе чести, и, не имѣя никакихъ нравственныхъ устоевъ, чрезвычайно легко поддаются соблазнамъ громадной власти, превращаются въ дикихъ и отвратительныхъ самодузовъ. И этотъ процессъ постоянного паденія современнаго нѣмецкаго состава унтеръ-офицеровъ Байерлейнъ рисуетъ чрезвычайно живыми красками. Вотъ передъ нами старый вахмистръ Шуманъ. Онъ покидаетъ послѣ 18-ти лѣтней безупречной службы полкъ, такъ какъ долженъ обезпечить себѣ чѣмъ-нибудь старость, а военная служба больше ничего дать ему не можетъ. На его мѣсто назначается вахмистръ изъ новыхъ, жестокій и безжалостный Геппнеръ, картежникъ и кутила, который только потому избѣгаетъ суда и тюрьмы, что его одинъ разъ выручаетъ богатый вольноопредѣляющійся, а въ другой разъ его во-время убиваютъ. Этотъ Геппнеръ, играющій на казенныя деньги цѣлыя ночи на пролетъ, добывающій свою умирающую жену страшными ругательствами и оскорбленіями, измѣняющій ей на ея же глазахъ не только со всѣми встрѣчными женщинами, но и съ ея родною сестрой,—въ то же время, однако, хорошій фронтовикъ, страстный любитель лошадей,—и этого для службы довольно. Только когда ревнивый вице-вахмистръ Геймертъ ловитъ его на мѣстѣ преступленія со своею женой, ему впервые приходится дать отчетъ въ своемъ поведеніи. Полупьянаго тащить его Геймертъ стрѣляться по примѣру господъ офицеровъ на дуэли, убиваетъ его изъ его же собственнаго револьвера, и, благо на этой унтеръ-офицерской дуэли свидѣтелей не полагалось, выдаетъ смерть Геппнера за самоубійство; это ему удается, и Геймертъ становится преемникомъ убитаго въ качествѣ вахмистра, но тоже не на долго. Новый вахмистръ страшно истязаетъ на дворѣ казармы свою почти обнаженную жену и выгоняетъ ее изъ дому. Самъ же онъ послѣ этого впадаетъ въ помѣшательство и успокаивается на томъ, что играетъ въ деревянные солдатикъ, командуетъ игрушечной батареей и неустанно производитъ военныя экзекуціи своимъ послушнымъ и безотвѣтнымъ маленькимъ солдатамъ... Но и другіе представители унтеръ-офицерской среды, выведенные въ романѣ Байерлейна, далеко не высшаго качества: вотъ передъ нами „покаявшійся“ въ своихъ заблужденіяхъ социаль-демократъ Вейзе, котораго за рукоприкладство, во избѣжаніе скандала, откомандировываютъ въ фейерверкерскую школу; вотъ далѣе унтеръ-

офицеръ Кейзеръ, который платится жизнью за издѣательства и истязанія надъ рядовыми; вотъ барончикъ Фрилинггаузенъ, слабый и нѣжный питомецъ благородной семьи, который не имѣетъ силы выбиться даже въ артиллерійскіе чиновники и въ концѣ концовъ покупаетъ за свой титулъ увеселительное заведеніе въ предмѣстіяхъ Берлина...

Среди офицеровъ остландскаго полка, которыхъ намъ рисуетъ Байерлейнъ, мы найдемъ очень немного такихъ элементовъ, которые были бы въ состояніи поднять и очистить нѣмецкій военный строй: полковникъ Фалькенгеймъ, капитанъ Гинцъ, поручикъ Реймерсъ, да отчасти, пожалуй, капитанъ Вегштеттенъ — вотъ и всѣ тѣ лучшіе люди среди офицерства полка, которые могли бы оказать благотворное вліяніе на полкъ и его внутреннюю жизнь. И эти люди, по утверженію романиста, дѣйствительно видятъ надвигающуюся опасность разложенія военной среды и изо всѣхъ силъ стараются устранить ее. Но не на ихъ сторонѣ перевѣсъ. Умный и знающій людей такъ же, какъ и свое дѣло, полковникъ держится въ полку и получаетъ въ концѣ концовъ бригаду только въ силу личнаго знакомства и покровительства мѣстнаго государя; капитанъ Гинцъ, превосходный знатокъ артиллерійскаго дѣла, безупречный командиръ и воспитатель солдатъ, въ своихъ стремленіяхъ исправить переданную ему совершенно испорченную часть и не менѣе испорченнаго и никуда негоднаго субалтерна, получаетъ въ концѣ концовъ отъ обозливагося офицера оскорбленіе „въ службѣ“ и долженъ вызвать его на дуэль, не смотря на то, что онъ семейный человѣкъ и въ этомъ столкновеніи совершенно невиновенъ. Гинцъ не выдерживаетъ долго мелочной и совершенно безпѣльной борьбы съ окружающей средой и, съ уходомъ Фалькенгейма, уходитъ самъ на частное мѣсто, на фабрику артиллерійскихъ орудій и снарядовъ. Участь Реймерса складывается еще печальнѣе. Этотъ офицеръ, страстно любящій свою родину и военное дѣло, возвращается въ полкъ послѣ своего участія въ бурской войнѣ съ новыми надеждами и планами возрожденія германской арміи. Онъ много работаетъ, готовится въ академію, всей душой отдается исполненію своихъ обязанностей, но слишкомъ скоро убѣждается, что одинъ въ полѣ не воинъ, и, потерпѣвъ крушеніе личной жизни, не находя никакой опоры въ своемъ призваніи, пускаетъ себѣ пулю въ лобъ. Такъ лучшіе элементы полка уходятъ или погибаютъ, а остаются или сухіе и ни передъ чѣмъ не останавливающіеся карьеристы, вродѣ нарисованнаго въ романѣ Магелунга, или пьяницы и развратники, не признающіе ничего, кромѣ своихъ необузданныхъ похотей — вродѣ Моора и Гропфузена, или та жалкая и пошлая посредственность, та сплетническая банда, которая такъ выпукло изображена Байерлейномъ въ видѣ всевозможныхъ Лишке и Хейшкелей, Гейлей и Мѣллеровъ, Ландсберговъ, фонъ

Фребеновъ, представляющихъ собою плотный, подавляющій фонъ картины.

Мы не будемъ останавливаться на мелочахъ и деталяхъ остерландской хроники и лишь отмѣтимъ здѣсь еще тѣ сужденія о современномъ милитаризмѣ, которыя авторъ влагаетъ въ уста своихъ положительныхъ типовъ. Вотъ какъ говоритъ Гинцъ передъ дуэлью о состояніи германской арміи въ запискѣ, которой онъ, по замыслу автора, повѣрилъ свои сокровеннѣйшія мысли: „Организація германской арміи основывается на принципахъ, которыхъ дѣйствіе продолжается почти столѣтіе. Побѣдоносно утвердившись въ прусскихъ установленіяхъ, они были перенесены въ новую имперію и существуютъ, не подвергаясь со времени великой войны никакой серьезной провѣркѣ, измѣненные только въ мелочахъ. И это—въ теченіе долгихъ десятилѣтій громаднаго повсемѣстнаго прогресса!.. Способы военного воспитанія людей, происходя изъ патріархальнаго, бюрократическаго времени, остались все тѣми же опекающими, педантическими, рассчитанными на постоянную наличность патріотизма. А между тѣмъ, на мѣсто прежней простоты деревенскихъ рекрутъ, явился новый, глубоко отъ него отличный элементъ: проникнутое сильнымъ социаль-демократическимъ духомъ настроеніе промышленныхъ рабочихъ, которые, если и не представляютъ собою большинства контингентовъ, однако, благодаря большому развитію, имѣютъ на нихъ господствующее вліяніе. И вмѣсто того, чтобы воспользоваться въ интересахъ дѣла этой болѣе развитой интеллигенціей, и теперь все вытягиваютъ, какъ прежде, на дыбу механической муштровки, какъ во времена Фридриха Великаго. Только шпирутены теперь отмѣнены. Все воспитаніе солдатъ въ гораздо большей степени руководствуется цѣлями смотровъ и парадовъ, чѣмъ возможностью употребленія на войнѣ...“ „Дрессировка должна поддерживать дисциплину! Она и поддерживаетъ ее, какъ желѣзный обручъ на бочкѣ, у которой сухія клѣпки развалятся внутрь при первомъ толчкѣ!..“ *)

„Благодаря одностороннему воспитанію и ярко выраженному исключительно корпоративному сознанію, ограниченный узкимъ кругомъ познанія и опыта“, корпусъ офицеровъ остался совершенно чуждымъ перемѣнамъ новаго времени, которыя становятся замѣтны и въ войскѣ. Офицеръ, вслѣдствіе происхожденія и воспитанія, былъ отдѣленъ настоящей пропастью отъ чувствъ и мыслей рядового солдата, и обратно, солдатъ совершенно не понималъ того духа, на которомъ офицеръ строилъ свое отношеніе къ нему. „Двухъ-трехъ офицеровъ онъ ненавидитъ или высмѣиваетъ, къ большинству относится равнодушно, и только по отношенію къ очень немногимъ чувствуетъ дѣйствительное уваженіе, искреннюю привязанность и преданность“. При такомъ господствѣ мертвой

*) Beyerlein. Jena oder Sedan, 369—371.

рутины, вполне естественно, что, на мѣсто здоровыхъ мотивовъ дѣятельности, среди офицерства развивается только сплошное подслуживаніе и пресмыканіе передъ старшими. Поведеніе офицеровъ „вырождается въ нетоварищеское, противное, прямо вредное интересамъ арміи пресмыканіе передъ начальствомъ, съ другой же стороны, личное расположеніе и склонность должны постоянно примѣшиваться къ объективнымъ сужденіямъ начальствующихъ и надзирающихъ, въ виду неограниченнаго круга ихъ власти по отношенію къ подчиненнымъ“. Къ этому присоединилось еще новое обстоятельство: „повышенія стали основываться не только на военныхъ успѣхахъ, но и на тѣхъ побѣдахъ, которыя одерживались на паркетахъ и при дворахъ! Естественнымъ дополненіемъ такихъ порядковъ явилась все возрастающая роскошь въ войскахъ. Въ особенности этой роскошью задѣты тѣ слои „военно-служилаго дворянства“, которые, хотя и не принадлежатъ цѣликомъ къ дворянству, тѣмъ не менѣе служатъ изъ поколѣнія въ поколѣніе въ войскахъ и представляютъ изъ себя „лучшій матеріалъ офицерскаго корпуса“. И этотъ-то элементъ въ послѣднее время или держится въ сторонѣ отъ офицерства, или, въ лицѣ своихъ младшихъ представителей, подвергается процессу развращающей роскоши и жизни не по средствамъ. Внѣшность и здѣсь начинаетъ замѣнять содержаніе! *)

Итакъ, вотъ результаты, къ которымъ приходитъ капитанъ Гинцъ: „большинство людей неохотно несутъ военную службу, совершенно лишены всякаго патріотизма и воспитываются, къ тому же, въ закоснѣвшихъ принципахъ дрессировки съ пренебреженіемъ боевой подготовки; корпусъ офицеровъ пропитанъ предрасудками и устарѣвшими воззрѣніями, напередъ осуждаетъ, какъ бесполезную, всякую реформу, потерялъ всякое соприкосновеніе съ рядовыми; въ цѣломъ войскѣ водворилось стремленіе къ показной сторонѣ и начинается уменьшеніе профессиональной серьезности; при существующихъ условіяхъ нѣтъ надежды на спасительную перемѣну“ **).

Таковы общія заключенія во многомъ замѣчательнаго романа; богатство типовъ и характеровъ, широта этического размаха, полная объективность изложенія и спокойный серьезный тонъ автора дѣлаютъ этотъ романъ выдающимся литературнымъ явленіемъ. Молодой авторъ сразу сдѣлалъ себѣ имя, а знаніе военной среды и смѣлость, съ которой онъ приподнялъ покровъ надъ ея вопіющими недостатками, заставили многихъ приздуматься надъ системой современнаго милитаризма. Случай съ лейтенантомъ Бильзе явился какъ бы нарочно для того, чтобы подтвердить всѣ выводы Бейерлейна. Поручикъ Бильзе изъ малень-

*) Beyerlein, Jena oder Sedan, 371—375.

**) Beyerlein, Jena oder Sedan, 375—376.

каго гарнизона Форбахъ написалъ, подъ псевдонимомъ фонъ-дёръ-Кирбурга, небольшой романъ изъ военной жизни: „Изъ маленькаго гарнизона“. Этотъ романъ не произвелъ вначалѣ особеннаго впечатлѣнія, такъ какъ художественныя достоинства его были не велики, а изображенная имъ скандальная хроника гарнизона представлялась слишкомъ невѣроятной для того, чтобы внушить кому-нибудь опасенія за состояніе прусско-германскаго воинства.

Романъ этотъ представляетъ намъ страшную глубину нравственнаго паденія и грязи: между прочимъ авторъ рисуетъ современную полиандрію и полигамію въ гарнизонной средѣ. Здѣсь всѣ живутъ со всѣми. Командиръ полка ф. Пронау живетъ съ женою ротмистра Штарка, находится у нея подъ башмакомъ и представляетъ ея мужа къ производству, не смотря на то, что и конюшными, и людьми у него завѣдуетъ его супруга. Жена ротмистра Кале находится въ связи — сначала съ поручикомъ Боргертомъ и подпоручикомъ Поммеромъ, а затѣмъ мѣсто Поммера занимаетъ подпоручикъ Кольбергъ. Мужъ Кале терпитъ всѣ похождения своей жены, такъ какъ боится, что, въ случаѣ развода, ему пришлось бы выплатить обратно ея приданое. Благодаря случаю, однако, связь его жены и Кольберга открывается, бѣдный Кале, произведенный къ тому времени въ майоры, по необходимости вызываетъ подпоручика на дуэль. Его подстрѣливаютъ на дуэли, онъ становится калѣкой, покидаетъ службу и, всетаки, принужденъ въ концѣ-концовъ выплатить женѣ ея деньги. Поручикъ Бергертъ, сходится затѣмъ съ женою поручика Леймана, бѣжитъ съ нею въ Лондонъ, но передъ отъѣздомъ дѣлаетъ еще ложный доносъ на товарища. Подпоручикъ Шпехтъ открыто появляется вездѣ съ своей „любовью“ изъ полу-свѣта и на ея деньги устраиваетъ свою обстановку... Таковы главные эпизоды „романа“, разыгрывающагося въ средѣ офицерства маленькаго гарнизона.

Не лучше обстоятъ дѣла, по утвержденію Бильзе, и среди солдатъ того же военнаго угла. Вице-вахмистръ Ротъ, мошенникъ и воръ, замораживаетъ до смерти болѣзненнаго ефрейтора Дитриха, искалѣчиваетъ другого резервнаго ефрейтора до полной негодности къ работѣ, подводитъ подъ судъ сержанта Шмица, честнаго и любящаго свое дѣло солдата, который по выходѣ изъ военной службы становится однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и сильныхъ агитаторовъ социаль-демократіи...

Какъ видите, романъ, написанный Бильзе, еще „кряпче“ по содержанію, чѣмъ книга Байерлейна. Однако, повторяемъ, особеннаго впечатлѣнія „Маленькій гарнизонъ“ неизвѣстнаго автора не произвелъ, и его чрезвычайному успѣху содѣйствовало совершенно неожиданное обстоятельство: сослуживцы Бильзе по полку не могли въ романѣ не узнать себя и, обидѣвшись, потащили автора въ судъ. И тутъ-то произошелъ грандіозный скандалъ

отчетахъ о которомъ долгое время были переполнены всѣ газеты. Бильзе утверждалъ, что онъ отнюдь не желалъ ни оскорблять своихъ сослуживцевъ, ни клеветать на нихъ. Онъ по просту воспользовался правомъ всякаго романиста наблюдать живую дѣйствительность, изучать тѣ или другіе окружающіе его типы и, затѣмъ, изображать ихъ въ романѣ въ болѣе или менѣе измѣненномъ и переработанномъ видѣ. Бильзе отказался указать живые оригиналы своихъ героевъ и предоставилъ эту неблагодарную работу представителямъ обвиненія. Тутъ произошло нѣчто совершенно неожиданное: для того, чтобы поддержать обвиненіе, пришлось на судѣ доказывать тождественность гнусныхъ героевъ романа съ наличными представителями Форбахскаго гарнизона, и потомъ уже, изобличивъ этихъ послѣднихъ въ цѣломъ рядѣ пороковъ и преступленій, изображенныхъ романистомъ, обвинять послѣдняго въ томъ, что онъ сказалъ правду и тѣмъ оскорбилъ товарищей и начальство. Обвиненіе могло поздравить себя съ чрезвычайнымъ успѣхомъ: во время гласнаго и публичнаго разбирательства выяснилось совершенно неоспоримо, что всѣ описанныя Бильзе событія на 99% соотвѣтствуютъ истиннымъ происшествіямъ въ жизни Форбахскаго гарнизона, и что герои романа почти цѣликомъ скопированы съ живыхъ лицъ. Скандалъ вышелъ чрезвычайный. Романъ оказался не только поэтическимъ произведеніемъ, но и доказанной судебнымъ порядкомъ истиной... Какъ призналъ самъ судъ своимъ рѣшеніемъ, книга Бильзе не можетъ быть признана памфлетомъ... Но такъ какъ романистъ-поручикъ совершилъ, всетаки, преступленіе съ военной точки зрѣнія, разоблачивъ служебную тайну и обнародовавъ свое сочиненіе безъ разрѣшенія начальства, то онъ и получилъ за это достойную награду: 6 мѣсяцевъ тюрьмы и удаленіе изъ арміи! Самый романъ былъ конфискованъ, и автору этихъ строкъ только благодаря случаю удалось воспользоваться однимъ изъ уцѣлѣвшихъ его экземпляровъ.

Если мы теперь обратимся къ произведеніямъ специалистовъ по занимающему насъ вопросу, то и здѣсь найдемъ много подтвержденій тѣмъ выводамъ, которые сдѣланы Байерлейномъ и такъ блестяще иллюстрированы Бильзе. Передъ нами небольшое, но весьма интересное изслѣдованіе нѣмецкаго военнаго врача о душевныхъ заболѣваніяхъ въ мирное время въ германской арміи. Въ этой брошюрѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія статистика самоубійствъ, которыя совершаются ежегодно въ арміи подъ вліяніемъ душевнаго угнетенія. Приведемъ нѣкоторыя цифры. Съ 1879—1884 годъ среди невоеннаго населенія Германіи на 100.000 населенія ежегодно, въ среднемъ, прихотось 30 самоубійствъ; въ то же самое время на 100.000 солдатъ первыхъ 13 армейскихъ корпусовъ, за исключеніемъ офицеровъ, приходилось 75 самоубійствъ ежегодно. Для другихъ лѣтъ, по болѣе раннимъ

исчисленіямъ Дипа, на 25 „гражданскихъ“ самоубійствъ приходилось 66 „военныхъ“. Выходя изъ этихъ цифръ, авторъ брошюры, д-ръ Ильбергъ считаетъ для настоящаго времени далеко не преувеличенной цифру въ 400 самоубійствъ ежегодно для всего военного контингента Германіи. Цифра далеко не малая. Четыре сотни молодыхъ, наиболѣе сильныхъ и крѣпкихъ людей страны оканчиваютъ жизнь самоубійствомъ въ рядахъ арміи ежегодно!.. И при томъ надо замѣтить, что громадное большинство этихъ самоубійствъ совершается не только въ первый-же годъ службы, но именно въ первый ея мѣсяцъ; во второй годъ цифра самоубійствъ уже менѣе половины этого числа, а въ третій — едва одна треть. И это вполне понятно: рекрутамъ приходится въ германской арміи особенно плохо *)!

Даже такіе высоко-патріотическіе писатели, какъ баронъ Ф. Гуленъ, приходятъ въ своихъ „военныхъ наблюденіяхъ“ къ довольно таки пессимистическимъ заключеніямъ: „нервы нѣмецкихъ офицеровъ“, по его мнѣнію, въ настоящее время совершенно разстроены: „они не обладаютъ болѣе надлежащей тѣлесной, духовной и моральной свѣжестью“. Причины этому частью „служебно-техническаго“, частью „служебно-личнаго“ характера. Прежде всего нашъ благонамѣренный авторъ находитъ, что двухлѣтній срокъ воинской повинности заставляетъ офицеровъ слишкомъ напрягать свои силы и нервы, слишкомъ много и интенсивно работать. Теперь нѣтъ уже болѣе тѣхъ постепенныхъ и спокойныхъ періодовъ обученія солдата, которые были прежде, а тутъ еще офицера слишкомъ много занимаютъ тактическими задачами и разными перемѣнами въ служебныхъ инструкціяхъ и уставахъ. Съ другой стороны начальство мѣняется слишкомъ часто, а у всякаго начальства свои взгляды и требованія, которымъ офицеръ долженъ угодить; только что угодилъ одному, глядишь, надо угождать другому, и нигдѣ такъ, какъ въ германской арміи, не заботятся о постоянномъ „освѣженіи“ состава, и нигдѣ такъ не велика опасность вылетѣть, при первой случайности, за бортъ. Къ недостаткамъ военнаго нѣмецкаго строя причисляетъ нашъ авторъ и то обстоятельство, что здѣсь офицерамъ разрѣшаютъ слишкомъ много гулять въ гражданскомъ платьѣ. Онъ нападаетъ и на излишнюю роскошь въ арміи, и на присутствіе въ ней на отвѣтственныхъ мѣстахъ слишкомъ большого числа безотвѣтственныхъ „принцевъ“, и на нелѣпыя ружейныя приемы вродѣ „фидриціанскаго“, и на фантастическіе маневры, парады и марши, на всѣ эти „военныя представленія“, которыя отнимаютъ у солдата массу времени и, кромѣ усталости и раздраженія, не приносятъ ему ничего. По существу однако ф. Гуленъ и здѣсь не можетъ подняться надъ обычной

*) Georg. Ilberg, Ueber Geistesstörungen in der Armee zur Friedenszeit Halle. 1903, 9.

бюргерской точкой зрѣнія для того, чтобы быть въ состояніи уловить истинные „корни и нити“ военного неурядиства. И если этотъ авторъ стяжалъ немалую хвалу въ нѣкоторыхъ „либеральныхъ“ газетахъ, которыя, при всемъ своемъ критическомъ отношеніи къ арміи, тѣмъ не менѣе, далеко не рѣшаются потрясать основы милитаризма, то виною этому тѣ дѣйствительно разумныя строки, которыя нашъ баронъ посвящаетъ отношеніямъ между „гражданиномъ и запаснымъ офицеромъ“. Совершенно справедливо удивляется онъ тому обстоятельству, что при открытіи Германскаго рейхстага большинство депутатовъ не нашло ничего лучшаго, какъ надѣть для такого праздника свои мундиры, въ качествѣ запасныхъ офицеровъ! Гг. народные представители предпочли козырять всякому старшему офицеру, чѣмъ съ достоинствомъ носить свой черный фракъ, въ качествѣ свободныхъ и независимыхъ гражданъ. Не менѣе странной представляется ему и то, что во многихъ германскихъ государствахъ запасныхъ офицеровъ лишаютъ званія, разъ только они гдѣ-бы то ни было въ качествѣ гражданъ выражаютъ политическія убѣжденія, въ данный моментъ противорѣчащія видамъ правительства. Однако ф. Гуленъ плохо уясняетъ себѣ причины безконечныхъ истязаній и мученій солдатъ. Почтенный баронъ склоненъ думать, что въ этихъ мученіяхъ виновны сами солдаты: дабы угодить враждебнымъ правительству элементамъ, солдаты сами, будто-бы, нарочно раздражаютъ унтеръ-офицеровъ, чтобы цѣною своихъ мученій подвести начальство подъ уголовщину; злость и недобросовѣстность солдатъ доходитъ, очевидно, до того, что они даже кончаютъ жизнь самоубійствомъ, лишь бы насолить несчастному и невинному ундеру. Понятно послѣ этого, что патріотически настроенный баронъ недоволенъ даже слухомъ о томъ, что правительство, будто бы, пригрозило „огнемъ и мечемъ“ прекратить дурное обращеніе съ солдатами, остановить всѣ указанныя нами истязанія и насилія. Ф. Гуленъ находитъ, что такая угроза выведетъ изъ строя всѣхъ наиболее способныхъ унтеръ-офицеровъ германской арміи, всѣхъ ревностныхъ служаекъ... Неминуемымъ выводомъ отсюда является утвержденіе: нѣмецкая армія держится битьемъ! Впрочемъ, 400 самоубійствъ въ годъ, въ особенности среди новобранцевъ, служатъ недурной иллюстраціей къ возмущенію благонамѣреннаго барона. Да здравствуетъ армія, да гибнутъ солдаты! *)

Значительно болѣе серьезными являются выводы и замѣчанія другого военнаго автора, капитана въ отставкѣ Е. Клаузена. Этотъ писатель въ своей небольшой брошюрѣ сумѣлъ стать на надлежащую точку зрѣнія и нѣсколько глубже заглянуть въ ту

*) Freiherr von Guhlen. *Sine ira et studio. Militarische Betrachtungen.* Dresden und Leipzig. 1903. 26 и далѣе.

соціальную среду, которая такъ неблагоприятно отражается на прусско-германской арміи.

Прежде всего Клаузенъ изслѣдуетъ ту общественную группу, изъ которой составляется современное офицерство, и сравниваетъ ее съ прежней. Въ прежнее время корпусъ офицеровъ состоялъ по большей части, особенно въ Пруссіи, изъ сыновей такихъ семействъ, которые изъ поколѣнія въ поколѣніе посвящали себя военному призванію и, при томъ, не только изъ дворянства, но и изъ средняго сословія. И эти офицеры были плоть отъ плоти, кость отъ кости тогдашняго средняго круга мелкаго дворянства и бюргерства. Въ экономическомъ отношеніи они въ громадномъ большинствѣ принадлежали далеко не къ богатому классу. „Пѣхотный офицеръ происходилъ... изъ очень простой среды, въ которой господствовали чрезвычайно простыя, даже бѣдныя условія жизни. Много семейныхъ чувствъ, много патріархальной власти родителей, въ общемъ скромныхъ нравовъ, хотя и въ утонченныхъ формахъ, и чрезвычайно тонкое чувство чести окружали сына въ такихъ семьяхъ“. Къ „строгому воспитанію“ присоединялась здѣсь еще и постоянная привычка къ военному мундиру, къ привилегированному положенію, которое, однако, не давало никакого особеннаго блеска и преимуществъ, а скорѣе понималось, какъ своего рода сословная обязанность. „Среди корпуса офицеровъ всѣ чувствовали себя точно въ одной семьѣ“, перемѣны личнаго состава были рѣдки, повышенія происходили почти все время въ одномъ и томъ же полку, знали другъ друга прекрасно, а помимо службы старались позабыть о различіи ранговъ и жить общей духовной жизнью со всѣмъ обществомъ. Рѣзкихъ различій по имущественному положенію тоже не было, жалованья для скромной офицерской жизни хватало, и происходило вездѣ и всюду то сближеніе между обществомъ и офицерствомъ, которое давало послѣднему возможность не только постоянно вращаться среди тогдашнихъ образованныхъ круговъ, но и видѣть въ этомъ образованномъ и нравственно объединенномъ обществѣ какъ бы постоянный судъ чести надъ собой, такъ какъ тогдашнее общество еще не стояло „подъ знакомъ разложенія и упадка“, а обладало извѣстными моральными принципами жизни. Всякій офицеръ имѣлъ, кромѣ того, достаточно времени, чтобы заняться или своимъ общимъ образованіемъ, или специальнымъ военнымъ. Съ другой же стороны, не было той пропасти между офицеромъ и солдатомъ, которая замѣчается теперь. Процентъ промышленныхъ рабочихъ въ войскахъ былъ до крайности малъ. Контингенты складывались по преимуществу изъ сельскихъ рабочихъ и крестьянъ, которые и въ службы хорошо были знакомы тогдашнему офицерству и въ дворянско-бюргерскихъ классахъ общества склонны были видѣть своихъ естественныхъ руководителей, а частью и господъ. Такъ создавалась своего рода гармо-

ничная среда, которая охватывала собою не только товарищескій кругъ офицерства, но въ извѣстной степени и тогдашнее образованное общество, съ одной стороны, и массы народной арміи—съ другой. Армія представляла изъ себя нѣчто цѣльное, такъ какъ и общество въ своихъ отдѣльныхъ классахъ носило въ себѣ еще нѣкоторыя начала экономическаго и моральнаго единства.

Такова идиллія добраго стараго времени, которую рисуетъ капитанъ Клаузенъ, и, надо отдать ему справедливость, она заключаетъ въ себѣ много вѣрнаго. При болѣе примитивныхъ экономическихъ условіяхъ, до великаго подъема на французскихъ миллиардахъ послѣ 1871 года, нѣмецкое общество обладало еще нѣкоторой патріархальной цѣлостностью. И хотя эта цѣлостность не столько была основана на идеальныхъ и нравственныхъ мотивахъ, сколько на крѣпостническихъ остаткахъ и старомъ ремесленно-крестьянскомъ укладѣ, она, однако, существовала въ дѣйствительности и снабжала всю народно-военную организацію тѣмъ духомъ, который держалъ ее на извѣстномъ социальномъ уровнѣ, придавалъ ей мощь и силу на одолѣніе всяческихъ вѣншихъ и внутреннихъ враговъ. Но вотъ совершилась громадная общественная перемѣна: старый общественный укладъ рушился вмѣстѣ со своей экономической основой. Нарождающійся капитализмъ разбилъ ремесленно-феодальную идиллію со всей ея общественной гармоніей и единствомъ. Онъ раздвоилъ общественные классы на враждебныя группы и замѣнилъ патріархальное единеніе—классовой враждой. Спрашивается теперь, какъ отразился этотъ процессъ развитія социально-капиталистическаго строя на германской арміи, къ какимъ измѣненіямъ въ ея средѣ привелъ громадный общественный переворотъ, разыгравшійся въ теченіе послѣднихъ 3-хъ десятилѣтій?

Капитанъ Клаузенъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ самымъ рѣшительнымъ образомъ: весь социальный фундаментъ арміи, весь духъ и строй ея измѣнились. Новая армія стала отраженіемъ новаго общества, а классовая вражда и господство проникли и въ ея, казалось бы, невыблемыя твердыни.

Послушаемъ, что говоритъ вдумчивый и наблюдательный авторъ.

Новое время принесло съ собою экономическое паденіе именно тѣхъ семействъ, которыя въ свое время были разсадниками нѣмецкаго офицерства. При возрастающей дороговизнѣ жизни и при недостаточности офицерскаго жалованья, среднія и небогатыя семьи стали посвящать своихъ дѣтей болѣе выгоднымъ и доходнымъ профессіямъ въ гражданской жизни, стали отдавать ихъ промышленности и торговлѣ. Если же до сихъ поръ, соблазненные дешевымъ воспитаніемъ въ кадетскихъ корпусахъ, родители и посылаютъ своихъ дѣтей въ армію, то такіе бѣдные офицеры или запутываются въ долгахъ, или ведутъ самое тяжелое суще-

ествованіе. Роскошь военной службы при современныхъ общественныхъ требованіяхъ могутъ себѣ позволить только богатые. Въ корпусъ офицеровъ вторглись новые элементы, которыхъ прежде было сравнительно очень мало, это — „плутократія“. Изъ старыхъ дворянскихъ семей спаслись отъ крушенія и остались вѣрными военному призванію только тѣ, кто заблаговременно занялся „проституціей“ своего имени и позолотилъ свои гербы браками съ представителями высшихъ финансовыхъ круговъ. Денежный мѣшокъ городского капиталиста завладѣлъ офицерскими мѣстами прусско-германской арміи и сдѣлалъ ее своимъ владѣніемъ... И надо замѣтить, что нравственные, умственные и физическія свойства этихъ плутократическихъ элементовъ въ высшей степени сомнительны. Выросшіе среди городской роскоши, избѣженные съ дѣтства всяческимъ баловствомъ и комфортомъ, отрѣзанные отъ какого бы то ни было соприкосновенія съ рабочимъ, крестьяниномъ и даже ремесленникомъ, питомцы денежнаго мѣшка не обладаютъ болѣе никакими традиціями и никакой моральной связью съ „аристократіей духа“. И это вполне понятно. Самое общество, въ смыслѣ прежней интеллигенціи, разложилось, огрубѣло подъ вліяніемъ жестокой экономической борьбы и не располагаетъ болѣе нравственной силой. И когда плутократія захватываетъ въ свои руки корпусъ офицеровъ, она отрѣшаетъ его отъ всякихъ связей съ образованными кругами и стремится при его помощи только придать себѣ лишній блескъ и политическое вліяніе. Армія и офицерскія эполеты для выскочки-капиталиста только средство для эгоистическихъ цѣлей. Съ вторженіемъ подобныхъ элементовъ въ офицерскіе круги здѣсь рушится всякое товарищество. Богатые берутъ верхъ и выдѣляются въ особую господствующую касту. Съ ними проникаетъ въ армію роскошь и распущенность. Съ ними неразлучно высокомеріе выскочки, которое проявляетъ себя въ оскорбительной надменности по отношенію къ солдату и низкомъ угодничествѣ по отношенію къ старшимъ.

Отсюда и ненормальныя отношенія плутократическаго офицерства къ солдату. „Ни въ какомъ сословіи не господствуетъ такъ мало вниманія къ тому, что мы называемъ народомъ, въ особенности къ своеобразію и образу мыслей простаго человѣка, какъ именно въ либеральномъ бюргерствѣ, въ особенности же среди финансовыхъ сферъ. Въ силу этого образуется ослабленіе отношеній между солдатомъ и офицеромъ. Послѣдній все болѣе и болѣе принужденъ искать укрѣпленія своего авторитета во внѣшности, въ рангѣ, вмѣсто того, чтобы искать его въ вліяніи своей личности, и въ результатѣ все увеличиваются проступки противъ субординаціи... Многіе случаи недостойнаго поведенія офицеровъ, всѣ эти многочисленные скандалы, которые такъ на руну социаль-демократіи, могутъ происходить только въ корпусѣ офицеровъ, ко-

торый одичалъ въ своихъ жизненныхъ воззрѣнiяхъ, не имѣеть ни внутренняго достоинства, ни самообладанiя и совершенно не сознаетъ, что мундиръ не столько даетъ повышенныя права, сколько обязанности“. Такъ на армiи отражаются общiя явленiя современнаго перемѣщенiя общественныхъ классовъ, и теперь намъ понятнымъ становится картина, которую мы видѣли выше. Классовой интересъ и классовое господство, облекшееся въ форму военнаго властвованiя, принесло съ собой, какъ необходимый результатъ, систему, которая, правда, для боя и для войны совершенно не нужна, но которая служитъ средствомъ утвердить въ обществѣ классовое одностороннее господство и заставить уважать и бояться внѣшности тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ выдохлось уже всякое внутреннее содержанiе. Капитализмъ пользуется устарѣлыми формами военно-театральныхъ представлений, чтобы этимъ создать себѣ внѣшнiй блескъ и обаянiе и окружить себя военно-романтическимъ ореоломъ. Плутократiя въ военномъ мундирѣ обращаетъ боевую подготовку солдата въ беспокойный и напряженный военный спортъ, который выражается въ военномъ балетѣ, въ различныхъ маршахъ и парадахъ, а съ другой стороны, въ чисто-азартномъ соперничествѣ военныхъ частей въ стрѣльбѣ и верховой ѣздѣ, въ разрѣшенiи военно-техническихъ задачъ и гимнастическихъ подвигахъ и т. д. И этотъ духъ напряженной конкуренцiи проникаетъ такъ далеко, что отдѣльные начальники прямо дѣлаютъ карьеру на спортивныхъ успѣхахъ частей, смотря на эти послѣднiе только какъ на средство для своихъ личныхъ цѣлей и не только не останавливаются передъ употребленiемъ не совсѣмъ чистыхъ способовъ конкуренцiи, но еще къ различнымъ почетнымъ призамъ отъ военнаго управленiя присоединяютъ отъ себя щедрыя денежныя подачки частямъ въ случаѣ успѣха, и тѣмъ, само собою, развращаютъ ихъ и побуждаютъ унтеръ-офицеровъ не останавливаться ни передъ какими средствами для того, чтобы сдѣлать изъ солдата въ самый короткiй срокъ игрушку командирской прихоти и тщеславiя. „При такомъ чрезвычайномъ напряженiи, говоритъ нашъ авторъ: отъ поручиковъ и унтеръ-офицеровъ часто требуется прямо нѣчто неслыханное, и воистину нельзя удивляться, что дурное обращенiе съ солдатами нисколько не уменьшается, не смотря на красивыя увѣщанiя, такъ какъ неслыханные подвиги могутъ быть достигнуты только при помощи неслыханныхъ же требованiй къ подчиненнымъ“.

Такъ разсуждаетъ авторъ въ своей интересной брошюрѣ *), и къ его положенiямъ намъ остается только сдѣлать нѣсколько замѣчанiй. Не надо забывать, что и контингенты рядовыхъ тоже

*) E. Klausen. Stillgestanden! Eisenach und Leipzig. 1903, стр. 11 и слѣд.

измѣнились. На мѣсто прежняго невѣжественнаго и пассивнаго деревенскаго люда въ ряды арміи теперь нахлынули массы сознательнаго городского пролетаріата. Наиболѣе активные и одаренные изъ ихъ числа принадлежатъ безспорно къ социаль-демократіи. Они приносятъ съ собой въ ряды арміи глубокое недовольство существующимъ классовымъ господствомъ и ненависть ко всякой войнѣ и кровопролитію. Эти городскіе пролетаріи знаютъ, благодаря неустанной пропагандѣ своихъ вождей, какихъ громадныхъ жертвъ стоятъ народу постоянныя арміи съ ихъ сложными и дорогими приспособленіями техническаго свойства, какіе налоги несутъ, благодаря милитаризму, широкія народныя массы, сколько молодыхъ, здоровыхъ силъ отрывается ежегодно отъ станка и сохи, чтобы идти подъ знамена и, быть можетъ, оттуда болѣе не возвратиться. Въ нихъ пробуждено, наконецъ, всей публичной жизнью представительнаго государства высокое сознаніе своихъ правъ гражданина, явилось высокое представленіе о цѣнности человѣческой личности и ея нравственнаго „я“. И вотъ, такой-то пролетарій попадаетъ подъ команду того же капиталиста, котораго ненавидѣтъ онъ привыкъ уже на фабрикѣ, съ которымъ онъ боролся при помощи отчаянныхъ стачекъ, котораго онъ, быть можетъ, побѣдилъ во время выборной горячки, какъ либеральнаго кандидата бюргерскихъ партій. И мало этого: солдатъ-пролетарій убѣждается очень скоро, что военный мундиръ и соединенная съ нимъ отвѣтственность ни въ чемъ не исправили питомца денежнаго мѣшка или оптовой торговли. Напротивъ, онъ видитъ, какъ офицеръ-плутократъ внесъ свои торгашескіе инстинкты и въ военное дѣло, превратилъ его въ орудіе для своего возвеличенія, для своей карьеры, для утвержденія классового господства. Онъ испытываетъ скоро на самомъ себѣ все позорящее вліяніе дурного обращенія и истязаній, всю деревянность и несправедливость отношеній къ себѣ офицеровъ, онъ, можетъ быть, попадаетъ незаслуженно подъ арестъ или въ тюрьму... Удивительно ли послѣ этого, что всякій намекъ его среди товарищей на истинныя причины всѣхъ этихъ безобразій ловится и подхватывается съ чрезвычайной жадностью, что невольно и совершенно незамѣтно для себя онъ становится опаснымъ агитаторомъ...

Въ высокой степени характерно въ этомъ случаѣ и обращеніе ефрейтора Фогта и сержанта Шмица къ ученіямъ социаль-демократіи въ приведенныхъ нами выше военныхъ романахъ.

Пруско-германскій милитаризмъ переживаетъ теперь критическое время. Долго ли продержатся его современные порядки и къ чему приведетъ въ концѣ-концовъ описанный нами процессъ—на это мы предоставляемъ отвѣтить будущему.

Реуць.

Хроника внутренней жизни.

I. Проекты измѣненій въ центральныхъ и мѣстныхъ органахъ министерства внутреннихъ дѣлъ.—Коммиссія объ «оскудѣнн центра», ея занятія и исходъ ихъ.—II. По поводу «говорящихъ куколъ» и ихъ рѣчей.—Проекты военнаго суда надъ оскорбителями офицеровъ.—Что такое военная честь?—III. Правительственные распоряженія и сообщенія.—Правительственные распоряженія въ Финляндии.—Административныя распоряженія по дѣламъ печати.

I.

Съ первыхъ мѣсяцевъ текущаго года въ печать стали проникать неясные вначалѣ слухи о готовящихся серьезныхъ перемѣнахъ въ области мѣстнаго управленія. Время шло, а эти слухи не только не ослабѣвали, но все болѣе упрочивались, не становясь однакоже болѣе опредѣленными. Тѣмъ не менѣе ихъ неопредѣленность, казалось бы, сама по себѣ не могла служить поводомъ къ какому-либо сомнѣнью на счетъ истиннаго характера тѣхъ мѣръ, о которыхъ шла въ нихъ рѣчь. Въ теченіе 1903 года не было недостатка въ мѣропріятіяхъ, соприкасавшихся съ вопросами государственнаго управленія. Достаточно напомнить, что въ этомъ году были осуществлены такіа мѣропріятія, какъ введеніе въ Сѣверо-Западномъ краѣ особыхъ „земскихъ“ учреждений, пополняемыхъ по назначенію отъ правительства, и преобразование петербургскаго городского самоуправления, сопровождавшееся установленіемъ еще болѣе тѣсной зависимости его отъ администраціи. Въ теченіе этого же года были почти повсемѣстно усилены штаты городской полиціи, началось преобразование полиціи сельской и совершилось распространеніе Положенія объ усиленной охранѣ на рядъ мѣстностей, въ которыхъ оно ранѣе не дѣйствовала. Повидимому, наиболѣе естественно было предположить, что и возвѣщавшіяся упомянутыми слухами перемѣны въ организаціи мѣстнаго управленія не сойдутъ съ пути, такъ ясно намѣченнаго перечисленными выше мѣропріятіями. На дѣлѣ однакоже въ нѣкоторыхъ кругахъ нашего общества съ такими перемѣнами связывались довольно разнообразныя ожиданія, до извѣстной степени нашедшія себѣ отраженіе и въ прессѣ. Въ настоящій моментъ смутные слухи, создавшіе почву для такихъ ожиданій, приняли болѣе ясныя очертанія. Въ газетахъ появилось нѣсколько сообщеній о работахъ правительственныхъ комиссій, обсуждавшихъ необходимыя измѣненія въ сферѣ мѣстнаго управленія, и, исходя изъ этихъ сообщеній, возможно уже точнѣе опредѣлить значеніе и

цѣнность предположенныхъ перемѣнъ въ жизни нашей провинціи. Во всякомъ случаѣ для такого опредѣленія имѣются теперь не только апріорныя соображенія, которыя не вѣзмъ кажутся равно убѣдительными, но и фактическія данныя, не подлежація оспариванію.

Первое изъ упомянутыхъ сообщеній касается, строго говоря, не мѣстнаго управленія, а лишь имѣющихъ отношеніе къ нему центральныхъ учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ. Согласно этому сообщенію, существующіе нынѣ въ составѣ центральныхъ учрежденій названнаго министерства хозяйственный и медицинскій департаменты предположено упразднить, при чемъ изъ послѣдняго вопросы, требующіе специальныхъ познаній, будутъ переданы въ вѣдѣніе медицинскаго совѣта, получающаго одновременно новое устройство, а дѣла по медицинскому управленію и врачебно-санитарному надзору—въ вѣдѣніе вновь образуемаго управленія главнаго врачебнаго инспектора. Затѣмъ дѣла по мѣстному хозяйству, производящіеся какъ въ двухъ упраздняемыхъ департаментахъ и состоящихъ при нихъ учрежденіяхъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ центральныхъ учрежденіяхъ министерства, предполагается объединить въ вѣдѣніи вновь создаваемаго для этой цѣли главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Это главное управленіе будетъ заключать въ себѣ пять особыхъ отдѣловъ: земскаго хозяйства, городского хозяйства, народнаго здравія и общественнаго призрѣнія, дорожнаго и пожарно-страхового. Дѣятельность всѣхъ пяти отдѣловъ будетъ объединяться и направляться властью начальника главнаго управленія, какъ ближайшаго помощника министра по завѣдыванію, въ порядкѣ высшаго руководства, дѣятельностью мѣстныхъ учрежденій, клонящеюся къ удовлетворенію хозяйственныхъ пользъ и нуждъ населенія, и по согласованію этой дѣятельности съ обще-государственными видами. Сверхъ того въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ предположено образовать особый совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. Совѣтъ этотъ, находясь подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, будетъ состоять изъ начальниковъ подлежащихъ учрежденій названнаго министерства, изъ представителей другихъ вѣдомствъ и пятнадцати членовъ, назначаемыхъ высочайшею властью срокомъ на три года изъ числа мѣстныхъ дѣятелей, т. е. предводителей дворянства, предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ, городскихъ головъ и земскихъ и городскихъ гласныхъ. При этомъ для разсмотрѣнія болѣе важныхъ дѣлъ совѣтъ можетъ быть созываемъ и въ усиленномъ составѣ. Въ этихъ случаяхъ министр внутреннихъ дѣлъ можетъ приглашать въ составъ совѣта, помимо постоянныхъ его членовъ, и другихъ лицъ изъ числа мѣстныхъ дѣятелей, которые могутъ быть полезны своими знаніями и опытомъ.

Организуемый такимъ образомъ совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хо-

зайства предназначается для обсужденія важнѣйшихъ мѣръ, имѣющихъ своею цѣлью развитіе и усовершенствованіе способовъ удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, а равно для разсмотрѣнія текущихъ дѣлъ по мѣстному хозяйству, требующихъ соглашенія разныхъ вѣдомствъ или общаго соображенія въ интересахъ единообразія въ ихъ направленіи и разрѣшеніи. Соответственно этому въ совѣтъ будутъ вноситься: 1) предположенія объ изданіи новыхъ законовъ и общихъ распоряженій, относящихся до мѣстнаго хозяйства, а также о дополненіи, измѣненіи и отмѣнѣ дѣйствующихъ, 2) ходатайства земскихъ и городскихъ учреждений, касающіяся принятія общихъ мѣръ въ области мѣстнаго хозяйства, и другія дѣла этого рода. Заключенія совѣта по такимъ дѣламъ будутъ прилагаться въ спискахъ къ представленіямъ, вносимымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ высшія государственныя учрежденія. Наряду съ этимъ для обсужденія текущихъ дѣлъ, требующихъ соглашенія разныхъ вѣдомствъ, проектируется образованіе особыхъ присутствій совѣта: по земскимъ и городскимъ дѣламъ, по дорожной части и пожарно-страхового; обсужденіе дѣлъ въ этихъ особыхъ присутствіяхъ совѣта должно будетъ замѣнить собою нынѣшній порядокъ письменныхъ сношеній между вѣдомствами по предметамъ, требующимъ по закону совмѣстнаго ихъ разрѣшенія.

„Такимъ образомъ—говоритъ газетное сообщеніе *)— проектируемое преобразованіе вноситъ коренныя измѣненія въ самый способъ разрѣшенія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ восходящихъ до него вопросовъ земскаго и городского хозяйства. Взамѣнъ прежняго канцелярскаго порядка оно устанавливаетъ начало предварительной разработки законодательныхъ предположеній и общихъ мѣропріятій путемъ живого обмѣна мнѣній по этимъ вопросамъ между представителями центральныхъ вѣдомствъ и мѣстными дѣятелями, призванными къ проведенію въ жизнь принимаемыхъ въ области этого хозяйства мѣръ. Съ тѣмъ вмѣстѣ это преобразованіе является и рѣшительнымъ шагомъ на пути сокращенія письменныхъ сношеній между вѣдомствами, призванными къ участию въ дѣлахъ мѣстнаго хозяйства, что само по себѣ составляетъ реформу важнаго значенія, такъ какъ именно переписка между вѣдомствами крайне замедляетъ нынѣ разрѣшеніе дѣлъ, восходящихъ въ центральныя учрежденія, и нерѣдко накладываетъ на самое ихъ разрѣшеніе печать канцелярской рутинѣ. Наконецъ, отдѣльныя отрасли мѣстнаго хозяйства, не теряя связи между собою, приобрѣтаютъ въ центральномъ управленіи болѣе или менѣе самостоятельное устройство, что обезпечитъ и болѣе быстрое движеніе въ будущемъ многочисленныхъ—накопившихся за послѣднія десятилѣтія и настоятельно требующихъ скорѣйшаго разрѣшенія—предположеній въ области улучшенія условій мѣст-

*) «Н. Время», 3 октября 1903 г.

наго хозяйства и облегченія земскимъ и городскимъ учрежденіямъ способовъ удовлетворенія многообразныхъ хозяйственныхъ потребностей населенія“.

Какъ видно изъ приведенной цитаты, надежды, высказываемыя въ сообщеніи о новомъ проектѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, идутъ очень далеко. Не трудно замѣтить, однако, что между этими надеждами и фактами, дающими поводъ къ нимъ, не существуетъ надлежащаго соотвѣстія. Вполнѣ возможно, конечно, что учрежденіе въ составѣ министерства одного главнаго управления, въ которомъ будутъ сосредочены всѣ дѣла по мѣстному хозяйству, нѣсколько уменьшитъ количество той канцелярской волокиты, какую въ настоящее время претерпѣваютъ эти дѣла. Не менѣе возможно, что замѣна междувѣдомственной переписки совѣщаніями представителей разныхъ вѣдомствъ въ общемъ совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства въ свою очередь поведетъ къ нѣкоторому сокращенію бумажнаго дѣлопроизводства. Но ожидать отъ указанныхъ мѣръ какого-либо иного и болѣе крупнаго результата значило бы явно переоцѣнивать дѣйствительное ихъ значеніе. „Канцелярская рутина“ далеко не составляетъ исключительной принадлежности дѣловой переписки и легко можетъ наложить свою печать не только на письменныя, но и на словесныя сношенія. Для избѣжанія же такой рутины и установленія „живого обмѣна мнѣній“ между вѣдомствами недостаточно еще свести представителей этихъ вѣдомствъ въ одно общее учрежденіе. Съ другой стороны, если въ настоящее время дѣла мѣстнаго хозяйства и терпятъ серьезный ущербъ отъ чрезмѣрной канцелярской волокиты, послѣдняя все же является не единственнымъ и даже не самымъ крупнымъ препятствіемъ къ правильному ихъ развитію. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь вспомнить, какое ничтожное количество земскихъ ходатайствъ получаетъ удовлетворительное разрѣшеніе и какая масса ихъ остается безъ всякихъ практическихъ послѣдствій. Разсчитывать, что въ этомъ порядкѣ произойдутъ сколько-нибудь серьезныя измѣненія съ учрежденіемъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проектированнаго совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, едва ли приходится. Правда, въ составъ этого совѣта предполагается включить извѣстное число „мѣстныхъ дѣятелей“, но соединеніе ихъ съ бюрократическою коллегіею врядъ ли окажетъ замѣтное воздѣйствіе на послѣднюю. Не слѣдуетъ забывать, что всѣхъ членовъ изъ мѣстныхъ дѣятелей въ проектируемомъ совѣтѣ будетъ лишь пятнадцать, при чемъ въ числѣ этихъ пятнадцати человекъ должны быть и предводители дворянства, и предсѣдатели земскихъ управъ, и члены послѣднихъ, и городскіе головы, и земскіе и городскіе гласные; вдобавокъ всѣ они займутъ свои мѣста въ совѣтѣ по назначенію. При такихъ условіяхъ названные члены, очевидно, явятся не представителями мѣстныхъ интересовъ, а помощниками администраціи, добровольно избран-

ными ею самою, и „живой обмѣнъ мѣнній“, совершающійся въ этой обстановкѣ, останется обмѣномъ мѣнній внутри одной лишь административной сѣры. Весь результатъ предположенныхъ перемѣнъ сведется, такимъ образомъ, къ нѣкоторому уменьшенію переписки и, быть можетъ, также къ нѣкоторому ускоренію дѣлопроизводства въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Что касается самаго характера веденія дѣлъ мѣстнаго хозяйства въ названномъ министерствѣ, то на него проектированныя измѣненія не окажутъ сколько-нибудь серьезнаго вліянія.

Изложеннымъ проектомъ не исчерпываются, впрочемъ, преобразовательные планы министерства внутреннихъ дѣлъ. Съ этимъ проектомъ связанъ еще другой, направленный къ преобразованію мѣстныхъ органовъ названнаго министерства. Цѣлю такого преобразованія, получившаго въ газетныхъ сообщеніяхъ названіе „губернской реформы“, ставится съ одной стороны „усовершенствованіе губернскаго управленія“, съ другой—„усиленіе губернаторской власти“, которое возвратило бы губернатору прежнее его значеніе „хозяина губерніи“.

Въ видахъ достиженія указанныхъ цѣлей предположено прежде всего преобразовать существующія нынѣ въ губерніяхъ присутственныя мѣста. Наименьшія измѣненія проектируются при этомъ въ судьбѣ губернскаго присутствія: производящіяся въ последнемъ учрежденіи дѣла будутъ лишь, по газетнымъ свѣдѣніямъ, на-ново распредѣлены на четыре отдѣла: административный, судебный, продовольственный и поземельно-переселенческій. Болѣе крупныя перемѣны ожидаютъ губернское правленіе, кругъ вѣдомства котораго предположено значительно расширить въ связи съ упраздненіемъ нѣсколькихъ дѣйствующихъ въ настоящее время губернскихъ учреждений, какъ, на примѣръ, губернскаго училищнаго совѣта, распорядительнаго комитета, архивной комиссіи и присутствій по земскимъ и городскимъ дѣламъ, по промысловому налогу, по воинской повинности и по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ. Обогащенное новыми функціями, достигающимися ему въ наслѣдство отъ упраздняемыхъ учреждений, губернское правленіе будетъ впредь включать въ себя девять особыхъ отдѣловъ. Особенное вниманіе при этомъ способно обратить на себя то обстоятельство, что въ числѣ такихъ отдѣловъ упоминается фабрично-горнозаводскій и что вмѣстѣ съ тѣмъ старшій фабричный инспекторъ вводится въ число членовъ губернскаго правленія. Судя по этому, можно думать, что излагаемый проектъ предвидитъ окончательный переходъ фабричной инспекціи въ вѣдѣніе губернской администраціи. Что касается отношеній губернскаго правленія къ губернатору, то они сохраняются проектомъ въ прежнемъ видѣ, иначе говоря, какъ отдѣльные члены губернскаго правленія, такъ и все это учрежденіе въ полномъ составѣ остаются въ непосредственномъ подчиненіи власти губернатора.

Но не всѣ функціи упраздняемыхъ проектомъ учреждений передаются имъ въ вѣдѣніе губернскаго правленія. Часть этихъ функцій, не вполнѣ еще опредѣленная, но, повидимому, довольно существенная, должна перейти къ вновь учреждаемому органу, получающему названіе губернскаго совѣта. Согласно газетнымъ сообщеніямъ, этотъ губернский совѣтъ долженъ получить значеніе объединяющаго центра губернскаго правленія и „обеспечить не только должное содѣйствіе всѣхъ вѣдомствъ губернатору, но и единство распоряженій всѣхъ губернскихъ установленій“. Сообразно этому, проектируемый совѣтъ предполагается составить изъ лицъ, стоящихъ во главѣ губернскихъ учреждений разныхъ вѣдомствъ и, слѣдовательно, въ большинствѣ случаевъ въ настоящее время не подчиненныхъ прямо губернатору. Къ общему присутствію организованнаго такимъ путемъ совѣта переходить, между прочимъ, и надзоръ за законностью и правильностью дѣйствій земскихъ и городскихъ учреждений, въ настоящее время принадлежащій присутствію по земскимъ и городскимъ дѣламъ. Но въ то время, какъ въ составъ послѣдняго входятъ члены по выбору губернскаго земскаго собранія и городской думы губернскаго города, въ губернскомъ совѣтѣ такихъ членовъ не предполагается. Въ иныхъ случаяхъ губернскому совѣту проектируется предоставить роль совѣщательнаго органа при губернаторѣ, который можетъ по своему усмотрѣнію передавать на обсужденіе совѣта нѣкоторыя дѣла; въ этихъ случаяхъ послѣдній имѣетъ лишь совѣщательный голосъ, по всѣмъ же прочимъ дѣламъ онъ долженъ явиться рѣшающей коллегіей, при чемъ постановленія его могутъ быть обжалованы въ тридцатидневный срокъ. Пока однако остаются не указанными ни инстанція, въ которую должны быть направляемы жалобы на постановленія совѣта, ни порядокъ приведенія въ дѣйствіе тѣхъ его постановленій, съ какими не согласится губернаторъ. Наконецъ, помимо дѣлъ общаго характера, по отношенію къ которымъ губернскому совѣту присваивается роль объединяющаго центра или совѣщательнаго органа, въ его же вѣдѣніе отводятся и нѣкоторыя спеціальныя дѣла: такъ, напримѣръ, въ составѣ совѣта образуется особое присутствіе по дѣламъ народнаго образованія, долженствующее замѣнить собою упраздняемый проектомъ губернский училищный совѣтъ. Какъ видно изъ сказаннаго, компетенція вновь создаваемаго учрежденія явится чрезвычайно пестрой, въ способѣ же веденія дѣлъ оно мало чѣмъ будетъ отличаться отъ существующихъ губернскихъ административныхъ учреждений, за исключеніемъ лишь немногихъ деталей, остающихся какъ разъ наименѣе разъясненными въ имѣющихся сообщеніяхъ о проектѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Какъ бы то ни было, въ дѣломъ эти сообщенія достаточно обстоятельны и, основываясь на нихъ, возможно составить довольно пол-

ное представленіе о значеніи того мѣропріятія, которому они посвящены. Содержаніе излагаемаго въ нихъ проекта, какъ мы видѣли, сводится исключительно къ внѣшней перестройкѣ и перетасовкѣ мѣстныхъ административныхъ учреждений, почти не затрогивающей существа послѣднихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не сообщающей имъ большей стройности. Единственный болѣе осязательный результатъ, который обѣщаетъ дать подобная перестройка, долженъ будетъ выразиться на практикѣ усиленіемъ власти губернатора по отношенію къ губернскимъ учрежденіямъ, не входящимъ въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Тѣ, въ сущности далеко не малая, права, какими въ настоящее время пользуются губернаторы надъ этими учрежденіями и надъ всѣми служащими въ губерніи чиновниками гражданского вѣдомства, очевидно, признаются еще недостаточными. Наряду съ этимъ существуетъ, впрочемъ, предположеніе расширить губернаторскую власть еще и въ другомъ направленіи.

Вслѣдъ за оглашеніемъ въ прессѣ изложеннаго выше проекта въ газетахъ появились сообщенія о работахъ особаго совѣщанія для передачи цѣлаго ряда дѣлъ изъ центральныхъ учреждений въ мѣстныя. Это совѣщаніе, окрещенное въ газетахъ именемъ „комиссіи о децентрализаціи“ и составленное изъ товарищей министровъ и главноуправляющихъ подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта С. О. Платонова, какъ оказывается, было образовано нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и къ настоящему моменту ходъ его занятій до извѣстной степени уже опредѣлился. Члены совѣщанія, какъ сообщается въ газетахъ, единогласно признали необходимость передачи въ мѣстныя учрежденія дѣлъ, имѣющихъ исключительно мѣстное значеніе, но при этомъ „указали, что при настоящемъ положеніи вещей немыслимо передавать мѣстной власти не только дѣла общегосударственнаго значенія, но даже вообще сколько-нибудь важныя и цѣнныя. Необходимымъ условіемъ полнаго проведенія намѣченной мѣры должно быть коренное преобразование губернскаго и уѣзднаго управленій съ усиленіемъ власти губернатора, который являлся бы не только органомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а дѣйствительнымъ представителемъ верховной власти“. Тѣмъ не мѣнѣе совѣщаніе нашло возможнымъ теперь же приступить къ составленію перечня тѣхъ дѣлъ, которыя можно было бы передать на мѣста частью немедленно, частью же послѣ проведенія реформы губернскаго и уѣзднаго управленія. Нѣкоторые изъ этихъ дѣлъ предполагается передать въ законодательномъ порядкѣ, другія—въ административномъ.

Въ газетныхъ сообщеніяхъ указаны и нѣкоторыя категоріи дѣлъ, предположенныхъ къ передачѣ въ законодательномъ порядкѣ губернаторамъ и генералъ-губернаторамъ. Таковы, напримѣръ, утвержденіе уставовъ и разрѣшеніе открытія дѣйствій раз-

личныхъ общественныхъ и частныхъ учреждений и заведеній: музыкальныхъ, профессиональныхъ, фельдшерскихъ, повивальныхъ и другихъ школъ, кружковъ и обществъ, благотворительныхъ обществъ, обществъ взаимной помощи, потребительныхъ, имѣющихъ врачебныя и гигиеническія цѣли, велосипедныхъ, моторныхъ, автомобильныхъ, фотографическихъ, научныхъ, обществъ трезвости, библиотекъ и общественныхъ собраний. Таково же утвержденіе положеній о стипендіяхъ и капиталахъ съ общественными цѣлями, ссудо-сберегательныхъ, похоронныхъ и другихъ кассъ, уставовъ благотворительныхъ учреждений и открытіе коммисіонерскихъ конторъ. Въ настоящее время всѣ такія разрѣшенія и утвержденія даются министромъ внутреннихъ дѣлъ. Губернаторамъ же предполагается въ будущемъ предоставить разрѣшеніе открытія ссудо-сберегательныхъ кассъ служащихъ въ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденияхъ, утвержденіе уставовъ ссудо-сберегательныхъ, больничныхъ и вспомогательныхъ кассъ для рабочихъ частныхъ горныхъ заводовъ и промысловъ и разрѣшеніе сельско-хозяйственныхъ товариществъ. Попечителямъ учебныхъ округовъ, согласно проекту, будетъ предоставлено разрѣшать учрежденіе и утверждать уставы ученыхъ обществъ при университетахъ, ссудо-сберегательныхъ кассъ при учебныхъ заведеніяхъ, педагогическихъ обществахъ и музеяхъ. Въ компетенцію губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ проектъ предполагаетъ, далѣе, передать разрѣшеніе всѣхъ сѣздовъ, за исключеніемъ лишь сѣздовъ раскольниковъ и сектантовъ, открытіе выставокъ и разрѣшеніе публичныхъ лекцій, чтеній и собесѣдованій, лотерей и т. п. Губернскимъ присутствіямъ проектируется передать разрѣшеніе уставовъ сельскихъ банковъ и учреждений мелкаго кредита. Разрѣшеніе земскимъ учрежденіямъ займовъ, согласно имѣющимся свидѣніямъ о проектѣ, будетъ впредь зависѣть отъ губернатора, утвержденіе же назначенныхъ земскими собраніями и городскими думами пожизненныхъ пенсій лицамъ, служившимъ по земскому и городскому самоуправленію,—отъ губернатора, а въ особо важныхъ случаяхъ—отъ министра внутреннихъ дѣлъ, тогда какъ въ настоящее время подобное назначеніе пожизненной пенсіи можетъ послѣдовать только по высочайшему повелѣнію въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Наконецъ, по отношенію къ городскому самоуправленію проектъ предполагаетъ также предоставить губернатору право опредѣлять количество евреевъ въ составѣ городскихъ гласныхъ и пополнять составъ городскихъ гласныхъ до двухъ третей законнаго числа.

Обсуждая изложенный планъ, одна изъ петербургскихъ газетъ нашла возможнымъ въ виду его высказать надежду, что „результаты работъ коммисіи о децентрализациі будутъ весьма значительными“. „Передача многихъ дѣлъ мѣстнымъ учрежденіямъ,—по словамъ названной газеты,—освобождая центральныя учре-

жденія отъ совершенно лишней работы, въ то же время дать толчокъ мѣстной самодѣтельности. Оставляя всѣ начинанія извѣстнаго характера всецѣло на отвѣтственности мѣстныхъ учреждений, коммиссія тѣмъ самымъ вызоветъ необходимость инициативы со стороны этихъ учреждений и подниметъ ихъ компетентность въ вопросахъ культурнаго характера“. „До настоящаго времени— поясняетъ газета свою мысль — по всѣмъ такимъ вопросамъ провинція ожидала инициативы Петербурга, такъ какъ часто сомнѣвалась въ своемъ правѣ сдѣлать представленіе по тому или иному вопросу. Петербургъ въ свою очередь, не получая запросовъ съ мѣста, часто не подозрѣвалъ о такой нуждѣ, которая въ провинціи давнымъ давно считалась назрѣвшею. Нужда, такимъ образомъ, не удовлетворялась только потому, что некому было поднять о ней вопросъ“ *).

Въ основѣ подобнаго отзыва лежитъ явное недоразумѣніе. Какъ мы видѣли, въ проектѣ коммисіи рѣчь идетъ всего лишь о передачѣ нѣкоторыхъ дѣлъ изъ центральныхъ учреждений министерства внутреннихъ дѣлъ въ губернскія административныя учрежденія. Между тѣмъ авторъ приведеннаго отзыва почему то отождествляетъ губернскую администрацію съ „провинціей“ и министерство внутреннихъ дѣлъ—съ Петербургомъ. Нечего и говорить, что такое отождествленіе само по себѣ уже способно вызывать немалую путаницу. Но если даже исправить эту странную ошибку и подставить въ приведенную цитату болѣе точные и болѣе соответствующіе существу дѣла термины, то этимъ еще не устранятся всѣ связанные съ нею недоразумѣнія. Самъ авторъ цитированнаго отзыва, пытаясь ближе опредѣлить содержаніе проекта коммисіи, сводитъ послѣднее къ тому, что „вмѣсто существующаго теперь одного центра въ Петербургѣ будетъ нѣсколько десятковъ, до сотни центровъ въ провинціи, но съ такой же организаціей, какая теперь существуетъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ“. Такое опредѣленіе уже весьма близко къ истинѣ. Но если оно вѣрно, то гдѣ же поводы говорить о пробужденіи „мѣстной самодѣтельности“? Повидимому, всѣ такіе поводы сводятся лишь къ ничѣмъ неискоренимой потребности нѣкоторыхъ органовъ нашей печати во что бы то ни стало испытывать радостное настроеніе или, по крайней мѣрѣ, внушать его читателю. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ этой потребности, трудно указать какую-либо другую причину, которая позволяла бы указывать на возможность развитія мѣстной самодѣтельности вслѣдствіе расширенія полномочій провинціальной администраціи. Надо надѣяться, что никто не станетъ говорить о необходимости пробужденія самодѣтельности въ средѣ губернской администраціи. Что же касается провинціального общества, то оно едва ли много вы-

*) «Спб. Вѣдомости», 30 октября 1903 г.

играетъ отъ того, что вмѣсто одного административнаго центра возникнетъ нѣсколько десятковъ такихъ центровъ, причемъ тѣ виды дѣятельности, на какіе раньше требовалось разрѣшеніе центральной администраціи, будутъ поставлены въ зависимость отъ усмотрѣнія администраціи мѣстной. Несомнѣнно, такой порядокъ могъ бы до извѣстной степени облегчить движеніе чрезмѣрно отягощеннаго въ настоящее время махового колеса бюрократической машины. Но съ точки зрѣнія развитія самодѣятельности въ мѣстномъ обществѣ трудно было бы даже сказать, какая система представляетъ болѣе серьезныя неудобства—бюрократическая ли централизація или бюрократическая же децентрализація. И теорія, и ежедневный опытъ одинаково убѣдительно свидѣтельствуютъ, что тамъ, гдѣ населеніе подчинено административной опека, близкая къ нему власть, вооруженная чрезмѣрно широкими полномочіями, слишкомъ часто подвергается серьезному искушенію воспользоваться этими полномочіями ненадлежащимъ образомъ.

Высказывая послѣднее соображеніе, мы вмѣстѣ съ тѣмъ подходимъ къ самому важному пункту разбираемаго проекта. Выше мы уже видѣли, что составлявшая этотъ проектъ коммиссія, подобно коммисіи, обсуждавшей планъ „губернской реформы“, одною изъ главныхъ цѣлей своихъ работъ поставила усиленіе губернаторской власти. Подобное усиленіе предполагается, по словамъ цитированнаго уже нами сообщенія, произвести въ такомъ размѣрѣ, чтобы губернаторъ „являлся не только органомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а дѣйствительнымъ представителемъ верховной власти“. Въ позднѣйшихъ газетныхъ сообщеніяхъ о дѣятельности состоящей подъ предсѣдательствомъ г. Платонова коммисіи эта формула нѣсколько пополнена. Согласно имъ, „расширеніе власти губернатора намѣчено не въ смыслѣ увеличенія его власти надъ обывателями, а въ смыслѣ усиленія надзора надъ чиновниками разныхъ вѣдомствъ по наблюденію какъ надъ законностью, такъ и надъ цѣлесообразностью ихъ дѣятельности. Характеръ подчиненія губернатору чиновниковъ другихъ вѣдомствъ будетъ вродѣ нынѣ проведеннаго начала подчиненія ему фабричной инспекціи. Но это не отниметъ права у чиновниковъ другихъ вѣдомствъ въ случаѣ признанія правильности своихъ дѣйствій входить съ представленіями къ своему прямому начальству“. Изъ этого же сообщенія мы узнаемъ, что въ коммисіи поставленъ, хотя пока и не разрѣшенъ еще въ положительномъ смыслѣ, вопросъ объ установленіи надзора губернатора надъ дѣятельностью судебныхъ учреждений и надъ системой преподаванія какъ въ среднихъ, такъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ *).

---

*) «Одесскія Новости», 4 ноября 1903 г

Итакъ, изъ губернатора предполагается сдѣлать полного „хозяина губерніи“ или, пользуясь другимъ выраженіемъ цитированнаго сообщенія, „представителя правительства въ его цѣломъ“. При подобной постановкѣ вопроса оговорка, согласно которой расширенія полномочій губернатора предполагается достигнуть не за счетъ обывателя, врядъ ли можетъ имѣть серьезное значеніе. Само собою ясно, что съ увеличеніемъ власти губернатора надъ всѣми правительственными учрежденіями въ губерніи увеличится и то вліяніе, какимъ онъ можетъ располагать по отношенію къ обывателю. Все дѣло лишь въ томъ, каковы будутъ результаты такого положенія вещей. Но и эти результаты не трудно предугадать. За послѣдніе годы наблюдатель русской жизни могъ подмѣтить немалое количество фактовъ, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о томъ, что въ ней все болѣе видное мѣсто занимаетъ административное усмотрѣніе и что наряду съ этимъ быстро уменьшается значеніе законности. Эти два явленія связаны одно съ другимъ тѣсною причинною связью и, чѣмъ болѣе просторъ будетъ предоставленъ административному усмотрѣнію въ самомъ законѣ, тѣмъ менѣе видную роль будетъ играть въ жизни общества понятіе законности. Нѣтъ нужды, однако, доказывать, что общественная самодѣятельность можетъ быть выращена только на почвѣ законности. Сколько-нибудь широкое развитіе этой самодѣятельности несовмѣстимо съ господствомъ даже наиболѣе благожелательнаго усмотрѣнія, ставящаго своей задачей опеку надъ обществомъ и отдѣльными личностями. Въ виду этого проекты надѣленія представителей административнаго усмотрѣнія еще болѣе широкими полномочіями неизбежно являются вмѣстѣ съ тѣмъ и планами подавленія общественной самодѣятельности, въ корнѣ отрицающія всѣ условія, при наличности которыхъ она можетъ существовать и развиваться.

Все сказанное выше позволяетъ, думается намъ, придти и къ нѣкоторому общему заключенію относительно значенія подготовляемыхъ по инициативѣ министерства внутреннихъ дѣлъ преобразованій. Большая часть этихъ преобразованій сводится къ простой перестройкѣ административныхъ учреждений, нисколько не затрагивающей ихъ основныхъ принциповъ, и направлена главнымъ образомъ къ освобожденію верхнихъ частей бюрократической машины отъ чрезмѣрно обременяющаго ихъ множества мелкихъ дѣлъ. Поскольку же предполагаемое преобразование выходитъ за эти предѣлы, оно имѣетъ своею цѣлью лишь новое расширеніе полномочій какъ центральной, такъ и мѣстной администраціи и соединенное съ этимъ обезпеченіе первенствующаго положенія за министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Таково все содержаніе возмѣщенной реформы и желаніе найти въ ней что-либо большее, какъ мы видѣли, не имѣетъ подъ собою реальной почвы. Другой вопросъ, въ какой мѣрѣ такая реформа соотвѣтствуетъ.

дѣйствительнымъ потребностямъ настоящаго момента. Мы не станемъ однако сейчасъ рѣшать этотъ вопросъ во всемъ его объемѣ и ограничимся лишь сопоставленіемъ проектовъ, выработанныхъ въ организованныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ комиссіяхъ, съ работами еще одной правительственной комиссіи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ правительственныхъ сферахъ былъ выдвинутъ и привлекъ къ себѣ сравнительно большое вниманіе вопросъ объ оскуднѣніи центра Россіи. Въ особенно категорической формѣ этотъ вопросъ былъ поставленъ образовавшимся въ 1899 г. при министерствѣ финансовъ особымъ землевладельческимъ совѣщаніемъ, въ составъ котораго вошли и нѣкоторые должностныя лица названнаго министерства. Указывая на несомнѣнный фактъ быстрого паденія крестьянскаго хозяйства въ центральныхъ земледѣльческихъ губерніяхъ, упомянутое совѣщаніе усматривало въ этомъ фактѣ неопровержимое доказательство общаго оскуднѣнія центра и находило причины такого оскуднѣнія въ способѣ расходованія государственныхъ средствъ, главная доля которыхъ тратится на окраинахъ, и въ условіяхъ хлѣбной торговли, слишкомъ неблагоприятныхъ для земледѣльческаго хозяйства. Такая постановка вопроса вызвала въ свое время извѣстный интересъ и даже нашла себѣ сочувственные отклики въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ, хотя не трудно было замѣтить, что она страдаетъ значительною односторонностью и, уклоняясь отъ существа дѣла, подставляетъ сравнительно мало-важныя явленія на мѣсто болѣе серьезныхъ фактовъ. „Дѣйствительное положеніе вопроса—писали мы два года назадъ, разбирая опубликованныя въ печати соображенія совѣщанія, — позволяетъ говорить не объ „оскуднѣніи центра“, а объ общемъ оскуднѣніи крестьянскаго хозяйства, и заставляетъ видѣть коренную причину этого процесса не въ обстоятельствахъ хлѣбной торговли, а въ условіяхъ крестьянскаго землепользованія“ *). Съ своей стороны и министерство финансовъ отнеслось къ выводамъ совѣщанія безъ полнаго довѣрія и для провѣрки этихъ выводовъ была образована въ концѣ 1901 года особая комиссія подъ предсѣдательствомъ тогдашняго товарища министра финансовъ г. Коковцева.

Послѣ того прошло два года,—и лишь 10 октября текущаго года названная комиссія приступила къ своимъ занятіямъ. Но эти занятія оказались крайне непродолжительными. Уже 24 октября засѣданія комиссіи были закрыты ея предсѣдателемъ и, такимъ образомъ, все ея существованіе длилось двѣ недѣли. Въ такой срокъ, очевидно, не было возможности разрѣшить поставленную комиссіи задачу „всесторонняго обсужденія вопроса

*) «Р. Богатство», 1901 г., № 12, «Хроника внутренней жизни», с. 225.
№ 11. Отдѣлъ II.

объ экономическомъ упадкѣ центра въ связи съ условіями хозяйственной жизни другихъ частей имперіи“. Тѣмъ не менѣе это недолгое существованіе комиссіи нельзя назвать совершенно безрезультатнымъ. Напротивъ, оно дало извѣстные результаты и даже самая кратковременность его представляется въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ чрезвычайно поучительной. Въ этомъ легко убѣдиться, если приглядѣться повнимательнѣе къ тѣмъ свѣдѣніямъ, какія имѣются въ печати о ходѣ занятій въ комиссіи.

Въ составъ комиссіи г. Коковцева вошли, кромѣ председателя, 14 представителей четырехъ центральныхъ правительственныхъ вѣдомствъ (министерства финансовъ, министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, министерства внутреннихъ дѣлъ и вѣдомства удѣловъ) и 18 земскихъ дѣятелей, вызванныхъ изъ семнадцати губерній. Открывая засѣданія комиссіи, председатель указалъ, что для ея занятій департаментомъ окладныхъ сборовъ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ подготовлено статистическое изслѣдованіе о движеніи съ 1861 г. по 1900 г. благосостоянія средне-земледѣльческихъ губерній сравнительно съ другими мѣстностями Европейской Россіи. „Подчеркнувъ затѣмъ то положеніе, что комиссія имѣетъ смыслъ и право на существованіе лишь постольку, поскольку вѣрно предположеніе, что замѣчаемое въ центральныхъ губерніяхъ недомоганіе есть все мѣстное; что, если будетъ признано, что оно не представляетъ изъ себя чего-либо специфически-мѣстнаго, но свойственно и другимъ губерніямъ, то комиссія придется закрыть свою дѣятельность, ибо въ противномъ случаѣ она вторглась бы въ область задачъ особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, т. е. Коковцевъ предложилъ членамъ высказаться по слѣдующимъ основнымъ пунктамъ: насколько удовлетворителенъ тотъ статистическій матеріалъ, который собранъ и обработанъ департаментомъ; и если этотъ матеріалъ будетъ признанъ удовлетворительнымъ, то насколько правиленъ тотъ выводъ, который дѣлаетъ изъ него департаментъ, именно выводъ объ особенномъ экономическомъ неблагополучіи центрально-черноземныхъ и нѣсколькихъ другихъ съ ними смежныхъ губерній Европейской Россіи; самая же главная, самая существенная задача комиссіи, по словамъ председателя, должна была заключаться въ томъ, чтобы намѣтить мѣры и указанія, которыя подсказываются выводами департамента“ *). Иначе говоря, председатель признавалъ за комиссіею право на существованіе лишь въ случаѣ согласія ея съ правильностью вывода о наличности специальныхъ причинъ, создавшихъ удрученное экономическое положеніе центральныхъ земледѣльческихъ губерній, вывода, который самъ

*) Сообщение «Торгово-Промышленной Газеты». Цитирую по «Р. Вѣдомостямъ», 28 октября 1903 г.

предсѣдатель склоненъ былъ, повидимому, заранѣе считать стоящимъ внѣ спора.

Съ своей стороны члены комиссіи признали доброкачественность собраннаго департаментомъ окладныхъ сборовъ статистическаго матеріала и согласились съ тѣмъ, что этотъ матеріалъ достаточно полно освѣщаетъ охваченную имъ область жизни. Иное отношеніе вызвалъ къ себѣ сдѣланный департаментомъ выводъ и послѣ долгихъ преній большинство комиссіи сошлось лишь на постановленіи „въ дальнѣйшихъ трудахъ имѣть въ виду центральный районъ потому, что въ мѣстностяхъ этого района экономическій упадокъ выразился наиболѣе рѣзко“. Когда же вслѣдъ за тѣмъ комиссія обратилась къ выясненію причинъ этого упадка и средствъ, способныхъ содѣйствовать его прекращенію, между двумя группами ея членовъ обнаружилось уже коренное разногласіе во взглядахъ, побудившее предсѣдателя прервать самыя засѣданія комиссіи на недѣльный срокъ. Участвовавшіе въ комиссіи земскіе дѣятели воспользовались такимъ перерывомъ, чтобы сговориться между собою о вопросѣ, къ обсужденію котораго они были привлечены, и при возобновленіи занятій комиссіи подали въ нее общую докладную записку. Записка эта рѣшила судьбу „комиссіи о центрѣ“, но кромѣ того, она представляетъ извѣстный интересъ и сама по себѣ, какъ выраженіе мнѣній цѣлой группы мѣстныхъ дѣятелей, и въ виду этого мы позволимъ себѣ остановиться на ея содержаніи съ особеннымъ вниманіемъ.

Свою записку земскіе дѣятели начали съ указанія на то, что собранный департаментомъ окладныхъ сборовъ матеріалъ, достаточно полный и надежный въ извѣстныхъ рамкахъ, все же не заключаетъ въ себѣ всѣхъ данныхъ, необходимыхъ для разрѣшенія поставленнаго комиссіи вопроса. Этотъ матеріалъ говоритъ лишь объ экономическомъ бытѣ крестьянства и совершенно не затрагиваетъ его духовной, правовой, соціальной и экономической жизни. Между тѣмъ, „не можетъ быть никакого сомнѣнія, что духовная сторона жизни крестьянъ и соціально-правовое ихъ положеніе необходимо должны быть приняты въ соображеніе при разрѣшеніи поставленныхъ комиссіи вопросовъ. Полное отсутствіе матеріаловъ, касающихся той области жизни крестьянства, которая очерчивается его правовымъ и соціальнымъ положеніемъ, его духовными и культурными запросами, совершенно произвольно ставитъ разрѣшеніе вопроса въ слишкомъ узкія рамки. Неполнота матеріаловъ въ этомъ отношеніи служитъ вѣрнымъ залогомъ неправильнаго рѣшенія, которое неизбѣжно должно страдать односторонностью“. Переходя затѣмъ къ вопросу о томъ, какъ поднять упавшее благосостояніе центра, земскіе дѣятели находили, что и по отношенію къ этому вопросу дѣятельность комиссіи поставлена въ чрезчуръ условныя рамки, такъ

какъ къ ней отнесена только часть общаго вопроса, при чемъ не существуетъ и критерія того, что слѣдуетъ считать общими вопросами. Одна общая задача можетъ еще быть расчленена на нѣсколько составныхъ частей, но трудно представить себѣ возможность такого расчлененія въ средствахъ и на дѣлѣ предпріиміе выбора средствъ едва-ли можетъ ускорить и обезпечить успѣхъ въ достиженіи цѣли. Съ своей стороны земскіе дѣятели полагали, что, заботясь о поднятіи крестьянскаго хозяйства изъ его современнаго упадка, надо считаться не только съ условіями этого хозяйства, но и съ личностью крестьянина. „Съ 1861 года,—замѣчали они—въ странѣ совершился переходъ съ натуральнаго на денежное хозяйство, государственный бюджетъ выросъ въ пять разъ, а бюджетъ крестьянскаго хозяйства остался почти тотъ же. Спрашивается, что же дѣлать: поставить ли крестьянина въ старыя условія жизни и облегчить тѣмъ его положеніе или научить его, какъ бороться съ обступившими его трудностями, дать ему болѣе усовершенствованныя средства въ борьбѣ за существованіе“?

„Земскимъ дѣятелямъ—отвѣчала на такой вопросъ записка—представляется, что наиболѣе надежными должны быть признаны тѣ мѣропріятія, которыя стремятся измѣнить внутреннее соотношеніе между крестьяниномъ и окружившими его тяжелыми условіями осложнившейся жизни не облегченіемъ этихъ внѣшнихъ условій, а усовершенствованіемъ самого крестьянина, какъ орудія борьбы въ общей экономіи государства. Только просвѣщеніе, подъемъ личности, самодѣятельности, усиливая и умножая средства борьбы за существованіе, подымая жизненную энергію, даютъ надежду на лучшее будущее. Всѣ же прочія мѣры, облегчающія внѣшнія условія, являются неизбежными и необходимыми только въ виду крайней тяжести настоящей минуты, но не могутъ быть признаны радикальными и безъ общихъ мѣръ едва-ли приведутъ крестьянское хозяйство въ лучшее состояніе. Вотъ почему въ ряду мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью поднять благосостояніе крестьянства, земскіе дѣятели ставятъ на первое мѣсто реформу въ деревенскомъ правопорядкѣ“.

Необходимость такой реформы и желательное ея направленіе нашли себѣ обстоятельное разъясненіе въ запискѣ земскихъ дѣятелей. Авторы записки указывали, что послѣ изданія Положенія 19 февраля 1861 г. не было принято никакихъ мѣръ для уроченія правового положенія крестьянъ на почвѣ равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Напротивъ, начиная съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, правильное теченіе жизни въ деревнѣ предполагалось установить путемъ усиленія власти и точной регламентаціи нѣсколько странно подобранныхъ факторовъ деревенской жизни. Въ свою очередь реформы послѣдняго десятилѣтія не только не внесли въ деревню порядка, но еще болѣе выдвинули всѣ недочеты въ правовомъ положеніи

крестьянъ, не позволяющіе деревенской жизни войти въ правильное русло. Въ виду этого проведеніе начала равенства крестьянъ, какъ въ правахъ, такъ и въ обязанностяхъ, съ другими сословіями должно быть поставлено во главу угла не только реформы въ деревенскомъ правопорядкѣ, но и всѣхъ вообще мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью поднять благосостояніе въ странѣ. Въ настоящее время въ законѣ проводится взглядъ на крестьянъ, какъ бы на особый родъ людей, и послѣдствіемъ этого взгляда для крестьянина являются существенныя ограниченія его личныхъ правъ. Болѣе сильные элементы искусственно выводятся изъ деревни, благодаря тому, что обученіе въ среднемъ или высшемъ учебномъ заведеніи, занятіе должности на государственной службѣ и торговля на правахъ купца требуютъ выписки изъ сельского общества и отказа отъ правъ на надѣльную землю. Въ видахъ опеки надъ крестьянами для нихъ установленъ особый порядокъ полученія видовъ на жительство съ согласія хозяина крестьянскаго двора или крестьянскихъ установленій и изданъ законъ 18 марта 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ. За уходъ съ работы, т. е. за нарушеніе гражданскаго договора, крестьянинъ можетъ быть подвергнутъ уголовной карѣ. Специально для крестьянъ установлена и 61 статья положенія о земскихъ начальникахъ, заключающая въ себѣ серьезное ограниченіе личныхъ правъ. Не лучше обстоитъ дѣло и въ области суда. Юридическіе обычаи, которыми предоставлено было руководиться крестьянству въ сферѣ гражданскаго права, давно оттѣснены на задній планъ „усмотрѣніемъ“ разныхъ инстанцій, начиная съ волостного суда и кончая губернскимъ присутствіемъ. Къ этому присоединяются спутанность и неопредѣленность касающихся крестьянства законовъ, настолько значительныя, что для всѣхъ властей, начиная съ низшихъ и кончая высшими, не говоря уже о самихъ крестьянахъ, совершенно непонятно, какой законъ когда нужно примѣнять, что составляетъ вѣдомство суда и что—администраціи. Волостной судъ, поставленный въ полную зависимость отъ земскаго начальника, совершенно не удовлетворяетъ современнымъ процессуальнымъ требованіямъ и въ своихъ дѣйствіяхъ руководится правилами, въ основѣ которыхъ лежитъ тотъ же взглядъ на крестьянина, какъ на низшее существо. Изъ этого же взгляда вытекаетъ и существованіе для крестьянъ позорныхъ тѣлесныхъ наказаній. Въ результатѣ для крестьянина создается такая обстановка, которая дѣйствуетъ деморализующимъ образомъ на міросозерцаніе народа, принижаетъ въ немъ чувство личности и подавляетъ всѣ проявленія инициативы и самостоятельности.

„Планомѣрная, спокойная и устойчивая работа въ области сельскаго хозяйства—по словамъ цитируемой записки — возможна лишь при полной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, при гарантіи отъ всевозможныхъ вышнихъ воздѣйствій, а между тѣмъ су-

ществующее законодательство слабо защищает крестьянина от них и, конечно, плохо воспитывает его самостоятельность. И до тѣхъ поръ, пока не будетъ поднята личность крестьянина, всякія заботы объ улучшеніи его матеріальнаго благосостоянія и развитіи русской сельскохозяйственной промышленности останутся слабо дѣйствующими палліативами“. Исходя изъ такихъ взглядовъ, авторы записки выражали надежду, что предстоящая работа министерства внутреннихъ дѣлъ по пересмотру крестьянскаго положенія будетъ направлена къ внесенію въ народную жизнь начала равенства всѣхъ передъ закономъ и что при обсужденіи необходимыхъ реформъ будетъ выслушанъ голосъ земства, какъ учрежденія, близко знакомаго съ нуждами деревни.

Наряду съ коренною реформою юридическаго быта деревни авторы записки указывали и другую мѣру, безусловно необходимую для подъема благосостоянія сельскаго населенія. Такою мѣрою, по ихъ словамъ, должно бы явиться широкое развитіе народнаго образованія. О послѣднемъ надо позаботиться немедленно, такъ какъ улучшеніе экономическаго положенія немислимо при томъ невѣжествѣ, въ какомъ находится теперь многомилліонное крестьянское населеніе. Предоставить же ему самому заботиться о своемъ культурномъ развитіи значило бы обречь крестьянъ на долгое время выбиваться изъ тѣмы невѣжества, плотно окутывающей народную жизнь.

Переходя къ мѣрамъ экономическаго характера и, въ частности, къ тѣмъ мѣропріятіямъ, которыя могли бы быть рекомендованы специально въ области сельскаго хозяйства, земскіе дѣятели считали нужнымъ оговориться, что всѣ такія мѣры только въ томъ случаѣ могутъ дать хорошіе результаты, если параллельно съ ними не будутъ упущены изъ вида и мѣры общаго характера, клонящіяся къ поднятію культурнаго уровня крестьянства. Сдѣлавъ эту оговорку, авторы записки указывали, что для поднятія сельскаго хозяйства слѣдовало бы распространять среди сельскаго населенія свѣдѣнія объ улучшенномъ хозяйствѣ путемъ организациі бесѣдъ, чтеній, показательныхъ полей, образцовыхъ фермъ и т. п., содѣйствовать переходу къ болѣе совершеннымъ системамъ полеводства путемъ широкой организациі агрономической помощи и кредита населенію, расширить дѣятельность земскихъ сельско-хозяйственныхъ складовъ и принять мѣры къ поднятію скотоводства и подсобныхъ отраслей сельскаго хозяйства, равно какъ къ борьбѣ съ вредителями послѣдняго. Завѣдываніе всѣми такими мѣрами должно бы быть предоставлено земствамъ, какъ мѣстнымъ хозяйственнымъ органамъ. Сверхъ того, по указаніямъ записки, въ цѣляхъ улучшенія экономическаго быта той части сельскаго населенія, которая уже не находитъ достаточнаго примѣненія своему труду въ крестьянскомъ хозяйствѣ, слѣдовало бы урегулировать отхожій промыселъ пу-

темъ организаціи сѣти справочныхъ учрежденій и всѣми мѣрами развивать ремесленную, кустарную и вообще мелкую промышленность. Въ видахъ ослабленія угнетающаго крестьянъ малоземелья было бы желательно принять мѣры къ расширенію операцій Крестьянскаго банка, облегченію переселеній, распространенію долгосрочныхъ арендъ и развитію мелкаго кредита. На ряду съ этимъ, по мнѣнію авторовъ записки, было бы желательно содѣйствовать переходу крестьянской общины изъ обязательнаго союза въ добровольный, облегчить расчлененіе крупныхъ общинъ на мелкія и выходъ отдѣльныхъ крестьянъ изъ общины и предоставить крестьянамъ при подворномъ владѣніи продавать свои надѣльные земли лицамъ всѣхъ сословій на общемъ основаніи.

Помимо всего указаннаго, авторы записки находили необходимыми для поднятія сельскаго хозяйства серьезныя измѣненія и въ области финансовой политики государства. Обращаясь къ этой области, земскіе дѣятели настаивали на необходимости уменьшенія косвенныхъ налоговъ на предметы первой необходимости и замѣны такихъ налоговъ прямымъ подоходнымъ налогомъ, ослабленія таможеннаго покровительства, отмѣны сахарной нормировки, уменьшенія выкупныхъ платежей и сложенія образовавшейся по нимъ недоимки, перенесенія имѣющихъ государственный характеръ мірскихъ расходовъ на обще-государственные средства и, наконецъ, развитія на средства Государственнаго банка и сберегательныхъ кассъ учреждений народнаго кредита. вмѣстѣ съ тѣмъ въ запискѣ земцевъ высказывалось пожеланіе, чтобы на будущее время сравнительно большая часть государственныхъ средствъ расходовалась въ центральныхъ губерніяхъ съ цѣлью поднятія ихъ экономическаго благосостоянія.

Въ заключеніе своей записки земскіе дѣятели обращали вниманіе на то, что проведеніе въ жизнь мѣропріятій, клонящихся къ поднятію экономическаго благосостоянія населенія, возможно только при широкомъ участіи земства. Между тѣмъ дѣятельность земства встрѣчаетъ въ послѣднее время разнообразныя препятствія. Въ видахъ устраненія этихъ препятствій авторы записки считали необходимымъ понизить земскій поземельный цензъ и увеличить количество гласныхъ, установить въ земствѣ всесословное представительство, ввести мелкую земскую единицу, отмѣнить предѣльность земскаго обложенія и обезпечить земству необходимую самостоятельность. Сверхъ того, по мнѣнію авторовъ записки, было бы желательно, чтобы земствамъ была предоставлена возможность созыва районныхъ съѣздовъ земскихъ дѣятелей и чтобы законопроекты, касающіеся мѣстной хозяйственной жизни, прежде внесенія ихъ въ Государственный Совѣтъ, передавались на заключеніе земскихъ собраній: „Въ послѣднее время—заканчивали земцы свою записку—правительство, признавая полезнымъ участіе земскихъ дѣятелей при обсужденіи разныхъ вопросовъ,

вызываетъ этихъ дѣятелей въ засѣданія при министерствахъ; для пользы дѣла крайне желательно, чтобы программы вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, передавались, предварительно на земскія собранія, чтобы представители земства, избранные земскими собраніями, являлись выразителями мнѣній этихъ послѣднихъ“^{*)}.

Таковы были наиболѣе существенныя предложенія, внесенныя въ комиссію г. Коковцева участвовавшими въ ней земскими дѣятелями. Программа, заключавшаяся въ этихъ предложеніяхъ, во многихъ своихъ пунктахъ оказалась очень близкой къ аналогичной программѣ, выставленной въ прошломъ году значительнымъ числомъ уѣздныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ. Подобно большинству сельскохозяйственныхъ комитетовъ, земскіе дѣятели, вызванные въ комиссію г. Коковцева, главную причину переживаемаго русскимъ сельскимъ хозяйствомъ кризиса усматривали въ трудномъ положеніи крестьянства и, подобно комитетамъ же, истинный выходъ изъ этого положенія они считали возможнымъ искать лишь на пути общихъ мѣропріятій. Но если изъ комитетовъ, высказавшихся за такія мѣропріятія, лишь очень немногіе сѣумѣли и рѣшились сдѣлать всѣ неизбѣжные выводы изъ принятыхъ ими общихъ положеній, то у земскихъ дѣятелей, приглашенныхъ въ комиссію г. Коковцева, нашлось, повидимому, еще меньше подобнаго умѣнья и рѣшимости. Благодаря этому программа, выставленная названными дѣятелями, въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ программа сельскохозяйственныхъ комитетовъ, осталась какъ бы недосказанною и отдѣльныя ея части страдаютъ серьезными недочетами. Указывая на то, что „планомѣрная, спокойная и устойчивая работа въ области сельскаго хозяйства возможна лишь при полной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, при гарантіи отъ всевозможныхъ внѣшнихъ воздѣйствій“, записка земскихъ дѣятелей ограничиваетъ такую гарантію сравненіемъ крестьянства въ правахъ съ другими сословіями, оставляя совершенно въ сторонѣ тотъ вопросъ объ общемъ подъемѣ самостоятельности личности въ Россіи, который былъ выдвинутъ въ работахъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ уѣздныхъ комитетовъ. Съ другой стороны, и мѣры, предлагаемыя въ запискѣ земскихъ дѣятелей спеціально по отношенію къ крестьянству, не всѣ проектированы въ одинаковомъ масштабѣ. Пока рѣчь идетъ о правовомъ и культурномъ положеніи крестьянства, рекомендуемыя запискою мѣры сравнительно широки, но, какъ только на сцену выступаетъ экономическая жизнь крестьянъ, авторы записки усердно хватаются за тѣ самыя палліативы, пользу которыхъ они такъ рѣшительно отрицали. Въ своей запискѣ они указываютъ, что распространенное до сихъ поръ мнѣніе, будто наши аграрныя отношенія благодаря надѣленію крестьянъ землею сложились благопріятнѣе, чѣмъ на За-

*) «Спб. Вѣдомости», 23 и 24 октября 1903 г.

падѣ, вызываетъ сомнѣніе и что крестьянское землевладѣніе далеко не представляетъ для крестьянъ тѣхъ рамокъ, въ которыхъ ведется ими хозяйство. Указываютъ авторы записки и на то, что благодаря отмѣченнымъ условіямъ въ Россіи широко распространена, подъ видомъ сдачи земель въ аренду, своеобразная торговля землею въ розницу, налагающая особый отпечатокъ неустойчивости на весь строй хозяйства. Казалось бы, изъ этихъ указаній самъ собою вытекаетъ совершенно ясный выводъ, но авторы записки уклоняются въ сторону и рекомендуютъ лишь скромныя палліативныя мѣры, которыми, въ случаѣ ихъ осуществленія, могла бы воспользоваться только ничтожная часть крестьянскихъ хозяйствъ. Каково бы ни было происхожденіе такихъ недочетовъ въ запискѣ земскихъ дѣятелей, эти недочеты во всякомъ случаѣ сильно понизили ея значеніе, какъ показанія, освѣщающаго переживаемую дѣйствительность и указывающаго возможный выходъ изъ нея.

Тѣмъ не менѣе и въ настоящемъ своемъ видѣ названная записка сыграла извѣстную роль. Какъ только вопросъ, вырощенный въ специфической атмосферѣ канцелярій, особыхъ землевладѣльческихъ совѣщаній и газетныхъ статей націоналистическаго пошиба, былъ вынесенъ на нѣсколько болѣе широкую арену и хотя отчасти освѣщенъ мнѣніями мѣстныхъ дѣятелей, онъ немедленно измѣнилъ свои очертанія и принялъ болѣе ясный характеръ. Земскіе дѣятели, вызванные въ комиссію г. Коковцева, признали сравнительно большее оскудѣніе крестьянскаго хозяйства въ центральныхъ земледѣльческихъ губерніяхъ, но не нашли возможнымъ ни отдѣлить это явленіе отъ общаго процесса разоренія крестьянъ, ни рекомендовать для борьбы съ нимъ какія-либо узко-спеціальныя мѣры мѣстнаго характера. На мѣсто вопроса объ оскудѣніи центра передъ комиссіею г. Коковцева сталъ, такимъ образомъ, вопросъ о паденіи всего русскаго крестьянскаго хозяйства. Земскіе дѣятели въ своей запискѣ настаивали на необходимости обсужденія ряда общихъ мѣръ, которыя могли бы остановить такое паденіе. Въ свою очередь предсѣдатель комиссіи заранѣе предсказалъ ея судьбу въ томъ случаѣ, если вниманіе членовъ привлечутъ къ себѣ общіе вопросы. Эта судьба и не замедлила совершиться.

По внесеніи въ комиссію г. Коковцева записки земскихъ дѣятелей „нѣкоторыми членами и особенно предсѣдателемъ комиссіи было указано, что объяснять экономическій упадокъ земледѣльческихъ мѣстностей общими причинами едва-ли вообще правильно, что правовой порядокъ вездѣ въ Европейской Россіи одинъ и тотъ же, между тѣмъ экономическое положеніе весьма различно, что придавать исключительное значеніе причинамъ и мѣрамъ общаго характера значитъ отождествлять задачи настоящей комиссіи съ задачами особаго совѣщанія о нуждахъ сель-

скохозяйственной промышленности и отрицать самую возможность каких-либо мѣръ, направленныхъ къ удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ средне-земледѣльческаго района, о которыхъ собственно должна идти рѣчь въ настоящей комиссіи“. Вслѣдъ за тѣмъ „предсѣдатель комиссіи заявилъ, что онъ, не желая стѣснять свободу преній, готовъ выслушать соображенія представителей земскихъ учреждений о причинахъ и мѣрахъ общаго характера, но что предметомъ обсужденія въ комиссіи послѣднія быть не могутъ, такъ какъ это выходитъ за предѣлы компетенціи комиссіи“. Послѣ того занятія комиссіи продолжались мѣнѣе недѣли и были всецѣло сосредоточены на обсужденіи отдѣльныхъ мѣропріятій. При разсмотрѣніи ихъ было высказано „пожеланіе, чтобы правительство въ возможно широкой степени пришло на помощь своими средствами земствамъ, ибо они, и только они одни, по единогласному почти заявленію членовъ комиссіи, могутъ съ пользою и планоустроительностью проводить эти мѣры въ жизнь“. Далѣе комиссія признала желательнымъ поддержаніе и развитіе кустарныхъ промысловъ, урегулированіе отхожихъ промысловъ, распространеніе мелкой промышленности, расширеніе дѣятельности Крестьянскаго банка, упорядоченіе переселенческаго дѣла и аренднаго пользованія землей и уменьшеніе выкупныхъ платежей. вмѣстѣ съ тѣмъ комиссіею было выражено пожеланіе, чтобы государство при осуществленіи различныхъ своихъ мѣропріятій постоянно имѣло въ виду средне-земледѣльческій районъ и туда прежде всего направляло свою дѣятельность *).

Нетрудно видѣть, что за исключеніемъ одного лишь послѣдняго, недостаточно ясно сформулированнаго, пункта, всѣ мѣры, предложенныя комиссіею для поднятія сельскаго хозяйства, въ столь же малой степени имѣютъ мѣстный характеръ, какъ и тѣ, которыя были изъяты изъ ея обсужденія. Иначе говоря, комиссія дала только отрицательный результатъ. Вопросъ о специальныхъ мѣрахъ для поднятія сельскаго хозяйства въ центральныхъ губерніяхъ былъ ею похороненъ и признавъ не имѣющимъ смысла внѣ рамокъ общаго вопроса о способахъ остановить паденіе всего русскаго крестьянскаго хозяйства. Въ свою очередь послѣдній вопросъ былъ только поставленъ въ комиссіи, но она не получила возможности ни разрѣшить, ни выяснить его. Однакоже и эта новая и не во всемъ удачная постановка далеко не новаго вопроса имѣетъ свое значеніе и, надо надѣяться, не пройдетъ безслѣдно. Сопоставляя заявленія, сдѣланныя земскими дѣятелями въ комиссіи г. Коковцева, въ тѣмъ проектахъ подготовляемыхъ въ настоящее время преобразованій, о которыхъ у насъ шла

---

*) Сообщение «Торгово-Промышленной газеты». Цитирую по «Р. Вѣдомостямъ», 28 и 29 октября 1903 г.

рѣчь выше, легко убѣдиться, что мы имѣемъ передъ собой стремленія, рѣзко расходящіяся въ различныя, если не прямо противоположныя, стороны. Съ этой точки зрѣнія и судьба, постигшая заявленія земцевъ въ комиссіи г. Коковцева, заключаетъ въ себѣ нѣчто поучительное. Можно только пожелать, чтобы данный ею урокъ былъ оцѣненъ по достоинству тѣми сферами, которыхъ онъ всего ближе касается.

II.

„Взглянешь кругомъ: все-то куклы! вездѣ-то куклы! не есть конца этимъ кукламъ! Мучать, тиранять, въ отчаянность, въ преступленіе вводятъ! Вѣрите ли, иногда думается: Господи, кабы не куклы, вѣдь десятой бы доли злыхъ дѣлъ не было противъ того, что теперь есть.

— Гм!.. отчасти это, пожалуй, и такъ.

— Вполнѣ вѣрно-съ. Потому настоящій человѣкъ—онъ впередъ глядитъ. Онъ и боль всякую знаетъ, и огорченіе понять можетъ, и страхъ имѣеть. Осмотрительность въ немъ есть. А у куклы—ни страху, ни боли—ничего. Живетъ, какъ забвенная, ни у ней горя, ни радости настоящей, живетъ да душу изнимаетъ—и шабашъ“!

Салтыковъ, «Игрушечнаго дѣла людички» (Полное собраніе сочиненій, VI, 67),

Помните ли вы, читатель, этотъ разговоръ покойнаго Салтыкова съ Изувѣровымъ, мастеромъ „игрушечнаго дѣла людичекъ“? Что касается меня, то, признаться, чѣмъ дольше я живу на свѣтѣ, тѣмъ чаще вспоминаю горькія слова Изувѣрова. Стоитъ мнѣ развернуть русскія газеты, принадлежащія къ такъ называемой охранительной прессѣ, и тотчасъ мнѣ начинается казаться, что я попалъ въ общество не живыхъ людей, а „говорящихъ куколъ“. Не знаютъ эти куклы ни горя, ни радости, ни боли, ни страха, и только неустанно говорятъ забвенныя кукольныя рѣчи, изнимая душу у слушателя. Самые сложные вопросы, самыя тяжелыя и запутанныя трагедіи человѣческой жизни въ этомъ кукольномъ мірѣ, не знающемъ никакихъ человѣческихъ чувствъ, служатъ лишь темами для нескончаемыхъ забвенныхъ рѣчей, не вызывающихъ даже малѣйшей краски стыда у ихъ авторовъ. За послѣднія недѣли „говорящія куклы“ особенно оживились. Случай помогъ имъ открыть новыхъ опасныхъ враговъ отечества и онѣ приняли противъ этихъ враговъ энергичный и беспощадный походъ. Но позвольте ужъ рассказать по порядку.

Нѣсколько недѣль тому назадъ въ петербургскихъ газетахъ было оглашено незаурядное судебное дѣло, всѣми своими подроб-

ностями навѣвающее глубокую печаль и тяжелое раздумье. Въ немногихъ словахъ дѣло это сводится къ слѣдующему. Весною текущего года молодой офицеръ, подпоручикъ Кублицкій-Пиотухъ, велъ по улицамъ Петербурга роту солдатъ. Пройдя нѣкоторое разстояніе, рота остановилась на отдыхъ, оставивъ ружья въ козлы. Въ это время къ одному изъ унтеръ-офицеровъ подошелъ босякъ, оказавшійся впослѣдствіи крестьяниномъ Журловымъ, и сталъ угрожать ему ударомъ. Когда унтеръ-офицеръ въ отвѣтъ пригрозилъ избить самого босяка, послѣдній отошелъ, но предупредилъ, что ударить „кого-нибудь повыше“. „За что?“—спросилъ унтеръ-офицеръ и получилъ въ отвѣтъ: „за то, что вы сыты, а я голоденъ“. Унтеръ-офицеръ сообщилъ объ этой угрозѣ офицеру, но послѣдній не обратилъ на нее вниманія. Черезъ нѣкоторое время рота двинулась дальше и тогда Журловъ, дѣйствительно, подошелъ къ подпоручику Кублицкому-Пиотуху и нанесъ ему ударъ по лицу. Офицеръ не отвѣтилъ на ударъ и продолжалъ вести солдатъ. Журловъ же былъ задержанъ и преданъ суду по обвиненію въ оскорбленіи дѣйствіемъ офицера при исполненіи имъ обязанностей службы. Въ минувшемъ сентябрѣ дѣло это было разобрано въ петербургскомъ окружномъ судѣ, приговорившемъ Журлова къ высшей мѣрѣ наказанія—двумъ годамъ тюремнаго заключенія. Но въ тотъ моментъ, когда это дѣло объ оскорбленіи офицера разбиралось въ судѣ, самого оскорбленного уже не было на свѣтѣ. На пятый день послѣ рассказанной выше исторіи Кублицкій-Пиотухъ застрѣлился. Умирая, онъ оставилъ письмо, въ которомъ благодарилъ своего непосредственного начальника и нѣкоторыхъ товарищей за встрѣченное сочувствіе и вмѣстѣ объяснялъ свою рѣшимость покончить съ жизнью указаніемъ на то, что другіе его товарищи могутъ видѣть въ немъ человѣка, не рѣшившагося защитить честь офицера и потому недостойнаго оставаться въ военной семьѣ. Молодой офицеръ, нашедшій въ себѣ достаточно хладнокровія и мужества, чтобы снести ничѣмъ не вызванный ударъ и не измѣнить долгу службы, достаточно благородства и гражданской стойкости, чтобы не поддаться искушенію явиться судьей въ собственномъ дѣлѣ, не вынесъ мысли о возможномъ презрѣніи со стороны товарищей и предпочелъ оборвать свою жизнь самоубійствомъ.

Въ рассказанномъ дѣлѣ передъ обществомъ прошла одна изъ тѣхъ незаурядныхъ трагедій, которыя вспыхиваютъ порою на сѣренкомъ фонѣ обывательской жизни, ярко озаряя ея темные закоулки и пробуждая въ душѣ сколько-нибудь чуткаго наблюдателя тревожное раздумье и ѣдкую печаль. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, безъ чувства глубокой жалости думать о молодой и благородной жизни, безвременно оборванной въ угоду чужимъ понятіямъ о чести. Съ другой стороны, не меньшую жалость и не менѣе серьезныя мысли способно вызвать и зрѣлище человѣка,

которому жизнь не дала ничего, кромѣ темнаго отчаянія и нравственной пустоты, позволяющихъ ему бросаться на первыхъ попавшихся людей только за то, что они сыты, тогда какъ онъ голоденъ. Но, конечно, задумываться надъ такими явленіями могутъ живые люди, а не „говорящія куклы“, въ груди которыхъ не шевелятся никакія человѣческія чувства.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ въ петербургскихъ газетахъ былъ разсказанъ процессъ Журлова, въ г. Радомѣ произошелъ случай, по внѣшности своей до извѣстной степени аналогичный съ тѣмъ, какой вызвалъ этотъ процессъ. Передаемъ этотъ случай такъ, какъ онъ разсказанъ въ газетахъ. 21 октября, когда на соборной площади г. Радома производился парадъ войскамъ мѣстнаго гарнизона, изъ толпы народа, окружавшей площадь, выдѣлился молодой человѣкъ, подошелъ къ участвовавшему въ парадѣ батальонному адъютанту и ударилъ его рукою по лицу съ такою силой, что съ головы офицера упала шапка. Но закончился радомскій случай иначе, чѣмъ петербургскій. Адъютантъ погнался за молодымъ человѣкомъ, нанесъ ему въ свою очередь ударъ шашкой по головѣ, затѣмъ вернулся въ строй и парадъ продолжался. Раненый же офицеромъ молодой человѣкъ былъ задержанъ полиціей и оказался извѣстнымъ въ городѣ своимъ озорствомъ попрошайкой *).

Разсказанныхъ двухъ эпизодовъ, въ связи съ нѣсколькими случаями уличнаго буйства въ Петербургѣ, оказалось совершенно достаточно для того, чтобы охранительные органы открыли угрожающую отечеству опасность. И, разъ открывъ ее, они съ непреклонной энергіей повели походъ противъ „опаснаго класса“.

Князь Мещерскій съ обычною своею прозорливостію усмотрѣлъ, что усиленіе уличнаго буйства въ Петербургѣ возникло благодаря „ослабленію власти полиціи въ угоду какимъ-то иллюзіямъ законности“, и въ виду этого нашелъ нужнымъ потребовать ни много, ни мало, какъ „революціи“—„революціи во взглядахъ на полицію“ и „революціи въ наказаніяхъ“. Полиціи должно быть, по словамъ редактора „Гражданина“, предоставлено „право произвола“: „если начальникъ полиціи признаетъ нужнымъ взять на себя наказывать того или другого преступника, то уже судъ въ это дѣло не вмѣшивается“. Вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть установленъ и циклъ налагаемыхъ полиціей взысканій, начиная съ тѣлеснаго наказанія и кончая заключеніемъ въ дисциплинарныя роты и высылкой изъ столицы. Если этотъ совѣтъ будетъ принятъ,—завѣряетъ кн. Мещерскій,—„то получатся съ теченіемъ времени значительные результаты въ смыслѣ улучшенія столич-

---

*) «Н. Время», 30 октября 1903 г.

ной нравственности“ *). Другой сотрудник „Гражданина“, нѣкій г. Иксъ, счелъ нужнымъ произвести своеобразную анкету. Онъ опросилъ „четырехъ лицъ: одного члена государственнаго совѣта, одного сенатора, одного директора департамента и одного студента“ и „все четверо высказали безъ всякихъ колебаній и сомнѣній, что противъ „хулигановъ“ другого предупредительнаго и справедливаго наказанія, кромѣ розогъ, нѣтъ“. Столь блестящій успѣхъ совершенно ободрилъ г. Икса и сладкій призракъ возможной розги сдѣлалъ для него милыми даже тѣхъ хулигановъ, противъ которыхъ онъ предлагаетъ употреблять эту розгу. „Подвиги хулигановъ—благодарно замѣчаетъ онъ—представляются чѣмъ-то вродѣ историческаго событія, полезнаго въ томъ смыслѣ, что уже не „Гражданинъ“ одинъ отстаиваетъ розги, когда онѣ полезны, но многіе другіе, благодаря „хулиганамъ“, съ нимъ соглашаются“ **).

Къ энергическимъ, но маловразумительнымъ выкрикамъ „Гражданина“ на первыхъ же порахъ присоединились отчетистыя и обстоятельныя рѣчи сотрудниковъ г. Суворина, того самаго г. Суворина, который на дняхъ нѣсколько неожиданно заявилъ, что онъ любитъ „реформы шестидесятыхъ годовъ, и 19-е февраля, и земскія учрежденія, и новый судъ“ ***). Эта запоздалая и платоническая „любовь“ г. Суворина нисколько не помѣшала его органу сойтись въ одной пѣснѣ съ газетой кн. Мещерскаго. Правда, въ рѣчахъ „Н. Времени“ больше грамотности, больше пафоса и лукавства, но существо этихъ рѣчей все то же, что и въ вопляхъ „Гражданина“.

Всегда откровенная, газета г. Суворина и въ вопросѣ объ уличномъ буйствѣ прежде всего стремится съ законною гордостью возстановить свою собственную заслугу. „Лѣтъ десять назадъ,—по словамъ „Н. Времени“—оно въ первый разъ и первое указало на необходимость принятія серьезныхъ мѣръ къ обузданію нагло безчинствующихъ на улицахъ столицы развратниковъ-подростковъ, уже тогда нападавшихъ на прохожихъ“. Былъ, видите ли, „случай нападенія трехъ негодяевъ на одного прохожаго на Невскомъ“, а „Н. Время“, объ этомъ сообщило. И усердіе газеты тогда же принесло плоды и было оцѣнено по достоинству. Виновики нападенія скрылись, но „сообщеніе объ этомъ случаѣ въ печати обратило надлежащее вниманіе: произведено было разслѣдованіе, подтвердившее правильность сообщенія“ ****). Все это, конечно, вздоръ. Быть можетъ, десять лѣтъ назадъ и былъ случай, упоминаемый „Н. Временемъ“, но вообще-то случаи

*) „Гражданинъ“, 16 октября 1903 г.

**) „Гражданинъ“, 9 ноября 1903 г.

***) „Н. Время“, 3 ноября 1903 г.

****) „Н. Время“, 15 октября 1903 г.

уличнаго безобразія процвѣтають у насъ не десять, а десятки лѣтъ. Ново въ этомъ явленіи только то имя „хулиганства“, которое въ послѣдніе годы приклеили къ нему падкія на моду газеты.

Открытія „Н. Времени“ въ области прошлаго можно было бы, конечно, оставить въ покоѣ. Но газета г. Суворина не ограничивается одними воспоминаніями о своихъ заслугахъ въ прошломъ. Наряду съ этимъ она усердно составляетъ проекты для настоящаго и будущаго. Исходя изъ дѣла Журлова, она увѣряетъ читателя: „съ босякомъ приходится считаться, онъ никогда не былъ робокъ, а теперь набрался храбрости, проникся самостоятельностью и всюду переходитъ въ наступленіе“. „Образовался и растетъ—воскликаетъ газета—не только у насъ, но и во всей Европѣ, во всемъ цивилизованномъ мірѣ, опасный классъ, съ которымъ наступило время бороться, отъ котораго, казалось бы, каждое государство должно было стараться ограждать своихъ гражданъ“. Съ грустью замѣчаетъ „Н. Время“, что на дѣлѣ такого старанія нѣтъ: „нѣкоторыя правительства“, въ томъ числѣ англійское и французское, не довѣряютъ мудрости г. Суворина и „покровительствуютъ этимъ негодяямъ“, хулиганамъ и „рецидивистамъ-преступникамъ“. А между тѣмъ „неоспоримо, кажется, настало время, каждому государству серьезно заняться у себя дома излеченіемъ этой общественной язвы и возможно болѣе дѣйствительнымъ обузданіемъ этихъ подонковъ общества“.

Этотъ наступленный бредъ сопровождается и прямыми подуськиваніями. Специально по поводу дѣла Журлова газета г. Суворина задаетъ рядъ глубоко-патетическихъ и столь же глубоко-невѣжественныхъ вопросовъ. „Почему это—спрашиваетъ она—босяка судили не военнымъ судомъ? Развѣ тутъ не было нападенія на военную часть? Развѣ рота, назначенная для отданія воинскихъ почестей при похоронахъ, была на прогулкѣ, а не при исполненіи военныхъ обязанностей? Если это дѣло по какому-нибудь упущенію попало въ гражданскій судъ, то не слѣдовало ли пересмотрѣть его въ военномъ судѣ?“ *) Казалось бы, сотрудникамъ газеты такъ легко было заглянуть въ сводъ законовъ и разрѣшить всѣ свои „почему“ и „развѣ“. Но „Н. Времени“, очевидно, нужна была не справка съ закономъ, а что-то другое. Извѣстіе о радомскомъ происшествіи съ офицеромъ еще болѣе разогло овладѣвшій газетою пылъ. „Намъ кажется,—писала она послѣ это извѣстія,—необходимо быстрое, въ недѣльные и никакъ не болѣе, чѣмъ въ мѣсячные сроки измѣненіе статей закона, наказывающихъ за оскорбленіе личности, и особенно за оскорбленіе безъ всякаго „дѣла“, безъ ссоры, безъ исторіи въ предшествующій моментъ. Некогда для этого дожидаться „будущей сессіи Госу-

*) „Н. Время“, 15 октября 1903 г.

дарственного Совѣта“, ибо съ начинающейся эпидеміей надо вести борьбу немедленно, чтобы не дать ей разростись... Мы, очевидно, нуждаемся въ санитарныхъ нравственныхъ мѣрахъ. Санитары не церемонятся съ совершенно добропорядочными и мирными жителями, чтобы остановить триумфы дифтерита или холеры. Общая безопасность заставляетъ согласиться съ нѣкоторымъ безпокойствомъ и неудобствами для всѣхъ“. И въ качествѣ такой „санитарной нравственной мѣры“ для прекращенія „эпидеміи дерзости“ среди босяковъ газета на этотъ разъ рекомендуетъ „принудительный трудъ, но непременно сейчасъ, для „молодыхъ любовниковъ“ съ поддѣльными ключами, вроде Васьки Пепла въ „Днѣ“ „Горькаго“. „Дремота здѣсь неумѣстна“,—грозно прибавляетъ она *). До дремоты ли, въ самомъ дѣлѣ, когда всей Европѣ угрожаетъ опасность и предупредить ее можно лишь военными судами да „немедленнымъ“ введеніемъ принудительнаго труда?

Въ этомъ хорѣ безмысленно злобныхъ криковъ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль неумолчно звучащемъ на страницахъ „Н. Времени“, особенно звонко раздается одинъ голосъ, принадлежащій г. Меньшикову. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Меньшиковъ на столбцахъ покойной „Недѣли“ съ неутомимымъ рвеніемъ поучалъ русское общество смиренію, кротости и добротѣ. Теперь онъ занимаетъ другое амплуа, но выполняетъ его съ прежнимъ усердіемъ. Въ дѣлѣ Журлова г. Меньшиковъ выступилъ самымъ рьянымъ и неистовымъ прокуроромъ, поставивъ себѣ задачей доказать, что Журловъ не просто ударилъ, а убилъ Кублицкаго-Піотуха и подлежитъ карѣ, какъ убійца. „На судѣ—разсуждаетъ г. Меньшиковъ,—Журловъ обвиненъ только въ „оскорбленіи дѣйствіемъ должностнаго лица при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей“. Согласно буквѣ факта, онъ присужденъ только къ двумъ годамъ тюрьмы „съ лишеніемъ нѣкоторыхъ нравъ“. Но духъ факта, согласитесь, совсѣмъ иной. Вѣдь, если говорить по совѣсти, босякъ не ударилъ только, а убилъ офицера. Черезъ три дня ударъ его дошелъ, такъ сказать, до сердца ошеломленного человѣка и вызвалъ смерть. Офицеръ не выдержалъ позора и застрѣлился. Когда босякъ ударилъ, не было физической раны, но была смертельная психическая—неужели это не слѣдовало принять во вниманіе? Босякъ прекрасно сознавалъ, что дѣлалъ. Онъ сначала хотѣлъ ударить фельдфебеля, но тотъ пригрозилъ дать сдачи. Надо было выбрать иную жертву, для которой ударъ былъ бы безконечно-болѣзненнымъ въ силу дворянскихъ понятій, и босякъ выслѣдилъ офицера. Дѣло сдѣлано, офицеръ уже гниетъ въ могилѣ, а Журловъ благоденствуетъ на казенныхъ хлѣбахъ“.

Два года тюрьмы—это, по авторитетному мнѣнію г. Меньшикова, совершенные пустяки, всего лишь „благоденствіе на ка-

---

*) «Н. Время», 2 ноября 1903 г.

венныхъ хлѣбахъ“. И нововременскій публицистъ съ глубокимъ сочувствіемъ воспоминаетъ старинныя времена, когда „убійцы и насильники истреблялись на-чисто, какъ дикіе звѣри“, и „въ лицѣ убійцы вѣшалось все его потомство“. Правда, для настоящаго времени г. Меньшиковъ „не могъ бы согласиться со смертной казнью, пытками, плетьюми“. „Но,—говоритъ онъ,—отбросивъ это безчеловѣчіе, государство должно серьезно подумать, чѣмъ замѣнить его. Перуны, кторыми защищалась жизнь и честь человѣка, сняты, — необходимо окружить святыню жизни новой защитой. Нужны внушенія не менѣе грозныя, чѣмъ прежде, хотя бы и не кровавыя. Необходимо, чтобы начинающій молодой преступникъ съ ранняго дѣтства зналъ, что при первомъ же покушеніи на чужую жизнь онъ встрѣтитъ собственную смерть, хотя бы нравственную. Пусть не будетъ висѣлицъ и плетей, но пусть не будетъ никакого нравственнаго снисхожденія, никакой возможности вновь вернуться въ то же общество или въ какое бы то ни было общество вообще. Будемъ прощать убійцъ нечаянныхъ, но холодный умыселъ на жизнь есть возстаніе противъ самого Бога, онъ долженъ караться вѣчнымъ проклятіемъ общества, вѣчнымъ изъ него изгнаніемъ“. Въ строгомъ согласіи съ этимъ взглядомъ г. Меньшиковъ требуетъ для преступниковъ, покушавшихся на чужую жизнь, пожизненнаго одиночнаго заключенія. „Я,—поясняетъ онъ,—согласно съ наукой, не вѣрю въ исправленіе закоренѣлыхъ злодѣевъ. Еслибы нравственными болѣзнями лечились столь же успѣшно, сколько физическія, мы что-нибудь знали бы о чудесахъ этого рода. Христосъ исцѣлилъ множество хромыхъ, слѣпыхъ и т. п., но не исцѣлилъ ни одного фарисея и лицемеръ. Преступники случайные—о нихъ нѣтъ рѣчи, но типическіе злодѣи неисправимы, они должны быть совершенно отдѣлены отъ міра, какъ прокаженные... Развѣ не въ этомъ состоитъ христіанская идея объ адѣ? Негодное, гнойное, мертвое должно быть отдѣлено отъ живого“ *).

„Говорящія куклы“ любятъ громкія слова и не останавливаются передъ профанаціей самыхъ чистыхъ понятій. Въ сущности ихъ трудно даже винить за такую профанацію, такъ какъ слова у нихъ сами по себѣ, а мысли сами по себѣ. Г. Меньшиковъ совершенно неповиненъ въ знакомствѣ съ наукой, но тѣмъ не менѣе онъ, „согласно съ наукой“, не вѣритъ въ исправленіе злодѣевъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, согласно съ христіанствомъ, этой религіей всепрощенія, требуетъ воплощенія на землѣ „христіанской идеи объ адѣ“ для преступниковъ. Когда то г. Меньшиковъ поучалъ кротости и смиренію и при этомъ любилъ ссылаться на евангеліе. Теперь онъ учитъ злобѣ и ненависти, но по старой памяти ссылается все на ту же книгу, содержа-

*) «Н. Время», 28 сентября 1903 г.

щую въ себѣ ученіе безконечной любви и милосердія. По еѣ словамъ, нравственные болѣзни неизлечимы, такъ какъ даже Христосъ „не испѣлилъ ни одного фарисея и лицеѣра“. Надо полагать, г. Меньшиковъ ничего не слыхалъ ни о мытарѣ Маттеѣ, ни о фарисеѣ Савлѣ, называвшемся впоследствии Павломъ. А вѣдь Савлъ былъ даже убійцей, и притомъ не нечаяннымъ и, слѣдовательно, по ученію г. Меньшикова, онъ долженъ былъ быть „обезвреженъ съ тою же неумолимостью, съ какою мы преслѣдуемъ волковъ и чумныхъ бациллъ“. Что дѣлать,—старые апостолы христіанства были нѣсколько милосердіе нововременскаго его проповѣдника и, вѣроятно, даже не предвидѣли появленія говорящихъ куколъ, которыя, „въ интересахъ именно христіанства“, станутъ провозглашать теорію, выражающуюся въ словахъ: „пусть не будетъ никакого нравственнаго снисхожденія“.

Но вернемся еще къ началу разсужденій г. Меньшикова. Онъ твердо стоитъ на томъ, что Журловъ „не ударилъ только, а убилъ офицера“. При этомъ г. Меньшиковъ разсуждаетъ такимъ образомъ: Журловъ нанесъ пощечину офицеру, послѣдній изъ-за этой пощечины застрѣлился, слѣдовательно, Журловъ убилъ офицера. Г. Дворжицкій, ведшій предварительное слѣдствіе по дѣлу Журлова, попытался внести поправку въ приведенное разсужденіе и возстановить истинный характеръ фактовъ, указавъ, что офицеръ застрѣлился не изъ-за пощечины, а изъ-за того отношенія къ нему, которое онъ встрѣтилъ или рассчитывалъ встрѣтить послѣ этой пощечины со стороны нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей. „Журловъ — разъяснялъ г. Дворжицкій — не могъ задуматься надъ тѣмъ, что нападеніе повлечетъ такіа трагическія послѣдствія“. Съ другой стороны, „ударъ отъ Журлова — то же, что укусъ бѣшеной собаки. Оскорбленія чести въ тѣсномъ смыслѣ тутъ не было. Былъ непріятный инцидентъ, былъ, допустимъ, скандалъ, но не обида“. Самъ Кублицкій-Піотухъ такъ и смотрѣлъ на дѣло, „но честь мундира или, точнѣе, носители этой чести могли сказать ему: ты долженъ былъ зарубить оборванца. Ты этого не сдѣлалъ, а потому“... *)

Само собою, эти разъясненія ни на минуту не поколебали г. Меньшикова. Поспѣшно отворачиваясь отъ указанныхъ ему фактовъ, онъ громоздитъ слова на слова, чтобы вновь добратъся до желательнаго заключенія. Журловъ, — говоритъ онъ, — не бѣшенная собака, а человѣкъ. „Даже и послѣ осужденія никакая власть на землѣ не въ состояніи отнять у него „высшаго (отчего же не „святѣйшаго“, какъ у Жуковскаго? В. М.) изъ званій — человѣкъ“. „Стало быть, — побѣдоносно заключаетъ г. Мень-

*) Письмо г. Дворжицкаго было напечатано въ «Судебной Газетѣ». Я цитирую его по извлеченіямъ г. Меньшикова.

шиковъ—тутъ былъ не укусъ собаки, а человѣческая обида, и несчастный молодой офицеръ могъ почувствовать пощечину не только физически, а несравненно болѣе глубокой душевной болью. Какъ не было оскорбленія, когда оно было? Положимъ, г. Дворжицкій и не называлъ Журлова бѣшеной собакой, а лишь сравнивалъ впечатлѣніе отъ ничѣмъ не вызваннаго удара съ впечатлѣніемъ отъ укуса бѣшеной собаки. Но какое же дѣло до этого г. Меньшикову? Ему важенъ не смыслъ словъ, а самыя слова, и онъ готовъ великодушно подарить жалкому босяку „высшее изъ званій“, лишь бы имѣть возможность обвинить этого босяка въ убійствѣ.

Не менѣе побѣдоносно отстраняетъ г. Меньшиковъ и всѣ остальные разъясненія. Въ самоубійствѣ Кублицкаго-Піотуха—съ язвительной ироніей замѣчаетъ онъ—„виноваты офицерскія отсталыя понятія, но кто же, однако, привелъ ихъ въ дѣйствіе? Кто обрушилъ ихъ надъ головою бѣднаго поручика? Босякъ Журловъ. Такъ какъ же онъ тутъ почти не при чемъ?“ Съ своей стороны г. Меньшиковъ готовъ еще „не защищать“ тѣ „офицерскія понятія“, согласно которымъ слѣдовало „зарубить“ Журлова, но и порицать эти понятія онъ не видитъ возможности, такъ какъ „вѣдь и сабли жестоки“ и „если отнять у военныхъ то, что жестоко, то не будетъ и самихъ военныхъ“. „Вооруженная самозащита въ извѣстныхъ случаяхъ—говоритъ онъ,—есть условіе постоянное для этого класса, какъ сабли и ружья“. Въ виду такого положенія „единственно, что для даннаго случая нужно,—это установить, что существуетъ въ офицерской средѣ бытовой законъ чести, неумолимый и беспощадный, и что босякъ подвелъ молодого офицера подъ этотъ законъ. Утверждать, что виноватъ въ смерти офицера не босякъ, а офицерская среда, такъ же логично, какъ обвинять воду въ томъ, что человѣкъ тонетъ въ ней, разъ вы ему навязали на шею камень“. Весь вопросъ именно въ томъ, что сыграло роль камня въ судьбѣ Кублицкаго-Піотуха, но этотъ-то вопросъ г. Меньшиковъ и обходитъ. Въмѣсто того онъ просто преклоняется передъ принятымъ обычаемъ и упорно отвертывается отъ разъясняемаго ему факта, что даже въ офицерской средѣ этотъ обычай встрѣчаетъ различную оцѣнку и что самъ покойный Кублицкій-Піотухъ рѣшительно отрицалъ воззрѣніе, согласно которому вооруженная самозащита является постояннымъ условіемъ для офицера.

Остается возраженіе, что Журловъ не могъ предвидѣть послѣдствій своего поступка. „О, повѣрьте,—возражаетъ г. Меньшиковъ,—босякъ прекрасно зналъ, что онъ дѣлалъ. Ударяя офицера, онъ имѣлъ въ виду прилѣпить къ нему нѣчто невѣсомое, что тянетъ, однако, ко дну, какъ мертвый грузъ. Нынѣшніе босяки вообще интеллигентный народъ, они совершенно въ курсѣ

общественныхъ идей. Босякъ, какъ видно изъ слѣдствія, сначала хотѣлъ ударить фельдфебеля, но вспомнилъ, что по народному воззрѣнію ударъ есть только ударъ и чести не поруха. „Я ударю кого-нибудь повыше“, сказалъ онъ.—За что?—За то, что я голоденъ, а вы сыты“, Последняя фраза—прямо изъ социалистическаго катехизиса, она говоритъ объ освѣдомленности Журлова, очень тонкой“. Последняго комплимента, очевидно, никакъ нельзя сдѣлать самому г. Меньшикову, такъ какъ едва-ли онъ сможетъ указать тотъ „социалистическій катехизисъ“, „прямо“ изъ котораго, по его увѣренію, Журловъ взялъ свою фразу. Но это мимоходомъ.

Итакъ, „нынѣшніе босяки вообще интеллигентный народъ“, и потому нѣтъ сомнѣнія, что крестьянинъ Журловъ зналъ тѣ „офицерскія понятія“, согласно которымъ подпоручикъ Кублицкій-Піотухъ въ случаѣ нанесенія ему кѣмъ бы то ни было удара долженъ былъ или „зарубить“ ударившаго, или застрѣлиться самъ. Но откуда же Журловъ зналъ, что Кублицкій-Піотухъ избереетъ второй, а не первый выходъ? Но этого,—казалось бы, довольно существеннаго,—вопроса г. Меньшиковъ даже и не ставитъ, а вмѣсто того опять ускользаетъ въ сторону и начинаетъ громоздить слова на слова, не заботясь объ ихъ смыслѣ. „Если,—говоритъ онъ,—пощечина не обида, а только „непріятный инцидентъ“, то, напримѣръ, насиліе надъ женщиной, пожалуй, еще менѣе обида... Тутъ физическая боль не сильнѣе пощечины и весь (?) ужасъ во мнѣніи „среды“. Что такое женская невинность? Вы можете счесть ее „отсталымъ понятіемъ“, „предразсудкомъ среды“, но это не помѣшаетъ иной обезпеченной дѣвушкѣ броситься въ омутъ. Она умретъ, а вы будете вмѣстѣ съ г. Дворжицкимъ утверждать, что босякъ, осквернившій дѣвушку, только „косвенный“ виновникъ ея смерти, что онъ тутъ „почти не при чемъ“, что „связь его поступка со смертью потерпѣвшей отдаленная, призрачная“. Истинный виновникъ—отсталое общество. Мнѣ кажется, отсталое общество съ этими софизмами не согласится. Оно скажетъ босякамъ и ихъ защитникамъ: Милостивые государи, нельзя ли для передовыхъ понятій найти другое, менѣе отсталое общество? Пусть на вашъ взглядъ невинность женщины и неприкосновенность лица мужчины—вздоръ, но это вашъ взглядъ и практикуйте его въ своемъ кругу. Какое же вы имѣете право навязывать намъ эти взгляды, да еще насильственно, ударами по лицу и нападеніемъ на женщинъ“?

Стало быть, по мнѣнію г. Меньшикова, утверждать, что за изнасилованіе нужно судить, какъ за изнасилованіе, и за оскорбленіе, какъ за оскорбленіе,—значитъ доказывать, что изнасилованіе и оскорбленіе—вздоръ? Простая истина, что каждый можетъ быть судимъ лишь за то, что онъ сдѣлалъ и что входило въ его намѣренія, никакъ не можетъ, повидимому, помѣститься

въ головѣ г. Меньшикова. Если у кого-нибудь украдутъ деньги и обокраденный съ горя повѣсится, г. Меньшиковъ, надо думать, тоже потребуетъ, чтобы вора судили, какъ убійцу. Если невѣста обманетъ жениха и выйдетъ замужъ за другого, а отвергнутый женихъ застрѣлится, г. Меньшиковъ опять-таки потребуетъ казни для обманщицы и будетъ очень удивленъ возраженіями юристовъ.

Всего лучше, однако, что въ концѣ концовъ самъ г. Меньшиковъ не признаетъ существованія того оскорбленія, наличность котораго онъ такъ старательно доказывалъ и которое такъ усердно приравнивалъ къ убійству. Только приходитъ онъ къ этому выводу совершенно особымъ путемъ. „Была возможность—говоритъ онъ—даже при „отсталыхъ понятіяхъ“ взглянуть на данный случай хладнокровно. Тутъ было не заурядное уличное нападеніе, не скандалъ, а политическое насилие. Политическія же насилія не входятъ въ сферу офицерской чести. Босякъ объяснилъ прекрасно мотивъ преступленія: „Я голоденъ, а вы сыты“. Но вѣдь это формула гражданскаго междоусобія, мятежа. Что мятежъ поднять лишь въ одномъ лицѣ, что это случай спорадическій, это не мѣняетъ его природы. Предположимъ же, что офицеръ получилъ бы ударъ по лицу при мятежѣ,—неужели это было бы безчестье?“ *)

Итакъ, хотя г. Меньшиковъ и восклицалъ патетически: „какъ не было оскорбленія, когда оно было?“, а оскорбленія, дѣйствительно, не было. Но для того, чтобы придти къ этому заключенію, г. Меньшикову понадобилось оклеветать и безъ того жалкаго босяка и, не переставая обвинять его въ убійствѣ, взвести на него же еще обвиненіе въ „мятежѣ“. Впрочемъ, клевета вообще, по-видимому, начинаетъ входить нееобѣжною составною частью въ писанія г. Меньшикова, съ тѣхъ поръ, какъ онъ упалъ въ „Н. Время“. И надо отдать справедливость г. Меньшикову,—онъ клеветаетъ не только на безвѣстныхъ босяковъ. Въ томъ же самомъ фельетонѣ, выдержки изъ котораго приведены выше, г. Меньшиковъ поминаетъ недавно умершаго писателя Накрохина, бывшего въ старые годы сотрудникомъ и секретаремъ „Недѣли“. Судя по отзывамъ болѣе авторитетныхъ лицъ, Накрохинъ былъ, дѣйствительно, хорошей и честный человекъ, памяти котораго не слѣдовало бы трогать грязными руками. Какъ бы то ни было, г. Меньшиковъ говоритъ по его адресу, а попутно и по своему, много хорошихъ словъ и внезапно среди этихъ хорошихъ словъ вставляетъ такую тираду: „Накрохину ничего бы не стоило выдвинуться, „прогрѣмѣть“, но для этого нужно было многое, на что онъ былъ неспособенъ. Чтобы сдѣлать себѣ „карьеру“ въ печати, нынче нужно окунуться съ головою въ лужу журнализма,

*) «Н. Время», 19 октября 1903 г.

примкнуть къ крайней партіи, записаться въ „союзы“, бывать на митингахъ нашихъ и обѣдахъ, ухаживать за либеральными дамами и „вождями“. Все это скучно и глупо и Накрохинъ былъ слишкомъ порядоченъ для всего этого. Исключительно по этой причинѣ, единственно по этой, онъ не пріобрѣлъ всероссійской извѣстности такихъ геніевъ, какъ гг. Леонидъ Андреевъ, Чириковъ, Вересаевъ и т. п.“

Когда я наткнулся на эту грязную выходку, мнѣ невольно вспомнилась характеристика, данная нѣкогда покойнымъ Салтыковымъ дѣятельности одного изъ „пестрыхъ людей“: „Сядетъ новообращенный къ рабочему столу и начнетъ подговлять работу къ завтрашнему дню. Изъ каждой строки этой работы явственно сочтется одно слово: искоренить. Прежде онъ былъ сторонникомъ и ревнителемъ женскаго образованія, теперь—придумываетъ подвохи въ ущербъ ему; прежде онъ видѣлъ въ свободѣ величайшее благо человѣческихъ обществъ, теперь—онъ называетъ ее не иначе, какъ разнузданностью; прежде онъ признавалъ судъ общественной совѣсти, какъ наилучшее мѣрило для оцѣнки человѣческихъ дѣяній, теперь — онъ утверждаетъ, что въ основѣ этого суда лежитъ одна анархія. И онъ излагаетъ это отчетисто, ясно, спѣша поспѣть къ сроку, ибо знаетъ, что завтра же всѣ эти новыя измышленія должны быть пущены въ ходъ. Одно только умѣряетъ его стыдъ—это нелѣпость написаннаго и надежда, что сама жизнь отвернется отъ нея“ *). Подъ горькими сарказмами великаго сатирика сквозить чувство искренней жалости, хотя и связанной съ презрѣніемъ. По человѣчеству, дѣйствительно, стоитъ пожалѣть пестрыхъ людей, даже тогда, когда они готовятся окончательно превратиться въ говорящихъ куколъ, не сознающихъ ужаса своихъ рѣчей. Но еще болѣе достойны сожалѣнія тѣ слои общества, которые успѣли воспитать въ себѣ столь глубокое равнодушіе, что могутъ выслушивать эти рѣчи, не испытывая ни мучительнаго стыда, ни брезгливаго отвращенія.

Призывы „Н. Времени“ къ военному суду по дѣлу Журлова въ концѣ концовъ не остались безъ нѣкотораго результата. Подъ вліяніемъ этихъ призывовъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ появилась замѣтка, разъясняющая, что Журловъ „былъ совершенно правильно преданъ окружному суду, такъ какъ гражданскія лица подсудны военному суду лишь въ случаяхъ совершенія ими вмѣстѣ съ военно-служащими преступныхъ дѣяній, касающихся нарушеній воинской дисциплины и законовъ военной службы“. „Къ тому же—продолжаетъ цитируемая замѣтка—преданіе Журлова военному суду, возможное лишь въ порядкѣ изъятій изъ

*) «Пестрыя письма». Полное собраніе сочиненій М. Е. Салтыкова, VI, 494.

общихъ правилъ закона, было бы нынѣ безцѣльнымъ, такъ какъ с.-петербургскій окружный судъ приговорилъ Журлова къ высшей мѣрѣ указаннаго въ ст. 285 уложенія наказанія — заключенію въ тюрьмѣ на 2 года, а потому военный судъ, обязанный руководствоваться тою же статьею, не могъ бы подвергнуть Журлова болѣе тяжкому наказанію, чѣмъ то, какое было ему назначено“. „За всѣмъ тѣмъ — нѣсколько неожиданно заключаетъ замѣтка военной газеты — значительное усиленіе отвѣтственности гражданскихъ лицъ за нанесеніе офицерамъ оскорбленій безъ всякаго съ ихъ стороны повода, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда оскорбленіе нанесено передъ строемъ, представляется мѣрою весьма желательною. Въ такихъ оскорбленіяхъ выражается если не протестъ противъ существующаго государственнаго строя, то во всякомъ случаѣ, враждебное отношеніе къ естественнымъ охранителямъ этого строя — военно-служащимъ, а потому было бы вполне справедливо угрозою тяжкихъ наказаній оградить отъ незаслуженныхъ оскорбленій воинскихъ чиновъ, на которыхъ лежитъ священная обязанность защиты престола и отечества. Передачей же подобныхъ дѣлъ на разсмотрѣніе военнаго суда была бы достигнута столь желательная въ данномъ случаѣ быстрота ихъ рѣшенія“ *).

Врядъ-ли возможно согласиться съ пожеланіями военной газеты. Не будемъ уже настаивать на томъ, что одинъ-два случая нарушенія закона не даютъ еще достаточнаго основанія говорить о необходимости измѣненія этого закона въ смыслѣ усиленія уголовной репрессіи. Даже оставляя это соображеніе въ сторонѣ и ограничиваясь лишь разсмотрѣніемъ мотивовъ, выдвигаемыхъ самою газетою въ поддержку созданнаго ею проекта, нетрудно убѣдиться въ полной несостоятельности послѣдняго.

Прежде всего, „священную обязанность защиты отечества“ несутъ на себѣ не только офицеры, но и солдаты. Стало быть, идя по пути, указанному „Р. Инвалидомъ“, необходимо, во имя уваженія къ этой обязанности, требовать также „значительнаго усиленія отвѣтственности гражданскихъ лицъ“ за оскорбленія, нанесенныя солдатамъ, и передачи всѣхъ такихъ дѣлъ въ военные суды. Но и на этомъ нельзя еще будетъ остановиться. Со времени введенія закона о всеобщей воинской повинности „священная обязанность защиты отечества“ лежитъ на всѣхъ лицахъ однажды призванныхъ къ отбыванію воинской повинности, хотя бы въ данное время они и не находились въ рядахъ войска. Стало быть, рекомендуемый порядокъ необходимо будетъ распространить и на дѣла объ оскорбленіи этихъ лицъ, въ общей своей совокупности составляющихъ весьма значительную долю мужского населенія страны. Можно, правда, сказать, что пока лица, обя-

---

*) Цитирую по «Н. Времени», 3 ноября, 1903 г.

занные воинскою повинностью, не находятся въ войскѣ, они еще не защищаютъ отечества. Но вѣдь и офицеръ, ведя роту солдатъ на похороны или представляясь начальству на парадѣ, не защищаетъ отечество, а лишь исполняетъ простую служебную обязанность. Такимъ образомъ, если принять за основаніе рекомендуемаго намъ проекта указываемый военной газетою мотивъ, простая логика требуетъ распространенія этого проекта до такихъ предѣловъ, въ которыхъ его юридическая и бытовая цѣнность не способна уже возбуждать никакихъ сомнѣній.

Дѣйствительнымъ основаніемъ проекта военныхъ судовъ для оскорбителей офицеровъ служить, конечно, представленіе объ офицерахъ не какъ о защитникахъ отечества, а какъ о носителяхъ особой военной или, точнѣе, офицерской чести, болѣе чувствительной къ оскорбленію, чѣмъ честь гражданская. Но въ такомъ случаѣ, передавать дѣла объ оскорбленіи офицеровъ въ военный судъ—не значило ли бы нарушать основное требованіе судопроизводства и устранять изъ суда безпристрастіе? И кого могъ бы удовлетворить приговоръ, вынесенный людьми, которые, отправляя судейскія обязанности, одновременно сознавали бы себя обиженной стороной? Такимъ образомъ, и съ этой точки зрѣнія, прямо, правда, не указанной военной газетою, ея проектъ не выдерживаетъ самой снисходительной критики, если только критикъ не пожелаетъ отречься отъ основныхъ началъ права.

Что же, однако, представляетъ собою эта офицерская честь, ради охраны которой проектируются особые законы и особые суды? Выше мы уже видѣли вульгарное пониманіе такой чести. Офицерскій мундиръ не терпитъ никакого оскорбленія, хотя бы послѣднее носило чисто внѣшній характеръ. За всякимъ подобнымъ оскорбленіемъ должна слѣдовать со стороны офицера немедленная месть оружіемъ. Если кто-либо ударить офицера,—кто бы ни былъ этотъ ударившій и чѣмъ бы ни былъ вызванъ ударъ,—офицеръ долженъ убить обидчика. Если офицеръ этого не сдѣлаетъ, онъ недостойнъ быть офицеромъ. Такіе взгляды не остаются въ области теоріи. Они широко примѣняются офицерскою средою на дѣлѣ и находятъ себѣ извѣстное отраженіе въ самой практикѣ судебныхъ учреждений. Не далѣе, какъ на дняхъ, въ газетахъ былъ разсказанъ характерный эпизодъ такого примѣненія указанныхъ понятій объ офицерской чести. Объ этомъ эпизодѣ стоитъ напомнить.

28-го октября въ кавказскомъ военно-окружномъ судѣ слушалось дѣло по обвиненію прикомандированнаго ко 2-му кавказскому саперному батальону хорунжаго 1-го кубанскаго пластунскаго батальона Франца Іосифовича Гензеля 2-го въ убійствѣ сына титулярнаго совѣтника Николая Самойловича Джаврова. На предварительномъ дознаніи изъ показаній свидѣтелей выяснилось, что 14 мая текущаго года въ г. Тифлисѣ, на панели Головинскаго

проспекта, близъ „Тифлискаго собранія“, стояла группа офицеровъ, разговаривавшихъ между собой. Въ это время мимо нихъ прошелъ размашистой походкой Николай Джавровъ и случайно толкнулъ одного офицера, оказавшагося хорунжимъ Гензелемъ 2-мъ, который, со словами: „чего толкаешься?“, схватилъ сначала Джаврова за руки, а затѣмъ ударилъ его по лицу. Тогда Джавровъ вырвался изъ рукъ Гензеля и въ свою очередь такъ сильно ударилъ его по лицу, что тотъ упалъ на тротуаръ. Въ это время къ Джаврову подбѣжалъ постовой городской и свелъ его съ тротуара на мостовую. Между тѣмъ хорунжій Гензель поднялся съ тротуара и направился за Джавровымъ; на ходу онъ вынулъ изъ кобуры револьверъ и сталъ пѣлится въ уходившаго Джаврова. Тогда изъ стоявшей около „Тифлискаго собранія“ толпы раздался голосъ: „не стрѣляйте—онъ сумасшедшій“. Хорунжій Гензель на мгновеніе остановился и хотѣлъ было положить револьверъ обратно въ кобуру, но въ это время стоявшій на тротуарѣ товарищъ его подпоручикъ Каблицкій 1-й нѣсколько разъ крикнулъ Гензелю: „стрѣлай“. Тогда Гензель снова поднялъ револьверъ и произвелъ четыре выстрѣла. Послѣ четвертаго выстрѣла Джавровъ упалъ на спину, а когда къ нему подбѣжали городской и другія лица, то онъ былъ уже мертвъ. Военно-окружный судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, призналъ хорунжаго Гензеля виновнымъ въ убійствѣ Джаврова и приговорилъ къ отдачѣ въ исправительное арестанское отдѣленіе срокомъ на 3 года, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ судъ постановилъ возбудить ходатайство о полномъ помилованіи Гензеля *).

Можно думать, что въ томъ случаѣ, еслибы передъ судомъ стоялъ не хорунжій Гензель, а какой-нибудь штатскій человѣкъ, или еслибы хорунжій Гензель стоялъ не передъ военнымъ, а передъ обыкновеннымъ судомъ, судебный приговоръ носилъ бы другой характеръ. Съ обыкновенной точки зрѣнія трудно понять, какъ можно сперва оскорбить человѣка, а потомъ, за полученное въ отвѣтъ оскорбленіе, убить. Но военный судъ разсудилъ иначе и съ своей специальной точки зрѣнія онъ былъ вполне правъ. Для его членовъ ясно, что честь офицера остается при немъ, если онъ на случайный толчокъ отвѣчаетъ пощечиной, и теряется, если онъ на пощечину не отвѣтитъ убійствомъ.

Изъ газетной хроники послѣднихъ мѣсяцевъ можно было бы привести немало случаевъ, вполне подобныхъ только что сказанному и имѣвшихъ аналогичный исходъ. Тѣ люди, которые находятъ всѣ такіе случаи нормальными, обыкновенно оправдываютъ ихъ тѣмъ соображеніемъ, что офицеръ, какъ специалистъ-воинъ, подобно средневѣковому рыцарю, долженъ быть прежде

---

*) «Нижегор. Листокъ», 5 ноября 1903 г..

всего храбръ передъ опасностью и самъ карать оскорбителей своей чести. Храбрость—качество очень почтенное, но неужели пользоваться оружіемъ въ ссорѣ съ безоружнымъ—значить проявлять храбрость, а не какое-то иное качество? И неужели застрѣлить или зарубить безоружнаго человѣка, не рискуя даже большой отвѣтственностью,—подвигъ воина, а не поступокъ палача? Не болѣе убѣдительно и сравненіе офицера съ рыцаремъ. Хороши или дурны были средневѣковые рыцари для своего времени—другой вопросъ, но вѣрно то, что современные офицеры не имѣютъ съ ними ничего общаго. Рыцарь получалъ оружіе по праву рожденія и по тому одному уже пользовался этимъ оружіемъ въ своихъ собственныхъ интересахъ. Офицеръ получаетъ оружіе отъ государства, и при томъ только въ интересахъ послѣдняго. Стоитъ вдуматься въ этотъ фактъ, чтобы понять всю громадность различія между рыцаремъ и офицеромъ и вмѣстѣ получить возможность опредѣлить тѣ границы, въ которыхъ можетъ заключаться спеціальная воинская честь нашего времени.

Личная храбрость, конечно, составляетъ обязательное свойство для военнаго и въ наши дни, но не въ ней одной дѣло. Государство требуетъ отъ офицера знанія военнаго дѣла и извѣстной дозы храбрости, какъ требуетъ отъ судьи—знанія законовъ и извѣстной сообразительности, отъ администратора—знанія его правъ и обязанностей и нѣкоторой дѣловитости. И какъ судья и администратору государство вручаетъ извѣстную власть для опредѣленныхъ цѣлей, такъ офицеру оно даетъ оружіе для защиты отечества. Въ этой спеціальной сферы офицеръ—простой гражданинъ и не можетъ пользоваться никакими особыми привилегіями. Еслибы судья или администраторъ вздумалъ воспользоваться властью, переданною ему въ общественныхъ интересахъ, для устройства своихъ личныхъ дѣлъ или для произвольной кары надъ оскорбившимъ его лицомъ, онъ обманулъ бы довѣріе общества и измѣнилъ бы своему долгу передъ страной. Такимъ же измѣнникомъ своему долгу является и офицеръ или солдатъ, рѣшающійся воспользоваться своимъ привилегированнымъ положеніемъ вооруженнаго человѣка для сведенія личныхъ счетовъ. Сообразно этому, и спеціальная честь воина, призваннаго защищать отечество, опредѣляется тѣми же самыми чертами, какъ честь всякаго слуги государства, и не можетъ быть опредѣлена никакими иными. Если истинная честь судьи заключается въ безпристрастіи его судебныхъ рѣшеній и честь администратора—въ соблюденіи строго законнаго порядка управленія, то честь военнаго требуетъ, чтобы онъ не поднималъ своего оружія иначе, какъ въ интересахъ отечества, и несоблюденіе этого требованія можетъ наложить пятно дѣйствительнаго безчестія на носителя офицерскаго мундира въ глазахъ общества. Проникновеніе въ военную среду такого взгляда,—

повторяю, единственно соответствующаго существу дѣла,—избавило бы насъ отъ многихъ печальныхъ трагедій.

Поведеніе покойнаго Кублицкаго-Піотуха въ исторіи съ боякомъ Журловымъ показало, что такое проникновеніе на практикѣ уже совершается. Правда, это поведеніе стоило жизни несчастному юношѣ, до конца сохранившему увѣренность въ своей правотѣ, и можно опасаться, что его смерть явится далеко не послѣдней еще жертвой на алтарѣ устарѣлыхъ понятій объ офицерской чести. Быть можетъ, однако, безвременная гибель покойнаго заставитъ хоть нѣкоторыхъ его товарищей провѣрить цѣнность этихъ понятій и придти къ убѣжденію, что офицеры являются прежде всего гражданами страны, не освобожденными отъ обязанности заботиться объ ея гражданскихъ интересахъ, а потомъ уже—военными. Въ такомъ случаѣ жертва, принесенная погибшимъ юношей, не будетъ, по крайней мѣрѣ, жертвой безплодной.

III.

Въ теченіе мѣсяца, прошедшаго со времени послѣдней нашей хроники, опубликованъ рядъ правительственныхъ распоряженій, касающихся охраны порядка. Приводимъ ихъ здѣсь въ хронологической послѣдовательности.

Высочайшимъ повелѣніемъ войсковому наказному атаману Войска Донскаго представлено право продлить еще на 5 лѣтъ срокъ дѣйствія обязательнаго постановленія о воспрещеніи жителямъ нѣкоторыхъ селеній, расположенныхъ въ низовьяхъ рѣки Дона, имѣть огнестрѣльное оружіе. Высочайше утвержденнымъ 5 апрѣля 1903 г. положеніемъ комитета министровъ постановлено: предоставить войсковому наказному атаману Войска Донскаго право продлить еще на 5 лѣтъ срокъ дѣйствія обязательнаго постановленія, изданнаго на основаніи Высочайше утвержденаго, 6 февраля 1898 года, положенія комитета министровъ о воспрещеніи имѣть огнестрѣльное оружіе, безъ разрѣшенія полиціи, кромѣ тѣхъ лицъ, коимъ дозволено или предписано закономъ, какъ казакамъ, такъ и иногороднимъ, слѣдующихъ прибрежныхъ селеній и хуторовъ области Войска Донскаго: Недвиговки, Синявскаго, Моракочулукскаго, Мержановскаго, Арминской косы, Бесергеновки, Подъазова, Узьяка, Кагальника, Качеваня, Головатова, Круглаго, Гастомилова, Ачаковской косы, Страшнаго и урочища Семибалокъ, береговой линіи по р. Дону между этими двумя послѣдними селеніями и посада Азова, а также о воспрещеніи вообще всѣмъ, занимающимся рыболовствомъ въ гирлахъ р. Дона, имѣть огнестрѣльное оружіе во время производства рыбныхъ ловель *).

*) «Сарат. Дневникъ», 17 октября 1903 г.

Въ свою очередь въ области Уральского Войска военнымъ губернаторомъ г.-л. К. П. Ставровскимъ 23 октября тек. года издано слѣдующее обязательное постановленіе о ношеніи оружія: „1) Воспрещается въ г. Уральскѣ во всякое время, на весенней и осенней уильской ярмаркѣ, а также на всѣхъ базарахъ и другихъ ярмаркахъ, существующихъ въ уѣздахъ Уральской области, ношеніе всякаго рода опаснаго оружія, какъ то: револьверовъ, ружей, кинжаловъ, кистеней, стилетовъ, палокъ съ помѣщающимся въ нихъ оружіемъ и проч. 2) Виновные въ неисполненіи этого постановленія, помимо отобранія отъ нихъ запрещеннаго для ношенія оружія, будутъ привлекаться къ отвѣтственности на общемъ основаніи“ *).

Въ „Харьковскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“ напечатано слѣдующее обязательное постановленіе и. д. харьковского губернатора г. Гербея: „Въ виду опубликованныхъ въ № 69 „собранія узаконеній и распоряженій правительства“ отъ 1 іюля сего года правилъ объ учрежденіи старостъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности, симъ отмѣняется дѣйствіе § 5 изданныхъ мною 16 іюня 1903 года обязательныхъ постановленій для жителей г. Харькова и его предмѣстій, взаимѣнъ какового параграфа, на основаніи ст. 15 Высочайше утвержденного 14 августа 1881 года, „положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“, вводится въ дѣйствіе съ нижеуказаннаго срока слѣдующее обязательное для жителей г. Харькова и его предмѣстій постановленіе: „Хозяева фабрикъ, заводовъ и ремесленныхъ заведеній, а равно арендаторы и управляющіе оными обязаны внимательно слѣдить, чтобы въ средѣ подвѣдомственныхъ имъ рабочихъ не появлялись распространители вредныхъ ученій и всякаго рода волнующихъ общественное спокойствіе слуховъ, и въ случаѣ появленія такихъ лицъ должны немедленно увѣдомлять о томъ полицію, стараясь не упускать подозрительныхъ лицъ изъ-подъ своего наблюденія и по возможности сохранять доказательства преступленій, какими могутъ быть—запрещенныя книги, рукописи и т. п.“ **).

Въ виленскихъ газетахъ напечатано слѣдующее обязательное постановленіе, изданное 1 ноября текущаго года виленскимъ, ковенскимъ и гродненскимъ генералъ-губернаторомъ г.-л. Святополкъ-Мирскимъ: „1) Воспрещаются всякія собранія безъ надлежащаго разрѣшенія. 2) Воспрещаются сходбища для дѣйствій или же совѣщаній, направленныхъ противъ общественнаго порядка и спокойствія, а равно всякое нарушеніе порядка въ общественныхъ мѣстахъ и собраніяхъ. 3) Воспрещается участіе въ толпѣ, производящей насиліе или же нарушеніе порядка. 4) Воспре-

*) «Спб. Вѣдомости», 30 октября 1903 г.

**) Цитируемъ по «Кіевск. Газетѣ», 30 октября 1903 г.

щается ношеніе и храненіе огнестрѣльнаго и холоднаго оружія, кастетовъ и т. п. орудій безъ установленнаго на то разрѣшенія, а равно продажа оружія и патроновъ лицамъ, именного разрѣшенія на содержаніе оружія не имѣющимъ. (Правило это не распространяется на лицъ, имѣющихъ по закону право носить оружіе). 5) Воспрещается распространеніе ложныхъ слуховъ, возбуждающихъ въ населеніи тревогу или же опасеніе за личную или имущественную безопасность. 6) Воспрещается присвоеніе чужого званія, а равно ношеніе неприсвоенной форменной или неразрѣшенной одежды и неприсвоенныхъ знаковъ отличія. Виновные въ нарушеніи указанныхъ требованій, а также въ подстрекательствѣ къ нарушенію ихъ, подвергаются, независимо отъ вѣтственности по суду, въ административномъ порядкѣ, аресту до трехъ мѣсяцевъ или денежному штрафу до 500 рублей“ *).

Въ кievскихъ газетахъ опубликовано слѣдующее обязательное постановленіе, изданное 6 ноября текущаго года кievскимъ губернаторомъ г.-м. Саввичемъ: „1) Всякія сходбища и собранія для совѣщаній или дѣйствій, противныхъ государственному порядку или общественному спокойствію, воспрещаются во всѣхъ безъ исключенія общественныхъ и публичныхъ зданіяхъ и помѣщеніяхъ, въ фабрикахъ, заводахъ, мастерскихъ, торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ всякаго рода и въ частныхъ квартирахъ. 2) Участники означенныхъ въ п. 1 сего постановленія сходовъ и собраній подвергаются въ административномъ порядкѣ аресту до трехъ мѣсяцевъ или денежному штрафу до пятисотъ рублей. 3) Такой же отъ вѣтственности подвергаются квартирохозяева и лица, фактически завѣдывающія означенными въ п. 1 сего постановленія зданіями, помѣщеніями и заведеніями, за допущеніе сходбищъ и собраній, воспрещенныхъ симъ постановленіемъ“ **).

Смоленскимъ губернаторомъ издано слѣдующее обязательное постановленіе, вступившее въ силу съ 1 ноября текущаго года: „1) воспрещается всѣмъ жителямъ г. Смоленска, за исключеніемъ лицъ, состоящихъ на военной и полицейской службѣ, имѣть и носить при себѣ всякое огнестрѣльное и холодное оружіе безъ особаго на то разрѣшенія полицейской власти; равнымъ образомъ воспрещается носить трости съ вдѣланными въ нихъ потайными клинками, кастеты, кистени, финскіе ножи и т. п.; 2) ограниченіе это не распространяется на лицъ, состоящихъ на гражданской службѣ, коимъ извѣстное оружіе присвоено формою обмундирования и на лицъ, отправляющихся на охоту и имѣющихъ при томъ охотничьи свидѣтельства, а равно на лѣсныхъ, полевыхъ и другихъ сторожей, коимъ выданы надлежащія разрѣшенія на ношеніе извѣстнаго оружія при отправленіи службы; 3) виновные

*) Цитируемъ по «Н. Времени», 6 ноября 1903 г.

**) «Кievская Газета», 8 ноября 1903 г.

въ неисполненіи сихъ постановленій привлекаются къ отвѣтственности по 117 и 118 ст. уст. о нак., нал. мир. суд.“ *).

Въ Бѣлостокѣ, по словамъ виленскихъ газетъ, 7 ноября текущаго года опубликовано слѣдующее распоряженіе гродненскаго губернатора, г. Осоргина: „Уже нѣсколько дней въ г. Бѣлостокѣ нѣкоторые фабричныя рабочіе оставляютъ работу безъ законной причины. При этомъ они указываютъ, что какія-то постороннія лица грозятъ имъ причинить всякій вредъ, если они не перестанутъ работать. Поэтому предлагаю фабричнымъ рабочимъ гор. Бѣлостока не слушать злонамѣренныхъ людей и спокойно продолжать работу. Объявляю, что мною приняты всѣ мѣры къ безопасности рабочихъ, желающихъ честно и мирно трудиться. Всѣ же лица, позволяющія себѣ угрозы, насилія, вторженія на фабрики и незаконныя сборища, чтобы заставить прекратить работу, будутъ подвергнуты строгому взысканію“ **).

Какъ сообщаетъ „Бѣлостокскій Вѣстникъ“, въ минувшемъ августѣ въ Бѣлостокѣ было произведено покушеніе на жизнь мѣстнаго полиціймейстера, П. У. Метленка, не имѣвшее, однако, успѣха. 21 октября покушеніе повторилось. Въ проходившаго по улицѣ полиціймейстера было произведено нѣсколько выстрѣловъ и одинъ изъ нихъ ранилъ его. Виновникъ покушенія успѣлъ скрыться. „Публики, свидѣтельницы выстрѣловъ, было много, но эта публика не приняла никакихъ мѣръ къ задержа нію его“ ***).

Въ Одессѣ и. д. градоначальника, „разсмотрѣвъ представленныя и. об. одесскаго полиціймейстера свѣдѣнія о нарушеніяхъ обязательнаго постановленія, изданнаго 4 марта 1902 г., о воспрепещеніи всякаго рода нарушающихъ общественный порядокъ и спокойствіе собраній, — 9 октября постановилъ: крестьянина Л. Власенко подвергнуть аресту на 2 мѣсяца, крестьянъ: Е. Кузьмина, С. Алексѣенко и И. Зайку—аресту на 1 мѣсяць каждого“ ****).

Въ Кіевѣ постановленіемъ мѣстнаго губернатора, „крестьяне Ев. Садовскій, А. Бойко и Дм. Бойко, за нарушеніе обязательныхъ постановленій генераль-губернатора отъ 9 апрѣля 1901 г., воспреещающихъ всякія скопленія народа на улицахъ, площадяхъ, бульварахъ и другихъ общественныхъ мѣстахъ, подвергнуты аресту при полиціи на 3 мѣсяца каждый“ *****).

*) «Днѣпровскій Вѣстникъ». Цитирую по «Нижегор. Листку», 10 ноября 1903 г.

**) Цитирую по «Н. Времени», 12 ноября 1903 г.

***) Цитирую по «СПБ. Вѣдомостямъ», 3 ноября 1903 г.

****) «Од. Новости», 12 октября 1903 г.

*****) «Кіевск. Газета», 17 октября 1903 г.

Въ „Витебскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“ напечатано: „Разсмотрѣвъ произведенное чинами витебской городской полиціи дознаніе объ обнаруженной 31 октября сходкѣ евреевъ въ д. Квактуна на Кладбищенской ул. въ 1-й части гор. Витебска и признавая мѣщанъ: 1) Янкеля Драбкина, 22 л., 2) Йоселя Якерсона, 24 л., 3) Шмуйлу Блюдникова, 20 л., 4) Ицку Генина, 21 г., 5) Шмуйлу Керпелева, 20 л., 6) Юлу-Ицку Перлина, 22 л., 7) Мовшу-Ицку Фейгельсона, 20 л., 8) Янкеля Рубенчикова, 23 л. и 9) Израиля Квактуна, 31 г.,—виновными: первыхъ восемь въ нарушеніи 3 ст. изданнаго 7 октября 1903 г. обязательнаго постановленія, а послѣдняго—въ нарушеніи 6 ст. того же постановленія, витебскій губернаторъ, руководствуясь 15 ст. о мѣр. къ охр. гос. пор. и общ. спок. (т. XIV св. зак., уст. о пред. и прес. прест., изд. 1890 г.), 4 сего ноября постановилъ подвергнуть аресту при полиціи: Драбкина, Якерсона, Блюдникова и Генина на 3 мѣсяца каждаго, Керпелева, Перлина, Фейгельсона и Рубенчикова— на два мѣсяца и Квактуна на четыре дня“ *).

Въ „Казбекѣ“ напечатаны слѣдующія распоряженія: 1) „главнокомандующій гражданской частью на Кавказѣ призналъ нужнымъ запретить бакинскому купцу А. С. Меликову, какъ вредному для общественнаго порядка и спокойствія, жительство въ предѣлахъ Кавказскаго края“; 2) „главноначальствующій гражданской частью на Кавказѣ, найдя дальнѣйшее пребываніе въ краѣ крестьянина сел. Чакуни, Зугдидскаго уѣзда, Константина Бежанова Абшелавы и дворянина Кубанской области, Темрюкскаго отдѣла, Ахтанизовской станицы, Ивана Антонова Гervasія вреднымъ для общественнаго порядка и спокойствія, призналъ нужнымъ, на основаніи именного высочайшаго указа правительствующему сенату 3 марта 1897 г. и согласно съ заключеніемъ состоящаго при главноначальствующемъ совѣта, воспретить названнымъ лицамъ жительство въ предѣлахъ Кавказскаго края“ и 3) „главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ призналъ нужнымъ мѣщанину гор. Душета, Тифлисской губерніи, Захаріи Михайлову Кобіеву, какъ лицу, вредному для общественнаго спокойствія и безопасности, воспретить жительство въ предѣлахъ Кавказскаго края“ **).

Въ „Терскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатанъ слѣдующій приказъ начальника области: „Въ предупрежденіе часто повторяющихся случаевъ пораненія оружіемъ между жителями селенія Веселаго Моздокскаго отдѣла, а также принимая во вниманіе, что сосѣднее

*) Цитирую по «Н. Времени», 9 ноября 1903 г.

**) Цитирую по «Сарат. Дневнику», 18 окт. и «Нов. Времени», 29 окт. и 4 ноября 1903 г.

русское население нерѣдко подвергается нападенію жителей названнаго селенія, которые въ видѣ промысла занимаются воровствомъ и грабежами, лишая навсегда жителей селенія Веселаго права храненія и ношенія холоднаго и огнестрѣльнаго оружія“ *).

Въ началѣ октября, какъ было сообщено въ газетахъ, въ Тифлисѣ тремя неизвѣстными лицами, впослѣдствіи оказавшимися армянами, было произведено покушеніе на жизнь главнокомандующаго на Кавказѣ кн. Голицына, въ то время, когда онъ совершалъ загородную прогулку въ экипажѣ. Кн. Голицынъ получилъ нѣсколько кинжальныхъ ранъ, но кучеръ успѣлъ увести его въ городъ. Изъ виновниковъ же покушенія одинъ былъ убитъ на мѣстѣ, а двое получили смертельныя раны въ перестрѣлкѣ съ подоспѣвшими казаками и умерли вскорѣ послѣ того, какъ были схвачены.

Въ теченіе минувшаго мѣсяца въ газетахъ сообщалось также о нѣсколькихъ судебныхъ процессахъ, имѣвшихъ отношеніе къ охранѣ порядка.

Въ г. Ковнѣ 24 октября виленская судебная палата съ участіемъ сословныхъ представителей разсматривала при закрытыхъ дверяхъ дѣло о семи мѣщанахъ: Фурманѣ, Эренбургѣ, Подзельверѣ, Цигельникѣ, Ицыковичѣ, Левинѣ и Гельфандѣ, обвинявшихся въ сопротивленіи полиціи при прекращеніи 21 марта т. г. демонстраціи въ ковенскомъ театрѣ. Приговоромъ палаты всѣ семь подсудимыхъ были оправданы **).

Въ г. Елисаветградѣ выѣздной сессіей одесской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей было разсмотрѣно при закрытыхъ дверяхъ дѣло о Харитонѣ Соснюкѣ, 18-ти лѣтъ, обвинявшемся по 2 ч. 251 ст. ул. о нак., которая гласитъ: „виновные въ составленіи и распространеніи письменныхъ или печатныхъ объявленій, воззваній или же сочиненій или изображеній съ цѣлью возбудить къ бунту или явному неповиновенію власти верховной, приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на время отъ 8 до 10 лѣтъ“. Палата признала Соснюка виновнымъ по этой статьѣ и приговорила его къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 2 года 6 мѣсяцевъ ***).

Въ г. Екатеринодарѣ 6 ноября окружнымъ судомъ было разсмотрѣно дѣло по обвиненію желѣзнодорожныхъ рабочихъ на

*) Цитирую по «Р. Вѣдомостямъ», 11 окт. 1903 г.

**) «Од. Новости», 28 окт. 1903 г.

***) «Вѣстникъ Юга». Цитирую по «Нижег. Листку», 7 ноября 1903 г.

станціи Тихорецкой въ производствѣ безпорядковъ по поводу смерти Золотовой. Приговоромъ суда Кондаковъ, Киселевъ и Поповъ присуждены къ аресту на одинъ мѣсяць, а Кондаковъ сверхъ того по совокупности, согласно приговору того же суда отъ 15 января 1903 г.,—къ церковному покаянію; остальные подсудимые оправданы *).

Въ „Финляндской Газетѣ“ напечатано слѣдующее обязательное постановленіе вазаскаго губернатора: „1) Публичныя собранія и публичныя увеселенія въ городахъ и селеніяхъ Вазаской губерніи могутъ происходить не иначе, какъ по письменному разрѣшенію подлежащей власти; 2) всякія уклоненія отъ разрѣшенной программы или предписаній, выданныхъ подлежащими властями при разрѣшеніи собранія или увеселенія, воспрещаются; 3) дѣла о нарушеніи сего обязательнаго постановленія, а равно высочайшаго постановленія отъ 2-го іюля 1900 года о публичныхъ собраніяхъ изъемятся изъ вѣдѣнія суда и подлежатъ разсмотрѣнію губернатора въ административномъ порядкѣ“.

Въ той же газетѣ напечатано обязательное постановленіе Выборгскаго губернатора отъ 2 октября 1903 г. слѣдующаго содержанія: „1) Въ высокаторжественные царскіе дни всѣ находящіяся въ городахъ казенныя, городскія, общинныя и общественныя зданія, а равно такія, въ которыхъ помѣщаются казенныя, городскія, общинныя или общественныя учрежденія, должны быть приличествующимъ образомъ украшаемы русскими національными флагами. 2) Воспрещается въ городахъ и въ уѣздѣ при устройствѣ какихъ-либо публичныхъ собраній, безъ особаго каждый разъ разрѣшенія губернатора, вывѣшивать или выставлять иные флаги, кромѣ національныхъ русскихъ, и всякія эмблемы или украшенія иныхъ цвѣтовъ, кромѣ національныхъ русскихъ. Дѣла о нарушеніи настоящаго постановленія, на основаніи ст. 4-й высочайшаго постановленія о мѣрахъ къ охраненію въ Финляндіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, изъемятся изъ вѣдѣнія суда. За нарушеніе настоящаго постановленія подлежащіе отвѣтственные лица будутъ подвергаемы штрафу до 400 марокъ съ замѣной, въ случаѣ несостоятельности, тюремнымъ заключеніемъ по правиламъ, изложеннымъ въ § 5-мъ гл. 2-й Уголовнаго Уложенія“.

Въ той же газетѣ опубликовано еще слѣдующее обязательное постановленіе Куопіоскаго губернатора, изданное 30 октября (12 ноября): „1) Въ городахъ и селеніяхъ Куопіоской губерніи воспрещаются сходбища и собранія народа на общественныхъ

*) «Н. Время», 8 ноября 1903 г.

мѣстахъ съ цѣлью производить, пѣніемъ пѣсенъ или псалмовъ, музыкою, произнесеніемъ рѣчей или инымъ образомъ, демонстраціи противъ правительства или распоряженій его. 2) Собравшаяся на общественныхъ мѣстахъ публика обязана разойтись по первому требованію полиціи, а также подчиняться всѣмъ прочимъ, предъявляемымъ полицейскими властями, въ видахъ охраненія порядка и общественного спокойствія, требованіямъ. 3) Устройство публичныхъ театралныхъ представленій, концертовъ, народныхъ гуляній и тому подобныхъ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній, допускается лишь съ разрѣшенія мѣстной полиціи по утвержденной ею программѣ и по внесеніи установленнаго закономъ сбора въ пользу казны, а также съ тѣмъ, чтобы отнюдь не нарушались правила, установленныя въ Высочайшемъ постановленіи отъ 2-го іюля 1900 г. о публичныхъ собраніяхъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ. Такое же разрѣшеніе требуется и для вывѣшиванія въ городахъ флаговъ и устройства иллюминацій. 4) Виновные въ нарушеніи сего постановленія подвергаются денежному штрафу до четырехъ сотъ марокъ, каковой штрафъ, въ случаѣ несостоятельности осужденнаго въ уплатѣ онаго, замѣняется тюремнымъ заключеніемъ, по правиламъ, изложеннымъ въ § 5 гл. II уголовного уложенія. 5) Дѣла о нарушеніи настоящаго постановленія, на основаніи п. 4 Высочайшаго постановленія отъ 20-го марта (2-го апрѣля) 1903 года, о мѣрахъ къ охраненію въ Финляндіи государственнаго порядка и общественного спокойствія, изъемяются изъ вѣдомства суда. 6) Настоящее постановленіе распространяется на всю Куопіоскую губернію и вступаетъ въ силу со дня его объявленія во всеобщее свѣдѣніе“.

За мѣсяцъ, истекшій со времени послѣдней нашей хроники, состоялись слѣдующія административныя распоряженія по дѣламъ печати:

1) 14 октября 1903 г.: „на основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты „Русское Слово“;

2) 24 октября 1903 г.: „на основаніи статьи 155 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., воспрещается печатаніе частныхъ объявленій въ газетѣ „Саратовскій Листокъ“ на одинъ мѣсяцъ“;

и 3) 4 ноября 1903 г.: „министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь разрѣшить выпускъ въ свѣтъ газеты „Ураль“, приостановленной распоряженіемъ отъ 2 августа сего года“.

Сверхъ того, какъ сообщаетъ „Финляндская Газета“, по рас-

пораженію главнаго управленія по дѣламъ печати въ Финляндіи дано предостереженіе выходящей въ г. Гельсингфорсѣ газетѣ „Hufvudstadsbladet“ за помѣщенную въ № 264 отъ 2-го октября замѣтку о выходящемъ въ королевствѣ Швеціи журналѣ: „Nordisk Revy“.

В. Мякотинъ.

М. А. Плотниковъ.

(Памяти честнаго работника).

Въ концѣ 80-хъ годовъ къ пишущему эти строки, жившему тогда въ Нижнемъ-Новгородѣ, явился молодой человѣкъ, только что окончившій курсъ московскаго университета, съ тетрадкой стиховъ. Стихи были недурные, могли бы, пожалуй, отъ времени до времени печататься въ журналахъ, хотя въ нихъ чувствовалось всетаки, что настоящее призваніе ихъ автора не здѣсь. Съ какой-то особенной сдержанной скромностью молодой человѣкъ выслушалъ мой отзывъ, поневолѣ недостаточно рѣшительный, и составилъ свое собственное безповоротное рѣшеніе. Впослѣдствіи, при близкомъ и продолжительномъ знакомствѣ, я никогда уже болѣе не слышалъ отъ Михаила Александровича Плотникова никакого упоминанія объ его стихотворныхъ опытахъ...

Вскорѣ послѣ этого онъ переѣхалъ въ Нижній, гдѣ сталъ работать въ качествѣ земскаго статистика подъ руководствомъ Ник. Оед. Анненскаго. вмѣстѣ съ тѣмъ, его имя стало появляться подъ статьями и замѣтками въ мѣстныхъ, преимущественно казанскихъ газетахъ, и скорѣ сдѣлалось очень замѣтнымъ въ приволжской прессѣ. Это были публицистико-экономическія статьи, чередовавшіяся съ работами чисто-литературнаго характера. Поэтическіе опыты, съ которыми М. А. выступалъ вначалѣ своей карьеры, не остались совершенно безплодными: на всѣхъ послѣдующихъ работахъ Плотникова лежалъ нѣкоторый художественный отпечатокъ, придававшій имъ особенное изящество и выпуклость... Наряду съ чисто-статистическими трудами для земскихъ сборниковъ, М. А. велъ одно время литературныя обозрѣнія въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“. Въ голодный 1891/2 годъ въ той же газетѣ появились его обстоятельныя статьи изъ Нижегородской губерніи, въ которыхъ цифровой матеріалъ освѣщался съ такой публицистической яркостью и силой, что... на время онъ прекра-

тились, пока дальнѣйшее теченіе этой бурной продовольственной кампаніи не выяснило полной правдивости картины, показавшейся сначала слишкомъ преувеличенной и „тенденціозной“. Въ 1890-хъ годахъ нижегородское земство поручило М. А. Плотникову—разработать всѣ имѣющіеся матеріалы о кустарныхъ промыслахъ нижегородскаго края. Онъ выполнилъ эту задачу въ обширной монографіи такъ блестяще съ внутренней и внѣшней стороны, что съ этихъ поръ этотъ его вкладъ въ литературу кустарныхъ промысловъ сталъ наряду съ лучшими работами въ этой области *).

Въ 1897 г. Михаилъ Александровичъ оставилъ Нижній-Новгородъ и провинцію и переселился въ Петербургъ, гдѣ принялъ довольно близкое участіе въ журналахъ „Мірѣ Божій“ и „Русское Богатство“. Въ первомъ онъ помѣщалъ отдѣльныя замѣтки и рецензіи, во второмъ, кромѣ того, какъ уже сказано, велъ хронику. Эти годы совпали съ самымъ тяжелымъ періодомъ личной жизни Михаила Александровича... Это была полоса трагической борьбы съ тяжкимъ недугомъ, изъ котораго Плотниковъ вышелъ и побѣдителемъ, и—побѣжденнымъ...

Жизнь хорошаго человѣка поучительна въ своемъ цѣломъ, со всѣми достоинствами и темными сторонами. А такъ какъ я имѣю въ виду въ настоящей замѣткѣ дать правдивое изображеніе ушедшаго отъ насъ человѣка, а не одинъ условно-похвальный некрологическій отзывъ, то и не считаю нужнымъ умалчивать о томъ, что составило несчастье этой короткой жизни и въ чемъ покойникъ явился скорѣе жертвой, чѣмъ виновникомъ... Недугъ, которымъ онъ страдалъ въ этотъ періодъ, принято называть „недугомъ русскихъ талантливыхъ людей“.

Откуда онъ явился въ данномъ случаѣ, сказать трудно, но всего вѣроятнѣе, что это былъ результатъ несчастной наслѣдственности. Быть можетъ, сюда присоединилась трудная доля скромнаго провинціального работника, переутомленіе, ослаблявшее волю, и отчасти, быть можетъ, также нѣкоторая неудовлетворенность даровитой натуры, принужденной разбрасываться, откликаясь на разнообразныя и многосторонніе запросы, съ которыми провинція обращается къ своимъ культурнымъ труженикамъ, не всегда считаясь съ ихъ внутренними склонностями и даже физическими силами... Какъ бы то ни было,—нѣсколько лѣтъ прошло въ тяжелой борьбѣ незауряднаго ума и характера съ несчастною склонностью, трудно одолимой, упорной, стремившейся подчинить себѣ и измѣнить самую личность... Мы, близкіе знакомые и друзья покойнаго, слѣдили со скорбью и страхомъ за перипетіями этой глубокой трагедіи...

---

*) Впослѣдствіи эта работа, нѣсколько популяризованная и снабженная иллюстраціями, была повторена въ выставочномъ изданіи: «Нижегородская губернія въ изслѣдованіяхъ губернскаго земства». Спб. 1896.

Въ концѣ концовъ то, что было внутренней сущностью этого человѣка, побѣдило, и изъ трудной борьбы М. А. вышелъ опять прежнимъ, безукоризненно чистымъ человѣкомъ. Тѣ, кто знали его послѣ того, какъ „недугъ талантливыхъ людей“ остался позади, — не могъ бы уже представить себѣ, что этотъ человѣкъ страдалъ имъ еще такъ недавно. Послѣ Петербурга Михаилъ Александровичъ работалъ (недолго) въ земской статистикѣ Владимірской губ., затѣмъ соотрудничалъ въ одной изъ кіевскихъ газетъ, послѣ чего былъ приглашенъ въ Лохвицу ученымъ секретаремъ Лохвицкаго сельскохозяйственнаго общества. Въ небольшой, очень тепло написанной замѣткѣ, посвященной памяти покойнаго г-жеи О. Туганъ-Барановской (къ сожалѣнію, я не имѣю подъ рукою № „Полтавскаго Вѣстника“ съ этой замѣткой), ярко изображено то значеніе, которое имѣло короткое пребываніе М. А. для всѣхъ живыхъ начинаній мѣстной интеллигенціи Лохвицкаго уѣзда. Къ сожалѣнію, въ то время уже начиналась грудная болѣзнь, которой суждено было свести Плотникова въ могилу, — и онъ вынужденъ былъ искать работы въ болѣе южномъ климатѣ. Весной нынѣшняго года въ провинціальныхъ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, что Плотниковъ приглашенъ редактировать „Вѣстникъ Таврическаго Земства“. Трудно представить себѣ человѣка болѣе пригоднаго для роли руководителя этихъ, новыхъ еще въ русской жизни земско-литературныхъ начинаній и, конечно, для остальныхъ, возникающихъ теперь въ разныхъ мѣстахъ земскихъ органовъ можно только пожелать столь же удачнаго выбора. Въ это время я имѣлъ случай еще разъ увидѣть Плотникова, который заѣхалъ, чтобы повидаться со мною, на пути въ Симферополь, къ своему новому дѣлу. Достаточно было одного взгляда, чтобы убѣдиться въ печальной истинѣ: онъ уже былъ „не жилецъ на свѣтѣ“ и работать ему оставалось не долго. Но онъ говорилъ о предстоящемъ редакторствѣ съ увлеченіемъ и надеждой. Кромѣ того, онъ развертывалъ передо мною планы дальнѣйшихъ литературныхъ работъ, въ которыхъ сказывался уже опытный писатель и широкій умъ, обогащенный знаніемъ русской жизни, владѣвшій цифрой, привыкшій и подсчитывать, и обобщать пестрые явленія нашей все усложняющейся жизни. Все это было, однако, рассчитано на годы, а смерть уже стояла у порога.

27 сентября онъ умеръ въ Крыму, и въ октябрѣ почти всѣ провинціальныя газеты отмѣтили эту утрату, которая особенно замѣтна именно для жителей провинціи. Покойный былъ однимъ изъ яркихъ представителей, такъ называемаго, „третьяго элемента“, значеніе котораго далеко еще не оцѣнено среди другихъ факторовъ нашей областной жизни. Тяжко потрудившійся на родной нивѣ, вынесшій много черной работы, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ тружениковъ, которые, кочуя со своимъ перомъ, своими знаніями, а порой, какъ въ данномъ случаѣ, съ несомнѣннымъ заурядными

дарованіями, по лицу нашего отечества, заронили въ немъ не одну искру свѣта, освѣтили не одинъ темный уголъ, поддержали и укрѣпили не одно хорошее дѣло.

Я не жалѣю о томъ, что не ограничился одной апологіей и ввелъ правдивый разсказъ о тѣневой полосѣ его жизни. Въ могилу онъ сошелъ просвѣтленнымъ и чистымъ, давъ примѣръ духовной побѣды надъ тяжкимъ наслѣдіемъ темнаго прошлаго.

Послѣ покойнаго осталась жена и дочь...

Вл. Короленко.

Письмо въ редакцію.

Въ іюльской книжкѣ «Русскаго Богатства» была помѣщена рецензія VII тома «Россіи» (изд. А. Ф. Девріена), посвященная описанію Малороссіи. Настоящая рецензія, напечатанная на страницахъ почтеннаго журнала, можетъ ввести въ заблужденіе читателей относительно подлиннаго содержанія книги, такъ какъ включаетъ въ себѣ большія неточности въ передачѣ оригинала.

Начнемъ съ статистической части изданія, разбору которыхъ посвящается первая часть рецензіи.

«Судите, читатель, сами», сказано въ рецензіи, «насколько точны цифровыя свѣдѣнія, напр., о землевладѣніи въ VII томѣ «полнаго описанія нашего отечества». На стр. 128 и 129 этого описанія черною краскою на кружкахъ діаграммъ обозначень размѣръ «крестьянскаго надѣла». По этимъ чертежамъ выходитъ, что въ Поттавской и Черниговской губерніяхъ онъ занимаетъ половину (50%) «площади всей земли», о которой тутъ идетъ рѣчь, а въ Харьковской губ.—даже 60%. По всей же территоріи области, какъ сказано въ текстѣ, земли, принадлежащія крестьянскимъ обществамъ (7.203.000 десятинъ), составляютъ 53,2%. Открываемъ позднѣйшія земскія статистическія изданія и находимъ въ «Ежегодникѣ Полтавскаго земства» за 1897 г. цифру всей территоріи 4.518.707 десятинъ (стр. 8), а въ книгѣ, изданной тѣмъ же земствомъ въ 1899 г. подъ заглавіемъ «Цифровыя данныя по хозяйственной статистикѣ»,—что крестьянамъ, государственнымъ, воинскимъ поселянамъ, казеннымъ крестьянамъ и крестьянамъ-собственникамъ во всѣхъ 15 уѣздахъ Полтавской губ. въ 1882—1889 г. принадлежало 860.149 десятинъ

и 5.060 десятинъ за границами уѣздовъ и губерніи (стр. 131), слѣдовательно, всего 865.209 десятинъ; это составляетъ только 9,1% всей площади Полтавской губерніи или 20,3% той уменьшенной площади, которая показана въ «Описаніи Россіи» (4.250.000 дес.). Остальныя земли находились въ частной наслѣдственной собственности дворянъ, купцовъ, мѣщанъ, *козаковъ* (курсивъ нашъ) и др. некрестьянскихъ сословій. Если крестьяне послѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія прикупили себѣ лишніе земель отъ лицъ этихъ сословій, то все же ихъ землевладѣніе не могло увеличиться въ 2½ раза! Можно ли вѣрить другимъ цифрамъ?!!» и т. д.

Между тѣмъ, приводимыя нами данныя о размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія заимствованы изъ *единственнаго* официального источника: «Главнѣйшія данныя поземельной статистики по обследованію 1887 г.», изд. центрального статистическаго комитета, вып. 34, 36 и 48; эти же данныя, кромѣ того, болѣею своею частью вошли еще и въ изданіе министерства земледѣлія «Сводъ статистическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству Россіи къ концу XIX вѣка» 1902 г., стр. 20—23, а также помѣщались во многихъ другихъ изданіяхъ, какъ напр. «Сельское и лѣсное хозяйство Россіи», изд. д-та земледѣлія и сельской промышленности 1893 г. «Производительныя силы Россіи», изд. д-та торговли и мануфактуръ 1896 г., «Россія въ концѣ XIX вѣка», изд. м-ва финансовъ 1900 г., въ соответствующія статьи энциклопедическихъ словарей и т. д. Ни одно изъ указанныхъ основныхъ изданій въ рецензії, очевидно, не принято во вниманіе, не смотря на то, что въ помѣщенномъ въ концѣ книги «Указателѣ главнѣйшихъ источниковъ и пособій по Малороссіи» можно легко найти ихъ на первомъ планѣ въ списокѣ литературы по промысламъ населенія.

Такимъ образомъ, приводимыя нами цифровыя свѣдѣнія точны настолько же, насколько соответствуютъ дѣйствительности публикуемыя центральнымъ статистическимъ учрежденіемъ его официальные данныя. Съ другой же стороны, существованіе въ книгѣ особаго отдѣла—указателя литературы, послужившей матеріаломъ для составленія отдѣльныхъ очерковъ, надо полагать, совершенно защищаетъ насъ отъ вопроса: «откуда заимствованы цифры авторами VII тома «Описанія Россіи»?

Что же касается самого итога, то онъ имѣетъ одно общее наименованіе «Земли крестьянскихъ общинъ (крестьянскія надѣльныя земли)». Итогъ рецензії складывается изъ слѣдующихъ слагаемыхъ, извлекаемыхъ со стр. 131 «Цифровыхъ данныхъ по

хозяйственной статистикѣ Полтавской губ., полученныхъ при основномъ описаніи ея въ 1882—1889 гг.): земли крестьянъ государственныхъ, воинскихъ поселянъ, казенныхъ крестьянъ и крестьянъ-собственниковъ; земли же козаковъ въ рецензіи отнесены къ категоріи земель, находящихся въ частной наслѣдственной собственности.

Согласно крестьянскому «Положенію», козаки отнесены къ категоріи государственныхъ крестьянъ, точно такъ же какъ и однодворцы, которые были по происхожденію дворянами, и получили земельные надѣлы по положенію о государственныхъ крестьянахъ. Вслѣдствіе этого, во всѣхъ официальныхъ статистическихъ данныхъ, козацкія земли, такъ же какъ и земли четвертого права государственныхъ крестьянъ, всегда причисляются къ надѣльнымъ крестьянскимъ землямъ.

Кромѣ того, и въ самомъ цитируемомъ земскомъ изданіи земли козаковъ, государственныхъ крестьянъ, воинскихъ поселянъ, казенныхъ крестьянъ, мѣщанъ и переселенцевъ суммируются въ одинъ общій итогъ 2.219.031 десят. (нашъ же итогъ—2.140.000 дес. *), и этому итогу дается общій заголовокъ «земли поселянъ» Полтавской губерніи.

Этимъ же самымъ объясняется указываемое рецензіей различіе цифръ и по Черниговской губ.; хотя въ основномъ описаніи названной губерніи, составленномъ уважаемымъ статистикомъ А. А. Русовымъ, на которое имѣются ссылки въ рецензіи, казачьи земли на стр. 241—245 разсматриваются въ категоріи земель мірского землевладѣнія.

Въ заключеніи разбора статистической части труда высказывается слѣдующее недоумѣніе: «почему авторы не желаютъ пользоваться цифровыми данными земскими? Вѣдь, этимъ даннымъ они, кажется, вполне довѣряютъ, ибо» и. т. д.

Подобное обвиненіе авторовъ VII тома уже фактически не вѣрно, такъ какъ земскія статистическія данныя ими были использованы на каждомъ шагу, въ чемъ читатель легко можетъ убѣдиться, найдя эти данныя по народному образованію (стр. 74—89 книги), относительно земельной обеспеченности крестьянскаго населенія (стр. 131—133, 135), о продажныхъ цѣнахъ на землю (138—140 стр.), по табаководству (171—162 стр.), скотоводству. (164 стр.), обеспеченности рабочимъ скотомъ

*) Незначительная, по отношенію къ площади губерніи, разниа въ 79 тыс. дес. можетъ быть объяснена неодновременностью обслѣдованія, включеніемъ въ земскій итогъ земель мѣщанъ и, наконецъ, большею, конечно, точностью регистраціи земской статистики.

(169 стр.), кустарнымъ промысламъ (180—199), нѣкоторыя данныя по фабрично-заводской промышленности, отхожимъ промысламъ и т. д.

Нельзя, однако, при этомъ не замѣтить, что для описанія района, въ составъ котораго входятъ нѣсколько губерній, данныя земской статистики могутъ служить только въ качествѣ дополнительнаго матеріала, весьма цѣннаго и необходимаго для уясненія экономическихъ условій жизни населенія, для иллюстрацій отдѣльныхъ ея явленій, для косвенной повѣрки выводовъ, полученныхъ на основаніи данныхъ официальной статистики и т. д.; лечь же въ основу порайоннаго описанія, при настоящемъ положеніи и организациі земской статистики, эти данныя ни въ коемъ случаѣ не могутъ, такъ какъ прежде всего они имѣются далеко не по всѣмъ земскимъ губерніямъ (напр., ихъ почти совсѣмъ не существуетъ по нашей Харьковской губерніи), а затѣмъ, относясь къ разному времени и отличаясь постановкой самого обслѣдованія и способами разработки, они уже по самому существу своему являются слишкомъ мало сравнимыми, а нерѣдко и прямо неизмѣримыми.

Критикуя главы, посвященныя описанію природы Малороссіи, рецензія указываетъ на якобы невѣрность гипсометрической карточки, представляющей собою, какъ это видно изъ ея заголовка, уменьшенную копію съ извѣстной карты А. Тилло. Указаніе основывается на томъ, что полтавскій берегъ Днѣпра, отъ устья Трубежа до устья Орели, обозначенъ на ней краской, соотвѣтствующей высотѣ 0—20 сажень, что, согласно рецензіи, быть не можетъ, такъ какъ Днѣпру предстоитъ еще спускъ къ Черному морю черезъ пороги. Обозначая, по необходимости, одной краской всѣ мѣстности, лежащія на высотѣ отъ уровня моря на 20 саж., ген. Тилло отнюдь не хотѣлъ этимъ сказать, что полтавскій берегъ Днѣпра лежитъ на уровнѣ моря, а удостовѣрять только то, что мѣстности эти лежатъ не выше 20 сажень, слѣдовательно, могутъ имѣть и 19.9 сажень надъ уровнемъ моря.

Въ замѣчаніяхъ, касающихся этнографической главы, читаемъ: «Желаніе автора дѣлать остроумныя сближенія приводитъ къ тому, что онъ «понедилкуванье» объясняетъ, какъ занятіе шитьемъ приданаго дочерямъ (стр. 112) и какъ остатки формъ первобытнаго коммунальнаго брака (стр. 110)».

Дѣло въ томъ, что эти «остроумныя сближенія» являются не результатомъ «желаній» автора, а устанавливаются цѣлой литературой даннаго вопроса, указанія на которую можно найти въ

издающихся лекційхъ Н. Харузина, а также и въ прилагаемомъ у насъ указателѣ литературы по этнографіи, гдѣ упомянуты: Н. Чернышевъ («Опытъ истолкованія обычая понедилкуванія», Кіевск. Стар., 1887 г., № 4) и Вс. Василенко («Празднованіе понедѣльника въ Малороссіи», Кіевск. Стар., 1887 г., № 1). Но помимо того, слова рецензіи еще и не соотвѣтствуютъ оригиналу. На стр. 110 этнографическаго очерка говорится: «Но, кромѣ остатковъ исторической эпохи, въ нѣкоторыхъ явленіяхъ можно видѣть и черты первобытной эпохи. Къ таковымъ, напр., относятся союзы неженатой молодежи — «парубоцтво», празднованіе понедѣльника — «понедилкуваніе», представляющіе собой видоизмѣненные исторіей остатки формъ первобытнаго, коммунальнаго брака». Далѣе, на 112 стр. читаемъ: «Не менѣе интересенъ встрѣчающійся мѣстами обычай «понедилкуванія», празднованія понедѣльника, указывающій на остатки весьма правильной организации замужнихъ женщинъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ этотъ обычай распространенъ (наприм., въ м. Борисполь, Переяславскаго уѣзда, гдѣ прежде было женское братство и союзъ мироносицъ), родители неvěсты на сговорѣ выговариваютъ ей право пользоваться свободой въ понедѣльникъ. Въ большинствѣ случаевъ, въ этотъ день женщины работаютъ для себя или шьютъ приданое дочерямъ, въ нѣкоторыхъ же селеніяхъ компанія замужнихъ женщинъ проводитъ понедѣльникъ въ корчмѣ, пропивая имущество, принадлежащее лично имъ». Конечно, читатель, изъ сопоставленія этихъ двухъ послѣднихъ выдержекъ, не сдѣлаетъ заключенія, что мы «объясняемъ «понедилкуваніе», какъ занятіе шитьемъ приданого дочерямъ?»

На стр. 41 рецензіи говорится: «когда пришлось выводы изъ невѣрныхъ цифръ, изображенные на картограммѣ скотоводства, согласовать съ тѣмъ, что было сказано выше о средней надѣленности крестьянъ, но уже не представилось никакой возможности примирить непримиримые и неправильные выводы, они прибѣгаютъ къ loca torpida, говоря: «связь между обеспеченностью крестьянскаго населенія скотомъ со степенью обеспеченности его землею составляетъ положеніе, уже установленное земскими и другими данными». Сравнимъ это съ нашимъ текстомъ на стр. 164 — 165: «Какъ видно изъ послѣдней картограммы (на 100 душъ сельскаго населенія приходится крупнаго рогатаго скота), *наивысшей* обеспеченностью скотомъ отличается Харьковская губ., гдѣ, какъ мы уже знаемъ, крестьянское населеніе является въ *наибольшей* же степени обеспеченнымъ и надѣльной землей. Бѣднѣ всего скотомъ крестьянство Полтавской

губерніи, что, *хотя и не представлено картограммой, но также вполне вытекаетъ* изъ того факта, что полтавскіе крестьяне болѣе другихъ ощущаютъ недостатокъ въ надѣльной землѣ. Вообще говоря, связь между обезпеченностью крестьянскаго населенія скотомъ и степенью обезпеченности его землею составляетъ положеніе, уже вполне установленное земскими и другими данными; и если на прилагаемой картограммѣ картина обезпеченности скотомъ не вполне согласуется со всѣмъ говорившимся выше о средней надѣленности крестьянъ, то это должно быть объяснено включеніемъ въ общій итогъ и скота владѣльческаго» (курсивъ всездѣ нашъ). Гдѣ же тутъ непримиримость и неправильность выводовъ?

Далѣе въ рецензіи говорится: «То же незнаніе дѣйствительности приводитъ автора къ совершенно ложнымъ утвержденіямъ (курсивъ нашъ), что, напр., въ Малороссіи можно встрѣтить грязную курную избу» (на стр. 104). На стр. 104 мы читаемъ: «Постройки въ нашей области находятся въ прямомъ соотвѣствіи съ характеромъ мѣстности. Въ сѣверной, лѣсистой части распространены деревянныя строенія; здѣсь можно встрѣтить и бѣлорусскую грязную курную избу, и совершенно великорусскую, такъ называемую, «рублену хату». Въ большей же части области, именно въ южной части Черниговской и особенно Полтавской и Харьковской губерніи, преобладаютъ мазанки—постройки изъ глины, которыя для малорусса, какъ степняка по преимуществу, и болѣе типичны». Гдѣ же тутъ ложность утвержденія?

На стр. 43 рецензіи мы читаемъ слѣдующее: «Въ разказахъ о флорѣ и фаунѣ встрѣчаются не подтверждаемыя ничѣмъ и не доказанныя *утвержденія* (курсивъ нашъ), что тарпаны—одичавшія лошади печенѣговъ, половцевъ и татаръ». Между тѣмъ, въ нашемъ очеркѣ на стр. 54 говорится: «Еще не такъ давно было время, когда въ степной полосѣ нашей области, по разказамъ путешественниковъ восемнадцатаго столѣтія, водились дикія лошади-тарпаны (*Equus equiferus*). По словамъ Брэма, нѣкоторые считаютъ ихъ дикими родоначальниками нашего домашняго скота, другіе же принимаютъ ихъ за потомковъ его, одичавшихъ вполнѣ. Эти лошади, называемыя тарпанами, имѣютъ въ себѣ всѣ свойства настоящаго дикаго животнаго; такими ихъ считаютъ и татары, и казаки». Однако, Брэмъ признаетъ болѣе вѣроятнымъ второе мнѣніе о нихъ. «Поведеніе тарпана», говоритъ онъ, «не доказываетъ того, чтобы онъ былъ первобытной лошадыю, такъ какъ лошади быстро и легко дичаютъ. Убѣдительно дока-

зываютъ намъ это табуны, занимающія южноамериканскія степи» (мустанги—одичавшія испанскія лошади). Большинство данныхъ указываетъ на то, что тарпаны—одичавшія лошади степныхъ кочевниковъ-печенѣговъ, половцевъ и татаръ». Гдѣ же тутъ, спрашивается, «не подтверждаемая ничѣмъ и не доказанная *утвержденія?*»

Утвержденія рецензіи, что иллюстраціи сдѣланы «съ гравюръ 40-хъ—50-хъ годовъ прошлаго столѣтія» (стр. 44), также не имѣютъ основанія, ибо всѣ иллюстраціи воспроизведены съ современныхъ фотографій, большею частью даже специально доставленныхъ разными лицами издателю.

Положительнымъ элементомъ всей критики остаются два-три справедливыхъ указанія на нѣкоторыя погрѣшности текста. Такъ, слова «рубаху на выпускъ» надо, конечно, исправить—«не на выпускъ» (опечатка); существующее-же не только въ нашей книгѣ, но и въ первоисточникахъ разногласіе цифръ производства и числа рабочихъ Клиновскихъ фабрикъ, а также Корюковского завода должно было оговорить примѣчаніемъ въ томъ смыслѣ, что для III отдѣла были всюду равномѣрно использованы данныя оффиціального «Указателя фабрикъ и заводовъ 1897 г.», на что и имѣются указанія въ прилагаемомъ спискѣ литературы, а для текста VI главы принимались во вниманіе болѣе новыя данныя, преимущественно земскія (въ настоящемъ случаѣ почерпнутыя изъ «Описанія Черниговской губерніи», сост. А. А. Русовымъ, стр. 281, 288 и др.), но имѣющіяся лишь для наиболѣе крупныхъ предпріятій.

Редакторъ и сотрудники VII тома „Россія“

Примѣчаніе рецензента.

По поводу печатаемаго выше возраженія гг. редактора и сотрудниковъ сборника „Россія“ на нашу рецензію объ этой книгѣ считаемъ необходимымъ замѣтить:

1) Если козаки въ административномъ отношеніи считаются такими же членами сельскихъ обществъ, какъ и крестьяне, то по праву владѣнія земли ихъ никакъ не могутъ быть названы надѣльными, т. е. полученными на основаніи законовъ 1861, 1864 и 1888 гг.; однодворцы получили надѣлы по положенію о государственныхъ крестьянахъ, козаки же надѣловъ не получали, а получали вѣнаслѣдство отъ своихъ предковъ кто 2, кто 5—10—40, а то и 100 и болѣе десятинъ, и владѣютъ этими землями не

только въ общественныхъ участкахъ, но и въ отрубныхъ, въ видѣ такъ называемыхъ „особняковъ“ на правѣ личной частной собственности. Поэтому включать въ „крестьянскій налѣлъ“ потомственные земли казаковъ потому только, что онѣ мірскія, во всякомъ случаѣ не правильно.

2) У устья р. Трубежа и на всемъ протяженіи Полтавской губ. лѣвый берегъ Днѣпра не можетъ быть ниже 20 саж. надъ поверхностью моря, ибо, напр., у с. Вишеньки противъ Кіева высота водъ въ Днѣпрѣ, по „Своду нивелировокъ рѣкъ“ Тилло (1892), имѣетъ 42,8 саж. (а условнаго майскаго уровня даже 47 саж.), а на гипсометрической картѣ Полтавской губ., составленной тѣмъ же Тилло (S.-Petersbourg, 1892), высота для суши нѣтъ нигдѣ ниже 30 саж., даже у Орлика, т. е. въ самомъ южномъ теченіи Днѣпра въ описываемомъ районѣ. Слѣдовательно, чертежъ къ стр. 16 VII тома „Россіи“ вовсе не представляетъ собою точной копіи карты Тилло.

3) Какъ и раньше, такъ и послѣ разъясненій составителей „Россіи“ обычай „понеділкуванія“, а также союзы „парубоцтва“ и „мироносиць“ всетаки остаются непонятными.

4) Включеніе скота частныхъ владѣльцевъ въ итогъ скота крестьянскаго для характеристики обеспеченности одного крестьянскаго населенія—есть ошибка или недосмотръ.

5) Въ Малороссіи въ настоящее время нѣтъ бѣлорусскихъ грязныхъ курныхъ избъ, ибо даже въ описаніи Суражскаго уѣзда, составленномъ Есимонтовскимъ въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, онѣ упоминаются, какъ исключенія, или только какъ рѣдкіе пережитки.

6) Сопоставленіе американскихъ мустанговъ съ существовавшими когда-то южнорусскими тарпанами и колебаніе Брема, считать ли ихъ за дикихъ, или одичавшихъ лошадей, не даетъ основаній производить тарпановъ отъ лошадей печенѣговъ, половцовъ и татаръ: съ такимъ же основаніемъ можно утверждать, напр., что они—прямые потомки „бръзыхъ комоней“ „Слова о Полку Игоревѣ“.

7) Гравюры видовъ Полтавы (стр. 296), Чернигова (353)—не снимки съ новѣйшихъ фотографій, а воспроизведеніе старинныхъ рисунковъ, такъ какъ и базарная площадь, и Благовѣщенская улица въ Черниговѣ, и Петровская улица въ Полтавѣ въ настоящее время застроены совершенно другими зданіями.

Рецензентъ.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

На устройство школы имени Гл. И. Успенскаго въ д. Сябринахъ, Новгородской губ., поступило:

Отъ Т. Н. Тимофѣева—2 р.; доктора П. Я. М.—3 р.; А. Шошиной изъ Ломжи—4 р. 6 к.; М. Тригони—1 р.; NN изъ Казани (черезъ Московское отдѣленіе конторы)—250 р.; по духовному завѣщанію вдовы доктора медицины С. П. Бѣлоголовой отъ ея душеприказчиковъ, Н. А. Каблукова и В. М. Соболевскаго—2.000 р.

Итого . . . 2.260 р. 6 к.

А всего съ прежде поступившими 3.462 р. 6 к.

На приобрѣтеніе въ общественную собственность части усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда, для устройства тамъ школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти Н. А. Некрасова.

Отъ Т. Н. Тимофѣева—2 р.; доктора П. Я. М.—3 р.; М. Тригони—1 р.

Итого . . . 6 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 257 р. 70 к.

На устройство стипендіи имени Влад. Гал. Короленко:

Отъ подписчика „Русскаго Богатства“ № 2543—1 р. 50 к.; изъ Гуть—2 р.; М. Тригони—1 р.

Итого . . . 4 р. 50 к.

А всего съ прежде поступившими 23 р. 50 к.

О П Е Ч А Т К А.

Въ № 10 «Русскаго Богатства» фамилія автора разсказа «Метеорологическая станція» напечатана: А. КИПЕНЕВЪ. Надо: А. КИПЕНЬ.

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(41-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ОДПСКА на 1904 г.

Въ Москвѣ	На города	За границу
съ доставкой:	съ пересылкой:	съ пересылкой:
на 12 мѣсяц. 10 р.—к.	на 12 мѣсяц. 11 р.—к.	на 11 мѣсяц. 18 р.—к.
« 6 » 5 » 50 »	« 6 » 6 » — »	« 6 » 9 р.— »
« 3 » 3 » — »	« 3 » 3 » 50 »	« 3 » 4 » 80 »
» 1 » — »	« 1 » 1 » 20 »	« 1 » 1 » 90 »

„Русскія Вѣдомости“ выходятъ ежедневно листами большого формата съ приложеніемъ по мѣрѣ надобности добавочныхъ листовъ.

Для гг. подписчиковъ, zatrudняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка при непремѣнномъ условіи непосредственного обращенія въ контору газеты, а не чрезъ книжные магазины:

ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 р. и къ 1-му августа 3 р.; в) при подпискѣ 3 р., къ 1-му марта 3 р., къ 1-му іюня 3 р., къ 1-му сентября 2 р.

ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му марта 3 р., къ 1-му іюня 2 р., къ 1-му октября 2 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ, дальнѣйшая высылка газеты приостанавливается.

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, сельскихъ священниковъ, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ въ Москвѣ съ доставкой на 1 мѣс. 85 коп., въ другіе города, съ пересылкой на 1 мѣс. 1 руб., при условіи непосредственного обращенія въ контору газеты.

Гг. служащіе въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ при подпискѣ на годъ, черезъ посредство и за поручительствомъ казначеевъ, потребительныхъ обществъ или земскихъ книжныхъ складовъ, могутъ вносить подписную плату помѣсячно, не менѣе рубля въ мѣсяцъ впередъ.

Гг. подписчики благополучно обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву, въ контору „Русскихъ Вѣдомостей“ — Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ.

(Шестой годъ изданія).

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ П Р А В О

выходящую безъ предварительной цензуры, подъ редакціей пр.-доц. В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшемъ участіи І. В. Гессена, пр.-доц. А. И. Каминка, проф. В. Д. Кузьмина-Караваева, В. Д. Набокова и проф. Л. І. Петражицкаго, по прежней программѣ.

Годовые подписчики получаютъ въ качествѣ приложеній: Сборникъ рѣшеній кассационныхъ департаментовъ и общаго собранія І-го и кассационныхъ департаментовъ и кассационныхъ департаментовъ Правит. Сената и «Законодательный Вѣстникъ», въ которомъ будутъ помѣщены всѣ опубликованныя въ 1904 г.

общія узаконенія, подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ, и тѣ указы Пр. Сена-та и административныя распоряженія, которые представляютъ существенное значеніе для разъясненія смысла законовъ.

Редакция даетъ годовымъ подписчикамъ «Права» бесплатные отвѣты (въ количествѣ не болѣе 3-хъ) на юридическіе вопросы.

Въ «Правѣ» помѣстили статьи слѣдующія лица: К. К. Арсеньевъ, сенаторъ А. Л. Боровиковскій, А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ, проф. Берлинскаго ун. В. І. Борткевичъ, пр.-доц. Ф. А. Вальтеръ, М. М. Винаверъ, проф. А. К. Вульфъ, Л. В. Гантоверъ, М. И. Ганфманъ, сенаторъ А. Г. Гасманъ, пр.-доц. М. И. Гернетъ, пр.-доц. М. Я. Герценштейнъ, проф. А. Х. Гольмстенъ, проф. В. М. Гордонъ, пр.-доц. М. Б. Горенбергъ, О. О. Грузенбергъ, проф. А. Г. Гусаковъ, пр.-доц. Н. В. Давыдовъ, проф. Н. Л. Дювернуа, Г. Г. Евангуловъ, В. Б. Ельяшевичъ, проф. С. И. Живаго, проф. А. А. Жихиленко, проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій, Н. И. Іорданскій, проф. И. А. Ивановскій, сенаторъ А. Ѳ. Кони, баронъ С. М. Корфъ, Н. И. Кузнецовъ, Д. А. Левичъ, А. А. Леонтьевъ, Д. Д. Лобановъ, В. О. Люстихъ, проф. А. С. Лыкошинъ, пр.-доц. І. В. Михайловскій, пр.-доц. В. М. Нечаевъ, проф. П. И. Новгородцевъ, баронъ А. М. Нолькенъ, проф. С. А. Муромцевъ, М. И. Мышъ, В. А. Мякотинъ, проф. Берлинскаго ун. Dr. Oertmann, проф. М. Я. Пергаментъ, О. Я. Пергаментъ, пр.-доц. А. А. Пилленко, проф. А. А. Пюнтковский, П. А. Потѣхинъ, А. С. Пругавинъ, И. М. Рабиновичъ, М. А. Рейснеръ, Ѳ. И. Родичевъ, проф. Н. Н. Ровинъ, В. И. Семеновскій, В. Д. Спасовичъ, М. А. Стаховичъ, И. М. Страховскій, сенаторъ Н. С. Таганцевъ, Е. Н. Тарновскій, пр.-доц. В. М. Устиновъ, проф. И. Я. Фойницкій, Ж. В. Хижниковъ, проф. П. П. Цитовичъ, проф. Н. М. Цитовичъ, пр.-доц. И. Ф. Цызыревъ, пр.-доц. К. В. Шавровъ, пр.-доц. Л. В. Шалландъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, Гр. И. Шрейдеръ, Г. Н. Штильманъ, И. Г. Щегловитовъ, А. А. Эленбогенъ и др.

Поставивъ въ числѣ своихъ задачъ ознакомленіе читателей съ существующей судебною и судебно-административной практикою, а также разработку этой послѣдней, «Право» уделяетъ широкое мѣсто судебнымъ отчетамъ, а также разбору рѣшеній, приговоровъ и административныхъ постановленій, представляющихъ принципиальный интересъ. Отчеты о всѣхъ дѣлахъ, разсмотрѣнныхъ въ кассационныхъ департаментахъ Правительствующаго Сена-та, печатаются въ ближайшихъ послѣ засѣданій номерахъ.

Въ Справочномъ отдѣлѣ печатаются: Алфавитный списокъ лицъ несо-стоятельныхъ, ограниченныхъ и освобожденныхъ отъ ограниченія въ право-способности; алфавитные списки уничтоженныхъ довѣренностей; списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Прав. Сенатѣ, а также и резолюціи по заслу-шаннымъ въ Сенатѣ дѣламъ.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 руб. и къ 1 мая 3 р. Загра-ницу на годъ—10 р. Отдѣльныя номера продаются по 20 к.

Главная контора: С.-Петербургъ, Загородный пр., № 2. при юридиче-скомъ инимномъ складѣ «ПРАВО». Складъ высылаетъ всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги по вопросамъ правовѣдѣнія и обществовѣдѣнія. Подписчики «Права» пользуются при выпискѣ части. изданій скидкой въ размѣрѣ 5%. Каталоги—съ приложен. алф. указател.—бесплатно.

НОВАЯ КНИГА: Н. Кудринъ. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ. ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

Цѣна 1 р. 50 к.

Редакторы-Издатели: { Вл. Г. Короленко.
Н. Е. Михайловскій.

Довз. ценз. Сиб., 28 ноября 1903 г. Типографія Н. Н. Клубкова. Лиговская, 84.

J

210-7

AP
50
.R94

RUSSKOE BOGATSTVO
Nov., 1903

AP
50
.R94

Russkoe bogatstvo.
Nov., 1903

UNIVERSITY OF CHICAGO

78 797 923